ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2020. Т. 13. № 5

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:
история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство СМИ ПИ № ФС77-71236
Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2020
© Коллектив авторов, 2020

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:
History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)
The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.
Certificate of Registration ПИ No. ФС77-71236
Published six times a year.

Founding Institution, Editorial Board and Publisher:
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation),

Founding Institution, Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: https://kigiran.elpub.ru/jour

© Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2020
© Authors, 2020

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барея-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
д-р филол. наук *А. Бирталан*, Университет имени Лоранда Этвёша (Венгрия, г. Будапешт);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
проф. антропологии *К. Хэмфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*
Переводчик: *С. В. Джагрунов*
Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief
Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief
Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board
Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Dr. Prof. (Philol.) *A. Birtalan*, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol. and Hist.) *A. Burykin*, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Philol.) *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *G. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *S.-Kh. Syrtypova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Prof. Emeritus (Anthrop.) *C. Humphrey*, University of Cambridge (Cambridge. Britain);
Dr. Sc. (Philol.) *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryaeva*
Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*
Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

История

Бобров Л. А., Орленко С. П. «Шапка колмыцкая болшая» из собрания Музеев Московского Кремля 1184

Цюрюмов А. В., Тимофеева Е. Г., Курапов А. А., Лебедев С. В. История и культура калмыцкого народа в трудах членов Петровского общества исследователей Астраханского края в последней четверти XIX – начале XX вв. 1218

Надергулов М. Х., Игдавлетов И. С. К вопросу присоединения Средней Азии к России (обзор некоторых башкирских письменных источников второй половины XIX в.) 1234

Азаматова Г. Б, Роднов М. И., Фархшатов М. Н. Уфа — культурный центр мусульман Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: становление, развитие, наследие 1243

Башкуев В. Ю. Бурятия 1920-х гг. в путевом дневнике немецкого врача Карла Вильманса (1873–1945) 1256

Археология

Котов В. Г., Румянцев М. М., Гимранов Д. О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале: предварительные итоги археологических исследований 1271

Николаева Н. А., Сафронов А. В. «Северокавказский компонент» в керамике катакомбной культуры Калмыкии (происхождение и хронология) 1292

Очир-Горяева М. А. Социальные различия у носителей пазырыкской культуры 1310

Источниковедение

Ванчикова Ц. П. Тибето-монгольские традиции культа Майтреи в бурятском буддизме: освящение статуи Майтреи в Анинском дацане 1331

Этнология и антропология

Салмин А. К. Н. Я. Бичурин в поисках этнической идентичности 1339

Содномпилова М. М. Орографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии 1349

Айыжы Е. В., Монгуш А. М. Охотничьи традиции тувинцев. Этнографический аспект 1359

Намруева Л. В. Штрихи к портрету сельских территорий Калмыкии (по итогам научной экспедиции 2019 г.) 1371

Батырева С. Г. Живопись и графика П. И. Емчегировой 1930–1950-х гг. (по материалам музейных и частных коллекций) 1378

Лиджиева А. М. Парк культуры и отдыха «Дружба» в г. Элисте: формирование публичных пространств в городской среде 1389

Языкознание

Ишмухаметова А. Ш. Лексико-семантический анализ лексемы *балтырған* (с использованием материалов корпуса башкирского языка) 1406

Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. Е., Шаров А. В. Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках 1415

Крылов С. А. Структурно-вероятностная модель монгольской грамматики и измерение употребительности обобщённых грамматических единиц 1438

Гедеева Д. Б. О жанровом многообразии калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. 1446

Фольклористика

Убушиева Д. В. Воинские коллизии в раннем Багацохуровском цикле «Джангара» 1456

Селеева Ц. Б. Средства создания эпического образа синьцзянойратской версии «Джангара» 1465

Хакимьянова А. М. Словесно-поэтический репертуар башкирской свадьбы: прошлое и настоящее 1476

CONTENTS

History

Bobrov L. A., Orlenko S. P. '*Kalmyk Shapka Bolshaya*': An Oirat Helmet from the Moscow Kremlin Museums Collection 1184

Tsyuryumov A. V., Timofeeva E. G., Kurapov A. A., Lebedev S. V. Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Writings of Its Members on Kalmyk History and Culture, Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries 1218

Nadergulov M. Kh., Igdavletov I. S. Annexation of Central Asia to Russia Revisited: A Review of Some Mid-to-Late 19th-Century Bashkir Written Sources 1234

Azamatova G. B, Rodnov M. I., Farkhshatov M. N. Ufa — Cultural Center for Muslims of the Russian Empire, Late 19th – Early 20th Centuries: Formation, Development, Heritage 1243

Bashkuev V. Yu. Buryatia of the 1920s in the Travel Journal of German Physician Karl Wilmanns. 1256

Archaelogy

Kotov V. G., Rumyantsev M. M., Gimranov D. O. Middle Paleolithic Site of Imanai-1 Cave in the Southern Urals: Preliminary Results of Archaeological Investigations 1271

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. 'North Caucasian Component' in Catacomb Ceramics of Kalmykia: Cultural and Chronological Attribution 1292

Ochir-Goryaeva M. A. Burials of Pazyryk Culture: Social Differentiation 1310

Sources Studies

Vanchikova Ts. P. Tibetan-Mongolian Traditions of the Maitreya Cult in Buryat Buddhism: Consecration of the Maitreya Statue at Aninsky Datsan 1331

Ethnology & Anthropology

Salmin A. K. N. Ya. Bichurin: In Search of Ethnic Identity 1339

Sodnompilova M. M. The Secret History of the Mongols (Mongγol-un niγuča tobčiyan): Orographic Objects in the Context of Inner Asian Historical Geography. 1349

Aiyzhy E. V., Mongush A. M. Tuvan Hunting Traditions: An Ethnographic Perspective 1359

Namrueva L. V. Rural Territories of Kalmykia: Supplementary Perspectives (Summarizing Results of the 2019 Scientific Expedition) 1371

Batyreva S. G. Painting and Graphic Works of P. I. Emchegirova, 1930s–1950s: A Case Study of Museum and Family Collections . . . 1378

Lidzhieva A. M. Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista): The Shaping of Public Spaces in Urban Environment 1389

Linguistics

Ishmukhametova A. Sh. Lexical and Semantic Analysis of the Lexeme *baltyryan* 'Hogweed': Based on the Corpus of the Bashkir Language . 1406

Dybo A. V., Abubakirova L. F., Zimin M. M., Korovina E. V., Kochakaeva Z. K., Sharov A. V. Once Again about Allomorphism of the Plural *-lar* in Turkic Languages 1415

Krylov S. A. Structural-Probabilistic Model for Mongolian Grammar and Measurement of Frequency Use of Generalized Grammatical Units 1438

Gedeeva D. B. Kalmyk Official Writing, 17th-19th Centuries: Genre Diversity Revisited 1446

Folklore Studies

Ubushieva D. V. Baga-Tsokhor Cycle of the *Jangar*: Military Collisions Reviewed 1456

Seleeva Ts. B. Xinjiang Oirat Version of the *Jangar* and Its Epic Images: Means of Artistic Expression. 1465

Khakimyanova A. M. Verbal and Poetic Repertoire of the Bashkir Wedding: Past and Present. 1476

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1184–1217, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 623.445.2; 903.22
DOI 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217

«Шапка колмыцкая болшая» из собрания Музеев Московского Кремля

Леонид Александрович Бобров[1], *Сергей Павлович Орленко*[2]

[1] Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

[2] Музеи Московского Кремля (Кремль, 103132 Москва, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-1219-8400. E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Бобров Л. А., Орленко С. П., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен шлем, хранящийся в фондах Музеев Московского Кремля, упомянутый в документах Оружейной Палаты последней четверти XVII в. как «Шапка колмыцкая болшая» (современный инвентарный номер: ОР-2059). Ранее наголовье уже привлекало внимание художников и историков, однако ни разу не становилось объектом отдельного научного исследования. *Цель исследования* — дать описание конструкции и оформления шлема, уточнить датировку и атрибуцию, реконструировать возможный первоначальный вид наголовья. *Результаты.* По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепанных, по форме купола — к типу сфероцилиндрических. Установлено, что шлем входит в состав группы ойратских сфероцилиндрических («кувшинообразных», «вазообразных») наголовий позднего Средневековья и раннего Нового времени. Весьма вероятно, что мастера, изготовлявшие данные шлемы, вдохновлялись образом буддийской ступы. Особенности конструкции, оформления (в том числе наличие на тулье шлема буддийской символики), а также анализ служебной документации Оружейной Палаты позволяют предположить, что «Шапка колмыцкая болшая» была выкована ойратскими или южносибирскими оружейниками для состоятельного ойратского воина-буддиста в 1610-х – начале 1680-х гг. (нижняя граница возможной даты изготовления обусловлена началом широкого распространения буддизма среди ойратов). Шлем была передан в Оружейную Палату в середине – второй половине XVII в., но не позднее 1682 г., когда он впервые упоминается в русской служебной документации. В 1683–1687 гг. наголовье было снабжено подшлемником и бармицей

(предположительно центральноазиатского образца). Впоследствии шлем становился объектом реставрационных работ. Не ранее конца XIX – начала XX в. к нему была подвешена кольчатая бармица. Комплексный анализ источников позволил реконструировать возможный первоначальный вид изучаемого шлема. *Выводы.* «Шапка колмыцкая болшая» представляет собой яркий образец ойратских шлемов XVII в. Она может использоваться в качестве эталона при датировке и атрибуции шлемов населения Центральной Азии указанного периода. В культурном плане «Шапка колмыцкая болшая» может быть отнесена к одной из важных исторических реликвий калмыцкого народа.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, джунгары, ойратские шлемы, калмыцкие шлемы, «шапки калмыцкие»

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Орленко С. П. «Шапка колмыцкая болшая» из собрания Музеев Московского Кремля // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1184-1217. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217

UDC 623.445.2; 903.22
DOI 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217

'*Kalmyk Shapka Bolshaya*': An Oirat Helmet from the Moscow Kremlin Museums Collection

Leonid A. Bobrov[1], *Sergei P. Orlenko*[2]

[1] Novosibirsk State University (1, Pirogov St., Novosibirsk 630090, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Associate Professor
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

[2] Moscow Kremlin Museums (Kremlin, Moscow 103132, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-1219-8400. E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Bobrov L. A., Orlenko S. P., 2020

Abstract. *Introduction.* The article explores a helmet of the last quarter of the 17th century stored in the Moscow Kremlin Museums collection and mentioned in the Armory Chamber's documents as '*Kalmyk shapka bolshaya*' (Russ. 'big Kalmyk cap'; current inventory no. OP-2059). Previously, the helmet attracted the attention of artists and historians but has never been investigated in an independent scholarly study. *Goals.* The work seeks to describe the construction and design of the helmet, clarify the dating and attribution, reconstruct its potential original appearance. *Results.* Analysis of the materials used classifies the helmet as an iron object, that of the design of the crown refers it to riveted ones, and the dome crown shape clusters the item with spherocylindrical helmets. The paper specifies that the helmet is integral to the Oirat spherocylindrical helmet group ('jug-shaped', 'vase-shaped') of the Late Middle Ages and early Modern Period. Supposedly, the craftsmen to have made such helmets were inspired by Buddhist stupas (Kalm. *suburgan*). The construction and design features (including Buddhist symbols on the crown), as well as the insight into official documents of the Kremlin Armory make it possible to suggest that the 'Big Kalmyk Cap' was forged by Oirat or Southern Siberian gunsmiths for a wealthy Oirat Buddhist warrior in the 1610s – early 1680s (the earlier date is included as one to mark the beginning of the wide spread of Buddhism among Oirats). The helmet was transferred to the Armory Chamber in the mid-to-late 17th century, however no later than 1682 when it was first mentioned in official Russian state papers. In 1683–1687, the helmet was

equipped with a comforter and an aventail (presumably a Central Asian-type one). Subsequently, it became a subject of restoration. In the late 19th – early 20th century at the earliest, a ringed aventail was attached to it. The comprehensive analysis of the sources available made it possible to reconstruct the likely initial appearance of the helmet. *Conclusions.* The 'Big Kalmyk Cap' is a striking sample of 17th-century Oirat helmets. It can be used as a reference benchmark in the dating and attribution of Central Asian helmets of the specified period. Culturally, the 'Big Kalmyk Cap' can be clustered with the most important historical relics of the ethnos.

Keywords: Oirats, Kalmyks, Dzungars, Oirat helmets, Kalmyk helmets, *Kalmyk shapkas*

Acknowledgements. The reported study was funded by state assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Orlenko S. P. '*Kalmyk Shapka Bolshaya*': An Oirat Helmet from the Moscow Kremlin Museums Collection. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1184–1217. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1184-1217

Введение

Одной из важных причин успешных военных кампаний джунгар, волжских и «чакарских» калмыков, хошутов Кукунора против их противников в Центральной Азии, Южной Сибири и Восточной Европе в XVII в. было наличие в ойратских войсках достаточно многочисленных контингентов панцирной («куяшной») конницы, способной эффективно сражаться как в дистанционном, так и ближнем бою [Бобров, Худяков 2008: 353–366; 567–600; Бобров 2014: 243–247; Бобров, Рюмшин 2015: 370–374]. В настоящее время образцы ойратского защитного вооружения (корпусные панцири, шлемы, мисюрки, наручи, дополнительные защитные детали и др.) хранятся во многих российских и иностранных музейных и частных собраниях. Выявление, систематизация и всесторонний анализ этих предметов представляет собой актуальную научную задачу. Особую ценность в данной связи имеют шлемы ойратского и южносибирского производства, хранящиеся в фондах Оружейной Палаты Московского Кремля[1], названные царскими чиновниками «шапками калмыцкими» [Опись 1884: 35–39, 54][2]. Их высокая научная ценность обусловлена не только хорошей сохранностью, но и тем фактом, что в русской служебной документации XVII в. часто содержатся сведения о времени поступления и (или) начальных этапах хранения указанных наголовий в различных учреждениях Российского государства [Бобров, Орленко 2017: 128, 134]. Таким образом, «шапки калмыцкие» из собрания Оружейной Палаты представляют собой своеобразный эталон при датировке и атрибуции ойратских шлемов, происходящих из числа случайных находок и обнаруженных в ходе археологических раскопок в Поволжье, Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Орленко 2017: 128, 134].

Среди серии «шапок калмыцких» в собрании ММК выделяется высокий и комплектный сфероцилиндрический шлем (инв. номер ОР-2059), обозначенный в материалах проверки Большой Государевой

[1] В настоящее время Оружейная Палата организационно входит в состав Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль», государственного музейного учреждения «Музеи Московского Кремля» (далее — ММК).

[2] В русском языке середины XVI–XVII вв. термин «шапка» в сфере защитного вооружения имел два основных значения. В узком смысле под ним понимали низкие шлемы преимущественно сфероконической и полусферической формы. В широком значении термин «шапка» мог использоваться как синоним боевого наголовья вообще [Ленц 1895: 44; Историческое описание… 2008: 29; Шиндлер 2016: 177–181; Шиндлер 2018: 167–169, 171–173, 178].

Рис. 1. «Шапка колмыцкая болшая». 10-е – начало 80-х гг. XVII в. (до 1682 г.). Железо: ковка, гравировка, канфарение, клепка. Музеи Московского Кремля (инв. номер: ОР-2059). Фото С. В. Баранова

[*Fig. 1.* "Big Kalmyk shapka". Oiratia or South Siberia, 10th – early 80s. XVII century (until 1682). Iron: forging, engraving, riveting. Moscow Kremlin Museums, OR-2059. Photo by S. V. Baranov]

Казны 1682 г. как «Шапка колмыцкая болшая» (рис. 1). Несмотря на то, что изображения и краткие описания наголовья уже публиковались в отечественных и зарубежных изданиях, о чем сказано ниже, оно еще ни разу становилось объектом отдельного научного исследования. Целью настоящей статьи является детальное описание конструкции и системы оформления шлема ОР-2059, уточнение его датировки и атрибуции, а также реконструкция возможного первоначального внешнего вида наголовья.

Материалы и методы

Методологическим основанием исследований по изучению защитного вооружения (в том числе боевых наголовий) народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени являются принципы историзма, объективности, а также системный подход. Последний состоит в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу отдельные предметы и комплексы защитного вооружения изучаются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружиеведческих работах, посвященных изучению боевых наголовий, традиционно применяются классификационный, морфологический, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапах художественной и предметной научно-исторической реконструкции возможного первоначального вида шлема используется комплексный подход, основанный на сопоставлении вещественных, письменных и изобразительных источников [Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019: 7, 8].

Основная часть

Рассмотрим историю изучения шлема ОР-2059, особенности его конструкции и системы декоративного оформления, а также вопросы датировки и атрибуции.

История изучения «Шапки колмыцкой болшой» (ОР-2059)

Вероятно, самым ранним цветным изображением интересующего нас наголовья является рисунок выдающегося российского художника, академика исторической живописи Ф. Г. Солнцева (1801–1892). Он был подготовлен еще в первой половине XIX в. для публикации в фундаментальном издании «Древности Российского Государства» [Древности 1853 [Альбом]: рис. 27]. Шлем изображен в четырех проекциях: вид спереди, слева, сверху и снизу [Броня 2015: 31; Бобров, Орленко 2020: 282]. Необходимо отметить, что цветной рисунок исполнен весьма тщательно, с соблюдением основных пропорций и конструктивных элементов наголовья. Среди деталей, в силу различных причин не зафиксированных художником, следует упомянуть вырезы на боковых лопастях «щитка» козырька, гравированные рисунки и орнаменты на тулье и обруче «шапки калмыцкой» и др. Кроме того, не совсем точно передана форма бутонообразных насадок на подверщии шлема. В то же время, несмотря на указанные недочеты, рисунок Ф. Г. Солнцева на протяжении длительного времени оставался наиболее подробным и точным изображением рассматриваемого наголовья.

Необычная сфероцилиндрическая форма тульи «Шапки колмыцкой болшой», увенчанная высоким ярусным навершием, привлекла внимание и другого российского исследователя XIX в. — А. Ф. Вельтмана (1800–1870). При подготовке книги «Московская Оружейная палата», изданной в 1844 г., он посчитал необходимым изобразить на одной из ее иллюстраций и интересующее нас наголовье [Вельтман 1844: после с. 82; Бобров, Орленко 2020: 284]. Однако стремление разместить на одном рисунке как можно больше образцов защитного вооружения привело к тому, что художник поместил сфероцилиндрический шлем лишь в третий ряд изображаемых предметов.

В результате зритель может видеть лишь верхнюю часть тульи «шапки колмыцкой» с круглым подвершием, бутонообразными насадками и трубкой-втулкой для плюмажа [Вельтман 1844: после с. 82; Бобров, Орленко 2020: 284]. При этом некоторые пропорции и детали изображения были искажены художником. Во второе издание «Московской Оружейной палаты» данный рисунок уже не вошел [Вельтман 1860: 214].

Во второй половине XIX в. Л. П. Яковлев систематизировал документы Оружейной Палаты и предложил свою атрибуцию рассматриваемого в настоящей статье наголовья. Он датировал его XVI в. и определил как «шапку калмыцкую»: «4419[3]. ШАПКА КАЛМЫЦКАЯ XVI ВЕКА. Железная; колпак состоит из восьми выгнутых железных пластинок, скрепленных гвоздями; навершье плоское, круглое, край, загнутый тремя городками, прикреплен к колпаку четырьмя барашками; подвершья — толстая железная, высокая трубка, к верху восьмигранная и с раструбом; по длине трубки шесть поясков, венец плоский, гладкий, прикреплен к колпаку железными гвоздями, по венцу было канфарено; на нем десять скважин, для прикрепления затылка, наушей и бармицы, которых нет; полка гладкая, коробчатая, весу 2 фун<та> 85 золотников…» [Опись 1884: 36]. По мнению Л. П. Яковлева, указанная «шапка калмыцкая», а также другой сфероцилиндрический шлем из собрания Оружейной Палаты (инв. номер ОР-4645) были близки шлемам воинов Цинской империи XIX в.: «Эти шапки, названныя, согласно со старыми описями, Калмыцкими, близко подходят видом и очертанием своим к шапкам китайскаго войска новейшаго времени» [Опись 1884: 37]. Текст Л. П. Яковлева был проиллюстрирован черно-белой фотографией «большого» шлема (ОР-2059) в анфас, отпечатанной в технике фототипии (для определения размеров в кадре присутствует масштабная линейка). Компанию «шапке колмыцкой» на фотографии составили два русских цельнокованых «шелома» [Рисунки 1884: табл. 343].

Спустя почти столетие, в 1979 г., М. В. Горелик использовал шлем ОР-2059 из Оружейной палаты для реконструкции внешнего облика монгольского воина XVII в. Наголовья рассматриваемого образца он обозначил как шлемы «вычурной формы» [Горелик 1979: 97, рис. 4, 99].

В 2003 г. Л. А. Бобровым и Ю. С. Худяковым была опубликована статья, посвященная боевым наголовьям кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII вв. В числе прочих в статье были приведены прорисовки рассматриваемого шлема из собрания Оружейной Палаты (в двух проекциях), описаны особенности его конструкции и оформления, указаны основные размеры, а также введен и обоснован новый тип клепаных наголовий центральноазиатского образца — «сфероцилиндрические шлемы» [Бобров, Худяков 2003: 144, 145, 153, табл. 3, рис. 3][4]. На основании типологического анализа наголовье было атрибутировано как монгольский (ойратский, джунгарский) шлем и датировано XVI–XVII вв. [Бобров, Худяков 2003: 145, 155]. Комплексный анализ источников позволил реконструировать возможный покрой и структуру бронирования бармицы, защищавшей уши и шею воина, а также особенности ношения и украшения шлемов подобного типа [Бобров, Худяков 2003: 154, табл. 4, рис. 1].

В монографии 2008 г. «Вооружение и тактика кочевников в Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.)» Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков вновь вернулись к изучению «Шапки колмыцкой болшой». Прежнее описание было расширено, а количество прорисовок проекций шлема увеличено до четырех. Наголовье было атрибутировано как ойратский сфероцилиндрический шлем и датировано концом XVI–XVII в. [Бобров, Худяков 2008: 443, 444, 461, рис. 191, *2*]. Было установлено, что шлемы указанной конструкции не являлись редкой оружейной экзотикой, а имели определенное распространение среди ойратских воинов позднего Средневековья и раннего

[3] 4419 — инвентарный номер «Шапки колмыцкой болшой» в 1884 г. Современный инв. № ОР-2059.

[4] Наряду с указанным термином, применяемым в рамках формально-типологической классификации, авторы предложили и другие (условные) названия рассматриваемого типа наголовий: «кувшинообразные», «вазообразные» шлемы [Бобров, Худяков 2003: 144, 145].

Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 440–445, 459–461, 722, 725].

В 2006 г. американский исследователь Д. ЛаРокка использовал рисунок Ф. Г. Солнцева «Шапки колмыцкой болшой» для датировки сфероцилиндрического шлема из собрания музея искусств «Метрополитен» (г. Нью-Йорк, США). Ученый предположил, что изучаемое им наголовье происходит из Западного Тибета или Центральной Азии и может быть датировано XIV–XVI вв. [LaRocca 2006: 88, 89].

Таким образом, шлем ОР-2059 из собрания ММК неоднократно привлекал внимание российских и зарубежных исследователей. Однако цветные фотографии «Шапки колмыцкой болшой» ранее не публиковались. Кроме того, как было отмечено выше, данный шлем еще не становился объектом отдельного научного исследования, а изучался наряду с другими боевыми наголовьями кочевников Центральной Азии и Южной Сибири.

«Шапка калмыцкая болшая» в собрании Оружейной Палаты Московского Кремля

К сожалению, достоверно установить обстоятельства и время поступления интересующего нас наголовья в Оружейную Палату на основании имеющихся письменных источников в настоящее время не представляется возможным. Однако данный артефакт уже находился в собрании на момент проверки Большой Государевой Казны в 1682 г. Наиболее вероятно, что шлем поступил в царское хранилище в середине XVII в. вместе с другими «шапками калмыцкими», присланными из Центральной Азии и Сибири [Бобров, Орленко 2020: 286–293].

Описи Оружейной Палаты последней четверти XVII–XIX вв. позволяют проследить состояние и комплектность изучаемого сфероцилиндрического шлема на протяжении указанного периода.

Рассматриваемый шлем особо отмечен при проверке Большой Государевой Казны в 1682 г. В Переписной книге 1687 г. он упомянут в главе «Шапки Немецкие и Калмыцкие» под № 6 и описан следующим образом: «Шапка колмыцкая болшая, с трубкою, доски сшиваны гвоздьем[5], по венцу канфарено[6], полка гладкая[7]. Невооружена»; «А по нонешней переписи 195 (1687) году и по осмотру та шапка против прежних переписных книг (1682 года. — *Авт.*) сошлась, а по осмотру та шапка вооружена. Цена полтина» [Опись 1884: 36]. Данные сведения указывают на то, что в 1682 г. наголовье не имело подшлемника и бармицы (то есть была «невооружена»), которые были добавлены к шлему не позднее 1687 г. Описание «Шапки колмыцкой болшой», сделанное в 1682 г., стало базовым для реестров Оружейной Палаты следующего столетия. Со временем описание конструкции наголовья в служебной документации становилось более лаконичным, но, тем не менее, хорошо узнаваемым.

В описи 1701 г. шлем упомянут в главе «Шапки Немецкие и Колмыцкие» под № 6: «Шапка калмыцкая большая с трубкой. Доски сшиваны гвоздьем. По венцу канфарено. Полка глатkая. Невооружена[8]. Цена полтина» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 937. Опись ОП 1701 г. Л. 233].

[5] То есть пластины тульи шлема («доски») соединены заклепками («гвоздями»).

[6] Канфарение — украшение поверхности металлического предмета равномерно расположенными мелкими точками, штрихами, линиями и т. д. с помощью особых чеканов или пуассонов. В рассматриваемом случае фон гравированного рисунка на обруче («венце») шлема украшен канфарением в виде множества точек.

[7] Термин «полка», в данном случае, использован, как синоним слова «козырек». При более подробном описании подобных «коробчатых» (объемных) козырьков могли выделяться его два основных конструктивных элемента — «полка» и «щиток».

[8] Здесь, возможно, авторами описи была допущена ошибка (автоматически повторенная в реестре 1711 г.), так как в описи 1727 г. упоминается, что указанный шлем, к этому времени, лишился «одного наушня и подкладки кумашной» (см. ниже), то есть в этот период «вооружение» наголовья (пусть и частично), было еще в наличии. Не исключено, что фразу «Невооружена» в описях 1701 и 1711 гг. следует понимать, как неполное оснащение (т. е. отсутствие некоторых органических и металлических элементов) шлема, которое и было более подробно зафиксировано в 1727 г. В противном случае придется предположить, что «вооружение» шапки, отмеченное в 1687 г. исчезло к 1701 г., а затем было частично добавлено (восстановлено?) между 1711–1726 гг. Однако последняя версия, представляется все же маловероятной.

В описи 1711 г. описание наголовья помещено в главу ««Шапки немецкие и калмыцкие» под № 18: «Шапка калмыцкая большая с трубкою. Доски сшиваны гвоздьем. По венцу канфарено. Полка глатkая. Невооружена. Цена 16 алтын 4 деньги. А по нынешнему осмотру сходно» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 939. Опись ОП 1711 г. Л. 306, 306об.].

В описи 1727 г. наголовье записано уже среди «Шапок ерихонских» под тем же № 18 с отметкой: «…одного наушня и подкладки кумашной нет» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1243. Опись ОП 1727 г. Л. 681об.]. Сами данные описи 1727 г. представлены в виде таблицы. В левом столбце приведены сведения 1711 г., а в правом — результаты осмотра шлема:

Опись	Осмотр
18 Шапка калмыцкая большая с трубкою Доски сшиваны гвоздьем. По венцу канфарено. Полка глатkая. Невооружена. Цена шеснатцать алтын четыре деньги. А по нынешнему осмотру сходно.	Есть [в наличии] А ныне по осмотру одного наушня и подкладки кумашной нет.

В описи 1746 г., также составленной в виде таблицы, рассматриваемый шлем включен в главу «Шапки Ерихонские» под № 18 в числе прочих наголовий со специальной отметкой «погорели» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1252. Опись ОП 1746 г. Л. 385].

18 Шапка калмыцкая большая с трубкою. Доски сшиваны гвоздьем. По венцу канфарено. Полка глатkая. Невооружена. Бес подкладки. У ней один наушник. Цена пятьдесят копеек.	[Погоре]ли[9]

Это указывает на то, что шлем в числе прочих «шапок калмыцких» стал жертвой знаменитого пожара 1737 г. По мнению Л. П. Яковлева, именно в этот момент «шапки калмыцкие» лишились своих органических элементов: «В настоящее время наушников и бархата нет; их уничтожил пожар 1737 года; в котором эти шишаки обгорели; невозможность отчистить нагар и желание предохранить от ржавчины, вероятно, были причиною того, что некоторые из шишаков, окрашены черною масляною краскою; когда произведена эта окраска, из дел Архива не видно» [Опись 1884: 38, 39].

В описи 1780 г.[10] исследуемый шлем указан в главе «Шапки», в разделе «Калмыцкие» под двумя номерами: № 150 и № 14. Подобная нумерация обусловлена спецификой документа, оформленного в виде таблицы из нескольких столбцов. В первом столбце указывался общий порядковый номер предмета[11]. Во втором — номер предмета в данной главе. В третьем — номер листа в описи 1746 г. Наконец, в четвертом столбце помещалось крайне лаконичное описание шлема [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1255. Опись ОП 1780 г. Л. 23].

[9] На листах с описаниями шапок калмыцких с листа 384об. в правом столбце проставлено по слогам: «/По / го/ ре/ ли/» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1252. Опись ОП 1746 г. Л. 384об.]. Кроме того, на следующем листе «385» поверх оригинальной рукописи 1746 г. карандашом проставлен номер шлема «5587», под которым наголовье вошло в опись 1835 г. [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1252. Опись ОП 1746 г. Л. 385].

[10] Л. П. Яковлев или (более вероятно) издатели описи Оружейной Палаты 1884 г. ошибочно датировали этот документ 1773 г. [Опись 1884: 36]. При описании других вещей этот же реестр на соседних страницах издания 1884 г. датируется уже 1775 г. [Опись 1884: 37]. То есть датировка упомянутой описи 1773 годом в издании 1884 г. является явной опечаткой.

[11] Нумерация шлемов в описи 1783 г. начинается не с главы «Шапки», как это было в более ранних реестрах XVIII в., а с предшествующей главы «Шишаки».

Рис. 2. «Шапка колмыцкая болшая». Вид спереди. Фото С. В. Баранова

[*Fig. 2.* “Big Kalmyk shapka”. Front view. Photo by S. V. Baranov]

Рис. 3. «Шапка колмыцкая болшая». Вид слева. Фото С. В. Баранова

[*Fig. 3.* “Big Kalmyk shapka”. Left view. Photo by S. V. Baranov]

1150	114	385	Большая с трубкою. Доски обиты гвоздьми. 50 коп.

В описи 1808–1810 гг.[12] шлем упомянут под № 6518 и впервые описан достаточно подробно: «Шапка стальная, имеющая вид церковной главы, состоящая из восьми выгнутых дощечек, скрепленная изредка стальными ж гвоздиками. По низу соединены стальным ободом с порезкою[13], к коему прикреплен пятиугольный щиток или козырек. А на верхнем конце наложена стальная коробка с вырезанными городами краями[14]. На средине ее высокая трубка, прикрепленная посредством четырех винтов» [РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4009 (Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты 1808 г.). Л. 489об.–490].

В описи 1835 г. шлем упомянут под № 5587. Описание в целом повторяет реестр 1808 г., но с некоторыми описками и уточнениями. К числу последних можно отнести переименование подвершия шлема из «коробки» в «крышку»: «Шишак стальной, сделанный на подобии церковной клавы[15], состоящий из осьми выгнутых дощечек, склепанных стальными гвоздиками. По низу сии соединены стальным с порезкою ободом, к коему прикреплен пятиугольный щиток. На верху же наложена стальная с вырезанными городами краем крышка. На средине коей находится прикрепленная к доскам посредством четырех винтов высокая трубка» [ОРГПФ ММК. Ф. 1 Оп. 1. Д. 6 (Опись вещам Московской Оружейной палаты, составленная в 1835-м году). Л. 631. № 5587].

Определенный интерес представляет описание шлема, представленное в описи 1861 г., в котором наголовье значится под № 3768. Составителем разделов, посвященных защитному вооружению (как и в последующей знаменитой описи 1884 г.) был упоминавшийся выше Л. П. Яковлев. В 1861 г. он не только подробно описал конструкцию наголовья, но и впервые попытался сопоставить сфероцилиндрические «шапки калмыцкие» с известными ему цинскими шлемами. Наличие исправлений (зачеркивание отдельных слов) рукописи показывает, что исследователь отказался от полного отождествления «шапок калмыцких» с дальневосточными аналогами, а также усомнился в первоначальной версии об использовании подобных шлемов в современных ему цинских кавалерийских подразделениях: «Колпак состоит из осьми вогнутых железных пластинок, скрепленных гвоздями; навершие плоское круглое, край, загнутый тремя городками, прикреплен к колпаку четырьмя барашками, головки которых зделаны в виде четырехугольных призмен (зачеркнуто. — *Авт.*) трапецоидов; навершие — толстая железная высока трубка поверху раструбом (зачеркнуто. — *Авт.*) осьмигранным раструбом; по длине трубки шесть поясков; венец плоский гладкий, прикреплен к колпаку железными гвоздями, по венцу было канфарено; на нем десять скважин для прикрепления затылка, наушей и бармицы, которых нет; полка гладкая коробчатая; весу 2 ф. 85 з. … Эти шапки названы согласно со старыми описями «Калмыцкими» — имеют совершенно (зачеркнуто. — *Авт.*) близко подходят видом и очертанием к шапкам которые употребляются (зачеркнуто. — *Авт.*) Китайской кавалерией» [ОРГПФ ММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16 Опись Оружейной палаты (знамена и оборонительное оружие). Ч. 3 гл. II (Шлемы, шишаки…) Составитель Л. Яковлев. Л. 98об., 100об.]. Как мы уже видели выше, в дальнейшем, при работе над текстом описи 1884 г., Л. П. Яковлев, хотя и не отказался от указания на типологическую близость сфероцилиндрических «шапок калмыцких» с «шапками китайского войска новейшаго времени», но высказал эту позицию уже более осторожно [Опись 1884: 37].

Таким образом, на протяжении последней четверти XVII–XIX вв. рассматриваемое сфероцилиндрическое наголовье дополнялось различными конструктивными элементами (пластинчато-нашивной или

[12] Также известна как опись Оружейной палаты 1808 г.

[13] Вероятно, имеется в виду гравированный узор на обруче шлема.

[14] Речь идет о подвершии шлема, стенки которого оформлены остроугольными фестонами, названными автором Описи 1808–1810 гг. «городами».

[15] Так в тексте описи 1835 г.

стеганой бармицей, состоявшей из «наушней» и, возможно, назатыльника, а также «подкладкой кумашной», т. е. подшлемником), становилось объектом реставрационных работ (часть заклепок на тулье заменена). Однако проведенный осмотр, а также сопоставление шлема с его описаниями XVII–XIX вв. и изображениями XIX в. показали, что интересующая нас «шапка колмыцкая» сохранила оригинальные пластины тульи и основные конструктивные элементы, присутствовавшие в ее первоначальной комплектации, что позволяет провести всесторонний типологический анализ шлема.

Описание конструкции и системы оформления «Шапки колмыцкой болшой» (ОР-2059, старый инвентарный номер — 4419)

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепанных, по форме купола — к типу сфероцилиндрических. Общая высота наголовья 49,5 см. Высота полусферической части тульи около 16 см, примерно ту же высоту имеет и цилиндрическая часть купола шлема. Диаметр лобно-затылочный 21,5 см, височный 22 см. Толщина пластин тульи 0,6–0,8 мм, толщина обруча 1,4–1,6 мм. Вес шлема (без кольчатой бармицы) составляет 1,18 кг (рис. 2–5).

Тулья шлема склепана из восьми S-образных в сечении пластин-секторов — четырех основных и четырех накладок, которые по своим размерам практически не уступают основным пластинам (ширина у обруча около 8,5 см, у подвершия около 3,5 см). Накладки имеют удлиненно-трапециевидную, а основные пластины-сектора — удлиненно-подтреугольную форму. Их заостренные, снабженные отверстиями, лопасти изогнуты почти под прямым углом и служат в качестве подложки-основания крышкообразного подвершия наголовья (рис. 6). Благодаря подобному технологическому приему, а также S-образному сечению пластин тульи шлем в собранном виде приобретает ярко выраженный сфероцилиндрический силуэт (рис. 2–5)[16]. Каждая пластина-накладка незначительно перекрывает края двух соседних пластин и соединяется с ними при помощи двух пар железных заклепок (рис. 2–6).

На поверхности тульи зафиксированы механические повреждения в виде пробоин, проломов и вмятин, приведших к деформации пластин купола наголовья. Особенно сильно пострадала затылочная часть тульи (рис. 4, 5). Некоторые повреждения могут быть предварительно атрибутированы как следы дробящих ударов.

Осмотр тульи показал, что поверхность шлема была украшена различными изображениями, выполненными в технике гравировки и канфарения. Так, в частности, на налобную пластину нанесен рисунок, к сожалению, сильно затертый и трудно различимый (рис. 7)[17]. Его детальное изучение помогло восстановить указанное изображение (рис. 8) и атрибутировать его как одну из традиционных форм символического изображения Триратны (тиб. *dkon mchog gsum*) — Трех драгоценностей буддийской доктрины: Будды, Дхармы и Сангхи [Бобров, Худяков 2008: 440, 441; Bobrov et al. 2017: 1159]. В месте перехода тульи шлема из полусферической в цилиндрическую пластины купола пересекает орнаментальная полоса, представляющая собой цепь гравированных ромбических фигур, внутреннее пространство которых заполнено канфарением в виде множества мелких точек (рис. 7, 8).

Дополнительным фиксатором пластин тульи является широкий составной железный обруч, опоясывающий шлем по его нижнему краю (ширина 5,4–6 см). Обруч склепан из двух частей: короткой (на правой затылочной части шлема) и длинной. Элементы обруча соединяются между собой с помощью трех железных заклепок с округлыми шляпками (рис. 4, 5). Основу узора на обруче шлема формирует популярный в Центральной Азии геометрический меандрообразный орнамент (монг. *алхан хээ*), нанесенный в технике гравировки. Фон рисунка заполнен канфарением (рис. 7, 8). Основное изображение обрамляют двойные ряды гравированных полукруглых фестонов, возможно представляющие собой сти-

[16] S-образный изгиб пластин купола настолько силен, что диаметр полусферической части тульи наголовья визуально превышает диаметр обруча шлема.

[17] По данной причине он не был зафиксирован на рисунках шлема XIX – начала XXI вв.

Рис. 4. ««Шапка колмыцкая болшая». Вид справа. Фото С. В. Баранова

[*Fig. 4.* “Big Kalmyk shapka”. Right view. Photo by S. V. Baranov]

Рис. 5. ««Шапка колмыцкая болшая». Вид сзади. Фото С. В. Баранова

[*Fig. 5.* “Big Kalmyk shapka”. Back view. Photo by S. V. Baranov]

лизованное изображение лепестков лотоса (см. ниже). Ближние к центральному рисунку ряды фестонов гладкие, дальние проканфарены (покрыты точечным орнаментом).

К налобной части обруча прикреплен массивный «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пятиугольной «полки» и вертикального «щитка» с тремя ребрами жесткости (рис. 2–4, 7, 8). Козырек крепится к тулье с помощью железных заклепок, вбитых в боковые лопасти «щитка», которые украшены небольшими остроугольными вырезами. Длина козырька 22 см, ширина «полки» 2,7 см, ширина (высота) «щитка» по центру 3,2 см (рис. 2, 7). Вдоль нижнего края обруча пробиты десять сквозных отверстий, предназначенных для крепления бармицы (рис. 2–5).

Венчает шлем комбинированное навершие, состоящее из подвершия, трубки-втулки для плюмажа и четырех бутонообразных насадок (рис. 2–5, 9).

Подвершие (пластина-основание навершия) имеет «крышкообразную» форму. Высота подвершия 0,8–0,9 см, диаметр 8 см. Вертикальный железный бортик украшен остроугольными фестонами (рис. 2–5). По центру подвершия пробито сквозное отверстие, в которое вставлена трубка-втулка для плюмажа (высота 17,5 см, диаметр в нижней, центральной и верхней части — 1,9, 1,5, 1,9 см соответственно). Втулка украшена шестью уплощенными «яблоками» перемежающихся выпуклыми поясками, покрытыми мелкой насечкой. Три «яблока» расположены в основании втулки, одно — в центре и два — в ее верхней части. Пояски дополнены «манжетами», поверхность которых покрыта гравированными остроугольными фестонами (рис. 5). Восьмигранный раструб трубки (высота 2,5 см, диаметр 2,4 см) выполнен в виде распускающегося цветочного бутона, вероятно, символизирующего четырех- или восьмилепестковый лотос (тиб. *pad ma*) [Бир 2013: 28–30; Бобров, Зайцев, Орленко 2017: 220].

Наряду с втулкой в подвершие вставлены четыре бутонообразные насадки (высота 1,7–2,0 см), которые соединяют навершие с пластинами тульи шлема (рис. 9). Кроме сугубо функциональных задач, насадки несут и определенное символическое значение. Форма бутонов позволяет предположить, что они, как и плюмажная трубка, олицетворяют собой образы цветков лотоса [Бобров, Зайцев, Орленко 2017: 220].

В настоящее время в отверстия на обруче вставлены металлические петли, через которые пропущена железная проволока. К последней подвешена «глухая» бармица (длина около 54 см), снабженная остроугольной лопастью на лицевой стороне и разрезом на затылке (рис. 1–6). Полотно бармицы сплетено из уплощенных клепаных колец (диаметр 0,6–0,8 см). Необходимо отметить, что ни на рисунке Ф. Г. Солнцева, ни в материалах описей Оружейной палаты XVII–XIX вв. кольчатая бармица на рассматриваемой «шапке колмыцкой» не фиксируется. Нет ее и на фотографии шлема в приложении к книге «Опись Московской Оружейной палаты», опубликованной в 1884 г. [Рисунки 1884: табл. 343]. Однако она уже присутствовала на шлеме в начале 2000-х гг., когда наголовье было впервые осмотрено одним из авторов настоящей работы. Это позволяет предположить, что кольчатая бармица была подвешена к шлему в конце XIX–XX вв. Нет оснований полагать, что она могла входить в первоначальную комплектацию «Шапки колмыцкой болшой».

Датировка и атрибуция

Наголовье ОР-2059 из собрания ММК может быть датировано и атрибутировано на основании особенностей конструкции и системы оформления тульи и шлемовых элементов, а также служебной документации Оружейной Палаты XVII в.

Клепаные сфероцилиндрические («кувшинообразные», «вазообразные») шлемы с тульей из четырех основных пластин и четырех более или менее широких пластин-накладок являются достаточно популярной разновидностью боевых наголовий номадов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Для предшествующих исторических периодов подобные шлемы в целом нехарактерны [Gorelik 1979: 52–59; Горелик 1983: 262; Горелик 1987: 187–194; Горелик 2002: 75–78; Бобров, Худяков 2003: 144; Ахметжан 2007: 153, рис. 131, 7; Бобров, Худяков 2008: 440–445, 459–461; Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019: 14].

Наряду с тульей важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной «полки» и вертикального «щитка». Подобные козырьки представляют собой одну из основных форм защиты лица на боевых и парадных наголовьях состоятельных кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв. [Бобров, Худяков 2003: 145; LaRocca 2006: 73–79, 88, 91; Бобров, Худяков 2008: 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова 2013: 276, 277; Ахметжан 2007: 51, 53; Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov 2018; Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019: 14].

Часто встречающимся элементом конструкции монгольских и ойратских шлемов позднего Средневековья и раннего Нового времени также являются железные трубки-втулки для плюмажа, украшенные шаровидными «яблоками» в обрамлении выпуклых поясков [LaRocca 2006: 73, 88, 89; Бобров, Худяков 2008: 418, 440, 441, 444, 445, 460, 461]. Подобный тип держателя плюмажа является типичным для сфероцилиндрических шлемов указанного исторического периода [LaRocca 2006: 88, 89; Бобров, Худяков 2008: 440, 441, 444, 445, 460, 461; Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019: 14].

По совокупности признаков «Шапка колмыцкая болшая» из ММК может быть отнесена к особой группе шлемов, которая в настоящее время насчитывает 14 экземпляров, хранящихся в музейных и частных коллекциях России, Казахстана, Монголии, Китая, США и др. стран[18]. Отличительной особенностью данных наголовий является характерная сфероцилиндрическая тулья, склепанная из S-образных в сечении пластин-секторов. Стыки последних прикрыты широкими или (реже) узкими накладками с ровным краем. Практически обязательным элементом оформления является более или менее широкий обруч, а также «коробчатый» козырек. В тех случаях, когда шлем сохранил навершие, оно всегда состоит из плоского крышкообразного основания (подвершия), трубки-втулки для плюмажа и ряда дополнительных элементов (как правило, стилизованных изображений бутонов восьмилепесткового лотоса). Все сфероцилиндрические шлемы данного типа соотносятся с комплексом вооружения ойратов конца XVI – середины XVIII вв. [Бобров, Худяков 2003: 144, 145; Бобров, Худяков 2008: 440–445, 459–461; Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019].

Ближайшим аналогом «Шапки колмыцкой болшой» из Оружейной Палаты является сфероцилиндрическое наголовье из собрания Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (инв. № ВО-171, далее — ТГИАМЗ). Оно имеет не только практически идентичную конструкцию, но и близкие размеры и декоративное оформление [Бобров, Худяков 2008: 440, рис. 173: 441, рис. 174: 460, рис. 190, *2*]. К налобной части шлема из ТГИАМЗ приклепан массивный двухчастный «коробчатый» козырек с тремя ребрами жесткости и характерными вырезами на боковых лопастях «щитка». Бортик крышкообразного подвершия, как и на подвершии шлема из ММК, оформлен остроугольными фестонами. Насадки на подвершии выкованы в виде цветочных бутонов. Рисунки на поверхности тульи и обруча выполнены в технике гравировки и канфарения. На налобной части шлема нанесено изображение Триратны, а на обруче меандрообразный орнамент *алхан хээ* в обрамлении гравированных фестонов-лепестков. Основные отличия шлемов из ММК и ТГИАМЗ заключаются в оформлении некоторых отдельных деталей. Так, например, обруч «тобольского» шлема выкован из одной железной полосы, склепанной на затылке. Для крепления бармицы на обруче шлема из ТГИАМЗ пробиты не 10, а 18 отверстий. Ряд фестонов-лепестков обрамляет меандрообразный орнамент на обруче только сверху (а не сверху и снизу, как на шлеме из ММК). Раструб плюмажной трубки-втулки имеет ровный, а не фестончатый край. При оформлении самой втулки использовано меньшее количество уплощенных «яблок». Вместо ромбов на пластинах тульи «тобольского» шлема изображены А-образные символы «*от*» выполненные письмом *ланьча*. Несколько отличаются детали изображения символа Триратна. Однако, несмотря на указанные различия, типологическое сходство шлемов не вызывает сомнений. Не исключено, что

[18] К данной группе примыкают еще четыре шлема, выполненные в подражание своим сфероцилиндрическим аналогам, но имеющие несколько иной силуэт, конструкцию и систему оформления.

Рис. 6. «Шапка колмыцкая болшая». Вид снизу. Фото С. В. Баранова

[*Fig. 6.* “Big Kalmyk shapka”. Bottom view. Photo by S. V. Baranov]

Рис. 7. «Шапка колмыцкая болшая». Налобная часть тульи, обруч и козырек. Фото С. В. Баранова
[*Fig. 7.* “Big Kalmyk shapka”. The front of the helmet, crown and visor. Photo by S. V. Baranov]

они были изготовлены в одном оружейном центре. В данной связи значительный интерес представляет тот факт, что шлем из ТГИАМЗ сохранил свою оригинальную бармицу[19]. Она имеет пластинчато-нашивную структуру бронирования и состоит из пары наушников подтрапециевидной формы и трехлепесткового назатыльника [Бобров, Худяков 2008: 441, 466, 467]. До передачи в музейное собрание «тобольский» сфероцилиндрический шлем принадлежал представителям рода Кульмаметевых. В XVII в. мурзы Кульмаметевы относились к элите тобольских служилых татар и неоднократно контактировали с представителями ойратской знати, кочевавшей на границах Западной и Южной Сибири. Так, в 1623 г. Кельмамет Якшигильдеев был включен в состав российской дипломатической миссии Д. Черкасова к дербетскому Далайтайше в качестве «вожа». В 1685 г. Сейдяш Кульмаметев занимался организацией торговли с калмыками на Ямышевом озере [Бобров, Худяков 2008: 441; Самигулов 2014: 164; Самигулов, Тычинских 2018: 99, 104][20]. Не исключено, что в ходе этих и подобных встреч татарским аристократам и были переданы ойратские шлемы, хранящиеся в настоящее время в собрании ТГИАМЗ.

Еще одним близким аналогом «Шапки колмыцкой болшой» из ММК является сфероцилиндрическое наголовье из музея искусств «Метрополитен» (инв. № 2001.91), на что совершенно справедливо указал американский исследователь Д. ЛаРокка [LaRocca 2006: 88, 89]. К сожалению, на шлеме из музея «Метрополитен» не сохранился козырек. Однако отверстия на обруче позволяют предположить, что он имел «коробчатую» конструкцию. Главным отличием указанного наголовья от шлемов из ММК и ТГИАМЗ является форма бутонообразных насадок подвершия, а также наличие «болтов» с ромбическими шляпками, с помощью которых к куполу подвешивалась пластинчато-нашивная или матерчатая бармица [Бобров, Худяков 2008: 445].

Как и другие шлемы рассматриваемой серии, наголовье ОР-2059 из собрания ММК может быть отнесено к комплексу вооружения ойратов. Таким образом, его атрибуция в документах XVII – начала XVIII вв. как «шапки колмыцкой» (то есть ойратского шлема) представляется вполне оправданной. В то же время необходимо признать, что предположение Л. П. Яковлева о том, что сфероцилиндрические шлемы из собрания Оружейной Палаты «…близко подходят видом и очертанием своим к шапкам китайскаго войска новейшаго времени» [Опись 1884: 37], является ошибочным. Как конструкция, так и оформление ойратских сфероцилиндрических шлемов имеют принципиальные отличия от конструкции и системы декоративного оформления хоу-цзиньских и цинских наголовий «чжоу» XVII–XIX вв. [Bobrov et al. 2017].

Наличие буддийской символики на «Шапке колмыцкой болшой» позволяет локализовать нижнюю границу ее изготовления вторым десятилетием XVII в., что соответствует начальному этапу широкого распространения буддийского учения среди ойратских кочевников [Златкин 1983: 101, 102; Бобров, Орленко, 2017: 133; Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov 2018: 452][21]. Верхней границей следует признать начало 80-х гг. XVII в., но не позднее 1682 г., когда шлем был впервые достоверно зафиксирован в российской служебной документации при проверке Большой Государевой Казны. В то же время подчеркнем, что шлем мог поступить в царское хранилище несколько раньше 1682 г., например в середине XVII в., вместе с другими «шапками калмыцкими», которые в этот период массово передавались в сокровищницу российских самодержцев в качестве дипломатических

[19] В настоящее время она прикреплена к «татарскому» шлему (инв. № ВО-70) из того же музейного собрания [Бобров, Худяков 2008: 441, 466, 467; Бобров 2009].

[20] Также отметим, что в письменных источниках отмечаются факты постоянного проживания ойратов вместе с представителями родственного Кульмаметьевым семейства Сейдяшевых. Например, в 80-х гг. XVII в. вместе с тобольскими служилыми татарами Аптышем и Чемеем Сейдяшевыми проживали «…дворовые их люди купленные калмыки Мишайко Галдычко Аиткулко Лачинко[,] женаты на калмыцких же девках» [Самигулов 2014: 162].

[21] Указанная нижняя граница датировки, конечно, не исключает возможности того, что некоторые другие сфероцилиндрические наголовья рассматриваемой серии могли быть изготовлены несколько раньше — во второй половине XVI – начале XVII в.

подарков ойратской и монгольской знати, а также приобретались и взимались в качестве ясака у «кузнецких татар» Южной Сибири, традиционно изготовлявших защитное вооружение для центральноазиатских номадов [Martyushov, Shirin 2018: 918, 919; Бобров, Орленко 2020: 286–292]. К сожалению, до 1682 г. описания большинства «шапок калмыцких», хранившихся в Оружейной Палате, крайне лаконичны, что затрудняет атрибуцию рассматриваемого наголовья по документам 40–70-х гг. XVII в.[22]

Таким образом, наиболее вероятно, что рассматриваемая «Шапка колмыцкая болшая» из собрания ММК могла быть изготовлена ойратскими или южносибирскими мастерами («кузнецкими татарами») по заказу состоятельного ойратского воина-буддиста в 10-х – начале 80-х гг. XVII в.

Варианты реконструкции первоначального вида «Шапки колмыцкой болшой» из собрания ММК

Комплексный анализ вещественных и письменных источников позволяет реконструировать возможные варианты первоначального внешнего вида шлема ОР-2059 из собрания ММК (рис. 10).

Судя по количеству и расположению отверстий, а также конструкции и покрою бармицы практически аналогичного сфероцилиндрического шлема № ВО-171 из ТГИАМЗ, наголовья рассматриваемого типа могли быть снабжены трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, состоявшей из пары наушников и назатыльника. Нижний слой органической основы бармицы сфероцилиндрического шлема из ТГИАМЗ представлял собой лопасть мягкой кожи, поверх которой располагалась «покрышка» шерстяной ткани зеленого цвета. С внутренней стороны бармицы крепились 23 железные пластины различных форм и размеров. Последние формировали достаточно надежное, но при этом весьма эластичное защитное покрытие. Для повышения жесткости пластины снабжались специальными ярусами и ребрами, благодаря которым они имели характерную рельефную поверхность. Большинство прямоугольных пластин крепились к органической основе бармицы с помощью пяти заклепок, расположенных крестом. По краю наушников и назатыльника была пропущена кожаная окантовка. Нижний край наушников бармицы был усилен не пластинами, а фрагментами кольчужного полотна. Данное решение, вероятно, было обусловлено тем, что во время сражения наушники стягивались и завязывались под подбородком воина. Поэтому нижний край наушников должен был обладать максимально возможной эластичностью, которую и обеспечивала кольчужная броня [Бобров, Худяков 2008: 466, 467]. Не исключено, что схожую или аналогичную бармицу мог первоначально иметь и шлем из ММК (рис. 10).

Матерчатый подшлемник крепился непосредственно к тулье или, более вероятно, представлял собой отдельный головной убор. Подобные стеганые подшлемники на подкладке (иногда снабженные наушниками и назатыльниками) известны по среднеазиатской иконографии XVII в. и подлинным цинским образцам позднего Средневековья и раннего Нового времени [Bobrov et al. 2017: 1166]. Для дополнительной фиксации столь высокого шлема на голове владельца, вероятно, применялись матерчатые ленты или кожаные ремни, завязывавшиеся или застегивавшиеся под подбородком (рис. 10).

Основным видом плюмажа ойратских воинов был знаменитый *улан зала*, представлявший собой кисть из матерчатых лент, как правило, красного цвета [Бобров, Худяков 2008: 473]. Указанная кисть могла вставляться во втулку шлема или подвешиваться к бутонообразным насадкам на подвершии. В последнем случае втулку шлема мог украшать перьевой султан (рис. 10). Также использовались кисти из конского волоса и шерсти яка, флажки различных типов, а во время торжественных церемоний и сложные составные конструкции [Бобров, Худяков 2008: 473, 475, 476].

Как уже отмечалось выше, при проверке Большой Государевой Казны 1682 г. «Шапка колмыцкая болшая» была уже (или

[22] К числу исключений относятся самые первые поступления центральноазиатских шлемов, переданных в Москву в 30-х гг. XVII в. Их описания достаточно подробны, но ни одно из них не может быть уверенно соотнесено с «Шапкой колмыцкой болшой» [Опись 1884: 35–37; Опись 2014: 105; Бобров, Орленко 2017: 127–135; Бобров, Орленко 2020].

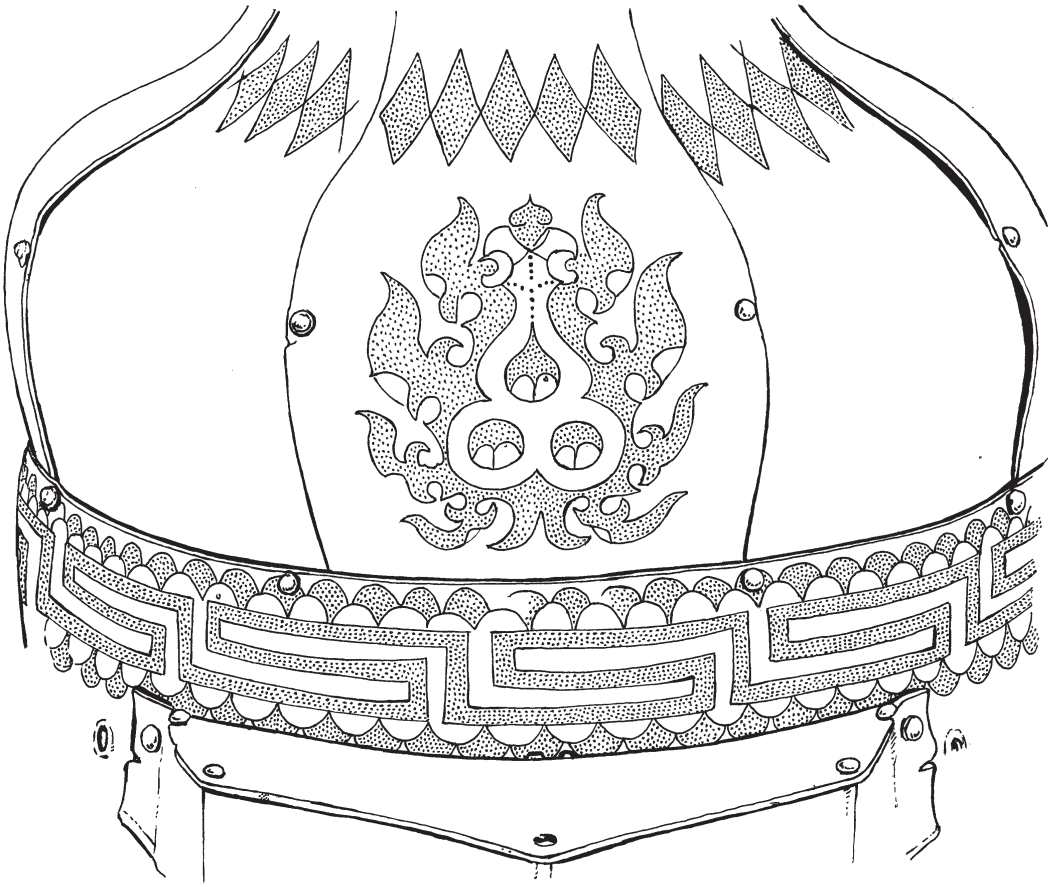

Рис. 8. Прорисовка изображений на тулье и обруче «Шапки колмыцкой болшой».
Рис. Л. А. Боброва

[*Fig. 8.* Drawing of images on the forehead of the "Big Kalmyk shapka". Drawing by L. A. Bobrov]

Рис. 9. «Шапка колмыцкая болшая». Вид сверху. Фото С. В. Баранова
[*Fig. 9.* “Big Kalmyk shapka”. View from above. Photo by S. V. Baranov]

еще) «невооружена», то есть не имела бармицы и подшлемника [Опись 1884: 36]. Неизвестно, отсутствовали они на шлеме уже в момент передачи его русским или по каким-то причинам были удалены в период нахождения наголовья в царских хранилищах. Так или иначе, но к моменту составления Описи 1687 г. данные элементы уже были добавлены к шлему. Наиболее вероятно, что они были изготовлены московскими мастерами[23]. Составить представление о том, что включало «вооружение» шлема ОР-2059 позволяет сообщение описи 1727 г.: «…одного наушня і подкладки кумашной нет» [Опись 1884: 36]. Таким образом, наголовье имело «кумашный» (красный) матерчатый подшлемник, пару «наушников» и, возможно, назатыльник.

Как показал анализ русской служебной документации, при изготовлении бармиц к «шапкам калмыцким» московскими мастерами использовались пластины («доски железные», «полицы», «шапочные полицы») и заклепки («гвозди») центральноазиатского и южносибирского производства, переданные из Сибирского Приказа, а также выкованные непосредственно в Оружейной Палате. Учитывая, что пластинчато-нашивные бармицы были не характерны для российского комплекса защитного вооружения XVII в., можно предположить, что в качестве образца для придворных мастеров выступали оригинальные бармицы центральноазиатского производства, которые сохранились на некоторых монгольских и ойратских шлемах, поступивших в царские хранилища [Бобров, Орленко 2020: 293–295]. В описи 1687 г. упомянуты 86 «колмыцких» шлемов снабженных пластинчато-нашивными бармицами с «покрышкой» из красного, зеленого и черного бархата: «Восемьдесят шесть шишаков колмыцких сшивных, наушники белаго железа[24] обложены сверху бархатом червчатым и зеленым и черным, в том числе один шишак целной кованой[,] задка и наушника и трубки нет, цена по десяти алтын» [Опись 1884: 38]. Весьма вероятно, что подобной бармицей мог быть снабжен и сфероцилиндрической шлем, рассматриваемый в настоящей работе.

Не исключено, что «Шапка колмыцкая болшая» была также дополнена «лопастя-

[23] «А по нонешней переписи 195 году и по осмотру та шапка против прежних переписных книг сошлась, а по осмотру та шапка вооружена, цена полтина» [Опись 1884: 36].

[24] «Белое железо» (или «немецкое железо») представляло собой разновидность толстой жести. Использовалось в Оружейной Палате в XVII в. для доукомплектования имевшихся в казне «невооруженных» шлемов для последующего использования в парадно-церемониальных мероприятиях русского двора. Подобные «вооруженные» наголовья (в том числе и «шапки калмыцкие») выдавались царским конюхам и иным чинам для участия во встречах иностранных послов, военных смотрах и др. [Бобров, Орленко 2020: 293–299].

Рис. 10. Научно-историческая реконструкция «Шапки колмыцкой болшой». Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович (мастер). Шлем представляет собой копию наголовья ОР-2059 из собрания Музеев Московского Кремля (восстановлены затертые гравированные изображения на тулье и обруче). Он снабжен трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, выполненной по образцу бармицы аналогичного сфероцилиндрического шлема из собрания Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (инв. номер: ВО-171), сохранившей как органическую основу, так и подбой из рельефных железных пластин. Шлем снабжен подшлемником и подбородочными завязками. Во втулку вставлен перьевой султан. К лотосообразным насадкам на подвершии подвешена традиционная для ойратов кисть из красных шелковых лент — *улан зала*.

[*Fig. 10.* Scientific and historical reconstruction of *‘Kalmyk shapka bolshaya’*. Authors of the reconstruction: L. A. Bobrov, Yu. A. Filippovich. Craftsman: Yu. A. Filippovich. The helmet is a copy of the OR-2059 headpiece from the MKM collection (worn-out engraved images on the crown and brim have been restored). It is equipped with a three-part lamellar-sewn aventail, created in the image of the model of the aventail of a similar spherocylindrical helmet from the TGIAMZ collection (Inventory No. VO-171), which retained both an organic base and a lining made from linear corrugated iron plates. The helmet is equipped with a comforter and chin straps. A feather plume is inserted into the sleeve. The traditional Oirats’ brush made of red silk ribbons — *‘ulan zala’* is suspended from the lotus-shaped attachments on the underside]

ми» из атласа и тафты[25], которые завязывались под подбородком. Во второй половине XVII в. подобные подбородочные ленты массово изготовлялись московскими мастерами для «шапок калмыцких» хранившихся в Оружейной Палате [Бобров, Орленко 2020]. Аналогичные или похожие «лопасти» из красных и желтых атласных (?) лент можно наблюдать на рисунках Ф. Г. Солнцева с изображением русских шлемов, хранившихся в Оружейной Палате в XIX в., но не пострадавших в пожаре 1737 г. [Броня 2015: 8, 9, 11, 13, 16–18].

Во втулки «шапок калмыцких», предназначенных для применения в придворных церемониях, вставлялись специальные цветные флажки, так называемые «прапорцы» и «прапорчики». Так, например, в преддверии грандиозного военного смотра на Девичьем поле в 1664 г. «живописцу» С. Лопуцкому были выделены «…сученово жолтово шолку два золотника. Шил тридцать прапорцов тафтяных и писал по золоту красками к калмыцким шапкам» [цит. по: Бобров, Орленко 2020: 294].

Традиция украшения наверший шлемов цветными флажками — «яловцами» — получила широкое распространение среди народов мусульманского Востока, а затем и Восточной Европы в XV–XVI вв. Однако совершенно не очевидно, что «прапорцы», вставлявшиеся во втулки «шапок калмыцких», восходили именно к «яловцам». Шлемы воителей-буддистов также украшались флажками различных типов, зафиксированных в материалах буддийской иконографии позднего Средневековья и раннего Нового времени: «Как эмблема войны флаг обычно имеет форму треугольного шелкового вымпела (тиб. *dar khru*) с зубчатой кромкой из войлока, шелка, хлопка или тонкой кожи. Многие воинственные божества, такие как Гесар из Линга, Бегце или Циу Марпо носят маленький флаг в качестве украшения на шлеме. Эти флаги выглядят как симметричные пары треугольников из разноцветного шелка, которые развеваются, подобно крыльям бабочек или парусам корабля. К внешним краям этих флагов на шлемах часто прикрепляются маленькие пучки белой шерсти, символизирующие облака (белые пучки), плывущие по небу (пространство флага). На вершине шлема божества часто имеется знак маленького наконечника копья или меча, драгоценность, красный хвост яка, пучок белой шерсти, перья павлина или маленькое победоносное знамя. Флаги на шлемах стратегически использовались тибетскими и монгольскими воинами для создания иллюзии того, что воин, на котором этот шлем, более грозный, чем на самом деле» [Бир 2013: 226, 227].

Таким образом, известные материалы позволяют с высокой степенью достоверности реконструировать внешний вид изучаемого шлема, как в его возможной первоначальной комплектации (рис. 10), так и в момент нахождения в Оружейной Палате Московского Кремля.

Обстоятельства и причины появления сфероцилиндрических шлемов в комплексе защитного вооружения ойратов

В завершении необходимо хотя бы кратко остановиться на причинах появления шлемов столь необычной формы в комплексе вооружения ойратских (джунгарских, калмыцких и др.) воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Как показали экспериментальные испытания, сфероцилиндрическое наголовье не имеет каких-то ярко выраженных функциональных преимуществ перед своими сфероконическими или полусферическими аналогами. Более того, сильные рубящие горизонтальные удары по вытянутой цилиндрической части тульи создавали дополнительные риски для хозяина «кувшинообразного» шлема [Бобров, Худяков 2003: 144; Худяков, Бобров, Филиппович 2005: 98–100]. Тем не менее сфероцилиндрические наголовья продолжали активно применяться состоятельными ойратами, воевавшими на территории Восточной Европы, Южной Сибири, Средней и Центральной Азии[26].

[25] Тафта (фр. *taffetas*, итал. *taffeta*, от перс. — скрученный, свитый, сотканный) — разновидность глянцевой плотной тонкой ткани полотняного переплетения из туго скрученных шелковых или хлопковых нитей. Для тафты характерны жесткость, плотность , а также ломкость складок.

[26] Значительный интерес представляет тот факт, что весьма схожие (иногда даже аналогичные) по конструкции и системе оформления сфероцилиндрические шлемы происходят из разных регионов Евразии, ставших объектом ойратской экспансии (Поволжье, южные районы Западной Сибири, Юго-Восточный Казахстан, Тибет, Западная Монголия и др.).

В чем же причина данного военно-исторического феномена?

В первую очередь необходимо отметить, что основное функциональное преимущество сфероцилиндрического шлема является оборотной стороной его главного технологического недостатка. Шлем с высокой вытянутой тульей, увенчанной длинной трубкой-втулкой с плюмажом из лент или перьевого султана, был хорошо заметен на поле боя[27]. В ходе динамичного конного сражения подобный шлем помогал воинам подразделения быстро определить местоположение своего командира, что, вероятно, облегчало управление войсками во время битвы [Бобров, Худяков 2003: 144][28].

Однако, на наш взгляд, факт появления шлемов сфероцилиндрической формы был обусловлен не только (а, возможно, и не столько) технологическими и функциональными, но и культурно-религиозными причинами. Во второй половине XVI – начале XVII в. среди монголоязычных кочевников Центральной Азии стремительно распространяется буддизм, что приводит к важным изменениям как в духовной жизни, так и в материальной культуре номадов [Златкин 1983: 98–103; Бобров, Орленко 2017; Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov 2018: 449, 451, 452]. Буддийской символикой начинают все чаще дополняться не только повседневный и парадный костюм, но и предметы защитного вооружения воинов Великой степи. До нашего времени дошли многочисленные монгольские и ойратские шлемы и панцири, покрытые буддийскими мантрами, символами Триратна, изображениями Будды, докшидов — свирепых божеств, цветков лотоса, ваджр, свастики, буддийских ступ и др. [Ленц 1895: табл. V, *171*; LaRocca 1999: 115, 116; LaRocca 2006: 75–78, 80, 81, 83, 84, 88–91; Бобров, Худяков 2008: 433, 440–446, 452, 454, 460–462; Бобров, Ожередов 2010: 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10; Бобров, Орленко 2017; Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov 2018: 449, 451, 452]. В некоторых случаях отдельные конструктивные элементы наголовий и корпусных доспехов также изготовлялись в виде буддийских символов. Так, например, фиксаторы бармицы на ойратском шлеме ГИН 148 из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея (АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан) выполнены в форме А-образных пластинок, символизирующих санскритский слог *ma* [Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov 2018: 449, 451, 452]. Схожим образом были оформлены и сотни металлических накладок панцирных пластин джунгарского доспеха из собрания Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета [Бобров, Ожередов 2010: 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10]. Крайним проявлением данной тенденции стало стремление придать боевому наголовью форму головного убора буддийского священнослужителя. В. Бехаймом было опубликовано изображение клепанного ойратского шлема, хранящегося в музее Польди-Пеццоли (г. Милан, Италия), изготовленного в виде колпака буддийского ламы [Бехайм 1995: 47, рис. 43][29].

Нам представляется, что феномен сфероцилиндрических шлемов следует рассматривать именно в этом «религиозно-оружейном» контексте. Проведенный анализ показал, что силуэт сфероцилиндрических наголовий в значительной степени повторяет контур традиционной буддийской ступы — субургана (монг. *суварга(н)*, калм. *сувргн*) — одного из важнейших символов

[27] Напомним, что общая высота рассматриваемого шлема ОР-2059 из ММК достигает 49,5 см. И это не считая перьевого султана, флажка или кисти, которые вставлялась во втулку «Шапки колмыцкой болшой». Тем не менее, несмотря на внушительные размеры, сфероцилиндрические шлемы не могут быть атрибутированы как сугубо парадные церемониальные наголовья. В пользу их боевого назначения свидетельствуют не только особенности конструкции, следы рубящих и дробящих ударов на их поверхности, но и наличие типичных для боевых наголовий видов бармиц (в первую очередь с пластинчато-нашивной структурой бронирования).

[28] Декоративное оформление и конструкция сфероцилиндрических шлемов свидетельствуют в пользу того, что владельцами подобных наголовий являлись состоятельные ойратские воины, в том числе представители командного состава калмыцких и джунгарских армий.

[29] Первоначально наголовье было ошибочно атрибутировано как «Простой татарский шлем» [Бехайм 1995: 47, рис. 43].

Рис. 11. Буддийская ступа. Школа мастера Дзанабадзара. Монголия. Начало XVIII в. Государственный Эрмитаж (инв. номер: У-1463). (Из каталога «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015)

[*Fig. 11.* Buddhist stupa, school of master Dzanabadzar, Mongolia, early 18th century, Inv. No. U-1463, State Hermitage Museum (after: Abode of Mercy, 2015)]

«желтой веры» (монг. *шар шашин*)[30] и буддийского учения в целом (рис. 11). В рамках данной религиозной традиции ступа символизирует «созидательную способность и незыблемость Учения», а также служит «… одним из семантических заместителей образа Будды» [Кравцова 2004: 466]. В качестве культового сооружения ступа, помимо прочего, выполняет функцию «…вотивного объекта, возводимого по обету ради выполнения религиозной заслуги», а также, что особенно важно для нашей темы, — «символа учения Будды» [Хижняк 2008: 57].

При подобной интерпретации полусферическая часть тульи шлема будет соответствовать полусферической части ступы, так называемой «вазе», символизирующей семь ветвей Пробуждения («Путей видения»): глубокую внимательность, глубокое распознавание явлений, глубокое усердие, глубокую радость, глубокий навык, глубокою медитацию и глубокую уравновешенность. В то же время цилиндрическая часть тульи будет соответствовать Древу жизни, символизирующему различные аспекты мудрости Будды. Согласно заветам «желтой веры», ступа становится для верующего опорой духа, сердца, сознания, тела, а также обозначает образ Будды, бодхисаттвы, учителя. Своей внешней формой различные части ступы олицетворяют пять элементов: землю, воду, огонь, воздух (ветер) и солнце (пространство) [Обитель милосердия 2015: 454–457].

Первичное сопоставление декоративного оформления поверхности ступ с узорами и орнаментами на поверхности некоторых сфероцилиндрических шлемов (в том числе и рассматриваемого в настоящей статье) подтвердило данное предположение. Так, например, четыре ступени, расположенные под «вазой» монгольской ступы начала XVIII в. из собрания Государственного Эрмитажа, обрамлены изображениями лепестков лотоса (рис. 11). Аналогичные лепестки нанесены и по краям обруча шлема из ММК, который расположен непосредственно под полусферической частью тульи, соответствующей полусферической «вазе» субургана (рис. 7, 8, 11). Традиция нанесения лепестков лотоса в два ряда, которые можно видеть на обруче «Шапки колмыцкой болшой», фиксируется и на буддийских тибетских ступах развитого и позднего Средневековья [Обитель милосердия 2015: 454, 455].

В свою очередь характерная форма полусферической части шлема весьма напоминает контур «вазы» буддийской «ступы» (рис. 2–5, 11). По центру лицевой стороны ступ, посвященных просветлению Будды, в специальной нише размещалось его фигурное изображение (рис. 11). Выполнить аналогичное изображение на налобнике боевого наголовья, по всей видимости, было технологически затруднительно. Тем не менее, мастер выгравировал на налобной части шлема символическое изображение Триратны — Трех драгоценностей буддизма, олицетворяющих собой «…тело, речь и ум всех будд» [Бир 2013: 78].

Вытянутая цилиндрическая часть шлема соответствует «шпилю» ступы и соотносится с огнем. В подтверждение этой аналогии отметим, что поверхность цилиндрической части шлема из ТГИАМЗ украшена изображениями языков пламени [Бобров, Худяков 2008: 440, рис. 173, *1, 2*; 441, 174, рис. 174, *1*; 460, рис. 190, *2*].

Так же, как «шпиль» ступы венчает округлый плоский «зонт» (рис. 11), так и цилиндрическая часть шлема покрыта плоским крышкообразным подвершием (рис. 2–4, 9). Согласно традиции, буддийский зонт (тиб. *gdugs*) по периметру имел «…плиссированный шелковый фриз с множеством разноцветных шелковых оборок и подвесок», которые часто изображались в виде вырезных остроугольных фестонов [Бир 2013: 22, 24, 25, 224]. Близкие по форме остроугольные фестоны можно наблюдать и на бортике подвершия шлема из ММК (рис. 2–5). По мнению буддистов, «прохлада тени зонта символизирует защиту от болезненного жара страдания, страсти, препятствий, болезней и вредоносных сил» [Бир 2013: 24]. Все эти свойства буддийского зонта были далеко не бесполезны носителю шлема во время дальних походов и сражений. Кроме того, зонт не только олицетворял «почет и уважение», но и являлся символом «царской власти и защиты» [Бир

[30] *Шар шашин* — монгольское название буддийского монастырского образования и ритуальной практики, также известного, как школа Гелуг (Гелугпа). Была основана в Тибете ламой Чже Цонкапой (1357–1419). При принятии буддизма подавляющая часть ойратов стала последователями именно школы Гелуг.

2013: 24]. Учитывая наше предположение, что владельцем «Шапки колмыцкой болшой» был высокопоставленный воин, облаченный властью, аллегорический образ «зонта» на его наголовье выглядит весьма уместным.

Вершина буддийского зонта украшалась «маленьким золотым лотосом, сосудом и драгоценностью» [Бир 2013: 24]. На поверхности подвершия шлема (предположительно символизирующего буддийский зонт) размещена трубка-втулка для плюмажа, выполненная в виде распустившегося лотоса в окружении четырех цветочных бутонов. Сочетание зонта и лотоса также обусловлено буддийской традицией. Оба они входят в число Восьми благоприятных символов[31], которые традиционно изображались на различных изделиях, в том числе изготовленных из металла [Бир 2013: 24].

Многочисленные совпадения деталей оформления элементов сфероцилиндрического шлема и буддийских ступ позволяют предположить, что они вряд ли являются случайными. Весьма вероятно, что мастер, изготовивший и оформивший наголовье, вдохновлялся именно образом ступы, являющейся одним из самых ярких символов учения Будды. Не исключено, что необычный для боевых наголовий сфероцилиндрический купол шлема, напоминающий форму буддийской ступы, должен был не только подчеркивать верность воина заветам «желтой веры», но и защитить его владельца как от оружия противника, так и от вражеского магического воздействия.

В данной связи необходимо отметить, что мастер весьма удачно совместил в шлемовых элементах функционально-утилитарные технологические решения и символьные значения. Так, например, бутонообразные насадки на подвершии не только олицетворяют священный лотос, но и одновременно соединяют подвершие с пластинами тульи, обеспечивая конструкции купола шлема необходимую жесткость. Кроме того, форма данных насадок позволяла использовать их для подвешивания элементов плюмажа шлема, например кисти *улан зала* (рис. 10). Не исключено, что к ним, по аналогии со ступой Просветления (рис. 11), могли также крепиться и длинные, украшенные орнаментом, шелковые ленты, ниспадавшие на тулью шлема. Круглая крышкообразная пластина подвершия не только символизировала буддийский зонт, но и одновременно являлась одним из важнейших элементов конструкции шлема, стягивавшим и фиксировавшим пластины тульи сверху. Если принять предположение о символике шлема, соответствующей символике ступы-субургана, то обручу шлема соответствует та часть ступы, которая символизирует четыре ступени накопления и соединения. Обруч был обрамлен с двух сторон гравированными лепестками лотосов и в то же время представлял собой основу для крепления бармицы шлема и дополнительно фиксировал пластины тульи в нижней части наголовья.

Выводы

Проведенный анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию «Шапки колмыцкой болшой» (ОР-2059) из собрания ММК. Установлено, что шлем входит в состав большой группы ойратских сфероцилиндрических («кувшинообразных», «вазообразных») наголовий, датируемых периодами позднего Средневековья и раннего Нового времени. Весьма вероятно, что мастера, изготовившие шлемы указанной серии, вдохновлялись образом буддийской ступы-субургана. Особенности конструкции, системы оформления наголовья (в том числе наличие буддийской символики), а также материалы русской служебной документации 80-х гг. XVII в. позволяют предположить, что рассматриваемая «Шапка колмыцкая болшая» была изготовлена ойратскими или южносибирскими оружейниками для состоятельного ойратского воина-буддиста в 10-х – начале 80-х гг. XVII в., но не позднее 1682 г., когда шлем был впервые достоверно зафиксирован в российской служебной документации при проверке Большой Государевой Казны.

Высокая научная ценность рассматриваемого шлема обусловлена не только его хорошей сохранностью, но и тем фактом, что он может выступать в качестве эталона при датировке и атрибуции других ой-

[31] Восемь благоприятных символов (тиб. bkra shis rtags brgyad): зонт, золотые рыбы, сосуд, лотос, раковина, закручивающаяся вправо, узел без начала и конца, знамя победы, колесо с восемью спицами. Они могли «…изображаться по отдельности, парами, по четыре и составной группой из восьми» [Бир 2013: 23].

ратских наголовий из российских и иностранных музейных и частных собраний. Гравированные рисунки, нанесенные на поверхность тульи и обруча шлема ОР-2059, могут представлять собой один из самых ранних известных образцов ойратского изобразительного искусства XVII в. Учитывая данные факты, не будет большим преувеличением сказать, что «Шапка колмыцкая болшая» может по праву считаться одной из важных исторических и культурных реликвий калмыцкого народа.

Источники

Древности 1853 — Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. III: Броня, оружие, кареты и конская сбруя: альбом / Рисованы ак. Ф. Солнцевым. М.: Тип. Александра Семена, 1853. 152 с.

Опись 1884 — Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2: Броня [сост. Л. П. Яковлевым]. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884. 312 с.

Опись 2014 — Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2014. 192 с.

ОРГПФ ММК — Отдел рукописных графических и печатных фондов Музеев Московского Кремля Ф. 1 (Московская Оружейная палата).

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 468 (Кабинет императорского величества Министерства императорского двора (МИДв)).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты).

Рисунки 1884 — Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты. М.: [б. и.], 1884. 500 с.

Sources

Moscow Kremlin Museums; Department of Manuscript, Graphic and Printed Collections. Coll. 1 (Kremlin Armory). (In Russ.)

Russian State Archive of Ancient Acts. Coll. 396 (Archive of the Kremlin Armoury). (In Russ.)

Russian State Historical Archive. Coll. 468 (Cabinet of His Imperial Majesty, Ministry of the Imperial Court). (In Russ.)

Antiquities of the Tsardom of Russia: Published by Supreme Order of Emperor Nicholas I. Vol. III: Body Armor, Weapons, Carriages, and Horse Tack. Acad. F. Solntsev (drawings). Moscow: A. Semen, 1853. 152 p. (In Russ.)

Treasury of the Tsardom of Russia: 1640 Inventory Catalogue of the Treasury Yard (Dvor). Moscow: Moscow Kremlin Museums, 2014. 192 p. (In Russ.)

Yakovlev L. P. (comp.) Inventory Catalogue of the Kremlin Armoury. Vol. 3. Book 2: Body Armor. Moscow: Society for the Distribution of Useful Books, 1884. 312 p. (In Russ.)

Inventory Catalogue of the Kremlin Armoury: Drawings. Moscow, 1884. 500 p. (In Russ.)

Литература

Анисимова 2013 — *Анисимова М. А.* Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

Ахметжан 2007 — *Ахметжан К. С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.

Бехайм 1995 — *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.

Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы: справочник. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.

Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 251–254.

Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 239–249.

Бобров, Зайцев, Орленко 2017 — *Бобров Л. А., Зайцев В. П., Орленко С. П.* Центральноазиатский «Шелом булатной» конца XVI – первой трети XVII в. из числа даров Эрдэни Дай мэргэн Нансо // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 216–230.

Бобров, Ожередов 2010 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Позднесредневековый

панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания Музея археологии и этнографии Сибири Томского гос. ун-та) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии / отв. ред. Ю. И. Ожередов. Т. III. Вып. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. С. 7–64.

Бобров, Орленко 2017 — *Бобров Л. А., Орленко С. П.* Монгольский шлем конца XVI – первой трети XVII вв. из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 127–135.

Бобров, Орленко 2020 — *Бобров Л. А., Орленко С. П.* «Шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля // Oriental Studies. 2020. № 2. С. 278–304.

Бобров, Рюмшин 2015 — *Бобров Л. А., Рюмшин М. А.* «…И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.

Бобров, Худяков 2003 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII в. // Древности Алтая. 2003. № 11. С. 138–155.

Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Броня 2015 — Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Рисунки Ф. Солнцева: [альбом]. СПб.: Белый город, 2015. 146 с.

Вельтман 1844 — *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. М.: Тип. И. Степанова, 1844. 172, 74, VIII с., 33 л. ил.

Вельтман 1860 — *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. 2-е изд., вновь составленное. М.: Тип. Бахметева, 1860. 288 с.

Горелик 1979 — *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. С. 76–97.

Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Горелик 1987 — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

Горелик 2002 — *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.

Историческое описание... 2008 — Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. М.: Кучково поле, 2008. 168 с.

Кравцова 2004 — *Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань, TPIADA, 2004. 960 с.

Ленц 1895 — *Ленц Э.* Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. 223 с.

Обитель милосердия 2015 — «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.

Самигулов 2014 — *Самигулов Г. Х.* Сейдяшевы и Кульмаметевы — попытки реконструкции // Присоединение Сибири к России: новые данные. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. С. 162–166.

Самигулов, Тычинских 2018 — *Самигулов Г. Х., Тычинских З. А.* Новые источники по истории мурз Кульмаметьевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 99–107.

Хижняк 2008 — *Хижняк О. С.* Ступа: начало формирования буддийского культа. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 272 с.

Худяков, Бобров, Филиппович 2005 — *Худяков Ю. С., Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.* Опыт экспериментальной реконструкции и функционального анализа защитного вооружения воинов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2005. Т. 4. Вып. 5. С. 95–103.

Шиндлер 2016 — *Шиндлер О. В.* Русские шлемы XVI века // История военного дела: ис-

следования и источники [электронный ресурс]. 2016. Т. VIII. С. 167–219. URL: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (10.05.2016) (дата обращения: 07.03.2019)

Шиндлер 2018 — *Шиндлер О. В.* К вопросу о правомерности использования термина «шишак» в XVI веке, его происхождении и развенчании одного устаревшего мифа // История военного дела: исследования и источники [электронный ресурс]. 2018. Т. X. С. 163–187. URL: http://www.milhist.info/2018/09/24/schindler_6 (24.09.2018) (дата обращения: 16.02.2020)

Bobrov et al. 2017 — *Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V.* The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin [Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х – середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля] // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.

Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov 2018 — *Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V.* Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum [Ойратский шлем XVII – середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 443–455.

Bobrov, Obraztsov, Salnikov 2019 — *Bobrov L., Obraztsov V., Salnikov A.* Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum [Ойратский шлем второй половины XVII– середины XVIII вв. из Государственного Эрмитажа] // Былые годы. 2019. Т. 51. № 1. С. 5–19.

Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.). Islamic Arms and Armour. L., 1979. P. 38–63.

LaRocca 1999 — *LaRocca D. J.* An approach to the study of arms and armour from Tibet // Royal Armouries Yearbook. 1999. Vol. 4. P. 113–132.

LaRocca 2006 — *LaRocca D. J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p.

Martyushov, Shirin 2018 — *Martyushov R. A., Shirin Y. V.* Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars // Былые годы. 2018. № 49. Вып. 3. С. 915– 930.

References

Akhmetzhan K. S. Ethnography of Traditional Kazakh Weaponry. Almaty: Almatykitap, 2007. 216 p. (In Russ.)

Anisimova M. A. Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps: Weapons of the East, 15th – Mid-20th Centuries. St. Petersburg: Atlant, 2013. 527 p. (In Russ.)

Astakhov A. Yu. (comp.) Body Armor, Weapons, Carriages, and Horse Tack. Drawings of F. Solntsev. St. Petersburg: Belyi Gorod, 2015. 146 p. (In Russ.)

Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Moscow: Orientaliya, 2013. 336 p. (In Russ.)

Bobrov L. A. 'A flock of crows' over the Crimea. Tatar and Kalmyk confrontation in the northern Black Sea steppes (September 1661 – January 1663). *Medieval Turkic-Tatar States*. 2014. Vol. 6. Pp. 239–249. (In Russ.)

Bobrov L. A. 'The Tatar' helmet with combined camail (protection of a neck and a throat) from the Tobolsk State Historical-Architectural Museum-Reserve. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2009. Vol. 8. No. 3. Pp. 251–254. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Medieval and Modern Ages (15th – Mid-18th Centuries): Weaponry and Tactics. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2008. 770 p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Mongolia and Kalmykia: military headgears, mid-16th – early 18th centuries. In: Soyonov V. I. (ed.) Antiquities of the Altai. Vol. 11. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University; Surazakov Institute for Altaic Studies, 2003. Pp. 138–155. (In Russ.)

Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V. Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. No 2. Pp. 443–455. (In Eng.)

Bobrov L. A., Orlenko S. P. 'Kalmyk Caps' of the Kremlin Armoury. *Oriental Studies*. 2020. No. 2. Pp. 278–304. (In Russ.)

Bobrov L. A., Orlenko S. P. A late 16th to early 17th century Mongolian ceremonial helmet from the Moscow Kremlin Armoury. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017. No. 4. Pp. 127–135. (In Russ.)

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Late medieval 'robe'-type body armor of a Buddhist warrior. In: Ozheredov Yu. I. (ed.) Ancient, Medieval and Modern North and Central Asia: Materials and Studies. Tomsk: Tomsk State University, 2010. Vol. III. Is. 1. Pp. 7–64. (In Russ.)

Bobrov L. A., Ryumshin M. A. '… And against them, they could not withstand anywhere and they are not able to fight against them'. Arms and military tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars during the first half – middle of the 17th century. *Golden Horde Civilization*. 2015. Vol. 8. Pp. 357–378. (In Russ.)

Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P. Central Asian 'bulat helmet' of the end of the 16th – the first third of the 17th century from among the gifts of Erdeni Dai mergen Nangso. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2017. No. 5. Pp. 216–230. (In Russ.)

Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V. The late Jurchen (early Manchu) helmet of the second half of the 1610s to the mid-1630s from the collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1140–1173. (In Eng.)

Bobrov L., Obraztsov V., Salnikov A. Oirat helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. No. 1. Pp. 5–19. (In Eng.)

Boeheim W. An Encyclopedia of Weapons. St. Petersburg: Orkestr, 1995. 576 p. (In Russ.)

Elikhina Yu. I. (ed.) The Shrines of Mercy: Tibetan Buddhist Art. Exhibition Catalogue. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2015. 512 p. (In Russ.)

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) Islamic Arms and Armour. London, 1979. Pp. 38–41. (In Eng.)

Gorelik M. V. Armies of 10th-14th Century Mongols (Tatars): Art of War, Ammunition, Weaponry. Moscow: Vostochnyi Gorizont, 2002. 84 p. (In Russ.)

Gorelik M. V. Early Mongolian body armor: 9th – mid-14th centuries. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Mongolia. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163– 208. (In Russ.)

Gorelik M. V. Medieval Mongolian body armor. In: The Third International Congress of Mongolists. Proceedings. Ulaanbaatar, 1979. Pp. 76–97. (In Russ.)

Gorelik M. V. Mongol (Tatar) defensive weapons: mid-14th – early 15th centuries. In: Rybakov B. A. (ed.) The Battle of Kulikovo in Our National History and Culture. Moscow: Moscow State University, 1983. Pp. 244–269. (In Russ.)

Khizhnyak O. S. The Stupa: Beginnings of the Shaping of a Buddhist Cult. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2008. 272 p. (In Russ.)

Khudyakov Yu. S., Bobrov L. A., Filippovich Yu. A. Body armor of late medieval Central Asian warriors: experimental reconstruction and functional analysis. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2005. Vol. 4. No. 5. Pp. 95–103. (In Russ.)

Kravtsova M. E. World Artistic Culture: A History of China's Arts. St. Petersburg: Lan, TPIADA, 2004. 960 p. (In Russ.)

LaRocca D. J. An approach to the study of arms and armour from Tibet. *Royal Armouries Yearbook*. 1999. Vol. 4. Pp. 113–132. (In Eng.)

LaRocca D. J. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)

Lenz E. Count S. Sheremetev's Collection of Weapons: Inventory Catalogue. St. Petersburg, 1895. 223 p. (In Russ.)

Martyushov R. A., Shirin Y. V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk Tatars. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 915– 930. (In Eng.)

Samigulov G. Kh. The Seydyashevs and Kulmametevs — reconstruction attempts. In: Russia's Annexation of Siberia. New Data. Tyumen: Tyumen State University, 2014. Pp. 162–166. (In Russ.)

Samigulov G. Kh., Tychinskikh Z. A. New sources on the history of Murzas Kulmametev. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2018. No. 1 (40). Pp. 99–107. (In Russ.)

Shindler O. V. On the question of the legitimacy of using the term 'shishak' in the 16th cen-

tury, its origin and the debunking of one outdated myth. *History of Military Affairs: Research and Sources*. Posted on September 24, 2018. Vol. X. Pp. 163–187. Available at: http://www.milhist.info/2018/09/24/schindler_6 (accessed: February 16, 2020). (In Russ.)

Shindler O. V. Russian helmets of the 16th century. *History of Military Affairs: Research and Sources*. Posted on May 10, 2016. Vol. VIII. Pp. 167–219. Available at: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (accessed: May 10, 2016). (In Russ.)

Veltman A. F. The Kremlin Armoury (Moscow). 2nd ed., rev. Moscow: Bakhmetev, 1860. 288 p. (In Russ.)

Veltman A. F. The Kremlin Armoury (Moscow). Moscow: I. Stepanov, 1844. 172, 74, VIII p., 33 p. (In Russ.)

Vodyasov E. V. Kondoma Tatars and the bloomery process (source: the Great Northern Expedition). *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. No. 2. Pp. 335–344. (In Eng.)

Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate: 1635–1758. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1218–1233, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1218-1233
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 94(470.46=512.37)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1218-1233

История и культура калмыцкого народа в трудах членов Петровского общества исследователей Астраханского края в последней четверти XIX – начале XX в.

Александр Викторович Цюрюмов[1], *Елена Георгиевна Тимофеева*[2], *Андрей Алексеевич Курапов*[3], *Сергей Владиславович Лебедев*[4]

[1] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

[2] Астраханский государственный университет (ул. Татищева, 20а, 414056 Астрахань, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
0000-0002-7761-3812. E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

[3] Астраханский государственный университет (ул. Татищева, 20а, 414056 Астрахань, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент
0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

[4] Астраханский государственный университет (ул. Татищева, 20а, 414056 Астрахань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0002-0619-6169. E-mail: dnsv@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Цюрюмов А. В., Тимофеева Е. Г., Курапов А. А., Лебедев С. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию этнографической составляющей в деятельности регионального научного общества — Петровского общества исследователей Астраханского края, широко известного в России, в том числе трудами по истории и культуре калмыцкого народа. *Цель* исследования — воссоздание образа данного научного общества, получившего широкую известность в России, и выяснение значимости его существования в многонациональном пространстве Нижнего Поволжья. *Результаты.* Петровское общество исследователей Астраханского края стало одним из авторитетных в России благодаря ис-

следовательским трудам его членов, содействовало пробуждению общественного сознания, мотивации населения к проявлению инициативы в изучении своего края, взаимодействию с различными соцокультурными группами, административными структурами для решения насущных задач общественного развития. Одним из ярких направлений исследований членов общества стало прошлое калмыков, проживавших в Астраханской губернии. Статья отражает результаты изучения многогранной работы петровцев по сбору источников, их интерпретации, трансляции полученных знаний в общественное пространство, полученные на основе анализа их научных трудов, коллекций документов из архивных и музейных фондов г. Астрахани. Основными методами изучения проблемы были выбраны методы синхронии и диахронии, статистический, сравнительный, методы классификации и оценки. В результате исследования проанализированы особенности изучения истории и культуры калмыцкого народа членами общества, выявлены роль и значение проведенных ими работ в становлении профессиональной этнографии в Астраханском крае. Введены в научный оборот новые источники.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, научное общество, историко-этнографическая секция, калмыки, этнография, экспедиции, музей.

Для цитирования: Цюрюмов А. В., Тимофеева Е. Г., Курапов А. А., Лебедев С. В. История и культура калмыцкого народа в трудах членов Петровского общества исследователей Астраханского края в последней четверти XIX – начале XX вв. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1218–1233. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1218-1233

UDC 94(470.46=512.37)
DOI 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1218-1233

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Writings of Its Members on Kalmyk History and Culture, Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries

Alexander V. Tsyuryumov[1], Elena G. Timofeeva[2], Andrey A. Kurapov[3], Sergey V. Lebedev[4]

[1] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

[2] Astrakhan State University (20A, Tatishchev St., Astrakhan 414056, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
0000-0002-7761-3812. E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

[3] Astrakhan State University (20A, Tatishchev St., Astrakhan 414056, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

[4] Astrakhan State University (20A, Tatishchev St., Astrakhan 414056, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0002-0619-6169. E-mail: dnsv@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Tsyuryumov A. V., Timofeeva E. G., Kurapov A. A., Lebedev S. V., 2020

Abstract. *Introduction*. The article investigates the ethnographic component in activities of the regional scientific society — Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region widely known in Russia, including due to works on the history and culture of the Kalmyk people. *Goals*. The study aims to delineate the image of the scientific society that became known nationwide and gave ‘food

and arguments' for public thought, which determined its significance in the Lower Volga Region's multinational space in the mid-to-late 19th and 20th centuries. *Materials and Methods*. The article analyzes scientific works, collected documents from Astrakhan archives and museums to review results of diverse efforts undertaken by the Society's members on collecting sources, interpreting them, translating the knowledge gained into public discourse. The main research methods are those of synchrony and diachrony, classification and evaluation, statistical and comparative ones. *Results.* The Astrakhan scientific society grew to become a most authoritative one in Russia thanks to research works of its members, facilitated the awakening of public conscience, motivated the population to start exploring their region, interacted with various social and cultural groups, administrative structures to solve urgent problems of social development. One of the brightest research areas of the Society was that dealing with the past of the Kalmyks that inhabited Astrakhan Governorate. The paper analyzes certain features of studies in the history and culture of the Kalmyks conducted by members of the Society, reveals the role and significance of their works in the formation of professional ethnography in Astrakhan Oblast, and introduces new sources into scientific circulation.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, scientific society, historical and ethnographic section, Kalmyks, ethnography, expeditions, museum.

For citation: Tsyuryumov A. V., Timofeeva E. G., Kurapov A. A., Lebedev S. V. Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Writings of Its Members on Kalmyk History and Culture, Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1218–1233. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1218-1233

Введение

Возникновение в позднеимперской России большого количества краеведческих организаций свидетельствовало о пробуждении горячего желания у членов ассоциаций познавать различные стороны социальной жизни, активно взаимодействуя друг с другом. Идея всестороннего изучения своего края объединила представителей разных социальных групп Астраханской губернии в рамках созданного в 1872 г. научного общества — Петровского общества исследователей Астраханского края (далее — ПОИАК), ставшем благодаря трудам его членов одним из авторитетных в России.

Астрахань представляла собой уникальное историко-культурное пространство, наполненное опытом взаимовлияния различных культур, толерантного восприятия представителей разных народов. Этим во многом объясняются стремление членов Петровского общества исследовать культуру «другого», транслировать полученное знание в региональное пространство, выполнять просвещенческую функцию. Вместе с тем отметим, что комплексного, сравнительно-исторического исследования проблемы изучения истории, культуры приволжских калмыков членами ПОИАК не проводилось. *Цель исследования* состояла в выявлении специфики изучения прошлого калмыцкого народа членами ПОИАК за период его существования на основе исследования источников, хранящихся в фондах Государственного архива Астраханской области, фонда «Редкая книга» Астраханского музея-заповедника. В качестве исследовательских авторы поставили перед собой следующие *задачи*: выявить цели и основные направления работы членов ПОИАК в изучении истории калмыцкого народа, обобщить ее содержание и выявить характерные черты, определить механизмы взаимодействия с административными структурами и общественными организациями, охарактеризовать роль «образованного класса», талантливых ученых в исследовании вопросов этнографии на примере калмыцкого населения Астраханской губернии.

Анализ проделанной ПОИАК работы в этнографическом направлении позволяет лучше понять глубинные аспекты жизни многонациональной российской провинции, вовлеченной в процессы пореформенных преобразований. Определение роли легальной общественной организации в социальном развитии одного из крупнейших центров Российской империи представляет-

ся важным в сохранении историко-культурного наследия региона в контексте общих представлений о целом — российском обществе пореформенного периода.

Материалы и методы

Данная статья подготовлена на основе материалов последней четверти XIX – начала XX в., представленных неопубликованными ранее документами Государственного архива Астраханской области (фонд 857), отчетами из фонда «Редкая книга» Астраханского музея-заповедника, публикациями в региональной периодической печати, исследовательской литературой, — в которых нашли отражение основные направления изучения истории, культуры, быта калмыцкого народа членами Петровского общества.

Исследовательская проблема анализируется авторами в двух аспектах: в определенных горизонтальных и вертикальных исторических и культурных парадигмах (синхронии и диахронии). Такой подход дает возможность показать многомерную деятельность регионального научного общества в контексте конкретной эпохи, степень его влияния на общество, особенности исследовательских практик лучших представителей общества, каналы распространения результатов исследований для ознакомления с ними регионального сообщества. Все это позволяет говорить о совместности микро- и макроанализа исследуемой проблемы.

История вопроса

Оценивая степень изученности вопроса, частично рассмотренного в данной статье, следует признать факт проявленного историками устойчивого интереса к деятельности научных обществ, функционировавших в позднеимперской России, как в русле общей проблематики социальной истории, так и в рассмотрении региональных общественных организаций в качестве самостоятельного объекта научного поиска.

Историография проблемы представлена диссертационными исследованиями А. Д. Степанского [Степанский 1982], Е. Х. Есенгараева [Есенгараев 1991], О. В. Камардиной [Камардина 1999], дающими общее представление о деятельности научных обществ и общественных организаций в России в исследуемый период.

Деятельность ПОИАК отражена в комплексе научных исследований. Прежде всего, следует выделить работы обобщающего характера ученых Калмыкии, в которых представлены результаты обстоятельного историографического анализа различных аспектов исторического прошлого калмыцкого народа. По мнению историков, его изучение началось со второй половины XVIII в. И связано было с планами российских властей «административно и хозяйственно освоить Калмыкию», что потребовало знаний истории, экономики и других аспектов жизни калмыцкого народа. Историко-этнографические работы о калмыках были написаны как учеными, в составе научных экспедиций собравшими большой массив этнографических и антропологических сведений о калмыках Астраханской губернии (П. С. Паллас, И. Георги, И. П. Фальк, И. И. Лепехин, К. М. Бэр, И. И. Мечников и др.), православными священниками (И. Саввинский, А. Воронцов, Л. Лопатин и др.), так и государственными чиновниками разного уровня, владевшими большим объемом знаний об отдельных сторонах жизни калмыцкого населения, совмещавшими административную работу с научными изысканиями (К. И. Костенков, М. Г. Новолетов, В. А. Хлебников и др.). Так, М. Г. Новолетов, управляющий делами князя Тундутова, предпринял попытку дать «наиболее серьезную» периодизацию калмыцкой истории, опираясь на материалы астраханского архива Калмыцкого управления. В. А. Хлебников, исполнявший обязанности попечителя Эркетеневского, затем Малодербетского улусов Калмыцкой степи, разрабатывал вопросы водоснабжения волжских улусов, орнитологии и др. [История Калмыкии 2009: 20–21, 23, 25, 27]. Заметим, Моисей Григорьевич Новолетов и Владимир Алексеевич Хлебников являлись активными членами ПОИАК. В монографии упоминаются исследователь истории астраханского казачьего войска И. А. Бирюков, член общества, в трудах которого представлены материалы по астраханским калмыкам-казакам, и выдающийся историк Н. Н. Пальмов, с именем которого связано становление исторической науки в Калмыкии, сын одного из организаторов ПОИАК Н. Г. Пальмова [История Калмыкии 2009: 28].

Информация о членах Петровского общества представлена в библиографическом указателе «Ученые — исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Издание содержит очерки о Н. Б. Бадмаеве, И. А. Житецком, М. Г. Новолетове, В. А. Хлебникове и др. [Ученые — исследователи Калмыкии 2006].

Различные аспекты деятельности ПОИАК отражают диссертационные исследования (А. Л. Хаченьяна, А. Л. Клейтман, Г. А. Шотановой), научные статьи (Н. М. Ушакова, С. В. Лебедева).

Так, внимание А. Л. Хаченьяна обращено на изучение ПОИАК в контексте предпринятого им анализа деятельности общественных организаций Нижнего Поволжья [Хаченьян 1999]. Н. М. Ушаков направил исследовательские усилия на определение вклада Петровского общества в изучение Нижнего Поволжья [Ушаков 2000]. С. В. Лебедев обстоятельно проанализировал работу Астраханского губернского статистического комитета, включенного в орбиту процессов научного изучения региона [Лебедев 2009]. Диссертация Г. А. Шотановой нацелена на исследование деятельности астраханских научных обществ и учреждений в направлении поиска архивных источников по истории западных районов Казахстана [Шотанова 2016]. А. Л. Клейтман целью научного поиска определил всестороннее исследование проблемы изучения региона учеными-исследователями России в XVIII в. – 30-х гг. XX в. [Клейтман 2019].

Историографический анализ проблемы показал, что к истории ПОИАК обращено внимание ученых, однако комплексного исследования этнографического направления деятельности регионального научного общества, обращенного к анализу прошлого калмыцкого народа в пространстве Астраханской губернии, в исторической науке не проводилось.

Деятельность ПОИАК по изучению истории и культуры калмыцкого народа

С инициативой о создании губернской краеведческой организации в юбилейный год (200-летие со дня рождения императора Петра I, 150-летие с начала Персидского похода и визита императора в Астраханскую губернию) выступил Н. Ф. Леонтьев — преподаватель Астраханской духовной семинарии. 10 ноября 1872 г. состоялось первое собрание учредителей общества, на котором был выработан устав, 9 января 1873 г. предоставленный на утверждение астраханскому губернатору Н. Н. Биппену [Отчет Петровского общества 1889: 4].

Несмотря на то, что в состав общества в качестве почетных членов вошли первые лица губернии: епископ Астраханский и Енотаевский Феогност и астраханский губернатор Н. Н. Биппен, в 70-х гг. XIX в. Петровское общество фактически не функционировало [Отчет Петровского общества 1889: 6; Волков 2007: 247].

В 1886 г. усилиями астраханского губернатора Н. М. Цеймерна деятельность ПОИАК была возобновлена [Отчет Петровского общества 1889: 7–8]. Согласно Уставу научного общества, одним из значимых направлений исследовательской деятельности общества стало изучение истории и культуры народов Астраханской губернии «посредством» этнографических, археологических, естественнонаучных и других экспедиций, публикации собранных сведений, чтения публичных лекций, устройства музея и библиотеки [Протоколы Петровского общества 1890: 35].

Состав основателей научного общества свидетельствовал о значительной социальной базе ПОИАК, поскольку в него вошли чиновники, военные, купцы, представители Русской Православной церкви, преподаватели астраханских учебных заведений, врачи и студенты [Ушаков 2000: 192].

На общем собрании ПОИАК (15 октября 1887 г.) инициативой его совета было решено организовать секции общества по разным отраслям знаний, в связи с чем были созданы историко-этнографическая и естественно-историческая секции. Члены секций для обсуждения вопросов, относящихся к их специализации, образовывали общие собрания [Протоколы Петровского общества 1890: 36].

Первым председателем историко-этнографической секции ПОИАК стал М. И. Рубцов (1832–1904) — директор Астраханской мужской гимназии [Отчет Петровского общества 1889: 35]. М. И. Рубцов одним из первых обратил внимание на необходимость издания краеведческого сборника статей по истории Астраханской губернии, основанного на

изучении архивных материалов регионального уровня.

В состав секции вошли К. Н. Малиновский, В. П. Быков, Е. В. Воздвиженский, Н. Ф. Леонтьев, А. В. Макаров, Н. П. Малешевский, Н. Г. Пальмов, М. И. Розанов, В. И. Скаблинский и М. В. Черкасов. В дальнейшем состав секции менялся.

Программу археологических, исторических и этнографических исследований, составленную Н. Ф. Леонтьевым приняли на первом заседании историко-этнографической секции общества, которое состоялось 5 сентября 1887 г. [Отчет Петровского общества 1889: 18–19]. Программа была опубликована в 1888 г. и перепечатана в «Астраханских Губернских Ведомостях», «Астраханском Справочном листке». Она была составлена на основе программ, разработанных Русским географическим обществом, Обществом любителей естествознания и Казанским археологическим обществом. В предисловии к основному документу содержалось обращение ко всем желающим принять посильное участие в исследованиях Астраханского края, содействовать обществу в поисках сведений, наблюдений и материалов по тому или иному разделу программы [Отчет Петровского общества 1889: 19].

Этнографический раздел программы представлял собой вопросник, состоявший из пяти групп общих вопросов. Например, как называется местность, в которой собиратель записывает этнографические данные? Каков племенной состав населения данной местности? Чем занимается большинство населения? [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 5, 5об.]

Члены историко-этнографической секции в качестве главной своей задачи рассматривали сбор и систематизацию материалов по истории и этнографии Астраханской губернии, стремясь к распространению этих сведений среди научных кругов российского общества.

Значимым направлением деятельности историко-этнографической секции стало исследование истории, культуры и быта калмыцкого народа. На необходимость проведения таких исследования указывал побывавший в Астраханской губернии известный публицист князь Э. Э. Ухтомский [Ухтомский 1891: 11].

История, культура и быт калмыцкого народа стали темами исследований для членов историко-этнографической секции Петровского общества: И. А. Житецкого, Н. С. Иванова, И. А. Бирюкова, Н. К. Яковлева, М. Н. Ольшамовского, С. А. Богатырева. Проведение этнографических исследований являлось важным направлением в работе секции.

Огромный вклад в исследование этнографии калмыцкого народа внес Иродион Алексеевич Житецкий (1851–1913) — российский этнограф, педагог, общественный деятель. И. А. Житецкий закончил историко-филологический факультет Киевского университета, начав преподавательскую деятельность в Учительском институте в г. Глухове. За участие в студенческих беспорядках он был выслан в Вятскую, в 1881 г. — в Астраханскую губернию [Ученые — исследователи Калмыкии 2006: 86–87]. 15 марта 1887 г. И. А. Житецкий, к тому времени плодотворно изучавший историю и культуру калмыцкого народа, был избран действительным членом Петровского общества [Отчет Петровского общества 1889: 32].

Уже на втором заседании историко-этнографической секции ПОИАК 29 декабря 1887 г. было прочитано сообщение члена общества И. А. Житецкого «„Арька“ или „тепленькая“ у астраханских калмыков (страница по этнографии)». Автором был описан процесс производства «арьки» (национальная калмыцкая водка из молока), охарактеризован ее состав и свойства. В своем докладе И. А. Житецкий выявил специфику арькаварения у калмыков, описал ритуалы и легенды, связанные с «арькой» [Отчет Петровского общества 1889: 22].

Члены Петровского общества проявляли живой интерес к исследованиям российских ученых в области этнографии. Так, на собрании историко-этнографической секции общества 6 мая 1888 г. ее членами было высказано пожелание пригласить приезжающего в Астрахань профессора Петербургского университета А. М. Позднеева выступить с сообщением перед членами ПОИАК о результатах его научных изысканий по истории и культуре калмыцкого народа [Отчет Петровского общества 1890: 7; Протоколы Петровского общества 1890: 46].

На заседании историко-этнографической секции общества в 1889 г. было представлено несколько докладов И. А. Житецкого: «Предметный указатель к историческому отделу архива Главного калмыцкого управления с 1708 по 1836 гг.» (30 сентября 1889 г.), «Общие условия жизни калмыков в Астраханском крае» (14 октября 1889 г.), «Формы труда у астраханских калмыков» (29 октября 1889 г.) [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 22].

В первом докладе И. А. Житецкий проанализировал и систематизировал дела архива управления, отметив, что значительная часть его утрачена, но документы архива востребованы у исследователей и содержат большой объем неопубликованного историко-этнографического материала по истории калмыцкого народа в XVII–XVIII вв. (период Калмыцкого ханства), в XIX в. (история управления Калмыцкой степью) [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 26].

В докладе «Общие условия жизни калмыков в Астраханском крае» автор подчеркивал уникальность быта и культуры калмыцкого народа — единственного в Европе носителя кочевых традиций и буддизма [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 26]. И. А. Житецкий охарактеризовал этнический и сословный состав населения Калмыцкой степи, выделяя, в частности на основании их физического облика, рода деятельности, «нравственных черт», «калмыков степных», «калмыков дербетовских» и «калмыков черневых» [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 30].

В докладе «Формы труда у астраханских калмыков» И. А. Житецкий сделал акцент на участии калмыков в «отхожих промыслах» в Астраханской губернии, описал исчезающие калмыцкие традиционные ремесла, считая основными причинами этого исчезновения уменьшение числа степных ремесленников и замену национальных орудий производства новыми — инородческими [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 35].

Научные исследования проводились членами Петровского общества на основе анализа большого массива архивных материалов, что требовало взаимодействия с представителями государственных учреждений, выдававших разрешение на такую работу. Так, в части «внешних сношений» на секции было заслушано «отношение» Сенатского архива (г. Санкт-Петербург) от 1 марта 1889 г., в котором раскрывалось содержание ведомости о делах, разбиравшихся в калмыцком суде Зарго в 1842 г., и о наиболее значимых преступлениях в рассматриваемый период [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 35]. В 1894 г. в Петровское общество поступили несколько писем от директора архива МИД — барона Ф. А. Бюлера, избранного в 1893 г. в почетные члены общества. В своих письмах барон обещал свободный доступ в архив для работы с материалами, собранными им в Калмыцкой степи в 40-е гг. XIX в., членам ПОИАК, передав обществу 19 книг и брошюр, изданных архивом МИД [Отчет Петровского общества 1896: 7].

В 1890 г. на заседании историко-этнографический секции Х. Н. Сергеев сделал доклад «О новом направлении этнографических исследований», вызвавший оживленные прения. На примере истории калмыцкого народа Х. Н. Сергеев показал влияние экономических и социальных условий на занятия населения [Отчет о деятельности Петровского общества 1891б: 27].

В том же году в Совет Петровского общества был прислан труд И. А. Житецкого «О пище астраханских калмыков» [Отчет о деятельности Петровского общества 1891б: 29], который был озвучен в качестве доклада на заседании историко-этнографической секции уже в 1891 г. Автор начал исследование темы с анализа материалов Ипатьевской летописи, перейдя к современным для него этнографическим материалам, отмечая сходство рациона у всех этнических групп Калмыцкой степи и влияние буддизма на ритуалы, связанные с приемом пищи [Отчет о деятельности Петровского общества 1892: 9].

На заседаниях историко-этнографической секции общества в 1891 г. также были озвучены несколько докладов И. А. Житецкого. В частности, в докладе «К судьбе ставропольских крещеных калмыков в связи с изучением астраханских калмыков» автор рассмотрел переселение крещеных калмыков в Ставрополь, отмечая необходимость изучения членами ПОИАК вопроса о влиянии ассимиляции на сокращение численности калмыков

Ставропольской губернии [Отчет о деятельности Петровского общества 1892: 11].

В том же году И. А. Житецкий направил в Совет ПОИАК доклад, посвященный этнографическому изучению Астраханского края в контексте общего развития этнографической науки в России, для публичного рассмотрения и обсуждения на заседании Совета 30 мая 1891 г. Текст доклада представлен кратким очерком развития этнографических исследований в России и в Астраханской губернии. Отмечая, что Астраханская губерния уникальна своей многонациональностью и поликонфессиональностью, И. А. Житецкий предложил развернутый план проведения этнографических изысканий, целью которого являлось изучение «богатства и содержания жизни» населения. При этом он указывал на необходимость тщательной подготовки к изучению этнографии народов Астраханской губернии [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 125. Л. 2, 9–11].

В 1892 г. усилиями научного актива общества и при содействии губернских властей был издан сборник трудов членов ПОИАК, достойное место в котором заняло фундаментальное исследование И. А. Житецкого «Астраханские калмыки (наблюдении и заметки) в двух очерках» [Сборник трудов членов Петровского общества 1892]. В сочинение И. А. Житецкого вошли очерки: «Общие условия жизни калмыков в Астраханском крае» и «Формы труда астраханских калмыков».

В предисловии И. А. Житецкий отмечал, что в улусах приволжских калмыков он прожил летние месяцы 1885 и 1886 гг. по инициативе и при поддержке главного попечителя калмыцкого народа Н. О. Осипова, посетив все улусы Калмыцкой степи, в некоторых из которых (Яндыковский, Харахусовский, Икицохуровский, Малодербетовский) был дважды [Сборник трудов членов Петровского общества 1892: 43]. И. А. Житецкий подчеркивал, что источниками в его работе выступили личные наблюдения и заметки, опросы населения калмыцких улусов, официальные материалы и сведения, предоставленные помощником главного попечителя калмыцкого народа М. П. фон Ашенбергом, попечителем Малодербетовского улуса В. А. Хлебниковым, статистические сведения, дела Управления калмыцким народом, работы Плано Карпини, Марко-Поло, И. Г. Георги, Н. А. Попова, И. И. Лепехина, Н. А. Нефедьева, Ф. А. Бюлера, П. С. Палласа, Н. И. Страхова, сборники законодательства Российской империи, Труды Астраханского статистического комитета [Сборник трудов членов Петровского общества 1892: 43–45].

Работа И. А. Житецкого получила благожелательный отзыв в «Историческом Вестнике». Рецензент отмечал, что труд И. А. Житецкого заслуживает одобрения и внимания, является первым в своем роде обстоятельным исследованием по истории, культуре и быту калмыцкого народа. В рецензии отмечалась особая любовь и участие автора к калмыцкому народу, сочувствие к его тяжелой жизни [Сборник трудов членов Петровского общества 1894: 267].

В 1893 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии издало труд И. А. Житецкого «Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг.» [Житецкий 1893].

На заседании историко-этнографической секции ПОИАК 2 декабря 1902 г. И. А. Бирюковым были зачитаны рукописи, присланные Н. К. Яковлевым: «Рассказы калмыков о варении арьки (водки)», «Об употреблении калмыками белены», «Сведения о пауке бельбесэн-хара», «К примерам народных способов лечения скота», «Четыре калмыцкие сказки для маленьких детей», «Песнь об уходе хана Убуши», «Калмыцкие загадки, пословицы и поговорки». Члены секции с большим интересом выслушали сообщения и выразили благодарность Н. К. Яковлеву за проведенные исследования [Отчет Петровского общества 1909а: 6–7].

На заседании историко-этнографической секции ПОИАК 21 марта 1903 г. действительным членом общества М. Н. Ольшамовским, директором Астраханского реального училища, на основе сборника калмыцких сказок Н. Б. Бадмаева был сделан доклад, посвященный сказкам калмыцкого народа и их связи с мировоззрением и бытом калмыков [Отчет Петровского общества 1909б: 7]. Докладчик высказал мнение о том, что сказки, характеризующие нравственный мир калмыцкого народа, ставящего идеалом своего счастья буд-

дийскую нирвану, необходимо исследовать «сравнительным методом» [Отчет Петровского общества 1909б: 7]. Членам ПОИАК Н. Ф. Леонтьеву и С. А. Богатыреву было поручено разработать программу этнографических исследований Астраханского края [Отчет Петровского общества 1909б: 7, 11].

На втором заседании историко-этнографической секции ПОИАК, прошедшем 21 апреля 1903 г., ее секретарем И. А. Бирюковым были зачитаны новые рукописи, присланные Н. К. Яковлевым: «… калмыцкие сказки „Дурень старик“ и „Обманщица лиса“», «Отчего ласточка реет так близко к человеку и почему комары кусают людей», «Сведения о кустарной промышленности Харахусовского улуса» [Отчет Петровского общества 1909б: 8].

На очередном заседании секции 17 декабря 1903 г. ее председателем, директором Астраханской мужской гимназии С. А. Богатыревым были зачитаны предания и представлены родословные таблицы некоторых калмыцких родов, записанные в Калмыцкой степи действительным членом общества С. П. Калашниковым, ветеринаром при станции для осмотра привозных продуктов [Отчет Петровского общества 1909б: 11].

В фонде Петровского общества (фонд 857) в Государственном архиве Астраханской области содержится работа С. П. Калашникова, посвященная калмыцким преданиям и родословным населений Калмыцкой степи [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 96]. Автором были собраны легенды и предания калмыков Багацохуровского, Эркетеневского, Багацохуровского улусов: топонимические и исторические [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1–2].

Астраханские исследователи обратили внимание на изучение религии калмыцкого народа, внеся свой вклад в буддологию. Уникальным документом, хранящимся в фонде Петровского общества (фонд 857) ГААО, относящимся к истории исследования калмыцкого буддизма, является работа С. В. Фарфоровского «Общий очерк буддизма» [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 147]. С. В. Фарфоровский (1878–1938) — историк, этнограф, фольклорист, исследователь истории и культуры калмыков, туркмен, ногайцев [Баянова 2018: 114; Судавцов 2018: 39–40] — внес значительный вклад в изучение истории, культуры и быта калмыков. В список его трудов включены работы, посвященные калмыкам Ставропольской губернии, героическим и космогоническим легендам и преданиям калмыцкого народа, народному образованию и воспитанию «в калмыцкой традиции», социальному составу калмыцких улусов, влиянию культуры и быта калмыцкого народа на его фольклор [Баянова 2018: 114; Судавцов 2018: 44]. Неизвестен статус С. В. Фарфоровского в Петровском обществе: последний отчет общества содержал информацию за 1905 г. Вместе с тем пик публикационной активности С. В. Фарфоровского по калмыцкой тематике приходится на 1909–1913 гг. Наличие «Очерков по истории буддизма» С. В. Фарфоровского в фонде ПОИАК позволяет предположить, что он относился к действительным членам общества, не проживавшим в Астрахани, и его сообщение было заслушано на заседании ПОИАК, как в свое время сообщения И. А. Житецкого.

В комментариях к рукописи очерка отмечено, что он записан со слов багши 3-го хурула Большедербетовского улуса, подчеркнута значимость материала, поскольку системных исследований по истории, культуре, религиозной жизни калмыцкого народа на тот момент не существовало [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 147. Л. 2]. Сам очерк содержит пересказ канонических сюжетов о жизни и учении Сиддхартхи Гаутамы Будды [ГААО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 147. Л. 2–12].

Важным направлением в деятельности ПОИАК выступало проведение археологических исследований в Калмыцкой степи. На собрании историко-этнографической секции общества 6 мая 1888 г. было принято решение об организации «экскурсий» (экспедиций) с целью «…расширения сведения об археологических пунктах в пределах Астраханского края и об этнографических особенностях населения» [Отчет Петровского общества 1890: 6]. Организуемые членами Петровского общества «экскурсии» не могли являться научными в строгом смысле этого слова, но они послужили толчком к дальнейшему изучению исторических мест Астраханской губернии, сохранению памятников старины.

31 декабря 1888 г. на очередном заседании секции было заслушано сооб-

щение действительного члена общества И. А. Житецкого «К археологии Калмыцкой степи» — об археологических находках в Калмыцкой степи в 1885 г. Автор выступил с обзором археологических изысканий в Яндыковском улусе, при раскопках курганов в южной Манычской части Малодербетовского улуса [Отчет Петровского общества 1890: 8]. Его выступление было основано на результатах совершенных им этнографических экспедиций в 1884–1886 гг. [Протоколы Петровского общества 1890: 47–54]. Впоследствии текст выступления был оформлен в виде статьи. В 1889 г. копия этой статьи была направлена в Московское археологическое общество для составления археологической карты России [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а : 37].

Через год, 3 июня 1889 г., Петровское общество вернулось к идее проведения экспедиций. На секции был представлен проект Н. Д. Пацукевича по организации экспедиции в Калмыцкую степь с целью «собирания сведений по археологии» и для «собирания этнографических материалов». Проект получил одобрение, и историко-этнографическая секция обратилась в Совет Петровского общества с просьбой о выделении 50 руб. на «экскурсию» и о ходатайстве перед Главным попечителем калмыцкого народа И. С. Картелем о содействии [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 22, 37].

В 1890-е гг. исследования были продолжены. 29 апреля 1893 г. на заседании историко-этнографической секции общества с докладом о результатах сборов исторических, этнографических и археологических материалов в Калмыцкой степи выступил Н. С. Иванов [Отчет Петровского общества 1894: 29].

Важную роль в проведении археологических изысканий сыграл действительный член общества чиновник Управления калмыцким народом Н. К. Яковлев. На заседании 11 октября 1897 г. он выступил с докладом «Нечто об остатках старины в Калмыцкой степи Астраханской губернии», в котором представил результаты своих исследований курганов, могильников, памятных мест калмыцких улусов и, в частности, указал на необходимость их охраны и исследования [Отчет Петровского общества 1899а: 9]. 2 декабря 1902 г. члены общества были ознакомлены с рукописями, присланными Н. К. Яковлевым: «Краткое описание курганов в южной части Малодербетовского улуса», «Сведения о так называемой „Кешетинской“ каменной бабе, присланной из Калмыцкой степи в Петровский музей» [Отчет Петровского общества 1909а: 6–7].

В поле внимания петровцев находились факты участия калмыков в значимых исторических событиях. В 1892 г. на заседании историко-этнографической секции прозвучал доклад чиновника Управления калмыцким народом Н. С. Иванова: «Материалы к истории возмущения калмыков в 1771 г.». Докладчик озвучил указ Екатерины II из дела № 357 архива Астраханского калмыцкого правления на имя астраханского губернатора Н. А. Бекетова, в котором отрицалась опасность откочевки калмыков в Китайскую империю [Отчет Петровского общества 1894: 10].

В 1895 г. И. А. Бирюков, ставший секретарем историко-этнографической секции общества, выступил с докладом, посвященном участию приволжских калмыков в Русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг. [Отчет Петровского общества 1897: 9]. Материалы для реферата, посвященного подготовке и участию калмыков в военной компании 1807 г., были взяты автором в архиве Управления калмыцким народом [Отчет Петровского общества 1897: 10].

Иван Алексеевич Бирюков (1856–1919) родился в Астраханской губернии в казачьей семье. Закончил Грачевское станичное училище, работал учителем в станице. В 1879 г. был зачислен во 2-й Астраханский казачий полк. В 1882 г. окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище, в 1887 г. — офицерскую стрелковую школу, в 1888 г. стал правителем войсковой канцелярии Астраханского казачьего войска. Состоял гласным Астраханской городской думы, членом городской Управы. Сделал стремительную военную карьеру, в разные годы командовал 2-м и 1-м полками Астраханского казачьего войска. С 3 октября 1917 г. — атаман Астраханского казачьего войска. Руководитель сопротивления установлению советской власти в Астрахани [Астраханское казачество 2015]. И. А. Бирюков — автор фундаментальных

исследований по истории Астраханского казачьего войска, с 30 января 1894 г. — действительный член ПОИАК [Отчет Петровского общества 1896: 90].

В 1896 г. на заседании историко-этнографической секции ПОИАК был заслушан реферат И. А. Бирюкова, в котором автор рассмотрел участие калмыцких полков в Отечественной войне 1812 г. [Отчет Петровского общества 1898: 6]. Доклад секретаря секции дополнили фактами присутствовавшие на заседании члены ПОИАК. Так, Н. С. Иванов предоставил описание знамени калмыцкого ополчения, Н. Ф. Леонтьев познакомил членов секции с калмыцкой исторической песней, сочиненной в 1812 г. [Отчет Петровского общества 1898: 6].

Текст доклада И. А. Бирюкова, основанного на архивных материалах Главного управления калмыцким народом, впоследствии был дополнен и опубликован в виде статьи в приложении к годовому отчету Петровского общества за 1896 г. Статья состояла из трех частей: первая — «Калмыцкое ополчение 1807 года», вторая — «Калмыцкие полки и Астраханские казаки в войну 1812–14 годов», третья — «Участие калмыцкого народа в пожертвованиях на нужды Отечественной войны» [Отчет Петровского общества 1898: 147–176]. Рецензент «Исторического Вестника» отметил, что сведения, приводимые в статье И. А. Бирюкова, «значительно пополнили» российскую историографию, отражавшую события Отечественной войны 1812 г. [Отчет Петровского общества 1899б: 1044].

Песня, приведенная Н. Ф. Леонтьевым, была первоначально опубликована в «Астраханском музыкальном журнале», издававшемся в Астрахани в 1816–1818 гг. [Отчет Петровского общества 1898: 170]. Уточненный перевод песни «Маштак-боро», опубликованный также и в 1896 г. в № 83 «Астраханского справочного листка», был сделан переводчиком Управления калмыцким народом Н. Б. Бадмаевым [Отчет Петровского общества 1898: 171–174]. В приложении к отчету была приведена заметка из астраханской газеты «Восточные известия» (№ 48 от 2 декабря 1814 г.), повествовавшая о возвращении на родину полка князя Серебджаба Тюменя [Отчет Петровского общества 1898: 174–176]. Имя героя Отечественной войны 1812 г., нойона Серебджаба Тюменя, усилиями и средствами которого был воздвигнут на астраханской земле величественный храм (Хошеутовский хурул), золотыми буквами вписано в историю Астрахани.

Помимо исследовательской деятельности, проводимой членами общества, происходило накопление артефактов, составивших основу сформированной позднее экспозиции Петровского музея. Сбор коллекций не носил системного характера в связи с нехваткой финансовых средств. Будущие экспонаты первоначально находились в частных, разрозненных коллекциях членов общества. Возобновление в сентябре 1886 г. деятельности общества способствовало появлению планов по созданию музея с краеведческими экспозициями. Предполагалось создание музея из трех комплексов, посвященных природе губернии, истории и культуре народов, ее населяющих, ее экономическому развитию [Отчет Петровского общества 1889: 14–15].

В конце 1888 г. ПОИАК были переданы краеведческие коллекции из музея Астраханского губернского статистического комитета. В связи с необходимостью их экспонирования общество направило ходатайство Городскому управлению о выделении помещения для музея и библиотеки в одном из домов, принадлежавшем городу [Отчет о деятельности Петровского общества 1891а: 4–5].

Важной вехой в развитии общества стало его участие в 1890 г. в Казанской научно-промышленной выставке. Члены историко-этнографической секции общества И. С. Картель, Н. А. Мартемьянов, Е. В. Воздвиженский и председатель общества В. Н. Виноградский приняли участие в работе комиссии по комплектованию калмыцкой этнографической коллекции для участия в выставке [Отчет о деятельности Петровского общества 1891б: 5]. В астраханской экспозиции выставки, среди прочих, были размещены археологические предметы из Калмыцкой степи, фотографии, характеризовавшие быт и культуру калмыцкого народа [Отчет о деятельности Петровского общества 1891б: 6–7]. По итогам работы выставки Петровское общество получило почетный диплом за экспозицию, включавшую альбом с историко-этнографическими фотографиями, нумизматическую и археологическую коллекции членов общества [Волков 2007: 250]. После возвра-

щения экспозиции из Казани городские власти выделили для музея ПОИАК новое помещение. Таким образом, члены общества внесли значительный вклад в становление музейного дела региона.

Устав музея, утвержденный в 1897 г., определял цель его деятельности: сбор коллекций и материалов «по природе» (климатические и естественноисторические особенности), истории, этнографии, современному развитию, торговле и промышленности Астраханского края. Предполагалось создание четырех экспозиционных отделов: естественноисторического, историко-этнографического, промышленно-технического, наглядно-педагогического. Отметим, что в Уставе была предложена концепция структуры будущего краеведческого музея, его музейной экспозиции, всесторонне характеризующей Астраханский край.

Управление музеем осуществляло правление, в первый состав которого вошли представители Петровского общества и члены городского управления: П. М. Никольский, М. Г. Голубев, Х. Н. Сергеев, С. П. Серебряков. Устав определил название музея: «Астраханский Петровский музей» [Отчет Петровского общества 1899а: 8].

Историко-этнографический отдел состоял из предметов, отражавших региональную специфику, относившихся к истории, этнографии, археологии и нумизматике. Так, среди экспонатов было скульптурное изображение буддийского божества — бурхана, найденное в 1887 г. крестьянином Степаном Кальяненко во время сенокоса в урочище Шнуровой угол, расположенном в пяти верстах от села Пологое Займище. Бурхан был направлен на экспертизу чиновникам Главного управления калмыцким народом, которые привлекли к его осмотру лам хурула Калмыцкого Базара Лузунг Задбаева, Цюрюм Джамбаева и бывшего гелюнга, вышедшего из духовного звания, Цюрюм Оконь Маджиева, определивших его стоимость в 15 рублей. Согласно проведенному инженером В. М. Гаркемой исследованию оказалось, что бурхан был отлит из бронзового сплава с высоким содержанием меди и частично олова [Журнал заседаний 1888: 1–5].

В пополнении этнографической коллекции музея участвовали научные и общественные организации, частные лица. Предметы, характеризовавшие калмыцкий быт, поступили от члена ПОИАК С. И. Климашевской. Почетный член ПОИАК, член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, Археографической комиссии, директор Московского главного архива МИД барон Ф. А. Бюлер завещал передать в музей общества калмыцкие ритуальные предметы (бронзовые статуэтки-бурханы, колокольчик), вошедшие в основную экспозицию музея [Ежегодник Астраханского Петровского музея 1908: 20, 22]. Каменная половецкая «баба» поступила от Управления калмыцким народом и прислана была из Харахусовского улуса попечителем Н. К. Яковлевым. Калмыки вышеупомянутого улуса называли ее «Кашетыкчолун», т. е. Кешетинский камень [Пустовалова 2012: 60–61].

Музей ПОИАК по праву считался лучшим в Поволжье. Число посетителей музея увеличивалось с каждым годом. Так, если за 1891 г. музей посетили 8 273 человека без учета учащихся [Ежегодник Астраханского Петровского музея 1908: 9], то в 1903 г. число посетителей составило 15 276 человек [Отчет Петровского общества 1909б: 6].

Петровский музей брал на себя значительные просветительские функции: его посетители могли познакомиться с природой, историей и культурой региона.

Дата завершения работы Петровского общества не установлена в историографии вопроса. Последний отчет о работе общества за 1903 г. был опубликован в 1909 г. Публикации 20-х гг. XX в., выходившие под грифом общества, не затрагивали тему истории и культуры калмыцкого народа и были посвящены метеорологии, ихтиологии, орнитологии [Курапов 2019: 59].

Выводы

В результате настоящего исследования авторы пришли к следующим выводам и обобщениям. Особенности культурного развития Нижнего Поволжья оказали влияние на деятельность краеведов. Колоссальное историко-культурное наследие региона обусловило активность местных научных сил по его изучению и охране, организации музейного дела. Многонациональная культура стимулировала развитие краеведческих исследований членов ПОИАК в области истории и этнографии. Одним из важных

направлений исследований членов Петровского общества стало изучение различных аспектов прошлого и настоящего калмыцкого населения, что послужило основой для становления профессиональной этнографии в Астраханском крае. Проведенное авторами исследование подтвердило факты плодотворного изучения членами ПОИАК темы истории, культуры, быта калмыцкого народа Астраханской губернии. Специфика деятельности петровцев определялась стремлением выстраивать исследование с опорой на опыт предшественников, отраженный в их научных трудах, тщательно анализировать источники, изучать реальные практики бытования калмыков, в том числе при выполнении актуальных задач совместно с административными структурами.

ПОИАК внесло неоценимый вклад в развитие археологических, этнографических, историко-культурных изысканий в регионе. Работа его членов строилась на основе самоуправления, добровольного членства, выстраивания программных направлений исследований, презентации результатов научного поиска, широкой просветительской деятельности. Петровское общество выступало региональным научно-исследовательским центром, объединившим «общественную инициативу в провинции» вокруг насущных задач экономического, социального, культурного развития общества. Изучение истории и культуры народов, населявших Астраханскую губернию, в том числе калмыцкого народа, являлось актуальной задачей для общества и государства, ориентированных на перемены. Анализ вопросов содержания деятельности региональных обществ и роли легальных общественных организаций в социальном развитии того или иного региона важны в контексте общих представлений о целом — российском обществе пореформенного периода, без этого оно будет неполным, поверхностным. Опора на исследовательский опыт предшественников позволит сохранить преемственность в изучении заявленной научной проблемы, введение в научный оборот новых архивных источников расширит наши представления о деятельности региональных научных обществ, ставших социокультурным феноменом в истории России.

Источники

ГААО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

Астраханское казачество 2015 — Астраханское казачество — путь сквозь века / Е. Г. Тимофеева, О. К. Антропов, П. В. Казаков и др. Астрахань: Изд. дом «Астрахань», 2015. 404 с.

Баянова 2018 — *Баянова А. Т.* Об этнографической заметке С. В. Фарфоровского о калмыках // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 3. С. 114–123. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-3-7-114-123

Волков 2007 — *Волков В. А.* Музейно-археологическая деятельность Петровского общества исследователей Астраханского края // Археология Восточно-Европейской степи / под ред. В. А. Лопатина. Вып. 5. Саратов: Научная книга, 2007. С. 247–261.

Ежегодник Астраханского Петровского музея 1908 — Ежегодник Астраханского Петровского музея. Отчеты Музея за 1891–1900 и 1901–1905 гг. Астрахань: Первая нов. рус. тип., 1908. 66 с.

Есенгараев 1991 — *Есенгараев Е. Х.* Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков (на материалах деятельности исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 20 с.

Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.

Журнал заседаний 1888 — Журнал заседаний Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Губерн. правлен., 1888. 16 с.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

Камардина 1999 — *Камардина О. В.* Императорское Русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 1999. 19 с.

Клейтман 2019 — *Клейтман А. Л.* Нижнее Поволжье в научной мысли России: проблемы изучения истории, культуры и экономического развития (XVIII в. – 30-е гг. XX): дис. … д-ра ист. наук. Волгоград, 2019. 565 с.

Курапов 2019 — *Курапов А. А.* Петровское общество исследователей Астраханского края — региональный научный центр XIX – начала XX в. // Астраханские петровские чтения: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / сост. Е. Г. Тимофеева, А. П. Романова, А. О. Тюрина. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2019. С. 57–59.

Лебедев 2009 — *Лебедев С. В.* Музейный аспект в деятельности Астраханского губернского статистического комитета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 93. С. 74–80.

Отчет о деятельности Петровского общества 1891а — Отчет о деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края за 1889 г. Астрахань: Тип. «Астрах. листка», 1891. 69 с.

Отчет о деятельности Петровского общества 1891б — Отчет о деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края за 1890 г. Астрахань: Тип. «Астрах. листка», 1891. 65 с.

Отчет о деятельности Петровского общества 1892 — Отчет о деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края за 1891 г. Астрахань: Тип. «Астрах. листка», 1892. 24 с.

Отчет Петровского общества 1889 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за время с 7 сентября 1886 г. по 31 декабря 1887 г. Астрахань: Тип. Губерн. правлен., 1889. 53 с.

Отчет Петровского общества 1890 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1888 г. Астрахань: Тип. «Астрах. листка», 1890. 61 с.

Отчет Петровского общества 1894 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1893 г. Астрахань: Паровая нов. рус. тип., 1894. 81 с.

Отчет Петровского общества 1896 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 г. Астрахань: Паровая нов. рус. тип., 1896. 93 с.

Отчет Петровского общества 1897 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 г. Астрахань: Тип. Н. Л. Рослякова, 1897. 126 с.

Отчет Петровского общества 1898 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896 г. Астрахань: Тип. Н. Л. Рослякова, 1898. 176 с.

Отчет Петровского общества 1899а — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1897 г. Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1899. 80 с.

Отчет Петровского общества 1899б — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896 г., с приложением рефератов, читанных в заседаниях общества // Исторический вестник. 1899. №. 3. С. 1042–1044.

Отчет Петровского общества 1909а — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1902 г. Астрахань: Тип. П. С. Цейхенштейна, 1909. 25 с.

Отчет Петровского общества 1909б — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1903 г. Астрахань: Паровая нов. рус. тип., 1909. 26 с.

Протоколы Петровского общества 1890 — Протоколы Петровского общества исследователей Астраханского края за май – декабрь 1888 года. Астрахань: Паровая нов. рус. тип., 1890. 81 с.

Пустовалова 2012 — *Пустовалова Ж. А.* Из истории комплектования фондов Астраханского музея-заповедника // Всерос. науч. конф., посвященная 175-летию Астраханского музея-заповедника: сб. ст. Астрахань, 2012. С. 60–63.

Сборник трудов членов Петровского общества 1892 — Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астрах. листка», 1892. 374 с.

Сборник трудов членов Петровского общества 1894 — Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. С 35 таблицами и 11 снимками карт // Исторический Вестник. 1894. № 4. С. 266–268.

Степанский 1982 — *Степанский А. Д.* Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1982. 395 с.

Судавцов 2018 — *Судавцов Н. Д.* Ставропольские ученые и краеведы-исследователи истории калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4. С. 37–46.

Ученые — исследователи Калмыкии 2006 — Ученые — исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): Библиографический указатель / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.

Ухтомский 1891 — *Ухтомский Э. Э.* От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. князя В. П. Мещерского, 1891. 213 с.

Ушаков 2000 — *Ушаков Н. М.* Петровское общество исследователей Астраханского края // Власть и общество России в прошлом и настоящем: сб. ст. по мат-лам науч. чтений, посвященных 90-летию со дня рождения проф. Д. С. Бабурина (22–23 сентября 1999 г.). М., 2000. С. 188–205.

Хаченьян 1999 — *Хаченьян А. Л.* Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 28 с.

Шотанова 2016 — *Шотанова Г. А.* Материалы астраханских научных обществ и учреждений как источник по истории Казахстана: автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 2016. 29 с.

References

Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) Academic Researchers of Kalmykia: 17th – Early 20th Centuries. Bibliographical Guide. Elista: Kalmyk Book Publ., 2006. 251 p. (In Russ.)

Astrakhan Governorate Statistical Committee: Minute Book. Astrakhan: Governorate Executive Office, 1888. 16 p. (In Russ.)

Bayanova A. T. S. V. Farforovsky and the Kalmyks: one ethnographic essay revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 3. Pp. 114–123. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2018-3-7-114-123

Esengaraev E. Kh. Scientific Societies and Their Impacts on Russia's Historical Science, Late 19th – Early 20th Centuries: A Case Study of Historical Societies Affiliated to Moscow and St. Petersburg Universities. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1991. 20 p. (In Russ.)

Kamardina O. V. Imperial Russian Historical Society: A Historical Essay on Its Scientific Activities, 1866–1916. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Samara, 1999. 19 p. (In Russ.)

Khachenyan A. L. Public Organizations of the Lower Volga: At the Turn of the 20th Century. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Volgograd, 1999. 28 p. (In Russ.)

Kleytman A. L. The Lower Volga in Russia's Scientific Thought: Research Problems Related to History, Culture and Economic Development. Dr.Sc. (history) thesis. Volgograd, 2019. 565 p. (In Russ.)

Kurapov A. A. Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region as a regional scientific center of the 19th – early 20th centuries. In: Timofeeva E. G., Romanova A. P., Tyurin A. O. (eds.) Peter the Great Readings in Astrakhan. Conference Proceedings. Astrakhan: Astrakhan State University, 2019. Pp. 57–59. (In Russ.)

Lebedev S. V. Museum aspect in the activity of the Astrakhan Provincial Statistical Committee. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. No. 93. Pp. 74–80. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)

Peter the Great Museum of Astrakhan: Yearbook. Reports of 1891–1900 and 1901–1905. Astrakhan: Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya, 1908. 66 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1888 Activity Report. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1890. 61 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1889 Activity Report. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1891. 69 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1890 Activity Report. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1891. 65 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1891 Activity Report. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. 24 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1893 Activity Report. Astrakhan: Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya, 1894. 81 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1894 Activity Report. Astrakhan: Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya, 1896. 93 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1895 Activity Report. Astrakhan: N. Roslyakov, 1897. 126 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1896 Activity Report. Astrakhan: N. Roslyakov, 1898. 176 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1896 Activity Report, Supplemented with Reports Delivered at Meetings of the Society (review). *Istoricheskiy vestnik*. 1899. No. 3. Pp. 1042–1044. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1897 Activity Report. Astrakhan: V. Egorov, 1899. 80 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1902 Activity Report. Astrakhan: P. Zeichenstein, 1909. 25 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: 1903 Activity Report. Astrakhan: Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya, 1909. 26 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Activity Report, 7 September 1886 to 31 December 1887. Astrakhan: Governorate Executive Office, 1889. 53 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Collected Works by Members of the Society. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. 374 p. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Collected Works by Members of the Society, Supplemented with 35 Tables and 11 Maps (review). *Istoricheskiy vestnik*. 1894. No. 4. Pp. 266–268. (In Russ.)

Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: Transactions, May – December 1888. Astrakhan: Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya, 1890. 81 p. (In Russ.)

Pustovalova Zh. A. Astrakhan Reserve Museum: some episodes in the history of its formation revisited. In: Kurapov A. A. (ed.) Astrakhan Open-Air Museum: Celebrating the 175th Anniversary. Collected Papers. Astrakhan: R. Sorokin, 2012. Pp. 60–63. (In Russ.)

Shotanova G. A. Materials of Astrakhan-Based Scientific Societies and Institutions as Sources on the History of Kazakhstan. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Almaty, 2016. 29 p. (In Russ.)

Stepansky A. D. Russia's Public Organizations: At the Turn of the 20th Century. Dr.Sc. (history) thesis. Moscow, 1982. 395 p. (In Russ.)

Sudavtsov N. D. Stavropol scientists and researchers in local history are researchers in the history of Kalmyks. *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 4. Pp. 37–46. (In Russ.)

Timofeeva E. G., Antropov O. K., Kazakov P. V. et al. Astrakhan Cossacks: The Way through Centuries. Astrakhan: Astrakhan, 2015. 404 p. (In Russ.)

Ukhtomsky E. E. From Kalmyk Steppe do Bukhara. St. Petersburg: Prince V. Meshchersky, 1891. 213 p. (In Russ.)

Ushakov N. M. Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region. In: Government and Society in Russia. Past and Present. Proceedings of Scientific Readings (September 22–23, 1999). Moscow, 2000. Pp. 188–205. (In Russ.)

Volkov V. A. Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Region: museum and archaeological activities. In: Lopatin V. A. (ed.) Archaeology of the East European Steppe. Saratov: Tekhno-Dekor, 2007. Vol. 5. Pp. 247–261. (In Russ.)

Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1234–1242, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1234-1242
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК94 (47)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1234-1242

К вопросу присоединения Средней Азии к России (обзор некоторых башкирских письменных источников второй половины XIX в.)

Минлегали Хусаинович Надергулов[1], *Ильшат Сулейманович Игдавлетов*[2]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор филологических наук, заведующий отделом
0000-0003-4546-416X. E-mail: nadergul@mail.ru

[2] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
0000-0003-2714-9078. E-mail: igdavlet@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Надергулов М. Х., Игдавлетов И. С., 2020

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена исследованию юго-восточной политики Российской империи во второй половине XIX в., организации походов и присоединению Средней Азии. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений о юго-восточной политике Российской империи и ходе освоения обширной территории во второй половине XIX в. из арабографичной рукописи путевых записей рядового солдата Хуснияра, хранящейся ныне в Фонде рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, которая впервые исследуется как исторический источник. Для сравнения привлекается опубликованный источник — заметки статского советника М. Бекчурина. *Результаты*. Сегодня, когда юго-восточные границы России практически вернулись к рубежам начала XVIII в., актуальным и практически целесообразным является исследование темы истории установления взаимоотношений с Казахстаном и Средней Азией. Сведения статского советника М. Бекчурина раскрывают экономические цели правительства, когда российская промышленность и торговля искали новые рынки сбыта продукции. М. Бекчурин дает свои предложения для улучшения роста торговли. Рукопись путевых записей Хуснияра отражает наблюдения рядового солдата, его отношение и переживания как мусульманина в походе против единоверцев. Источник позволяет представить набор и маршрут одного из военных формирований. Оба документа дают возможность представить исследуемый регион в конце XIX в. В настоящее вре-

мя на этой территории существуют самостоятельные страны уже с другими государственными границами, и этнический состав многих населенных пунктов значительно изменился.

Ключевые слова: путевые записи, Мирсалих Бекчурин, Хуснияр, Средняя Азия, Андижан, Туркестан, юго-восточная внешняя политика России

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Надергулов М. Х., Игдавлетов И. С. К вопросу присоединения Средней Азии к России (обзор некоторых башкирских письменных источников второй половины XIX в.) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1234–1242. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1234-1242

UDC 94 (47)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1234-1242

Annexation of Central Asia to Russia Revisited: A Review of Some Mid-to-Late 19th-Century Bashkir Written Sources

Minlegali Kh. Nadergulov[1], *Ilshat S. Igdavletov*[2]

[1] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Head of Department
0000-0003-4546-416X. E-mail: nadergul@mail.ru

[2] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
0000-0003-2714-9078. E-mail: igdavlet@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Nadergulov M. Kh., Igdavletov I. S., 2020

Abstract. *Introduction.* The article studies southeastern policies of the Russian Empire in the second half of the 19th century, its campaigns and the annexation of Central Asia. *Goals.* The work analyzes reasons for the activation of foreign policy in the region during the mentioned period. The course and goals of the conquest of the Khanates of Kokand and Khiva, Emirate of Bukhara are considered. *Materials.* The paper investigates data contained in reports by the State Councilor M. Bekchurin, and one more document — Arabic-script travel records (manuscript) by a private soldier Husniyar currently stored at the Manuscript Collection of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS) and for the first time studied as a historical source. *Results.* Messages about the beauty of Eastern cities and Asian wealth had long attracted attention of Russian monarchs. Finally, Russia's attempts to penetrate into Central Asia were crowned with success. In just two decades, the vast country further extended its borders far to the south and became a neighbor of another one — the British Empire. Nowadays, the study of the history of establishing relations with Kazakhstan and Central Asia, when the southeastern borders of Russia almost returned to those of the early 18th century, is relevant and practically expedient. Reports by State Councilor M. Bekchurin reveal the economic objectives of the government: Russian industry and trade were looking for new markets for their products. So, M. Bekchurin gives his suggestions how to facilitate the growth of trade. The manuscript of Husniyar's travel notes contains observations of an ordinary soldier, his attitude and experience as a Muslim in the campaign against his co-religionists. The source makes it possible to present the set and route of one military formation. Both the documents provide an opportunity to depict this region in the late 19th century. Currently, there are independent countries across this territory with different state borders, and the ethnic composition of many settlements has changed significantly.

Keywords: travel notes, Mirsalih Bekchurin, Husniyar, Central Asia, Andijan, Turkestan, Russia's southeastern foreign policy
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).
For citation: Nadergulov M. Kh., Igdavletov I. S. Annexation of Central Asia to Russia Revisited: A Review of Some Mid-to-Late 19th-Century Bashkir Written Sources. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1234–1242. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1234-1242

Введение

Средняя Азия еще с периода правления Петра I начинает представлять значительный интерес в юго-восточной политике России. Обширный регион привлекает внимание как в торгово-экономическом отношении, так и в военно-стратегическом плане.

Петр Первый, даже при активной западной внешней политике, стремясь к выходу к Балтийскому морю, не упускал из вида огромные восточные границы. Он хорошо понимал, какие экономические выгоды получит государство, если в торговом отношении сможет стать «посредницею» между Азией и Европой [Соловьев 1963: 345]. С правления Петра I в истории российской восточной внешней политики наступает новая эпоха не только в отношении Дальнего Востока, но и в отношении к исламского мира [Бартольд 1977: 391].

Планы проникновения в Среднюю Азию в первой четверти XVIII в. через Персию и Сибирь не имели успеха. Экспедиции во главе И. Д. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского закончились неудачами. В итоге правительство решает выбрать другой путь, через Башкирию.

Для реализации планов продвижения во внутреннюю Азию по новому маршруту было необходимо привлечь на свою сторону башкир, яицких казаков и калмыков. Далее предстояло утвердить власть на огромной территории казахских жузов. Поэтому в своей азиатской политике Петр Первый придавал Казахстану большое значение [Буканова 1997: 35].

Появление нового города — Оренбурга — на границе со степью сыграло большую роль в развитии двухсторонних отношений. В том числе активизировались торгово-экономические связи с ханствами Средней Азии. В последующем присоединение казахских жузов к России уже давало новые возможности перед государством. Казахские земли имели значение «ключа и ворот всем азиатским странам и землям» [Витевский 1889: 136].

Развивая дипломатические и торгово-экономические отношения с казахами и среднеазиатскими ханствами, российское правительство начинает активно привлекать и башкир. Одна религия, близость языка, культуры и традиций с казахами и другими народами Средней Азии способствовали налаживанию контактов с южными соседями. Башкиры часто привлекались в качестве переводчиков, купцов, дипломатов и т. д. С началом завоевательных походов в Среднюю Азию они также участвовали вместе с казаками в составе военных экспедиций.

До настоящего времени сохранилось значительное количество составленных башкирами отчетов, журналов, путевых записок, дневников, которые являются ценными источниками, отражающими внешнюю политику Российского государства на Востоке с начала XVIII в. до второй половины XIX в. и полного присоединения Средней Азии к России. Указанные документы содержат множество ценных сведений о социально-экономической, политической и культурной жизни этого обширного региона в данный период. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений о юго-восточной политике Российской империи и ходе освоения обширной территории во второй половине XIX в. из арабографичной рукописи путевых записей рядового солдата Хуснияра, хранящейся ныне в Фонде рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее — ИИЯЛ УФИЦ РАН), которая впервые исследуется как исторический источник. Для сравнения

привлекается опубликованный источник — заметки статского советника М. Бекчурина.

Сведения М. Бекчурина о Средней Азии

С окончательным присоединением в середине XIX в. всех казахских жузов российское правительство начинает активное продвижение в Среднюю Азию, где на тот момент существовали такие государства, как Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. Это обширное пространство населяли каракалпаки, узбеки, туркмены, киргизы, уйгуры и таджики, в большинстве тюркоязычные народы.

Усиление активизации российского правительства на востоке вызывалось экономическими причинами и обострением противоречий между Российской и Британской империями, так как Средняя Азия примыкала к индийским владениям Англии.

В июне 1864 г. из городов Перовск и Верный началось наступление царских войск против Кокандского ханства. Вскоре взяли штурмом крепость Аулие-Ата и город Туркестан, в сентябре Чимкент. Летом 1865 г. крупный экономический центр Ташкент был включен в состав России. В этом же году была образована Туркестанская область, Ташкент стал ее центром. Генерал-майор М. Г. Черняев высочайшим указом был назначен военным губернатором Туркестанской области (1828–1898 гг.) [Васильев 2018: 32]. В 1866 г. были завоеваны Худжанд, Ура-Тюбе, Джизак и другие города. В 1868 г. после военных неудач Бухарское и Кокандское ханства признали себя вассалами Российской империи. В итоге русские купцы получили право на беспошлинную торговлю на территории этих ханств [Халфин 1965: 238–239].

Одним из участников этих среднеазиатских походов был Мирсалих Мирсалимович Бекчурин (1819–1903 гг.) В 1865 и 1866 гг. при генерале Н. А. Крыжановском (1818–1888 гг.), командующем войсками Оренбургского военного округа, он два раза был в Средней Азии в качестве переводчика с восточных языков. Участвовал во всех походах, организованных под личным руководством Н. А. Крыжановского, находился рядом с генералом при штурме городов Ура-Тюбе и Джизак, по его поручению вел переговоры со среднеазиатскими властями. М. Бекчурин, кроме дипломатической деятельности в период присоединения Средней Азии, широко известен как башкирский просветитель, педагог, ученый-лингвист и фольклорист [ВИБ 2013: 93].

В последующем М. Бекчурин опубликовал свои наблюдения. В основном он уделяет внимание не военным действиям, а социально-экономическому развитию региона. Достаточно подробно характеризует крепости и города Худжанд, Нау, Ура-Тюбе, Замин, Джизак и Чим-Курган. Описывает этнический состав городов, основные занятия населения, с кем и чем торгуют, дороги, расстояние между городами, отношения между соседними городами и странами и т. д. Например, о Худжанде М. Бекчурин пишет, что город значительно населен, жители в основном таджики и сарты. Число всех живущих в городе и окрестностях от 40 до 45 тыс. «Усердие их к вере» отчасти видно уже из того, что в городе 160 мечетей [Бекчурин 1872: 3].

Промышленность в Ходженте, как вообще в Туркестанской области, находится в зачаточном состоянии. Торговля в сравнении с Ташкентом незначительна, но через город беспрестанно проходят караваны из Бухары в Коканд. Они останавливаются здесь единственно для внесения пошлин за провозимые товары. Русские товары («ситцы, сукна», железные и медные изделия и сахар) получают из Ташкента, куда они привозятся из Петропавловска, Троицка и Оренбурга [Бекчурин 1872: 2–3]. Поскольку Ташкент являлся крупным экономическим центром, его завоевание широко комментировалось в деловых и военно-политических кругах России. Подчеркивалось важное значение города как торгового центра, который может принять роль главного рынка для всей Средней Азии; отмечалось богатство региона полезными ископаемыми [Халфин 1965: 196]. В последующем Ташкент действительно становится не только огромным внутренним рынком, но и центром русско-среднеазиатской торговли [Волков 2015: 83].

М. Бекчурин в своих заметках интересно описывает мавзолей Ходжи Ахмета Ясави, который находился в г. Туркестан, дает историческую справку с момента основания, описывает состояние, внутреннюю отделку, приводит переводы настенных над-

писей с арабского и персидского языков. Им перечислены даже имена духовных лиц, состоявших тогда на службе при мечети. Как отмечает автор, «во время штурма города мечеть испытала повреждения, но она могла быть разрушена или пострадать больше, если бы шейх-эль ислам, пренебрегая грозившею ему опасностью, не поспешил сам взойти на минарет и не поднял белого флага, предвестника сдачи города» [Бекчурин 1872: 63].

По записям М. Бекчурина можно предположить, что первоначально его наблюдения были написаны в форме отчета. Лично участвуя в переговорных процессах с среднеазиатскими властями, все же он акцентирует внимание на изложении экономического развития этого обширного региона. Одновременно вносит свои предложения для улучшения торговли между Россией и ханствами Средней Азии. Например, для улучшения развития торговли он предлагает скорее построить железную дорогу от Оренбурга до Самары и Моршанска [Бекчурин 1872: 49]. Особенно сведения экономического характера были ценными для правительства в этом стратегическим регионе, где пересекались важные транзитные торговые пути.

В юго-восточной внешней политике России Мирсалих Бекчурин был не первым участником из семьи Бекчуриных. Его отец Мирсалим Бекчурин входил в состав посольства Я. П. Гавердовского, организованного в 1803 г. в Бухару. В это время он служил помощником пакгаузного инспектора Оренбургской таможни. Как хорошо знавшего местные языки и нравы Бухары, Мирсалима Бекчурина включили в состав посольства в качестве переводчика [Халфин 1974: 62].

Династию продолжил сын Мирсалиха Бекчурина Мирюсуф Бекчурин, который после окончания курса в Неплюевском кадетском корпусе в 1867 г. участвовал в Бухарском, Хивинском и Кокандском походах. В одном из среднеазиатских арабографичных источников упоминаются некоторые стороны деятельности Мирюсуфа Бекчурина. Казахский ученый Т. К. Бейсембиев приводит интересные сведения о Мирюсуфе Бекчурине как представителе новой русской администрации из исторической хроники «Тасниф-и гариб», написанной на тюрки. В документе сообщается, что служившие в городе Маргилан Бекчурин, Томич и Баранов были лучшими начальниками, не брали взяток и достойно относились к подданным [Бейсембиев 2009: 132].

Путевые записи солдата Хуснияра в свете других сведений о Ферганском отряде и его походе

Известны арабографичные источники, авторами которых являются солдаты из числа башкир — участников среднеазиатских походов. Некоторые из них опубликованы С. А. Искандаровой [Искандарова 2020: 231–246]. Мы хотели остановиться на еще одном интересном источнике. Это путевые записи башкирского солдата Хуснияра, также участника среднеазиатских походов. Рукопись не имеет названия, написана на арабографичном тюрки. Автор в своем автобиографическом стихотворном произведении описывает период прохождения службы в Средней Азии. Источник хранится в Фонде рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее — ИИЯЛ УФИЦ РАН) [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ.].

Данный источник условно можно разделить на две части. В первой автор повествует о периоде от получения известия о призыве до отбытия из г. Бирск в Среднюю Азию. Во второй части содержится непосредственно изложение периода несения службы.

Хуснияр родом из деревни Старокочкильдино Бирского уезда. Согласно источнику, во время учебы в медресе деревни Старотазларово приезжает его отец с вестью о призыве на службу. Попрощавшись, Хуснияр с отцом возвращаются в Старокочкильдино, пробыв там два дня, едут на «прием». Автор не называет населенный пункт «приема», это, должно быть, уездный центр — город Бирск. Далее описывается интересный случай набора солдат. Новобранцы должны тянуть номера: «сказали на приеме тянуть номера, испытать свое счастье... Хуснияр вытянул номер 109, много людей взяли, у кого дальние номера — остались» [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 26–27]. Таким образом, понятно, по какому принципу шел набор призывников: в список попали те, кому достались номера

от начала нумерации до определенного числа, обозначавшего количество новобранцев.

После прохождения медосмотра ему окончательно сказали, что он годен для военной службы, и вручили «билет» явиться 18 декабря в г. Бирск. В истечении 35 дней он прибывает к месту назначения, и через 4 дня новобранцы направляются в г. Уфу, далее в Оренбург и через казахские степи в Среднюю Азию. Здесь автор не называет, в какое время происходят события, но, как понятно из последующего изложения фактов, это декабрь 1877 г.

Спустя 35 дней, претерпев жару, песчаные бураны и другие муки, новобранцы добираются до города Казалы. Пробыв там три дня, двигаются дальше вдоль реки Сырдарья и доходят до города Ак Мечеть. Через два дня следуют далее, очередную остановку совершив в известном г. Туркестане. Здесь Хуснияр с удивлением восхищается величием мавзолея Ходжи Ахмета Ясави.

Далее через Чимкент новобранцы следуют в Ташкент — «крупный город, где живут разные люди … уже под властью русских». Пробыв три дня, направляются в Худжанд, где Хуснияр случайно на улице встречает своего земляка Юсуфа из деревни Чураш, с которым они проводят целый день, знакомясь с городом [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 117]. Из города Худжанд направляются в Коканд, оттуда в город Маргилан. Остановки в этих городах, как и в предыдущих, были короткими. В целом до прихода их отряда в город Андижан все стоянки были не более двух–трех дней, о которых автор рассказывает поверхностно.

Достаточно подробно Хуснияр повествует о городе Андижан, отмечая «отрицательные» и «положительные» стороны его жизни. Здесь их расположили в казарме — бывшей ханской мечети, где находилось медресе. Как верующего мусульманина и вчерашнего шакирда, это особенно сильно его удивило. Как отмечает сам автор, «при нахождении в мечети-казарме сжалось мое сердце» [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 130].

В числе поразивших Хуснияра как мусульманина фактов — употребление местными жителями наркотических веществ. Во-первых, это кальяны или «челем», как назвал их автор, которые курят все. Во-вторых, насваи, которые кладут под язык. В-третьих, анаша и опиум, которые также употребляют местные жители. Автор с сожалением говорит об этих явлениях, отмечая, что мало кто не пробовал этого. Хуснияр критически относится к вопросу отношений между мужчинами и женщинами, к отсутствию порядка, чистоты и другим особенностям жизни местного населения. Необычными ему показались местные развлечения, бои баранов и петушиные бои за деньги. Кроме того, автор рассказывает о местной денежной единице, об успешном занятии андижанцев садоводством, земледелием и их быте [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 134–162].

Отряд продолжительное время находился в Андижане и в июне 1878 г. получил команду выдвигаться в Маргилан. Здесь был сбор и других формирований, перед которыми выступил командующий Ферганским отрядом генерал-майор А. К. Абрамов и объявил о походе в направлении Кашкадарьи. Сразу после обращения А. К. Абрамова под музыку оркестра солдаты начали походный марш [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 168–172].

Данный интересный фрагмент рукописи, повествующий о «походе в направлении Кашкадарьи», находит место и в других источниках и исследованиях, которые также отражают события, происходившие на китайской границе. Например, М. А. Терентьев, известный военный и востоковед, лично участвовавший в среднеазиатских походах, пишет, что крайне вызывающая политика Англии во время русско-турецкой войны в 1877 г., а затем на Берлинском конгрессе в июне 1878 г. навели российское правительство на мысль воспользоваться новыми позициями в Средней Азии, относительная близость которых к английским владениям Ост-Индии давала возможность наделать англичанам достаточно хлопот и тем отвлечь их от вмешательства в чужие дела [Терентьев 1906: 427].

Другой исследователь, В. Н. Зайцев, в своей работе также отмечает, что в июне 1878 г. был сформирован Ферганский отряд под начальством генерала-майора А. К. Абрамова. Начальное движение предполагалось к афганской границе в связи со сложностями, сложившимися в политических отношениях с английским правительством. Но затем этому отряду была назна-

чена другая цель — двигаться в сторону кашгарской границы для поддержания требований о свободном пропуске наших торговых караванов, так как, по случаю волнений в это время в Кашгаре и бегства многих кашгарских жителей вместе с эмиром в русские пределы, китайское правительство запретило переходить за границу российским купцам [Зайцев 1882: 206]. Таким образом, первопричиной похода стало осложнение отношений Российской империи с Англией, но в последующем цель, поставленная перед выступившими в поход, изменилась.

Ферганский отряд, выдвинувшись из Маргилана через поселение Шахимардан, доходит до высоких снежных вершин, но из-за сугробов «девять аршинов» не смог продолжить маршрут в сторону Кашгара. В итоге отряд повернул обратно в Шахимардан, затем последовал в город Ош, оттуда в город Гульча. Далее измотанный отряд по узким тропам через вершины Алайских гор следует к местечку Иркестам (или Иркештам). Там он оставался некоторое время, успев построить одно «сооружение» [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 173–176].

Высокогорный перевал, описываемый Хуснияром, при переходе которого возникли сложности из-за непогоды, скорее всего, называется Кара-казык. Как отмечает М. А. Терентьев, генерал-майор А. К. Абрамов лично осмотрел перевал Кара-казык и решил, что все вещи придется переносить на руках, что крайне измотает солдат и будет сопровождаться большой потерей времени. Воспользовавшись двухдневной благополучной погодой, он смог организовать прохождение перевала только двумя ротами с инженерным парком. Остальной отряд повернул назад в г. Ош. Затем из Оша они выступили, согласно прежнему плану, по дороге в Кашгар, через город Гульчу, для того чтобы построить укрепление в Иркештаме. Это было вызвано враждебным отношением китайских властей на данном участке границы [Терентьев 1906: 437].

Из Иркештама отряд выдвигается в сторону Кашгара, переходит большую реку с сильным течением. Он приближаются к Кашгару (оставалось всего 30 км), но город был в составе Китая. Здесь состоялась встреча с китайскими послами, и Хуснияр кратко упоминает об этом. Солдатам, которые впервые увидели жителей Поднебесной, даже от их внешнего вида стало «не по себе»: они удивлялись языку китайцев, длинным волосам, как у женщин, и длиннополой одежде, как у попов [ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. Л. 176–178].

Как следует из рукописи Хуснияра, вооруженных столкновений не было. Отряд несколько дней дислоцировался на этом месте, но затем солдаты, измученные переходами и постепенным истощением продовольственных запасов, вернулись обратно в Андижан.

Относительно отправки солдат к местечку Иркештам и их возвращения В. Н. Зайцев пишет следующее: в «На Алайскую долину, по примеру прошлого года для обеспечения спокойствия в горах, был выслан самостоятельный отряд, в котором находилась 1-я рота с 22 июня по 12 октября, эту роту предполагалось оставить в урочище Иркештан, для чего в этом урочище было выстроено помещение для зимовки; но по изменившимся обстоятельствам, казарма была разрушена, рота вернулась домой и на границе войск не осталось» [Зайцев 1882: 206–207]. М. А. Терентьев вносит ясность по данному вопросу и отмечает, что 1 октября Ферганский отряд, не добившись своим пребыванием в Иркештаме никаких уступок от китайцев по отношению к российским купцам, выступил обратно в Фергану на зимние квартиры [Терентьев 1906: 441].

Описывая весь свой маршрут, автор анализируемой рукописи — солдат Хуснияр — не сообщает, в какой именно части он нес службу. Ознакомившись с материалами М. А. Терентьева и В. Н. Зайцева, сопоставив их с сведениями Хуснияра, можно сказать — это Ферганский отряд под командованием генерала-майора А. К. Абрамова. Данное формирование состояло из 6 стрелковых рот разных линейных батальонов, трех сотен 5-го сводного полка, 6 орудий конно-горной и дивизиона ракетной батареи [Терентьев 1906: 434].

Заключение

В XXI в. Средняя Азия остается стратегически важным регионом для России как в политическом, так и в экономическом отношении. На ее обширной территории, за которую Россия боролась полтора века назад и на которой тогда укрепила свои позиции, расширив границы далеко на юг, в настоя-

щее время располагаются независимые государства. Но даже спустя столько времени основными игроками во внешнеполитической арене в этом районе являются Россия, Китай, а вместо Великобритании появились США. Выгодное географическое расположение территории Туркестана представляется идеальной площадкой для больших геополитических проектов.

Крупный, преимущественно мусульманский, регион в этническом плане далеко неоднороден. Как свидетельствуют исторические факты, на этой территории отношения между ханствами и народами не всегда были дружественными. Здесь соседствовали кочевые народы и оседлые земледельцы, бескрайние степи, пустыни и крупные города Бухара, Самарканд которые были центрами политической, экономической и культурной жизни региона.

Все это разнообразие требовало больше информации для понимания, ознакомления с населением, их основными занятиями, отношениями между частями населения и их соседями и т. д.

Для восстановления и представления исторической картины данного периода в Туркестане необходимо привлечение многочисленных материалов из отчетов, журналов, дневников, путевых записей и т. д. Анализ рукописных источников на арабографичном письме тюрки имеют большое научное и практическое значение для изучения этнополитической истории на территории Средней Азии.

Сведения статского советника М. Бекчурина и рядового солдата Хуснияра дополняют базу источников по юго-восточной политике Российской империи и ходу освоения обширной территории во второй половине XIX в. Второй источник долгое время оставался вне поля зрения исследователей, так как написан на тюрки. К сожалению, сегодня значительное количество подобных документов многих российских архивов не введены в научный оборот.

Источники

ФР ИИЯЛ УФИЦ РАН. 1 аэ. — Фонд рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Личный фонд академика Г. Б. Хусаинова. 1 археографическая экспедиция.

Sources

Institute of History, Language and Literature; Ufa Federal Research Centre of the RAS; Manuscript Collection. (In Bash.)

Литература

Бартольд 1977 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IX. М.: Наука, 1977. 966 с.

Бейсембиев 2009 — *Бейсембиев Т. К.* Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы: ТОО «Print-S», 2009. 1263 с.

Бекчурин 1872 — *Бекчурин М. М.* Туркестанская область: Заметки статского советника Бекчурина. Казань: Унив. тип., 1872. 70 с.

Буканова 1997 — *Буканова Р. Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 253 с.

Васильев 2018 — *Васильев Д. В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

Витевский 1889 — *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. I. Казань: типо-лит. В. М. Ключникова, 1889. 176 с.

ВИБ 2013 — Военная история башкир: энциклопедия / гл. ред. А. З. Асфандияров. Уфа: Башк. энцикл., 2013. 432 с.

Волков 2015 — *Волков И. В.* Россия и Восток: Туркестанский азимут (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 81–84.

Зайцев 1882 — *Зайцев В. Н.* История 4-го Туркестанского линейного батальона, с картой, за период с 1771 по 1882 год, как материал к описанию движения русских в Среднюю Азию. Ташкент, 1882. 283 с.

Искандарова 2020 — *Искандарова С. А.* Цикл баитов о войне с Кокандским и Бухарским ханствами во второй половине XIX в. //

Письменные памятники западных и северо-западных районов Башкортостана: статьи и материалы. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020. С. 231–246.

Соловьев 1963 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17–18. М.: Соцэкгиз, 1963. 701 с.

Терентьев 1906 — *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб.: Типолит. В. В. Комарова, 1906. 555 с.

Халфин 1965 — *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.

Халфин 1974 — *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974. 406 с.

References

Asfandiyarov A. Z. et al. (eds.) Bashkir Military History: Encyclopedia. Ufa: Bashkirskaya Entsiklopediya, 2013. 432 p. (In Russ.)

Barthold V. V. Collected Works. Vol. IX. Moscow: Nauka, 1977. 966 p. (In Russ.)

Bekchurin M. M. Turkestan Oblast: Notes by State Councilor Bekchurin. Kazan: Imperial Kazan University, 1872. 70 p. (In Russ.)

Beysembiev T. K. Kokand Historiography: Exploring Central Asian Source Studies, 18th–19th Centuries. Almaty: Print-S, 2009. 1263 p. (In Russ.)

Bukanova R. G. Fortified Settlements of Southeastern Russia, 18th Century: History of Urban Development in Bashkiria. Ufa: Kitap, 1997. 253 p. (In Russ.)

Iskandarova S. A. Baits about wars against the Khanates of Kokand and Bukhara: mid-to-late 19th century. In: Written Monuments of Western and Northwestern Bashkortostan. Articles and Materials. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Fed. Res. Centre of RAS), 2020. Pp. 231–246. (In Russ.)

Khalfin N. A. Russia and Central Asian Khanates: Early-to-Mid 19th Century. Moscow: Nauka, 1974. 406 p. (In Russ.)

Khalfin N. A. The Russian Annexation of Central Asia: 1860s – 1890s. Moscow: Nauka, 1965. 468 p. (In Russ.)

Solovyov S. M. History of Russia: From Earliest Times. Book IX. Vols. 17–18. Moscow: Sotsekgiz, 1963. 701 p. (In Russ.)

Terentyev M. A. The Russian Conquest of Central Asia. Vol. 2. St. Petersburg: V. Komarov, 1906. 555 p. (In Russ.)

Vasilyev D. V. The Burden of Empire: Russia's Administrative Policies in Central Asia, Mid-to-Late 19th Century. Moscow: ROSSPEN, 2018. 638 p. (In Russ.)

Vitevsky V. N. Ivan I. Neplyuev and Orenburg Region in Its Pre-1758 Borders. Vol. I. Kazan: V. Klyuchnikov, 1889. 176 p. (In Russ.)

Volkov I. V. Russia and the East: Turkestan azimuth, mid-19th – early 20th centuries. In: National Congress of Orientalists Celebrating the 125th Anniversary of Zeki Velidi Togan's Birth. Vol. 1. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2015. Pp. 81–84. (In Russ.)

Zaytsev V. N. A History of the 4th Turkestan Line Battalion Supplemented with a Map, 1771 – 1882: Materials on the Russian Invasion of Central Asia. Tashkent, 1882. 283 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1243–1255, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1243-1255
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 93/94
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1243-1255

Уфа — культурный центр мусульман Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: становление, развитие, наследие

Гульназ Булатовна Азаматова[1], *Михаил Игоревич Роднов*[2], *Марсиль Нуруллович Фархшатов*[3]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-9364-5005. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru

[2] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
0000-0001-7654-4782. E-mail: mrodnov@ufanet.ru

[3] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, заведующий
0000-0003-3430-2405. E-mail: marsil@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Азаматова Г. Б., Роднов М. И., Фархшатов М. Н., 2020

Аннотация. *Введение.* На Южном Урале с традиционно плотным расселением тюркского населения роль Уфы для культурного и экономического развития башкир и татар являлась исключительно важной. *Цель и задачи.* В статье освещены ключевые моменты формирования в южноуральской столице административных, интеллектуальных и экономических ресурсов, системное сочетание которых превратило Уфу в центр мусульманских народов Российского Востока. Концептуализация культурной истории многонационального города предполагала анализ религиозных, экономических и общественно-политических предпосылок ее становления. *Материалы.* Наряду с данными историографии в статье использовались материалы периодической печати, документы архивных хранилищ, в том числе большой массив отчетной документации Волжско-Камского коммерческого банка из Российского государственного исторического архива. *Результаты.* С ранней историей Уфы было связано существование в городе Татарской слободы и появление прослойки нерусского чиновничества и дворянства. Решение стратегической задачи по устранению влияния среднеазиатских и турецких мусульман на единоверцев восточной окраины России вылилось в беспрецедентный проект по созда-

нию Оренбургского муфтията в Уфе. Его работа стала главной предпосылкой концентрации в городе интеллектуальных и общественных ресурсов российских мусульман. Экономическую базу мусульманских приходов с полноценной инфраструктурой: мечетями, медресе и мектебами — во многом формировала и финансировала состоятельная часть уфимского купечества из мусульман. Роль Уфы в общественно-политической жизни российских мусульман прослеживается через развитие средств массовой информации, мусульманских съездов регионального и всероссийского значения. *Выводы*. Развитие Уфы как центра тюрко-исламского мира России способствует осмыслению феномена культурного регионализма и его содержания.

Ключевые слова: Уфа, ислам, муфтият, медресе, Волжско-Камский коммерческий банк, купечество, благотворительность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Азаматова Г. Б., Роднов М. И., Фархшатов М. Н. Уфа — культурный центр мусульман Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: становление, развитие, наследие // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1243–1255. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1243-1255

УДК 93/94
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1243-1255

Ufa — Cultural Center for Muslims of the Russian Empire, Late 19th – Early 20th Centuries: Formation, Development, Heritage

Gulnaz B. Azamatova[1], Mikhail I. Rodnov[2], Marsil N. Farkhshatov[3]

[1] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-9364-5005. E-mail:gulnaz.azamatova@yandex.ru

[2] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate
0000-0001-7654-4782. E-mail: mrodnov@ufanet.ru

[3] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Head of Department
0000-0003-3430-2405. E-mail: marsil@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Azamatova G. B, Rodnov M. I., Farkhshatov M. N., 2020

Abstract. *Introduction*. In the Southern Urals traditionally densely inhabited by Turkic peoples, the role of Ufa for the cultural and economic development of Bashkirs and Tatars was extremely important. *Goals*. The article highlights key moments in the formation of administrative, intellectual and economic resources in the Southern Ural capital, the systemic combination of which has turned Ufa into a center for the Muslim peoples of Russia's East. The conceptual insight into cultural history of the multinational city presupposes analyses of religious, economic, and sociopolitical preconditions for its emergence. *Materials*. Along with historiographic data, the article investigates periodicals, archival documents, including a large array of reporting papers by the Volga-Kama Commercial Bank stored at the Russian State Historical Archives. *Results*. The early history of Ufa was associated with the existence of a Tatar settlement in the city and the shaping of a layer of non-Russian officials and nobility. The strategic

efforts aimed at eliminating the influence of Central Asian and Turkish Muslims on co-religionists in the eastern outskirts of Russia resulted in an unprecedented project to create Orenburg Muftiate in Ufa. The latter's activities became the main prerequisite for further concentration of intellectual and social resources of Russian Muslims in the city. The economic base of Muslim parishes with a full-fledged infrastructure — mosques, madrasas and maktabs — was largely formed by wealthy Ufa-based Muslim merchants. The role of Ufa in the social and political life of Russian Muslims can be traced through the development of the media, regional and national Muslim congresses. *Conclusions*. The development of Ufa as a center of Russia's Turko-Islamic society contributes to the understanding of the phenomenon of cultural regionalism and its content.

Keywords: Ufa, muftiat, madrasa, Volga-Kama Commercial Bank, merchants, charity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Azamatova G. B, Rodnov M. I., Farkhshatov M. N. Ufa — Cultural Center for Muslims of the Russian Empire, Late 19th – Early 20th Centuries: Formation, Development, Heritage. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1243–1255. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1243-1255

Введение

В Уфе, основанной в середине 1580-х гг. и ставшей центром вошедших в состав Московского царства обширных земель Южного Урала, быстро сложился многоэтничный состав жителей, включая татарских купцов, служилых новокрещен и других. Расположение города на территории сплошного распространения ислама оказалось связано с перспективой превращения его в административный и культурный центр востока России. Освещение данного аспекта истории Уфы актуально по двум причинам. Во-первых, многонациональность является фактом российской культуры, в особенности в городах. При этом данный вопрос в истории Уфы, как и в отечественной исторической урбанистике в целом, остается недостаточно освещенным. Во-вторых, сценарии модернизации культуры российских мусульман нередко создавались в Уфе, где традиционно концентрировались творческие и духовные силы российского ислама.

Материалы и методы

При изучении выбранной темы материалами служили: отчетная документация Уфимского отделения Волжско-камского коммерческого банка (далее — ВВКБ), сохранившаяся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА), опубликованная делопроизводственная и финансовая документация Уфимской городской думы (журналы заседаний, ежегодные сметы доходов и расходов), периодическая пресса («Уфимские губернские ведомости», «Врачебно-санитарная хроника», «Вестник Оренбургского магометанского Духовного собрания»), документы Министерства внутренних дел (донесения Уфимского губернского жандармского управления, хранящиеся в НА РБ). Перечисленные материалы позволили осмыслить значение Уфы для многонационального населения региона, а также раскрыть неизвестные ранее факты по теме исследования.

Методология работы наряду с принципом историзма, когда развитие мусульманской культуры в Уфе исследуется через причинно-следственную связь исторических событий, базируется на социологической теории большого общества А. С. Ахиезера [Ахиезер 1993: 319]. Согласно данной теории, развитие локального (мусульманского) общества скрепляется ценностями большого (российского) общества. В качестве медиаторов — социокультурных посредников между целостностью большого общества и представителями локальных социумов — рассматриваются религиозные и общественные институты мусульман.

Страницы «мусульманской истории» Уфы освещены рядом авторов в контексте изучения институтов ислама [Азаматов 1999; Юнусова 1999; Юнусова 2010; Загидуллин 2007], истории [Валеева 1993; Фархшатов 2003; Буравцов 2014: 76–77] и архитектуры [Ширгазин, Калимуллина 2008] города. Историографический опыт нуждается в дальнейшей систематизации и концепту-

ализации. Он пока туманно отражается в содержании учебных пособий по городской истории [Уфаведение 2011]. Вместе с тем источники и литература свидетельствуют о значительной роли Уфы в процессе развития культуры тюркских народов, непосредственно связанной с исламскими канонами.

Упомянутая Н. Ф. Демидовой Татарская слобода в Уфе XVI в. [История Уфы 1981: 30] указывает на раннее обоснование в ней тюркского населения. Впоследствии в городе, выделявшимся среди уральских городов значительной прослойкой дворян и служащих, закреплялись представители татарских дворян и чиновников. Это стало важной предпосылкой открытия в Уфе 4 декабря 1789 г. Уфимского духовного магометанского закона собрания (в 1796 г. переименовано в Оренбургское, а в 1846 г. — в Оренбургское магометанское духовное собрание). По мысли автора проекта, местного чиновника Д. Б. Мертваго, новое учреждение, выступая экспертом назначаемых мулл, должно было устранить влияние среднеазиатских и турецких мусульман на единоверцев восточной окраины России. Так, в Уфе, которая до конца XVIII в. по направленности религиозно-культурной жизни и архитектурному облику имела православно-русский характер, возникли основы для развития восточно-мусульманской культуры. При Духовном собрании находилась резиденция правительственного муфтия — духовного главы российских мусульман (кроме населяющих Крым и Кавказ), проводились испытания кандидатов на мечетские должности на предмет их лояльности властям и знания правил и обрядов исламской религии.

Религиозная община мусульман Уфы заметно укрепилась после строительства в 1830 г. первой мечети по ул. Воскресенской (ныне ул. Тукая). Инициатором ее сооружения выступил второй по счету муфтий Габдессалам Габдрахимов (1765–1840, в должности с 1825 г.). С его именем связано и начало освоения квартала ее местонахождения в самом центре Уфы недалеко от комплекса зданий губернского правления, губернаторского дома и главного городского православного Воскресенского кафедрального собора (освящен 24 августа 1841 г.). Тогда же, с 1832 г., уфимские мусульмане получили собственный некрополь на периферийном участке города, отведенном им по указу императора [Ширгазин, Калимуллина 2008: 53–54].

Строительство первой мечети повел стерлитамакский купец 2-й гильдии мирза Мукмин Тагиров в основном за счет собственных средств (все расходы обошлись в 12 тыс. руб. серебром, часть составили пожертвования) [Валеева 1993: 83]. В 1865 г. вблизи мечети закончилось строительство собственного двухэтажного каменного здания Духовного собрания [Буравцов 2014: 76–77]. Оно обошлось в 54 742 руб., которые покрывались из средств муфтията, поступивших за счет специально для этого введенного в 1835 г. брачного сбора с мусульман округа — по 30 копеек серебром с каждой брачующейся пары [Азаматов 1999: 52]. В здании Духовного собрания, наряду с рабочими кабинетами, разместились квартира муфтия, архив и библиотека высшего мусульманского управления, а с 1887 г. и его литография.

По однодневной переписи 24 октября 1864 г. из 20 149 уфимцев религию ислам исповедовали 873 человека, т. е. 4,33 % всех жителей [Фархшатов 2003: 81]. Быстрее росла численность татарской общины, на это влияли близость основной территории расселения татар и худшая обеспеченность землей (по сравнению с башкирами). Наряду с дисперсным расселением мусульман по всему городу сформировались районы их компактного проживания: квартал Первой соборной мечети, близкая к нему Архиерейская слобода и окраинная Нижегородская слобода. Вокруг мечети обживали усадьбы семейства духовенства, дворян и чиновников, а слободы населяли ремесленники, извозчики и другие обыватели, в большинстве своем — маргинальные жители низкого достатка. Только в 1880-е гг. усилиями муфтия Салимгарая Тевкелева (1807–1885, в должности с 1865 г.) в Нижегородской слободе по ул. Преображенской (ныне ул. Леваневского) была открыта вторая махалла (приход) и построена деревянная мечеть. Можно утверждать, что до последней четверти XIX в. присутствие ислама в Уфе сочеталось со слабостью духовных и материальных проявлений мусульманской культуры. Красноречивым фактом, например, было отсутствие в городе вплоть до конца

1880-х гг. крупного медресе — главного признака просвещенности.

Рост культурного значения Уфы для башкирского, татарского, мишарского и тептярского населения региона был связан с ее бурным демографическим и экономическим развитием. К началу XX в. население Уфы удваивалось примерно через каждые десять лет [Роднов 2000: 95]. По переписи 1897 г. в городе проживало 2 193 мусульман (они составляли 8,13 % всех горожан), в том числе 1 194 татар и 999 башкир, 78 мишарей, 72 тептярей и т. д. В 1915 г. численность мусульман-уфимцев выросла до 19 801 чел. Рос и их удельный вес среди горожан: в 1897 г. он составлял 11,94 %, а в 1913 г. — 18,03 % [Фархшатов 2003: 81].

Существенным фактором развития мусульманской культуры в Уфе стала консолидация материальных ресурсов предпринимателей. Анализ оборотов капиталов по текущим счетам Уфимского отделения ВККБ, через которые осуществлялись платежи крупным бизнесом, показывают в 1870–1880-е гг. присутствие единичных татарских купцов, чаще открывали счета татарские дворяне и служащие (Тевкелев, Ахтямовы). Но по величине оборотов татарские купцы входили в ряды достаточно заметных фигур местной торговли. Например, оборот средств на текущем счету купца М.-З. И. Утямышева составлял в 1884 г. 124 тыс. руб., в 1886 г. — 62 тыс. руб. В 1886 г. крупные операции через Уфимское отделение провели еще торговый дом «Г. Субаев и А. Рахметуллин» (26,3 тыс. руб.) и М. Абдул-Латыпов (75,9 тыс. руб.), обороты которого в 1887 г. составили уже 187,4 тыс. руб. [РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1187. Л. 77–78; Д. 1189. Л. 79–81; Д. 1190. Л. 79об.].

Ситуация принципиально изменилась после проведения через Уфу в 1888 г. железной дороги. Через Уфимское отделение ВККБ начинают осуществлять финансовые операции крупнейшие общероссийские компании горнозаводчиков, чаеторговцев, золотодобытчиков, здесь разворачивают свою деятельность предприниматели, занимавшиеся вывозом хлеба и леса, поставщики промышленных товаров [Роднов 2020]. И уже в 1890-е гг. в Уфе прочно утвердился ряд крупных татарских купцов. Лидерами, как и среди русских, были приезжие.

Так, в 1893 г. первая десятка по обороту капитала на текущих счетах в Уфимском отделении ВККБ, которую возглавлял знаменитый торговый дом «Григория Стахеева сыновья» с оборотом почти в 2 млн руб., включала двух татарских предпринимателей: С. М. Назирова (737 тыс. руб.) и С. С. Губайдуллина (577 тыс. руб.) [РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1200. Л. 7–10]. Уроженец Вятской губернии Садретдин Мифтахитдинович Назиров открыл текущий счет в Уфимском отделении ВККБ в 1892 г. на 148 тыс. руб., в 1893 г. он составил 737 тыс., в 1894 г. — 936 тыс., в 1895 г. — 974 тыс., в 1896 г. — 861 тыс., в 1897 г. — 745 тыс. руб. На втором месте находился С. С. Губайдуллин, чьи обороты в эти годы колебались от 577 до 714 тыс. руб. Среди успешных купцов, перешедших от комплексной торговли мануфактурными, бакалейными, кожевенными товарами, чаем и сахаром к крупномасштабной скупке хлеба, был выходец из Бугульминского уезда Казанской губернии Абдуллатиф Абдулхакимович Хакимов. Он стабильно имел обороты платежей через ВККБ свыше 100 тыс. руб., вплоть до 468 тыс. руб. в 1895 г.

Общее же число вкладчиков-мусульман среди клиентов Уфимского отделения ВККБ было невелико, не превышая семи человек из общего количества примерно в 200 текущих счетов. Операции с ценными бумагами проводил только крупный помещик, князь А. Г. Чингиз, который в начале 1890-х гг. держал текущий счет под залог процентных бумаг [РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1196–1198, 1200, 1202, 1203, 1205, 1206].

В целом основная масса среднего и мелкого татарского бизнеса в Уфе придерживалась традиционных способов ведения торговли с оборота, редко прибегала к кредитованию в банках. Названные лидеры татарского купечества, в первую очередь торговцы мануфактурой, являлись своеобразными посредниками между современными и традиционными формами организации предпринимательства. Они имели широкую сеть мелких сельских розничных торговцев, через которых шли поставки промышленных товаров в деревню.

Эту ситуацию отразила открытая в 1905 г. в Уфе товарная биржа, среди членов которой мусульман было также немного. Среди руководителей биржи (старшин и

кандидатов) с 1908 по 1912 гг. всегда присутствовали татарские купцы (Б. М. Назиров, Х. С. Рахманкулов, А. А. Хакимов). Кроме этих семейств, в членах Уфимской биржи состояли Ягудины, Н. А. Алмаев, М.-М. Исмангулов, М. С. Тупеев, Г. Г. Усманов, А. З. Утямышев, Ш. Ю. Хамитов, Х. Х. Хабибуллин, Шамгуловы.

Показателем перехода татарского купечества к передовым формам организации бизнеса стало учреждение торговых домов «Бр. Аминовы и К°» (1908), «Братьев А. и М. Утямышевых» (1910), «Товарищество братья Булгаковы» (1911), «Товарищество Р. М. Ягудиной и К°» (1912) и др. [Роднов 2016]. Иногда пайщиками фирм были одновременно русские и татары.

К началу XX в. татарские купцы заняли прочное место в системе уфимской торговли. Торговый дом «Братья Каримовы» и С. С. Шамгулов в центре города открывают в выстроенном трехэтажном здании свои магазины [Энциклопедия... 2006: 195, 198]. Это был один из самых современных крупных магазинов Уфы, например, здесь первыми начали продавать галоши, автомобильные и велосипедные шины [Роднов 2018: 42, 132].

К 1910-м гг. татарские предприниматели уверенно вышли на лидирующие позиции в местном бизнес-сообществе. Так, в 1913 г. на крупнейшей бельской пристани Топорнино (совр. Кушнаренково) после общероссийских фирм Стахеевых, Менькова и Галунова по объему торговли шли уфимские купцы Ягудины, Ишмаев и Хакимов, опережая всех местных русских хлеботорговцев. На уфимских пристанях в 1913 г. фирмы Ягудиных и Каримовых входили в пятерку лидеров, в Дюртюлях М. Н. Хакимов вообще занимал первое место [Роднов, Дегтярев 2008: 191, 196, 199].

Большую роль играли татарские купцы на рынке уфимской городской недвижимости. Крупнейший татарский предприниматель С. М. Назиров проживал на ул. Бекетовской, где купил две соседние усадьбы (№ 20 и 22) в 1890 и 1905 гг. В 1903 г. он приобретает две каменные лавки в Гостином дворе, еще семь лавок купец арендовал. А 17 октября 1916 г. он покупает огромный дом купца С. Л. Сахарова на углу ул. Бекетовской и Большой Успенской, где арендовала помещение биржа. Всего на 1916 г. собственность С. М. Назирова оценивалась городскими властями почти в 94 тыс. руб. Значительную недвижимость приобрел брат С. М. Назирова — Бадретдин Назиров.

Второй по масштабам деловой активности татарский купец Абдуллатиф Абдулхакимович Хакимов в 1902 г. покупает две усадьбы также на ул. Бекетовской (№ 4 и 6). Татарские предприниматели не случайно облюбовали этот район города — тихую улицу напротив главной Верхне-Торговой площади. На противоположной стороне А. А. Хакимов приобретает домовладение № 9, которое затем передает духовному управлению, — и здесь строится единственная в городе двухминаретная мечеть В 1900, 1901 и 1904 гг. А. А. Хакимов покупает шесть каменных лавок в Гостином дворе на Верхне-Торговой площади, в 1913 г. приобретает еще одну усадьбу на Бекетовской (№ 5), которую дарит сыну. В его собственность переходят еще два домовладения на ул. Уфимской (1908 г.) и Бекетовской (1913 г.). Затем А. А. Хакимов вкладывает капиталы в приобретение элитной многоэтажной недвижимости в самом центре Уфы. 16 декабря 1916 г. у семейства Меклер он покупает два участка на ул. Александровской (14 и 18, торговые корпуса на площади), а 15 мая 1917 г. в его собственность переходит известный многоэтажный дом наследников Видинеевых (Александровская, 15). Общая стоимость недвижимости А. А. Хакимова (с сыном) по оценке на 1916 г. составляла 227,4 тыс. руб. В Уфе единицы могли сравниться с ними по ценности недвижимости.

В годы Первой мировой войны и революции в Уфе происходила активная скупка престижной и высокодоходной недвижимости в центре города татарскими купцами. Братья Ишмаевы 1 декабря 1917 г. приобретают усадьбу на ул. Александровской 8, купец С. С. Шамгулов 13 декабря 1916 г. покупает дорогой (оценка в 51 тыс. руб.) участок купца Н. М. Патокина (Александровская, 29). Ф. А. Ягудин становится владельцем дома купчихи Чижевой (Пушкинская, 64), большая усадьба Суйковской (Центральная, 16) переходит 24 января 1917 г. к торговому дому «Усмановы и К° в Уфе» [НА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 87–90].

К началу революции значительная часть центра Уфы вокруг Верхне-Торговой пло-

щади оказалась в руках татарских предпринимателей. В этом можно видеть проявление глубоких социокультурных сдвигов: выходцы из сельской глубинки, капиталы которых были созданы на скупке сельскохозяйственной продукции или торговле в деревне, вкладывают средства в городскую недвижимость. Уже престарелые лидеры татарского бизнеса связывали будущее своих детей и внуков только с городской средой.

Концентрация купеческих капиталов в Уфе привела к образованию новых приходов и мечетей. В 1903 г. начала действовать двухэтажная каменная 3-я соборная мечеть по ул. Воздвиженская (ныне Лесопильная). Возведенная в 1906–1908 гг. на усадебном месте А. А. Хакимова двухэтажная каменная двухминаретная мечеть стала 4-й соборной мечетью, при ней в 1909–1910 гг. выстроили просторное двухэтажное медресе. Впоследствии А. А. Хакимов передал комплекс зданий в распоряжение Духовного собрания. В 1905–1909 гг. строилась 5-я соборная мечеть (двухэтажная деревянная) на территории городского мусульманского кладбища. В 1914–1918 гг. владельцем извозного бизнеса Ш. Байбиковым на Лагерной горе (ныне ул. Проломная) была построена 6-я городская мечеть (двухэтажная деревянная).

Мусульманские приходы Уфы возглавили имамы нового поколения, они организовали передовые медресе, известные на всю Россию. Имам первой мечети Хайрулла Усманов (ранее был имамом в Стерлитамаке) в 1887 г. основал медресе Усманийа. О его популярности свидетельствует количество шакирдов (студентов): в 1897 г. их число достигало 300 человек [Мастеевский 1897]. Имам второго прихода Зия Камали в 1906 г. инициировал проект — медресе Галийа с программой высшего учебного заведения, реализованный благотворителями. Призванный в третью махаллю имам Мухаммад-Сабир Хасанов (уроженец Бугурсланского уезда Самарской губернии, выпускник медресе Расулийа Троицкого уезда Оренбургской губернии) в 1903 г. открыл медресе Хасанийа в составе семи отделений. Мухаммад-Сабир Хасанов прославился как талантливый каллиграф, избирался депутатом Второй Государственной думы, позже стал первым редактором журнала Духовного собрания «Маглюмат». Имамом 4-й (Хакимовской) мечети прихожане избрали Мухаммад-Хадия Фахретдинова, бывшего муллу д. Каратай Бугульминского уезда Самарской губернии.

В уфимские медресе стекалась жаждущая знаний молодежь Урало-Поволжья, Сибири, Крыма, Средней Азии, Казахстана и Северного Кавказа. По однодневной городской переписи 1913 г. в 4-х медресе было зафиксировано около 600 шакирдов [Краткое сообщение... 1913: 7]. Начальное образование подрастающее поколение получало в мектебах при 1-й, 2-й, 3-й и 5-й мечетях [Смета доходов... 1913: 184]. «Городская» черта мусульманского образования в Уфе проявилась в широкой распространенности женского образования. В 1908 г. в 9 женских мектебах и при медресе Усманийа получали образование 624 ученицы [Уфа шәһәрендә... 1908], позже открылось еще женское отделение медресе Хакимийа при 4-й мечети.

Русскоязычное образование мусульмане Уфы получали в русско-башкирском и русско-татарском начальном училищах, русском классе при медресе, начальной школе при 2-й соборной мечети, в четырехклассном городском училище и в Уфимской мужской гимназии (в ней было 5 стипендий для мусульман). Девушки поступали в двухклассную русско-башкирскую женскую школу с приютом-интернатом, единицы — в Мариинскую женскую гимназию.

Объединение купцов, дворян и чиновников в благотворительные общества: «Уфимское мусульманское благотворительное общество» (открыто в 1898 г.) и «Дамское мусульманское благотворительное общество» (в 1906 г.) — координировало помощь учебным заведениям и неимущим жителям, распространяло урбанистическую культуру в виде публичных библиотек (работали бесплатная мусульманская библиотека-читальня по ул. Бекетовской, библиотека Дамского мусульманского общества по ул. Спасской), лекций, благотворительных вечеров, показа спектаклей и кино.

Благоприятный духовный климат, привлекавший в Уфу прогрессивных современников, формировался внутренним курсом муфтията. После того, как по закону Российской империи от 9 января 1890 г. муфтий получил самостоятельное право выбора помощников, в городе появились первые кадии — подлинные религиозные и обще-

ственные подвижники. В 1891 и 1892 гг. муфтий Мухамадьяр Султанов (1837–1915, на должности с 1886 г.) пригласил в Собрание имама д. Ильбяк Бугульминского уезда Самарской губернии Ризаэтдина Фахретдинова (служил кадием до 1906 г.) и ахуна г. Тары Тобольской губернии Габдрашида Ибрагимова (1850, 1853 или 1857–1944). В 1895–1899 и повторно в 1908–1915 гг. кадием состоял известный татарский деятель Хасан-Гата Мухамедов (Габяши) из Казанского уезда и губернии. Его книга «Мофассал тарих кавами турки» («Подробная история тюркских племен»), опубликованная в Уфе в 1909 г., оставила заметный след в национальной историографии. Турецкий султан Мухаммад-Рашаду, ознакомившись с ней, вознаградил автора ковром, сердоликовыми четками и золотыми карманными часами [Салихов 1999: 272–280].

Духовное собрание объединяло вокруг себя и светских интеллектуалов. В 1880–1899 гг. переводчиком при нем состоял известный башкирский ученый и просветитель М.-С. Уметбаев, автор первого исследования по истории Оренбургского муфтията, изданного на русском (1891) и татарском (1901) языках [Уметбаев 1891]. В 1895–1901 гг. секретарем в канцелярии муфтия был А. Ахтямов, известный как земский деятель, впоследствии депутат Первой и Второй Государственных дум. В начале XX в. счетоводом при Собрании состоял М. Мутин, в будущем один из первых татарских театральных деятелей. 20 апреля 1906 г. он организовал постановку на уфимской сцене пьесы известного татарского писателя и драматурга Гаяза Исхаки «Оч хатын белэн тормыш» («Жизнь с тремя женами»), что считается пока что официально не признанной датой рождения татарского театра.

Оренбургский муфтият стал местом проведения культурных и общественно-политических встреч. Так, осенью 1894 г. в библиотеке муфтията в присутствии председателя М. Султанова состоялось получившее широкую известность состязание-диалог в искусстве поэтической импровизации (по-башкирски: *эйтеш*) между знаменитым поэтом М. Акмуллой (1831–1895) и упомянутым работником Собрания М.-С. Уметбаевым, башкирским сэсэном (поэтом-импровизатором). 10–15 апреля 1905 г. при муфтияте состоялась встреча духовных и светских лидеров башкирского и татарского народов, на которой впервые наиболее четко была озвучена программа модернизации общественно-политической жизни мусульман внутренней России.

В 1911 г. были широко отмечены юбилейные торжества по случаю 25-летия службы муфтием М. Султанова с участием многих видных башкирских и татарских интеллектуалов. Официальный прием депутаций был запечатлен на киноаппарат и картина «Торжества 25-летнего служебного юбилея главы мусульманского духовенства М. М. Султанова» демонстрировалась в электротеатре «Юлдуз» торгового дома «Бр. Каримовы».

При поддержке Духовного собрания 14–15 декабря 1913 г. прошло обсуждение ахунами и имамами края реформы образовательных учреждений башкир и татар, а также земское анкетирование мектебов Уфимской губернии 1912–1913 гг., которое стимулировало аналогичную работу земств Пермской и Оренбургской губерний.

В формирование общественного климата многонациональной Уфы собственный вклад внесли органы местного самоуправления. В Уфимском губернском земском собрании гласные от башкир и татар инициировали ходатайства об открытии учительской школы, преподавании родного языка в русско-инородческих школах. Известными гласными (депутатами) были Ш. Ш. Сыртланов, К.-М. Б. Тевкелев, А. Ахтямов, С. Джантюрин и др. Упомянутые деятели, используя накопленный на земском и общественном поприще опыт, выступали депутатами Государственной думы (К.-М. Тевкелев в трех ее созывах был к тому же председателем мусульманской фракции), стали активными участниками общероссийских съездов мусульман в 1905–1906 и 1914 гг. в Нижнем-Новгороде и Санкт-Петербурге.

В стенах Уфимской губернской земской управы под председательством П. Ф. Коропачинского родился новаторский проект по включению традиционных мектебов башкир и татар в государственную систему начального образования и началась его реализация. С 1912 г. управа организовала отдел «инородческого образования», где сформировались первые кадры национальной интеллигенции: просветители Л. Я. Мендияров, Г. Х. Терегулов, З. З. Шакиров,

Ш. Х. Сюнчелей и др. По инициативе губернской управы в Уфе прошли совещания о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы (23–25 мая 1911 г.), а также учителей и мугаллимов для просмотра учебников в начальных нерусских школах (27 июля 1915 г.), собравшие делегатов из Уфимской, Оренбургской, Пермской, Казанской губерний. В 1916 г. в Уфе впервые открылись земские трехгодичные педагогические курсы для подготовки учителей из башкир и татар.

В Уфимской городской думе гласные из мусульман по подсчетам О. А. Полянiной составляли до 18 % от общего числа гласных [Полянина 2006: 25]. В начале XX в. в городском самоуправлении состояли дворянин К. С. Алкин, князь Х. А. Акчурин и ветеринарные врачи С. А. Басимов (член городской управы) и Ш. Х. Еникеев, педагог Ш. Н. Кинзикеев и сливки татарского купечества: Б. М. Назиров, М. Г. Хакимов, С. С. Шамгулов, Ф. А. Ягудин, А. З. Шамсонов и др. В стенах Городской думы решались вопросы отвода земли под городские мечети, определялись размеры пособий мектебам и медресе. Рассматривая Городскую думу как «учреждение народной совести», мусульмане Уфы озвучили в ее стенах требование учитывать конфессиональные отличия при разработке постановлений о праздничных днях и в сфере образования [НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 7. Л. 44–45; Журналы... 1908: 26].

Творческие силы мусульманской интеллигенции города находили концентрированный выход на страницах национальной периодической печати. С 30 мая 1906 г. в городе выходила первая еженедельная общественно-политическая и литературная газета на татарском языке «Аль-галами аль-ислами» («Мусульманский мир»), издателем и редактором которой был Ш. Абызгильдин. Идейное направление определяли З. Камали, автор многочисленных статей модернистского характера, и имам-хатиб 3-й мечети М.-С. Хасанов. Однако с 29-го номера, когда издателем стал Г. Мустафин, а редактором Б. Максютов, газета во многом утратила свой передовой дух. В январе 1907 г. из-за финансовых трудностей и преследования властей она закрылась.

21 января 1908 г. вышел первый номер официального органа Уфимского муфтията журнал «Маглюмат» (полное название «Ма'лумату махкамаи шар'ийаи Оренбургийа» («Известия Оренбургского магометанского духовного собрания»). Редактором стал имам М.-С. Хасанов, а затем коллегия кадиев Духовного собрания: Н. Мамлеев, Г. Капкаев, Х.-Г. Мухамедов. Издание выходило дважды в месяц, в нем нередко публиковались острые материалы по общественной жизни, реформе мусульманских учебных заведений, женскому вопросу. Первое время действовала обязательная подписка на журнал для приходского духовенства, за счет чего он получил широкое распространение в соседних губерниях. Демократическая направленность журнала муфтията не устроила местные власти, и в ноябре 1910 г. его выпуск прекратился. С 1 января 1916 г. издание возобновил муфтий М.-С. Баязитов, но содержание и объем журнала заметно оскудели.

Третьим по времени возникновения национальным периодическим органом в Уфе стала газета «Тормыш» («Жизнь»). С 18 октября 1913 г. ее выпускал издатель-редактор М.-В. Наурузов как преемницу организованной им в марте 1912 г. в г. Томске газеты «Сибирийа». Сначала издание выходило три раза в неделю, а с начала 1914 г. стало ежедневным. В октябре того же года газету приобрел уфимский миллионер Г. Усманов и привлек редактором известного общественного деятеля З. Кадыри, позже редактором «Тормыш» стал журналист Г. Хабиров. Газета выходила до 29 апреля 1918 г., была закрыта новыми властями по обвинению в антисоветизме.

Вторым каналом реализации творческого потенциала местных интеллектуалов являлась книгоиздание, ставшее более доступным после открытия в октябре 1908 г. по ул. Александровской (ныне ул. К. Маркса) книгоиздательства «Шарк матбагасы» («Восточная печать») с собственной типографской базой — филиала оренбургского книгоиздательского «Товарищества Каримов, Хусаинов и К». В 1914 г. предприятие перешло в руки известных татарских книгопромышленников из Казани братьев Мухаммаджана, Шарифджана и Хасана Каримовых. До 1917 г. оно выпустило 200 наименований книг общим тиражом около 600 тыс. экз., в том числе книги местных авторов, такие как: «Словарь восточных заимствований» С. Джантюрина; учебник

«Грамматика арабского языка» Х. Усманова, З. Кадыри, сочинения по философии ислама З. Камали, З. Кадыри; «Астрономия» Дж. Абызгильдина; «Ислам и музыка» Г.-Х. Кильдебека и т. д. Вторая уфимская типография — «Тормыш», выпускающая литературу на восточных языках, открылась в 1914 г. владельцем одноименной газеты Г. Усмановым, третьей в 1916 г. стала типография Духовного собрания.

Превращение Уфы в один из опорных пунктов ислама в Российской империи наряду с городами Казань, Оренбург, Троицк, Баку, Симферополь и др. ярко показали события 1917 г. Город стал одной из политических столиц российских мусульман. В Уфе прошло два губернских мусульманских съезда (14–17 апреля и 17 июля), Второй всебашкирский курултай (собрание или съезд) 25–29 августа. В итоге национально-культурная автономия башкир и татар стала реальностью: состоявшееся в Уфе с 20 ноября 1917 г. по 11 января 1918 г. Национальное собрание мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири постановило об образовании автономного Урало-Волжского штата (Идель-Урал).

Национальное управление расположилось в здании Духовного собрания, которое во главе с Галимджаном Баруди (1857–1921), избранным на пост муфтия впервые в российской истории путем голосования на Первом всероссийском съезде мусульман в мае 1917 г. в Москве, стало одним из департаментов Национального правительства и было переименовано в Центральное духовное управление мусульман внутренней России и Сибири (ЦДУМ). После разгона Национального управления департамент уцелел и стал самостоятельной организацией. Наряду с ним существовало и автономное башкирское мусульманское духовное управление, образованное в декабре 1917 г. Третьим всебашкирским курултаем в г. Оренбурге. До 1923 г. его официальное название — Главное духовное управление мусульман Башкурдистана, а затем Башкирское центральное духовное управление или Центральное духовное управление мусульман Башреспублики (ЦДУБ). В 1924–1928 гг., когда любая литература по исламу попросту уничтожалась, муфтиатам даже разрешили свои печатные органы: башкирскому — журнал «Дианат», а центральному — журнал «Ислам мэжэллэсе» на татарском языках. В то же время власти, взявшие воинственный курс на атеизацию советского общества, поддерживали раскол среди духовных элит края для дискредитации религии и ее духовных пастырей в глазах простых верующих.

В годы репрессий обескровленный башкирский муфтият был слит с ЦДУМ. В послевоенное время 25 октября 1948 г. на Четвертом всероссийском съезде мусульманского духовенства в Уфе он был переименован в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС).

В годы советской власти из шести мечетей Уфы уцелела в конечном счете только Первая соборная. На долгие годы город официально и фактически стал атеистическим. Тем не менее дух учения пророка Мухаммада сохранялся, например, в документальных материалах (более чем 68 тыс. единиц) Оренбургского магометанского духовного собрания, которые благодаря усилиям муфтия Р. Фахретдинова и других современников были спасены от уничтожения и в начале 1960-х гг. отдельным фондом (И-295) переданы в Центральный государственный архив Башкирской АССР (ныне Национальный архив Республики Башкортостан — НА РБ).

Интеллектуальный и нравственный заряд ислама сохранили многочисленные рукописные и старопечатные книги, которые с риском для себя берегли горожане. В 1970-е гг. их сбором в Уфе и республике официально занялся известный башкирский литературовед Г. Б. Хусаинов и его ученики, а также, частным путем, известный татарский востоковед Р. Утябай-Карими. Для хранения и изучения духовного наследия предшественников в Уфе при академическом Институте истории, языка и литературы был создан особый Рукописный фонд, в котором в настоящее время насчитывается свыше 5 тыс. рукописных и печатных арабографичных материалов на восточных языках. На рубеже 1960–1970-х гг. по ходатайству известных ученых М. Усманова и А. Харисова в Научный архив Башкирского филиала АН СССР (ныне Уфимский федеральный исследовательский центр РАН) из библиотеки ДУМЕС были приобретены свыше 40 томов бесценных рукописей бывшего муфтия Р. Фахретдинова.

Начиная с 1980-х гг. глубокие демократические перемены в стране положили начало восстановлению позиций ислама в Уфе. Деятельность муфтия Талгата Таджутдина (род. 1948 г. в Казани), избранного главой российских мусульман 19 июня 1980 г. на Пятом съезде духовенства округа ДУМЕС, способствовала возобновлению подготовки духовных кадров для города и республики. При ДУМЕС отрылось медресе во главе с Р. Утябай-Карими, преобразованное в 1997 г. Высший исламский институт им. Р. Фахретдинова. В 1997 г. был учрежден уфимский исламский колледж им. Марьям Султановой, преобразованный позже в медресе. При муфтиате был образован Голэмэлэр шурасы (Совет богословов) и налажен выпуск научно-просветительской литературы об исламе.

В 1990 г. муфтияту были возвращено его историческое здание, а два года спустя и помещение типографии. В феврале 1991 г. верующим было возвращено здание бывшей Хакимовской мечети (в 2019 г. была закончена реставрация и восстановлены минареты). 27 июня 1992 г. последовало официальное разрешение на восстановление мечети на территории мусульманского кладбища. Строительные работы за свой счет организовал один из очевидцев трагической гибели местной мечети в марте 1960 г. уфимский предприниматель Ирек Фомичев, мечеть через два года была открыта под названием Гуфран. В 1998 г. в северной части Уфы Черниковке закончилось сооружение грандиозного комплекса мечети-медресе Ляля-Тюльпан. К настоящему времени появились: в южной части города мечеть Ихлас (открылась в 2001 г.), в микрорайоне Сипайлово мечеть Хамза (построена в 2006 г.), в районе Нижегородки — мечеть Мунира (построена в 2011 г. на личные средства предпринимательницы М. Байгильдиной).

В настоящее время в Уфе два муфтията: центральный под названием Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) России и республиканский, официально зарегистрированный 21 августа 1992 г. как Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ). Духовные учреждения выпускают свои издания, задуманные как ремейки своих предшественников начала XX в.: газету «Магълумат-Вестник» (зарегистрирована с 2002 г.) и журнал «Дианат» (с 2019 г.), ранее издавалась газета «Рисалят» («Известия»), а до нее — «Ислам и общество».

Заключение

Государственные геополитические интересы благоприятствовали возникновению и развитию в Уфе институтов управления мусульманами России. К концу XIX – началу XX вв. город превратился в культурный центр тюрко-исламского мира России. Он внес свою лепту в формирование российского ислама, продолжает сохранять свой исторический и культурный заряд и имеет все предпосылки к дальнейшему развитию. Получившие новое дыхание духовные и религиозные институты, образовательные учреждения, сохранившееся научное и документальное наследие мусульман в Уфе представляются эффективными ресурсами развития ислама в современной России.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.

Russian State Historical Archive.

Литература

Азаматов 1999 — *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 194 с.

Ахиезер 1993 — *Ахиезер А. С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 3–19.

Буравцов 2014 — *Буравцов В.* Здание магометанского Духовного собрания // Уфа: страницы истории. Кн. 2 / сост. М. В. Агеева. Уфа: Инеш, 2014. С. 76–77.

Валеева 1993 — *Валеева М. Г.* Первая соборная мечеть // Дорога к храму (История религиозных заведений города Уфы). Уфа: [б. и.], 1993. С. 81–83.

Загидуллин 2007 — *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 с.

История Уфы 1981 — История Уфы: краткий очерк / под ред. Р. Г. Ганеева, (отв. ред.), В. В. Болтушкина, Р. Г. Кузеева. 2-е изд. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1981. 608 с.

Журналы 1908 — Журналы Уфимской городской думы. 1906 год. Уфа: Электрич. типо-литогр. т-ва Ф. Г. Соловьев и К°, 1908. 730 с.

Мастеевский 1897 — *Мастеевский С.* Медресе // Уфимские губернские ведомости. 1897. 14 мая.

Краткое сообщение... 1913 — Краткое сообщение об однодневной переписи домовладений, квартир и населения города Уфы 8 марта 1917 года // Врачебно-санитарная хроника (сведения о медико-санитарной и санитарно-ветеринарной организациях города Уфы). Уфа: Электр. типо-литогр. т-ва Ф. Г. Соловьев и К°, 1913. № 1. С. 57.

Полянина 2006 — *Полянина О. А.* Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.) Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. 270 с.

Роднов 2000 — *Роднов М. И.* Уфимские пригороды (конец XIX – начало XX века) // Уфа: прошлое, настоящее, будущее. Уфа: Гилем, 2001. С. 95–103.

Роднов 2016 — *Роднов М. И.* Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа: Альфа-Реклама, 2016. 216 с.

Роднов 2018 — *Роднов М. И.* Первые уфимские авто. Уфа: Альфа-Реклама, 2018. 200 с.

Роднов 2020 — *Роднов М. И.* Волжско-камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа: КнигаПринт, 2020. 238 с.

Роднов, Дегтярев 2008 — *Роднов М. И., Дегтярев А. Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа: Уфимская гос. академия экономики и сервиса, 2008. 260 с.

Салихов 1999 — *Салихов Р. Р.* Хасангата Габаши // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 272–280.

Смета доходов... 1913 — Смета доходов и расходов города Уфы на 1913 год. Уфа: Электрич. типо-литогр. т-ва Ф. Г. Соловьев и К°, 1913. 301 с.

Уметбаев 1891 — *Уметбаев М.-С.* В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в г. Уфе. Уфа: Тип. губерн. правления, 1891. 54 с.

Уфа шәһәрендә... 1908 — Уфа шәһәрендә уҡымаҡда улан ҡыз балалар хисабы / Имзасыз // Маглюмат. 1908. № 22. С. 502–503.

Уфаведение 2011 — Уфаведение (история Уфы с древнейших времен до XIX в.): учеб. пособие для общеобразовательных учебных заведений / под общ. ред. Г. Т. Обыденновой. Уфа: Китап, Вагант, 2011. 280 с.

Фархшатов 2003 — *Фархшатов М. Н.* Уфа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 4. М.: Вост. лит., 2003. С. 80–86.

Ширгазин, Калимуллина 2008 — *Ширгазин А. Р., Калимуллина Д. Б.* Уфа. Памятники исламской архитектуры. Уфа: Гилем, 2008. 120 с.

Энциклопедия... 2006 — Энциклопедия предпринимательства Башкортостана (история и личности). Книга первая / гл. ред. А. Н. Дегтярев. Уфа: Башкортостан, 2006. 224 с.

Юнусова 1999 — *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

Юнусова 2010 — *Юнусова А. Б.* Уфа — российская Мекка // Родина. 2010. Спец. выпуск. С. 63–65.

References

Akhiezer A. S. Russia as a big society. *Voprosy Filosofii*. 1993. No. 1. Pp. 3–19. (In Russ.)

Azamatov D. D. Orenburg Mohammedan Spiritual Association: Late 18th – 19th Century. Ufa: Gilem, 1999. 194 p. (In Russ.)

Brief message on the One-Day Ufa Census (households, apartments, citizens) of March 8, 1917. In: Medical and Sanitary Chronicles of Ufa. Ufa: F. Solovyov & Co, 1913. Vol. 1. P. 57. (In Russ.)

Buravtsov V. Building of the Mohammedan Spiritual Association. In: Ageeva M. V. (comp.) Ufa. Pages of History. Vol. 2. Ufa: Inesh, 2014. Pp. 76–77. (In Russ.)

Degtyarev A. N. (ed.) Encyclopedia of Entrepreneurship in Bashkortostan: History and Personalities. Vol. 1. Ufa: Bashkortostan, 2006. 224 p. (In Russ.)

Farkhshatov M. N. Ufa. In: Islam in the Former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary. Vol. 4. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Pp. 80–86. (In Russ.)

Ganeev R. G., Boltushkin V. V., Kuzeev R. G. (eds.) History of Ufa: A Brief Essay. 2nd ed. Ufa: Bashkir Book Publ., 1981. 608 p. (In Russ.)

Journals of Ufa City Duma: The Year 1906. Ufa: F. Solovyov & Co, 1908. 730 p. (In Russ.)

Masteevsky S. The Madrasa. *Ufimskie gubernskie vedomosti*. 1897, May 14. (In Russ.)

Municipality of Ufa: 1913 Income and Expenditure Budget. Ufa: F. Solovyov & Co, 1913. 301 p. (In Russ.)

Obydennova G. T.(ed.) Ufa Studies: History of the City, from Earliest Times to the 19th Century. Textbook for Secondary Schools. Ufa: Kitap, Vagant, 2011. 280 p. (In Russ.)

Polyanina O. A. Municipal Agencies of Ufa Governorate: 1900 – Early 1917. Ufa: Bashkir State University, 2006. 270 p. (In Russ.)

Rodnov M. I. Suburbs of Ufa, late 19th – early 20th century. In: Ufa. Past, Present, Future. Ufa: Gilem, 2001. Pp. 95–103. (In Russ.)

Rodnov M. I. Ufa Commodity Exchange: 1905–1917. Ufa: Alfa-Reklama, 2016. 216 p. (In Russ.)

Rodnov M. I. First Motor Cars of Ufa. Ufa: Alfa-Reklama, 2018. 200 p. (In Russ)

Rodnov M. I. Volga-Kama Commercial Bank and Merchants of Ufa: Mid-19th – Early 20th Centuries. Ufa: KnigaPrint, 2020. 238 p. (In Russ.)

Rodnov M. I., Degtyarev A.N. Grain Market of Ufa Governorate: Late 19th – Early 20th Century. Ufa: Ufa State Academy of Economy and Service, 2008. 260 p. (In Russ.)

Salikhov R. R. Khasangata Gabashi. In: Vysokogorsky District of Tatarstan. Historical Essays. Kazan: Master Line, 1999. Pp. 272–280. (In Russ.)

Shirgazin A. R., Kalimullina D. B. Ufa. Monuments of Islamic Architecture. Ufa: Gilem, 2008. 120 p. (In Russ.)

Ufa shəhərendə uқymaқda ulan қyz balalar khisaby. Imzasyz. *Maglyumat*. 1908. No. 22. Pp. 502–503. (In Bash.)

Umetbaev M.-S. Orenburg Mohammedan Spiritual Association Established in Ufa: Celebrating the Centenary. Ufa: Executive Office of Ufa Governorate, 1891. 54 p. (In Russ.)

Valeeva M. G. The first Cathedral Mosque. In: The Road to the Temple. History of Ufa-Based Religious Organizations. Ufa, 1993. Pp. 81–83. (In Russ.)

Yunusova A. B. Islam in Bashkortostan. Ufa: Ufimskiy Poligrafkombinat, 1999. 352 p. (In Russ.)

Yunusova A. B. Ufa — Russian Mecca. *Rodina*. 2010. Special issue. Pp. 63–65. (In Russ.)

Zagidullin I. K. Islamic Institutions of Imperial Russia: Mosques in European Russia and Siberia. Kazan: Tatar Book Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1256–1270, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 94(571.54)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

Бурятия 1920-х гг. в путевом дневнике немецкого врача Карла Вильманса

Всеволод Юрьевич Башкуев[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020
© Башкуев В. Ю., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья базируется на путевом дневнике немецкого врача, профессора медицины Карла Вильманса, отразившем впечатления от поездки в 1926 г. в Бурят-Монголию. Гейдельбергский психиатр Карл Вильманс и дерматовенеролог из Мюнстера Альфред Штюмер входили в состав организаторов совместной советско-германской экспедиции 1928 г. в Бурят-Монгольскую АССР (далее — БМАССР) для изучения сифилиса. Летом 1926 г. они предприняли рекогносцировочную поездку в БМАССР для первичной оценки ситуации. Их визит определил ход дальнейшей подготовки экспедиции, научные и практические повестки советской и германской сторон. *Цели и задачи исследования.* Статья направлена на выделение из общего нарратива документа описаний и характеристик Бурят-Монголии, ее многонационального населения и культуры; данный материал анализируется в политическом и культурном контексте советско-германского медицинского сотрудничества 1920-х гг. *Результаты.* Получены неизвестные ранее сведения о городе Верхнеудинске и Хоринском аймаке БМАССР эпохи НЭПа. В частности, обрисована атмосфера повседневной жизни небольшого города на периферии СССР, описаны его жители, выделены особенности экономического состояния региона, описания природы, объектов материальной и нематериальной культуры. Получены данные о состоянии отрасли здравоохранения в БМАССР, а также новые данные о состоянии здоровья населения республики. Проанализированы материалы дневника и другие архивные материалы о претензиях к немецким профессорам, предъявленных им уже после возвращения на родину. *Заключение.* Материалы дневника К. Вильманса опровергают устоявшееся у советской стороны мнение о расистском характере его исследований. Напротив, рассуждения К. Вильманса свидетельствуют о симпатии к бурятскому народу, сопереживании его проблемам, желании приложить усилия для помощи ему. Довольно скудное медицинское наполнение дневника компенсируется обнаруженными в Государственном архиве Российской Федерации отчетными документами К. Вильманса и А. Штюмера о поездке в БМАССР летом 1926 г.

Ключевые слова: Бурят-Монголия, СССР, Веймарская Германия, сотрудничество, путевой дневник, Верхнеудинск, врачи, буряты, Додо-Анинск, ламы, Домно-Еравна, сифилис
Благодарность. Автор выражает благодарность М. А. Кононовой за помощь в переводе дневника К. Вильманса. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).
Для цитирования: Башкуев В. Ю. Бурятия 1920-х гг. в путевом дневнике немецкого врача Карла Вильманса. Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1256–1270. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

UDC 94(571.54)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

Buryatia of the 1920s in the Travel Journal of German Physician Karl Wilmanns

Vsevolod Yu. Bashkuev[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020
© Bashkuev V. Yu., 2020

Abstract. *Introduction.* The article is based on the travel diary of German doctor Karl Wilmanns reflecting his impressions of the trip to Buryat-Mongolia. K. Wilmanns, a psychiatrist from Heidelberg, and A. Stühmer, a venereologist from Münster, were members of the group to have organized the joint 1928 Soviet-German expedition for the study of syphilis in Buryat-Mongolia. In the summer of 1926, they undertook a reconnaissance trip to the BMASSR for an initial assessment of the situation. Their visit determined the course of further preparatory arrangements, scientific and practical agendas of the Soviet and German sides. *Goals.* The article is aimed at singling out of descriptions and characteristics of Buryat-Mongolia, its multinational population, and cultures from the general narrative of the document and analysis of this material in the political and cultural contexts of the Soviet-German medical cooperation of the 1920s. *Results.* The study reveals some previously unknown information about the city of Verkhneudinsk and Khorinsky Aimag of the BMASSR during the NEP era. In particular, the travel journal outlines the atmosphere of daily life in a small town in the periphery of the USSR, describes its residents and features of the region's economic conditions, highlights its nature and objects of tangible and intangible culture. The document also provides insight into the healthcare system of the BMASSR, as well as new data on the physical condition of the republic's population. The diary's materials proved essential in further analysis of archival materials about the subsequent conflict between Soviet and German participants that arose after the Germans returned to their homeland. *Conclusions.* The investigation of materials contained in Wilmanns' diary disprove the Soviet-era belief that his research was racist. On the contrary, Wilmanns' reasoning demonstrates sympathy to the Buryat people, empathy for their problems, and a desire to help them. The rather meager medical content of the diary is compensated by Wilmanns and Stühmer's reports on their trip to the BMASSR in the summer of 1926 which were discovered in the State Archive of the Russian Federation.
Keywords: Buryat-Mongolia, USSR, Weimar Germany, cooperation, travel journal, Verkhneudinsk, doctors, Buryats, Dodo-Aninsk, lamas, Domno-Yeravna, syphilis
Acknowledgements. The author extends gratitude to M. A. Kononova for her assistance in the translation of K. Wilmanns' diary. The reported study was funded by Russian Science Foundation (project no. 19-18-00031).

For citation: Bashkuev V. Yu. Buryatia of the 1920s in the Travel Journal of German Physician Karl Wilmanns. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1256–1270. (In Russ). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1256-1270

Введение

Летом 1926 г. Бурят-Монгольскую АССР (далее — БМАССР) посетили с научным визитом два немецких профессора медицины — нейропсихиатр, директор психиатрической клиники в Гейдельберге Карл Вильманс (1873–1945) и дерматовенеролог из Мюнстера Альфред Штюмер (1885–1957). Их поездка была частью набиравшего обороты научно-медицинского сотрудничества Советского Союза и Веймарской Германии. В этом контексте изучение проблем здоровья бурят неожиданно сформировало важный, но пока недостаточно разработанный современными учеными сюжет. Его центральной темой является история совместной советско-германской экспедиции 1928 г. по изучению эндемического сифилиса в Бурят-Монголии.

В условиях международной изоляции Советской России и Германии организация подобного научно-медицинского мероприятия имела большое политическое значение. Поэтому трехмесячной работе экспедиции в БМАССР (с конца мая по начало сентября 1928 г.) предшествовал почти трехлетний подготовительный этап (с лета 1925 г. по весну 1928 г.). В ходе переговоров и консультаций с участием высших официальных лиц СССР (М. И. Калинин, Н. П. Горбунов, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко) и представителей научного истеблишмента Германии (Ф. Шмидт-Отт, О. Фогт) выявлялись и сглаживались возможные противоречия, обсуждались научные повестки советских и немецких медиков, решались логистические вопросы. Эти аспекты привлекли внимание российских и зарубежных историков, с начала 1990-х гг. изучавших политические и геополитические подтексты этого взаимодействия [Solomon 1993; Solomon 1995; Solomon 1996; Башкуев 2012; Башкуев 2014; Башкуев 2016; Башкуев, Шеноева 2019; Ратманов, Кирик 2019]. Исследования вызвали резонанс и в сообществе историков медицины, вступивших в полемику по поводу медицинских аспектов и научного значения советско-германской экспедиции 1928 г. [Прохоренков, Обухов, Родиков 2011].

В фокусе данной статьи путевой дневник одного из протагонистов истории о совместной экспедиции профессора Карла Вильманса, который он вел во время поездки в Бурят-Монголию летом 1926 г. Документ был обнаружен канадским историком Сьюзан Гросс Соломон у дочери К. Вильманса — Рут Литц, живущей в США, и опубликован на немецком языке в Германии в 1995 г. [Wilmanns 1995]. Путевой дневник Карла Вильманса уникален тем, что в нем подробно описаны реалии повседневной жизни Бурятии середины 1920-х гг. — самого разгара эпохи НЭПа. Однако в России документ практически не вводился в научный оборот, да и в западной исторической науке он редко цитируется вне исследований Сьюзан Гросс Соломон.

Цель исследования — выделение из дневникового нарратива описаний Бурят-Монголии, населяющих ее людей и культур и анализ этих наблюдений в политическом и культурном контексте советско-германского сотрудничества 1920-х гг. Благодаря наблюдательности К. Вильманса и его своеобразной манере заострять внимание на бытовых аспектах в распоряжение исследователей попал уникальный материал, способный оживить и дополнить любое историческое исследование в совпадающих с нашими географических и хронологических рамках.

Материалы и методы

Источниковая база данной проблемы отличается разнообразием. Часть архивных документов на русском и немецком языках собрана в целиком посвященном экспедиции деле в Государственном архиве Российской Федерации [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 59]. Другие рассредоточены по описям фонда Наркомздрава РСФСР

[ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35, 55] или хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 58]. Материалы на немецком языке находятся в Потсдамском филиале Федерального архива ФРГ [BAP]. Отчеты и научные результаты экспедиции публиковались в советских и германских медицинских журналах в конце 1920-х – середине 1930-х гг. [Броннер, Бейлин 1936; Трубачеев 1936], а за общим ходом работ следила советская пресса [Бурят-Монгольская Правда 1928; Бурят-Монгольская Правда 1929; Вечерняя Москва 1928]. Советско-германскую экспедицию 1928 г. специально сопровождала съемочная группа концерна «Совкино» в составе режиссера Л. Степановой и оператора В. Беляева, выпустившая в 1929 г. документальный фильм «По Бурято-Монголии» [По Бурято-Монголии 1929]. В научно-медицинской библиотеке Республиканского центра медицинской профилактики Министерства здравоохранения Республики Бурятия, а также в личных архивах осталось несколько десятков фотографий, запечатлевших участников экспедиции в рабочих и бытовых ситуациях.

В разнообразии документальных источников по советско-германской экспедиции 1928 г. отчетливо не хватает регионального культурного компонента. Официальная переписка и медицинские описания сугубо утилитарны и не могут дать объемного образного видения реалий жизни на периферии Советского Союза в разгар эпохи НЭПа. Между тем можно смело утверждать, что дневник К. Вильманса содержит самые детальные описания города Верхнеудинска и Хоринского аймака БМАССР, сделанные иностранным путешественником в довоенный период.

Результаты

Предыстория путешествия в Бурят-Монголию летом 1926 г. важна для понимания как деталей изучаемого сюжета, так и особенностей советско-германского медицинского сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. В современной историографии отношения СССР и Веймарской Германии в период с 1921 г. по 1933 г. часто рассматриваются как вынужденное сближение двух основных геополитических изгоев Версальского миропорядка [Solomon 1993: 205]. Потерявшая колонии и рынки сбыта, ограниченная в развитии ключевых отраслей экономики (тяжелое машиностроение, авиастроение, судостроение, химическая промышленность) Германия использовала открывшийся после подписания в апреле 1922 г. Рапалльского договора путь на восток для реализации своих внешнеполитических амбиций.

Сотрудничество в области медицины в значительной степени приспособило немецкую концепцию жизненного пространства (*Lebensraum*) к реалиям международной обстановки. Английский историк медицины Пол Уайндлинг считает, что деятельность немецких научно-медицинских учреждений в Советской России и организация совместных исследований имели геополитическую подоплеку. Основанная Генрихом Цейссом Центральная бактериологическая лаборатория в Москве позиционировалась немцами как станция раннего оповещения об эпидемиях для всей Европы. Испытания препаратов фирмы «Байер» против трипаносомоза «Германин» и «Наганол» в поволжских и киргизских степях продвигали на советский рынок новые медикаменты; совместные исследования на проблемной с медицинской точки зрения периферии СССР компенсировали германским ученым отсутствие экспериментальных лабораторий в колониях. Цейсс, немецкий гигиенист и специалист по тропической медицине, с 1921 г. прочно обосновавшийся в Москве с санкции самого В. И. Ленина [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 40. Л. 1–5], надеялся через исследования в азиатской части СССР расширить «жизненное пространство» и культурное влияние Германии на Афганистан, Белуджистан и Персию [Weindling 1996: 46–51].

Наш сюжет органически вплетается в данную парадигму. Нейропсихиатр Карл Вильманс был автором спорной гипотезы. Он считал, что систематическое лечение сифилиса сальварсаном (препарат 606, изобретенный П. Эрлихом в 1907 г.; в продаже с 1910 г.) и неосальварсаном (препарат 914, усовершенствованный сальварсан для внутривенного применения) запускает процесс мутации бледной спирохеты. Вместо поражения кожи и слизистых оболочек микроорганизм начинает атаковать нервную систему, вызывая нейросифилис, приводя-

щий к прогрессивному параличу, спинной сухотке, сумасшествию [Solomon 1993: 212]. К. Вильманс полагал, что в развитых европейских странах сальварсанотерапия приводит к увеличению случаев нейросифилиса. Однако среди нецивилизованных народов, где сифилис проявляется в многообразии кожных и костных поражений, нейросифилис практически отсутствует или встречается крайне редко [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Л. 27–28]. Для доказательства своей теории К. Вильманс нуждался в больших группах страдающих сифилисом людей, никогда не подвергавшихся сальварсанотерапии. К тому времени найти такое население в Европе не представлялось возможным, а бывшие германские колонии отошли к победителям. Единственная возможность для исследования существовала на востоке России, где с царских времен значительное распространение сифилиса связывалось с экономической и социальной отсталостью населения [Энгельштайн 2000].

Вовлечение Бурят-Монголии в советско-германское медицинское сотрудничество было результатом удачного стечения обстоятельств и личной заслугой В. М. Броннера (1876–1939), уроженца Верхнеудинска, близкого помощника наркома здравоохранения Н. А. Семашко и одного из создателей социальной венерологии в СССР. В. М. Броннер был в числе организаторов и руководителей первых четырех всесоюзных съездов по борьбе с венерическими болезнями (1923, 1925, 1929 и 1937 гг.) [Мавров 2009: 86]. Случилось так, что на II Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями, состоявшийся в 1925 г. в Харькове, приехали два известных немецких венеролога — Йозеф Ядассон и Феликс Пинкус из германского Общества борьбы с венерическими болезнями. На заседаниях съезда они услышали о серьезной проблеме с сифилисом в Бурят-Монголии и заинтересовались этой темой. Они точно знали, кого в Германии этот вопрос не оставит равнодушным.

Безусловно, интерес немецких венерологов подогревался хорошо осведомленными советскими коллегами. В БМАССР с 1924 г. успешно работали венерологические отряды, но перспектива германской помощи открывала новые возможности в изучении сифилиса и в борьбе с этой болезнью. Кроме того, у Коминтерна были особые планы в отношении бурят: их предполагалось использовать как проводников советского влияния в монгольском ареале Центральной Азии, а Бурят-Монголию — в качестве примера успешной большевистской модернизации нацменьшинств [Башкуев 2016].

29 января 1926 г. в берлинской квартире главы представительства Наркомздрава РСФСР в Германии Я. Р. Гольденберга состоялось установочное совещание немецких профессоров К. Вильманса, А. Штюмера, О. Фогта и их советских визави во главе с В. М. Броннером. На встрече было окончательно решено, что экспедиция направится в БМАССР. Ее начало ориентировочно наметили на весну 1927 г., а продолжительность определили в четыре месяца. Также были обговорены предварительный визит К. Вильманса и А. Штюмера в Москву и рекогносцировочная поездка в Бурят-Монголию в мае–июне 1926 г. [Башкуев, Шеноева 2019: 49].

Путешествие К. Вильманса и А. Штюмера началось на берлинском вокзале Фридрихштрассе 23 мая 1926 г. Здесь в 7:40 вечера два профессора сели в спальный вагон поезда, идущего в Ригу. Из Риги в 00:30 25 мая на московском поезде они отправились в СССР. Прибыв в Москву ранним утром 26 мая, они попали в заботливые руки доктора Критштайна, представителя Наркомздрава РСФСР, коллеги В. М. Броннера. Он и сопровождал их в качестве переводчика в Забайкалье, так как сам В. М. Броннер вследствие большой занятости был вынужден отказаться от поездки на родину [Wilmanns 1995: 50].

В столице немецкие профессора провели насыщенную визитами и экскурсиями неделю. Вечером 1 июня 1926 г. трое путешественников сели в мягкий вагон поезда, идущего на восток. Наблюдательный К. Вильманс подмечал каждую особенность открывавшегося из поезда пейзажа, с большим знанием описывал встречавшиеся породы деревьев, кустарников и цветов, критиковал продукцию уральских кустарей за низкое качество и несоразмерно высокую цену. Путешествие до Верхнеудинска продолжалось неделю. Из разнообразных путевых впечатлений особенно интересны описания озера Байкал, увидеть которое К. Вильманс мечтал давно, а также рек

Ангара и Селенга, удививших его своей величественностью и красотой. Местность за станцией Мысовая К. Вильманс описывал так: «Мы проезжали хорошо возделанные земли, ухоженные деревни с явно богатыми домами и множеством колодцев. Вечером мы пересекли Селенгу, чистую реку шириной с Рейн с большими лесистыми островами, и продолжали двигаться вдоль нее. Последние три часа до Верхнеудинска в свете заходящего солнца были изумительными. По другую сторону голубой реки тянулись местами лесистые, местами голые гряды холмов, резко выделявшиеся на фоне ясного неба»[1] [Wilmanns 1995: 87].

В столицу Бурят-Монгольской АССР Верхнеудинск (с 1934 г. — Улан-Удэ) путешественники прибыли 7 июня около девяти часов вечера. На перроне их встретили нарком здравоохранения БМАССР А. Т. Трубачеев и его заместитель В. Н. Жинкин. На двух автомобилях гостей отвезли в гостиницу «Централь» — небольшой двухэтажный особняк в центре города. Требовательному к комфорту К. Вильмансу условия размещения понравились: несмотря на скромность обстановки, комнаты были чистыми, хозяин — аккуратным, а еда — хорошей [Wilmanns 1995: 88].

Верхнеудинск эпохи НЭПа произвел на Карла Вильманса благоприятное впечатление. По улицам гуляли элегантно одетые женщины, чего профессоры не наблюдали даже в Москве, везде шла оживленная торговля фруктами, овощами, сладостями, орехами и семечками. Занимавшие первые этажи зданий на главной улице города магазины, несмотря на свои небольшие размеры, содержались в хорошем состоянии. «На углах улиц стоят ларьки с сигаретами или лимонадом, — писал К. Вильманс. — Местами можно увидеть машины, много извозчиков, бурятские повозки с плетеным верхом, наездников-бурят, конников Красной Армии на роскошных лошадях, приподнявшихся в стременах: одним словом, живая картина, освещенная палящим солнцем» [Wilmanns 1995: 89].

А. Т. Трубачеев организовал для немецких врачей экскурсию по медицинским учреждениям города, а в перерывах между посещениями рассказывал им о развитии бурятской автономии. У К. Вильманса сложилось впечатление, что советское правительство уделяет особое внимание новой республике, делая многое для развития и просвещения бурят. «Причины такого интереса очевидны, — резюмировал профессор, — Бурятская республика — палец руки Монголии» [Wilmanns 1995: 89].

Сначала А. Т. Трубачеев привез гостей в центральную больницу, занимавшую большое ухоженное двухэтажное здание, где познакомил их с врачами. Главный врач М. В. Танский не произвел на К. Вильманса положительного впечатления. Профессор писал: «Он был пожилым и выглядел совершенно незаинтересованным. То, что он рассказывал о болезнях почек и сердца, доказывало, что он застрял на месте и уже никуда не продвигается». Зато главный хирург Рещиков, заведующий серологической лабораторией Остроумов и гигиенист Гальперова показались ему интересными и компетентными специалистами; Гальперова к тому же обучалась в Берлине. Самым неожиданным персонажем оказался некто Цупан — лаборант, исполнявший обязанности врача. Цупан был немцем из Баната, бывшим военнопленным, надолго застрявшим в Верхнеудинске [Wilmanns 1995: 90]. Впоследствии он сопровождал профессоров в прогулках по городу, знакомя с жизнью и бытом местного населения.

Персонал и оборудование Верхнеудинской центральной больницы произвели на К. Вильманса двойственное впечатление. Профессора очень удивило, что врачи, официально имевшие шестичасовой рабочий день, реально выполняли всю работу за два-три часа, медсестры трудились всего шесть часов в день, а больничная прислуга работала все восемь часов. Хирургический корпус, располагавшийся в каменном двухэтажном здании, блистал чистотой, операционная была безупречной, в дезинфекционной комнате стояли современные немецкие аппараты. Рентген-кабинет был оснащен несколько устаревшим немецким оборудованием. В целом все соответствовало уровню обычной районной больницы в Германии.

Противоположное впечатление произвел терапевтический корпус больницы. После подробного осмотра серологической лаборатории А. Штюмер раскритиковал ее за отсутствие необходимых для точности

[1] Здесь и далее перевод М. А. Кононовой.

анализов химикатов. Доктор Гальперова пожаловалась на отсутствие термошкафов, стекол и других расходных материалов. Даже имевшиеся предметные стекла для микроскопов были зеленого цвета: их изготавливали на Верхнеудинском стекольном заводе [Wilmanns 1995: 90].

Нарекания немецких специалистов вызвал и венерологический диспансер. Несмотря на просторные залы ожидания, кабинет для лечения гонореи был очень примитивным, а врач, делавший вливания сальварсана, все операции производил, игнорируя правила асептики. «Раствор сальварсана — помутневшая жидкость в рюмках для шнапса, которая в большом объеме была заготовлена перед началом приема и использовалась всю первую половину дня, — отмечал К. Вильманс. — Доктор, как нам показалось, не владел достаточным количеством знаний и был совсем незаинтересованным» [Wilmanns 1995: 91]. Профессоры удивлялись не случайно: сальварсан представлял собой соединение ядовитого мышьяка, требовавшее особой точности и аккуратности при приготовлении раствора для инъекций. Небрежность врача могла привести к серьезным осложнениям у пациента, вплоть до летального исхода.

Позже Цупан провел для гостей экскурсию по городу. О пейзажах Верхнеудинска К. Вильманс писал: «С моста открывался невероятно красивый вид на холмистый северный берег реки, на котором стояли домики и несколько белых церквушек. Жизнь кипела и на воде: в места для купания скота заводили лошадей, а в реке купалось множество людей… На западе горизонт прерывался цепью пологих, голых холмов, которые вместе с Селенгой терялись где-то на юге, в Монголии» [Wilmanns 1995: 93]. Понравились немцам и верхнеудинский базар с его многонациональной пестротой, и обед в китайском ресторанчике на главной улице. Верхнеудинские музеи не произвели особого впечатления. В естественнонаучном музее часть экспонатов и учебных пособий была не местная, а немецкого производства, даже коллекции жуков и бабочек. Городской исторический музей хранил «… кринолины, одежду, шапки наших бабушек, старинные иконы, бурятские украшения, медали, фотографии жителей Верхнеудинска и т. д. — вещи, представляющие интерес для очень ограниченного числа людей» [Wilmanns 1995: 92].

Цупан рассказал профессорам многое из недавней истории города. Сын зажиточного шваба из Темешвара (совр. Тимишоара, Румыния), он изучал медицину в Венском университете и после начала Первой мировой войны был призван в австро-венгерскую армию. Вскоре Цупан попал в русский плен и оказался в лагере для военнопленных Нижняя Березовка (совр. ст. Дивизионная близ г. Улан-Удэ). Освобожденный после Октябрьской революции, он не имел средств, чтобы вернуться на родину и провел весь смутный период в Верхнеудинске.

Цупан рассказал об американском военном контингенте, расквартированном в Верхнеудинске в 1919–1920 гг. Начав сотрудничать с американцами в качестве переводчика, он быстро зарекомендовал себя сведущим в медицине и стал работать по специальности. Цупан скептически отзывался о профессионализме американских врачей, которые, по его мнению, по уровню подготовки стояли даже ниже русских медиков. Однако американцы были отлично оснащены медицинским оборудованием и медикаментами, которые при своем внезапном отъезде они оставили в Верхнеудинске. Это вселило в К. Вильманса уверенность в том, что большая часть лекарств в городских аптеках — американское наследие [Wilmanns 1995: 94].

К. Вильманс проникся доверием к Цупану не только из-за его любезности, но и вследствие серьезной медицинской подготовки, которую тот показал. «На самом деле Цупан имеет поразительно хорошие знания, — писал профессор. — Он читал работы Фольхарда, знает учебник Креля… Я честно сказал ему, что он просидел в этом гнезде почти десять лет и потерял много драгоценного времени на свое обучение» [Wilmanns 1995: 95]. Но ни денег, ни родственников у Цупана не осталось; он даже не знал, частью какой страны стал его родной Банат. «Будет обидно, если его жизнь закончится в Верхнеудинске, — резюмировал К. Вильманс. — Он, наверное, отчасти перенял русский фатализм и равнодушие, в противном случае он бы должен был найти возможность вырваться отсюда» [Wilmanns 1995: 95].

9 июня 1926 г. началась самая интересная часть путешествия — рабочая поездка в село Домно-Еравну, где немецкие профессора должны были осмотреть больных. Гостей сопровождал нарком здравоохранения А. Т. Трубачеев, а за рулем автомобиля «додж» находился опытный водитель Вешников, возивший главу республики М. Н. Ербанова. Около полудня путешественники выехали из города по дороге, соединяющей Верхнеудинск и Читу. Сама трасса носила условный характер: небольшие ручьи, стекавшие с гор к реке Уда, приходилось преодолевать на скорости, а мосты, переброшенные через более крупные притоки, располагались значительно выше уровня дорожного полотна. Местами дорога была сильно заболочена. Несколько раз машина застревала, так что водителю и всем пассажирам приходилось напряженно трудиться, чтобы высвободить ее [Wilmanns 1995: 100].

По дороге К. Вильманс отмечал развитое в тех местах скотоводство. В степи паслись огромные стада овец, коров, лошадей. Развлекаясь, шофер Вешников пугал их громкими сигналами клаксона. «Овцы убегали очень смешно, — писал К. Вильманс, — стадо из сотен животных внезапно развернулось, и их маленькие толстые хвостики метались туда-сюда, пока не исчезли в большом облаке пыли… Когда шофер подал сигнал, стада внезапно вздрогнули и в безумном страхе побежали по степи. Однако прекрасные лошади, пасущиеся в степи стадами в 50, 100 и более голов, оказались впереди и диким галопом скакали перед нами по дороге…» [Wilmanns 1995: 111].

По пути, чтобы отдохнуть и узнать дорогу, пришлось заезжать в близлежащие дома. В большой избе длиннобородый русский крестьянин и три поколения его домочадцев тепло встретили путешественников, напоили их чаем с молоком, накормили хлебом с маслом, яйцами и сметаной, отказавшись от какой-либо платы [Wilmanns 1995: 112]. После этой остановки дорога стала практически идеальной. «Мимо проскользнули чудесные, сказочно-волшебные, красивые, тихие озера, на которых обитали разноцветные водоплавающие птицы, — писал К. Вильманс. — Вода в Уде была чистой, местами в ней лежало множество деревьев, вырубленных в горах. Солнце постепенно садилось, и пейзаж утопал в совершенно невероятных оттенках. Высокие глинистые берега Уды, сама река, сухие заросли прошлогоднего тростника и ивовые кусты на другом пологом берегу, лесистые цепи холмов и вечернее небо создавали друг с другом сильный контраст: ярко-желтый берег, сияющая ультрамариновая Уда, ярко-красный тростник, светлые оливково-зеленые горы и бледно-голубое вечернее небо лежали друг на друге» [Wilmanns 1995: 113].

Отношение местных людей к путешественникам отличалось большим гостеприимством. В деревне Додо-Анинск (совр. с. Хоринск), где путники остановились на ночлег, компанию им, помимо двух хозяек дома, составили трое местных врачей. Один из них когда-то обучался в Государственном венерологическом институте им. В. М. Броннера и знал доктора Критштайна. Во время ужина удалось разговорить молчаливого наркома здравоохранения А. Т. Трубачеева. Гости узнали много нового о бурятах и их проблемах. «Бурят называют кочевниками, однако на самом деле они ими больше не являются, — заключил К. Вильманс. — …Весной буряты покидают свое зимнее жилье и переезжают в летние квартиры; они такие же кочевники или, может, такие же не кочевники, как наши баварцы или альгойцы. Они ведут хозяйство, похожее на альпийское» [Wilmanns 1995: 115–116].

Немецкий врач оставил интересные сведения о ламах и их роли в жизни бурят. «Каждому буряту важно, чтобы хотя бы один из его сыновей стал ламой», — писал он в дневнике. «Ламы живут в безбрачии, женщинам никогда не разрешается входить в монастырь, — продолжал он. — Но принцип целомудрия почти не соблюдается; бурятские женщины в сумерках подъезжают к монастырю на своих тележках, и венерические болезни встречаются среди лам также довольно часто, хотя они и не столь серьезны, как у остального населения» [Wilmanns 1995: 116]. Новый строй пошатнул социальный статус лам. Их влияние на бурят, особенно на западе БМАССР, сильно ослабло. Однако как врачи ламы продолжали играть важную роль. Они брались лечить даже сифилис, хотя все чаще такими больными занимались европейские врачи. «Ламы лечат эту болезнь порошком, который вызывает тяжелую и продолжительную диарею, осла-

бляет общее состояние людей, но не оказывает значительного воздействия, — отмечал К. Вильманс. — Ламы признают превосходство сальварсана и сами ищут врачей, когда им нужны препараты. Однако при лечении внутренних болезней они уверены в себе и по-прежнему пользуются большой популярностью у людей. Они даже позволяют себе брать немалые деньги за свое знахарство» [Wilmanns 1995: 116].

На следующий день, остановившись, чтобы узнать дорогу к Эгитуйскому дацану, они собрали вокруг себя большую толпу местных жителей, привлеченных непривычным зрелищем автомобиля и пассажиров. В мужчинах, женщинах и детях Карл Вильманс увидел удивительное смешение рас. «Что за метисы! — восторгался он. — Чистые европеоиды с большими голубыми глазами и льняными волосами, каких мы встречаем в наших северных немецких деревнях, бурятские мальчики с темными раскосыми глазами и густыми черными волосами, светловолосые дети с монгольскими узкими глазами и темноволосые — с большими и круглыми глазами: для исследователя, интересующегося расовыми смешениями и их законами, здесь имеется большое поле для изучения» [Wilmanns 1995: 119].

К. Вильманс был прав. Дореволюционные ученые активно интересовались вопросами метисации населения Забайкалья [Талько-Грынцевич 1902а; Талько-Грынцевич 1902б], а в раннесоветский период такие исследования проводились с вполне прагматичными целями. В 1926 г. заместитель наркома здравоохранения БМАССР В. Н. Жинкин провел в агинских степях сравнительное исследование групп крови и расово-биологического индекса Хирцфельда; одним из интересовавших его вопросов было то, является ли повышенная заболеваемость бурят социальными болезнями следствием врожденной предрасположенности к ним [Жинкин 1927]. В 1931 г. в Троицкосавском аймаке работала Бурят-монгольская антропологическая экспедиция, специально изучавшая бурятско-русских метисов. Преследовались две цели: выяснение особенностей физического развития смешанного населения и их способности к промышленному труду и опровержение расовой теории, постулировавшей вырождение человека в результате метисации [Хартанович 2011: 86].

Неизгладимое впечатление на К. Вильманса произвел Эгитуйский дацан. Панораму монастыря он назвал похожей на сказку. «Посредине, возвышаясь над всем вокруг, стоял храм в маньчжурском стиле, — писал К. Вильманс. — На фронтоне и на углах его изогнутой крыши в лучах яркого солнца сияли золотые украшения. Большой храм окружен меньшими постройками в том же стиле» [Wilmanns 1995: 120]. Из-за того, что фотоаппарат путешественников вышел из строя, волшебную картину пришлось запоминать. В дневнике этот момент описан так: «Мы были так удивлены и тронуты видом этой совершенно неожиданной картины в бесплодной степи, что остановили машину, чтобы насладиться ей в тишине и, если возможно, запомнить» [Wilmanns 1995: 121].

В дацане путешественников гостеприимно встретил настоятель (ширетуй). Он лично провел профессоров по храмам; экскурсию сопровождала яркая процессия из лам и знатных бурят. «После главного храма мы посетили другой особый маленький храм, где в гигантском стеклянном шкафу располагалась так называемая модель рая, — писал К. Вильманс. — Она раскрывала некую очень детскую фантазию: Будда и его ученики восседают на тронах на облаках, ангелы парят в воздухе, большие зеркальные стекла изображают озера, на которых плавают красивые птицы и купаются обнаженные люди» [Wilmanns 1995: 124].

В мамба-дацан — медицинский институт путешественники не попали под предлогом того, что ламы потеряли от здания ключ. Зато эмчи-лама, пригласивший профессоров к себе домой, показал около сотни различных тибетских лекарств и подарил образцы. Интересным показалось ламское лекарство от сифилиса. Сопровождавший гостей врач Эллингер определил в нем большое количество ртути в форме каломели. Особый же интерес у К. Вильманса вызвала тибетская книга по анатомии, содержавшая рисунки, очень похожие на анатомические изображения из арабских медицинских книг. «Несомненно, к тибетцам эти знания пришли от индийцев. У арабов они также появились от них? Возможно через Сасанидов», — рассуждал К. Вильманс [Wilmanns 1995: 125].

За время поездки профессоры посетили два дацана — Эгитуйский и Анинский. Визит в Анинский дацан состоялся 12

июня на обратном пути из Домно-Еравны. Там путешественники осмотрели храм с огромной статуей Будды. Анинский дацан, один из старейших в Бурятии, произвел на К. Вильманса большое впечатление, хотя встречали их здесь не так гостеприимно, как в Эгитуе: ширетуй был болен. Его заместитель провел гостей по храмам и показал им ежедневную службу, сопровождавшуюся звуками литавр, барабанов и больших труб. По словам К. Вильманса, экскурсия по Анинскому дацану была слишком быстрой и полученные впечатления смешались [Wilmanns 1995: 131].

В пункте назначения путешествия Домно-Еравне профессоры провели менее двух дней. На второй день работы пошел проливной дождь и, опасаясь, что дорогу совсем размоет, они запросились обратно в Верхнеудинск. Однако медицинские осмотры ожидавших их пациентов врачи начали сразу после приезда. В первый день удалось осмотреть около 50 человек.

Районная больница с амбулаторией, аптекой и стационаром на 15 коек показалась немецким специалистам чистой и просторной, но примитивно и некачественно оборудованной. Общение же с пациентами, наоборот, произвело хорошее впечатление. «Буряты были безгранично доверчивыми, во всем послушными, терпеливыми и добродушными и допускали любые манипуляции с собой во время осмотра, — писал К. Вильманс. — У них был один недостаток: они были все в грязи и паразитах. Кожные воспаления от грязи и сыпь от вшей были обычным явлением». Люди в Домно-Еравне не произвели на профессора столь сильного впечатления, как жители Эгитуя [Wilmanns 1995: 127].

На обратном пути вновь оказавшись в Додо-Анинске, профессоры побывали на приеме в местной больнице, где вновь убедились в большой распространенности третичного сифилиса среди бурят. Там же у них произошел напряженный разговор с Критштайном по поводу оснащенности гигиенического пункта микроскопами. То, что немецкие коллеги заметили отсутствие микроскопа и указали на этот факт, не понравилось представителю Наркомздрава РСФСР. В ответ под разными предлогами их не пустили осмотреть гигиеническую лабораторию. «После этого, — записал в дневнике К. Вильманс, — мы не смогли сдержать злобное замечание о том, что гигиеническому институту срочно требуется капитальный ремонт кровли. Кстати, я считаю, что работа гигиениста здесь была больше политической, чем медицинской» [Wilmanns 1995: 134].

После возвращения в Верхнеудинск профессоры посетили кумысолечебницу, расположенную в дачном пригороде Верхняя Березовка. Заведующий лечебницей доктор Нагибин, приват-доцент Иркутского университета, произвел на немецких врачей хорошее впечатление, хотя они остались при своем скептическом мнении о лечении туберкулеза кумысом. Кроме того, их поразила высокая стоимость питания и лечения в этом медучреждении: один день пребывания обходился в шесть рублей — сумму, значительную даже для германских ученых [Wilmanns 1995: 137].

Во время вечернего отдыха в гостиницу к немцам пришел эмчи-лама. Его К. Вильманс описал как человека «со скромными манерами, дружелюбной улыбкой и большими очками в роговой оправе». Лама рассказал профессорам о непростом положении буддийского духовенства. У богатых в недавнем прошлом дацанов правительство отняло землю, которую они раньше сдавали в аренду. После войны буряты обеднели и стали жертвовать на монастыри гораздо меньше, чем в былые времена. Многие ламы и хувараки покинули дацаны и устроились на работу. Если раньше в монастыре этого ламы было 500 хувараков, на момент разговора там не было даже 300 учеников [Wilmanns 1995: 138].

Когда К. Вильманс спросил ламу о его отношении к европейской медицине, тот дал уклончивый ответ: «Обе практики хороши, и тибетская, и европейская; просто врачи не всегда выбирают правильное лекарство, подходящее для определенной болезни. В целом европейская медицина, вероятно, лучше подходит для лечения наружных болезней (например, сифилиса), а тибетская медицина — для лечения внутренних». После этого лама быстро прервал разговор и откланялся. К. Вильманс предположил, что обсуждавшиеся темы оказались для него слишком каверзными [Wilmanns 1995: 138].

В последние дни в Верхнеудинске профессоры должны были попасть на прием к председателю СНК БМАССР М. Н. Ербанову, но тот внезапно уехал и перепоручил

гостей Убугунову, своему заместителю. Убгунов произнес перед К. Вильмансом и А. Штюмером официальную речь, в которой выразил им признательность за визит в Бурят-Монголию и надежду, что это поможет укрепить дружбу великого немецкого народа с народом маленькой республики и что в следующем году немецкая делегация вернется в большем составе и на более долгий срок. В ответном слове К. Вильманс подчеркнул, что «с тем пониманием, с которым Бурятская республика относится к педагогическим и медицинским вопросам можно сделать хорошие прогнозы для дальнейшего развития» [Wilmanns 1995: 140]. «Большой проблемой бурят является сифилис, — отметил он и продолжал. — Если мне скажут, что согласно статистике на каждые 16 смертей приходится 12 новорожденных, то в первую очередь виноват сифилис. Этот тревожный знак, верный признак того, что бурятское население вымрет, если не удастся подавить и практически полностью победить его. Добиться этого можно только с помощью активного терапевтического лечения. Мы, немцы, очень заинтересованы в благополучии этого отзывчивого народа и готовы на все, чтобы способствовать сотрудничеству немецких, русских и бурятских врачей» [Wilmanns 1995: 140]. Профессор не преминул напомнить, что научная экспедиция для изучения и искоренения сифилиса в БМАССР требует больших финансовых ресурсов и необходима всесторонняя помощь правительств СССР и Бурят-Монгольской АССР. На это Убугунов заверил немецких специалистов в готовности руководства республики по мере возможности содействовать экспедиции [Wilmanns 1995: 141].

Карл Вильманс и Альфред Штюмер покинули Верхнеудинск 16 июня 1926 г. Их путь лежал через Иркутск, где они планировали встретиться с представителями медицинского факультета Иркутского госуниверситета. Однако из-за проблем с покупкой билетов на московский поезд лекция так и не состоялась. Иркутские врачи усмотрели в этом проявление неуважения к ним и написали на профессоров жалобу, попавшую к главе Особого общества содействия немецкой науке (*Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*) Ф. Шмидт-Отту. В ГА РФ сохранилась переписка Ф. Шмидт-Отта с К. Вильмансом и А. Штюмером, объясняющая загадочно возникшее напряжение в отношениях с советской стороной, которое С. Гросс Соломон посчитала проявлением политических подтекстов. На самом деле ситуация оказалась намного проще.

По возвращении в Верхнеудинск из Домно-Еравны профессоры попросили А. Т. Трубачеева достать им билеты на поезд из Иркутска в Москву на 17 июня. Пообещав выполнить просьбу, нарком, видимо, забыл о ней, но затем уверил, что в Иркутске обязательно будут места в мягком вагоне до Москвы. А. Т. Трубачеев звонил в Читу, где ему ответили, что билетов до Москвы на 17 июня нет, а также обещал попросить иркутского профессора Топоркова занять для немецких врачей два места [Wilmanns 1995: 139]. По-видимому, ничего так и не удалось добиться. В Иркутске Топорков, Левит, К. Вильманс и А. Штюмер провели много времени в телефонных переговорах с железнодорожным ведомством и умудрились на два часа опоздать на злополучную лекцию. «Я признаю, — объяснял в письме Шмидт-Отту Карл Вильманс, — что нашим упущением было то, что мы не уведомили преподавателей вовремя о том, что не сможем это сделать. Когда мы поняли, что время упущено, мы незамедлительно выразили свое крайнее сожаление по этому поводу» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 435–436].

Однако существовал ряд других противоречий, которые немецкие профессоры считали недоразумением, а советская сторона — политическими вопросами, требующими разъяснений. Советские спутники профессоров, обсуждавшие с ними все рабочие вопросы, посчитали, что К. Вильманс и А. Штюмер не согласились с наличием эндемического сифилиса в Домно-Еравне. От начальства в Москве не укрылось и то, что профессоры провели на месте исследования всего полтора дня, чего было явно недостаточно для обоснованных выводов. К тому же советские коллеги жаловались, что К. Вильманс и А. Штюмер пришли к выводу о приоритете лечения над научным изучением сифилиса. По их мнению, это бросало тень на усилия советской стороны по массовому лечению сифилиса в БМАССР. Предложение А. Штюмера отправить к нему на обучение серолога Критштайна и верхнеудинского врача Остроумова было воспринято как намек на немецкое превосходство [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 431–432].

Развернутые ответы К. Вильманса и А. Штюмера на предъявленные претензии полностью сходятся в общей логике, незначительно отличаясь в профессиональных деталях. Венеролог А. Штюмер объяснял Ф. Шмидт-Отту, что, по его мнению, сифилис у бурят отличается от других эндемических форм сифилиса, например абиссинской или боснийской. В подавляющем большинстве случаев он не был врожденным, а наоборот – явно приобретенным половым путем половозрелыми людьми [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 437, 437об.]. Что касается краткости пребывания в Домно-Еравне, профессоры ссылались на мнение своих местных спутников, что из-за дождя они могут застрять там на много дней, чего А. Штюмер не мог себе позволить из-за строительства его новой клиники. По вопросу о приоритете лечения над исследованием оказалось, что еще на первой встрече в берлинской квартире Я. Р. Гольденберга немецкие и советские врачи договорились о том, что экспедиция будет не исключительно исследовательской, но также и лечебной. Поэтому никакого повода обвинять немецких специалистов в пренебрежении к советским методам лечения сифилиса у русских коллег не было. Наоборот, К. Вильманс и А. Штюмер постоянно выражали восхищение достижениями советских медиков в таких тяжелых условиях [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 437об.].

Обвинение же в демонстрации немецкого превосходства через приглашение Критштайна и Остроумова в сифилидологическую клинику А. Штюмера в Мюнстере по сегодняшним меркам вообще звучит абсурдно. Вспомним строки дневника К. Вильманса, где описана реакция А. Штюмера на отсутствие обычных для произведения теста Вассермана химикатов в серологической лаборатории. То, что для немецкого сифилидолога выглядело грубым нарушением технологии — при отсутствии реактивов получить точный результат единственного в то время анализа на сифилис было невозможно, советскими спутниками было воспринято как обидная демонстрация немецкого превосходства. Нужно отметить, что именно реакция советской стороны обнажила всю глубину проблем подготовки местных врачей. Вместо того, чтобы адекватно отреагировать на мнение профессионалов, кто-то из попутчиков затаил на немцев обиду. Объясняя свою позицию, А. Штюмер писал: «Проведение реакций на сифилис дает некотором исследователям такую большую свободу для индивидуального видоизменения методов, что сравнение результатов становится возможным только в том случае, если все работающие в лаборатории обучатся одному и тому же методу. Я думаю, что наилучший способ добиться этого, если оба коллеги могли бы обучаться в моей клинике хотя бы некоторое время» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 7. Л. 438].

К сожалению, хорошо начинавшаяся и прошедшая в явно дружественном Бурят-Монголии и СССР ключе рекогносцировочная поездка К. Вильманса и А. Штюмера была омрачена этими «кляузами вдогонку», которые С. Гросс Соломон ошибочно приняла за проявления политических противоречий. Как видно из документов, мы имеем дело с простым очернительством, вырыванием фраз из профессионального контекста, банальным кляузничеством. Тем не менее оно едва не погубило всю идею экспедиции. Чтобы заново запустить маховик ее подготовки, потребовалось вмешательство Н. П. Горбунова, С. Ф. Ольденбурга, А. С. Енукидзе и других высших официальных лиц СССР. Но ни К. Вильманс, ни А. Штюмер в последующих исследованиях и работе экспедиции 1928 г. участия уже не принимали. По-видимому, они были оскорблены несправедливым отношением к себе.

Выводы

В путевом дневнике Карла Вильманса отразились не только яркие впечатления о путешествии в Бурят-Монгольскую АССР летом 1926 г., но и реалии советско-германского межвоенного сотрудничества. Это делает его ценным источником для региональных историков, изучающих повседневную жизнь Бурятии в разгар эпохи НЭПа, исследователей международных связей СССР и историков медицины, занимающихся советско-германским медицинским сотрудничеством в 1920-е гг. Сцены повседневной реальности на периферии СССР, отражающие яркую и противоречивую эпоху НЭПа, выхваченные наблюдательным глазом рационалиста, придававшего значение материальной стороне быта, разворачивают перед нами панораму насыщенной, в целом благополучной жизни. Материалы дневни-

ка составляют заметный контраст архивным документам, в основном фиксировавшим проблемы.

Судя по всему, К. Вильманс проникся симпатией к бурятскому народу и глубоко сочувствовал ему. В тексте не обнаружено мнений и характеристик, даже по сегодняшним стандартам подходящих под описание расистских, супрематистских или колониальных. Напротив, чувствуется искреннее удивление К. Вильманса необычным смешением рас и народов в населении Бурятии, его интерес к разнообразию антропологических типов, побуждение рассказать об этом заинтересованным ученым кругам. Для родившегося и прожившего до шести лет в Мексике К. Вильманса метисы вряд ли представляли собой что-то необычное. Однако яркие описания типажей, встреченных в Бурят-Монголии, свидетельствуют о глубоких и в целом положительных впечатлениях автора. Нет в его дневнике и характерных для того времени размышлений о вырождении под влиянием метисации; есть лишь вполне реальные опасения за судьбу бурятского народа, столкнувшегося с действительно серьезным вызовом опасного для наследственности заболевания.

На этом фоне совершенно надуманными выглядят предъявленные постфактум, в форме жалоб, обвинения в политически негативных оценках советской действительности. Нельзя исключать того, что достигшие профессиональных высот в психиатрии и венерологии немецкие профессора могли обронить несколько скептических или даже колких фраз в отношении уровня подготовки советских врачей, оснащенности местных лабораторий, физического состояния осмотренных ими пациентов. Однако советские медицинские публикации того же периода о Бурят-Монголии в гораздо более жесткой форме фиксируют особенности традиционного быта, культуры и нравов местного населения. То же самое наблюдается в советских материалах 1920-х гг. о Монголии, Туве, Синьцзяне, Афганистане. После прочтения дневника Карла Вильманса можно констатировать, что обычная для врачебного взора фиксация расхождений с европейской гигиенической нормой в этих записях выражена очень умеренно. Возможно, немецкий врач записывал для себя лишь положительные впечатления, не акцентируя внимания даже на явно возмутительных проявлениях непрофессионализма или халатности. Однако точность, с которой написан дневник, говорит об обратном. Несмотря на несколько неприятных эпизодов, поездка К. Вильмансу понравилась. Именно благодаря этому сегодня в руках у историков оказался столь ценный источник информации о повседневной жизни Бурят-Монголии середины 1920-х гг.

Собственно медицинская часть дневника скудна и не дает возможности судить о глубине изучавшейся немецкими профессорами проблемы. Однако сам жанр путевого дневника, который К. Вильманс планировал передать потомкам, не предусматривает детальных профессиональных описаний. Для этого существуют другие документы, которые К. Вильманс и А. Штюмер заполняли с немецкой педантичностью. К счастью сохранившиеся в ГА РФ, эти источники лишь частично вошли в настоящую статью. Детальное рассмотрение рабочих документов К. Вильманса и А. Штюмера и их сравнение с материалами путевого дневника будет выполнено в следующих публикациях на данную тему.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

BAP — Bundesarchiv Abteilung Potsdam.

Wilmanns 1995 — *Wilmanns K.* Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 / Hrsg. W. U. Eckart. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1995. 313 s.

Бурят-Монгольская Правда 1928, 1929 — Бурят-Монгольская Правда / орган Бурятского обкома ВКП(б), Бурятского ЦИКа и Бурятского профсовета. Верхнеудинск, 1928, 1929.

Вечерняя Москва 1928 — Вечерняя Москва / Газета Московского городского комитета ВКП(б) и Моссовета. М., 1928.

По Бурято-Монголии 1929 — По Бурято-Монголии [видеозапись] / реж. Л. Степанова; опер. В. Беляев. М.: Совкино, 1929.

Sources

Archives of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.

Bundesarchiv, Abteilung Potsdam.

State Archive of the Russian Federation.

Buryat-Mongol'skaya Pravda (newspaper). Verkhneudinsk (Ulan-Ude), 1928, 1929. (In Russ.)

Stepanova L. (dir.) Across Buryat-Mongolia (video film). V. Belyaev (cameraman). Moscow: Sovkino, 1929. (In Russ.)

Vechernyaya Moskva (newspaper). Moscow, 1928. (In Russ.)

Wilmanns K. Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 (Students, Lamas, Leninists. Diary of the Journey across Russia towards Buryatia in the Summer of 1926). W. Eckart (ed.). Pfaffenweiler: Centaurus, 1995. 313 p. (In Germ.)

Литература

Башкуев 2012 — *Башкуев В. Ю.* Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // Власть. 2012. № 2. С 145–149.

Башкуев 2014 — *Башкуев В. Ю.* Геополитика и евгеника в контексте научного изучения Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 1930-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 140–145.

Башкуев 2016 — *Башкуев В. Ю.* Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с.

Башкуев, Шеноева 2019 — *Башкуев В. Ю., Шеноева П. А.* Роль международного медицинского сотрудничества в развитии здравоохранения Бурятии (1923–1928 гг.) // Дальневосточный медицинский журнал. 2019. № 4. С. 47–52.

Броннер, Бейлин 1936 — *Броннер В. М., Бейлин И. Б.* Научно-исследовательские работы в области здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 368–387.

Жинкин 1927 — *Жинкин В. Н.* О кровяных группах и расово-биохимическом указателе у агинских бурят. Верхнеудинск: [б. и.], 1927. 10 с.

Мавров 2009 — *Мавров Г. И.* История венерологии (сообщение 3). Венерология в России и СССР в XX веке // Дерматологія та венерологія. 2009. № 3 (45). С. 83–101.

Прохоренков, Обухов, Родиков 2011 — *Прохоренков В. И., Обухов А. П., Родиков М. В.* О советско-германской экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монгольской АССР (1928 г.) // Сибирский медицинский журнал. 2011. № 4. С. 135–137.

Ратманов, Кирик 2019 — *Ратманов П. Э., Кирик Ю. В.* Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России // Дальневосточный медицинский журнал. 2019. № 4. С. 41–46.

Талько-Грынцевич 1902а — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К антропологии Забайкалья и Монголии // Антропологический журнал. 1902. № 2. С. 1–36.

Талько-Грынцевич 1902б — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Народности Центральной Азии. (Монголо-халхасцы, буряты и тунгусы). Антропологический очерк // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества. 1902. Т. V. Вып. 1. С 39–77.

Трубачеев 1936 — *Трубачеев А. Т.* Состояние и перспективы здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 349–367.

Хартанович 2011 — *Хартанович М. В.* Бурят-Монгольская антропологическая экспедиция АН СССР 1931 г. // Наука из первых рук. 2011. № 3 (39). С. 84–91.

Энгельстайн 2000 — *Энгельстайн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2000. С. 217–268.

Solomon 1993 — *Solomon S. G.* The Soviet-German syphilis expedition to Buriat-Mongolia, 1928: scientific research on national minorities // Slavic Review. 1993. Vol. 52. № 2. Pp. 204–232.

Solomon 1995 — *Solomon S. G.* Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen // Lues, Lamas,

Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 / Hrsg. W. U. Eckart. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1995. S. 1–41.

Solomon 1996 — *Solomon S. G.* Introduction: Germany, Russia, and medical cooperation between the wars // Doing Medicine Together; [ed. by S. G. Solomon]. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 3–31.

Weindling 1996 — *Weindling P.* German overtures to Russia, 1919–1925: between racial expansion and national coexistence // Doing Medicine Together; [ed. by S. G. Solomon]. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 35–60.

References

Bashkuev V. Yu. Geopolitical aspects of the Soviet-German medical cooperation in the 1920s. *Vlast'*. 2012. No. 2. Pp. 145–149. (In Russ.)

Bashkuev V. Yu. Geopolitics and eugenics in the context of the scientific study of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s – early 1930s. *Vlast'*. 2014. No. 5. Pp. 140–145. (In Russ.)

Bashkuev V. Yu. Russian Medicine and the Mongolian World: Historical Experience of Interaction, Late 19th – Mid-20th Century. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p. (In Russ.)

Bashkuev V. Yu., Shenoeva P. A. The role of international scientific cooperation in the development of health care in Buryatia (1923–1928). *Far East Medical Journal*. 2019. No. 4. Pp. 47–52. (In Russ.)

Bronner V. M., Beylin I. B. Scholarly papers on the healthcare system of the Buryat-Mongolian ASSR. In: Problems of the Buryat-Mongolian ASSR. Conference Proceedings. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. Pp. 368–387. (In Russ.)

Engelstein L. Morality and the wooden spoon: Russian doctors view syphilis, social class, and sexual behavior, 1890-1905. In: David-Fox M. (comp.) Russian Studies in the U.S.: Contemporary Historiography. Imperial Period. Anthology. Samara: Samara University Press, 2000. Pp. 217–268. (In Russ.)

Khartanovich M. V. USSR Academy of Sciences: 1931 anthropological expedition to Buryat Mongolia. *Science. First Hand.* 2011. No. 3 (39). Pp. 84–91. (In Russ.)

Mavrov G. I. History of venereology (the message 3) venereology in Russia and the USSR in XX century. *Dermatologiya ta venerologiya*. 2009. No. 3 (45). Pp. 83–101. (In Russ.)

Prokhorenkov V. I., Obukhov A. P., Rodikov M. V. About Soviet - German syphilis research expedition to Buryat Mongolia (1928). *Siberian Medical Journal (Irkutsk)*. 2011. No. 4. Pp. 135–137. (In Russ.)

Ratmanov P. E., Kirik Yu. V. The representative office of the People's Commissariat of Health of Soviet Russia in Germany (1921–1929) in the context of international relations of Soviet Russia. *Far East Medical Journal*. 2019. No. 4. Pp. 41–46. (In Russ.)

Solomon S. G. Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen (The travel diary as a source for analysis of mutual medical arrangements). In: Wilmanns K. Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 (Students, Lamas, Leninists. Diary of the Journey across Russia towards Buryatia in the Summer of 1926). W. Eckart (ed.). Pfaffenweiler: Centaurus, 1995. Pp. 1–41. (In Germ.)

Solomon S. G. Introduction: Germany, Russia, and medical cooperation between the wars. In: Solomon S. G. (ed.) Doing Medicine Together. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 3–31. (In Eng.)

Solomon S. G. The Soviet-German syphilis expedition to Buriat-Mongolia, 1928: scientific research on national minorities. *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 2. Pp. 204–232. (In Eng.)

Talko-Gryntsevich Yu. D. Anthropology of Transbaikalia and Mongolia revisited. *Antropologicheskiy zhurnal*. 1902. No. 2. Pp. 1–36. (In Russ.)

Talko-Gryntsevich Yu. D. Peoples of Central Asia (Khalkha Mongolians, Buryats and Tunguses): anthropological essay. *Tr. Troitskosavsko-Kyakhtin. otd. Priamur. Otdela Imperator. Rus. Geogr. o-va.* 1902. Vol. V. Is. 1. Pp. 39–77. (In Russ.)

Trubacheev A. T. Healthcare system of the Buryat-Mongolian ASSR: current state and prospects. In: Problems of the Buryat-Mongolian ASSR. Conference Proceedings. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. Pp. 349–367. (In Russ.)

Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: between racial expansion and national coexistence. In: Solomon S. G. (ed.) Doing Medicine Together. Toronto: University of Toronto Press, 2006. Pp. 35–60. (In Eng.)

Zhinkin V. N. Aga Buryats: Blood Types and Race-Related Biochemical Indices. Verkhneudinsk, 1927. 10 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1271–1291, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1271-1291
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 903.2 (470.57)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1271-1291

Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале: предварительные итоги археологических исследований

Вячеслав Георгиевич Котов[1], *Михаил Михайлович Румянцев*[2], *Дмитрий Олегович Гимранов*[3]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

[2] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
научный сотрудник
0000-0003-2787-3074. E-mail: rmm121983@mail.ru

[3] Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (д. 202, ул. 8 марта, 620144 Екатеринбург, Российская Федерация)
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-9592-5211. E-mail: djulfa250@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Котов В. Г., Румянцев М. М., Гимранов Д. О., 2020

Аннотация. *Введение*. Пещера Иманай-1 — новый памятник среднего палеолита на Южном Урале, открытый авторами в 2009 г. Он расположен на западном сколе Уральской горной системы, в междуречье рек Белая и Нугуш, на границе горно-лесной и степной зон. *Цель* статьи — введение в научный оборот предварительных результатов археологических исследований памятника Иманай-1. *Результаты*. Пещера туннельного типа, ход длиной 70 м заканчивается дальним залом. В этом зале были собраны кости малого пещерного медведя и пещерного льва. Памятник является многослойным. В 1 культурном горизонте было обнаружено 399 изделий из камня и кости. Орудия составляют 60 % от всех изделий из камня, нуклеусы и чешуйки отсутствуют, следовательно, первичная и вторичная обработка осуществлялись за пределами Дальнего зала. Каменная индустрия характеризуется использованием осколков и аморфных сколов из кремня. Рабочие участки оформлялись монофациальной и бифациальной ретушью, резцовым сколом. Орудия представлены следующими типами: 3 мустьерских бифациальных остроконечника, 4 конвергентных скребла с бифациальной обработкой, обушковые ножи, некоторые с бифациальной обработкой — 6 экз., резчики на осколках и аморфных

сколах — 229 экз. (59 %), острия — 19 экз. (5 %), орудия с шипом — 13 экз. (3 %), резцы — 21 экз. (5 %). В основании 1 культурного горизонта был найден череп малого пещерного медведя с искусственным отверстием, оставленным каменным наконечником копья. Индустрия памятника находит многочисленные аналогии на стоянке Ильская-1 на Северном Кавказе и в материалах верхнего слоя грота Киик-Коба в Крыму, а также на других памятниках среднего палеолита тейякской традиции. Три некалиброванные даты показывают интервал от 26 до 42 тыс. лет. Это указывает на финал мустьерской эпохи.

Ключевые слова: пещерная стоянка, средний палеолит, тейяк, типология, технология, Южный Урал

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-74-00041).

Для цитирования: Котов В. Г., Румянцев М. М., Гимранов Д. О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале: предварительные итоги археологических исследований // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1271–1291. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1271-1291

UDC 903.2 (470.57)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1271-1291

Middle Paleolithic Site of Imanai-1 Cave in the Southern Urals: Preliminary Results of Archaeological Investigations

Vyacheslav G. Kotov[1], *Mikhail M. Rumyantsev*[2], *Dmitry O. Gimranov*[3]

[1] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

[2] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Research Associate
0000-0003-2787-3074. E-mail: rmm121983@mail.ru

[3] Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the RAS (202, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation)
Cand. Sc. (Biology), Senior Research Associate
0000-0002-9592-5211. E-mail: djulfa250@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Kotov V. G., Rumyantsev M. M., Gimranov D. O., 2020

Abstract. *Introduction*. Imanai-1 Cave is a new monument of the Middle Paleolithic in the Southern Urals. It was discovered by the authors in 2009 and is located in the west of the Ural mountain system, in the interfluve of the Belaya and Nugush Rivers, on the border of the mountain-forest and steppe zones. *Goals*. The paper aims to introduce preliminary results of archaeological investigations into scientific discourse. *Results*. The cave is of a tunnel type, its 70 m long passage ending with a far hall which contained bones of a small cave bear and a cave lion. The monument is multi-layered. The first cultural horizon contained 399 items of stone and bone. Tools make up to 60 % of all stone products, while cores and scales are absent, therefore, primary and secondary processing was carried out outside the far hall. The stone industry is characterized by the use of shards and amorphous flint chips. The working areas were made out with monofacial and bifacial retouching, incisal cleavage.

The tools are of the following types: 3 Mousterian bifacial points, 4 convergent side-scrapers with bifacial processing, butt knives, some with bifacial processing — 6 items, carvers on fragments and amorphous chips — 229 items (59 %), points — 19 items (5 %), tools with a thorn — 13 items (3 %), incisors — 21 items (5 %). At the base of the first cultural horizon, a skull of a small cave bear with an artificial hole made with a stone spearhead was found. The industry of the site has numerous analogies at the Ilskaya-1 site in the North Caucasus and in the materials of the upper layer of the Kiik-Koba grotto in the Crimea, as well as at other sites of the Middle Paleolithic of the Tayacian tradition. Three uncalibrated dates show the interval from 26 to 42 thousand years. This indicates the finale of the Mousterian era.

Keywords: cave site, Middle Paleolithic, Tayacian, typology, technology, Southern Urals

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 20-74-00041.

For citation: Kotov V. G., Rumyantsev M. M., Gimranov D. O. Middle Paleolithic Site of Imanai-1 Cave in the Southern Urals: Preliminary Results of Archaeological Investigations. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1271–1291. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1271-1291

Введение

До недавнего времени на Южном Урале было известно только два стратифицированных памятника среднего палеолита с фауной — это стоянка Богдановка на р. Урал в Челябинской области [Широков и др. 2011] и стоянка Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана [Котов 2008]. Коллекции каменных орудий, обнаруженных на этих памятниках, немногочисленны, что не дает надежных оснований для определения их культурной принадлежности. В этой связи большое значение имеет открытие нового стратифицированного памятника с богатой фауной и многочисленным собранием каменных орудий в пещере Иманай-1 (Барсучья Нора) на западном склоне Южного Урала.

Пещера расположена в Мелеузовском районе Республики Башкортостан, в 5 км к востоку от пос. Нугуш, в урочище Иманай, 53°02′ с.ш., 56°31′ в.д. (рис. 1: *А*). Она находится в левом борту дола Иманай, на высоте 30 м от уровня урочища Иманай, высота над уровнем моря составляет 266 м (рис. 1: *Б*). Борта долины густо поросли широколиственным лесом и кустарником. Со стороны долины пещера не видна. Вход находится в воронке и закрыт от взора насыпью высотой 2 м. Он имеет вид узкой щели около 1,5 м шириной и 0,5 м высотой, ориентирован на юг–юго-восток (рис. 2: *А*).

Пещера разработана в толще девонских известняков и представляет собой коридор, тянущийся с юга на север. Входной туннель в виде узкого хода длиной 10 м. Пол его сложен из гумуса. Далее пещера в виде коридора 2 м шириной и 3 м высотой тянется уступами, покрытыми крупными камнями, под углом 11° вверх на расстояние 70 м. Туннель заканчивается небольшим залом размером 2×4×3 м, пол которого на 2 м ниже ложа самого туннеля (рис. 3; 4). Пол в этом зале сложен из светло-бурого суглинка с крупной и средней растворенной щебенкой известняка. В заполнении встречаются мелкие кремневые галечки и куски кремня средней величины. На поверхности много крупных и средних камней известняка, а также крупных глыб (рис. 2: *Б*).

Исследования в пещере проводились в 2009, 2015–2016 гг. совместно двумя отрядами: археологический — от Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИИЯЛ УФИЦ РАН; рук. В. Г. Котов) и палеонтологический — от Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН (ИЭРиЖ УрО РАН; рук. Д. О. Гимранов) [Котов 2009; Котов 2015].

Палеонтологические исследования

При визуальном обследовании пещеры на поверхности были обнаружены многочисленные кости, большая часть из которых находилась в дальнем зале (рис. 4). Здесь были зафиксированы скопления костей плейстоценовой сохранности: все они желтовато-красного цвета, рыхлые, на из-

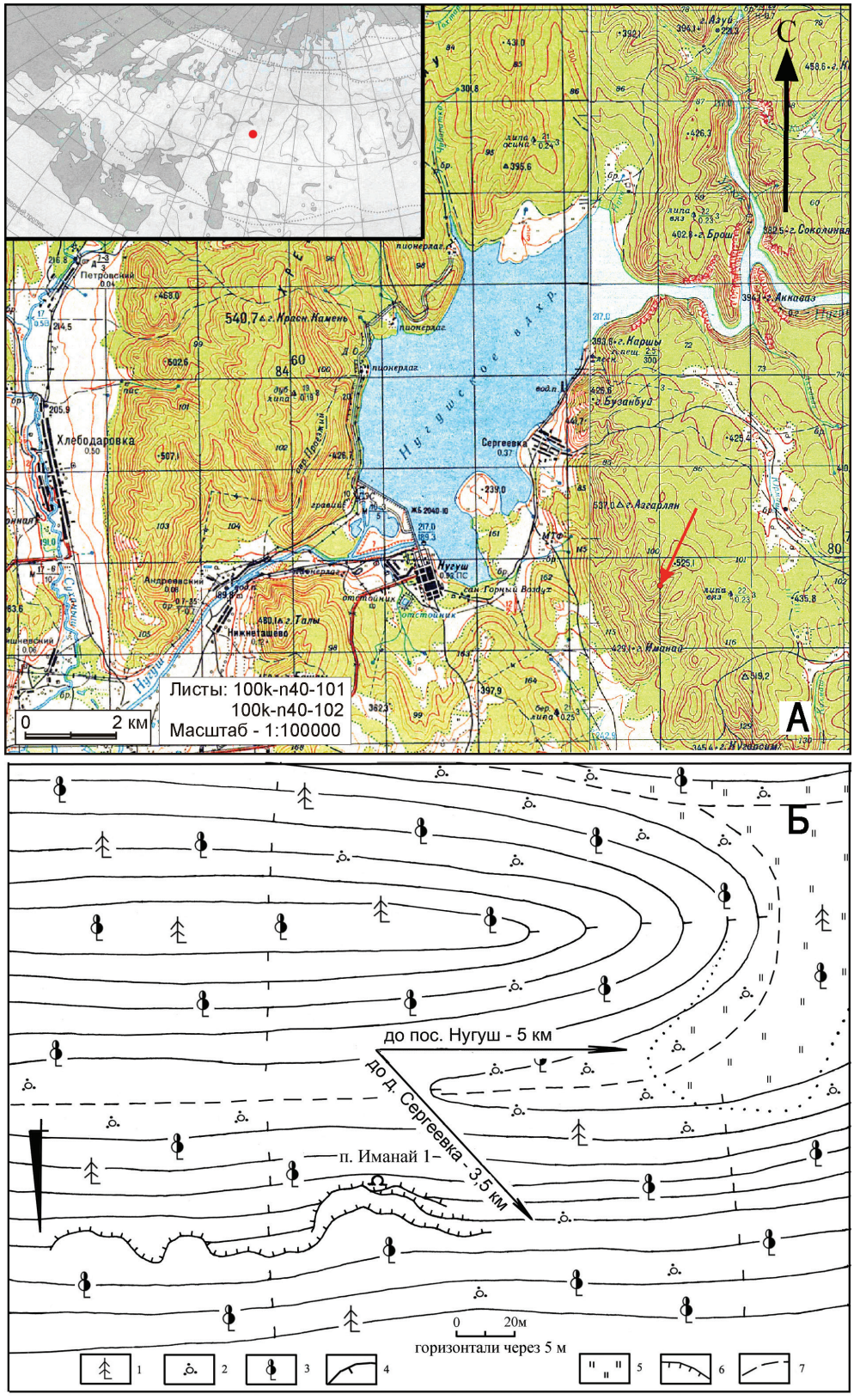

Рис. 1. Местонахождение пещеры Иманай-1. А — Карта местности с местонахождением пещеры Иманай-1 (Барсучья Нора) (указана красной точкой и стрелкой). Б — Пещера Иманай-1, ситуационный план. Условные обозначения: 1 — деревья; 2 — кустарник; 3 — скала; 4 — горизонтали; 5 — луг; 6 — обрыв или границы ямы; 7 — тропинка.

[*Fig. 1*. Location of Imanai-1 Cave. A — Map of the area (Badger Sett) (indicated by the red dot and arrow). B — Imanai-1 Cave, situational plan. Legend: 1 — trees; 2 — bush; 3 — rock; 4 — horizontals; 5 — meadow; 6 — cliff or pit boundaries; 7 — path]

Рис. 2. Пещера Иманай-1. А — вход в пещеру, вид с юга. Б — вид на Дальний зал с севера. Фото В. Г. Котова

[*Fig. 2*. Imanai-1 Cave. A — entrance to the cave, view from the south. B — view of the Far Hall from the north. Photo by V. Kotov]

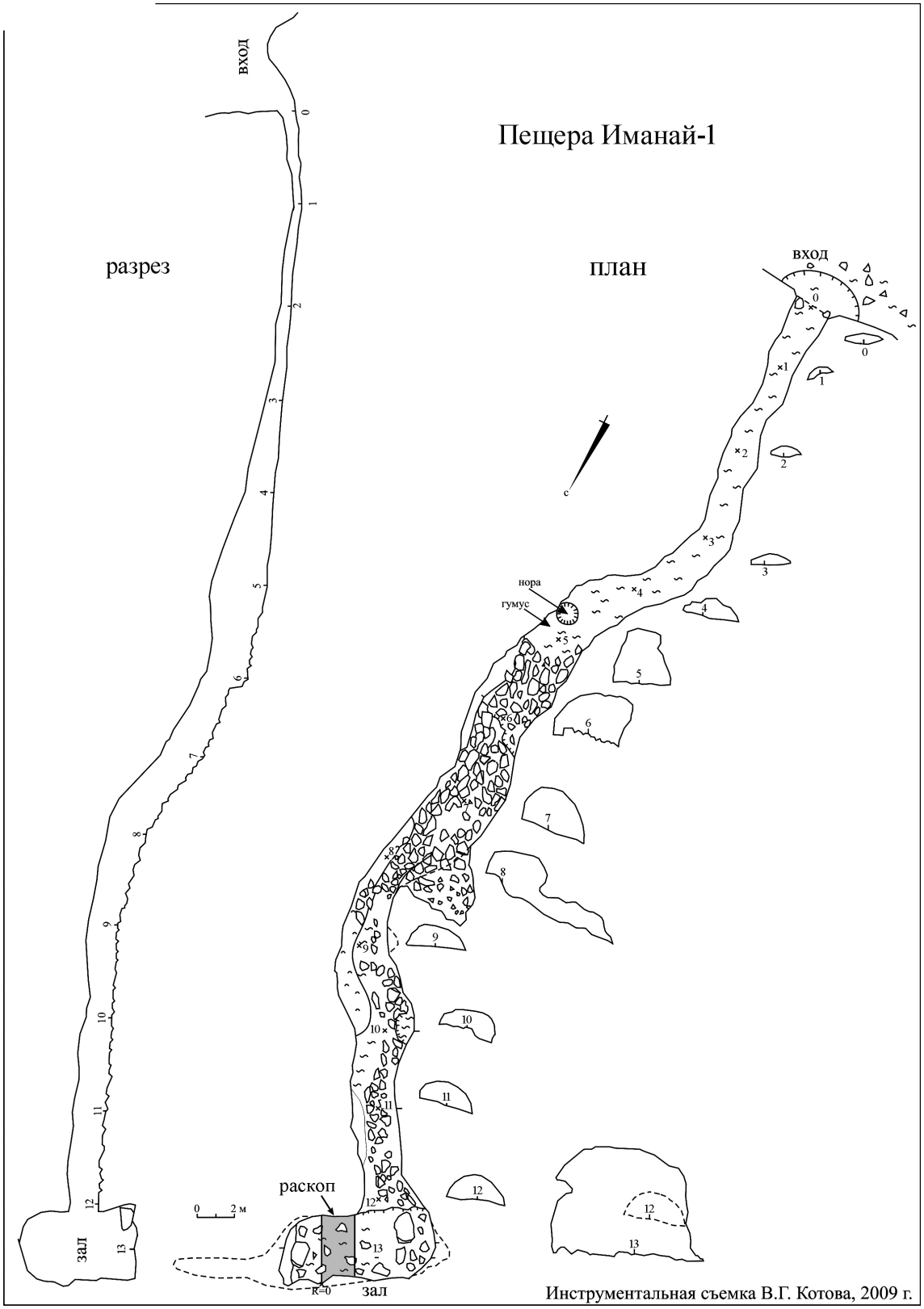

Рис. 3. Пещера Иманай-1. Разрез, план и сечения

[*Fig. 3*. Imanai-1 Cave. Profile, plan and sections]

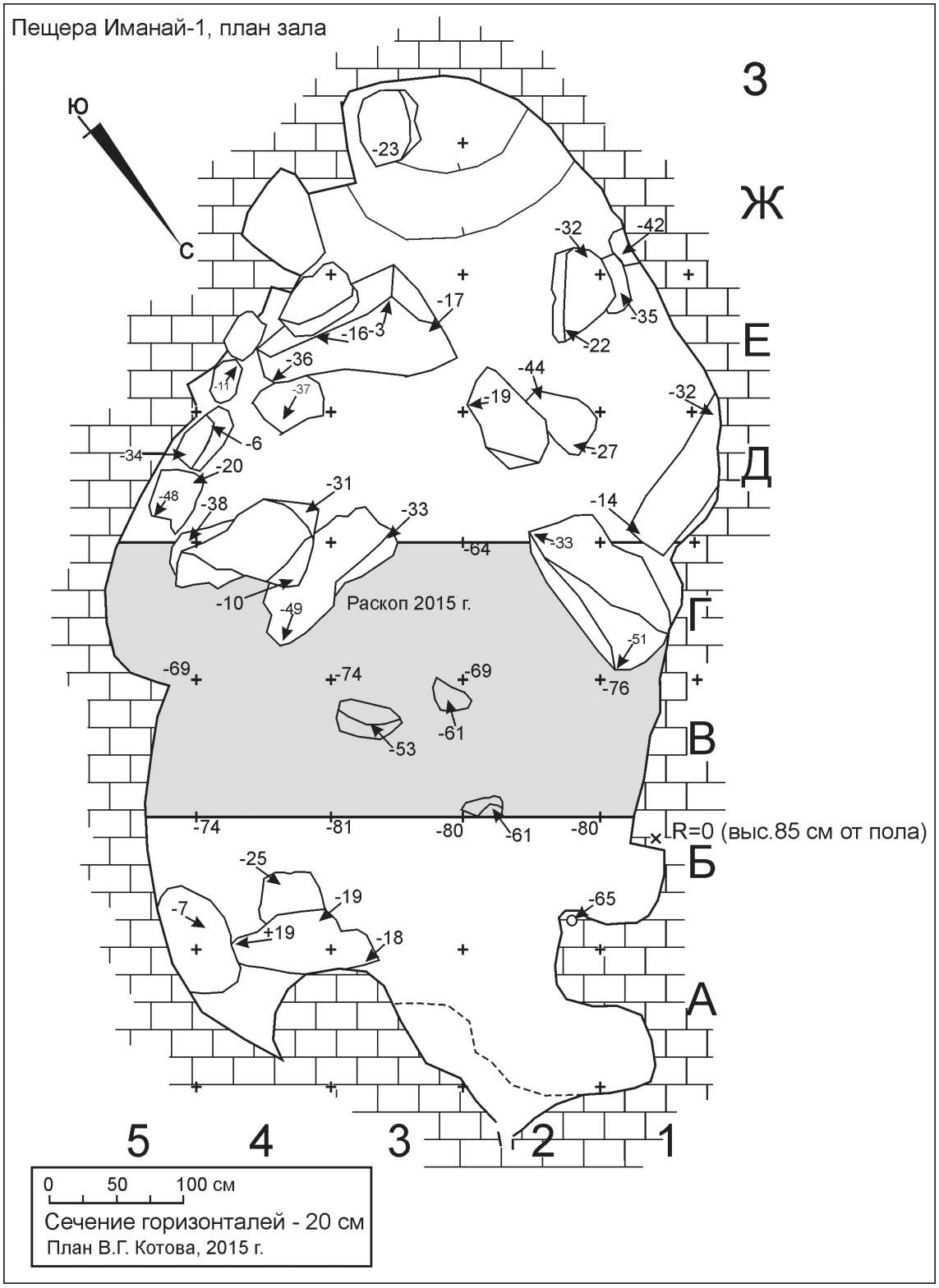

Рис. 4. Пещера Иманай- 1. План Дальнего зала с раскопом 1

[*Fig. 4*. Imanai-1 Cave. Plan of the Far Hall with excavation site 1]

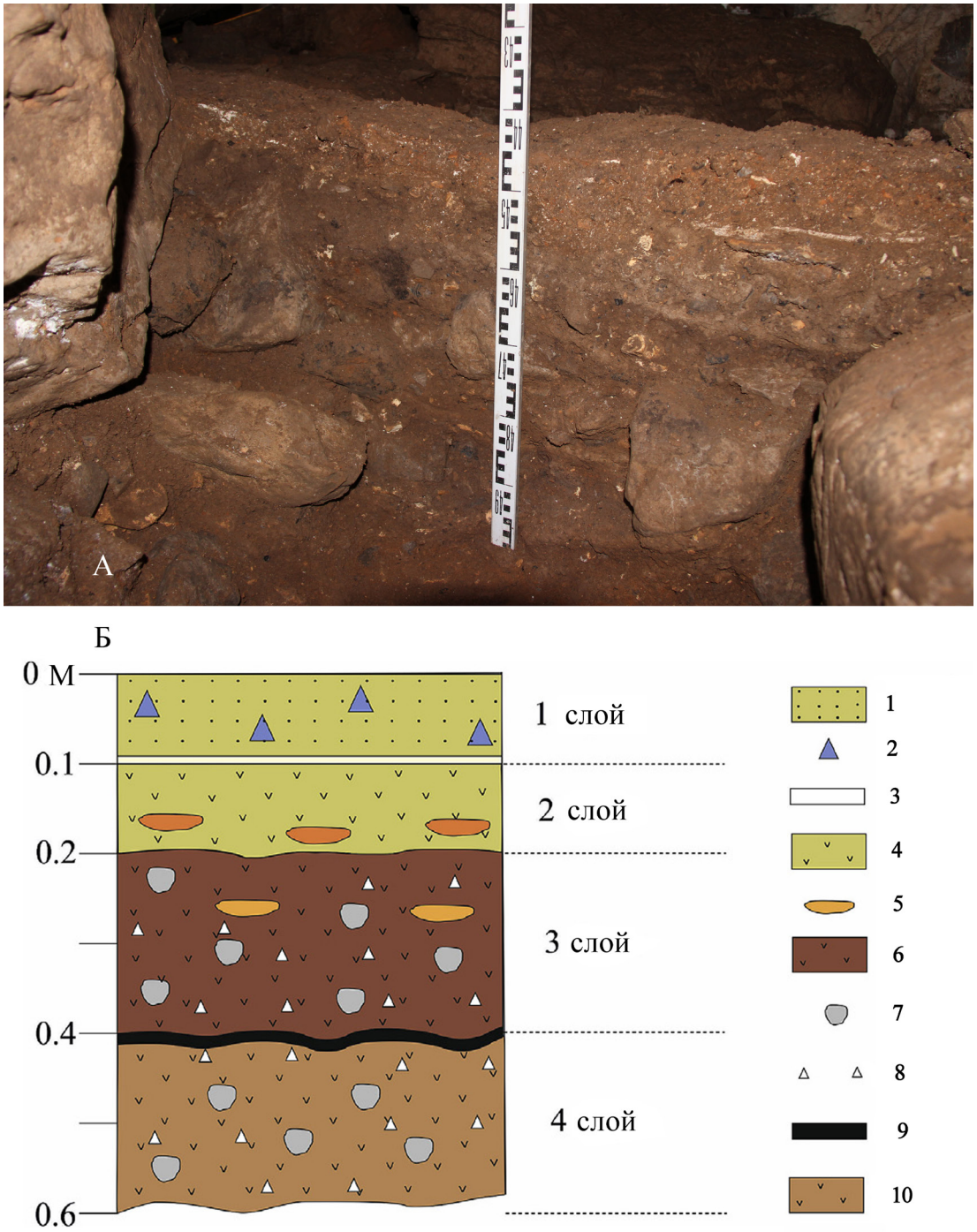

Рис. 5. Пещера Иманай-1. Разрез культурных отложений. А — фото южной стенки, Б — разрез отложений (по: [Gimranov, Kosintsev 2020]). Условные обозначения: 1 — супесь светло-коричневая с гравием; 2 — палеолитические каменные изделия; 3 — разломанная кальцитовая корка; 4 — супесь светло-коричневая с доломито-известняковой щебенкой; 5 — известняковый туф; 6 — супесь темно-коричневая с доломито-кальцитовым гравием; 7 — галька угловатая; 8 — известняковая щебенка; 9 — известняковая супесь, насыщенная гравием; 10 — супесь коричневая с доломито-кальцитовым гравием

[*Fig. 5*. Imanai-1 Cave. Section of cultural deposits. A — photo of the southern wall, B — sediment section [after: Gimranov, Kosintsev 2020]. Legend: 1 — light brown sandy loam with gravel; 2 — Paleolithic stone products; 3 — fractured calcite crust; 4 — light brown sandy loam with dolomite-limestone gravel; 5 — limestone tuff; 6 — dark brown sandy loam with dolomite-calcite gravel; 7 — angular pebble; 8 — crushed limestone; 9 — limestone sandy loam saturated with gravel; 10 — brown sandy loam with dolomite-calcite gravel]

лом крошатся. Всего же за три года исследований общее количество идентифицируемых костей плейстоценовой сохранности превышает 10 000 образцов. Количество костей голоценовой сохранности — более 1 000. Основная масса костных остатков плейстоценовой сохранности принадлежит малому пещерному медведю (*Ursus* ex gr. *savini-rossicus*) и составляет 93 %. Намного реже встречаются кости сурка (*Marmota* sp.), зайца (*Lepus* sp.), бобра (*Castor fiber*), пещерного льва (*Panthera* ex gr. *fossilis-spelaea*), красного (*Cuon* sp.) и серого (*Canis lupus*) волков, песца (*V. lagopus*) и лисицы (*V. vulpes*), барсука (*Meles* sp.), росомахи (*Gulo gulo*), горностая (*Mustela erminea*), хоря (*M.* ex gr. *putorius-eversmanii*), бурого медведя (*U. arctos*), гималайского медведя (*U. thibetanus*), мамонта (*Mammuthus primigenius*) лошади (*Equus ferus*), носорога (Rhinocerotidae gen. indet), первобытного бизона (*Bison priscus*), сайги (*Saiga tatarica*) и барана (*Ovis ammon*) [Gimranov, Kosintsev 2020].

Биохимический и минералогический анализы показали, что кости пещерного льва (*Panthera* ex gr. *fossilis-spelaea*) существенно древнее других костей и, в частности, костных остатков малого пещерного медведя (*Ursus* ex gr. *savini-rossicus*) [Gimranov et al. 2018: 193]. Массовое захоронение львов образовалось в результате естественной гибели животных, которое сформировалось в первой половине – середине позднего неоплейстоцена (OIS5–3) [Гимранов и др. 2018: 233]. В целом накопление костных остатков происходило в результате как естественной гибели животных и жизнедеятельности хищных млекопитающих (следов искусственного воздействия, а также огня на них не обнаружено), так и человека [Гимранов и др. 2016: 233]. Абсолютное большинство костей животных (99%) происходит из верхних горизонтов до глубины 0,6 м [Gimranov, Kosintsev 2020].

Археологические исследования

В дальнем зале по его поперечной оси был заложен раскоп площадью 12 м^2 (рис. 3; 4). Отложения разбирались зачистками с фиксацией находок на уровне условных горизонтов по 10 см. В результате исследований 2015 г. отложения были вскрыты до глубины 0,6 м и было выявлено четыре геологических слоя (рис. 5):

1. Супесь светло-коричневая с известняковой щебенкой и кусками черного кремня. Внутри слоя была обнаружена линза бурого суглинка с известняковой крошкой и отдельными кусками кремня. На поверхности линзы были зафиксированы кусочки красной и оранжевой охры, а также отдельные угольки. В заполнении встречены многочисленные кости животных и каменные изделия эпохи палеолита. Данный слой полностью соотносится с первым культурным слоем. В основании слоя присутствует фрагментированная кальцитовая корка толщиной 3–4 мм. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность — 0,1 м.

2. Супесь светло-коричневая с доломитово-известняковой растворенной щебенкой. Внутри слоя в большом количестве обнаружены кости животных и каменные изделия эпохи палеолита. В основании слоя зафиксирована прослойка серовато-коричневого суглинка толщиной 2–3 см. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность — 0,1–0,15 м.

3. Супесь темно-коричневая с доломито-кальцитовым гравием и кусками кремня. В заполнении слоя присутствуют многочисленные кости животных. В основании слоя залегает прослойка известняковой супеси, насыщенная гравием. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность — 0,2 м.

4. Супесь коричневая с доломито-кальцитовым гравием и кусками кремня. Встречаются кости животных. Выявленная мощность — 0,2 м.

Были получены три некалиброванные даты: две по костям пещерного медведя и одна по кости пещерного льва: 26 320 ± 1790 (GIN-14244), 34 940 ± 140 (IGAN-5652), 42 410 ± 260 (IGAN-5652) [Gimranov, Kosintsev 2020].

В стенах пещеры присутствуют включения желваков черного и серого кремня. Куски черного и серого трещиноватого кремня встречаются как на полу, так и внутри отложений. Кремень из пещеры темно-серых оттенков отличается трещиноватостью и при раскалывании рассыпается на бесформенные осколки. Большая часть орудий сделана из качественного кремня светло-серых оттенков, который был принесен в пещеру.

Археологический материал

Всего в раскопе на уровне 1-го слоя обнаружено 399 изделий из камня и кости (табл. 1). Здесь была получена достаточно представительная коллекция каменных орудий. Вместе с изделиями из камня были найдены угольки, кусочки охры и кости плейстоценовых животных. Обращает на себя внимание то, что орудия составляют 80 % от всех каменных изделий, полноценные нуклеусы отсутствуют, а нуклевидные формы представлены аморфными кусками кремня — 8 экз. (2 %), расколотые вдоль или же имеющие отдельные негативы сколов, причем снятых с неподготовленных ударных площадок. Сколы аморфные с бессистемной огранкой — 60 экз. (15 %). Пластины единичные — 3 экз. (1 %). В промывке не были обнаружены чешуйки и мелкие сколы. Все это указывает на то, что раскалывание нуклеусов с целью получения заготовок и обработка орудий осуществлялись за пределами этого зала, и, скорее всего, вне пещеры.

Подавляющее большинство орудий было изготовлено из аморфных сколов и осколков. В целом коллекция каменных орудий производит впечатление своим архаизмом в первичной и вторичной обработке.

В 1 культурном слое были зафиксированы 3 мустьерских бифациальных остроконечника и 4 конвергентных скребла с бифациальной обработкой (рис. 6).

Самый крупный мустьерский бифациальный остроконечник вытянутой иволистной формы имеет размер 9×3,5×2 см (рис. 6: *5*). Он имеет плоско-выпуклую форму. На выпуклой стороне левая пологая грань была создана краевыми широкими продольными сколами. Правая грань на большей части сохраняет естественную поверхность, на дистальном участке она сформирована краевыми пологими сколами. Край лезвия выровнен мелкой ретушью. Правый фас образован радиальными пологими широкими сколами, грани уплощены пологими среднего размера удлиненными фасетками ретуши, края дополнительно были выровнены мелкой ретушью. Кончик острия обломан и затем был приострен мелкой ретушью.

Другой остроконечник напоминает маленькое рубило, он имеет укороченную форму и закругленное основание, обе выпуклые поверхности образованы радиальными сколами, дистальная часть обломана, размер: 4,9×3,9×1,8 см (рис. 6: *6*).

Третий остроконечник изготовлен на массивном укороченном отщепе подтреугольной ассиметричной формы с выпуклыми боковыми лезвиями и скошенным прямым основанием, левый фас сформирован радиальными сколами, края с обеих сторон обработаны крупной полукрутой ретушью разного размера, размер: 5,7×3,8×1,2 см (рис. 6: *7*).

Два конвергентных скребла имеют миндалевидную форму. Они в профиль обладают плоско-выпуклой формой. Брюшко создано плоскими радиальными сколами, спинка выпуклая, образована радиальными удлиненными снятиями, кромка выравнивалась более мелкой ретушью. Основание закругленное в плане и массивное в профиль. Размер одного орудия: 4,5×2,8×1,5 см (рис. 6: *1*). Размер другого изделия: 5,3×3×1,8 см (рис. 6: *3*).

Два других скребла обладают естественными основаниями, сохраняющими участки выпуклой поверхности галечной корки. Боковые грани образованы полукрутой и пологой разнокалиберной крупной ретушью. Лезвия были дополнительно выровнены мелкой ретушью. Слегка закругленные вершины на обоих изделиях были с двух сторон подправлены сколами удлиненной пологой ретуши продольной и радиальной направленности. Размеры изделий следующие: 4,4×3,5×1,5 см и 5×3,3×1,3 см (рис. 6: *2, 4*).

Достаточно крупной серией — 11 экз. (2 %) представлены простые скребла. Часть из них имеют бифациальную обработку поверхностей и рабочих участков (рис. 7: *8, 9, 10, 11*). Также в коллекции присутствуют орудия верхнепалеолитического облика, в частности, скребки — 8 экз. (2 %) (рис. 7: *1–7, 12*). Большая часть их имеет небольшие размеры, рабочие участки и боковые края оформлены вертикальной ретушью (рис. 7: *1, 2, 4, 6, 7, 13*). У нескольких скребков ретушью или выемками был выделен рабочий участок, это, так называемые «скребки с рыльцем» (рис. 7: *3, 5, 12*). Одно орудие комбинированное изготовлено на укороченном отщепе, у него полукрутой и пологой ступенчатой ретушью обработаны таким образом края, что они образовали слегка

Таблица 1. Находки в пещере Иманай-1, раскоп 1
[*Table 1.* Finds from Imanai-1 Cave, excavation site 1]

№	Тип изделия	Общее кол-во	%
1	Нуклевидные формы	8	2
2	Отщепы/сколы	60	15
3	Осколки	5	1
4	Отщеп с ретушью	6	1,2
5	Пластина/пластинчатый отщеп	3	1
6	Пластина с ретушью	2	0,5
7	Резчик	229	57
8	Острие	19	5
9	Резец	21	5
10	Острие-проколка	1	0,2
11	Резчик-резец	3	1
12	Скребло-резец		
13	Резчик-скребло	6	1,5
14	Резчик-скребок	3	1
15	Орудие с шипом	3	1
16	Резец-резчик-скребок	2	0,5
17	Отбойник	1	0,2
18	Острие-резчик	1	0,2
19	Остроконечник бифациальный	1	0,2
20	Нож обушковый	2	0,5
21	Скребло конвергентное	3	0,7
22	Скребло двойное	1	0,2
23	Скребло продольное	2	0,5
24	Скребло поперечное	3	0,7
25	Скребло зубчатое	1	0,2
26	Скребло угловатое	1	0,2
27	Скребок	8	2
28	Резец-скребок	1	0,2
	Всего	396	100

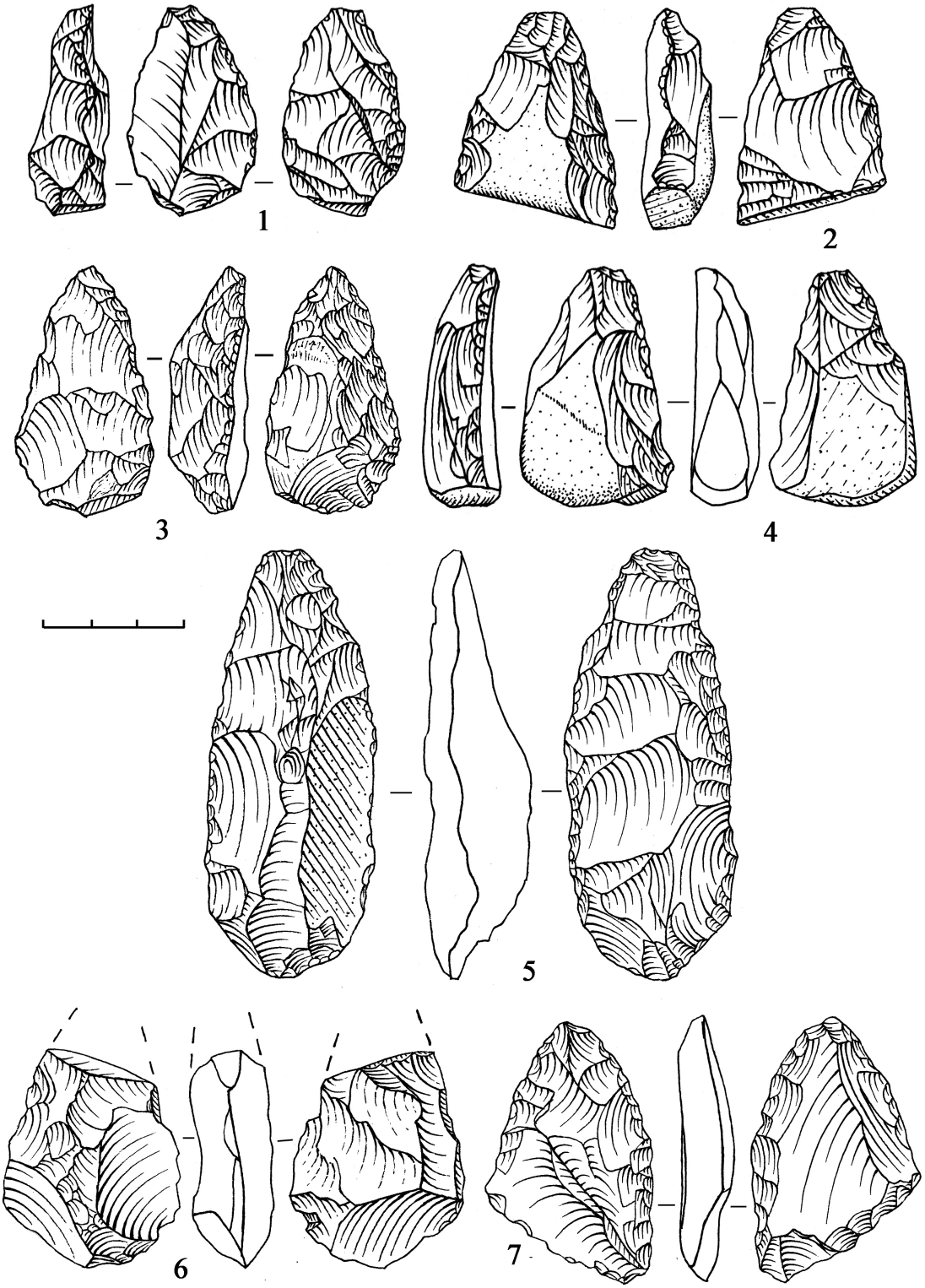

Рис. 6. Пещера Иманай-1. Бифациальные орудия из кремня: 1–4 — скребла конвергентные; 5–7 — остроконечники

[*Fig. 6*. Imanai-1 Cave. Bifacial flint tools: 1–4 — convergent scrapers; 5–7 — points]

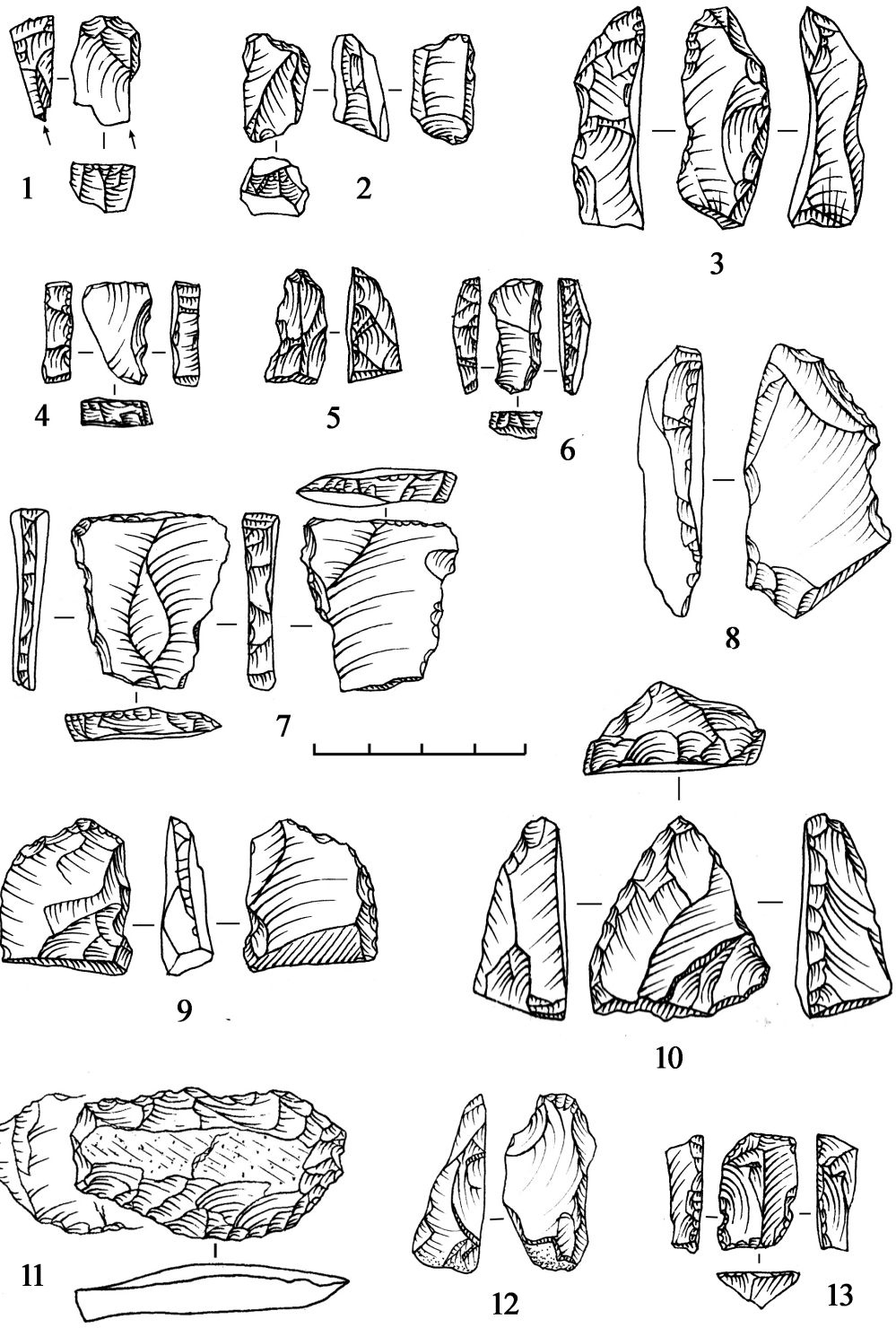

Рис. 7. Пещера Иманай-1. Кремневые изделия: 1 — скребок; 2 — скребок угловой; 3, 5, 12 — скребок «с рыльцем»; 4, 6, 7, 13 — скребок с ретушированными краями; 8 — скребло прямое, скошенное; 9 — скребло поперечное, выпуклое; 10 — скребло продольное, скошенное с ретушированным основанием; 11 — скребок боковой «с рыльцем» — скребло двойное

[*Fig. 7.* Imanai-1 Cave. Flint products: 1 — scraper; 2 — corner scraper; 3, 5, 12 — scraper ‘with stigma’; 4, 6, 7, 13 — scraper with retouched edges; 8 — straight scraper, beveled; 9 — transverse, convex scraper; 10 — longitudinal side-scraper, beveled with retouched base; 11 — side scraper ‘with stigma’ — double simple scraper]

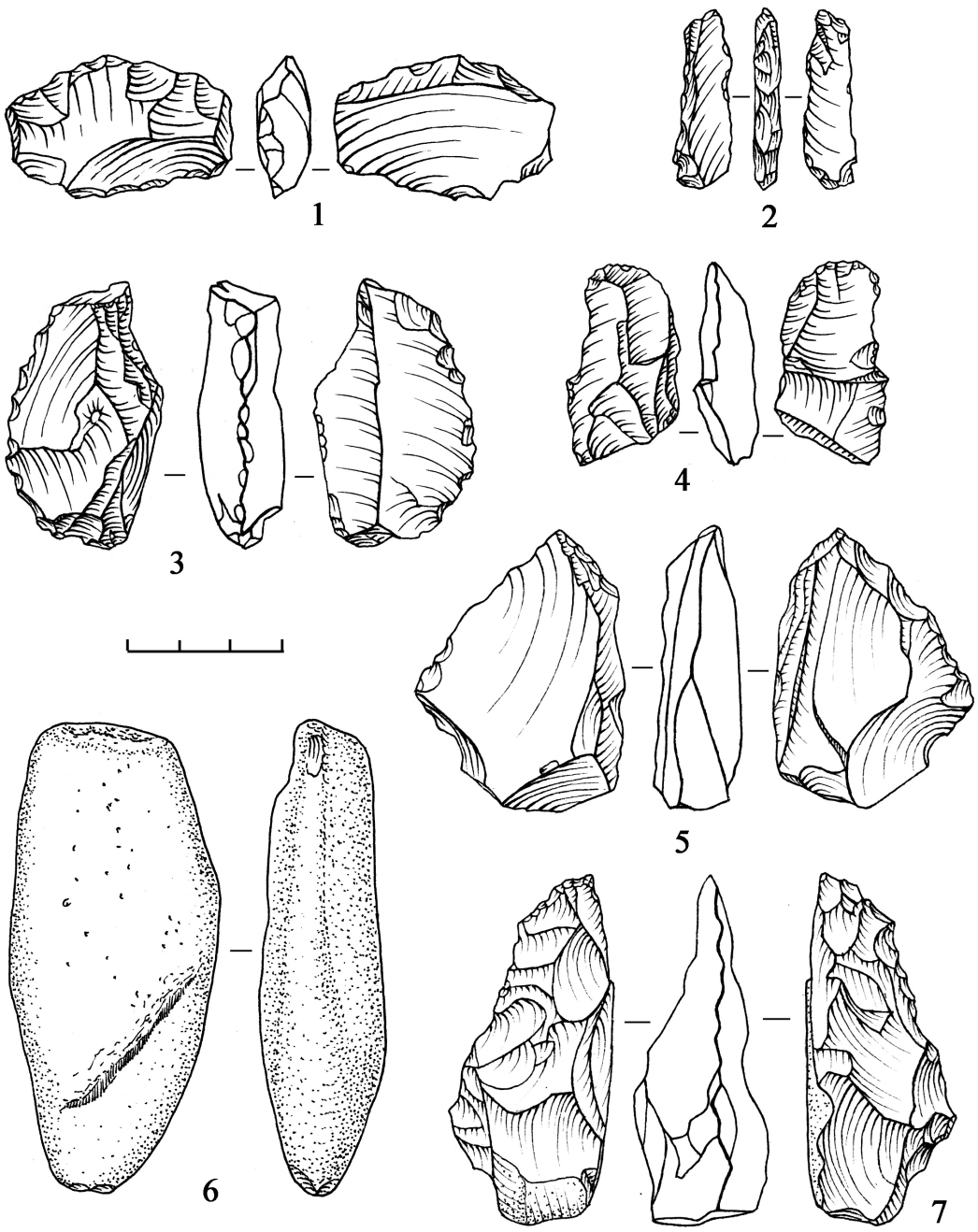

Рис. 8. Пещера Иманай-1. Каменные изделия. Ножи: 1 — с ретушированным обушком на укороченном отщепе; 2 — с ретушированным обушком и выделенным шиповидным острием на пластине; 3 — с обушком, созданным продольными сколами; 4 — с ретушированным закругленным обушком; 5 — с ретушированным прямым обушком; 7 — с естественным обушком и бифациальной обработкой поверхности. 6 — отбойник на гальке из кальцита. 1–5, 7 — кремень, 6 — кальцит

[*Fig. 8*. Imanay-1 Cave. Stone products. Knives: 1 — with a retouched back on a shortened flake; 2 — with a retouched back and a pronounced spiny point on the plate; 3 — with a backing created by longitudinal chips; 4 — with a retouched rounded back; 5 — with a retouched straight back; 7 — with natural back and bifacial surface treatment. 6 — bump stop on calcite pebbles. 1–5, 7 — flint, 6 — calcite]

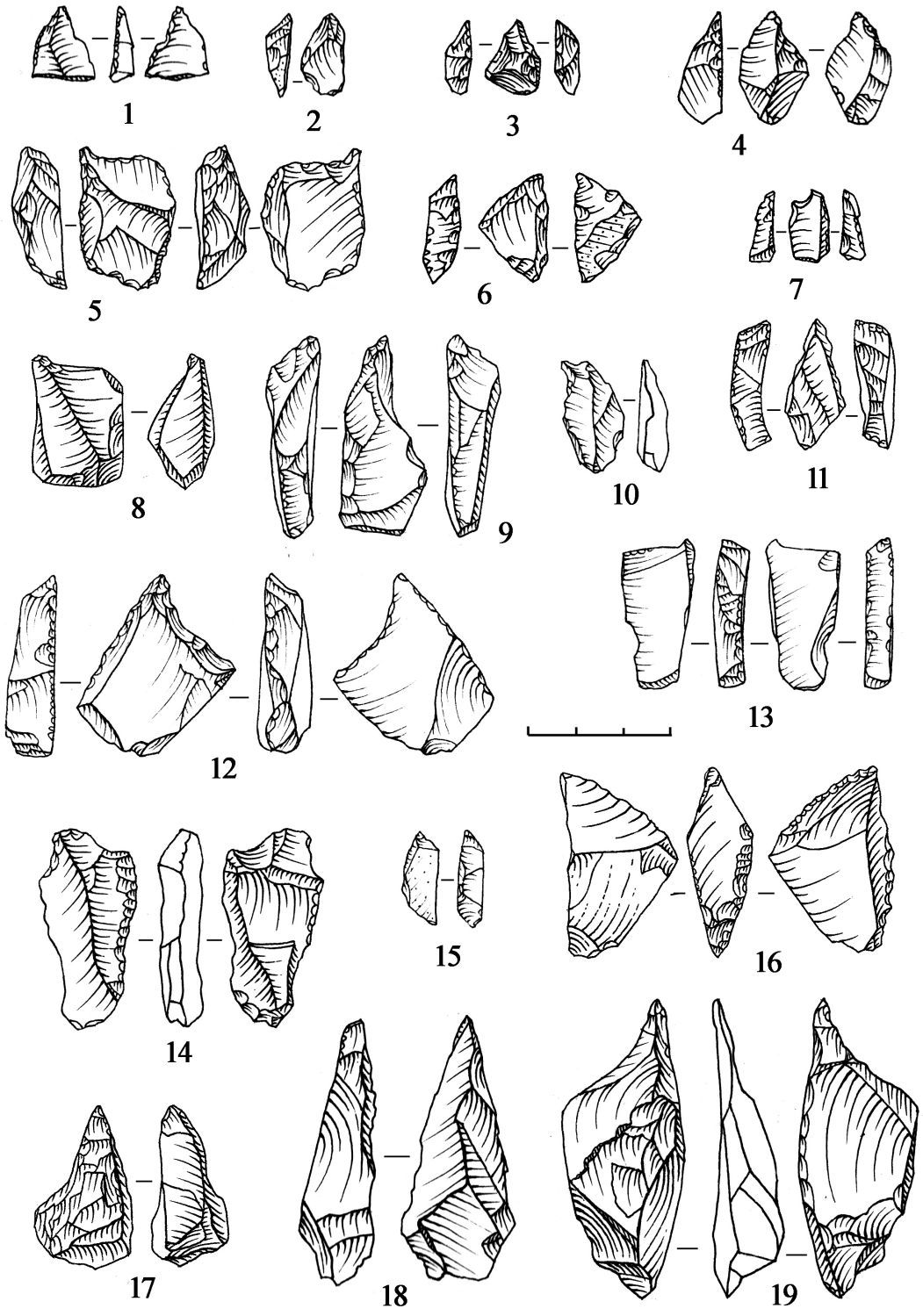

Рис. 9. Пещера Иманай-1. Острия из кремня: 1 — микроострие клювовидное с вентральной ретушью; 2, 3 —микроострие; 4 — острие бифациальное; 5, 6, 8–10, 12, 19 — острие клювовидное; 7, 16, 17 — острие с анкошем; 13 — острие клювовидное ассиметричное; 14 — острие с плечиками; 11, 15, 18 — острие

[*Fig. 9*. Imanai-1 Cave. Flint points: 1 — beak-shaped micro-point with ventral retouch; 2, 3 — a micropoint; 4 — a bifacial point; 5, 6, 8–10, 12, 19 — a beak-shaped point; 7, 16, 17 — a point with ankosh; 13 — an asymmetric beak-shaped point; 14 — a point with shoulders; 11, 15, 18 — point]

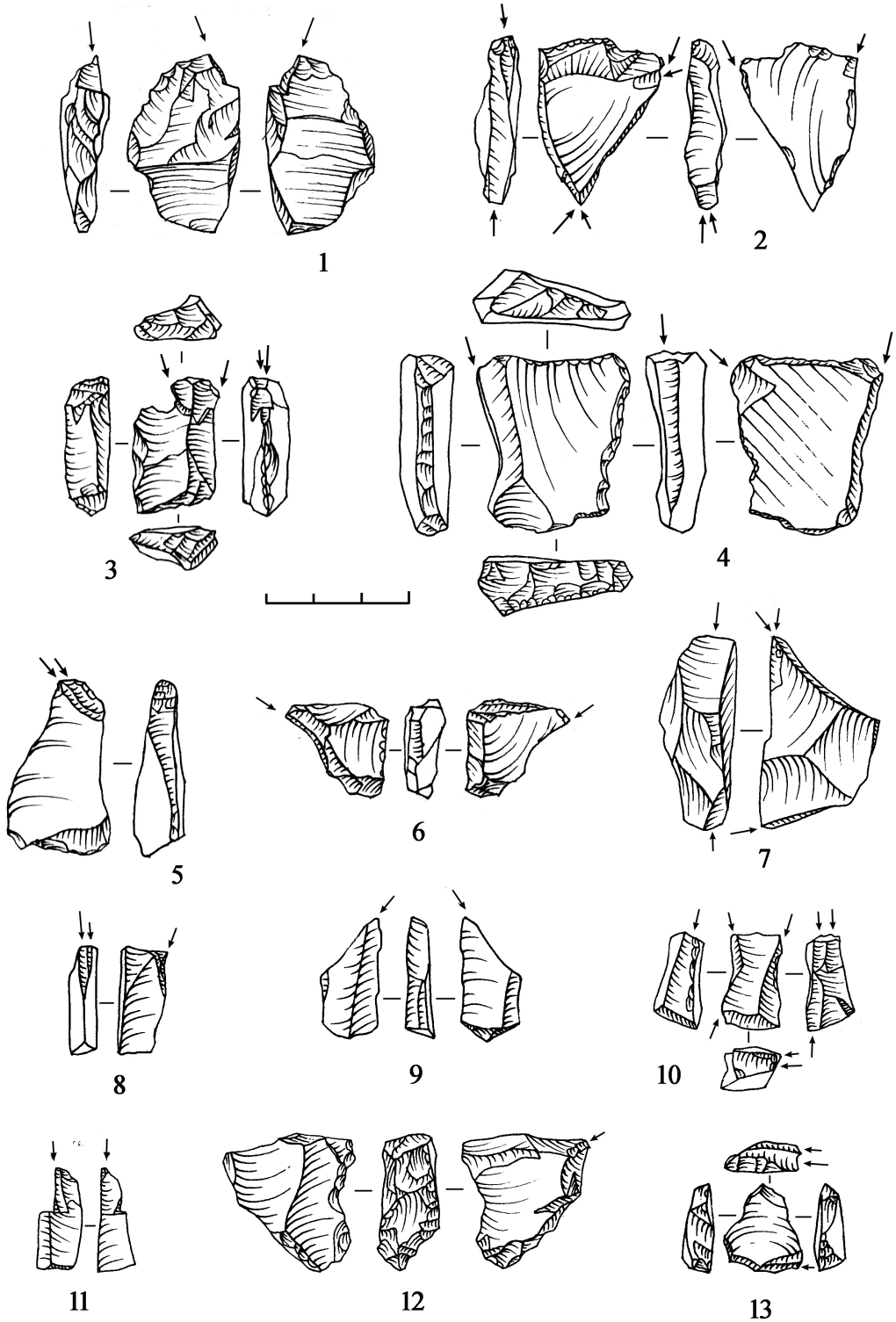

Рис. 10. Пещера Иманай-1. Резцы из кремня: 1 — резец-резчик; 2 — резец тройной; 3 — резец двойной; 4 — резец-скребок с ретушированными краями; 5, 12 — резец латеральный; 6 — резец клювовидный; 7 — резец двойной; 8, 11 — резец боковой; 9 — резец скошенный; 10 — резец четверной; 13 — резец площадочный

[*Fig. 10*. Imanai-1 Cave. Flint burins: 1 — burin-cutter; 2 — triple burin; 3 — double burin; 4 — scraper-burin with retouched edges; 5, 12 — lateral burin; 6 — beak-shaped burin; 7 — double burin; 8, 11 — lateral burin; 9 — beveled burin; 10 — quadruple burin; 13 — platform burin]

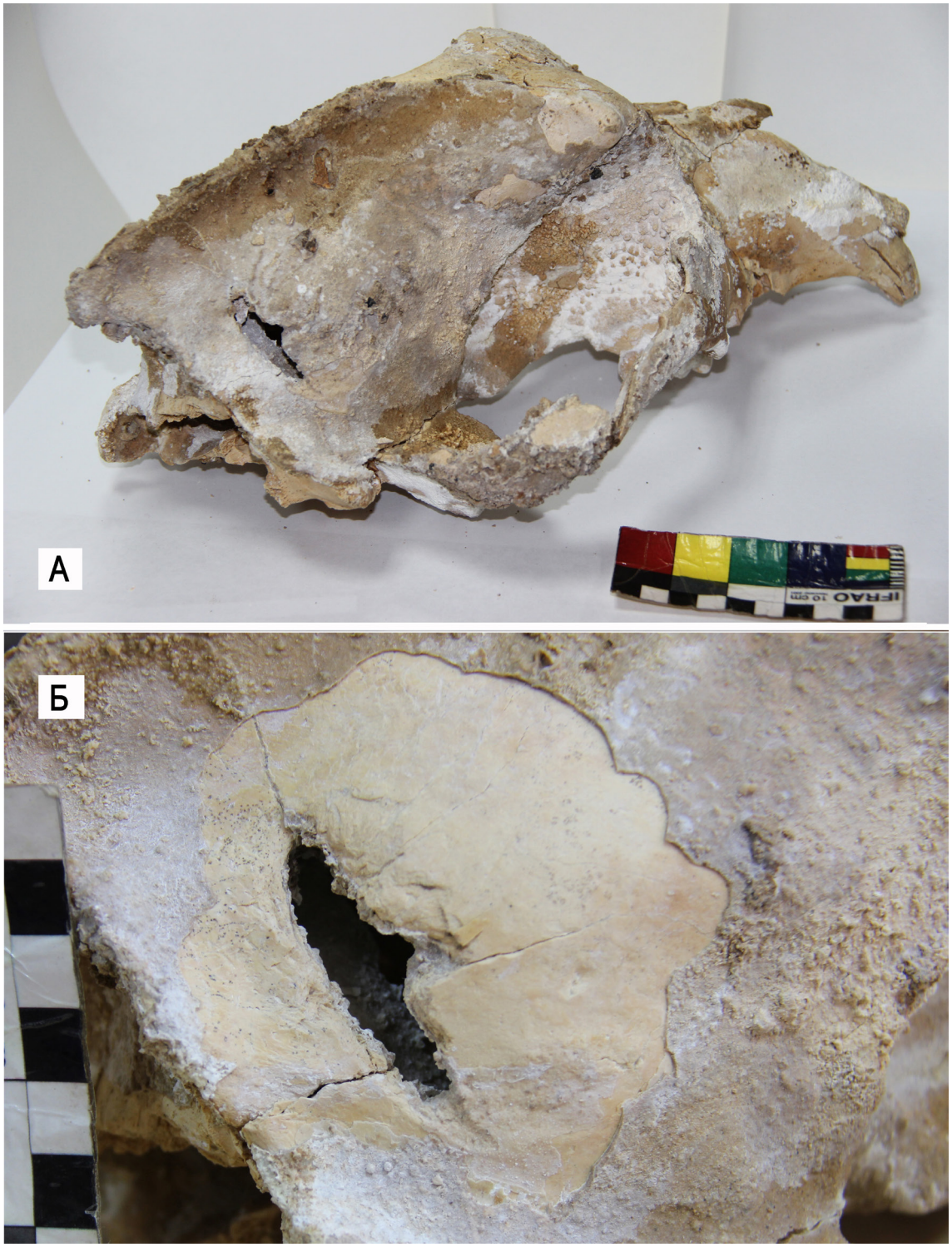

Рис. 11. Пещера Иманай-1, раскоп 1. А — череп малого пещерного медведя с искусственным отверстием, Б — искусственное отверстие в черепе малого пещерного медведя крупным планом. Фото В. Г. Котова

[*Fig. 11*. Imanai-1 Cave, excavation site 1. A — skull of a small cave bear with an artificial hole, B — close-up of an artificial hole in the skull of a small cave bear. Photo by V. Kotov]

выпуклые края скребка с рыльцем и два выпуклых скребловидных края с вентральной подработкой продольными уплощающими сколами правого края (рис. 7: *11*).

Во многом показательным является присутствие среди орудий на памятнике такой категории как обушковые ножи (6 экз.) (2 %) (рис. 8). У одного изделия на укороченном отщепе (размер 2,7×4,2×1 см) режущее лезвие было образовано одним широким сколом, снятым на спинке от основания, несколькими продольными сколами была дополнительно утончена дорсальная поверхность, обушковая грань обработана двумя сколами (рис. 8: *1*). Другое орудие представляет из себя аморфную пластину, у которой одна продольная грань была сформирована вертикальной ретушью, а противоположный край пластины имеет естественную режущую кромку, также у изделия ретушью выделено шиповидное острие, размер: 3,5×1×0,5 см (рис. 8: *2*). Третье орудие было изготовлено на массивном отщепе, у него продольная грань была превращена на дистальной половине в обушок посредством ряда продольных торцевых снятий, спинка была утончена на проксимальной половине пологими длинными сколами радиальной направленности, а на вентральной стороне — одним продольным сколом, размер: 5,2×3×1,6 см (рис. 8: *3*). Еще у одного изделия продольными сколами было произведено утончение вентральной и дорсальной сторон, а затем мелкой крутой ретушью был образован закругленный обушок, размер: 4×2×1 см (рис. 8: *4*). Точно так же была создана обушковая грань на другом орудии: у него продольными сколами была образована продольная грань, и участок, примыкающий к скошенному ретушированному лезвию, был дополнительно выровнен крутой ретушью, размер изделия: 5,2×3,8×1,5 см (рис. 8: *5*). У последнего орудия с естественным продольным обушком скошенное лезвие было образовано бифациальной обработкой, размер: 6,5×2,9×2,5 см (рис. 8: *7*).

Среди орудийных форм в пещере Иманай-1 доминируют изделия остроугольной формы: резчики на остроугольных осколках и аморфных сколах — 229 экз. (57 %) и острия, также с бифациальной обработкой поверхности и рабочих участков — 19 экз. (5 %). У них разнообразной ретушью, торцевыми снятиями и ретушью с двух и более сторон выделены острия с режущими кромками. Размеры этих изделий от 1 до 5 см (рис. 9). У одних изделий острия имеют характер шипа, и они могли быть проколками (рис. 9: *1-10, 12, 19*), в то время как у других массивные острия имеют режущие кромки, и они, скорее всего, являлись резчиками по мягко волокнистым материалам (рис. 9: *11, 13-18*). У одного изделия бифациальной обработкой сформировано шиповидное острие с плечиками, подправленное противолежащей ретушью (рис. 9: *14*). Сходные орудия с шипом имеются на стоянке в гроте Старые Дуруиторы [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017: рис. 37: *4, 6*; рис. 39: *1, 5*].

За ними по количеству следуют различные резцы: боковые, поперечные, двойные и др. (21 экз. — 5 %). Большая часть резцов — это боковые — 10 экз. (рис. 10: *1, 11*), причем нередко многофасеточные — 6 экз. (рис. 10: *2, 3, 4, 7, 8, 10*). Среди резцов есть латеральные — 3 экз. (рис. 10: *5, 6, 12*) и поперечные — 2 экз. (рис. 10: *9, 13*).

В процессе раскопок был обнаружен череп малого пещерного медведя с искусственным отверстием в теменной кости (рис. 11: *А*). Вся поверхность черепа была покрыта тонким слоем кальцитового натека, вокруг отверстия кальцитовая корка нами была удалена. Ширина отверстия составляет 4 см, высота в срединной части составляет 1 см, причем в центре отмечена выемка до 1,3 см высотой, к краям высота отверстия доходит до 0,5 см. Края неровные, причем линия пролома со стороны затылка имеет изогнутые очертания. Внутри черепа на выступе на глубине 3 см от его поверхности видны две выемки. Судя по всему, череп медведя был пробит сильным ударом деревянного копья с каменным массивным наконечником с одной плоской и одной выпуклой стороной и продольной гранью в заднюю часть правой боковой поверхности головы медведя под углом 60º к продольной оси черепа, и орудие вошло на глубину 3–4 см. Судя по многочисленным трещинам, удар был сделан по свежей кости, при этом животное в момент удара было подвижным, а само оружие не было выдернуто из раны. Это выразилось в многочисленных повреждениях краев отверстия и в желобчатой выемке от правого конца выемки (рис. 11: *Б*). Поскольку рана не имеет следов заживления, она была при-

чиной смерти животного. Конфигурация отверстия свидетельствует в пользу того, что оно было сделано каменным орудием, очевидно, похожим на один из тех остроконечников, что были найдены в раскопе. Сцена охоты реконструируется приблизительно так: охотники подобрались вплотную к животному, удар был нанесен копьем сзади сверху, в момент удара голова малого пещерного медведя покоилась на какой-то твердой поверхности, что и позволило удержать копье с каменным наконечником в ране до полного обездвиживания тела. Вместе с тем, следует отметить, что на многочисленных костях малого пещерного медведя, найденных в ходе раскопок в пещере Иманай-1, каких-либо следов разделки туш медведя не было обнаружено. Это может указывать на то, что охота на малого пещерного медведя была спорадическим явлением и не являлась охотничьей специализацией древних людей, останавливающихся в пещере.

Выводы

Среди изделий подавляющее большинство — это бифациальные формы с грубой, неустойчивой по размеру, ретушью рабочих участков. Вместе с тем среди технических приемов вторичной обработки большое место занимает резцовый скол. Очевидно, на облик этой индустрии оказало качество пещерного кремня, из которого сделана часть орудий. Технико-типологический анализ показывает единство собранных каменных изделий из 1-го культурного слоя. Среди орудийных форм доминируют разнообразные резчики на остроугольных осколках и аморфных сколах. За ними следуют различные резцы: боковые, поперечные, двойные и др. Достаточно представительны разнообразные острия, также с бифациальной обработкой поверхности и рабочих участков. Типологический набор орудий и характер их использования указывает на то, что дальний зал пещеры Иманай-1 использовался для кратковременных стоянок охотников, которые здесь осуществляли починку охотничьего снаряжения и одежды. Большое количество резчиков может свидетельствовать о достаточно трудоемких по времени операциях по раскройке шкур. Отсутствие специализированных инструментов для изготовления одежды (проколки, провертки, скребки, иглы, скребла) позволяет думать, что эти операции были связаны, преимущественно, с изготовлением охотничьих приспособлений, например ловчих сетей из кожаных ремешков. Подобные ловчие сети широко использовались в охотничьем промысле коренным населением Сибири вплоть до XVIII в. [Андреев 1947].

Здесь были обнаружены конвергентные скребла с бифациальной обработкой и мустьерские бифациальные остроконечники. Данные орудия являются наиболее сложными в изготовлении и показательными. Они находят аналогии на мустьерских памятниках Кавказского региона и Крыма. Аналогичные изделия присутствуют в коллекции верхнего культурного слоя грота Киик-Коба: здесь имеются бифациальные массивные остроконечники плоско-выпуклых форм [Бонч-Осмоловский 1940: табл. XI; XII: *1, 2*], такие же ручные рубильца [Бонч-Осмоловский 1940: табл. XVII: *1, 2*], большое сходство с ассиметричным остроконечником из пещеры Иманай-1 имеет треугольное орудие с такой же крупной ретушью по периметру и уплощенным брюшком из грота Киик-Коба [Бонч-Осмоловский 1940: табл. XVI: *4*].

Также конвергентные скребла с бифациальной обработкой из пещеры Иманай-1 буквально повторяют формы, представленные в 3 культурном слое на стоянке Ильская в Прикубанье на Северном Кавказе [Щелинский, Кулаков 2005].

Наряду с мустьерскими типами в коллекции присутствуют орудия верхнепалеолитического облика, в частности скребки и резцы. Подобное сочетание характерно в том числе и для тейякских памятников Ближнего Востока [Коробков 1978: 48–49].

Косвенно о возрасте памятника может говорить сходство этой индустрии с III слоем стоянки Ильская на Северном Кавказе, возраст этого слоя, по мнению автора раскопок — В. Е. Щелинского, древнее 85 тыс. лет [Щелинский 2009: 33].

В целом коллекция каменных и костяных орудий из отложений 1-го культурного слоя пещеры Иманай-1 демонстрирует архаические признаки в первичной и вторичной обработке, характерные для тейякской индустрии среднего палеолита. Пещера Иманай-1 — уникальный пещерный памятник такого возраста на Урале со столь насыщенным культурным слоем.

Памятник является пещерной стоянкой древнего человека, которая неоднократно посещалась в течение длительного времени. Внутри пещеры обнаружены только единичные фрагменты костей, которые использовались в качестве орудий. Следов раскалывания костей малого пещерного медведя не обнаружено. Тем не менее находка черепа малого пещерного медведя с искусственным отверстием указывает на возможность охоты древнего человека на это животное. Таким образом, остается вопрос о характере использования дальнего зала пещеры древними людьми (стоянка, убежище, место охоты или святилище?). В будущем планируется продолжение комплексных исследований на данном памятнике.

Источники

Котов 2009 — *Котов В. Г.* Научный отчет о разведочных исследованиях в горной части Кугарчинского и Мелеузовского районов Республики Башкортостан в 2009 г. // Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р-1. 109 с.

Котов 2015 — *Котов В. Г.* Научный отчет об археологических раскопках в пещере Иманай 1 (Барсучья Нора) Мелеузовского района Республики Башкортостан в 2015 г. // Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р-1. 213 с.

Sources

Kotov V. G. 2009 Exploratory Excavations in the Mountainous Part of Kugarchinsky and Meleuzovsky Districts, Bashkortostan (Russia): Scientific Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. P-1. 109 p. (In Russ.)

Kotov V. G. 2015 Archaeological Excavations in Imanai-1 Cave ('Badger Sett') of Meleuzovsky District, Bashkortostan (Russia): Scientific Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. P-1. 213 p. (In Russ.)

Литература

Андреев 1947 — *Андреев А. И.* «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» Ивана Башкурова // Советская этнография. 1947. № 1. С 84–103.

Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017 — *Анисюткин Н. К., Кетрару Н. А., Коваленко С. И.* Многослойная стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место ее каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы. СПб.: Нестор-История, 2017. 200 с.

Бонч-Осмоловский 1940 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 226 с.

Гимранов и др. 2016 — *Гимранов Д. О., Котов В. Г., Румянцев М. М., Яковлев А. Г., Сотникова М. В., Нурмухаметов И. М., Сатаев Р. М., Косинцев П. А.* Пещера Иманай — новое палеонтологическое и археологическое местонахождение на Южном Урале // 100-летие Палеонтологического общества России. Проблемы и перспективы палеонтологических исследований. Материалы LXII сессии Палеонтологического общества при РАН (4–8 апреля 2016 г., Санкт-Петербург). СПб.: Всероссийский геологический институт, 2016. С. 231–233.

Гимранов и др. 2018 — *Гимранов Д. О., Котов В. Г., Румянцев М. М., Силаев В. И., Яковлев А. Г., Яковлева Т. И., Зеленков Н. В., Сотникова М. В., Девяшин М. М., Пластеева Н. А., Зарецкая Н. Е., Нурмухаметов И. М., Смирнов Н. Г., Косинцев П. А.* Крупнейшее в Евразии захоронение ископаемых львов (Carnivora, Felidae, Panthera (Leo) ex gr. fossilis-spelaea) // Доклады Академии наук. 2018. Т. 482. № 2. С. 231–234.

Коробков 1978 — *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Палеолит мира. Л.: Наука, 1978. С. 9–154.

Котов 2008 — *Котов В. Г.* Костяная индустрия мустьерской стоянки Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 8–23.

Широков и др. 2011 — *Широков В. Н., Волков Р. Б., Косинцев П. А., Лаптева Е. Г.* Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Российская археология. 2011. № 1. С. 125–139.

Щелинский 2009 — *Щелинский В. Е.* Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // Археологические открытия, 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: Ин-т археологии РАН, 2009. С. 23–34.

Щелинский, Кулаков 2005 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоян-

ка (раскопки 1920-х – 1930-х годов). СПб.: Европейский Дом, 2005. 96 с.

Gimranov et al. 2018 — *Gimranov D. O., Kotov V. G., Rumyantsev M. M., Silaev V. I., Yakovlev A. G., Yakovleva T. I., Zelenkov N. V., Sotnikova M. V., Devyashin M. M., Plasteeva N. A., Zaretskaya N. E., Nurmukhametov I. M., Smirnov N. G., Kosintsev P. A.* A Mass Burial of Fossil Lions (Carnivora, Felidae, *Panthera* (*Leo*) *ex gr. fossilis-spelaea*) from Eurasia // *Doklady Biological Sciences*. September 2018. Vol. 482. Is. 1. Pp 191–193.

Gimranov, Kosintsev 2020 — *Gimranov D. O., Kosintsev P. A.* Quaternary large mammals from the Imanay Cave // Quaternary International. 2020. № 546. Pp. 125–134.

References

Andreev A. I. 'Description of Life and Practices of Diverse Non-Russian Yasak Tribes Inhabiting Turukhansk and Berezovskoe Districts' by Ivan Bashkurov. *Sovetskaya etnografiya*. 1947. No. 1. Pp. 84–103. (In Russ.)

Anisyutkin N. K., Ketraru N. A., Kovalenko S. I. The Multilayered Site in Starye Duruitory Grotto and Place of Its Stone Industries: Europe's Early and Middle Paleolithic. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 200 p. (In Russ.)

Bonch-Osmolovsky G. A. Kiik-Koba Grotto: Paleolithic in the Crimea. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 226 p. (In Russ.)

Gimranov D. O., Kosintsev P. A. Quaternary large mammals from the Imanay Cave. *Quaternary International*. 2020. No. 546. Pp. 125–134. (In Eng.)

Gimranov D. O., Kotov V. G., Rumyantsev M. M. et al. A mass burial of fossil lions (Carnivora, Felidae, Panthera (Leo) ex gr. fossilis-spelaea) from the Eurasia. *Doklady Akademii Nauk*. 2018. Vol. 482. No. 2. Pp. 231–234. (In Russ.)

Gimranov D. O., Kotov V. G., Rumyantsev M. M. et al. A Mass Burial of Fossil Lions (Carnivora, Felidae, Panthera (Leo) ex gr. fossilis-spelaea) from Eurasia. *Doklady Biological Sciences*. 2018, September. Vol. 482. No. 1. Pp. 191–193. (In Eng.)

Gimranov D. O., Kotov V. G., Rumyantsev M. M. et al. Imanai Cave –— a new paleontological and archaeological site in the Southern Urals. In: Celebrating the 100th Anniversary of Russian Paleontological Society. Session Proceedings (St. Petersburg; April 4–8, 2016). St. Petersburg: Russian Geological Research Institute, 2016. Pp. 231–233. (In Russ.)

Korobkov I. I. Paleolithic in the Eastern Mediterranean. In: Paleolithic in the Near and Middle East. Ser.: Paleolithic and the World. Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 9–154. (In Russ.)

Kotov V. G. Bone industry in the Mousterian site of Novobelokatayskaya, northeastern Bashkortostan. *The Ufa Archaeological Herald*. 2008. Vol. 8. Pp. 8–23. (In Russ.)

Shchelinsky V. E., Kulakov S. A. The Mousterian Site of Ilsky Excavated: 1920s – 1930s. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2005. 96 p. (In Russ.)

Shchelinsky V. E. The site of Ilsky (Kuban) — a unique monument of the Middle Paleolithic in Russia. In: Archaeological Discoveries of 1991–2004. European Russia. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2009. Pp. 23–34. (In Russ.)

Shirokov V. N., Volkov R. B., Kosintsev P. A., Lapteva E. G. The Paleolithic dwelling site of Bogdanovka (South Urals). *Russian Archaeology*. 2011. No. 1. Pp. 125–139. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1292–1309, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1292-1309
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 902
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1292-1309

«Северокавказский компонент» в керамике катакомбной культуры Калмыкии (происхождение и хронология)

Надежда Алексеевна Николаева[1], *Александр Владимирович Сафронов*[2]

[1] Московский государственный областной университет (д. 21А, ул. Энгельса, 105005 Москва, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, профессор
0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

[2] Московский государственный областной университет (д. 21А, ул. Энгельса, 105005 Москва, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0002-2901-7004. E-mail: safronov1477@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Николаева Н. А., Сафронов А. В., 2020

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотрение комплексов с амфорами в предкавказской катакомбной культуре и их культурная атрибуция. *Материалы.* Памятники с так называемой «северокавказской» керамикой в курганах бронзового века Калмыкии и центрального Северного Кавказа. *Выводы*. Группа с «северокавказской» керамикой занимает промежуточное положение между раннекатакомбной и восточноманычской культурами Калмыкии. В ее формировании приняла участие кубано-терская культура Северного Кавказа, связанная общим происхождением как с культурой дольменов станицы Новосвободной, так и непосредственно с культурами шнуровых керамик и шаровидных амфор Восточной Европы. В курганах Восточного Маныча (Чограйского водохранилища) в Калмыкии находят необычные для предкавказской катакомбной культуры амфоры с асимметричными ручками в комплексе с кружками или с курильницами, а также красноохристые сосуды в комплексе с курильницами. Уже первые исследователи высказывались о сходстве некоторых сосудов предкавказской катакомбной культуры (так называемого «манычского» типа) с керамикой дольменов Новосвободной и о связи двух форм могильных сооружений. Эта идея нашла продолжение в гипотезе о катакомбе как ренессансе формы кавказских дольменов и автохтонности предкавказской катакомбной культуры. С решением этих вопросов связана проблема происхождения и хронологии катакомбной культуры Предкавказья и Северного Кавказа.
Ключевые слова: Предкавказье, Северный Кавказ, бронзовый век, катакомбные культуры, кубано-терская культура, северокавказская культура, амфоры с асимметричными ручками

Благодарность. Выражаем признательность доктору исторических наук М. А. Очир-Горяевой за ценные замечания при подготовке статьи, научному сотруднику Калмыцкого научного центра РАН Э. А. Кекееву — за большую помощь в поиске сосудов из курганов Калмыкии, раскопанных в 1965, 1966, 1986 гг., и любезное разрешение опубликовать его авторские фотографии.
Для цитирования: Николаева Н. А., Сафронов А. В. «Северокавказский компонент» в керамике катакомбной культуры Калмыкии (происхождение и хронология) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1292–1309. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1292-1309

UDC 902
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1292-1309

‘North Caucasian Component’ in Catacomb Ceramics of Kalmykia: Cultural and Chronological Attribution

Nadezhda A. Nikolaeva[1], *Alexander V. Safronov*[2]

[1] Moscow Region State University (21A, Engels St., Moscow 105005, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Professor
0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

[2] Moscow Region State University (21A, Engels St., Moscow 105005, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Professor assistant
0000-0002-2901-7004. E-mail: safronov1477@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Nikolaeva N. A., Safronov A. V., 2020

Abstract. *Goal.* The article aims to trace the origins and chronological position of pits and catacombs with left-sided burials and ‘North Caucasian’ ceramics. *Materials.* The paper describes burials with amphorae and red-ochre vessels from kurgans excavated in 1965, 1966, and 1986 in Kalmykia, as well as similar complexes from North Ossetia’s kurgans. *Conclusions.* The ‘North Caucasian component’ in the ceramics of the Ciscaucasian Catacomb culture marks the beginning of a ‘pure’ Ciscaucasian catacomb culture and attests to the participation of the Kuban-Terek culture in its formation associated with the common origin of both the Novosvobodnaya Dolmen culture and directly with the Corded Ware and Globular amphora cultures of Eastern Europe constituting the core of the Catacomb cultural complex. Mounds of the East Manych (Chogray Reservoir, Kalmykia) contain amphorae with asymmetrical handles with mugs and incense vessels, as well as red-ocher vessels with incense pots, that are untypical for the Coscaucasian Catacomb culture. The first researchers of this region noted the similarity between some vessels of the Ciscaucasian Catacomb culture (the so-called «Manych type») and ceramics discovered in the Novosvobodnaya dolmens and the alleged links between their burial rites as well. These facts were reflected in the hypothesis of the catacombs as a Renaissance form of the Caucasian dolmens, from which it follows that the Ciscaucasian catacomb culture has a local origin. These issues are closely related to the problem of the origin and chronology of the Catacomb culture in the Ciscaucasia and the North Caucasus for which a solution is proposed in this article.
Keywords: Ciscaucasia, North Caucasus, Bronze Age catacomb cultures, Kuban-Terek culture, North Caucasian culture, red-ochre vessels, amphorae with asymmetric handles
Acknowledgements. The authors express gratitude to Dr. Sc. Maria A. Ochir-Goryaeva for valuable comments on the article, and to Erdni A. Kekeev (both affiliated to Kalmyk Scientific Center of the RAS) for his tremendous help in finding the vessels excavated in kurgans of Kalmykia in 1965, 1966, 1986 and for permission to publish photographs authored by the latter.
For citation: Nikolaeva N. A., Safronov A. V. ‘North Caucasian Component’ in Catacomb Ceramics of Kalmykia: Cultural and Chronological Attribution. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1292–1309. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1292-1309

Введение

В курганах Восточного Маныча (Чограйского водохранилища) в Калмыкии находят необычные для предкавказской катакомбной культуры амфоры с асимметричными ручками[1] в комплексе с кружками или с курильницами [Синицын 1978а; Синицын 1978б; Синицын, Эрдниев 1987], а также красноохристые сосуды[2] в комплексе с курильницами [Синицын 1978а: 12]. Уже первые исследователи курганов Предкавказья [Артамонов 1937] высказывались о сходстве некоторых сосудов предкавказской катакомбной культуры (так называемого «манычского» типа) с керамикой дольменов станицы Новосвободной и о связи двух форм могильных сооружений [Марковин 1994: 252]. Эта идея нашла продолжение в гипотезе А. В. Кияшко о катакомбе как ренессансе формы кавказских дольменов и автохтонности предкавказской катакомбной культуры [Марковин 1994: 252; Кияшко 2000][3]. В 1974 г. была разработана более детальная периодизация[4] захоронений бронзового века на территории Калмыкии на основании стратиграфической последовательности обрядов подкурганных погребений, что позволило определить хронологическое место красноохристых сосудов концом горизонта «С», синхронного донецкой катакомбной культуре [Сафронов 1974: 220, рис. 16, 17]. В 1990 г. нами было высказано предположение, что «красноохристые» сосуды связаны происхождением с кубано-терской культурой северокавказской культурно-исторической общности (далее — СК КИО)[5] [Николаева 1990]. В настоящее время «красноохристые» сосуды включаются в полиритуальную группу раннекатакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия [Шишлина 2007: 192] и рассматриваются как проявление «северокавказской» традиции [Шишлина 2002; Андреева 2014: 25, примеч. 13, 16, ил. 37], но аналогии им приводятся из памятников степного пояса Пятигорья, Кабарды и Чечни [Синицын

[1] Амфора — древнегреческий термин, широко используется при обозначении сосудов с ручками и без них для разных археологических эпох, начиная от неолита (Хаджилар) до средневековья (лицевые урны поморской культуры). Амфоры являются ведущей формой культуры среднебронзового века Кубано-Терского междуречья. Живучесть этой формы связана с ее сакральной функцией в погребальной практике Эта функция отражена в «антропоморфности» амфоры, которая в ранних вариантах подчеркивалась крышками с антропоморфной личиной (Винча, Гумельница, Триполье) [Николаева 2011: 91].

[2] «Красноохристые» сосуды — группа керамики с широким устьем, плоским дном, скругленным венчиком, небольшой цилиндрической или конической горловиной или без нее, низкотемпературного обжига, дающего пачкающую поверхность, с ангобом. Они богато орнаментированы разнообразными композициями с использованием шнурового, треугольного, углового, спирального, трубчатого штампов.

[3] Альтернативой автохтонной гипотезе является наша гипотеза о происхождении катакомбы из Северо-Западной Франции (культура СУМ) и формировании катакомбных культур на основе разных культур субстрата в Центральной и Восточной Европе.

[4] Соответствие прежней периодизации (В. Сафронова) новой терминологии выглядит следующим образом. Северокавказская, раннекатакомбная культура [Шишлина 2007: 342] соответствует смешанным культурно-хронологическим группам: II, III, IV и стратиграфическому горизонту «В», «С» [Сафронов 1974]. Восточноманычская культура, по М. А. Андреевой, — собственно катакомбная культура, соответствует V культурно-хронологической группе и горизонту D1, D1 / D2, по В. А. Сафронову [Андреева 2014: 11]. Лолинская культура [Мимоход 2013] соответствует позднекатакомбной со срубными элементами или VI группе и горизонту «D2», по В. А. Сафронову [Сафронов 1974: 97–103], началу масштабного движения от Дуная на юг Балкан, известного как экспансия «народов моря». Этот тезис был развит в работах А. В. Сафронова [Ильин-Томич, Сафронов 2010; Сафронов 2013], основанных на анализе египетских и хеттских письменных источников, обеспечивающих и датировку миграции степных культур Восточной Европы XIII в. до н. э.

[5] Кубано-терская культура [Николаева 2011: 12, табл. 1] частично соответствует центральной части СК КИО [Марковин 1994: 254–287], но выделена на другой методологической основе и на более полноценных материалах, т. е. закрытых комплексах.

1978а: 12; Державин 1991: 93], поэтому вопрос о принадлежности керамики этого типа к степной или северокавказской традиции остается все еще актуальным. С учетом того, что амфоры — ведущая форма кубано-терской культуры северокавказской КИО, находки в курганах Восточного Маныча более избирательного типа амфор с асимметричными ручками позволяют точнее оценить степень взаимовлияния культур предгорной и степной части Предкавказья.

Целью статьи является рассмотрение комплексов с амфорами в курганах Калмыкии (Восточный Маныч), уточнение их происхождения и культурно-хронологической позиции.

Материалы

Амфоры с асимметричными ручками, курильницы и красноохристые сосуды, приведенные в статье, происходят из раскопок И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева на левом берегу Восточного Маныча в Республике Калмыкия (сокращенно «ВМЛБ») в 1965, 1966 гг. [Синицын 1978а; Синицын 1978б; Синицын, Эрдниев 1987; Очир-Горяева 2008]. Там же, в районе современного Чограйского водохранилища Республики Калмыкия, такие амфоры найдены в 1986 г. [Николаева, Сафронов 1987; Очир-Горяева 2008: 108–111] и в 1987 г. [Шишлина 2002; Очир-Горяева 2008: 106–110; Кекеев, Буратаев 2018: 92, 146]. Аналогии этим амфорам обнаружены также в курганах Центрального Северного Кавказа [Николаева, Сафронов 1978].

Список амфор с асимметричными ручками в зоне Чограйского водохранилища

1. *Чограй-86: курган № 2, погребение 4 (в яме)* (рис. 2b). Светло-коричневая амфора высотой 28,5 см, диаметром 26 см с шаровидным туловом, плоскодонная, с цилиндрической горловиной и скругленным венчиком; с сохранившимся (местами) ангобом, с асимметрично посаженными полушарными ручками (одна ручка присоединена к венчику, другая — к плечевой части). Ширина ручек у оснований 3,5 см; посередине 1,7 см. Вокруг каждой ручки по 4 налепа. Ручка от венчика покрыта оттисками клиновидно-треугольного штампа; вниз от основания одной ручки спускаются резные и «шнуровые» волнистые линии. Другая ручка орнаментирована оттисками шнура; от нее вниз спускаются две линии треугольников, оконтуренных двумя линиями шнура. Орнаментальная полоса высотой 9,8 см, опоясывающая тулово сосуда, начинается от основания горловины и состоит (сверху вниз) из двойных линий спиралей и кружков, клиновидных треугольников, разделенных двойными линиями шнура и завершающихся двумя линиями клиновидных и одной линией плоских треугольников. Эта полоса делится посередине двумя фестонами-«полотенцами», обозначенными сдвоенными линиями оттисков шнура и треугольников, заштрихованными косыми оттисками шнура.

2. *Зунда-Толга: курган № 9, погребение № 1 (в яме)* (рис. 3). Амфора бежевого цвета высотой 30,7 см, диаметром 31,4 см с асимметричными ручками, плоскодонная, с шаровидным туловом, невысоким горлом. Плечевая часть сосуда украшена резным орнаментом. Высота орнаментальной полосы 10 см. Элементы орнамента — концентрические окружности, вписанные углы; волюты, соединенные с ромбами; волюты, образующие S-овидные и С-овидные фигуры. Зона вниз и вверх от ручек оформлена в другую композицию. От ленточно-трубчатых канелированных ручек (сохранилась одна от венчика) идут (вверх и вниз) линии Λ-овидных фигур и «лесенки», с шестирядным зигзагом посередине, окаймляющие три трубчатых валика. Шнуровой штамп отсутствует [Шишлина 2002: рис. 6: 1].

3. *Восточный Маныч, левый берег: погребение 33/4 (в катакомбе)* (рис. 5: 2).

Амфора темнорозового цвета с красным ангобом высотой 21 см, диаметром 20 см с шаровидным туловом с невысокой горловиной, с асимметричными псевдополушарными ручками. Верхняя часть покрыта сложной орнаментальной композицией. Элементы резного орнамента: С-овидные фигуры с волютами на концах; расположенные вертикально и горизонтально серповидные фигуры со штриховкой, концентрические круги разного размера; узкие полосы с вертикальной штриховкой; заштрихованные треугольники, подвешенные к основной композиции с С-овидной фигурой. Пространство между горловиной и ручками не оформлено в отдельную композицию; закрыто большими волютами. Орнамент

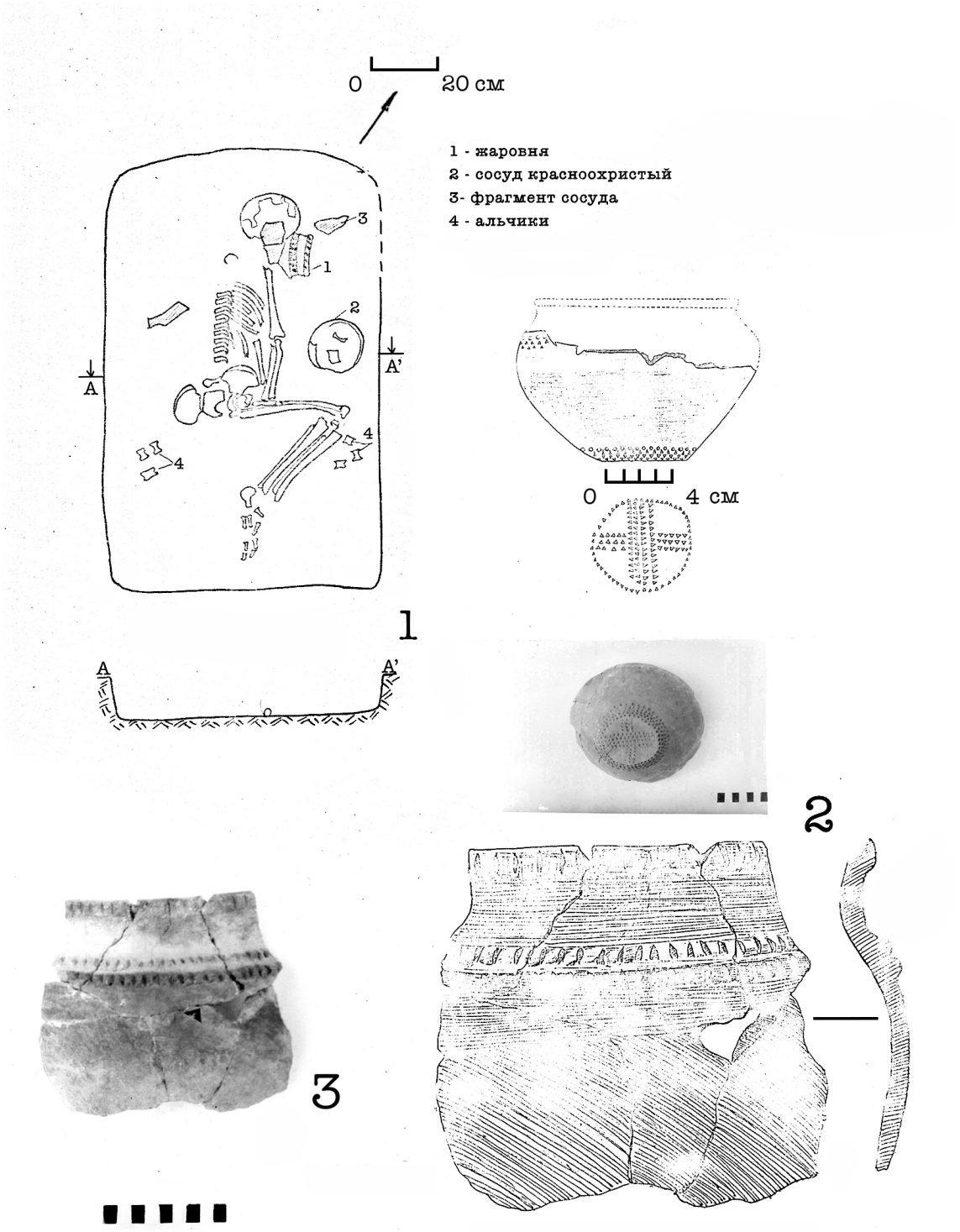

Рис. 1а. Чограй-86 (Калмыкия). Курган 2, погребение 1:
1 — план и разрез погребения; *2* —красноохристый сосуд; *3* — фрагмент сосуда «жаровня»

[*Fig. 1a*. *Chograi-86*. Kalmykia. Kurgan 2, burial 1:
1 — plan and profile of the burial; *2* — red-ocher vessel; *3* — fragment of the vessel ‘roasting pan’]

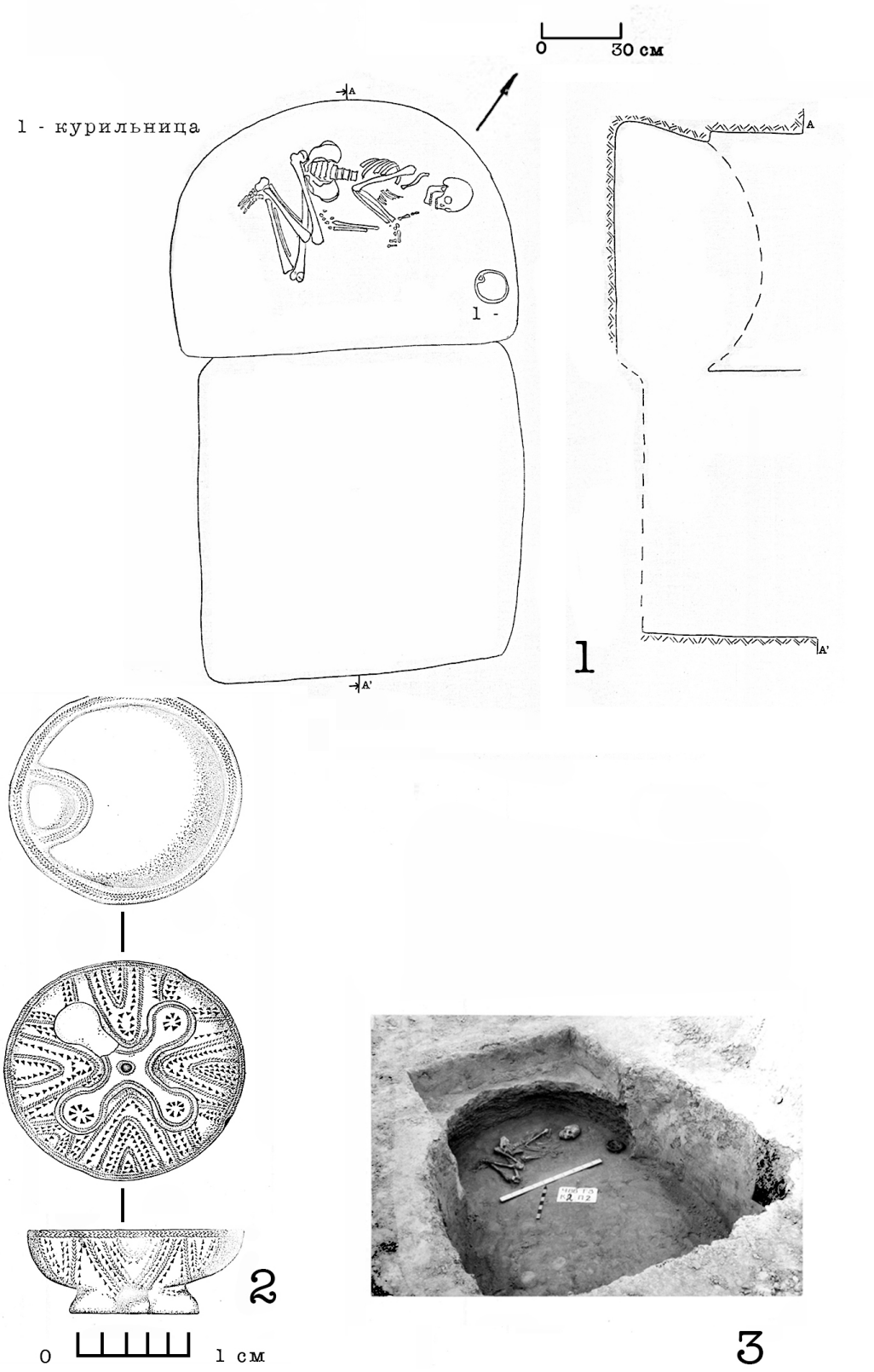

Рис. 1b. Чограй-86 (Калмыкия). Курган 2, погребение 2:
1 — план и разрез погребения; *2* — курильница в трех проекциях; *3* — фото погребения 2/2

[*Fig. 1b*. *Chograi-86*. Kalmykia. Kurgan 2, burial 2:
1 — plan and profile of the burial; *2* — censer in three projections; *3* — photo of burial 2/2]

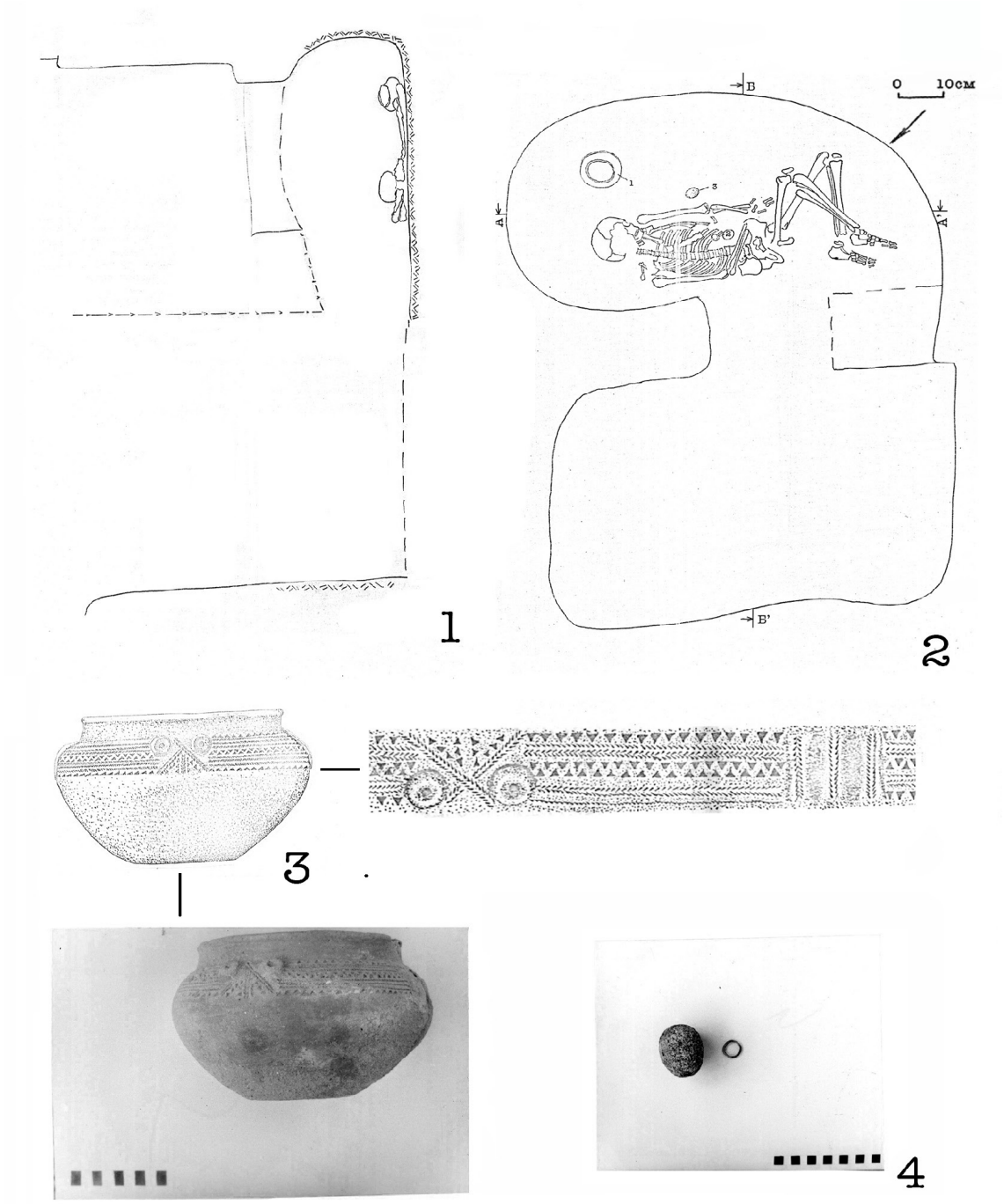

Рис. 2а. Чограй-86 (Калмыкия). Курган 2 (продолжение), погребение 2/3(5):
1,2 — разрез и план катакомбы; *3* — красноохристый сосуд (рисунок, фото, развертка орнамента);
4 — «яйцо» из песчаника и бронзовая подвеска

[*Fig. 2a. Chograi-86*. Kalmykia. Kurgan 2 (continuation), catacomb burial 2/3(5):
1, 2 — plan and profile of the catacomb burial; *3* — red-ocher vessel (drawing, photo, ornament);
4 — sandstone ‘egg’ and bronze pendant]

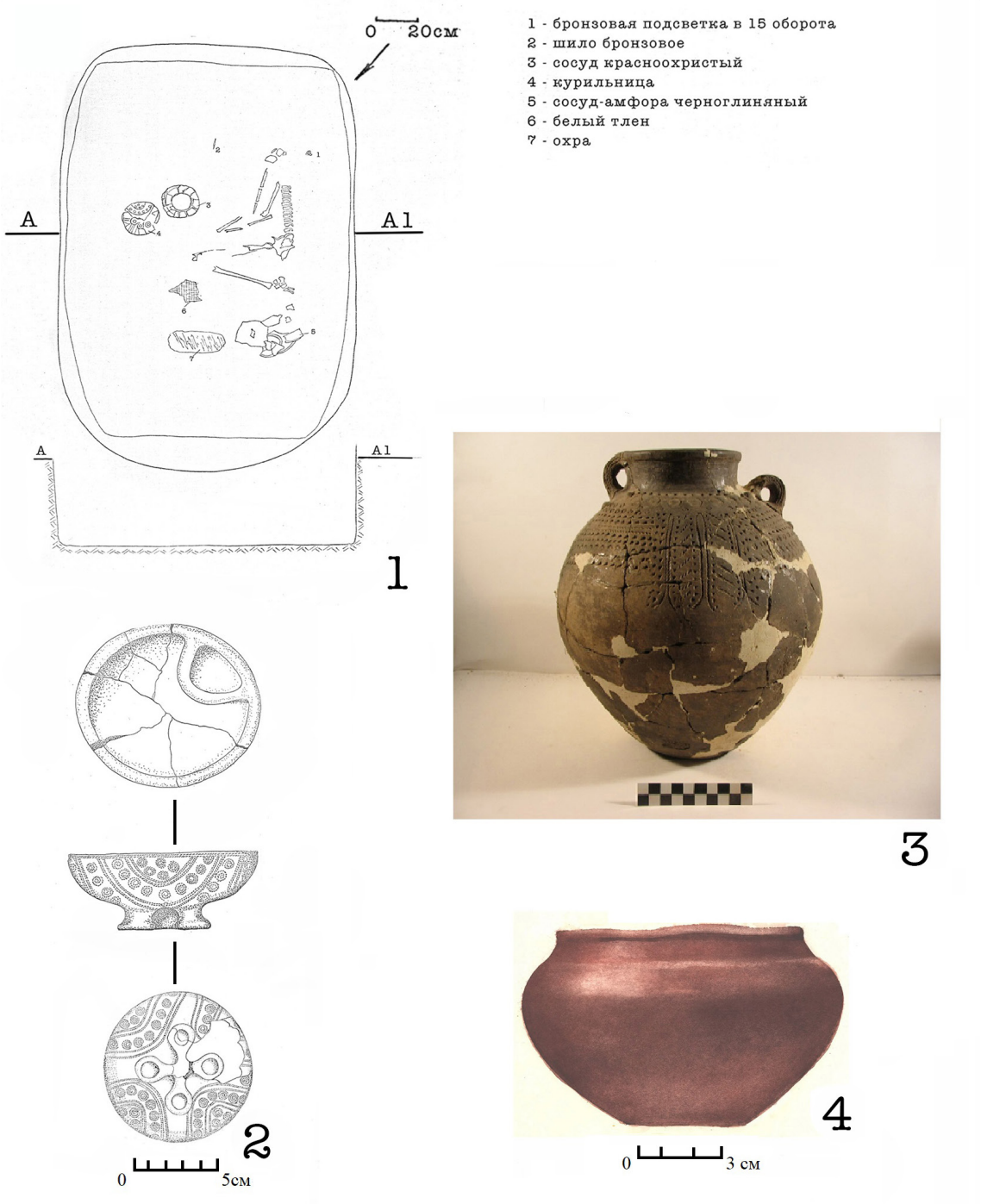

Рис. 2b. Чограй-86 (Калмыкия). Курган 2 (продолжение), погребение 4:
1 — план ямы и разрез; *2* — курильница в трех проекциях; *3* — амфора с асимметричными ручками; *4* — красноохристый сосуд

[*Fig. 2b. Chograi-86*. Kalmykia. Kurgan 2 (continuation), pit burial 4:
1 — plan and profile of the pit; *2* — censer in three projections; *3* — amphora with asymmetric handles; *4* — red-ocher vessel]

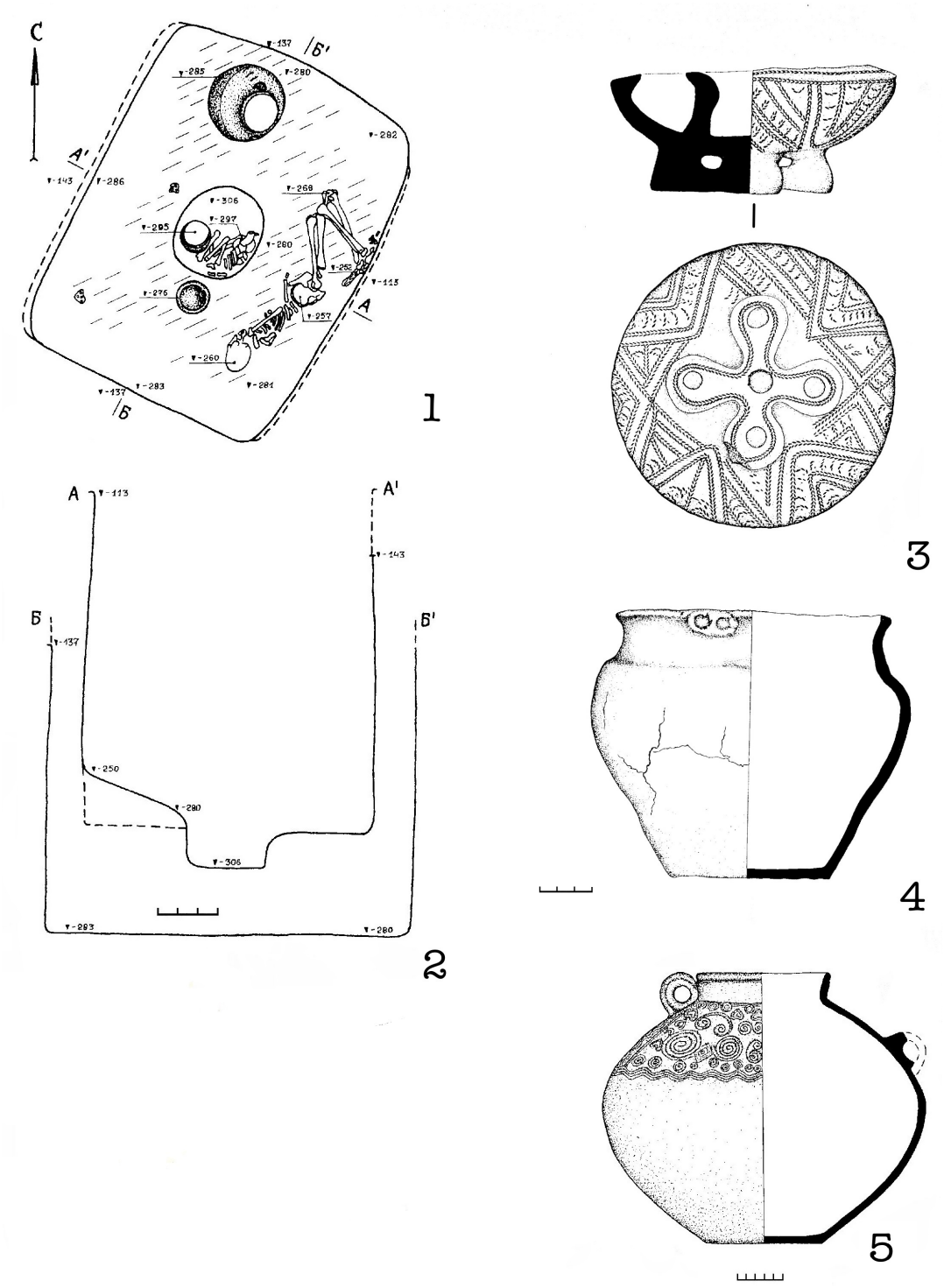

Рис. 3. Зунда-Толга (Калмыкия). Курган 9, погребение 1: *1*, *2* — план и разрезы погребения; *3* — «курильница» — чаша с отделением на четырехлепестковой ножке (в двух проекциях); *4* — сосуд с овальным налепом на венчике; *5* — амфора с асимметричными ручками

[*Fig. 3. Zunda-Tolga*. Kalmykia. Kurgan 9, burial 1: 1, 2 — plan and profiles of the burial; 3 — censer in two projections; 4 — vessel; 5 — amphora with asymmetric handles]

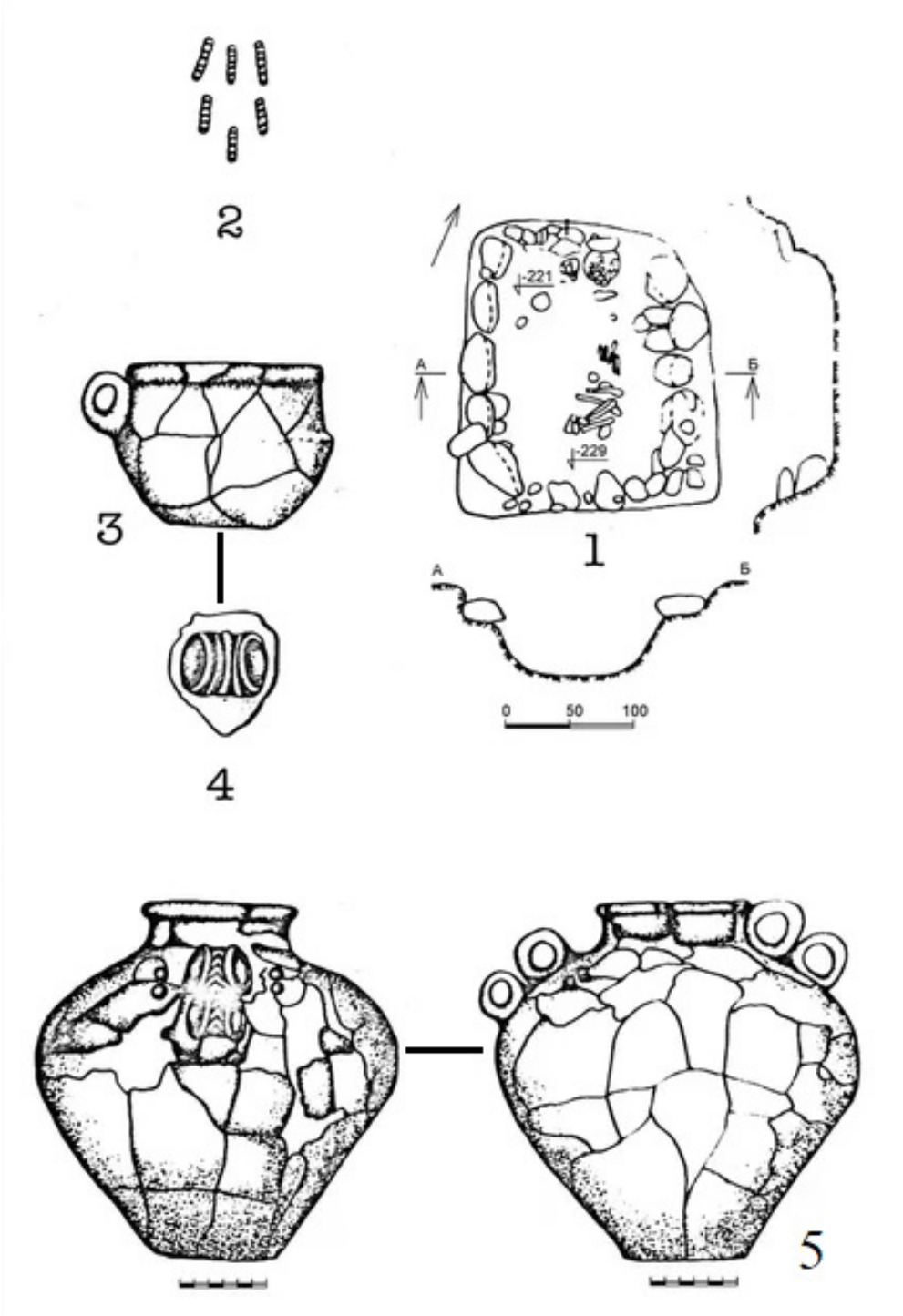

Рис. 4. Ногир (Северная Осетия). Курган 1, погребение 12: *1* — план и разрез погребения; *2* — бронзовые пронизи; *3* — кружка; *4* — каннелированная ручка кружки (*анфас*); *5* — амфора со сдвоенными асимметричными ручками (*анфас и профиль*)

[*Fig. 4. Nogir*. North Ossetia. Kurgan 1, burial 12: 1 — plan and profile of the burial; 2 — bronze beads; 3, 4 — mug with a cannulated handle; 5 — amphora with double asymmetric handles]

резной. Нет оттисков шнурового и других штампов [Синицын 1978б: табл. 79:8].

4. *Восточный Маныч, левый берег-66: курган 28, погребение 6* (рис. 5: 4).

Амфора красноглиняная высотой 21 см, диаметром 20 см, плоскодонная, с шаровидным туловом и невысокой горловиной, с красным ангобом, с асимметричными полушарными ручками. Верхняя половина сосуда покрыта резным орнаментом. Основным элементом орнамента являются одинарные и парные волюты, обращенные завитками вовнутрь (С-овидная фигура). Горловину опоясывает полоса, заполненная вдавленными клиновидными оттисками, образующими выпуклый зигзаг. Эта орнаментальная кайма около ручек поворачивает вертикально вниз и ограничивает прямоугольником пространство под ручками с налепными валиками. К прямоугольнику присоединены с одной стороны две одинарные волюты, а с другой — парные волюты. Фронтальная поверхность сосуда между ручками покрыта резным орнаментом: разделена косым крестом на 4 зоны, заполненных С-овидными фигурами [Синицын, Эрдниев 1987: 86].

Стратиграфическая позиция амфор в курганах Калмыкии

1. *Чограй-86: курган № 2*[6]*, погребение 4* с амфорой.

Курган 2 группы 8 (рис. 1a, 1b, 2a, 2b) представлял всхолмление круглой формы диаметром 22 м, высотой 0,4 м. В кургане было 4 погребения катакомбного времени. Впускные погребения — в яме 2/1 (рис. 1a) и катакомбах 2/2, 2/3, 5 — близки по времени (рис. 1a, 1b, 2a) к основному погребению в яме 2/4 (рис. 2b), поскольку содержали аналогичные красноохристые сосуды и курильницы.

Погребение 4 с амфорой — основное, в яме размером 2,7x1,6x0,5 м, на правом боку, согнуто, головой на юго-восток. Дно окрашено охрой в области ног. Инвентарь: орнаментированный красноохристый сосуд (рис. 2b, *4*) высотой 10,8 см; курильница с отделением, крестовиной вверх, орнаментированная шнуровым штампом, высотой 7,4 см; амфора с асимметричными псевдополушарными ручками (рис. 2*b, 3*). Около черепа (слева и справа) лежала овальная бронзовая подвеска в 1,5 оборота с уплощенными концами длиной 2 см и бронзовое шило длиной 6,6 см. Комплекс 2/4 — единственный, который включает все три компонента рассматриваемого комплекса: амфору, красноохристый сосуд и курильницу.

2. *Зунда-Толга: курган № 9, погребение с амфорой 9/1* (рис. 3).

Высота кургана 80 см, диаметр 20 м. В кургане, кроме основного погребения в яме, было впускное 9/2 в катакомбе с левобочным захоронением и малоинформативным упоминанием о бронзовых подвесках [Шишлина 2002: 81–94].

Основное, в яме размером 152x192x148 см, левобочное захоронение мужчины 40–50 лет, головой на юго-запад не по центру ямы, а впритык к западной стенке и наклонно к центру при наклоне вовнутрь торцовых стенок, что наводит на мысль, что эта яма представляла собой имитацию одноуровневой катакомбы. Инвентарь: амфора с асимметричными ручками [Шишлина 2002: рис. 6, *1*]; курильница с отделением на крестовине с отверстием между ножек; сосуд неясного происхождения с налепом в виде «барашка» на горловине (такие налепы характерны для керамики северокавказской КИО) (рис. 3).

3. *ВМЛБ-65. Погребение с амфорой 33/4* (рис. 5: *2, 3*) [Синицын 1978а: 89][7]. Впускное в катакомбе при основном древнеямном, в материке. Входная яма: 1,4x1,2x1,3 м. Камера: 1,5x1,1x0,75 м. Разность уровней 0,4 м. Левобочное, детское, на северо-запад,

[6] В зоне Чограйского водохранилища были раскопаны 11 курганных насыпей, относящихся к группе 6 и 8 [Николаева, Сафронов 1987; Очир-Горяева 2008: 108–111]. Группа 8 из трех курганов находилась в 400 м от Чограйского водохранилища и включала два этапа восточно-манычской культуры [Очир-Горяева 2008: 111], поскольку захоронения содержали аналогичные красноохристые сосуды и курильницы.

[7] *Курган № 33* [Синицын 1978а: 88–91]. Диаметр 40 м. Высота 3 м. В кургане 11 погребений. Основное — древнеямное, I группа, по В. А. Сафронову. Остальные представляют собой все стратиграфические горизонты (A-D) и культурные группы, по В. А. Сафронову. *Погребение с умбонами 33/3* [Синицын 1978б: табл. 79: 5], в насыпи, парное, левобочное, два красноохристых сосуда и три бронзовых умбона, кованых полусферических (в основании 6 см, в высоту 4 см), относящееся к горизонту С, по В. А. Сафронову.

Рис. 5. Амфоры с асимметричными ручками: *1* — *Чограй-86* 2/4 (в яме); *2, 3* — *Чограй-65* (ВМЛБ) 33/4 (в катакомбе); *4* — *Чограй-66* (ВМЛБ) 28/6 (в катакомбе); *5* — *Зунда Толга* (ВМЛБ) 9/1; *7*, *8* — *Ногир* 1/12; *6*, *9* — *Ногир* 1/13

[*Fig. 5*. Amphorae with asymmetric handles: 1 — *Chograi-86* 2/4 (pit); 2, 3 — *Chograi-65* 33/4 (catacomb); 4 — *Chograi-66* 28/6 (catacomb); 5 — *Zunda-Tolga* 9/1; 7, 8 — *Nogir* 1/12; 6, 9 — *Nogir* 1/13]

руки у колен. В ногах два сосуда. Один — красноохристая амфора с асимметричными ручками со сложной орнаментальной композицией высотой 20,0 см, другой сосуд — *кружка* с насечками на ребре высотой 8,0 см, но еще без выраженной двухчастности и без уступа или ребра, характерных для более поздних кружек.

4. *ВМЛБ-66. Погребение с амфорой 28/6* (рис. 5: 4)[8]. Впускное при основном древнеямном, в Т-катакомбе, в материке. Входная яма: 2,0x1,5x1,6 м. Камера: диаметр 1,85x0,95 м. Дромос: 0,75x0,6 м. Разность уровней дна 0,4 м. Левобочное, северо-восток. Руки у коленей. Инвентарь: красноглиняный сосуд с асимметричными ручками, курильница с отделением на крестовидной ножке, орнаментирована шнуровым штампом (диаметр чаши 17 см).

Обсуждение

Для характеристики группы погребений *с амфорами в ямах и катакомбах*[9] в курганах Восточного Маныча следует установить степень однородности керамики, устойчивости комплекса, обряда погребения и стратиграфического положения этой группы в курганах.

Все амфоры идентичны по форме, близки по размерам (высота в пределах от 21 до 30 см), по набору элементов орнамента (комбинации волют, треугольный и трубчатый штамп, круглые налепы вокруг ручек и налепные валики, см. выше). Комплекс *Чограй-86* 2/4 содержит все три компонента: амфору, курильницу и красноохристый сосуд, что расширяет возможности поиска аналогий для этой группы керамики. Обряд погребения в группе с рассматриваемым комплексом идентичен (на левом боку, в согнутом положении), но по форме могилы разнятся — в ямах и в Т-образных катакомбах. Корреляция обряда и стратиграфической позиции этой группы (перекрывает III и IV группу горизонта «С» и перекрывается поздними восточноманычскими катакомбами Н-типа с неорнаментированной, типологически и технологически иной керамикой) позволяет относить всю группу с этим комплексом керамики к одному достаточно короткому промежутку времени и выделять их в стратиграфический горизонт на рубеже «С» и «D1», по В. А. Сафронову.

Аналогии амфорам и красноохристым сосудам на Северном Кавказе

Для определения хронологии, происхождения и культурной атрибуции исследуемого комплекса керамики следует рассмотреть его в более широком историко-археологическом контексте и обратиться к материалам бронзового века Северного Кавказа [Николаева, Сафронов 1978; Николаева 2011: 392–399, рис. 92–95].

Действительно, в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии найдены амфоры с асимметричными ручками в стратиграфической ситуации, сходной со стратиграфией рассматриваемой группы с амфорами и соответствующим комплексом в курганах Восточного Маныча.

Амфора с асимметричными ручками и псевдополушарными ручками происходит из кургана у с. Ногир, погребение № 12[10] (рис. 4). Впускное в материке, под булыжниковой наброской в яме с трапециевидным контуром в плане: 2,5x2,1–2,4x1,7 м. Левобочное, сильно скорченное, головой на север; кисти рук — у черепа. Инвентарь: два сосуда, бронзовые пронизи (сегментовидные длиной 2 см; флажковидные длиной 1 см; В-образные пронизи). Сосуд 1 — амфора красно-коричневого цвета, с двумя сдвоенными ручками, находящимися на разных уровнях. Высота сосуда — 26,5 см. (рис. 3: 4). Сосуд 2 — кружка с выраженным уступом на переходе в тулово и с канелированной ручкой. Цвет светло-коричневый. Кружка становится основной формой керамики на следующем позднем этапе восточноманычской культуры и обеспе-

[8] Курган № 28 *ВМЛБ-65* [Синицын, Эрдниев 1987]. Основное погребение относится к древнеямной культуре. Остальные представляют собой все стратиграфические горизонты (A–D) и культурные группы, по В. А. Сафронову.

[9] Левобочные захоронения в ямах с данным комплексом керамики, по нашим наблюдениям, появляются раньше катакомб с этим обрядом и керамикой (*Чограй-86*: курган 2, см. выше рис. 1a, 1b и 2a, 2b).

[10] Курган у с. Ногир (г. Владикавказ, Пригородный район, Северная Осетия) [Николаева, Сафронов 1978] представлял собой насыпь диаметром около 50 м, высотой 2,2 м. В кургане было найдено 15 объектов, из них 9 — это погребения в ямах и ящиках (№ 8, 11, 12, 13, 14, 15), а № 1, 2, 3 — катакомбы.

чивает культурную преемственность двух стратиграфических горизонтов [например, *Чограй-86* курган 3. См.: Николаева, Сафронов 1987].

Амфора с асимметричными ручками из разрушенного кургана у «станицы Архонская, р. Дур-Дур, в Северной Осетии» [Деген 1941: 242, рис. 40: 10]. Была обнаружена в Северо-Осетинском музее среди случайных находок и опубликована Б. Е. Дегеном [Марковин 1960: рис. 13: 85][11]. Высота сосуда 28 см. Орнамент — 3 круглых налепа под каждой из ручек и в пространстве между ними.

Амфора из станицы Архонская была сопоставлена Б. Е. Дегеном с такими же амфорами по форме, размерам и орнаменту в виде круглых налепов, но с двумя симметричными ручками (Кабардинский парк в г. Нальчике 2/4, 4/1). Обряд погребения с этими амфорами — на левом боку, сильно скорченно, головой на север [Деген 1941: 220, рис. 13, 16; Марковин 1960: 57, рис. 21] — полностью соответствует обряду погребения *Ногир* 1/12 с амфорой с асимметричными ручками и подтверждает правомерность сравнения восточноманычских амфор с северокавказскими амфорами безотносительно наличия или отсутствия асимметрии ручек на амфорах или вообще отсутствия ручек (см. выше и рис. 4, *5* и 5, *7*).

Круг аналогий «восточноманычскому» комплексу керамики может быть расширен с привлечением аналогий орнаменту, отмеченному и на других типах амфор на Северном Кавказе. Так, аналогией орнаменту на амфорах из *ВМЛБ 28/6*, *33/4*, *Зунда-Толга 9/1* является полоса декора из С-овидных фигур с волютами на концах и оттисков трубчатого штампа на амфорах с симметричными ручками из *Лечинкая*[12] *10/3*, *10/5* [Николаева 2011: 380, рис. 76]. С лечинкайскими амфорами были обнаружены такие же бронзовые украшения, как в *Ногире 1/12*, что указывает на синхронность сравниваемых объектов и относительную датировку их рубежом «Среднебронзовый 1с / Среднебронзовый II [Николаева 2011: 276, № 312 по каталогу], что соответствует по стратиграфии Калмыкии переходу от раннекатакомбной культуры — по Н. И. Шишлиной, к восточноманычской культуре — по М. В. Андреевой [Шишлина 2007; Андреева 2014].

Несомненно, резной криволинейный орнамент, сочетание волюты и геометрических фигур на восточноманычских амфорах связаны с прямым или опосредованным влиянием (через кубано-терскую культуру СК КИО) куро-аракской культуры на катакомбную культуру Восточного Маныча. Весомым, если не решающим доводом в пользу происхождения восточноманычских амфор с Северного Кавказа могут служить их полушарные ручки «энеолитического типа» [Синицын 1978а: 12; Марковин 1960: 116], которые являются признаком присутствия или влияния куро-аракской культуры на формирование кубано-терской культуры. Ярким примером тесных контактов этих двух культур на Северном Кавказе является, в частности, могильник Дзуарикау, в котором смешаны в одних керамических комплексах традиции кубано-терской (топоры кабардино-пятигорского типа) и куро-аракской культур (бронзовые топоры сачхерского типа) [Николаева 2011: 208, 439 и сл.].

В группу погребений с амфорами и курильницами нами включаются красноохристые сосуды на основании их совместного нахождения в погребении *Чограй-86 2/4*. В Калмыкии (Восточный Маныч) их насчитывается и опубликовано 26 экземпляров

[11] Идентичная архонской амфора найдена в могильнике Бага-Бурул в Ики-Бурульском районе Калмыкии (Восточный Маныч). Это красноглиняная амфора, с красным ангобом, без орнамента, с тремя вертикальными валиками и круглыми налепами под ручками (хранится в Государственном историческом музее). Аналогия в *Лечинкае 10/8* — красноохристая амфора без ручек с тремя налепными вертикальными валиками с кольцевидными окончаниями по 4 сторонам амфоры.

[12] *Лечинкай 10/3*: основное, левобочное, скорченное, юго-запад. Красноохристая амфора с полушарными ручками от венчика, высотой 27,7 см. Орнамент: С-овидные фигуры с волютами на концах [Батчаев 1984: 123, рис. 15, *9*]. *Лечинкай 10/5*: впускное (вытянутое, юго-запад–запад). Светлоохристая амфора, как в *10/3*, с орнаментом (полудуги и шнуровой штамп) + кружка с налепными волютами и бронзовые бусы «шарик на трубочке», как в *Ногире 1/12* [Батчаев 1984: 122–124, рис. 15: *8*, 17: *33*].

[Синицын 1978а: 12], хотя в настоящее время выборка увеличилась в связи с новыми раскопками. Красноохристые сосуды часто встречаются в комплексе с курильницами и в ямах, и в катакомбах, причем три курильницы найдены с древнеямным обрядом в катакомбах и яме (*Чограй I-65*: 4/8, 8/2; *Чограй II-65*: 25/6) [Сафронов 1974: 86; Синицын 1978а: 20, 86]. На сходство красноохристых сосудов Восточного Маныча (по пропорциям, элементам орнамента и композициям) с керамикой северокавказской культуры археологи указывали давно [Марковин 1960: 88, 126, 140, табл. 20, 26, 40, 41; Марковин 1994: табл. 80: 1–21; Державин 1991: 93]. Конкретные аналогии можно указать в курганах Кабардино-Балкарии (Лечинакай 19/1) [Батчаев 1984: рис. 17: 1, 2, 3] и Северной Осетии (Дзуарикау 4/1) [Николаева 2011: 439 и сл.].

В Закавказье этот тип керамики, как и криволинейный орнамент в виде волют, соединенных с геометрическими фигурами, встречается начиная от куро-аракской культуры [Мунчаев 1994: табл. 3, 15] и продолжает жить в триалетской и тазакендской культурах [Кушнарева 1994: табл. 15, 29–33]. Поздний этап куро-аракской культуры [Мунчаев 1994: табл. 12] по металлокомплексу синхронен как дольменам станицы Новосвободной, так и начальному этапу кубано-терской культуры — Дзуарикау 1/15, 2/2 [Николаева 2011: табл. 1], который уже отмечен появлением красноохристых сосудов Дзуарикау 4/1-3. Эта традиция сохраняется и в ранних катакомбах у с. Чикола Северной Осетии (раскопки Н. А. Николаевой, В. А. Сафронова в 1978 г.) [Марковин 1994: табл. 81: 13–14]. Однако серия аналогий может быть значительно расширена, если учесть, что орнамент (шнуровой и треугольный штамп) на красноохристых сосудах Восточного Маныча встречается на таких же (по всем параметрам) сосудах северокавказской КИО [Марковин 1994: табл. 80: 1–21; табл. 81: 12–14], иногда с парными ручками или рельефными выступами [Николаева 2011: 493, 498, табл. 25г].

Комплекс с амфорой с асимметричными ручками и курильницей (*Зунда Толга 9/1*) (рис. 3; 5: 5) Н. И. Шишлина относит к раннекатакомбной культуре, которую считает полиритуальной, включая в один стратиграфическо-хронологический горизонт и катакомбы со скорченниками и с вытянутыми на спине, и катакомбы с левобочными захоронениями [Шишлина 2007: 149, 197–218]. В то же время, несмотря на признание амфор и красноохристых сосудов «северокавказским импортом» [Шишлина 2002], к «северокавказской культуре» Н. И. Шишлина относит только вытянутые на спине погребения в ямах, без включения амфор и красноохристых сосудов [Шишлина 2007: 123–130, 148], хотя биритуальность (захоронения на боку и вытянуто на спине) характерна для предгорной культуры бронзового века Центрального Кавказа на протяжении всего ее существования (от Новосвободной до появления первых катакомб в горах) [Николаева 2011: 503; Бетрозов, Нагоев 1984: 58].

По нашему мнению, амфоры — более избирательная категория для установления их культурной атрибуции в керамике Предкавказья, для которой эта форма совсем не характерна [Николаева 2011: 509–511], тогда как для кубано-терской культуры амфоры — культурно-определяющая форма. Амфоры с асимметричными ручками в комплексе с красноохристыми сосудами (*Чограй-86 2/4*, *Чограй-65 33/4*, *Чограй-66 28/6*) обнаруживают при левобочных захоронениях в ямах и в Т-катакомбах**,** стратиграфически перекрывающих катакомбы с древнеямным обрядом (III группа, по В. А. Сафронову) и катакомбы с вытянутыми на спине погребениями и «северокавказским» инвентарем (IV группа, по В. А. Сафронову) и, в свою очередь, перекрывающихся Н-катакомбами восточноманычской культуры с неорнаментированной керамикой [Николаева, Сафронов 1987]. Хронология этой группы определяется стратиграфией двух комплексов бронзовых украшений. В кургане у с. Ногир (1/11) и в Чограе (ВМЛБ 33/3) найдены одинаковые полусферические *кованые* колпачки — умбоны при погребениях в ямах, которые перекрывались в Ногире погребениями кубано-терской культуры в ямах и катакомбами, а в *Чограе 33/3* — катакомбой с амфорами. Такие умбоны характеризуют горизонт «С» в Предкавказье и СБ 1с на Северном Кавказе [Сафронов 1974: 97, 154, 159; Николаева 2011: 126] и предшествуют появлению *литых* бронзовых умбонов с многомолоточковидными булавками, соответ-

ствующих первым катакомбам в предгорьях Северного Кавказа (*Хазнидон/Урух* 1976, курган 2 и 4) [Николаева 2010; Николаева 2011: 126, 281, каталог № 383–385, 387] и синхронных поздней фазе восточноманычской культуры.

Выводы

1. Время появления «северокавказской традиции» в керамике катакомбной культуры в Предкавказье уточняется на основе относительной хронологии и периодизации кубано-терской культуры. Северокавказские аналогии амфорам с асимметричными ручками и обряду на левом боку курганных погребений Восточного Маныча указывают на вклад носителей кубано-терской культуры в формирование раннего этапа восточноманычской катакомбной культуры по аналогии с механизмом образования катакомб с древнеямным и северокавказским обрядом (III и IV группа, по В. А. Сафронову) с учетом того, что происхождение кубано-терской культуры связано с культурами шнуровых керамик и шаровидных амфор Восточной Европы (Западная Украина) [Николаева 2010; Николаева 2011].

Источники

Николаева, Сафронов 1978 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Отчет о раскопках курганов у с. Ногир Пригородного района СО АССР в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6847.

Николаева, Сафронов 1987 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Отчет о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Чограйский» (600 га) в Калмыцкой АССР в 1986 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 11627.

Sources

Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Kurgans of Nogir Village, Prigorodny District, North Ossetian ASSR: 1977 Archaeological Excavation Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. P-1. File no. 6847. (In Russ.)

Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Kurgans in the Irrigated Plot of Chograysky Sovkhoz (600 ha), Kalmyk ASSR: 1986 Archaeological Excavation Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archive. Coll. P-1. File no. 11627. (In Russ.)

Литература

Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.

Артамонов 1937 — *Артамонов М. И.* Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. // Советская археология. 1937. Вып. IV. С. 93–132.

Батчаев 1984 — *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 112–164.

Бетрозов, Нагоев 1984 — *Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II и Кишпек (1 и 3 группа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 7–88.

Деген 1941 — *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии: Материалы и исследования по археологии. № 3. М.; Л., 1941. С. 213–316.

Державин 1991 — *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: Изд-во Инст. арх. АН СССР, 1991. 186 с.

Ильин-Томич, Сафронов А. 2010 — *Ильин-Томич А. А., Сафронов А. В.* Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // Вестник древней истории. 2010. № 4. С. 3–22.

Кекеев, Буратаев 2018 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (по материалам полевых экспедиций 1961–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 171 с.

Кияшко 2000 — *Кияшко А. В.* Динамика культурных изменений на территории Восточноевропейских степей в эпоху бронзы // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 58–63.

Кушнарева 1994 — *Кушнарева К. Х.* Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1994. С. 93–106.

Марковин 1960 — *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 150 с.

Марковин 1994 — *Марковин В. И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1994. С. 226–287.

Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 25 с.

Мунчаев 1994 — *Мунчаев Р. М.* Куро-Аракская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1994. С. 8–58.

Николаева 1990 — *Николаева Н. А.* О происхождении и хронологической позиции группы катакомбных погребений Калмыкии с краснoохристыми сосудами // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье, 1990. С. 52–54.

Николаева 2010 — *Николаева Н. А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III – первой половине II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2010. № 223. С. 121–142.

Николаева 2011 — *Николаева Н. А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III –II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2011. 536 с.

Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.

Сафронов 2013 — *Сафронов А. В.* Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2013. № 2. С. 5–10.

Сафронов 1974 — *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–307.

Синицын 1978а — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1: [Археологические раскопки]. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 132 с.

Синицын 1978б — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 2: [Альбом иллюстраций]. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 118 с.

Синицын, Эрдниев 1987 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 174 с.

Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Вып. 165. М.: Труды ГИМ, 2007. 400 с.

Шишлина 2002 — *Шишлина Н. И.* О северокавказско-катакомбных погребениях Калмыкии // Вопросы археологии Поволжья. 2002. № 2. С. 81–100.

References

Andreeva M. V. East Manych Catacomb Culture: Analysis of Burial Sites. Moscow: Taus, 2014. 272 p. (In Russ.)

Artamonov M. I. Kurgans of the Manych River Valley: 1935 excavations. *Sovetskaya arkheologiya*. 1937. No. IV. Pp. 93–132. (In Russ.)

Batchaev V. M. Burial sites near the villages of Lechinkay and Bylym. In: Archaeological Excavations in Housing Development Areas of Kabardino-Balkaria. Vol. 1. Nalchik: Elbrus, 1984. Pp. 112–164. (In Russ.)

Betrozov R. Zh., Nagoev A. Kh. Bronze Age kurgans near the villages of Chegem I, Chegem II and Kishpek (Groups 1 and 3). In: Archaeological Excavations in Housing Development Areas of Kabardino-Balkaria. Vol. 1. Nalchik: Elbrus, 1984. Pp. 7–88. (In Russ.)

Degen B. E. Kurgans in the Kabardian Park of Nalchik. In: Archaeology of Kabardino-Balkaria. Collected Materials. Ser.: Archaeological Materials and Studies. Vol. 3. Moscow; Leningrad, 1941. Pp. 213–316. (In Russ.)

Derzhavin V. L. Stavropol Steppe in the Early and Middle Bronze Ages. Moscow: Institute of Archaeology (USSR Acad. of Sc.), 1991. 186 p. (In Russ.)

Ilyin-Tomich A. A., Safronov A. V. Dating and historical circumstances of the Admonitions of Ipuwer. *Journal of Ancient History*. 2010. No. 4. Pp. 3–22. (In Russ.)

Kekeev E. A., Burataev E. G. Archaeological Collections of the Palmov National Museum of Kalmykia: A Case Study of Materials Discovered during the Expeditions of 1961–1967. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 171 p. (In Russ.)

Kiyashko A. V. Dynamics of cultural changes across Eastern European steppes in the Bronze Age. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2000. No. 3. Pp. 58–63. (In Russ.)

Kushnareva K. Kh. Monuments of the Trialeti culture in Southern Transcaucasia. In: Bronze Age in the Caucasus and Soviet Central Asia. Ser.: Archaeology of the USSR. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 93–106. (In Russ.)

Markovin V. I. A cultural and historical community of the North Caucasus. In: Bronze Age in the Caucasus and Soviet Central Asia. Ser.: Archaeology of the USSR. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 226–287. (In Russ.)

Markovin V. I. Culture of North Caucasian Tribes in the Bronze Age: 2nd Millennium BC. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 150 p. (In Russ.)

Mimokhod R. A. Lola Culture. The Northwestern Caspian between the Middle and Late Bronze Ages. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.)

Munchaev R. M. Kura-Araxes culture. In: Bronze Age in the Caucasus and Soviet Central Asia. Ser.: Archaeology of the USSR. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 8–58. (In Russ.)

Nikolaeva N. A. Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3rd – Mid-2nd Millennia BC: analysis of archaeological, linguistic and mythological materials. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* (*Brief Communication of the Institute of Archaeology*). 2010. No. 223. Pp. 121–142. (In Russ.)

Nikolaeva N. A. Ethnocultural Processes in the North Caucasus, 3rd to Mid-2nd Millennia BC: A Perspective from the Ancient History of Europe and the Near East. Moscow: Moscow Region State University, 2011. 536 p. (In Russ.)

Nikolaeva N. A. Kalmykia's group of Catacomb burials with red-ocher vessels: origins and chronological position revisited. In: Challenges of Investigating the Catacomb Cultural-Historical Community. Seminar Proceedings. Zaporizhia, 1990. Pp. 52–54. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Corpus of Monuments Investigate in Kalmykia between 1929 and 1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)

Safronov A. V. The date of Ugaritic letter RS 88.2009. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 2013. No. 2. Pp. 5–10. (In Russ.)

Safronov V. A. Classifying and dating Bronze Age monuments of the North Caucasus. *Soobshcheniya Nauchno-Metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR*. 1974. No. VII. Pp. 23–307. (In Russ.)

Shishlina N. I. North Caucasian Catacomb burials of Kalmykia. In: Issues of Volga Archaeology. Vol. 2. Samara, 2002. Pp. 81–100. (In Russ.)

Shishlina N. I. The Northwestern Caspian in the Bronze Age: 5th – 3rd Millennia BC. Ser.: Transactions of the State Historical Museum. Vol. 165. Moscow, 2007. 400 p. (In Russ.)

Sinitsyn I. V. Ancient Monuments of the East Manych. Saratov: Saratov State University, 1978. Vol. 1: Archaeological Excavations. 132 p. (In Russ.)

Sinitsyn I. V. Ancient Monuments of the East Manych. Saratov: Saratov State University, 1978. Vol. 2: Album of Illustrations. 118 p. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 174 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1310–1330, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1310-1330
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 902
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1310-1330

Социальные различия у носителей пазырыкской культуры

Мария Александровна Очир-Горяева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020
© Очир-Горяева М. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Исследователей пазырыкской культуры интересовал вопрос о социальной структуре общества ее носителей. Традиционно ученые выделяли три социальные группы среди пазырыкцев на основе сравнения высоты и диаметра курганов, глубины и площади могильных ям, количества сопровождающих коней, а также количества и качества погребального инвентаря. *Цель* статьи — анализ социальных различий населения пазырыкской культуры по данным погребального обряда. *Результаты.* Традиционно для выявления социальных слоев исследователи брали за основу размерные и количественные данные погребальных сооружений. Автор статьи обратила внимание на позу погребенных и степень скорченности их ног. В рядовых погребениях из малых курганов все умершие положены на правом боку, головой на восток, лицом на север, но с выражено подогнутыми ногами, то есть они лежат в скорченном положении. В элитных княжеских погребениях из больших пазырыкских курганов умершие были положены так же, как и в рядовых: на боку, головой на восток, лицом на север, но только вытянуто во весь рост, со слегка подогнутыми ногами. *Выводы.* Если погребенных из элитных погребений представить со слегка «преклоненными коленями», как бы делающими книксен, то погребенных из рядовых курганов можно представить низко присевшими или упавшими ниц. Ранее этот признак не рассматривался как важный, так как вытянутое положение совпадало с расположением умерших в колоде, выдолбленной из цельного ствола дерева. Проведенное сравнение ширины колод и роста мумий подвело автора к убеждению, что вытянутая поза была предписана обрядом, она не была вынужденной из-за формы и размеров колоды. Опираясь на предыдущие исследования, автор рассматривает и интерпретирует выявленный ею аспект в общем контексте погребального обряда и представлений о мире мертвых носителей пазырыкской культуры.

Ключевые слова: Горный Алтай, пазырыкская культура, скифская эпоха, мумии, элитные погребения, колода-саркофаг, курганы, социальные слои

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного разви-

тия народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5), а также при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).
Для цитирования: Очир-Горяева М. А. Социальные различия у носителей пазырыкской культуры // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1310–1330. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1310-1330

UDC 902
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1310-1330

Burials of Pazyryk Culture: Social Differentiations

Maria A. Ochir-Goryaeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020
© Ochir-Goryaeva M. A., 2020

Abstract. *Introduction.* Specialists dealing with the Pazyryk culture keep posing questions about its social structure. Traditionally, scholars — with due account of outer parameters of kurgans, depths and areas of graves, numbers of buried horses, quantities and qualities of burial utensils — have tended to identify three groups within the Pazyryk. *Goals*. The paper aims to analyze Pazyryk burial rites for social differences within the culture. *Results*. When it comes to social classifications, researchers usually form respective hypotheses on the bases of dimensional and quantitative properties of examined burial facilities. Still, the paper specifically focuses on positions of the buried and on how crouched their legs are. In common burials from minor kurgans, all bodies are placed lying on their right side with heads to the east (faces to the north), and with legs strongly doubled up, i.e. in crouched positions. In elite princely burials from large Pazyryk kurgans, bodies lie in similar positions — on the left side with heads to the east — but are stretched to their full heights with slightly bent legs. *Conclusions*. So, the buried elites can be imagined doing a 'curtsy' with legs 'slightly bent in the knees', while the commoners would be seen paying deep knee bends or even prostrating themselves. This feature was never viewed as essential since the stretched position matched the shape of coffins carved from single tree trunks. The work compares widths of coffins and heights of mummies to conclude that the stretched position was determined by rites rather than by shapes or sizes of the coffins. Proceeding from previous studies, the paper examines and interprets the discovered aspect in the context of Pazyryk burial rites and related ideas about the world of the dead.
Keywords: Gorno-Altai Republic, Pazyryk culture, Scythian era, mummies, elite burials, tree-trunk coffins, kurgans, social strata
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5) — and by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews'.
For citation: Ochir-Goryaeva M. A. Burials of Pazyryk Culture: Social Differentiations. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1310–1330. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1310-1330

Введение

С первых раскопок курганов пазырыкской культуры предпринимались попытки реконструировать социальную структуру общества ее носителей. Основными критериями для выделения социальных слоев для всех исследователей были размерные данные: высота и диаметр курганов, глубина и площадь могильных ям, количество сопровождающих коней, а также количество и качество погребального инвентаря. Перечисленные показатели являются объективными и действительно наиболее показательными параметрами для выделения различий в социальном статусе погребенных. С небольшими непринципиальными деталями большинство исследователей делило пазырыкское общество на три социальные группы: 1) погребения рядовых номадов, 2) курганы знати (племенной и/или родовой), 3) погребения вождей племен [Грязнов 1950: 67–72; Руденко 1960: 51–63, 224–248; Руденко 1953: 253–271; Суразаков 1988: 72–87]. В отношении больших пазырыкских курганов термин «царские» был применен впервые А. Д. Грачом [Грач 1980: 64]. Остальные исследователи до и после него придерживались термина «погребения вождей».

Из последних работ обращает на себя внимание монография А. А. Тишкина и П. К. Дашковского «Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи» [Тишкин, Дашковский 2003]. Авторы привлекли к анализу весь комплекс источников: размеры насыпей, могильных ям, ориентацию погребенных, наличие сопровождающих захоронений коней, наличие и расположение погребального инвентаря и т. д. по данным 569 погребений пазырыкской культуры из 135 могильников. В результате анализа была выявлена 21 социально-типологическая модель по признакам пола и возраста, которые в значительной степени перекрываются ввиду коллективного характера значительной части погребений, составляющих 39 % от общего количества, т. е. 234 погребения [Тишкин, Дашковский 2003: 174]. В силу высокой степени детализации признаков и возрастных групп возник статистический шум, который не позволил авторам получить новые данные по предмету исследования [Тишкин, Дашковский 2003: 231].

Задача данной статьи обратить внимание на другой аспект — различия, которые наблюдаются внутри групп, выделенных по размерам погребальных сооружений. На мой взгляд, эти особенности дополняют полученные представления о социальных различиях в среде пазырыкцев и выявляют новые информационные возможности археологических источников.

Материалы и методы. Погребальный обряд пазырыкской культуры отличается высокой степенью стандартизации. Для пазырыкской культуры характерны каменные курганы с одним погребением, расположенные на местности в виде вытянутых по линии Север–Юг цепочек. Это служит хорошим опознавательным признаком пазырыкских курганов, отличающих их от курганов других культур. Как оказалось, расположение пазырыкских курганов в строгом меридиональном направлении является прямым отражением ориентации пазырыкского населения на местности — лицом на восток [Очир-Горяева 2012б: 441–446]. При таком расположении восточная сторона воспринималась как передняя, положительная, а западная — как задняя, там располагалась страна мертвых. Поэтому поминальные кольца находились на западе от курганной цепочки. А сами курганные цепочки строились по принципу правой и левой руки. При расположении лицом на восток важным и правильным было южное направление, потому что оно было по правую руку, а северное направление было менее почетным, так как располагалось по левую руку [Очир-Горяева 2018: 57–87]. Соответственно, курганы, в которых погребали более почетных, старших пазырыкцев, располагались в южной части цепочки. Например, в кургане 1 Туэкта был погребен мужчина, а в кургане 2, расположенном севернее, была погребена женщина [Руденко 1960: 96–109].

Этот же принцип соблюдался внутри могильной ямы. Погребенные в пазырыкских курганах всегда положены вдоль южной

стены деревянного сруба на полу-настиле, в деревянной колоде или на так называемых ложах-столах, похожих на кровать. В случаях коллективных погребений взрослый лежит всегда на юге, а севернее перед ним положен ребенок. Тот же принцип соблюдался при погребении мужчины и женщины. Женщина всегда находится севернее мужчины. В случае однополых парных погребений, по всей видимости, соблюдался принцип старшинства. Так в кургане 6 могильника *Уландрык-II* были погребены две женщины с сопроводительными захоронениями трех коней. Южный скелет принадлежал женщине старческого возраста: об этом свидетельствовали «атрофированная нижняя челюсть» и выпавшие зубы, аккуратно сложенные в мешочек, подвешенный к поясу умершей. Северный скелет принадлежал рослой молодой женщине [Кубарев 1987: 172]. Кони в пазырыкских погребениях всегда расположены с северной стороны за стенкой сруба на приступке или на дне ямы. В результате наблюдается такая картина: пазырыкцы располагали захороненных по мере убывания важности с юга на север. На юге располагался мужчина или главное погребенное лицо, далее были положены женщины и дети, а еще дальше, за стенкой сруба, были положены сопровождающие захоронения коней.

Как правило, перед лицом погребенных вдоль северной стены или в северо-восточном углу сруба были расставлены предметы, рассматриваемые обычно как предметы хозяйственного инвентаря: деревянный столик на ножках с крестцом овцы или лошади и железным ножом, а также строго индивидуальный набор из трех сосудов: глиняного кувшина, деревянного и рогового сосудиков или их заменителей из глины или бересты (наличие последних двух зависело от сохранности материала)[1]. Если погребение было коллективным, то алтарный столик и сосуды были поставлены для каждого отдельно, включая детей. Наборы из алтарного столика и сосудов были поставлены как в могилах рядовых пазырыкцев, так и в больших княжеских курганах. Со времени раскопок кургана *Шибе* в 1927 г. было установлено, что умершие в больших княжеских погребениях были мумифицированы [Руденко 1953: 327]. С открытием мумии в кургане 3 могильника *Верхний Кальджин-2* было установлено, что и в простых рядовых могилах умершие были также бальзамированы [Феномен... 2000: 86–111]. Согласно последним исследованиям, устойчивый набор сосудов выполнял роль канопов, т. е. в них хранились внутренние органы мумий, алтарный столик с крестцом был подношением высшим силам. Более того, судя по расположению шерстяных веревочек в погребениях из *Ак-Алахи-3* (курган 1) и *Верхний Кальджин* (курган 3), они были привязаны одним концом к мизинцу одной руки, протянуты вокруг умершего и набора сосудов и другим концом закреплены на мизинце другой руки. Таким образом, на наш взгляд, была подчеркнута неразрывная связь мумии с емкостями и их содержимым [Очир-Горяева 2015: 228–236].

Все остальные вещи в могилах, обычно считающиеся предметами погребального инвентаря, не являются ими, а относятся к деталям головного убора, украшениям и предметам вооружения, носившимся на поясе погребенного, т. е. к предметам костюма или, в более общем смысле, к убранству умершего. До сих пор это обстоятельство как-то не осознавалось исследователями, и, соответственно, не обсуждалось в литературе. Только в единичных погребениях были зафиксированы музыкальные инструменты: арфы, шесты от треног и сосудики для воскурения. Д. Г. Савинов в свое время также обратил внимание на стандартность «утилитарного набора» предметов в пазырыкских курганах, независимо от социального статуса. Он предположил, что такие предметы, как курильница для воскурения конопли и арфа, не входящие в этот набор, использовались посетителями курганов во время ритуальных действий, проводившихся в течение длительного времени. Поэтому он предлагал рассматривать пазырыкские срубы-камеры как своего рода часовни.

[1] Например, роговые сосуды в форме кувшинов с округлым дном и широким горлом-раструбом сохранились полностью всего в нескольких погребениях. Во многих других были найдены только фрагменты роговых сосудов. Найденные в трех больших Пазырыкских курганах части роговых сосудов были приняты С. И. Руденко за барабаны [Руденко 1953: 52]. В кургане 2 могильника *Уландрык-1* роговой сосуд был заменен берестяным, полностью повторяющим форму рогового [Кубарев 1987: табл. VI, 5].

В качестве аргумента Д. Г. Савинов приводил убедительный факт, что высота пазырыкских деревянных срубов в княжеских курганах, позволяющая человеку стоять в полный рост, была необходима во время проведения ритуалов в деревянном срубе-часовне [Савинов 1995; Савинов 1996; Савинов 1997]. Нами же замечено, что арфа и набор для воскурения во всех случаях располагались в ногах погребенного у западной стены могилы, в то время как набор сосудов-каноп и алтарный столик с подношением всегда располагаются перед лицом погребенного, впереди него. Полагаем, этим подчеркивалось различное назначение предметов. Высота внутренних камер-срубов пазырыкской знати варьирует от 1,5–1,7 м, что действительно позволяет передвигаться внутри сруба, если не в полный рост, то пригнувшись. Таким образом, в погребениях пазырыкской культуры погребальный инвентарь в классическом понимании: заупокойная пища и предметы обихода и роскоши для использования умершим на том свете, как, например, в скифских могилах Северного Причерноморья, полностью отсутствует. При таком понимании пазырыкцы отправлялись в лучший мир, надев на себя и на сопровождающего коня (коней) все лучшее[2], «прихватив» сосуды со своими внутренними органами, сумочки с ногтями и волосами, т. е. собрав в одну целостность своего тела и имея перед собой алтарный столик с подношением богам в виде крестцовой части овцы или лошади как символа плодородия[3], как залога предстоящего благополучного возрождения умершего.

Одним из наиболее общих признаков является расположение погребенных на правом боку, головой на восток, лицом на север. Так расположены погребенные и в курганах вождей в больших княжеских пазырыкских курганах, и в мелких курганах рядовых общинников с насыпями, близкими по размерам к могильным холмикам. Это традиционная для пазырыкской культуры поза погребенных.

Естественно, как во всех других регионах и культурах, среди памятников пазырыкской культуры встречаются погребения, в которых умершие были положены несколько иначе, чем принято было в большинстве погребений. Например, имеются погребения, в которых умершие положены не в деревянных срубах или рамах, как большинство, а в каменных ящиках. Погребения с нетрадиционными чертами, однако, не образуют статистически выделяемые, локально ограниченные группы. Они встречаются единично и расположены в одной цепочке курганов с обычными погребениями, что является твердым показателем того, что в этих могилах были похоронены кровные родственники [Кубарев, Шульга 2007: 36–46].

Ориентация головой погребенных пазырыкской культуры изменяется только в тех случаях, когда цепочка курганов отклоняется от своей меридиональной оси в силу особенностей рельефа. Кроме того, имеются погребения, в которых умершие были положены головой в противоположную сторону, т. е. на запад, соответственно, на левом боку, лицом на север. Однако и это не является принципиальным различием, так как их общая ориентация, тем не менее, остается широтной. Порядок расположения людей и сопровождающих коней в этих могилах остается таким же, как в большинстве могил, лицом погребенные обращены также на север. Как показали исследования автора данной работы по ориентации погребальных сооружений степной зоны Евразии скифской эпохи, принципиальное этнокультурное разделение идет по признаку широтной или меридиональной ориентации погребального сооружения в целом. Внутри широтной или меридиональной ориентации погребального сооружения расположение головы погребенного в противоположном от традиционного направления не играет решающей роли [Очир-Горяева 2008;

[2] В большинстве погребений этот принцип соблюдался в наиболее экономной форме. В пазырыкской культуре, как в никакой другой, широко использовалась бутафория — деревянные заменители реальных предметов, а также специально изготовленные миниатюрные копии металлического оружия.

[3] По представлениям тюрко-монгольских народов крестец овцы или лошади усиливает детородную функцию. У калмыков родители при первом посещении дочери после свадьбы обязательно везут целиком сваренный крестец овцы. Для угощения этим мясом новоиспеченная невестка должна пригласить родственниц ее мужа: только замужних женщин и только детородного возраста. Если они отсутствовали или их было мало, то приглашали замужних соседок детородного возраста.

Очир-Горяева 2012а; Очир-Горяева 2014а]. В традиционных культурах подобные вариации в обрядах обычно связаны с обстоятельствами смерти. Например, так захоранивали самоубийц или убитых молнией[4].

Стандартность позы погребенных в пазырыкских курганах, на первый взгляд, не оставляет возможности для выявления социальных различий. Наблюдается одна деталь — степень скорченности ног погребенных. В рядовых погребениях из малых курганов все умершие положены на правом боку, головой на восток, лицом на север, но с выражено подогнутыми ногами, т. е. лежат в скорченном положении (рис. 1a, 1b, 1c, 1d). Размеры деревянных срубов и каменных ящиков в рядовых погребениях были рассчитаны на скорченное положение, только над головой зачастую было оставлено место для высокого головного убора. Экономия дерева для срубов не может считаться причиной, так как на Алтае строительный лес имеется в изобилии даже в настоящее время. Значит, таковы были предписания обряда, традиция.

В элитных княжеских погребениях из больших пазырыкских курганов умершие были положены так же, как и в рядовых: на боку, головой на восток, лицом на север, но только вытянуто во весь рост, со слегка подогнутыми ногами (рис. 2a, 2b). Если погребенных из элитных погребений представить со слегка «преклоненными коленями», как бы делающими книксен, то погребенных из рядовых курганов можно представить низко присевшими или упавшими ниц. Это представление усиливает положение рук погребенных. У погребенных в скорченной позе руки зачастую положены перед собой, иногда даже как бы вытянуты перед собой, направлены к сосудам и столику. Возможно, это следствие связывающей их шерстяной веревочки. У погребенных же в вытянутой позе руки всегда опущены вниз. Получается, у «присевших» набор сосудов и столик с крестцом стоят перед ними, а у «слегка преклонивших колени» набор сосудов и крестец овцы оказались по уровню ниже (рис. 1a, 1b, 1c, 1b; 2a, 2b).

[4] У калмыков самоубийц хоронят головой в противоположную сторону, так как они не закончили круг своей жизни. Убитые молнией считались отмеченными небом, их хоронили с особыми почестями, иногда — как духовных лиц.

Аналогичная ситуация прослеживается и по могилам скифов Северного Причерноморья. Скорченное положение слуг-скифов в царских курганах отражает, скорее всего, их низкий социальный статус. Аналогично тому, как при появлении царя придворные вельможи делали поклон стоя, а люди низкого, «подлого», происхождения должны были опуститься на колени. Этнографически зафиксированы похожие формы обыденных приветствий. По данным Н. Я. Бичурина, представители протомонгольского племени ухуани при взаимной встрече приседали друг перед другом [Бичурин 1851].

По данным Е. П. Бунятян, в малых скифских курганах встречаются могилы, специально выкопанные для расположения умершего в скорченном положении (длиной до 155 см). При этом некоторые из них были снабжены инвентарем в виде бус и наконечников стрел. На этом основании Е. П. Бунятян уверено относила их к могилам рядовых общинников, а не рабов [Бунятян 1985: 30, 94].

В отношении пазырыкских погребений вопрос осложняется тем, что погребенные со слегка преклоненными коленями были положены в колоды, что могло послужить причиной расположения умерших вытянуто. Действительно, в больших курганах вождей или княжеских курганах умершие были похоронены в колодах из стволов мощных сибирских лиственниц или кедра. Все колоды были плотно закрыты крышками и забиты деревянными клиньями [Руденко 1960: табл. XXV].

Обсуждение. Первоначальная (insitu) поза погребенных в колодах была прослежена только в некоторых элитных погребениях: кургане 1 *Башадар* (мужчина в колоде), кургане 1 *Туэкта* (мужчина в колоде), кургане 11 *Берель* (мужчина и женщина в одной колоде), кургане 1 *Ак-Алахе-1* (мужчина и юноша, каждый в своей колоде), кургане 1 *Ак-Алахе-3* (женщина в колоде). Во всех перечисленных случаях умершие были обнаружены в позе на боку, вытянуто, со слегка подогнутыми ногами. Только в кургане 1 *Башадар* умерший находился вытянуто на спине.

Теперь необходимо прояснить вопрос: не была ли вытянутая поза погребенных следствием расположения умерших в колоде-саркофаге. На первый взгляд, причинно-следственная связь кажется очевидной.

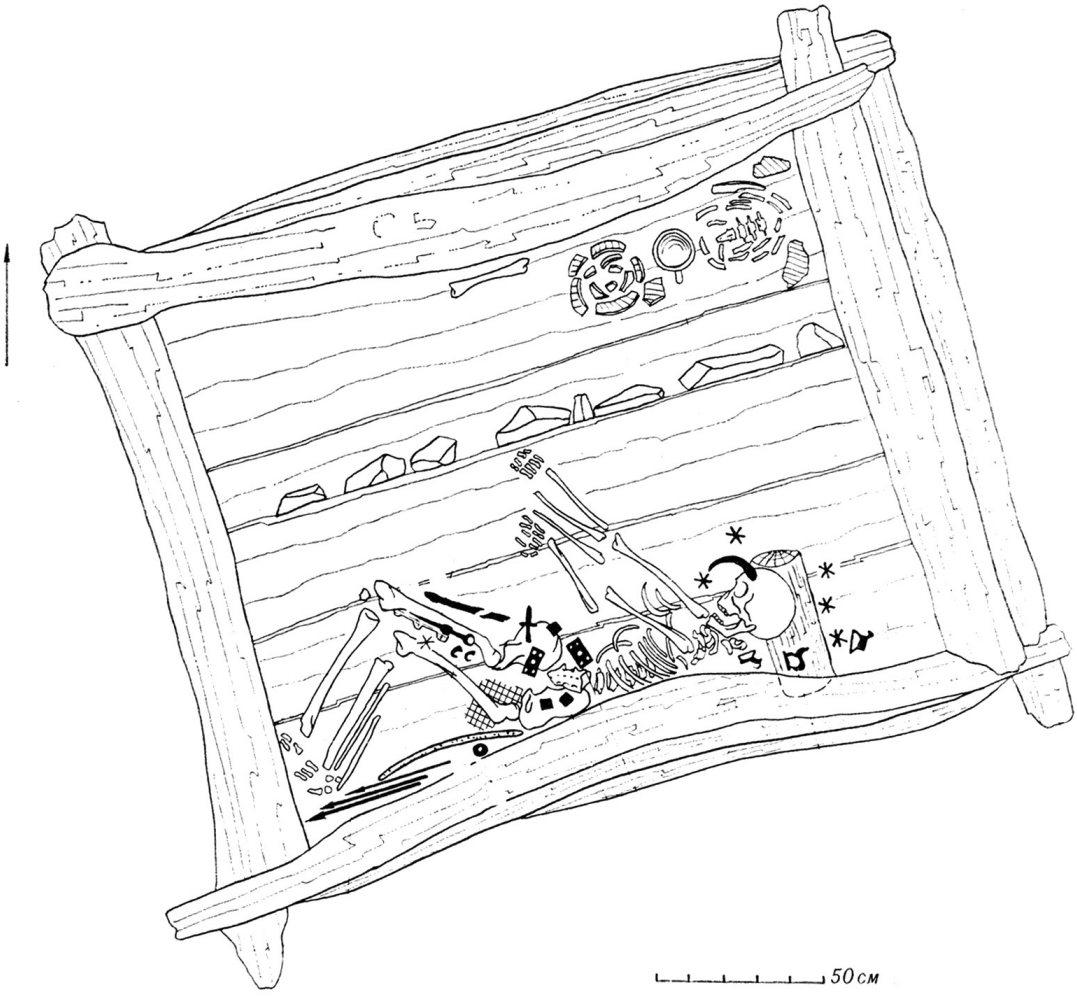

Рис. 1а. Расположение погребенного и предметов в рядовых погребениях пазырыкской культуры: *Уландрык-IV*, курган 1 [Кубарев 1987: 269, табл. LXVIII]

[*Fig. 1a*. Layout of remains and tools in burials of Pazyryk commoners: *Ulandryk-IV*, kurgan 1]

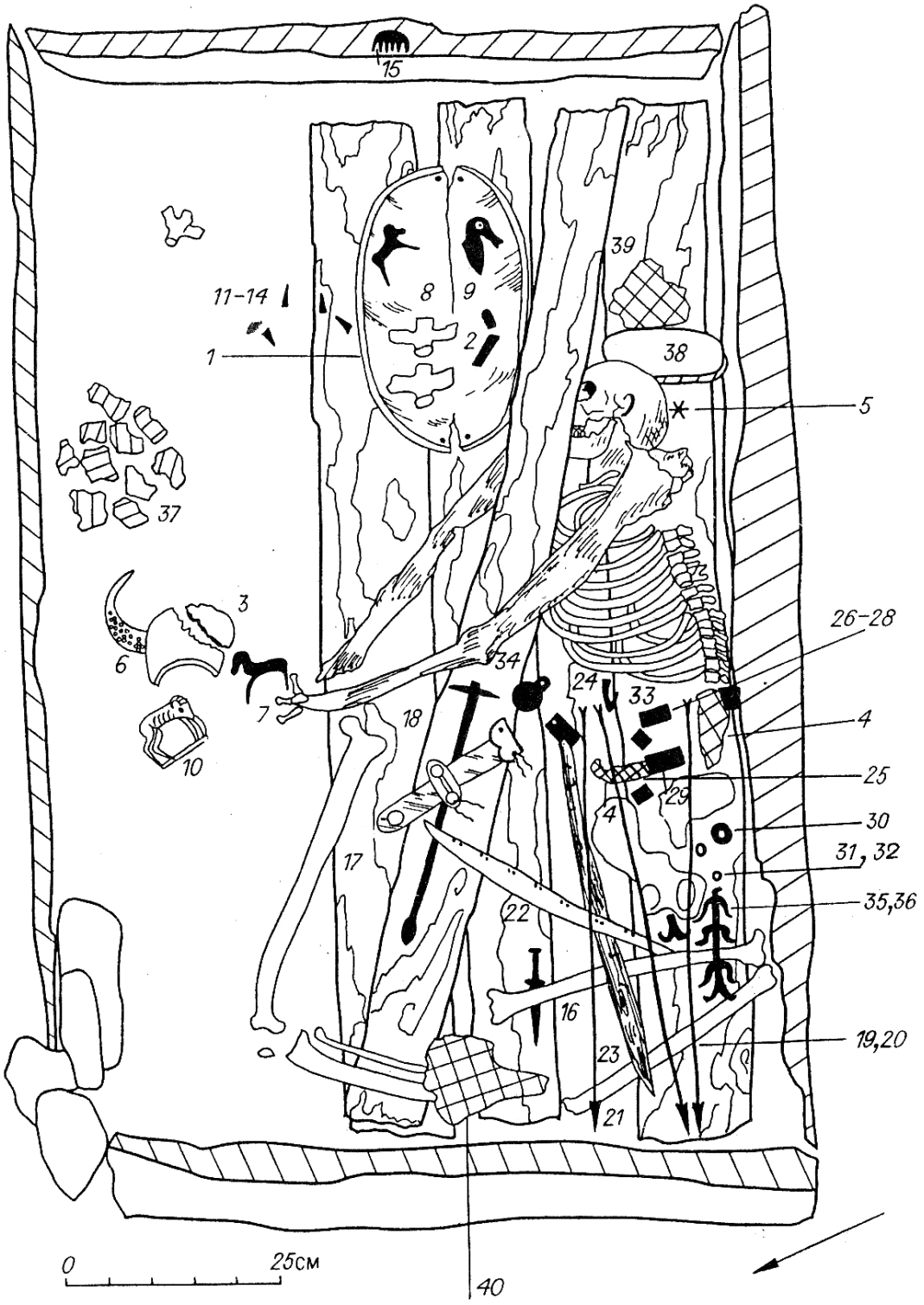

Рис. 1b. Расположение погребенного и предметов в рядовых погребениях пазырыкской культуры: *Барбугазы*, курган 25 [Кубарев 1992: табл. XXIX]: *1–40* — погребальный инвентарь

[*Fig. 1b*. Layout of remains and tools in burials of Pazyryk commoners: *Barbugazy*, kurgan 25: *1–40* — burial inventory]

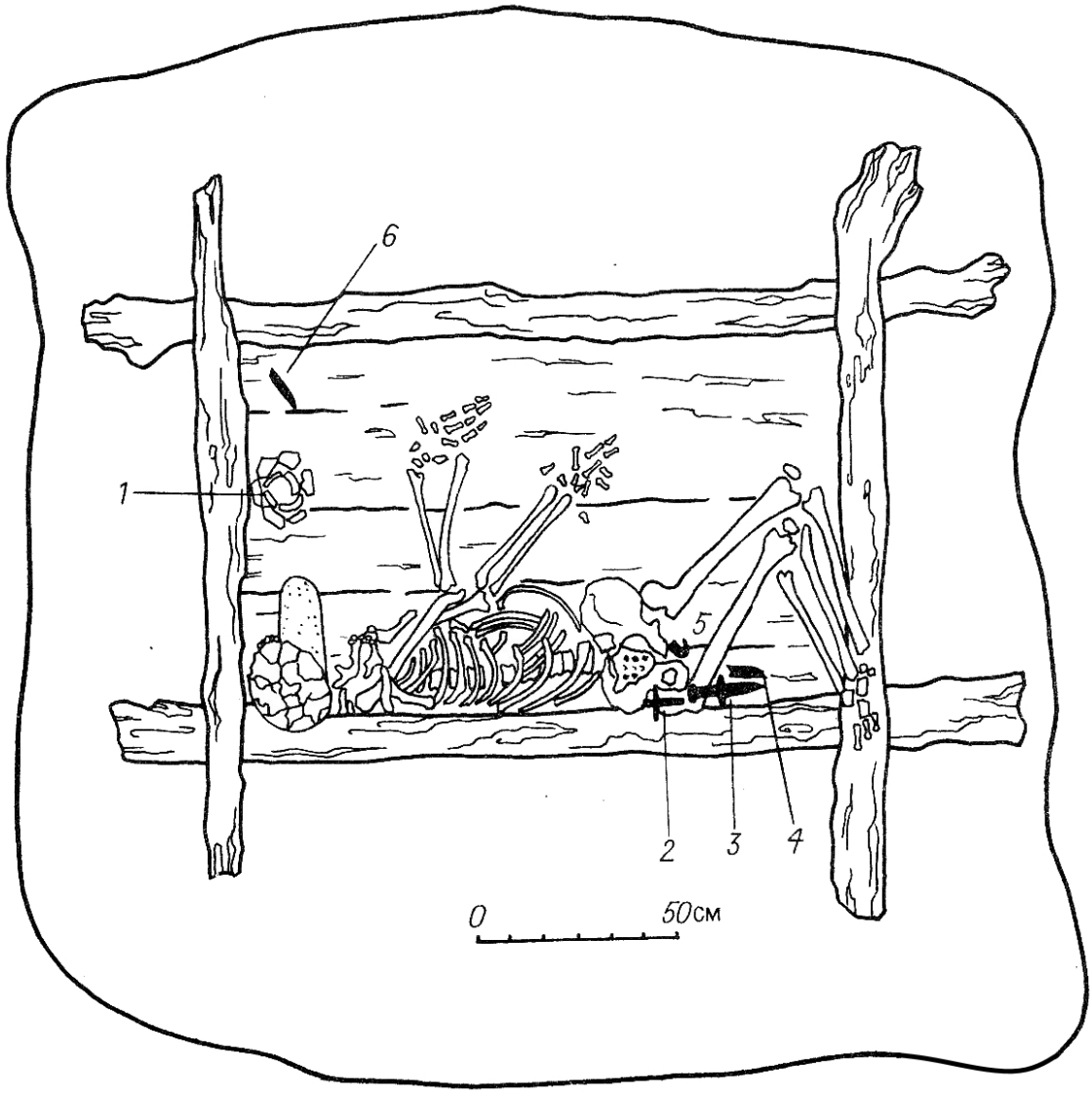

Рис. 1с. Расположение погребенного и предметов в рядовых погребениях пазырыкской культуры: *Малталу-IV*, курган 5 [Кубарев 1992: табл. XLIV]: *1–6* — погребальный инвентарь

[*Fig. 1c*. Layout of remains and tools in burials of Pazyryk commoners: *Maltalu-IV*, kurgan 5: *1–6* — burial inventory]

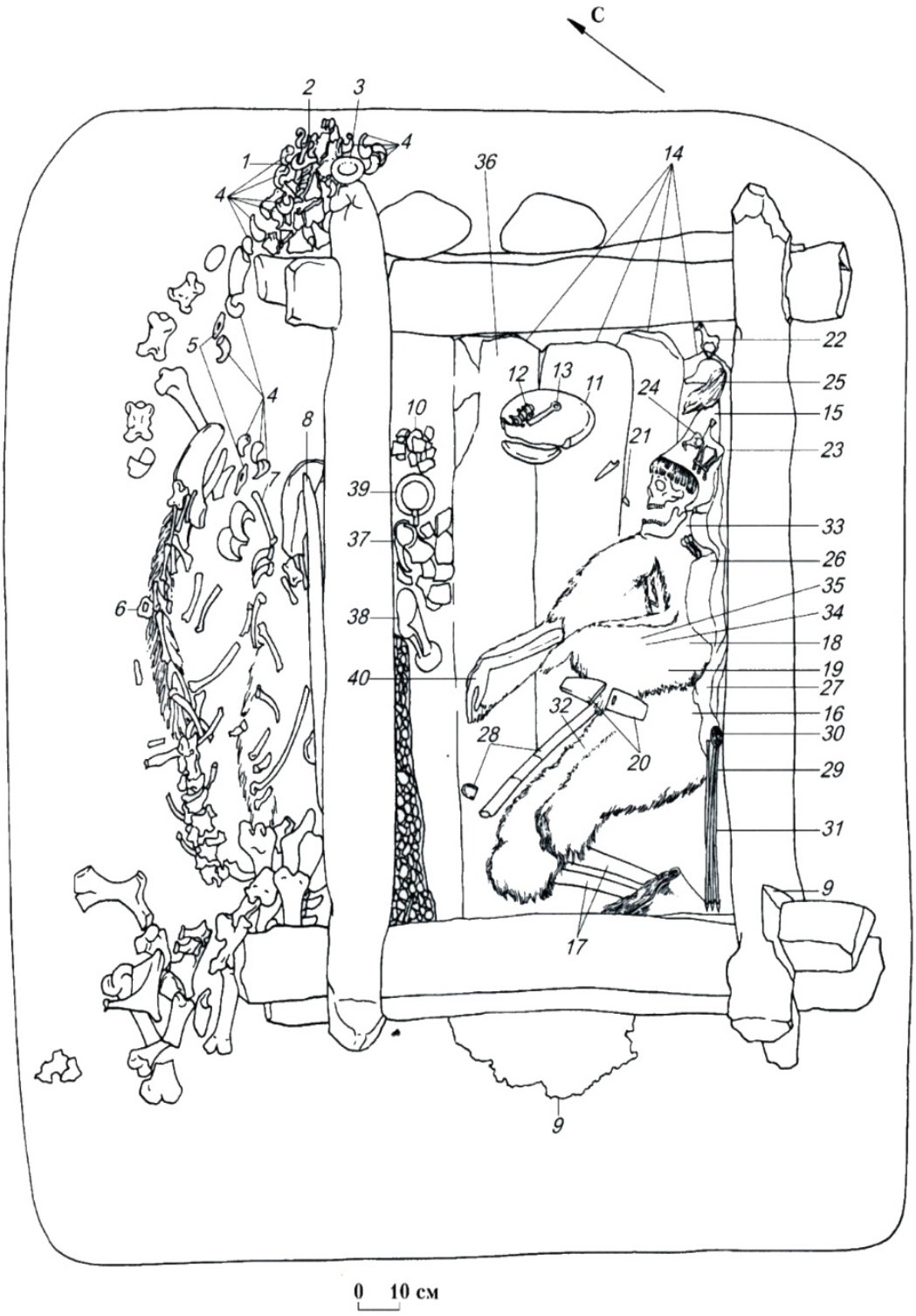

Рис. 1d. Расположение погребенного и предметов в рядовых погребениях пазырыкской культуры: *Верхний Кальджин-II*, курган 3 [Феномен... 2000: рис. 108]: *1–40* — погребальный инвентарь

[*Fig. 1d*. Layout of remains and tools in burials of Pazyryk commoners: *Verkhny Kaldzhin-II*, kurgan 3: *1–40* — burial inventory]

Но при внимательном рассмотрении выясняется, что причиной их вытянутого расположения были все же предписания обряда. Во-первых, при необходимости пазырыкцы могли выбрать для колоды лиственницы с более мощным стволом. Как известно, стволы сибирских лиственниц могут достигать в диаметре от 100 до 180 см при высоте до 30–40 м. Во-вторых, имеются несколько детских погребений с расположением умерших в колоде скорченно [Кубарев 1987: 21–22; Кубарев 1991: 31; Кубарев 1992: 20]. Все колоды имели размеры, соответствующие росту детей до полутора метра в длину, только в кургане 1 *Барбугазы-I* колода для подростка имела размеры 200x50x40 см [Кубарев 1992: табл. II].

Чтобы быть абсолютно уверенными, рассмотрим размеры колод-саркофагов, чтобы установить: возможно ли было в них подогнуть ноги умерших так, чтобы придать им позу скорченности (см. табл. 1). В таблице 1 собраны вместе все данные по размерам колод-саркофагов из элитных погребений. Указанная авторами раскопок ширина колод дана по внешнему краю. С. И. Руденко специально оговаривал то, что толщина боковых стенок колод составляет 3–4 см, торцовых стенок — 25–30 см, дна — обычно 9–13 см [Руденко 1953: 27]. В таком случае внутренняя ширина пазырыкских колод варьирует в пределах 92–57 см. Для расположения в колоде с согнутыми ногами решающую роль играет длина самой длинной кости в человеческом скелете — бедренной. Она составляет 27 % от роста человека. В таблице 2 приведены данные по росту мужчин из пазырыкских колод. Мужчины из элитных погребений отличались высоким ростом по сравнению с погребенными из рядовых могил, средний рост которых составлял 164 см [Руденко 1953: 60]. Максимальный рост был у мужчины из кургана 3 *Пазырык* – 181 см (длина бедренной кости 48,8 см) и минимальным оказался рост мужчины из кургана 2 *Башадар* — 170 см (длина бедренной кости 45,9 см). Рост женщин был значительно меньше роста мужчин и варьировал между 161 и 144 см, поэтому они не брались в расчет. Сравнение приведенных данных по ширине колоды и длине берцовых костей показывает, что вытянутая поза погребенных не была следствием невозможности уложить в колоде по-другому. Особенно наглядно это видно на плане погребения юноши из *Ак-Алахи-3* кургана 1. Клевец располагается в колоде в 20 см от колен погребенного и примерно настолько же от внутренней стены колоды (рис. 2б). При этом не стоит упускать из виду, что речь идет о мумиях, у которых были удалены не только мозг, глаза, все органы брюшной полости, но и надрезаны и удалены мышцы во всем теле вплоть до мышц ступней. Практически это были скелеты, обтянутые кожей. Кроме того, колода была округлой и поэтому высота их также предоставляла дополнительное пространство. Крышки колод были сделаны из другого ствола, поэтому они также увеличивали объем пространства внутренней части колоды. Но, как видим на примере с клевцом, необходимости в дополнительном пространстве не было. Об этом же свидетельствует тот факт, что колода Ак-ахалинской принцессы была выдолблена на глубину всего лишь 30 см и не доведена до середины колоды, где диаметр был максимальным.

Таблица 1. Пазырыкская культура. Элитные курганы. Размеры колоды[5]

[*Table 1*. Pazyryk culture. Elite kurgans. Parameters of coffins]

№	Курганная группа и номер кургана	Ширина колоды (диаметр ствола дерева), см	Длина колоды, см	Высота колоды (без крышки), см
1	*Пазырык*, курган 1	80	370	65
2	*Пазырык*, курган 2	95–87	420	72
3	*Пазырык*, курган 3	—	325	—
4	*Пазырык*, курган 4, колода 1	70	300	40
5	*Пазырык*, курган 4, колода 2	70	250	36
6	*Пазырык*, курган 5	70	500	—
7	*Кутургунтас*, курган 1	80	300	—

[5] В таблице 1 использованы данные из: [Руденко 1953; Руденко 1960; Полосьмак 2001].

8	*Ак-Алаха-1*, курган 1, колода 1	80	270	—
9	*Ак-Алаха-1*, курган 1, колода 2	80	260	—
10	*Ак-Алаха-3*, курган 1	79	273	68
11	*Берель*, курган 11	68–86	273	62
12	*Башадар*, курган 1	60–70	240	
13	*Башадар*, курган 2, колода южная	84	310	56

Таблица 2. Пазырыкская культура. Элитные курганы. Рост и возраст мужчин[6]
[*Table 2*. Pazyryk culture. Elite kurgans. Heights and ages of buried men]

№	Курган	Рост, см	Возраст, год
1	*Пазырык*, курган 2	176	60
2	*Пазырык*, курган 3	181	—
3	*Пазырык*, курган 4	174	—
4	*Пазырык*, курган 5	175–176	55
5	*Шибе*	178	60
6	*Башадар*, курган 1	175	23
7	*Башадар*, курган 2	170	60–65
8	*Туэкта*, курган 1	178	40–45

В Большом Катандинском кургане оба погребенных были уложены вытянуто на ложах-столах, похожих на кровати с ножками, украшенными «медными обручами» [Гаврилова 1957: 256]. Столы были рассчитаны на расположение умерших вытянуто. Известны еще несколько погребений на столах, но только в скорченной позе (курганы 2 и 22 *Юстыд*, курган 3 *Верхний Кальджин-2*, курган 1 *Ак-Алаха-5*). Размеры их столов были рассчитаны соответственно на скорченное расположение. Погребение женщины в скорченном положении на деревянном ложе из кургана 1 *Ак-Алаха-5* сопровождалось захоронением шести лошадей, т. е. его можно отнести к погребениям знати [Полосьмак 2001: 89]. То же самое касается погребения из кургана 3 группы *Верхний Кальджин*, где погребенный был положен в скорченном положении. Таким образом, не всем представителям знати позволено было привилегированное вытянутое положение в саркофаге или на ложе.

Также необходимо специально рассмотреть случаи расположения в колоде не одного, а двух человек. Учитывая размеры колод, оставляющие свободное пространство вокруг одной мумии, расположение в них двух мумий, по всей видимости, не вызывало особых проблем. При расположении мумий в одинаковой позе, как в кургане 11 *Берель*, срабатывал принцип ложек, сложенных в ящике буфета. Именно в такой позе расположены погребенные в рядовых погребениях. Этот факт легко устанавливается, так как голова «младшего» или северного погребенного, как правило, находится несколько ниже по уровню головы «старшего» или южного погребенного.

Во всех больших Пазырыкских курганах, кроме кургана 4, было установлено по одной колоде, в которой были найдены мумии мужчины и женщины, что понимается как супружеские погребения. При раскопках первого кургана не было уделено должного внимания останкам погребенных, разрушенных грабителями [Грязнов 1950]. Но имеются косвенные данные о том, что в камере были найдены «шесть [войлочных и травяных] колец-подставок под сосуды» [Руденко 1953: 363]. Согласно данным из последующих раскопок, для каждого умершего в больших курганах были поставлены три сосуда: керамический, деревянный и роговой. В ряде курганов прослежено, что сосуды эти ставились на подставки в виде колец. Три такие войлочные подставки под сосуды были сшиты друг с другом в кургане 3 могильника *Верхний Кальджин-2* [Полосьмак 2001: рис. 132] или же пришиты к войлочному ковру, постеленному на полу камеры [Руденко 1953: рис. 43]. Исходя из количества подставок-колец в первом Пазырыкском кургане были похоронены два человека.

[6] В таблице 2 использованы данные: [Руденко 1953: 63].

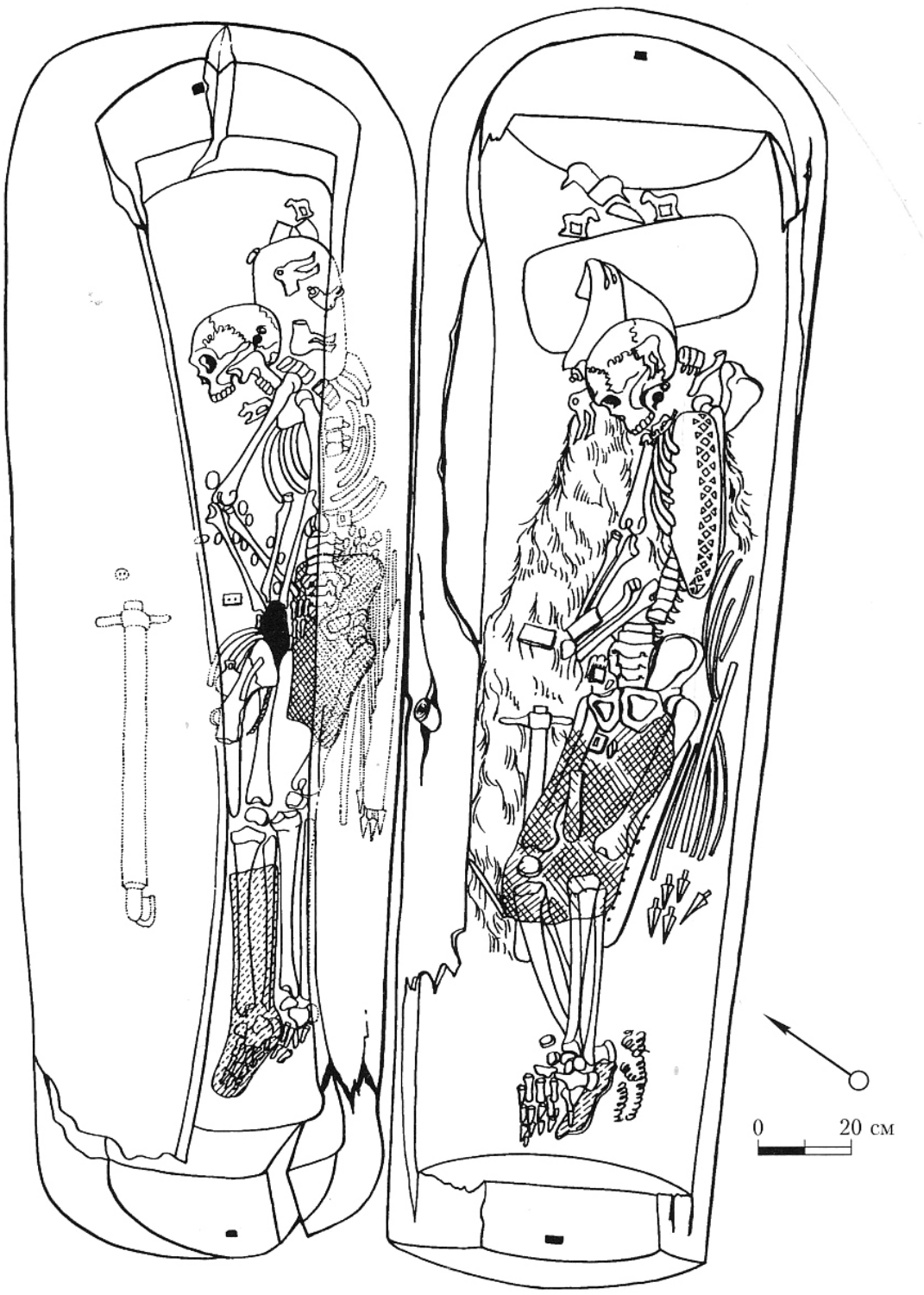
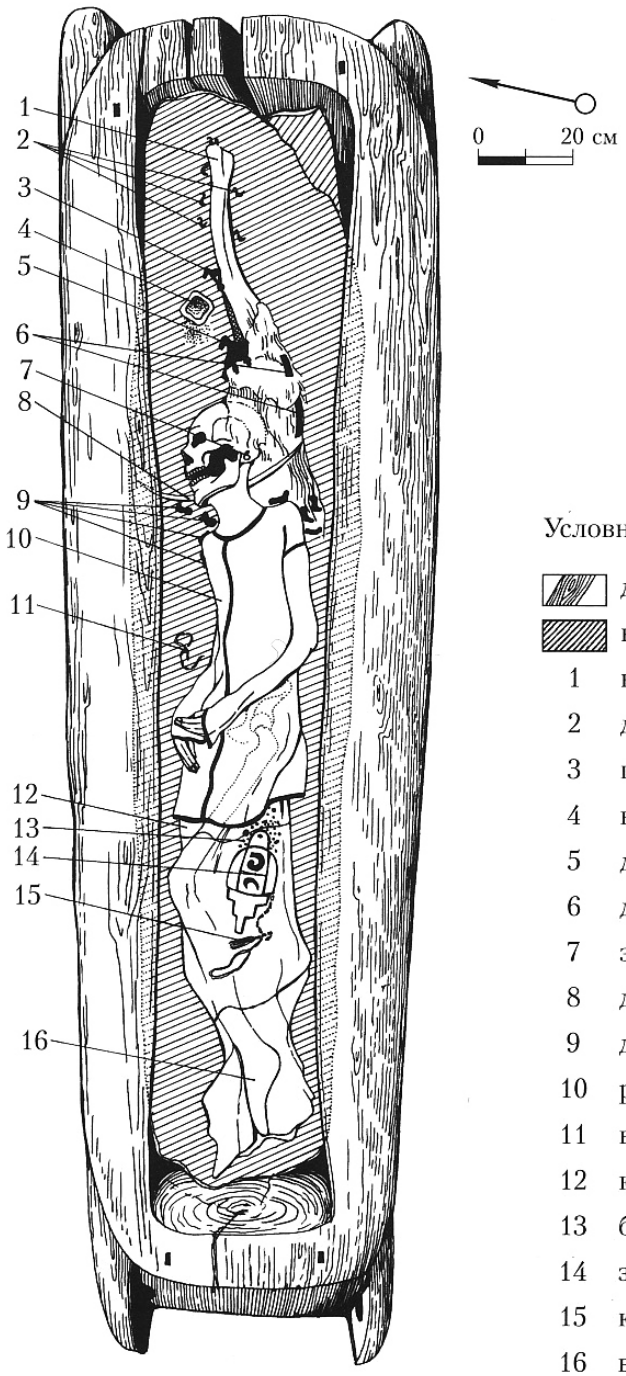

Рис. 2а. Расположение погребенного и предметов в элитных погребениях пазырыкской культуры: *Ак-Алаха-1*, курган 1, погребение 1 [Полосьмак 2001: табл. III, г]

[*Fig. 2a.* Layout of remains and tools in burials of Pazyryk elites: *Ak-Alakha-1*, kurgan 1, burial 1]

Условные обозначения:

дерево
войлок
1 навершие головного убора
2 деревянные птички
3 шпилька
4 каменное блюдце с кориандром
5 деревянная фигурка оленя
6 деревянные накосники
7 золотая серьга
8 деревянная деталь шейного украшения
9 деревянные барсы
10 рубаха
11 веревочка
12 юбка
13 бусины
14 зеркало в войлочном чехле
15 кисточка из конского волоса
16 войлочный сапог

Рис. 2b. Расположение погребенного и предметов в элитных погребениях пазырыкской культуры: *Ак-Алаха-3*, курган 1, погребение 2 «Укокской принцессы» [Полосьмак 2001: табл. VI, б]

[*Fig. 2b.* Layout of remains and tools in burials of Pazyryk elites: *Ak-Alakha-3*, kurgan 1, burial 2 (‘Princess of Ukok’)]

Поскольку в камере был только один саркофаг-колода, то по аналогии с остальными большими пазырыкскими курганами, в первом кургане, также как и во всех остальных больших пазырыкских курганах, были похоронены мужчина и женщина.

В кургане 2 *Башадар* в отдельных колодах были погребены, по меркам архаических обществ, престарелые мужчина (60–65 лет) и женщина (40 лет). Возрастное соответствие дает основание для предположения о семейной паре. Такое же предположение можно сделать о парном погребении в Большом Катадинском кургане, где оба погребенных были положены в вытянутом положении на столы. Однако для пазырыкцев не всегда парные погребения, даже в одной колоде, оказываются супружескими. В кургане 11 *Берель*, по данным генетического анализа, в одной колоде были похоронены мужчина и женщина, находившиеся в кровном родстве, возможно мать и сын [Samasev 2002: 252]. В кургане *Шибе* в одной колоде были похоронены пожилой мужчина 60 лет и семилетний мальчик. Специальных анализов для шибинских погребенных проведено не было, но по аналогии с берельскими, надо полагать, возможно такое же близкое кровное родство и в данном случае. Получается, в одну колоду с мужчиной, главой семьи, могли быть положены женщины (супруга, мать) и несовершеннолетние дети, то есть члены одной малой семьи.

Подросшие дети погребались в собственных колодах. В кургане 4 *Пазырык* были погребены два человека: мужчина и девушка 15–16 лет, каждый в своей колоде. В кургане 1 *Ак-Алаха-1* были погребены: в одной колоде взрослый мужчина, в другой – юноша, который был определен антропологами как девушка, но по данным генетического анализа оказался юношей [Чикишева и др. 2019].

Остальные одиночные захоронения в колоде принадлежали женщинам (*Туэкта* курган 2 и *Ак-Алаха-3*) и взрослым мужчинам (*Кутургунтас*, *Туэкта* курган 1, *Башадар* курган 1).

Важным для данного исследования является вопрос о длине колод-саркофагов. Рассмотренная ширина колоды напрямую зависела от диаметра ствола лиственницы. Поэтому дерево для колоды-саркофага выбирали подходящего диаметра, но длина ствола лиственницы диаметром 70–95 см могла достигать 20 и более метров. После того как дерево было повалено, длина ствола предоставляла широкий выбор для определения размеров колоды в длину. Исходя из этой посылки, можно предположить, что длина колоды устанавливалась только по требованиям обряда. Согласно им, длина колод пазырыкцев варьировала от 2,4 м до 5,0 м. При росте мужской части элитного пазырыкского населения в пределах 170–180 см наименьшая длина колоды в 240 см представляется более чем достаточной для размещения мумии со слегка подогнутыми ногами. Однако, как видно по таблице 1, большинство колод достигали длины плюс-минус 3,0 м. В кургане 2 *Пазырык* колода достигала 4,2 м, а в кургане 5 *Пазырык* — даже 5,0 м. Рационально объяснить такую длину колод не получается. Это подтолкнуло С. И. Руденко к мысли о том, что мумии, возможно, лежали не рядом, а друг за другом [Руденко 1953: 50], что не подтвердилось последующими раскопками.

Исходя из общей концепции пазырыкского погребального обряда, рядовые члены общества отправлялись на тот свет в присевшем положении или опустившимися на колени, а представители элиты — как бы слегка преклонившими колени, надо полагать, что на том свете первые достигали ближайший, неглубоко расположенный уровень, а последние продвигались дальше. То есть и «там» подразумевалась социальная стратификация. При этом вожди укладывались в прочные лиственничные колоды, по возможности максимально длинные, чтобы их продвижение на свой уровень был наиболее максимальным и гарантированным. Для того чтобы они случайно «не выпали» не на том уровне, колоды крепко заколачивали деревянными клиньями. Как часто трактуется в мифологии, по достижении положенного их статусу уровня клинья сами по себе должны выпасть из колоды, и умершие оказаться там, где им положено быть согласно их статусу. Символика помещения в ствол дерева также дает основание для подобной трактовки, так как дерево, как известно, соединяет все три мира. Корни его под землей, ствол на земле, а крона уже на небесах. В данном случае напрашивается сравнение лиственничных колод с лифтом,

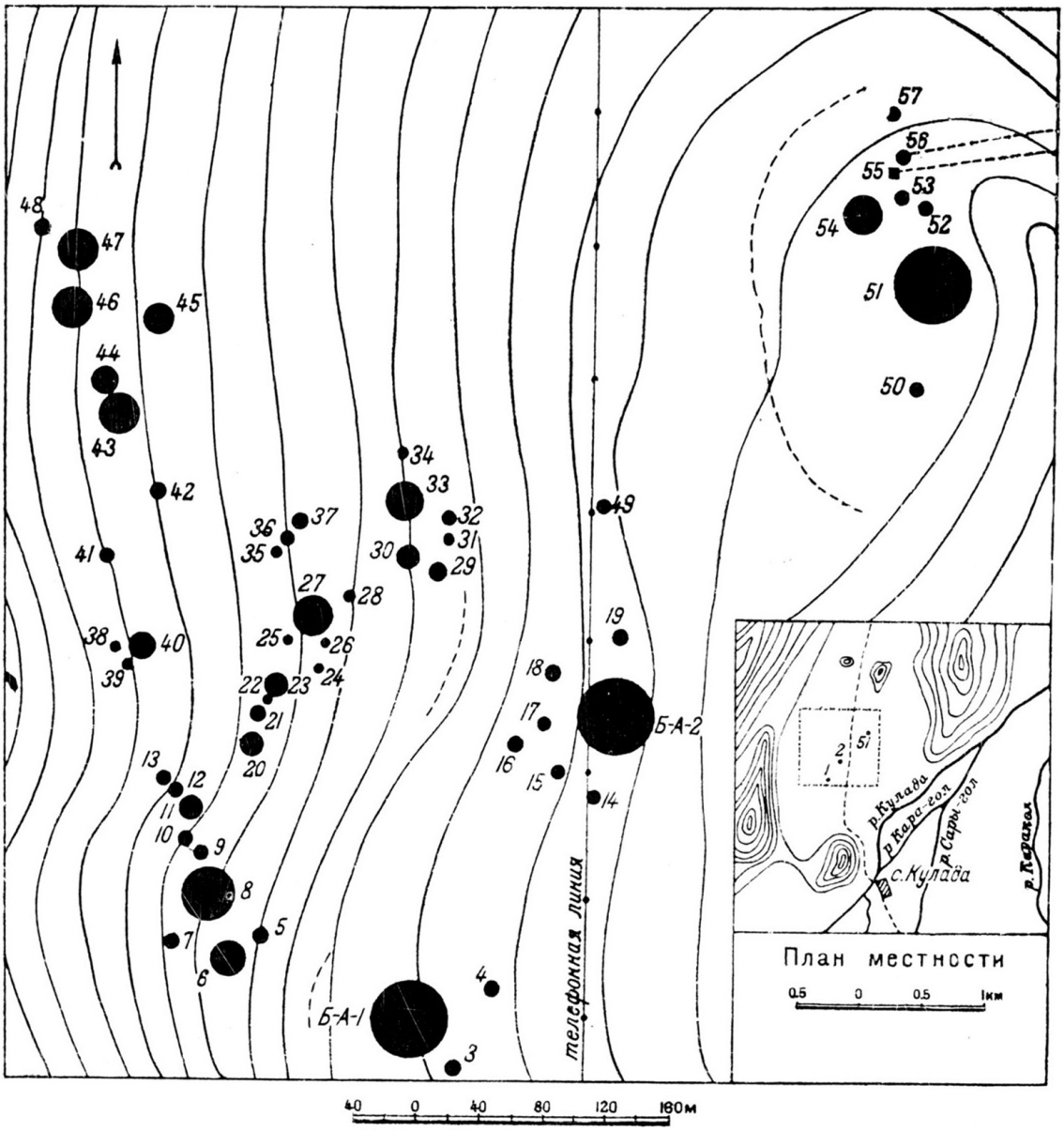

Рис. 3. План курганной группы *Башадар* [Руденко 1960: рис. 10]

[*Fig. 3.* Plan of *Bashadar* kurgan group]

доставляющем на нужный этаж. Чем длиннее колода, тем более дальних сфер достигают умершие.

Расположение умерших в колодах дает указание на направление доставки умерших. Колоды были сделаны из стволов деревьев, но голова умерших была всегда расположена в комлевой части ствола, то есть направлена к корням дерева, вниз, в подземную часть. Это предположение подтверждается таким показателем как глубина могил пазырыкцев. Чем важнее была личность умершего, тем глубже была его могила. Могилы детей всегда были не столь глубокими, как могилы взрослых. Сопровождающие конские захоронения располагались всегда выше дна могилы человека, на специальной ступеньке. Такая же закономерность прослеживается и по могилам скифов Северного Причерноморья. Самой глубокой могилой в царских курганах была центральная могила, за ней следовали впускные погребения, погребения слуг. Конские могилы и могилы конюхов имели наименьшую глубину [Очир-Горяева 2014а: 72, 88; Очир-Горяева 2018: 57–87]. Курганы скифов Северного Причерноморья и пазырыкской культуры обьединяет общая широтная ориентация и градация могил по глубине. В любом случае главные погребенные «ведут» за собой рядовых членов общества и младших родственников.

Аналогичный принцип прослеживается в курганах Южного Приуралья скифской эпохи, которые характеризуются противоположной ориентацией погребальных сооружений — меридиональной. В южноприуральских курганах прослеживается также противоположная градация могил по глубине, и соответственно противоположное направление — наверх. Там впускные погребения имели большую глубину, чем основное погребение этого же кургана. Основные погребения были расположены в широких просторных, но неглубоких ямах, либо на уровне древнего горизонта, либо на некотором возвышении — площадке из глины [Смирнов 1964; Смирнов 1975; Пшеничнюк 1983; Таиров, Боталов 1988; Яблонский и др. 1994; Яблонский и др. 1995: 4–48; Яблонский, Мещеряков 2006]. На наш взгляд, так воплощалось представление о том, что наиболее почетные и важные персоны должны быть захоронены выше, ближе к небу, чем рядовые. Погребенные из центральных гробниц должны были первыми достичь страны мертвых, находящейся, судя по целому комплексу данных, на северной стороне, наверху. Южно-приуральские центральные погребения были окружены кольцевым глиняным валом с разрывом с южной стороны, все впускные погребения располагались за пределами вала — полукольцом с южной стороны, то есть они как бы следовали за погребенным из центральной ямы [Очир-Горяева 2011: 344–373].

Показательно в этом плане замеченное нами расположение цепочек больших (княжеских) курганов Башадарских, Туэктинских, Берельских на восточном краю курганных полей (рис. 3).

Туэктинское курганное поле состояло из 197 курганов различных эпох [Руденко 1960: рис. 52]. У его восточного края была расположена цепочка из четырех больших курганов. Раскопаны были два кургана с северного конца, получившие название *первый Туэктинский* и *второй Туэктинский* курганы. На Башадарском могильном поле зарегистрировано несколько курганных групп из 57 курганов. Самыми восточными были три больших кургана, расположенных цепочкой с севера на юг с небольшим отклонением. Два из них, центральный и южный, были раскопаны и названы первый Башадарский и второй Башадарский курганы (рис. 3). Точно так же два наиболее крупных кургана могильника *Берель* были расположены несколько поодаль, на восток от основной цепи курганов, в створе друг с другом: Большой Берельский курган — на юге, на краю крутого берега р. Бухтармы, а курган 11, меньших размеров, — на севере, у самого подножия гор [Сорокин 1969: 208–236; Samasev 2002: abb. 1].

Таким образом, все большие курганы располагались с восточного края их курганных полей. При ориентации лицом на восток они оказывались «впереди» остальных. Получается, княжеские большие курганы стояли «впереди», а могилы рядовых «следовали» за ними.

Имеется еще одна деталь, подчеркивающая социальные различия между элитными и рядовыми погребениями, а именно в два раза большее количество алтарных столиков у некоторых умерших из княжеских погребений. В кургане 2 *Пазырык* для погре-

бенной пары было поставлено 4 алтарных столика, то есть по два на каждого умершего, в кургане 5 *Пазырык* было поставлено 3 алтарных столика с крестцом овцы и лошади также для двух погребенных. Как полагаем, двойные подношения высшим силам были предназначены для более быстрого и благополучного возрождения в лучшем мире элитных умерших по сравнению с рядовыми, имевшими по одному алтарному столику.

Выводы. Можно считать доказанным, что вытянутое и скорченное положение умерших у пазырыкцев было предписано обрядом в соответствии с социальной иерархией их общества и представлениями о потустороннем мире.

Полученный результат подтверждает и конкретизирует деление на социальные группы по размерам погребальных сооружений. Вытянутые погребения в колодах полагались для вождей племен и некоторых представителей знати.

Еще один немаловажный вопрос: всегда ли и везде ли соблюдались предписания о степени скорченности умерших. По нашим наблюдениям, предписания строго соблюдались в восточном ареале[7] пазырыкской культуры, княжеские курганы которого находились в долине Пазырык и на плато Укок, а массовые рядовые погребения раскопаны по течению р. Чуи. В западном же ареале княжеские курганы которого находились в Онгудайской долине, Канской степи и в долине р. Бухтармы, имеются рядовые погребения, в которых скорченность не столь выражена [Дашковский, Шершнева 2019]. Там намного реже встречаются сопровождающие захоронения коней, имеются также различные инокультурные отклонения, такие как диагональное расположение погребенных и т. д. Похоже, что население высокогорных долин восточного ареала оставалось более консервативным, в то время как население просторных среднегорных долин западного ареала имело в силу географической открытости больше контактов с соседними регионами, что приводило к некоторому размыванию старых местных традиций.

Литература

Бичурин 1851 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. Отд-ние II. Ухуань. СПб.: Тип. военно-учеб. заведений, 1851. 179 с.

Бунятян 1985 — *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1985. 416 с.

Гаврилова 1957 — *Гаврилова А. А.* Раскопки второго Катадинского могильника // Советская археология. Вып. XXVII. М., 1957. С. 250–268.

Грач 1980 — *Грач А. Д.* Кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грязнов 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.

Дашковский, Шершнева 2019 — *Дашковский П. К., Шершнева Е. А.* Новые результаты исследования кургана пазырыкского периода на могильнике Чинета-II // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение): мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 22–23 мая 2019 г.). Барнаул, 2019. С. 39–44.

Кубарев 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1987. 302 с.

Кубарев 1991 — *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.

Кубарев 1992 — *Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 219 с.

Кубарев, Шульга 2007 — *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура [курганы Чуи и Урсула]. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. ун-та, 2007. 281 с.

Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Ориентация по странам света: традиции и истоки // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Вып. 2. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2008. С. 118–122.

Очир-Горяева 2011 — *Очир-Горяева М. А.* Планиграфия курганов Южного Приуралья в позднe-скифскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 344–373.

[7] Более подробно о делении памятников пазырыкской культуры по Катунско-Чуйской гряде на западный и восточный ареалы см. [Очир-Горяева 2014б: 46–54].

Очир-Горяева 2012а — *Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.

Очир-Горяева 2012б — *Очир-Горяева М. А.* О порядке расположения людей, инвентаря и коней в Пазырыкских курганах // Культуры степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Т. 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 441–446.

Очир-Горяева 2014а — *Очир-Горяева М. А.* Устройство скифского кургана и его ориентация по странам света // Краткие сообщения института археологии. 2014. Вып. 3. С. 72–88.

Очир-Горяева 2014б — *Очир-Горяева М. А.* О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. Вып. 3 [26]. С. 46–54.

Очир-Горяева 2015 — *Очир-Горяева М. А.* О возможном назначении сосудов из погребений пазырыкской культуры // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Хух-Хото, октябрь 2015 г.). Хух-Хото: [б. и.], 2015. Т. 1. С. 228–236.

Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья // Stratum plus. 2018. № 3. С. 57–87.

Полосьмак 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Пшеничнюк 1983 — *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.

Руденко 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 401 с.

Руденко 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 359 с.

Савинов 1995 — *Савинов Д. Г.* О ритуальном назначении погребальных камер Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в культуре. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 6–8.

Савинов 1996 — *Савинов Д. Г.* Об обряде погребений больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 12–15 марта 1996 г.). СПб.: Скифо-сибирика, 1996. С. 107–111.

Савинов 1997 — *Савинов Д. Г.* Погребальные камеры-«часовни» Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры: сб. науч. тр. СПб.: ГМИР, 1997. С. 30–40.

Смирнов 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: АН СССР, 1964. 377 с.

Смирнов 1975 — *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.

Сорокин 1969 — *Сорокин С. С.* Большой Берельский курган [Полное издание материалов раскопок 1965 и 1959 гг.] // Культура и искусство народов Востока [Труды ГЭ. Вып. 7]. Л.: Гос. Эрмитажа, 1969. С. 208–236.

Суразаков 1988 — *Суразаков А. С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. 215 с.

Таиров, Боталов 1988 — *Таиров А. Д., Боталов С. Г.* Курган у с. Варна // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1988. С. 100–117.

Тишкин, Дашковский 2003 — *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. 429 с.

Чикишева и др. 2019 — *Чикишева Т. А, Аристова Е. С., Елясин П. А., Полосьмак Н. В.* Опухоли на костях людей из курганов пазырыкской культуры в долине реки Ак-Алахи (плоскогорье Укок, Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 642–648.

Феномен... 2000 — Феномен алтайских мумий / отв. ред. В. И. Молодин, А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 320 с.

Яблонский и др. 1995 — *Яблонский Л. Т.*, *Дэвис-Кимболл Дж.*, *Демиденко Ю. В.* Раскопки курганных могильников. Покровка-I и Покровка-II в 1994 г. // Курганы левобережного Илека: сб. ст. Вып. 3. М.: ИАРАН, 1995. С. 9–48.

Яблонский, Мещеряков 2006 — *Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В.* Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 38–45.

Яблонский и др. 1994 — *Яблонский Л. Т.*, *Трунаева Т. Н.*, *Веддер Дж.*, *Дэвис-Кимболл Дж.*, *Егоров В. Л.* Раскопки курганных могильников Покровка-I и Покровка-II в 1993 г. // Курганы левобережного Илека: сб. ст. Вып. 2. М.: ИАРАН, 1994. С. 9–54.

Samasev 2002 — *Samasev Z. S., Bazarbaeva G. A., Zumabekova G. S.* Die «goldhütendenGreife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeit-liche Kurgane von Berel und Tar-Asu // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 237–277.

References

Bichurin N. Ya. Collected Data on Peoples to Have Inhabited Central Asia in Olden Times. Vol. I. Part II: The Wuhuan. St. Petersburg: Publ. House of Military Schools, 1851. 179 p. (In Russ.)

Bunyatyan E. P. Social Reconstruction Methods in Archaeology: A Case Study of Scythian Burial Sites, 4th – 3rd Centuries BC. Kiev: Naukova Dumka, 1985. 416 p. (In Russ.)

Chikisheva T. A, Aristova E. S., Elyasin P. A., Polosmak N. V. Tumors on the human bones from the burial mounds of the Pazyryk culture in the Ak-Alakha River Valley (Ukok Plateau, Altai Mountains). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2019. Vol. XXV. Pp. 642–648. (In Russ.)

Dashkovsky P. K., Shershneva E. A. The new findings of kurgan of the Pazyryk period at the burial Chineta II. In: Field Studies in the Upper Ob, Irtysh, and the Altay. Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology. Conference Proceedings (Barnaul; May 22–23, 2019). Barnaul, 2019. Pp. 39–44. (In Russ.)

Gavrilova A. A. Excavating Katada-2 burial site. *Sovetskaya arkheologiya*. 1957. No. XXVII. Pp. 250–268. (In Russ.)

Grach A. D. Nomads in the Center of Asia. Moscow: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.)

Gryaznov M. P. The First Pazyryk Kurgan. Leningrad: State Hermitage Museum, 1950. 92 p. (In Russ.)

Kubarev V. D. Kurgans of Saylyugem Mountains. Novosibirsk: Nauka, 1992. 219 p. (In Russ.)

Kubarev V. D. Kurgans of the Ulandryk River Valley. Novosibirsk: Nauka, 1987. 302 p. (In Russ.)

Kubarev V. D. Kurgans of the Yustyt River Valley. Novosibirsk: Nauka, 1991. 270 p. (In Russ.)

Kubarev V. D., Shulga P. I. Pazyryk Culture: Kurgans of the Chuya and Ursul River Valleys. Barnaul: Barnaul State University, 2007. 281 p. (In Russ.)

Molodin V. I., Derevyanko A. P. (eds.) The Phenomenon of Altaian Mummies. Novosibirsk: Institute of Anthropology and Ethnography (Sib. Branch of RAS), 2000. 320 p. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Horsemen of Eurasian Steppes. Moscow: Taus, 2012. 486 p. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Construction and geographical orientation of Scythian burial mounds. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* (*Brief Communication of the Institute of Archaeology*). 2014. No. 3. Pp. 72–88. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Kurgans of the Southern Urals: planigraphy in the Late Scythian era. In: Archaeology of Southern Russia. Materials and Studies. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2011. Vol. III. Pp. 344–373. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Pazyryk culture of the Altai Mountains: two areas of distribution revisited. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2014. No. 3 [26]. Pp. 46-54. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Pazyryk kurgans: positioning of human bodies, tools and horses revisited. In: Cultures of Eurasian Steppes and Their Interactions with Ancient Civilizations. Anniversary Conference Proceedings (Commemorating Prof. M. Gryaznov). St. Petersburg: Periferiya, 2012. Vol. 2. Pp. 441–446. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Positioning (of bodies) by cardinal directions: traditions and origins. In: Turko-Mongols. Issues of Ethnogenesis and Ethnic Culture. Collected Scholarly Papers. Elista: Kalmyk State University, 2008. Vol. 2. Pp. 118–122. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. The social and clan relations within the Scythian society, by planigraphic analysis of the kurgans. *Stratum plus*. 2018. No. 3. Pp. 57–87. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Vessels from Pazyryk burials: potential functions revisited. In: Ancient Cultures of North China, Mongolia and Baikalia. Conference Proceedings (Hohhot; October of 2015). Hohhot, 2015. Vol. 1. Pp. 228–236. (In Russ.)

Polosmak N. V. Horsemen of Ukok Plateau. Novosibirsk: INFOLIO-Press, 2001. 336 p. (In Russ.)

Pshenichnyuk A. Kh. Southern Urals: Culture of Early Nomads. Moscow: Nauka, 1983. 199 p. (In Russ.)

Rudenko S. I. Culture of Altay Highlanders: Scythian Era. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1953. 401 p. (In Russ.)

Rudenko S. I. Culture of the Central Altay: Scythian Era. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 359 p. (In Russ.)

Samasev Z. S., Bazarbaeva G. A., Zumabekova G. S. Die «goldhütenden Greife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar-Asu. *Eurasia Antiqua*. 2002. Vol. 8. Pp. 237–277. (In Germ.)

Savinov D. G. Big Pazyryk kurgans: 'chapel-type' burial chambers. In: The Sacral in Cultural History. Collected Scholarly Papers. St. Petersburg: Museum of the History of Religion, 1997. Pp. 30–40. (In Russ.)

Savinov D. G. Big Pazyryk kurgans: burial rites revisited. In: Priesthood and Shamanism in the Scythian Era. Conference Proceedings (St. Petersburg; March 12–15, 1996). St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 1996. Pp. 107–111. (In Russ.)

Savinov D. G. Big Pazyryk kurgans: ritual functions of burial chambers revisited. In: The Sacral in Culture. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), 1995. Pp. 6–8. (In Russ.)

Smirnov K. F. Sarmatians in the Ilek River Valley. Moscow: Nauka, 1975. 175 p. (In Russ.)

Smirnov K. F. The Sauromatians: Earliest History and Culture. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1964. 377 p. (In Russ.)

Sorokin S. S. Big Berel kurgan: complete materials of 1965 / 1959 excavations. In: Culture and Arts of Eastern Peoples. Ser.: Transactions of the State Hermitage Museum. Vol. 7. Leningrad: State Hermitage Museum, 1969. Pp. 208–236. (In Russ.)

Surazakov A. S. Altay Mountains and Their Northern Foothills in the Early Iron Age: Issues of Chronology and Cultural Classification. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Research Institute of History, Language and Literature, 1988. 215 p. (In Russ.)

Tairov A. D., Botalov S. G. Kurgan near the village of Varna. In: Ural-Kazakhstan Steppes. Issues of Archaeology. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1988. Pp. 100–117. (In Russ.)

Tishkin A. A., Dashkovsky P. K. The Scythian Altay: Social Structure and Worldview System. Barnaul: Altay State University, 2003. 429 p. (In Russ.)

Yablonsky L. T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu. V. Kurgan burial sites of Pokrovka-I and Pokrovka-II: 1994 excavations. In: Kurgans on the Left Bank of the Ilek. Collected Articles. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 1995. Vol. 3. Pp. 9–48. (In Russ.)

Yablonsky L. T., Meshcheryakov D. V. Mystery of the 13th Filippovka kurgan. In: Southern Urals and Neighboring Territories in the Scytho-Sarmatian Era. Ufa: Gilem, 2006. Pp. 38–45. (In Russ.)

Yablonsky L. T., Trunaeva T. N., Vedder J., Davis-Kimball J., Egorov V. L. Kurgan burial sites of Pokrovka-I and Pokrovka-II: 1993 excavations. In: Kurgans on the Left Bank of the Ilek. Collected Articles. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 1994. Vol. 2. Pp. 9–54. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1331–1338, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1331-1338
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 294.3+930(093)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1331-1338

Тибето-монгольские традиции культа Майтреи в бурятском буддизме: освящение статуи Майтреи в Анинском дацане

Цымжит Пурбуевна Ванчикова[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020
© Ванчикова Ц. П., 2020

Аннотация. *Введение*. В статье дана характеристика архивного документа из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Общего архивного фонда (ОАФ) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), посвященного истории строительства храма и возведению статуи Майтреи в Анинском дацане и рассмотрены истоки культа Майтреи, восходящие к древней Индии. *Целью* статьи является определение аутентичности сведений, сообщаемых Лодон-ламой, истоков культа Майтреи и освящения реликвий. *Материалы*. Сочинение, озаглавленное «История (описание) бурхана Анинского дацана „Большой Майдари“», было написано в 1915 г. бурятским ламой Лодоном. Оно представляет собой гарчак-опись разнообразных реликвий и предметов, вложенных вовнутрь статуи. Ценность данного памятника заключается в том, что он содержит уникальные источниковые сведения и данные по истории буддизма в Бурятии, раскрывающие внутреннюю жизнь буддистского монастыря и буддистской общины, показывающие взаимоотношения между буддистской сангхой и прихожанами, взаимоотношения сангхи с учреждениями органов государственной власти. Представляют интерес материалы, повествующие о праздничных мероприятиях, посвященных освящению статуи Майтреи и его храма, состоявшихся в 1897 г. *Результаты*. Рассматриваемая «История бурхана» важна не только потому, что источников по истории бурятского буддизма чрезвычайно мало и она дает возможность реконструировать длительную и сложную историю статуи, но и потому, что сама статуя Майтреи не сохранилась, поскольку она была уничтожена в конце 30-х гг. прошлого века.
Ключевые слова: культ Майтреи, Анинский дацан, Бурятия, статуя Майтреи, история статуи, истоки культа

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», No. АААА-А17-117021310267-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке

РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).
Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Тибето-монгольские традиции культа Майтреи в бурятском буддизме: освящение статуи Майтреи в Анинском дацане // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1331–1338. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1331-1338

UDC 294.3+930(093)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1331-1338

Tibetan-Mongolian Traditions of the Maitreya Cult in Buryat Buddhism: Consecration of the Maitreya Statue at Aninsky Datsan

Tsymzhit P. Vanchikova[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate
0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020
© Vanchikova Ts. P., 2020

Abstract. *Introduction.* The article describes an archival document stored at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS) and reviewing the temple's construction and the Maitreya statue's erection at Aninsky Datsan. The study provides insight into origins of the Maitreya cult dating back to ancient India. *Goals.* The paper aims to determine the authenticity of the data reported by Ven. Lodon and trace origins of the Maitreya cult, including those related to the consecration of relics. *Materials*. The essay entitled 'History (Description) of the Burkhan (Bur. 'deity statue') at Big Maidari Aninsky Datsan' was written by Ven. Lodon, ethnic Buryat, in 1915. The former is a *garchak* — inventory list — of various relics and objects embedded inside the statue. The written monument is valuable due to that it contains unique source materials and data on the history of Buddhism in Buryatia which reveal the inner life of the Buddhist monastery and its community, shows the relationships between the monastic *sangha* and lay believers, the Buddhist clergy and state authorities. Materials describing the festive events dedicated to the 1897 consecration of the Maitreya statue and the temple are interesting enough. *Results.* The examined 'History of Burkhan' is important not only because sources on the history of Buryat Buddhism are scarce enough and it gives an opportunity to reconstruct the long and convoluted history of the statue, but also because the original Maitreya statue itself never survived and was dramatically destroyed in the late 1930s.

Keywords: cult of Maitreya, Aninsky Datsan, Buryatia, statue of Maitreya, history of the statue, origins of the cult

Acknowledgements. The reported study was funded by state assignment, project XII.187.1.4. 'Cultural Heritage of the Peoples of Transbaikalia and Adjacent East Asian Regions in the System of Russia's Spiritual Values', no. AAAA-A17-117021310267-5). The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Vanchikova Ts. P. Tibetan-Mongolian Traditions of the Maitreya Cult in Buryat Buddhism: Consecration of the Maitreya Statue at Aninsky Datsan. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1331–1338. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1331-1338

Введение

Культ Грядущего Будды — Будды Майтреи[1], который снизойдет на землю с небес Тушиты как последователь и преемник Будды Шакьямуни, как освободитель живых существ от страданий, который установит справедливое мирное правление — один из наиболее популярных в буддистской традиции. Майтрея как Будда будущих кальп почитается во всех школах буддизма, в разных регионах распространения, принимая присущие им этнокультурные и этноконфессиональные различия. Он восходит к древнеиндийской буддистской традиции, сохранившей сведения о Майтрее, пророчества о котором нашли отражение в ряде древних текстов, как канонических, так и неканонических (подробно см.: [Lancaster 1987; Мягмарсүрэн 2019: 185–198]), изучение которых позволяет рассмотреть историю становления и распространения его культа в разных странах. Общим ядром культа Майтреи для всех буддистских школ являются идеи о том, что он станет последующим чакравартином, который возродит чистоту учения «путем объединения всех верующих из различных школ» [Lancaster 1987] и спасет людей, почитавших его и поклонявшихся ему.

С появлением его культа связана и религиозная церемония круговращения коня или слона вокруг храма, основными целями которого являются приглашение Майтреи спуститься с небес Тушиты и демонстрация готовности к его встрече. С распространением культа Майтреи получило развитие и почитание его изображений.

Изображения Майтреи

Популярность Майтреи среди верующих способствовала появлению огромного количества разных изображений Майтреи, как скульптурных, так и живописных. Самые ранние изображения Майтреи относятся к раннему периоду скульптур Гандхары в Индии, II веку н. э. [Kitagawa 1988: 15].

Майтрея изображается в нескольких формах: стоящим и сидящим, последний вариант в свою очередь бывает сидящим со скрещенными ногами на «алмазном сидении» в позе лотоса и сидящим на троне с ногами, упирающимися на землю. В первом — он изображается как будущий Будда, а во втором — в образе бодхисаттвы, пребывающего на небе Тушиты [Барадин 1924: 10].

Самой известной и самой большой статуей Майтреи является статуя Будды Майтреи в Лэшане, в Китае, высота которой равна 71 м[2].

Традиция возведения статуй Будды, Майтреи и других буддистских божеств и религиозных сооружений и их почитания связана, прежде всего, с древнеиндийской традицией почитания разных типов реликвий, например, физических останков Будды (шарил), закладываемых в ступы. С течением времени и в ступы, и в статуи помимо физических мощей, ассоциируемых с божествами, стали вкладываться молитвы-дхарани и книги, символизировавшие Будду, его речь и учение, сопровождавшиеся обрядами освящения и сакрализации статуй и ступ. Целью этих обрядов было наделение их душой [Bentor 1996a].

Письменные источники культа почитания Майтреи и других религиозных объектов

Особое распространение культ Майтреи получил в тибето-монгольской буддистской традиции, где в каждом монастыре были его скульптурные и/или живописные изображения, регулярно проводились религиозные церемонии. Из-за возникновения большого количества религиозных сооружений появилось множество сочинений на тибетском языке, связанных с обрядами его почитания и правилами возведения статуй и ступ, что потребовало унификации вкладываемых в них религиозных предметов, в связи с чем появился специальный жанр в тибетской

[1] Майтрея (санскр. *Maitreya*, кит. *Mílè*, тиб. *Джамба* (*byams pa*), монг.-бур. *Майдар*, *Майдари* — ‘кроткий, милосердный, сострадательный’) — имя Будущего Будды и бодхисаттвы настоящего времени.

[2] Статуя Будды в Лэшане [электронный ресурс] // Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Статуя_Будды_в_Лэшане (дата обращения: 09.08.2020).

литературе — пособий или руководств по освящению и «оживлению» статуй и других буддистских религиозных объектов, храмов, дуганов и т. д., а также текстов, содержащих список или описание предметов, вкладываемых во внутрь ступ и статуй. Об этом свидетельствует наличие более 200 сочинений на тибетском языке, выявленных Й. Бентор [Bentor 1996б: 299–300].

Согласно текстам, обряд освящения состоит из ряда последовательных действий и обрядов, начиная с ритуалов выбора и испрашивания места для возведения объекта, после чего следуют обряды освящения указанного места. Далее следует сложный многокомпонентный обряд закладывания реликвий в статую, называемый «сун-шуг» (от тиб. *gzungs gzug*), сопровождаемый многими специальными ритуалами, как совершение подношений трону (*mnga' 'bul*), установление стержня во внутрь статуи, называемого «древо жизни» (*srog shing*), омовение статуи (*khrus gsol*), ее одевание, открытие глаз (*spyan dbye*) и др. После завершения работ по заполнению статуи и ее опечатывания начинается обряд освящения «рабнай» (*rab gnas*) [Bentor 1996а: 301].

Примером одного из таких списков является сочинение амдоского монаха Жалкамбо Дагба-Жалцана (1762–1837) «Опись великого Золотого храма и его предметов культа, именуемая лестницей, ведущей на спасительный путь Великой Святости», перевод которого с тибетского языка был выполнен и издан Б. Б. Барадиным в 1924 г. [Барадин 1924: 6][3]. В данном сочинении приводится опись вложенных реликвий и разных предметов в статую Майтреи, находящуюся в знаменитом Золотом храме монастыря Лавран.

Статуи Майтреи в Бурятии

Культ Грядущего Будды — Майтреи один из наиболее популярных в тибето-монгольской буддистской традиции, почти в каждом монастыре были его скульптуры и живописные изображения. Во всех крупных монастырях были специально построенные храмы — Майдар-сумэ для хранения в них скульптур Майтреи.

Одна из наиболее крупных скульптур Майтреи в монголо-бурятском мире находилась в Анинском дацане, расположенном приблизительно в 30 км от Улан-Удэ. Анинский дацан был основан в 1795 г. хоринским тайшой Дамба-Дугаром Иринцеевым (1768–1804). В конце XIX в. на средства, собранные верующими, была возведена медная позолоченная скульптура Майтреи, для которой был построен трехэтажный дуган.

О данной статуе сохранились краткие упоминания в архивных отчетах дацана о движимом и недвижимом имуществе, в устных сведениях местных старожилов, путешественников и ученых. Подробное описание церемонии освящения храма и самой статуи сохранилось в записках Н. Виноградова, миссионера Анинского стана, который 17 октября 1897 г. присутствовал на церемонии освящения сумэ Майдари: «…Против главного входа на середине сумэ на деревянном кресле и резном медном блестящем подножии величаво восседал Майдари. Потупленные глаза идола долженствовали изображать то, что бог этот погрузился в ничуть ненарушимый покой. Отсутствие же бороды и усов долженствовало свидетельствовать о вечной юности бога, а шишка на лбу из дорогого моржана[4] указывала верующим на мудрость его и тот свет учения, который содержится в буддизме и просвещает весь мир.

Майдари в сидячем положении имел более 5 саженей вышины, так что свободного места между головой и крышей оставалось не более одного или двух аршин. На груди и на обеих ногах идола повыше ступни были вставлены корольки из моржанов разных цветов и других недорогих драгоценных камней: малахита, аметиста, аквамарина и т. п. Ногти ног и рук были телесного цвета, голова на затылке прикрывалась шисаром, увешанным кистями. Сверху из благословляющих рук бога спускались длинные и широкие хадаки; правая рука его держала священный цветок падма линхова, т. е. лотос» [Виноградов 1898: 170–178].

[3] Б. Барадин упоминает также 21-го настоятеля монастыря Лавран Гунтан-Данби-Донме (1762–1823), перу которого принадлежит несколько сочинений, таких как «История обряда посвящения» [Барадин 1924: 7–8].

[4] Моржан — коралл. Возможно, слово происходит от тибетского слова *dmar-zang* ‘scarlet-red’ [Das 1902: 982] — ‘пурпурно-красный’.

Это описание храма и статуи Майтреи 1897 г. — самое полное из имеющихся на данное время, тем оно ценно для нашей статьи, предваряя краткую историю возведения и описания обрядов закладывания реликвий во внутрь данной статуи.

Последнее по времени сообщение о статуе Майтреи Анинского дацана содержится в материалах экспедиции, совершенной П. Н. Дамбиновым и Р. С. Мэрдыгеевым в 1927 г., которые в отчете писали: «„Майдар“ — Анинского дацана представляет из себя гигантскую статую с изображением Будущего Будды в сидящем положении. Высота „Майдари“ 5 саж. и 2 вершка [т. е. около 11 м]. Одно ухо этой громадины не меньше роста взрослого человека в натуральную величину. Анинский „Майдар“ считается по величине самым большим из всех „Майдаров“, имеющихся в дацанах бурят-монголов» [Дамбинов, Мэрдыгеев 1927: 64–65]. К сожалению, как пишут участники экспедиции, им не удалось ни сфотографировать, ни зарисовать статью из-за плохого освещения в помещении [Дамбинов, Мэрдыгеев 1927: 64–65]. Тем большую ценность представляет уникальный архивный документ об истории изготовления и водворения статуи Майтреи в Анинском дацане «История (описание) бурхана Анинского дацана „Большой Майдари“», который представляет собой машинописную копию перевода на русский язык со старописьменного монгольского языка, о чем сообщает надпись: «Перевод», напечатанная в верхнем правом углу. Текст на 24 листах, на листах — по 31–32 строк. Бумага пожелтевшая. Текст местами не четкий, имеются исправления [Лодон 1915]. Эта «История» отличается от довольно стандартных исторических сочинений типа «чойджун» (‘История учения’) и других сочинений религиозного содержания тем, что содержит описания бытовых сюжетов, взаимоотношений буддистской церкви с российскими властями. И в то же время в ней встречаются живописные описания приключений, с которыми столкнулись ламы по пути в Долоннор и на обратном пути домой.

Структура и содержание сочинения Текст состоит из Введения (л. 1–2), основной части (лл. 1–23) и заключения (лл. 21–24).

Введение состоит из: а) слов обращения к ламам, ученым и святым с просьбой поклониться и помолиться Майдари, Будде Шигемуни, Дзонхаве и их ученикам и призывания их в Анинский дацан; б) разъяснения цели составления сочинения, а именно: «рассказать, чем заполнены внутренности Майдари»; в) изложения пророчеств о Майтрее.

Основная часть документа, повествующая об истории строительства статуи Майтреи и водворения ее в храме в Анинском дацане, состоит из нескольких разделов:

1. История подготовки к изготовлению статуи Майтреи, описание административных и экономических подробностей.

2. Изготовление и доставка статуи Майтреи в Анинский дацан из Долоннора.

3. Процесс подготовки статуи Майтреи к водворению в дугане и церемония освящения (сбор реликвий и необходимых предметов, процесс закладывания реликвий). Обряды закладывания реликвий, текстов и предметов и их освящения состоят из множества предварительных, подготовительных работ, последовательных ритуалов и обрядов, в зависимости от частей статуи, зачастую длившихся несколько лет.

Предметы для закладывания в статую Анинского Майтреи собирались среди верующих со всей этнической Бурятии, Монголии, Тибета, Китая, Индии. Подробный список вкладываемых предметов, молитв-дхарани и буддистских книг занимает значительную часть документа: с л. 7 по л. 17.

4. **Заключительная часть** — ритуалы освящения (лл. 21–24). После завершения работ по заполнению статуи Майтреи и ее установления в дугане заключительным этапом стало установление на крыше дугана ганжира, который был также заполнен многочисленными книгами, молитвами, изображениями божеств. Л. 22 — сообщение о том, что все внутренние и наружные работы по сооружению статуи и оборудованию дугана были завершены в год красной курицы, в лето от рождения Будды 2778 и от рождения Христа в 1897 г. на 9-й день первого девятого месяца[5]. В этот же день после ритуалов поднесения подношений со-

[5] В тот год было 2 девятых месяца.

стоялось «малое» освящение, выполненное ламой-астрологом, — нанесение краски на глаза статуи, называемое обрядом «открытия глаз», который символизирует оживление или наделение статуи душой, после этого обряда статуя считается просветленной, наделенной мудростью, а не просто предметом из металла или дерева [Bentor 1996a: 36].

На 4-й день второго девятого месяца состоялись большие торжества, посвящённые освящению, официально завершавшие процесс водворения и обожествления реликвии, означавшие присутствие Майтреи среди верующих и защиту их милостью божества, и, как сказано в заключении, «Святое изображение Майдара-бурхана в законченном виде сияло, подобно отражению солнечных лучей на дереве Замбу-модон золотыми лучами [Лодон 1915: 22–23]. На церемонии присутствовали более 1 000 лам из окрестных дацанов и до 20 тысяч верующих светских лиц. На торжестве освящения статуи были организованы конные скачки-бега, в которых приняло участие до 80 лошадей.

5. **Колофон** сочинения (л. 24) повествует о том, что все участники сооружения статуи получат право на второе рождение в загробной жизни в обители Майдар-бурхана и другие милости от всех божеств, помещенных внутрь статуи Майдари. В колофоне сообщается, что оно было написано ламой Лодоном в «год деревянного кролика 15-го числа 6-го месяца 15-го рабджуна во время летнего празднования в честь Майдара», который соответствует 1915 г. Автор завершил свое сочинение пожеланием, чтобы его записи послужили на пользу человечеству и помогли бы ему обрести перерождение в обители Майдари-бурхана, которое он заслужил написанием данных записок [Лодон 1915: 24].

Выводы

Описанная автором история установления статуи и список вложенных в нее предметов свидетельствуют о том, что бурятские ламы, в данном случае анинские, были знакомы с текстами индо-тибето-монгольской традиции освящения религиозных объектов и следовали всем правилам и последовательности совершения всех ритуалов, которые были ими заранее продуманы и скоординированы, хотя список некоторых предметов, вкладываемых во внутрь статуй, мог незначительно варьироваться в зависимости от региональных и временных обстоятельств, благодаря чему успешно были проведены все работы — как подготовительные, так и на завершающем этапе работы по установке статуи и по закладыванию реликвий во внутрь нее. Об этом сам автор «Истории» сообщает, что при освящении статуи руководствовались «указаниями священных книг и руководств по проведению работ» [Лодон 1915: 10], изложенными в сочинениях таких известных буддистских ученых, как Первый Панчен-лама, Пятый Далай-лама, Гунчен-Чжамьян-шадба, Чжанчжа-хутухта Агван-Лубсан-Чойдан и др., подтверждая преемственность индо-тибето-монгольской буддистской традиции. Бурятские и монгольские ламы пользовались также гарчаками монгольских лам, например, сочинением халхаского Хамбо Агван-Хайдуба (1779–1838), входящим в первый том его собрания сочинений [Мөнх-Эрдэнэ 2019: 178].

Это сочинение также свидетельствует о том, что тексты, связанные с освящением реликвий, были предназначены для лам, которые заучивали тексты наизусть: так, автор рассматриваемого сочинения даже через 18 лет смог воспроизвести по памяти огромный список вкладываемых сочинений, предметов и изображений, говоря при этом, что поскольку гарчак был утерян, он воспроизвел список всех предметов по памяти, потому он мог не все упомянуть. Из его неоднократных сообщений видно, что существовал оригинал описи гарчака, который был утерян: «Вследствие потери точного списка всех книг, данные показаны приблизительно. Если в будущем список будет найден, то придется внести в эту книгу некоторые дополнения и поправки [Лодон 1915: 17, 20, 21].

Это огромное мероприятие по строительству храма и возведению статуи Майтреи, задуманное в небольшом бурятском селении, смогло осуществиться только благодаря неустанной деятельности лам и при поддержке населения окружающих сел и всех людей, так или иначе соприкасавшихся с этой инициативой. Невозможно представить, сколько всего людей было задействовано в нем, начиная от сбора по-

жертвований, сбора всех реликвий и предметов для закладывания во внутрь статуи, для строительства храма, сколько мастеров, плотников, художников, печатников, швей для изготовления оберток для книг, заготовителей продуктов, еды, поваров для приготовления пищи и кормления мастеровых и лам, караванщиков, подвозчиков, караульщиков, писарей, переписчиков, экономов, бухгалтеров, учетчиков и многих-многих других. Процесс освящения огромной статуи был чрезвычайно сложным, комплексным, состоявшим из целого цикла взаимосвязанных ритуалов и действий. Это была грандиозная акция и мероприятие не только местного, регионального значения, не только для своего времени, но и по современным масштабам, о чем можно судить по содержанию рассматриваемого документа.

Данное сочинение мы рассматриваем как ценный источник по истории буддизма в Бурятии, как источник, раскрывающий внутреннюю жизнь буддистского монастыря и буддистской общины, показывающий взаимоотношения между буддистским институтом и прихожанами, с учреждениями органов государственной власти. Он свидетельствует о наличии международных связей, не только духовных, религиозных, но и экономических, культурных, торговых, межличностных, об отношениях между людьми разных национальностей, благодаря которым сохранились уникальные сведения о безвозвратно утраченном памятнике буддистской архитектуры и о его роли в жизни бурят.

Источники

Дамбинов, Мэрдыгеев 1927 — *Дамбинов П. Н., Мэрдыгеев Р. С.* Об искусстве бурятских дацанов // Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК). Общий архивный фонд (ОАФ) ИМБТ СО РАН. Д. 375. С. 64–65.

Лодон 1915 — *Лодон.* История (описание) бурхана Анинского дацана „Большой Майдари“ // Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК). Ф. 29. Оп. 2. Д. 1. 24 л.

Sources

Dambinov P. N., Merdygeev R. S. Arts of Buryat Datsans Revisited. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). General Archival Collection. File 375. Pp. 64–65. (In Russ.)

Lodon. History of the Burkhan at Big Maidari Aninsky Datsan. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). Coll. 29. Cat. 2. File 1. 24 p. (In Bur.)

Литература

Барадин 1924 — *Барадин Б.* Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране / Bibliotheca Buddhica XXII. Л.: Российск. госуд. акад. тип., 1924. 98 с.

Виноградов 1898 — *Виноградов Н.* Религиозное торжество ламаизма по поводу святины Анинского «сумэ» в честь Майдари // Прибавления к Иркутским Епархиальным Ведомостям (ИЕВ). 1 апреля 1898 г. № 7. С. 170–178.

Мягмарсүрэн 2019 — *Мягмарсүрэн Г.* Майдар бурханд холбогдох бичгийн эх сурвалжууд (= Источники, связанные с Майтреей) // Шашин соёл судлал. Боть I, дэвтэр 1–19. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. С. 185–198.

Мөнх-Эрдэнэ 2019 — *Мөнх-Эрдэнэ Ц.* Дахин сэргээн бүтээсэн Хүрээ Майдар шүтэнд сүншүг өргөсөн тухай (= О совершении обрядов и подношений вновь возведенной статуе Ургинского Майтреи) // Шашин соёл судлал Боть I, дэвтэр 1–19. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2019. С. 178–184.

Bentor 1996a — *Bentor Y.* Consecration of Images and Stupas in Indo-Tibetan Tantric Buddhism (Brill’s Indological Library, vol. 11). Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. 415 p.

Bentor 1996б — *Bentor Y.* Literature on Consecration (Rab gnas) // Tibetan literature: Studies in Genre / *Essays in Honor of Geshe Lhundup Sopa.* Edited by J. I. Cabezón and R. R. Jackson. Ithaca; New York: Snow Lion, 1996. Pp. 290–311.

Das 1902 — *Das S. Ch.* Tibetan-English Dictionary. Calcutta: Gaurav Publishing house, 1902. 1353 p.

Kitagawa 1988 — *Kitagawa J. M.* The Many Faces of Maitreya // Maitreya, the Future Buddha. Ed. by A. Sponberg, H. Hardacre. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. Pp. 7–22.

Lancaster 1987 — *Lancaster L.* Maitreya. In: *The Encyclopedia of Religion* / Mircea Eliade (ed.). Vol. 9. New York: Macmillan, 1987. Pp. 136–141.

References

Baradiyn B. B. The Statue of Maitreya in the Golden Temple of Lavran. Ser.: Bibliotheca Buddhica. Vol. XXII. Leningrad: Russian State Academic Printing House, 1924. 98 p. (In Russ.)

Bentor Y. Consecration of Images and Stupas in Indo-Tibetan Tantric Buddhism. Ser.: Brill's Indological Library. Vol. 11. Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. 415 p. (In Eng.)

Bentor Y. Literature on consecration (Rab gnas). In: Cabezón J. I., Jackson R. R. (eds.) Tibetan Literature: Studies in Genre. Essays in Honor of Geshe Lhundup Sopa. Ithaca; New York: Snow Lion, 1996. Pp. 290–311. (In Eng.)

Das S. Ch. Tibetan-English Dictionary. Calcutta: Gaurav Publishing House, 1902. 1353 p. (In Tib. and Eng.)

Kitagawa J. M. The many faces of Maitreya. In: Sponberg A., Hardacre H. (eds.) Maitreya, the Future Buddha. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. Pp. 7–22. (In Eng.)

Lancaster L. Maitreya. In: Eliade M. (ed.) The Encyclopedia of Religion. Vol. 9. New York: Macmillan, 1987. Pp. 136–141.

Mönkh-Erdene Ts. Maitreya of Urga: rituals and offerings to the newly reconstructed statue revisited. *Shashin soel sudlal*. Vol. I. No. 1–19. Pp. 178–184. (In Mong.)

Myagmarsüren G. (A list of) Maitreya-related sources. *Shashin soel sudlal*. 2019. Vol. I. No. 1–19. Pp. 185–198. (In Mong.)

Vinogradov N. Lamaist religious festivity in honor of the consecration of Maidari Aninsky Temple. *Pribavleniya k Irkutskim Eparkhial'nym Vedomostyam (IEV)*. 1898, April 1. No. 7. Pp. 170–178. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1339–1348, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1339-1348
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 929.52
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1339-1348

Н. Я. Бичурин в поисках этнической идентичности

Антон Кириллович Салмин[1]

[1] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (д. 3, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-1072-9933. E-mail: antsalmin@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Салмин А. К., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется отношение китаеведа, монголоведа и маньчжуроведа Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа) к своей этнической идентичности. *Цель статьи* — рассмотрение личности Бичурина в контексте его биографии, семьи, родственников, физического портрета, научных достижений и окружения. При этом большое значение имеют завуалированные редкие факты отношения самого Никиты Яковлевича к своему этническому происхождению. *Материалы и методы.* Основными источниками статьи послужили архивные источники и публикации ведущих исследователей-бичуриноведов. *Результаты*. Фигура синолога Иакинфа Бичурина в контексте событий XIX в. продолжает порождать интриги. Среди них — его этническая принадлежность и его отношение к своим корням. Автор статьи на основе архивных и опубликованных источников пытается проследить понятие «этническая идентичность по-бичурински». В статье искомые цели прощупываются в биографии Н. Я. Бичурина, в его семейно-родственных корнях, в его физическом портрете, фактах научной деятельности, во взаимоотношениях с друзьями, в поиске его потомков и в отношении общества к его личности. Слабое проявление этнической идентичности в жизнедеятельности Н. Я. Бичурина объясняется тем, что он был вольнодумцем, но в рясе, что не позволяло в XIX в. подчеркивать этническую принадлежность. Кроме того, на его психологию давили такие неприятные факты биографии, как арест, тюрьма и заточение в келье. В понимании Н. Я. Бичурина идентичность — это способность достичь высот в науке, будучи инородцем.
Ключевые слова: XIX век, Н. Я. Бичурин, этнография, религия, идентичность, чуваши
Благодарность. Исследование выполнено по плану НИР Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».
Для цитирования: Салмин А. К. Н. Я. Бичурин в поисках идентичности // Oriental Studies. Т. 13. № 5. С. 1339–1348. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1339-1348

UDC 929.52
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1339-1348

N. Ya. Bichurin: In Search of Ethnic Identity

Anton K. Salmin[1]

[1] Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-1072-9933. E-mail: antsalmin@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Salmin A. K., 2020

Abstract. *Introduction.* The article contains analysis of the attitude of the Sinologist, specialist in Mongolian and Manchu studies Nikita Yakovlevich Bichurin (Ven. Hyacinth) to his ethnic identity. *Goals.* The study aims to consider N. Bichurin's personality in the context of his biography, family, relatives, physical appearances and character, scientific achievements and environment. The veiled rare facts of the attitude of Nikita Yakovlevich to his ethnic origin are as essential. *Materials and Methods.* The work focuses on archival sources and publications of leading researchers to have investigated N. Bichurin's life and activities. The figure of Sinologist Hyacinth Bichurin in the frame of 19th-century events remains as intriguing as ever, the latter to include his ethnic backgrounds and personal attitude to his roots. The article analyses archival and published sources to outline the concept of 'ethnic identity according to Bichurin'. The sought objectives are detected in Bichurin's biography, family roots, physical features, facts of scientific activity, relations with friends, search for his offspring and in the attitudes of the society to his personality. The low manifestation of ethnic identity in Bichurin's life and activities is explained by the fact that he was a free — though ordained — thinker, which made it impossible to emphasize ethnic identity in the 19th century. In addition, such unpleasant facts of his biography as arrest, imprisonment, and confinement in a cell would repeatedly put him under psychological pressure. Identity was understood by Bichurin as an ability to touch the height in science while being a foreigner.

Keywords: 19th century, N. Ya. Bichurin, ethnography, religion, identity, Chuvash
Acknowledgements. The reported study was conducted according to the Research Plan ('Factors of Ethnocultural Identity') of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS.
For citation: Salmin A. K. N. Ya. Bichurin: In Search of Ethnic Identity. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1339–1348. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1339-1348

«В каждом народе есть те, кто жаждет благ цивилизации, и те, кто главным благом почитает свое этническое достоинство»
[Головнёв 2004: 28]

Введение

Помимо архивного наследия и публикаций самого Н. Я. Бичурина, в XIX в. о великом синологе появились работы Н. С. Щукина [Щукин 1857], П. С. Адорацкого [Адорацкий 1886], В. К. Миротворцева [Миротворцев 1886] и Н. С. Моллер [Моллер 1888]. Среди современных исследователей, прежде всего, следует назвать академика РАН В. С. Мясникова [Мясников 1986; Мясников 1996]. В последние годы активно работали в этом направлении чувашские исследователи В. Г. Родионов [Родионов 1991], П. В. Денисов [Денисов 2007] и В. Д. Димитриев [Димитриев 2002]. В отличие от предшественников, автор этих строк пытается прощупать одну проблему — это

отношение самого Н. Я. Бичурина к своей этнической принадлежности. Задача оказалась очень тонкой и завуалированной.

Материалы и методы

Основными источниками статьи послужили архивные источники и публикации ведущих исследователей-бичуриноведов. Это — материалы Института восточных рукописей РАН, Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга, а также ценнейшие публикации П. В. Денисова [Денисов 2007], В. Д. Димитриева [Димитриев 2002], В. К. Миротворцева [Миротворцев 1886], Н. С. Моллер [Моллер 1888], В. Г. Родионова [Родионов 1991] и Н. С. Щукина [Щукин 1857].

Краткая биография

Выдающийся синолог, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) родился 29 августа 1777 г. в с. Акулево (по-чуваш. *Шемшер*) Цивильского уезда Казанской губернии (ныне входит в Чебоксарский район Чувашской Республики).

Образование Никита получал в Свияжске и Казани. В Свияжске новокрещенская школа была открыта в 1732 г. Обучались в основном чувашские дети, ибо в то время в уезде 70 % населения составляли чуваши. В 1745 г. здесь в числе 52 учеников было 35 детей из чувашей. В Казани новокрещенская школа открылась в 1722 г. Размещалась она, как и духовная семинария, в Зилантовском монастыре. В 1738 г. в школе обучалось 183 учащихся. Сведения о Казанской новокрещенской школе, приписанной к духовной семинарии, оставили великие путешественники И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер, побывавшие здесь в 1733 г. Они имели беседу с учителем В. Г. Пуцеком-Григоровичем, видели учеников из чувашей, черемисов, мордвы, калмыков и татар. Дети прочитали гостям стихи на русском языке [Димитриев 2002: 17–19; Салмин 2019: 55–63].

Восьмилетний Никита поступает в училище нотного пения в г. Свияжске. В 1786 г. переходит в Казанскую семинарию. В 1798 г. семинарию преобразовывают в духовную академию. Здесь он научился изъясняться на латинском, греческом, французском и немецком языках. Как сам признавался позже, английский язык он не знал. Обучался грамматике, синтаксиме[1], поэзии, реторике[2], географии и истории. Кроме того, писал стихи на русском и греческом языках, хорошо рисовал. В ведомости Казанской духовной академии за 1793 г. записано, что за обучение Никиты Пичуринского платил его отец священник Яков Данилов [РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 566. Л. 7, 9, 13].

Во время учебы на мальчика обращает внимание епископ Казанский и Свияжский Амвросий Подобедов. При его явной и косвенной поддержке Никита Яковлевич быстро поднимается по карьерной лестнице: учитель грамматики → монах Иакинф → иеромонах → управление Казанским монастырем → ректор Иркутской духовной семинарии → преподаватель Тобольской семинарии. В Сибири Н. Я. Бичурин интересуется историей и этнографией местных народов [РГИА. Ф. 796. Оп. 81. Д. 346. Л. 1; Бичурин 1855: 666; Мясников 1996: 124].

По ходатайству А. Подобедова о. Иакинф возглавил духовную миссию в Пекине. Пробыв на этой должности до 1821 г., Н. Я. Бичурин изучил основные языки региона (китайский, монгольский и маньчжурский). А также составлял словари, переводил исторические памятники, собирал собственную библиотеку. На родину за Н. Я. Бичуриным следовал караван из 15 верблюдов, нагруженных тюками весом 400 пудов с книгами, рукописями, картами и рисунками. Все это он собирал и покупал по своей инициативе на рынках и лавках. В 1824 г. основной Бичуринский фонд был подарен Публичной библиотеке. В Петербург Н. Я. Бичурин прибывает 17 января 1822 г. Его сразу же помещают в келье Александро-Невской лавры. К этому времени на него заводят дело за «многочисленные согрешения» в Пекине [Бичурин 1855: 673; Мясников 1996: 130; Димитриев 2002: 6].

Проект Императорского указа на о. Иакинфа был составлен руководителем 10-й миссии архимандритом Петром (П. И. Каменским) 14 мая 1821 г., т. е. за день до выезда Н. Я. Бичурина из Пекина. В частности, в нем указывалось на «противозаконные поступки и злоупотребления

[1] Так в документе.

[2] Так в документе.

архимандрита Иакинфа и других членов, прежнюю Пекинскую миссию составлявших» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413. Л. 1–3]. «Архимандрит Петр явно игнорировал достижения Н. Я. Бичурина в области научного познания Китая и с первых же дней своего пребывания в Пекине предвзято относился к его многолетней деятельности в должности начальника духовной миссии» [Денисов 2007: 88].

По указу царя Александра I о. Иакинфа отправляют в Валаамскую монастырскую тюрьму. Его лишили санов, однако оставили в монашестве и не отлучили от духовного ведомства. Но Никита Яковлевич и здесь продолжил упорную научную деятельность. На Валааме он пробыл с 25 августа 1823 г. по 1 ноября 1826 г.

В келье Духовной академии о. Иакинф продолжил научные изыскания. Здесь у него были две комнаты с кухонной плитой, диваном и рабочим столом. На стене висели два его портрета. Вел он уединенную жизнь со своим строгим режимом. Усиленно занимался обработкой незаконченных трудов [Бичурин 1855: 667; Моллер 1888: 291; Денисов 2007: 291].

За две недели до смерти о. Иакинф внес в Александро-Невскую лавру 300 рублей серебром на прижизненное поминовение, а также на упокоение отца и матери [РГИА. Ф. 815. Оп. 9. Д. 77. Л. 3–4].

Чудовищными оказались последние дни неутомимого синолога. Об этом строки из воспоминаний внучатой племянницы Н. С. Моллер: «При виде дедушки я невольно содрогнулась… Посинелые губы его едва слышно прошептали:

– Обижают... не кормят... забыли... не ел...

На дедушке была надета грязная, быть может, неделями не переменяемая, рубаха, по которой ползали насекомые. Наволоки на подушках, простыни — все было грязно и воняло. Закрыт он был каким-то стареньким, ситцевым одеялом, из которого местами висели клочья ваты. Желая поправить свесившуюся на бок простыню, я приподняла одеяло и отшатнулась, пораженная зловонием» [Моллер 1888: 558–559].

Скончался Никита Яковлевич 11 мая 1853 г. Все оставшееся имущество о. Иакинфа осталось Лавре, так как он как монашествующий не имел права составить завещание.

Корни и родственники

Дед Никиты — чуваш Данил Семенов — был служителем церкви. Родился примерно в 1722–1724 гг. Историк В. Д. Димитриев полагал, что Данил Семенов обучался в числе чувашских детей в новокрещенской школе в Свияжске или при Зилантовском монастыре. Служил дьяконом Сретенской церкви с. Чемурша Чебоксарского уезда. В 1770 г. был назначен дьяконом Успенской церкви с. Акулево. Отец Никиты — иерей Иаков (Яков) Данилов (1750–1805 гг.). Решение о пострижении его в монахи в Чебоксарском Троицком монастыре принято в 1801 г. В последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком монастыре и Владимирской церкви в Чебоксарах. Женат был на неграмотной Акелине (1750?–1797? гг.), ее национальность не выяснена.

В Казанской семинарии Никита получил фамилию Бичурин по названию села Бичурино (по-чуваш. *Шĕнерпуç*, ныне входит в Мариинско-Посадский район), где в это время жил и работал его отец. Брат Никиты — Илья Фениксов (1791 г. р.) обучался в Казанской духовной академии. Однако на предпоследнем курсе он добился отчисления и добровольно вступил в гусарский полк. Сестра Татьяна рано осталась без мужа. Жила с дочерью Натальей в Симбирской губернии. Никита Яковлевич постоянно помогал сестре и племяннице деньгами. Кровными тетями Никиты по линии сестер отца являлись Дарья и Варвара Даниловы. Муж Дарьи — Василий Прокофьев — был священником Казанско-Богородицкой церкви с. Абашево. Являлся фактической опорой рода Бичуриных [РГИА. Ф. 796. Оп. 81. Д. 1051. Л. 52; РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 260. Л. 3; Димитриев 2002: 16–17].

Петр Стефанов, поменявший фамилию на Вишневский (1778–1822 гг.), был сокурсником Никиты. Служил священником в Чебоксарском и Ядринском уездах. Его сыновья, отлично владевшие чувашским языком, получили достойное образование. Наиболее близкие отношения у Никиты Яковлевича были с Виктором Петровичем Вишневским (1804–1888 гг.). Виктор родился в с. Сугут-Торбиково Ядринского

уезда. Получил образование в Казанской духовной семинарии и Московской славяно-греко-латинской академии. Затем он стал профессором по философии, обучал студентов чувашскому и марийскому языкам. По совету Никиты Яковлевича Виктор Петрович занялся изучением этнографии и языка чувашей. Издал книгу «О религиозных поверьях чуваш». Известно, что Н. Я. Бичурин в 1835 г. подарил Виктору Петровичу свою книгу «Китайская грамматика». В ответ В. П. Вишневский в 1836 г. издал и подарил Н. Я. Бичурину свою книгу «Начертание правил чувашского языка и словарь». В 1848 г. Н. Я. Бичурин пишет В. П. Вишневскому, что желает свои книги и карты подарить Казанской духовной академии. В. П. Вишневский в ответ сообщает, что ректор поручил заниматься оформлением дара ученику Бичурина отцу Палладию. «Практикант Вишневского должен был принять от Палладия все материалы и отправить в Казань» [Димитриев 2002: 50]. В начале 1849 г. дарственное наследие Н. Я. Бичурина было доставлено адресату. Следует добавить, что Виктор Петрович был женат на племяннице Н. Я. Бичурина.

Брат Виктора Петровича Матвей Петрович Вишневский (1813–1886 гг.) обучался в Казанской духовной семинарии. Работал в духовном училище, священником в с. Сугут-Торбиково. Женат на племяннице Бичурина Александре Васильевой (Талиевой). Состоял в переписке с Н. Я. Бичуриным. Одного из своих сыновей назвал Иакинфом, возможно, в честь Н. Я. Бичурина.

Василий Иванович Талиев (1777–?) — пономарь с. Яндашево. Женат на двоюродной сестре Н. Я. Бичурина Марии Васильевой. Родной брат П. И. Талиева. Петр Талиев учился в Казанской духовной семинарии с Никитой на одном курсе. Известен как переводчик и автор церковных книг на чувашском языке. Он также преподавал в семинарии французский язык. Андриян Васильевич Талиев — сын Василия Ивановича Талиева, священник Ядринской церкви. Вел переписку с Н. Я. Бичуриным в 1844–1849 гг. В частности, он писал: «Я буду внук покойного Василия Прокофьевича, иерея Абашевского, от дочери его Марии Васильевой, выданной за иерея в село Яндашево Чебоксарского уезда Василия Иванова. Ваша родственница, двоюродная сестра Мария Васильева, моя родительница, теперь гостит у меня… С нетерпением будем ждать того времени, в которое Вы вздумаете посмотреть на свою родину, и я первый льщу себя надеждой увидеть Вас, ибо в проезд на Вашу родину или в Казань нельзя миновать нашего города» [Димитриев 2002: 42].

Александр Васильевич Карсунский (1779–1827 гг.) — двоюродный брат Н. Я. Бичурина. Карсунский — сын родной сестры матери Никиты, Анны Степановой. В Казани юноши были влюблены в Татьяну — дочь дворянина Саблукова. Она предпочла Сашу и вышла за него замуж. Александр Васильевич также закончил Казанскую духовную академию. Работал учителем математики, немецкого языка и красноречия. Затем переехал в Петербург с семьей. Стал дворянином, имел свой дом. Вместе с супругой растили дочь Софью, которая вышла замуж за С. П. Мицикова. У Мициковых росла дочь Надежда Степановна (Моллер). О родственнике и друге Александре Н. Я. Бичурин думал всегда. Так, возвращаясь из Пекина Петербург, он в августе 1820 г. из Кяхты пишет казанскому протоиерею Б. Г. Поликарпову и интересуется судьбами Карсунского и брата Ильи Фениксова. После смерти Александра Васильевича Бичурин сохранил дружеские отношения с семьей Карсунских. Из переписки Н. Я. Бичурина и В. П. Вишневского: «возникает подозрение в том, что Н. Я. Бичурин после 1827 г. мог вступить внецерковный гражданский брак с Татьяной Лаврентьевной» [Димитриев 2002: 45].

Помимо кратких отлучек из Лавры, Н. Я. Бичурин часто выезжал на жительство к Карсунским. В его записной книжке сохранился адрес друга: Гороховая улица, 74. После смерти мужа для Татьяны Лаврентьевны Никита Яковлевич стал самым дорогим человеком. А в семье ее дочери Софьи Александровны Мициковой его начали звать дедушкой.

На своей книге «Китай, его жизнь, нравы, обычаи, просвещение» Н. Я. Бичурин не поставил свое имя как автора, а написал имя издательницы Мициковой. Согласно воспоминаниям Надежды Моллер (Мициковой,

1843–1907 гг.), Н. Я. Бичурин ушел в монашество из-за безответной любви к Саблуковой и сохранил эти чувства до конца жизни. Многократные попытки снять сан монашества заканчивались безуспешно. А в такой ситуации говорить о законном браке было невозможно. В 1840 г. скончалась и Татьяна Лаврентьевна [ИВР РАН. Ф. 7. Д. 38. Л. 108; РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 566. Л. 14об., 16–17; Моллер 1888: 277].

В дни вакаций Никита в каждый раз приезжал из Казани к родителям. Но скончалась мать, а затем и отец. Общался с сестрами Татьяной и Матреной, братом Ильей. Помогал им как мог. Они вместе ездили к родственникам в гости. Бывал в родных местах и позже по пути на Восток. В 1838 г. посетил могилы родителей. Переводил деньги больной сестре Татьяне и племяннице Наталье [Димитриев 2002: 15, 27, 24].

После Валаамской ссылки Н. Я. Бичурин часто выезжал из кельи в Мурино (ныне город, плотно прилегающий к Санкт-Петербургу). Тогда здесь размещались дачи. В Мурино был двухэтажный дом Александра Карсунского. На втором этаже комнату с балконом занимал Н. Я. Бичурин. Село в целом принадлежало графу М. С. Воронцову. Муринский период жизни Н. Я. Бичурин хорошо запечатлен в воспоминаниях внучатой племянницы Надежды. Во время смерти Никиты Яковлевича ей было 6–7 лет. Они часто общались, совершали прогулки в Лесное, Гражданскую, ездили в Парголово, Юкки, Осиновую рощу, Токсово, Рябово.

Портрет и характер Никиты Яковлевича

«Мать моя передавала мне, что в первый раз она увидела отца Иакинфа в начале 1820-х годов, когда он только что возвратился из своей первой поездки в Китай. По словам ее, в то время он был очень красив собой и совершенный брюнет» [Моллер 1888: 282]. Это — сразу же после Пекина.

Остальные фиксации относятся к послепекинской жизни в Петербурге [Щукин 1857: 125; Моллер 1888: 276, 282]. Портрет составляется детальный. Рост — выше среднего, худощавого телосложения, держался прямо. В лице улавливалось что-то азиатское, бледного цвета, худое, но выразительное. Впалые щеки, немного выдающиеся скулы. Глаза карие, большие, живые, блестящие и умные. Брови черные густые, между бровями морщина. Лоб открытый большой. Около рта морщины. Губы довольно толстые. Волосы темно-русые, со значительными проседями. Борода почти белая, густая, длинная. Но о нем есть отличающиеся впечатления: борода редкая, клином. Видимо, речь идет о разных годах. При разговоре Н. Я. Бичурин, как и многие жители Среднего Поволжья, окал. Характер — вспыльчивый. Не любил, когда его отвлекали от занятий. Движения его были быстрыми. «Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих» [Моллер 1888: 283]. У него была отличная память, обладал чрезвычайно живой натурой [Адорацкий 1886: 3]. Хорошо рисовал, что помогло ему самому составлять карты и делать рисунки с натуры. Любил музыку, особенно много слушал игру на фортепиано.

Научные достижения

Как верно отметил П. В. Денисов, правилом жизни Н. Я. Бичурина был ежедневный упорный труд [Денисов 2007: 93]. Он не изменял своему режиму в самых трудных жизненных ситуациях: в Казани, в Сибири, в Пекине, на Валааме и в Петербурге. Не прекращалась научная работа в заточении Валаамском монастыре, в келье Александро-Невской лавры и в Мурино на даче у родственников. Парижский журнал «Nouvelles annales des voyages» еще в 1824 г. выражал удивление: «Нельзя понять, как один человек мог написать (produire) столько сочинений, сколько едва ли успело бы в такое время целое ученое общество» [Спасский 1825: 397].

Говоря о научных достижениях Никиты Яковлевича, достаточно назвать то, что он стал членом-корреспондентом РАН и четыре раза стал лауреатом Демидовской премии. Действительно, труды Иакинфа Бичурина оценены достойно. Хотя по факту он достоин большего, в том числе по академическому званию. Оказавшись на Валааме «в награду за труды», он с чувством исполненного долга говорил: «Ежели отдавать самому себе справедливость, не противную скромности... целые тринадцать лет занимаясь познанием Китая, я один сделал в пять

крат более, нежели все прошедшие миссии в течение ста лет, успехи» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413. Л. 133–134]. После определения его сотрудником Азиатского департамента Министерства иностранных дел закипела работа над подготовкой и изданием книг о странах и народах Востока. Цензоры не успевали читать его новые сочинения. Многие книги Бичурин издавал за свой счет (а это значительно затрудняло в жизни) и за счет поддержки добрых знакомых.

В целом, следует соглашаться с В. Г. Родионовым, что «своим неутомимым трудом Бичурин прорубил дверь … на Восток» [Родионов 1991: 21].

Друзья

Дружба между Н. Я. Бичуриным и А. С. Пушкиным, начавшаяся в 1827 г. на дне рождения поэта в литературном салоне Н. М. Карамзина, продлилась до самой смерти Александра Сергеевича. Никита Яковлевич много рассказывал ему о Китае, Монголии, Сибири и особенно — о Пугачевском восстании. А. С. Пушкину понравились подробные факты из жизни народов Поволжья. В частности, в «Капитанской дочке» есть такие строки: «По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, лодка моя толкнулась о плывучую виселицу… Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти» [Пушкин 1978: 362].

В библиотеке поэта сохранились две дарственные книги Н. Я. Бичурина. На книге «Описание Тибета» сделана надпись: «Милостивому государю моему А. С. Пушкину от переводчика в знак истинного уважения». Увлеченный восточной тематикой, А. С. Пушкин собирался побывать в Китае. Но Николай I ему отказал. Причина — возможная встреча со ссыльными декабристами.

В числе близких друзей Н. Я. Бичурина был принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Например, он посещал исследователя в Мурино. Они здесь за чаем вели «серьезный и долгий разговор» [Моллер 1888: 298].

В числе друзей и покровителей — барон, служитель Министерства иностранных дел и большой поклонник восточных языков П. Л. Шиллинг фон Канштадт. Это он сумел повлиять на высочайшие власти, вытащить монаха из Валаама и причислить к Азиатскому департаменту.

Н. Я. Бичурин был близко знаком с декабристами братьями Н. А. и М. А. Бестужевыми, И. И. Пущиным, а также с В. Г. Белинским. Будучи в Кяхте, Иакинф встретился с Н. А. Бестужевым и получил от него четки, изготовленные из кандалов, а также железный крестик. Н. А. Бестужев является автором двух акварельных портретов ученого. Эта дружба дорого обошлась Никите Яковлевичу. Она стала причиной того, что царь не соизволил выпустить ученого из кельи.

Никита Яковлевич был знаком и состоял в переписке с Казанским этнографом В. А. Сбоевым, окончившим в 1833 г. Петербургскую духовную академию и изучавшим чувашей. Оставшись сиротой, В. А. Сбоев воспитывался у родственника, священника Введенской церкви Чебоксарского уезда И. С. Протопопова. Владел чувашским языком.

Сокурсник и друг Н. Я. Бичурина Алексей Михайлович Алмазов служил дьяконом в Симбирской губернии. По его настоянию среди прихожан стали вести проповеди на родном языке. Он является автором книги на чувашском языке «Слово о христианском воспитании детей».

У простого и доступного Н. Я. Бичурина было много настоящих друзей. Это — княгиня З. А. Волконская, А. И. Герцен, И. И. Панаев, М. И. Глинка, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, М. П. Погодин, И. А. Крылов, К. П. Брюллов, И. И. Пущин. А с О. И. Сенковским, автором исследований о чувашах, он избирался в члены-корреспонденты РАН в один день.

Сын

Как известно, Н. Я. Бичурин не был женат.

Тайные, но сокровенные мысли содержат строки из письма, отправленного из Валаамской монастырской тюрьмы к неизвестному человеку в январе 1824 г. В этом письме Н. Я. Бичурин на редкость решается говорить (хотя и намеками) о себе. «От двадцатого до тридцатого года жизни я вел себя весьма рассеянно, и укоризны, каковые ныне я себе делаю за прошедшие легкомысленные поступки, тягостнее для меня, нежели настоящее несчастье» [ИВР РАН. Ф. 7. Д. 38. Л. 110–110об.]. В связи с этим письмом

академик РАН В. С. Мясников рассуждает: «Зная факты его биографии, можно предположить, что, действительно, он пережил в Иркутске еще до поездки в Китай сильное увлечение. И упоминаемое в обвинительном заключении письмо от женщины, которая родила ему ребенка, письмо, от которого Н. Я. Бичурин не отказался, было связано именно с этим периодом его жизни… Для нас же эта деталь важна тем, что, вполне вероятно, ныне где-то здравствуют прямые потомки Никиты Яковлевича» [Мясников 1986: 135]. В Иркутске Н. Я. Бичурин находился в 1802–1806 гг. Именно об этих годах и идет речь, когда Н. Я. Бичурин говорит о своем «весьма рассеянном» поведении.

Из следственного дела выясняется, что от иркутской женщины у Никиты Яковлевича родился сын [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413]. Назвали его Александром. Видимо, назван был в честь родственника и друга Александра Карсунского. Но мальчик умер в возрасте 9 лет.

«Чувашин»

Для многих большой загадкой является факт сокрытия Н. Я. Бичуриным своей национальной принадлежности, т. е. этнической идентичности. По крайней мере — вне Чувашии. В анкетах он обычно писал: «великоросс». Объяснение такому поступку довольно простое: духовные лица не указывали тогда свое инородческое происхождение (раз ты священник, православный, значит, русский). Кроме того, мать Никиты, скорее всего, была русской. Следует отвести и довод о том, что Никита — внебрачный сын Подобедова, так как Никита родился в 1777 г., а Подобедов появился в Казани в 1785 г.

Историк В. Д. Димитриев на этот аспект в биографии ученого также обратил внимание. В частности, он писал: «А в Петербургском обществе знали, что Бичурин — чуваш. В 1847 г. анонимно был издан отдельной книжкой водевиль „Натуральная школа“… В нем, среди других, выведен образ бывшего семинариста Агафона Терентьевича Чувашина, который был убежден, что истинное просвещение должно прийти не с Запада, а с Востока, „отколе восходит дневное светило“. Прототипом этого героя под фамилией Чувашин был Н. Я. Бичурин… Автор водевиля называет А. Т. Чувашина семинаристом, зная, что Н. Я. Бичурин обучался в семинарии. В том же водевиле другой персонаж, Кубышкин, обращается к А. Т. Чувашину: „Да вот что худо, любезный, вы с сестрицей-то русские?“» [Димитриев 2002: 9–10]. В этом же водевиле А. Т. Чувашин о себе заявляет: «Чистой славянской породы». Таким способом автор как бы издевается над прототипом Чувашина.

Да и физический тип его имел все признаки «чувашина». Сюда же можно добавить имя семинариста Агафона Чувашина, весьма напоминающего Иакинфа-«чувашина». Впрочем, говорить, что он в Петербурге скрывал свое происхождение, тоже неверно. Например, он же сообщил Н. С. Щукину чувашское название своего села.

«Секрет» сокрытия национальности очень прост. Юридически и теоретически инородцы имели такие же возможности для учебы и карьерного роста, как и русские. Но нерусские в дореволюционной России чрезвычайно редко пробивались «в люди». По этому поводу вернее всего рассуждения историка Б. Н. Миронова: «У неграмотного чуваша, мордвина или калмыка из глухого села, как правило, не было мотивации стать генералом, а если мотивация появлялась, то он им становился» [Миронов 2003: XIX]. Как будто сказано о Н. Я. Бичурине. Или о калмыке Басане Бадьминовиче Городовикове, ставшем и генералом, и Героем Советского Союза. Смысл жизни Никиты Яковлевича в нашем понимании состоял в том, чтобы доказать всему миру, что и чуваш может, при старании, достичь высот в науке. Но в то же время он как дитя своего временискрывал от светил свое происхождение, ибо это априорно могло вызвать недоверие или, в лучшем случае, снисхождение. Зная свой потенциал, он дорожил своими возможностями. Н. Я. Бичурин не был человеком монашеских наклонностей, в то же время он хорошо знал и ценил свои достоинства [Миротворцев 1886: 411].

Пример Н. Я. Бичурина (как и архитектора XVIII в. Петра Егорова, во всех официальных бумагах заявлявшего, что он — «чувашин») стал заразителен для последующих поколений, понимающих, что скрывать свое национальное происхождение — не спасение во всех бедах, а иногда национальная принадлежность является и преимуществом.

Ныне в некрополе Александро-Невской лавры покоится прах великого синолога. На черном граните — китайские иероглифы: «Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на анналы истории». Намогильный памятник со временем пришел в плачевное состояние. Однако земляки позаботились и привели его в порядок. У памятника всегда цветы от благодарных соплеменников. В его честь проводятся конференции, выставки, лекции, издаются статьи и книги.

Заключение

Следуя принципам Никиты Яковлевича Бичурина, автор этих строк не стал разбрасываться терминологиями об идентичности. Идентичность, в частности этническая идентичность по-бичурински, это — не выставлять свое происхождение (этническое, сословное, духовное, имущественное), а творить так, чтобы люди и потомки могли сказать: «Да, он был чуваш, но достиг почти невозможного». Поэтому о нем можно уверенно сказать, что он помнил свои корни, дорожил ими. Н. Я. Бичурин видел мир, общался со всеми социальными слоями. Терпел унижения, стойко выдерживал испытания, помогал нуждающимся. Он символизировал собой пример трудолюбия, аскетизма и самодисциплины. Но он был человеком своего времени. А это не позволяло кичиться этничностью, тем более — человеку в рясе. Он всю свою жизнь искал себя, свою идентичность-самобытность, как бы говоря сам себе: «Какой пример я оставлю после себя?». А это уже гражданская позиция и гражданская идентичность. И, конечно, по жизни он торопился, ибо в создававшихся вокруг него ужасных ситуациях ему необходимо было еще умудриться сохранять и приумножать свою идентичность.

Источники

ИВР РАН — Архив Института восточных рукописей. Ф. 7. Д. 38 — Бичурин (о. Иакинф) Никита Яковлевич. 1777–1853 гг.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Ф. 796. Оп. 74. Д. 566 — Канцелярия Синода: Об учителях Казанской семинарии. 1793 г.

Оп. 81. Д. 346 — Канцелярия Синода: По доношению Серапиона, архиепископа Казанского, о пострижении в монашество учителя Никиты Пичуринского. 1800 г.

Оп. 81. Д. 1051 — Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода: 1800 г.

Оп. 82. Д. 260 — Канцелярия Синода: По донесению Серапиона, архиепископа Казанского, о пострижении находящихся в разных монастырях десяти послушников в монашество. 1801 г.

Ф. 815. Оп. 9. Д. 77 — Фонд Александро-Невской Лавры. 1850–1871 гг.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413 — Дело о пекинских миссионерах, возвратившихся в Россию. 1821–1822 г.

Sources

Central State Historical Archive of St. Petersburg. Coll. 19. Cat. 120. File 413: Members of the Russian Orthodox Mission in Beijing That Returned to Russia. 1821–1822. (In Russ.)

Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Archives. Coll. 7. File 38: Bichurin (Ven. Hyacinth), Nikita Yakovlevich. 1777–1853. (In Russ.)

Russian State Historical Archive. Coll. 796. Cat. 74. File 566: Chancellery of the Synod. Lecturers of Kazan Theological Seminary. 1793. (In Russ.)

Russian State Historical Archive. Coll. 796. Cat. 81. File 1051: Chancellery of the Most Holy Governing Synod. 1800. (In Russ.)

Russian State Historical Archive. Coll. 796. Cat. 81. File 346: Chancellery of the Synod. Report by Ven. Serapion, Archbishop of Kazan, on the Tonsure (Haircut) of Teacher Nikita Pichurinsky. 1800. (In Russ.)

Russian State Historical Archive. Coll. 796. Cat. 82. File 260: Chancellery of the Synod. Report by Ven. Serapion, Archbishop of Kazan, on the Tonsure (Haircut) of Ten Novice Monks from Different Monasteries. 1801. (In Russ.)

Russian State Historical Archive. Coll. 815. Cat. 9. File 77: Collected Documents of Saint Alexander Nevsky Lavra. 1850–1871. (In Russ.)

Литература

Адорацкий 1886 — [*Адорацкий П. С.*] И. Н. А. Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд). Казань: Имп. ун-т, 1886. 125 с.

Бичурин 1855 — *Бичурин Иакинф* (Автобиографическая записка) // Ученые записки Академии наук по I и III отделениям. Т. III. СПб.: Имп. АН, 1855. С. 665–672.

Головнёв 2004 — *Головнёв А. В.* Парадоксы народоведения // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. 2004. № 2. С. 28–33.

Денисов 2007 — *Денисов П. В.* Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 334 с.

Димитриев 2002 — *Димитриев В. Д.* Востоковед Н. Я. Бичурин и Чувашия. Чебоксары: Ин-т туризма и сервиса, 2002. 59 с.

Миронов 2003 — *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2003. 548 с.

Миротворцев 1886 — *Миротворцев В. К.* К биографии Иакинфа Бичурина // Православный собеседник. 1886. № 8. С. 410–426.

Моллер 1888 — *Моллер Н. С.* Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки // Русская старина. 1888. Т. 59. С. 272–300, 525–560.

Мясников 1986 — *Мясников В. С.* Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 131–138.

Мясников 1996 — *Мясников В. С.* Избрание Н. Я. Бичурина в Академию наук // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 124–132.

Пушкин 1978 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 6. Л.: Наука, 1978. 577 с.

Родионов 1991 — *Родионов В.* По пути к храму // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти: поэзия, статьи, очерки, письма / сост., предисл. и коммент. В. Г. Родионова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. С. 3–22.

Салмин 2019 — *Салмин А. К.* И. Г. Гмелин и его роль во Второй Камчатской экспедиции на территории Казанской губернии // Былые годы (Bylye Gody): Российский исторический журнал. 2019. № 1. С. 55–63. DOI: 10.13187/bg.2019.1.55

Спасский 1825 — *Спасский Г. И.* (подг. к изд.) О Российской Духовной миссии в Пекине // Азиатский вестник. 1825. Июль – декабрь. С. 391–399.

Щукин 1857 — *Щукин Н. С.* Иакинф Бичурин // Журнал Министерства иностранных дел. Ч. XCV. 1857. № 9. С. 111–126.

References

[Adoratsky P. S.] I. N. A. Ven. Hyacinth Bichurin: A Historical Essay. Kazan: Imperial Kazan University, 1886. 125 p. (In Russ.)

Bichurin, Ven. Hyacinth. Autobiographical note. In: Scholarly Notes of the Academy of Sciences. Departments I and III. Vol. III. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1855. Pp. 665–672. (In Russ.)

Denisov P. V. A Word about Monk Hyacinth Bichurin. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2007. 334 p. (In Russ.)

Dimitriev V. D. Orientalist N. Ya. Bichurin and Chuvashia. Cheboksary: Institute of Tourism and Service, 2002. 59 p. (In Russ.)

Golovnev A. V. Paradoxes of ethnic studies. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN: Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 2004. No. 2. Pp. 28-33. (In Russ.)

Mironov B. N. Social History of Imperial Russia, 18th – Early 20th Centuries: Genesis of Personality, Democratic Family, Civil Society and Legal State. Vol. 1. St. Petersburg: D. Bulanin, 2003. 548 p. (In Russ.)

Mirotvortsev V. K. Biography of Hyacinth Bichurin revisited. *Pravoslavnyy sobesednik*. 1886. No. 8. Pp. 410–426. (In Russ.)

Moller N. S. Hyacinth Bichurin in memoirs of his granddaughter. *Russkaya starina*. 1888. Vol. 59. Pp. 272–300, 525–560. (In Russ.)

Myasnikov V. S. N. Ya. Bichurin's election to the Academy of Sciences. *The Far Eastern Affairs*. 1996. No. 5. Pp. 124–132. (In Russ.)

Myasnikov V. S. N. Ya. Bichurin's Valaam exile. *The Far Eastern Affairs*. 1986. No. 2. Pp. 131–138. (In Russ.)

Pushkin A. S. Complete Works. Vol. 6. Leningrad: Nauka, 1978. 577 p. (In Russ.)

Rodionov V. G. On the path to the Temple. In: Rodionov V. G. (comp.) Bichurin N. Ya. (Hyacinth) For Eternal Commemoration: Poetry, Articles, Essays, Letters. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1991. Pp. 3–22. (In Russ.)

Salmin A. K. I. G. Gmelin and his role in the second Kamchatka expedition on the territory of Kazan Province. *Bylye Gody*. 2019. No 1. Pp. 55–63. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2019.1.55

Shchukin N. S. Hyacinth Bichurin. *Zhurnal Ministerstva inostrannykh del*. 1857. Vol. XCV. No. 9. Pp. 111–126. (In Russ.)

Spassky G. I. About Russian Spiritual Mission in Beijing. *Aziatskiy vestnik*. 1825, July – December. Pp. 391–399. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1349–1358, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1349-1358
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 94(517)+913.1/913.8
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1349-1358

Орографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии

Марина Михайловна Содномпилова[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Содномпилова М. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Исследование пространства, которое осваивалось монгольскими народами, представляет одну из насущных проблем истории кочевых обществ. *Цель и задачи статьи* — исследовать на материалах письменных источников, отражающих становление Монгольской империи, актуальные для средневекового монгольского языка оронимы, названия положительных форм рельефа, определить их локализацию. *Материалы и методы.* Для исторической географии особое значение имеет один из этапов освоения монголами Внутренней Азии, отраженный в известных исторических памятниках: «Сокровенное сказание монголов» (ССМ), летописях Рашид-ад-Дина, Юань ши. Задачи определения отдельных объектов и форм рельефа, представленных в тексте ССМ, а также их локализации в географическом пространстве средневековой Монголии решались с опорой на методы фонетической реконструкции, сравнительно-сопоставительного анализа терминов, исторических событий на материалах письменных источников XIII–XIV вв., современной топонимики пространства, в границах которого разворачивались события ССМ. *Результаты.* Исследована этимология терминов и названий орографических объектов, сделаны попытки определения известных по тексту ССМ мест в реальном географическом пространстве. *Выводы.* Терминология, обозначающая выступающие формы рельефа в «Сокровенном сказании монголов», отличается разнообразием и представляет собой весьма древний пласт лексики, в образовании которой доминируют изобразительные слова. Многие термины являются устаревшими и не функционируют в современном монгольском языке. Вместе с тем следы устаревших терминов обнаруживаются в топонимах на территории расселения монголоязычных народов. Определен круг сакральных орографических объектов, почитаемых средневековой монгольской общностью.
Ключевые слова: Внутренняя Азия, «Сокровенное сказание монголов», топонимика, оронимы, положительные формы рельефа

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии реконструкция ее историко-культурного прошлого».
Для цитирования: Содномпилова М. М. Орографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии // Oriental Studies. Т. 13. № 5. С. 1349–1358. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1349-1358

UDC 94(517)+913.1/913.8
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1349-1358

The Secret History of the Mongols (Mongγol-un niγuča tobčiyan): Orographic Objects in the Context of Inner Asian Historical Geography

Marina M. Sodnompilova[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Sodnompilova M. M., 2020

Abstract. *Introduction.* Investigation of the space once invaded and reclaimed by the Mongolic peoples is one of the pressing problems in the history of nomadic societies. *Goals*. The paper seeks to investigate names of positive topographic forms, analyze written sources reflecting the formation of the Mongol Empire for oronyms inherent to the medieval Mongolian language, and determine their localization. *Materials and Methods.* Historical geography stresses the significance of one stage in the Mongolian invasion of Inner Asia reflected in famous historical monuments, such as The Secret History of the Mongols, Compendium of Chronicles by Rashid al-Din, and Yuán Shǐ. The tasks of identifying individual objects and landforms presented in the text of The Secret History, as well as their localization in the geographical space of medieval Mongolia, were solved by the methods of phonetic reconstruction, comparative analysis of terms and historical events — through the use of 13th–14th century written sources, contemporary toponyms across the territories to have served as a historical arena for the events described. *Results.* The paper investigates etymologies of terms and names of orographic objects, attempts to identify the places mentioned in The Secret History within the real geographic space. *Conclusions.* The terminology denoting elevated landforms in The Secret History of the Mongols is distinguished by diversity and represents a very ancient stratum of vocabulary that had been formed through the abundant use of figurative words. Many terms are obsolete and do not function in modern Mongolian any more. At the same time, traces of obsolete terms are found in toponyms across territories inhabited by Mongolic peoples as such. So, the work outlines the circle of sacred orographic objects revered by the medieval Mongolian community.
Keywords: Inner Asia, The Secret History of the Mongols, place names, oronyms, elevated landforms
Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, grant no. 19-09-00082 ‘Inner Asia in Historical Cartography: Reconstructing Historical and Cultural Past’.
For citation: Sodnompilova M. M. The Secret History of the Mongols (Mongγol-un niγuča tobčiyan): Orographic Objects in the Context of Inner Asian Historical Geography. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1349–1358. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1349-1358

Введение

В географическом видении пространства, где проживают монгольские народы, значительную часть ландшафта занимают горы, и в традиционной картине мира гора является полифункциональным и многозначным символом, тесно связанным с жизнью родового коллектива, семантическим центром родовой территории. Один из исторических этапов освоения монголами данного региона отражен в известном средневековом памятнике «Сокровенное сказание монголов». Определенные сведения о территории этого же периода истории монголов содержатся в сборнике летописей Рашид-ад-дина. На материалах источников, описывающих события XII в., мы можем определить ключевые топонимы в целом и оронимы в частности, отражающие видение монголами окружающей природы, и обозначить места, где происходили важные события в жизни основных персонажей сказания — Темуджина и его предков, пытаясь сопоставить их с современной картой данного исторического региона.

Материалы и методы

Содержание «Сокровенного сказания монголов» показывает, что предки монголов жили в горно-таежной местности с включениями небольших степных участков. Горы, покрытые лесом, были для монголов местом охоты и укрытием в случае нападения неприятеля. Сам Темуджин не раз спасал свою жизнь в лесах массива Бурхан-халдун, Мау-ундурских высот, Цзереновом ущелье [Козин 1941].

Текст «Сокровенного сказания монголов» (далее — ССМ) изобилует топонимами, большинство из которых С. М. Козин обозначает «урочищами», таким образом уходя от более точной характеристики рельефа. Задачи определения отдельных объектов и форм рельефа, представленных в тексте ССМ, а также их локализации в географическом пространстве средневековой Монголии были поставлены другими исследователями ССМ [Pelliot, Hambis 1951; Rachewiltz 2004; Hambis 1974; Пэрлээ 1958; Poppe 1956; и др.], которые опирались на методы фонетической реконструкции, сравнительно-сопоставительного анализа терминов, исторических событий на материалах письменных источников XIII–XIV в., современной топонимики пространства, в границах которого разворачивались события ССМ. Свои версии расположения известных по тексту ССМ мест, связанных с разными историческими событиями периода становления Чингис-хана как политического лидера, предложили монгольские исследователи [Bazargur, Enkhbayar 1997].

Реконструкцию ряда образцов ландшафтной лексики в тексте «Сокровенного сказания монголов» выполнила Е. В. Сундуева [Сундуева 2009]. Ее исследования показывают, что 60 % орографических терминов «Сокровенного сказания монголов» восходит к образной лексике [Сундуева 2009: 140].

Исследование ландшафтной лексики, представленной в «Сокровенном сказании монголов», показало, что 15 % терминов, номинирующих различные формы рельефа, не функционируют в современных монгольских языках [Сундуева 2009: 140]. В этой связи анализ терминологии, маркирующей разные виды рельефа в ССМ, включал и восстановление ряда терминов, которая была выполнена П. Пелльо, Л. Амбисом, Н. Поппе [Pelliot, Hambis 1951; Poppe 1956].

Оронимы и выступающие формы рельефа в тексте ССМ

Как показывают результаты исследований, значительная часть географических названий в тексте ССМ представлена оронимами. Самым известным орографическим объектом ССМ, безусловно, является горный массив *Бурхан-Халдун* (burqan-qaldun), который «был центром обширного освоенного и организованного пространства, имевшего общемонгольское значение» [Скрынникова 2013: 173].

Все детство и юность монгольского лидера связаны с этими местами. Очевидно, что в пределах *Бурхан-Халдуна* находились кочевья семьи Темуджина. Бурхан-Халдун как главный сакральный объект в пространстве жизнеобеспечения монгольского социума неоднократно упоминается в тексте «Сокровенного сказания монголов»

и в летописях Рашид-ад-дина. Это «земля предков» для монголов, где совершались обряды их почитания, спасительное место, сохранившее жизнь Темуджину, это место погребения потомков Чингис-хана [Козин 1941: 96; Рашид-ад-дин 1952: 159].

Название *Бурхан-Халдун* соответствует современному названию горы *Хэнтэй* хан уул в горном массиве *Их-Хэнтэй* в северо-восточной части Монголии. В этом же массиве находится другая почитаемая вершина — *Эрдэнэ уул*. По мнению Д. Базаргура и Д. Энхбаяра, первая вершина почиталась монгольским средневековым обществом, а вторая была сакральным местом для другой этнической общности — урянха [Bazargur, Enkhbayar 1997: 18].

Горный массив Их-Хэнтэй площадью свыше 50 тыс. км^2 образован низко- и средневысотными хребтами и разделяющими их узкими впадинами. В них преобладают уплощенные вершины с остатками древних поверхностей выравнивания. Термин *халдун* в названии сакральной для монголов горы в монгольском языке обозначает скалу или пик [БАМРС 2002: 26].

Этимологический анализ оронима «*Бурхан-Халдун*» показал, что оба его компонента восходят к изобразительным основам. Термин *бурхан,* по мнению Е. В. Сундуевой, может быть связан с лексемой, номинирующей дерево *бургас* (‘ива, верба’), а второй термин *халдун* восходит к архаичной образной основе *халд* ‘нечто продолговатое, вытянутое’ [Сундуева 2009: 140, 141].

Отмеченные в ряде параграфов (§ 61, § 67) урочища *Цэкцэр* (cekcer) и *Чихурху* (ciqurqu) [Rachewiltz 1972: 25] — это место кочевания унгиратского племени, представительница которого Бортэ стала впоследствии женой Темуджина. Под этими топонимами скрываются две горы, местоположение которых все еще считается не выявленным. Наиболее подробное исследование локализации этих гор было проведено П. Пелльо и Л. Амбисом [Pelliot, Hambis 1951]. Одна из них — *Цэкцэр* — часто упоминается в китайских источниках эпохи Мин и Цин [Hambis 1974: 35–36].

Известные сведения позволяют полагать, что гора *Цэкцэр* находится к западу от реки *Уршун* на северном берегу озера *Буир Нор*. Примерно там же помещает гору *Цэкцэр* и монгольский исследователь Х. Пэрлээ [Пэрлээ 1958 11].

Другие монгольские исследователи, Д. Базаргур и Д. Энхбаяр, локализуют гору *Цэкцэр* к северу от большого изгиба реки *Керулен*, а второй орографический объект — гору *Чихургу* — помещают южнее места впадения реки *Улз* в озеро *Тар нур* [Bazargur, Enkhbayar 1997: 14, 26].

В § 77 Бектер — брат Темуджина — стерег на холме (hulqun deere) девять соловых меринов. Термин *hulqun/ulqun* ‘одинокая гора, неровное место, пригорок, холм’ встречается в тексте ССМ только один раз, является устаревшим и в современном монгольском языке не используется. Вероятно, близкими ему являются бурятский термин *улхан* ‘наплыв на дереве’ [БРС 2010: 296] и некоторые топонимы, сохранившиеся в пространстве этнической Бурятии: *Улхансаг даваа* (гора) в Закаменском районе Республики Бурятия, с. *Верхний Ульхун* в Кыринском районе Забайкальского края (на левобережье реки Онон).

Не удалось определить местоположение другого орографического объекта *Хорчухуй болдог* (qorcuqui-boldaq) [Rachewiltz 1972: 34] (в современном монгольском *болдог* ‘холм, бугор’), расположенного на небольшом ручье *Кимурха* (Kimurqa qoroqan), у мыса *Бедер* (Beder) (§ 88). По сюжету сказания там нашел своих мать и братьев Темуджин после удачного побега из лагеря тайджиутов. Ручей *Кимурха* является одним из небольших правобережных притоков *Онона*, к северо-востоку от ручья *Сэнгүр* (Senggür-qoroqan) [Rachewiltz 1972: 34]. Идентифицировать ручей удалось П. Пелльо и Л. Амбису [Pelliot, Hambis 1951: 42, 280], однако холм *Хорчухуй болдог* так и не был найден.

В § 89 Темуджин расположился кочевьем в местности, которая отмечена рядом природных объектов: *Хара-Джируген* (qara-jirügen) (совр. монг. *Хар Зурх*), *Хүхэнур* (kökö-naur), *Сэнгүр* (senggür-qoroqan), *Гүрэлгү* (gürelgü), *Бурхан-халдун* (burqan-qaldun) [Rachewiltz 1972: 34]. Вероятно, эта местность была зимним кочевьем Темуджина, о чем свидетельствует термин *nuntuqlaju*, используемый в тексте ССМ. Известно, что в монгольской традиции понятие *нутуг* ‘родовое стойбище, право пользования которым наследовалось’, в кочевом

маршруте монгольских народов относится, главным образом, к зимнему поселению [Цэрэнханд 1993: 29].

Среди указанных выше топонимов однозначно из текста ССМ определяется только речка *Сэнгүр*. Из текста также ясно, что объект *Гүрэлгу*, внутри которого расположилось кочевье Темуджина, находится южнее горного массива *Бурхан-Халдун*. И. де Рахевильц полагает, что речь идет о горной местности *Гүрэлгу*, отделяющей реку *Керулен* и *Сэнгүр* от притоков реки *Онон*. Название *Хүхэ-нур* (‘Синее озеро’) определенно относится к небольшому гидрографическому объекту — озеру, расположенному северо-западнее современного населенного пункта *Цэнхэрийн мандал сум*, у самых истоков реки *Сэнгүр*. Название «Синее озеро» входит в число самых распространенных гидронимов, используемых для озер в Монголии [Rachewiltz 2004: 382]. Там же находится и небольшая гора *Хар Зурх* ‘Черное сердце’. Идентификации и локализации этих объектов посвятил свои исследования Й. Шуберт [Schubert 1970: 525].

Особый интерес вызывают термины, присутствующие в § 115 в сюжете о возвращении Ван-хана домой после победы над меркитами. В тексте С. М. Козина говорится, что Ван-хан двигался по северным лесистым склонам *Бурхан-Халдуна*, через урочища *Хокорту-джибур*[1] (qökörtü-jibur), *Хачаурату-субчит* (qaca’uratu-subcit) и *Уляту-субчит* (huliyatu-subcit) [Rachewiltz 1972: 47], попутно совершая звериные облавы.

Из текста ССМ ясно, что долина *Хокорту-джибур* располагается севернее горного массива *Бурхан-Халдун*, однако точное ее местоположение выявить не удалось. В современном монгольском языке термин *subcit* отсутствует. Относительно термина *subcit* известно мнение Х. Пэрлээ, который утверждает, что данный термин использовался монголами в древние времена для обозначения горного перевала. И. де Рахевильц допускает, что термин *субчит* может быть связан с термином *sübe,* означающим «узкий проход». Сопутствующие *субчит* определения *Хачаурату* и *Уляту* указывают на особенности лесного покрова: в первом случае это ели *гачуур* [БАМРС 2001, I: 397], во втором случае — осины *улиас* [БАМРС 2001, III: 324].

На карте современной Монголии, по мнению Х. Пэрлээ, *Хачаурату субчит* соответствует местности *Гачуурт* (47° с. ш. и 107° в. д.), расположенной недалеко к востоку от столицы страны Улан-Батора, *Уляту субчит* — местности *Улиастайн-ам* (49° с. ш. и 107° в. д.).

Термин *субчит* встречается и в другом средневековом источнике — китайской рукописи Юань Ши Синьбянь [元史新編 1936: 29], в которой речь идет о местности, названной «Местность трех субчит», где Толуй посетил своего брата Огодея летом 1229 г. Известно, что Огодей любил проводить лето в горах. Эти сведения позволяют предположить, что искомая горная область находилась к югу от горного массива *Бурхан Халдун* [Rachewiltz 2004: 436], что может служить подтверждением версии, предложенной Х. Пэрлээ.

В § 129 говорится о перевале *Алаут-турхаут* (ala’ut-turqa’ud) [Rachewiltz 1972: 54], который переходят неприятели Темуджина, собираясь на него напасть. На то, что речь идет о перевале, указывает термин dabaju (*давах* ‘перевалить через гору’[2]; *даваа* ‘перевал’ [БАМРС 2001, II: 8–9]).

П. Пелльо и Л. Амбис предположили, что этот перевал разделяет две возвышенности (горы или холмы), называемые «Пестрые стражи» [Pelliot, Hambis 1951: 41–42, 52]. Их местонахождение в географическом пространстве Монголии не определено, хотя версии об их локализации были предложены: Х. Пэрлээ, исходя из фонетики топонима, предположил, что это горы *Эрхэг Тархаг*, расположенные в Республике Тува. Однако это место слишком далеко к западу от места основных событий — битвы Темуджина с Джамухой, которая произошла в местности *Далан-Балчжутах* в долине реки *Онон*. П. Пелльо полагает, что горы *Алаут-турхаут* должны находиться в районе горного массива *Гүрелгу*, где кочевала семья Темуджина.

[1] Термин *jubur* ‘долина’ [Козин 1941: 528].

[2] В словообразовании монгольского языка встречается множество глаголов, образованных от существительных, обозначающих разные типы возвышенностей, части горного массива. Например: *бэллэх* ‘двигаться по косогору, по склону горы’, *гүвээлэх* ‘идти по холму’ от *гүвээ* ‘холм’.

Темуджин в столкновении с Джамухой потерпел поражение и укрылся в Цзереновом ущелье при *Ононе* (Onan-o Jerene-qabciqaya). Термин *хавцал* в монгольском языке означает ‘ущелье’ [БАМРС 2002: 8].

В тексте «Сокровенного сказания монголов» присутствует еще один термин, не функционирующий в современном языке. В § 133 Чингис-хан и Ван-хан подавили татаров, укрепившихся в урочищах *Хусутушитуен* (qusutu-šitü’en) и *Нарату-шитуен* (naratu-šitü’en). Глубокий анализ текста позволил П. Пелльо и Л. Амбису определить эти два топонима как «Березовый вал» и «Сосновый вал». Из текста ясно, что действия происходили в лесистой местности, вероятно, в бассейне реки Улз, где татарам удалось построить укрепления, о чем свидетельствует термин qorqa[n]. Термин *šitüen* П. Пелльо и Л. Амбис возводят к *šitu* ‘поддерживать’ [Pelliot, Hambis 1951: 202]. «Сосновый вал» и «Березовый вал», вероятно, были элементами ландшафта, представлявшими природные укрепления.

Холмистая местность *Долоон-болдаут* (dolo’an bolda’ut) (‘Семь холмов’) упоминается в § 136. Эта местность, по мнению И. де Рахевильца, расположена между реками *Керулен* и *Цэнхэр* и горой *Баян Уул* к юго-западу от нынешнего сомона Дэлгэрхан. Семь холмов, давших название этому месту, были идентифицированы. Их по-прежнему называют Долоон, т. е. «Семь». Кроме того, все они обладают индивидуальными названиями: *Дөрвөлж* (‘Куб’), *Сүүл* (‘Хвост’), *Их Улаан Толгой* (‘Большая Красная Голова’), *Бага Улаан Толгой* (‘Маленькая Красная Голова’), *Олон Овоо* (‘Множество каменных насыпей’), *Тахилгат* (‘Место жертвоприношения’) и *Гацаа* (‘Гора, с которой стекают нескольких рек’) [БАМРС 2001, I: 454; БАМРС 2002: 395].

Местность *Далан Немургес* (dalan nemürges) (‘Семьдесят войлочных плащей’) также причисляется исследователями к орографическим типам ландшафта. По мнению Х. Пэрлээ, эта холмистая местность располагается в бассейне реки *Нөмрөгийн гол* в Восточной Монголии. И. де Рахевильц полагает, что это была крупная область, а не конкретное место, поскольку в § 173 говорится, что Чингис-хан «вошел» в нее. Возможно, эта холмистая местность является частью западных склонов *Хингана* [Rachewiltz 2004: 567]. Термин *nemurke* относится к архаичной лексике, который обнаруживает связь с термином *нөмөр* (‘прикрытие, укрытие; укрытое от ветра и холода место’) в современном монгольском языке. Е. В. Сундуева эволюцию значений в образном корне *нөм* представила следующим образом: «нечто громоздкое» → «нечто укрывающее от ветра, дождя (скала, пещера, чаща)» → «всё, что накидывается на плечи (накидка, плащ, попона)». *Далан/долоон* (‘семьдесят’) — это тип номинации, часто используемый в монгольском языке для воспевания гор, рек, песков, животных и растений [Сундуева 2009: 142].

Отдельным орографическим объектом считает И. де Рахевильц урочище, обозначенное в ССМ как *Энеген гуйлету* (enegen güiletu) (‘Единственное абрикосовое дерево’). Хотя местность не идентифицирована, судя по контексту, это холм или гора в районе двух уже хорошо известных гор *Цэкцэр* и *Чихургу* вблизи рек *Халха* и *Уршун*.

Мау-Ундурские высоты (mau-ündür), с которыми связывается ряд событий в ССМ, относятся к неопознанной горе недалеко от реки *Халха* в южном направлении от нее. Название горы, согласно мнению исследователей, определенно связывается с термином *маγи* (в старописьменном монгольском), что означает ‘зло’. Предполагается, что *Мау-ундурские высоты* означают ‘Плохая гора’ (Муу Ундур) [Rachewiltz 2004: 615]. Термин *үндэр* ‘возвышенность’ широко используется в монгольских языках по отношению к орографическим объектам, выступая в парном сочетании с именем объекта, например *Бархан-ундэр* (почитаемая вершина в горном массиве Баргузинского хребта). Согласно Х. Пэрлээ, гора *Мауундур* расположена рядом с рекой *Халха* и рекой *Нөмрөг* (Нөмөргийн Гол) [Пэрлээ 1958: 11].

В районе этой горы упоминается местность *Харахалчжин-элет* (qala-qaljit-elet) [Rachewiltz 1972: 81], где Темуджин остановился передохнуть, а по сведениям Рашид-ад-Дина принял там бой. В тексте Рашид-ад-Дина в описании племен урут и манхуд местность обозначается как Калаалджин-Элет [Рашид-ад-Дин 1952: 185]. Рашид-ад-Дин ошибочно полагал, что так могла называться река [Рашид-ад-Дин 1952: 126].

Однако мнение большинства исследователей сходится в том, что была песчаная местность южнее реки *Халха*. Х. Пэрлээ относит эти пески к ареалу южнее места слияния рек *Нөмрөг* и *Халха*, где по сей день существуют различные песчаные участки местности, такие как *Хуучдын элс* (Xuučdyn Els), *Хуран элс* (Kuran Els), *Удаарт элс* (Udaart Els) и *Мойлт элс* (Moilt Els) [Пэрлээ 1958: 10]. Разбирались с локализацией этой местности Н. Поппе и Й. Шуберт. Н. Поппе полагал, что местность находится недалеко от реки *Халхи* и реки *Улхуй*, протекающей вдоль границы Монголии и Маньчжурии, версия Й. Шуберта [Schubert 1970: 524], относившего эту местность дальше на запад, маловероятна [Rachewiltz 2004: 616].

На одной из главных излучин реки *Халхи* располагается также горный массив, обозначенный С. М. Козиным как *Орнаунское полугорье* (Qalqa-in Ornau-in), И. де Рахевильцем — как Or Nu'u, где под наклонным утесом (*хэлтэгэй хада*) был похоронен соратник Темуджина Хуилдар. *Хэлтэгэй хада* ('Наклонный утес') вновь упоминается в кампании против найманов в § 191. Место не идентифицировано, но можно утверждать, что во времена Чингисхана этот объект не просто обладал признаками наклонной возвышенности, а был известным сакральным местом на реке *Халха*, названным *Хэлтэгэй хада* [Козин 1941: 262; Rachewiltz 2004: 634].

В § 162 Коксу-Сабрах разграбил Ванхана на границе его владений в местности *Телегету* (Teleketu-amsar), в § 185 Ван-хан был окружен войсками Чингис-хана в *Чжер-хабчигайской пади Чжечжеерских высот* (Jejeer-ündürün Jer-qabciqai-in amasara). В этих обозначениях не вызывает сомнения термин *amasara*, который идентифицируется с перевалом, проходом. В старописьменном монгольском *amasara* означает 'отверстие' [Сундуева 2011: 168]. Относительно локализации *Чжер-хабчигайской пади* известна версия Х. Пэрлээ [Пэрлээ 1958: 8], который соотносит ее с современной местностью *Хабчил Ам* в окрестностях сомона Баян Ул (47° N, 109° E). Версию Х. Пэрлээ И. де Рахевильц считает наиболее правильной [Rachewiltz 2004: 667].

В § 191 Чингис-хан прерывает охоту в местности *Абчжиха-кодегер* (Abjiqa-köteger) и начинает готовиться к битве с Ван-ханом. Термин *köteger* был определен Г. Дерфером как «небольшое возвышение», как однокоренное слову *kötöl* (совр. монг. *хөтөл* 'перевал'). Очевидно, что *Абчжиха-кодегер* — холмистая местность, которую Х. Пэрлээ располагает к юго-востоку от современного г. Чойбалсана. По мнению П. Пелльо, поддержанного другими авторами, эта местность входила в состав зимних кочевий унгиратского племени [Doerfer 1963: 473; Пэрлээ 1958: 4; Rachewiltz 2004: 675].

В § 195 Таян-хан, убегая от войск Темуджина, предлагает Джамухе взобраться еще выше на самую вершину горы (aγula-in horgil-degere γaruya!) [Козин 1941: 467]. В данном предложении появляется еще один орографический термин, обозначающий часть горы, в частности ее вершину/пик — *horgil*. Термин *xorgil* употреблялся в старописьменном монгольском и среднемонгольском языках [Сундуева 2011: 130]. В современном монгольском языке вершину или пик горы обозначается термином *orgil* [БАМРС 2001, II: 487].

Неоднозначный термин, обозначающий как положительные, так и отрицательные формы рельефа *kun,* фиксируется в § 26, § 166 и в § 199. Анализ лексем с данным корнем и примеров в тексте ССМ позволил Е. В. Сундуевой выделить его основные значения — 'впадина; ущелье; овраг' [Сундуева 2009: 142].

С. М. Козин термин *kun* связал с противоположной формой рельефа — скалой, утесом [Козин 1941: 525]. О допустимости таких значений свидетельствуют исследования Г. Дерфера, который, анализируя данный термин выявляет его следующие значения: 'обрыв, утес, скала' [Doerfer 1963: 441].

Заключение

Исследование орографической терминологии «Сокровенного сказания монголов» показывает большое разнообразие терминов, обозначавших виды крупных форм рельефа на территории проживания монгольских народов в XII в. В их состав входят как обозначения положительных форм рельефа, так и их частей:

уула (aγula) 'гора', *ундэр* (undur) 'гора', *orgil* (horgil) 'пик, вершина', *халдун* (qaldun) 'скала, пик', keru 'северная сторона горы', *өвөр* (ebüre) 'южный склон горы';

хавцал (qabciq) ‘ущелье’, *хушун* (qošiun) ‘мыс’, *хада* (qada) ‘скала’, *болдог* (boldaq) ‘холм’;

дабан (daba) ‘перевал’, *хөтөл* (köteger) ‘перевал’.

Устаревшие слова:

subčit ‘перевал, узкий проход’, šituen ‘вал’, quŋ ‘утес, обрывистый берег’, kun ‘скала, утес’, ‘ущелье’, ‘обрыв’, hulqun ‘холм’, *amasar* ‘ущелье, узкий проход’, quburi ‘хребет’.

Ряд слов относится к устаревшим и не употребляется в современном монгольском языке, однако родственные им термины обнаруживаются, например, в бурятском языке. Следы устаревших терминов обнаруживаются и в топонимах на территории расселения монголоязычных народов. Реконструкция терминов ландшафтной лексики «Сокровенного сказания монголов» показывает, что корни ряда устаревших терминов прослеживаются в современной терминологии. Так, например, корень *кун* присутствует в *хөндий* ‘полость; лощина, пещера; долина, падь, ущелье’. Корневой этимон *хон / хөн / хүн* ‘пустой, полый’ относится к числу древнейших и распространённых во многих языках алтайской общности [Сундуева 2009: 142].

В состав сакральных мест, имевших важное значение для монгольского общества XII в., входят горный массив *Бурхан-Халдун*, гора *Хэлтэгэй хада*, расположенная на одной из главных излучин реки *Халхи*. К числу сакральных мест относится и гора на территории первоначального расселения монголов (в месте впадения в реку *Эргунэ / Аргунь* реки *Кан-мурэн / Ган мурэн*), где Джамуха — побратим Темуджина был возведен лидерами монгольских племен в Гурханы.

Литература

Козин 1941 — *Козин С. М.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguča Tobčiyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; предисл.: Н. Н. Поппе. М.; Л., 1941. 620 с.

БАМРС 2001, I — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев; под общ. ред.: А. Лувсандэндэв и Ц. Цэдэндамба. Т. I. М.: Academia, 2001. 488 с.

БАМРС 2001, II — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев; под общ.ред.: А. Лувсандэндэв и Ц. Цэдэндамба. Т. II. М.: Academia, 2001. 536 с.

БАМРС 2001, III — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев; под общ.ред.: А. Лувсандэндэв и Ц. Цэдэндамба. Т. III. М.: Academia, 2001. 440 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев; под общ. ред.: А. Лувсандэндэв и Ц. Цэдэндамба. Т. IV. М.: Academia, 2002. 532 с.

БРС 2010 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. / сост.: Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II. Улан-Удэ: Изд-во «Респ. тип.», 2010. 708 с.

Рашид-ад-дин 1952 — *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. первая / пер. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.

Скрынникова 2013 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.

Сундуева 2009 — *Сундуева Е. В.* Архаическая ландшафтная лексика в языке «Сокровенного сказания монголов» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 38. 2009. № 39 (177). С. 140–143.

Сундуева 2011 — *Сундуева Е. В.* Звуки и образы. Фоносемантическое исследование лексем с корневым согласным [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.

Цэрэнханд 1993 — *Цэрэнханд Г.* Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.

Пэрлээ 1958 — *Пэрлээ Х.* Нууц товчооннд гардаг газар усны зарим нэрийг хайж олсон нь (= Анализ некоторых топонимических названий, содержащихся в «Сокровенном сказании монголов»). Улаанбаатар: Шинжлэх

ухааны академийн хэвлэлийн газар, 1958. 11 х.

Bazargur, Enkhbayar 1997 — *Bazargur D., Enkhbayar D*. Chinggis khaan (Historic-geographic atlas). Ulaanbaatar, 1997. 56 p.

Doerfer 1963 — *Doerfer G*. Türkische und mongolische Elements im Neupersischen. I–IV. Band 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 p.

Pelliot, Hambis 1951 — Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou. Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E. J. Brill, 1951. T. I. XXVII, 485 p. (In Fr.)

Poppe 1956 — *Poppe N. N*. On some geographic names in the Jami' al-Tawarix // The Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. № 1–2. Pp. 33–41.

Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz, Igor de.* Index to the Secret History of the Mongols. Vol. 121. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

Rachewiltz 2004 — *Rachewiltz, Igor de.* The Secret History of the Mongols. Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Trans. with the historical and antr. comm. by Igor de Rachewiltz. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2004. 1348 p.

Schubert 1970 — *Schubert J.* 'Der Mittagsrastplatz des Cinggis Xaan' // Mongolian Studies (Bibliotheca Orientalis Hungarica XIV). Budapest: Akademiai Kiado, 1970. Pp. 519–527.

Hambis 1974 — *Hambis L*. 'Survivance de toponymes de l'epoque mongole en Haute A sie'. In: *Melanges de Sinologie offerts a M. P. Demieville.* Vol. 2. Paris, 1974. Pp. 19–41.

元史 1936 — 元史新編. 上海:上海書局, 1936. 4759 页 (= Юаньши синьбянь. Шанхай: Шанхайское кн. изд-во, 1936. 4759 с.)

References

Bazargur D., Enkhbayar D. Genghis Khan: Historical-Geographica Atlas. Ulaanbaatar, 1997. 56 p. (In Mong.)

Chêng-wou ts'in-tchêng lou: Histoire des campagnes de Gengis Khan (History of Genghis Khan's Military Campaigns). P. Pelliot, L. Hambis (transl., annot.). Leiden: E. J. Brill, 1951. Vol. I. XXVII, 485 p. (In Fr.)

Doerfer G. Türkische und mongolische Elements im Neupersischen (Turkic and Mongolic Elements in Modern Persian). I–IV. Vol. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 p. (In Germ.)

Hambis L. 'Survivance de toponymes de l'epoque mongole en Haute Asie' (Survival of the Mongolian era's toponyms in Highland Asia). In: Melanges de Sinologie offerts a M. P. Demieville. Vol. 2. Paris, 1974. Pp. 19–41. (In Fr.)

Kozin S. M. The Secret History of the Mongols: Mongolian Chronicle of 1240 Titled Mongol-un Niguča Tobčiyan. Yuáncháo Mìshǐ. Mongolian Prose Collection. Vol. I. S. Kozin (transl., comment.), A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ.)

Perlee Kh. The Secret History of the Mongols: Analysis of Some Toponyms. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1958. 11 p. (In Mong.)

Poppe N. N. On some geographic names in the Jami' al-Tawarix. *The Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. No. 1-2. Pp. 33–41. (In Eng.)

Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 488 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols. Vol. 121. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p. (In Eng.)

Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols. Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. I. de Rachewiltz (transl., comment.). Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2004. 1348 p. (In Eng.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. I. Book One. L. Khetagurov (transl.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 221 p. (In Russ.)

Schubert J. ‘Der Mittagsrastplatz des Cinggis Xaan’. In: Mongolian Studies (Ser.: Bibliotheca Orientalis Hungarica. Vol. XIV). Budapest: Akademiai Kiado, 1970. Pp. 519–527. (In Germ.)

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.). Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)

Skrynnikova T. D. Charisma and Power in the Era of Genghis Khan. St. Petersburg: Evraziya, 2013, 384 p. (In Russ.)

Sundueva E. V. The archaic landscape lexica in the language of ‘The Secret History of Mongols’. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No. 39 (177). *Philology. Art Criticism.* Is. 38. Pp. 140-143. (In Russ.)

Sundueva E.V. Sounds and Images: A Phonosemantic Study of lexemes with the Root Consonant [r / m] in Mongolic Languages. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB of RAS), 2011. 344 p. (In Russ.)

Tserenkhand G. Mongolian nomadic camp: traditions revisited. In: Zoriktuev B. R. (ed.). Economy and Material Culture of Turko-Mongols. Glimpses of History. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 27–36. (In Russ.)

Yuán Shǐ: The New Edition. Shanghai: Shanghai Book Publ., 1936. 4759 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1359–1370, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 390 (571-52)+392.1(571.52)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект

Елена Валерьевна Айыжы[1], *Артыш Маадыр-оолович Монгуш*[2]

[1] Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

[2] Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
научный сотрудник
0000-0003-1732-0601. E-mail: art510@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Айыжы Е. В., Монгуш А. М., 2020

Аннотация. *Введение.* В современном мире немало глобальных проблем. Среди них одной из важных становится проблема уничтожения природы и диких зверей. В настоящее время многие молодые охотники-тувинцы не знают традиционного охотничьего этикета предков, не соблюдают древние природоохранительные традиции и обычаи. Браконьерство становится одним из негативных факторов нарушения экологического баланса. *Цель исследования* — изучить охотничьи традиции тувинцев, которые являлись и являются основой сохранения экологического баланса и биологического разнообразия в Туве. Авторы попытались систематизировать некоторые охотничьи обряды, обобщить материалы, относящиеся к данной теме. *Материалы и методы.* Основными источниками являются дореволюционные историко-этнографические сведения, а также полевые материалы авторов. В исследовании использован метод историзма, позволяющий рассматривать элементы культуры в развитии. Также применяются традиционные методы этнографии: сравнительный и методы полевых исследований. *Результаты.* В работе авторы проанализировали исторические, этнографические, фольклорные материалы. Попытались систематизировать и рассмотреть более подробно некоторые охотничьи обряды тувинцев. *Выводы.* Исследовав тему, авторы пришли к выводу о том, что охотничьи традиции тувинцев, как и у других народов Саяно-Алтая, являются наиболее древними в культуре и традиционной обрядовой практике. Тесная и долгая связь охотников с природой привела к тому, что они должны были соблюдать многочисленные неписаные правила и запреты. Местность, в которой промышляли охотники, обязательно имела своих «хозяев», и необходимо было уважить их подношениями. Духи-хозяева местности, по мнению охотников, могли превращаться в людей или диких зверей.

Ключевые слова: тувинцы, охотники, охотничьи традиции, обряды, духи-хозяева, природа, Тува, Саяно-Алтай, кочевники
Благодарность. Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии» (№ 19-012-00073).
Для цитирования: Айыжы Е. В., Монгуш А. М. Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект // Oriental Studies. Т. 13. № 5. С. 1359–1370. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

UDC 390 (571-52)+392.1(571.52)
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

Tuvan Hunting Traditions: An Ethnographic Perspective

Elena V. Aiyzhy[1], *Artysh M. Mongush*[2]

[1] Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

[2] Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research, Government of the Tyva Republic (4, Kochetov St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Research Associate
0000-0003-1732-0601. E-mail: art510@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Aiyzhy E. V., Mongush A. M., 2020

Abstract. *Introduction.* The world witnesses a dramatic abundance of problems. Still, those are the destruction of nature and extinction of animal species that tend to become the most pressing ones. Currently, many young Tuvan hunters have no knowledge of the traditional hunting etiquette of their ancestors, do not observe the ancient nature conservation traditions and customs. Poaching proves a definitely negative factor in the violation of the ecological balance. *Goals*. The article aims to study the hunting traditions of the Tuvans which used to be and still are the basis for maintaining the ecological balance and biological diversity in Tuva. It also attempts to systemize some hunting rites and summarize related materials available. *Materials and Methods.* The work analyzes pre-revolutionary historical and ethnographic sources, as well as field materials of the authors. The employed method of historicism makes it possible to consider the elements of culture in a developmental perspective. Traditional methods of ethnography — comparative and field research ones — are also used. *Results*. The comprehensive analysis of historical, ethnographic, and folklore materials — along with the mentioned systemization — concludes that the hunting traditions of the Tuvans, like those of other Sayan-Altay peoples, are the most ancient elements of ethnic culture and traditional ritual practices. The close and long association of hunters with nature led to that they had to follow numerous unwritten rules and prohibitions. Any hunting area was necessarily supposed to be owned by its 'master' that was to be honored through offerings. Hunters believed such master spirits could turn into people or wild animals.
Keywords: Tuvans, hunters, hunting traditions, rituals, host spirits, nature, Tuva, Sayan-Altay, nomads
Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, research grant no. 19-012-00073 'Transformation Processes in Onomastics of Central Asian Peoples: Past and Present (Case Studies of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia'.
For citation: Aiyzhy E. V., Mongush A. M. Tuvan Hunting Traditions: An Ethnographic Perspective. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1359–1370. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

Введение

В XXI в. перед человечеством стоит множество глобальных проблем, в частности экологического характера. Одной из главных проблем, требующих первостепенного решения как на глобальном, так и на локальном уровнях, является уничтожение природы и ее ресурсов, истребление животных. Браконьерство представляет серьезную угрозу для природы — нарушение экологического баланса.

Данная проблема стала актуальной для Тувы с конца прошлого столетия. В результате коренной ломки и трансформации тувинского общества в XX в., которые сопровождали вхождение Тувинской Народной Республики в состав СССР, правила взаимоотношений с природой, «неписаные» законы тувинских охотников, что издревле соблюдались предками, частично были утеряны. В наше время деградация традиционных экологических знаний продолжается, вследствие чего нарушается природный баланс, подрывается основа естественной связи человека и природы, а местами уже подорвана безвозвратно. Сохранение и бережное отношение к природе, уважительное отношение к ней и её обитателям являлось и является критически важной жизненной задачей тувинцев, как и любого народа на Земле. Необходимо возродить в современном тувинском обществе, особенно среди охотников, глубокие знания, связанные с бережным отношением к окружающему миру.

Присваивающие формы хозяйства, к которым в первую очередь относится охота, были присущи всем без исключения народам на ранних стадиях их существования. Постепенно роль добывающих промыслов у большинства народов уменьшалась, и они уступали главенствующее положение производящим формам: скотоводству и земледелию. Племена, жившие на территории Тувы, издревле занимались охотой, что подтверждают археологические материалы. По наскальным рисункам в Туве можно судить, что объектами для охотников являлись такие животные, как лось, марал, медведь, горный козел, кабан, волк и т. д. По замечанию С. И. Вайнштейна, изображения диких животных, в особенности копытных, довольно часто встречаются на культовых памятниках («оленные камни») и украшениях, находимых в Туве и на сопредельных территориях. О развитости охоты в то время свидетельствует и специализация охотничьих стрел как у племен, населявших территорию Тувы, так и у населения сопредельных регионов [Вайнштейн 1972: 181].

У тувинцев охотничий промысел играл важную роль в комплексном хозяйстве, для многих семей, у которых было мало скота, охота практически являлась основным источником существования [Вайнштейн 1972: 42].

Историография

Охота как отдельный объект этнографического исследования почти не привлекала внимание исследователей дореволюционного периода. Краткие сведения о промыслах тувинских мужчин встречаются в работах таких авторов, как П. А. Чихачев, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, Е. К. Яковлев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ф. Я. Кон и др. [Чихачев 1974; Радлов 2007; Катанов 2011; Яковлев 1900; Грумм-Гржимайло 1926; Кон 1936].

Одним из первых ученых, вкратце затронувших тувинскую охоту, стал геолог П. А. Чихачев, посетивший в 1842 г. тувинцев, живущих по р. Алаш (Западная Тува). Ему удалось узнать, что некоторые местные охотники во время охоты добирались до русских поселений и продавали там свою добычу. Ученым описана также и случайная встреча с тувинскими охотниками, некоторые из них сидели верхом на быках, другие расположились вокруг пылающего костра и свежевали только что убитого оленя [Чихачев 1974: 194].

Также благодаря охотнику-проводнику он зафиксировал названия местностей, связанные с охотой. Например, «Кочкарлу-Таскиль» (*Кошкарлыг-Таскыл,* гора, где водились горные бараны), «Андюшер-Кол» (*Аң-Дүжер-Хөл*, озеро, где собираются звери) [Чихачев 1974: 170–174]. Название озера достаточно точно объяснил алтаец,

сопровождавший П. А. Чихачева: на данной территории в большом количестве водится много горных баранов, оленей и других животных, которые в определенные часы дня собираются на водопой вокруг озера. Охотники, скрываясь за скалами, выжидали подходящую минуту, чтобы напасть на добычу [Чихачев 1974: 191].

Известный востоковед-тюрколог В. В. Радлов во время экспедиции по Алтаю и Южной Сибири в 1861 г. посетил северо-западную Туву в районе оз. Кара-Холь и р. Алаш. Он отмечал, что тувинцы известны как отличные охотники и охота является их любимым занятием. Шли на промысел целыми группами, могли неделями искать зверя в горах, летом на лошадях, а зимой на лыжах, строили во многих местах хижины из ветвей, и зимой использовали их для ночлега. По его мнению, ружья охотники получали от монголов, а порох изготавливали сами [Радлов 2007: 266].

В 1888–1889 гг. в Туве проводил исследования хакасский ученый Н. Ф. Катанов. Помимо изучения тувинского языка, он также занимался сбором полевых материалов от местных жителей Урянхайского края, изучая предметы быта, типы головных уборов, музыкальных инструментов, тамги, узоры и орнаменты. Ученый обратил внимание на то, что тувинские мужчины пасут скот, сеют хлеб, ходят на охоту, владеют ремесленным искусством в совершенстве. В собранных материалах есть интересные сведения о способах рыбной ловли и охоты, о формах традиционной клятвы мужчин, о тувинских мужских играх. Относительно охоты было замечено, что чаще всего охотятся на диких коз, зайцев, оленей и лосей. Шкуры звериные идут на шубы, шапки и на уплату податей [Катанов 2011: 92].

Е. К. Яковлев, описывая охоту у тувинцев, отмечал, что охота является наиболее важным промыслом и занятием целых «хошунов сойот» [Яковлев 1900: 64]. Также он привел интересные сведения о сакральных знаниях и табуированной лексике тувинских охотников.

О том, что главным занятием тоджинских мужчин является охота, писал Г. Е. Грумм-Гржимайло, отмечая, что обучаются они охотничьему промыслу с юных лет [Грумм-Гржимайло 1926: 49].

Ценные сведения об охоте тувинцев дал Ф. Я. Кон. Так, он подробно описал способы и сезоны охоты на пушных, копытных и хищных зверей, снаряжение охотника. Также он обратил внимание на мировоззрение охотников, их представления о духах — хозяевах гор и местностей [Кон 1936: 143].

Важным этапом в изучении комплексного хозяйства тувинцев, в том числе и охотничьего промысла, стал советский период. Такие ученые, как В. И. Дулов, Л. П. Потапов, С. И. Вайнштейн, Е. Д. Прокофьева, внесли огромный вклад в изучение истории и культуры не только тувинцев, но и других народов Саяно-Алтая. Более системно и комплексно, с использованием исторических и фольклорных материалов, изучили охотничий промысел тувинцев С. И. Вайнштейн и Е. Д. Прокофьева.

Так, Е. Д. Прокофьева подробно описала технологии изготовления орудий труда (и их использование), применяемых мужчинами в скотоводстве, земледелии, оленеводстве, охоте и рыбалке. Она отметила, что все без исключения скотоводческие родоплеменные группы тувинцев занимались также охотой, хотя для более зажиточных скотоводов как владельцев большого поголовья скота охота являлась неким развлечением, спортом [Прокофьева 2011: 164].

Отдельно стоит отметить работы С. И. Вайнштейна, наиболее полно исследовавшего присваивающие формы хозяйства тувинцев и тувинцев-тоджинцев XIX – начала XX в. В своих работах ученый дает комплексную характеристику основным способам добычи зверей и охотничьим орудиям, им проанализирована артельная организация охотничьего промысла, обоснована ведущая роль охоты в хозяйстве тоджинцев. Он отмечал, что у тоджинцев охотой занимались лишь мужчины. Религиозный запрет исключал для женщин не только возможность участвовать в охотничьем промысле, но даже право прикасаться к оружию [Вайнштейн 1961: 4].

Некоторые охотничьи традиции, орудия, способы охоты, названия животных описал в своей работе «Традиционная культура тувинцев» историк и этнограф М. Б. Кенин-Лопсан [Кенин-Лопсан 2006: 11].

В сравнительном аспекте некоторые традиционные охотничьи верования тувинцев и хакасов рассматривали В. Я. Бутанаев

и Ч. В. Монгуш в работе «Архаические обычаи и обряды саянских тюрков» [Бутанаев, Монгуш 2005].

Следует отдельно отметить работу тувинского исследователя В. К. Даржа «Традиционные мужские занятия тувинцев», где он детально дает описание занятий, которые традиционно относились к мужской сфере деятельности, в том числе и охоты [Даржа 2009].

В 2010 г. вышел сборник статей на тувинском языке «Тываларның аңныыр ажыл-дугайында чамдык медээлер» (‘Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев’), выпущенный сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований [Салчак, Монгуш, Баярсайхан 2010]. В сборник вошли статьи о традиционных способах и орудиях охоты тувинцев, а также названия диких животных на цэнгэльском диалекте тувинского языка.

Таким образом, данные работы свидетельствуют, что учеными и исследователями уделялось внимание теме охоты. Однако многие вопросы, связанные с традиционными охотничьими обрядами, правильным охотничьим поведением тувинцев, раскрыты не полностью. Используя имеющуюся литературу и полевые материалы, мы попытаемся более подробно изучить и рассмотреть охотничьи традиции тувинцев, которые являлись основой сохранения экологического и биоразнообразия в Туве.

Охотничьи обряды тувинцев

Охота как важная часть традиционной жизни тувинских мужчин требовала соблюдения ритуальных и моральных предписаний, существовали природоохранительные нормативы в отношении тайги, воды, животных. Находясь на охоте или в пути, охотник должен был соблюдать определенные неписаные правила и запреты. Так, Ф. Я. Кон отмечал, что его проводники-тувинцы неукоснительно выполняли обряды и ритуалы, связанные с почитанием природы, с уважением и страхом относились к окружающей природе [Кон 1936: 13].

Передача мальчикам охотничьих знаний и традиций начиналась с детского возраста. Поначалу учили ставить силки и петли, стрелять из небольших луков в мелких зверей, постепенно мальчики начинали добывать находящихся неподалеку от *аала* тарбаганов, охотиться на лисиц и зайцев. Примерно в возрасте мальчика от 10 лет старшие мужчины в семье, обычно отец, дядя или дедушка, начинали брать его на охоту даже в дальние места. К 13 годам подростку разрешалось наравне со взрослыми охотиться, быть полноценным членом охотничьей артели [Вайнштейн 1972: 210]. Кроме практических знаний, мальчику постепенно передавались и сакральные.

Тувинцы, как и другие близкие к ним народы Саяно-Алтая, верили, что у каждой местности, горы, реки, тайги есть свой дух-хозяин. Интересные сведения на этот счет приводил Е. К. Яковлев. Так, он отмечал, что у тувинцев все земное пространство имеет особое покровительство духа земли и неба — *оран тэлегэй*; звери в лесах, рыба в водах, домашний скот людей — все это богатство *оран тэлэгэя* [Яковлев 1900: 66].

Именно поэтому считалось, что для охотников существует определенная норма на добычу зверя, и если превысить норму — это значит испытывать долготерпение духа. Например, убив оленя, козу, медведя, охотник старался быстрее ободрать шкуру, спрятать мясо, а место убийства прикрыть ветвями и камнями в расчете на то, что таким образом удастся обмануть духа и сбить его с верного счета. Руководящая роль принадлежит случаю, а следовательно, благоволению божества [Яковлев 1900: 66–67]. Такие знания закладывали у мальчиков основу бережного отношения к зверям и птицам.

Традиционная охота тувинцев состояла из нескольких важных этапов, на каждом из которых охотники совершали определенные действия не только практического, но и сакрального характера.

Условно их можно поделить на такие этапы:

1) подготовка к охоте (обряды *чарын салыр*, *хуваанак*, *чалбарыг*);

2) прибытие на место охоты *(чажыг*, *саң салыр*, *чалбарыг*);

3) обряды, совершаемые после добычи животного;

4) распределение добычи (обряд *ужа*).

По словам информантов, перед охотой мужчины всегда проводили специальные обряды, гадали, будет ли удачна охота. Самым распространённым способом га-

дания у охотников был обряд *чарын салыр* (‘гадание по лопатке’)[1]. По мнению В. К. Даржа, гаданием занимались только мужчины, женщин к этому «виду деятельности» даже не подпускали. Гадателей на бараньей лопатке называли *чарынчы*. Такое гадание было непременным атрибутом тувинских охотников [Даржа 2007: 245].

Г. Н. Потанин отмечал, что гадание по лопатке было распространено повсеместно в Монголии: его можно встретить у халхасцев, торгутов, урянхайцев, киргизов и др. [Потанин 1883: 88].

По мнению исследователей, данный способ гадания уходит вглубь веков и широко распространен у кочевых народов [Очирова 2008: 212; Бадмаев 2015: 256]

По словам информанта К. Б. Ооржак, гадание на лопатке бывает двух видов: на обожженной лопатке и необожжённой (*акка көөр*). Большинство охотников гадали на обожженной лопатке. Считалось, что на необожжённой лопатке гадали люди, обладающие особым даром. Лучше всего при гадании использовать баранью лопатку из своего стада, особенно черноголовой белой овцы — так будет гадание достовернее [ПМА: Ооржак 2019].

Об особом отношении к бараньей лопатке у народов Центральной Азии Г. Н. Потанин отмечал следующее: лопатка пользуется среди костей особым уважением; у киргизов считается грехом бросить объеденную лопатку собакам, предварительно не изломав её. У монголов и алтайцев лопатка служила мерилом силы, когда пробуют расшибить *алакан* одним щелчком указательного пальца. В Монголии около *обо* нередко между камнями встречаются лопатки, исписанные молитвой — мани. На важных *обо* встречаются длинные связки исписанных лопаток [Потанин 1883: 91].

У тувинцев мясо лопатки снимают с костей только руками, запрещается срезать мясо ножом или обгрызать зубами. Если рядом находились люди, необходимо было поделиться мясом лопатки. Лопатка должна быть не поцарапанной, чтобы можно было использовать ее в гадании.

Еще одним способом узнать, будет ли охота удачной, было гадание на камнях *хуваанак*. Как отмечал В. К. Даржа, если гаданием на бараньей лопатке занимались практически все охотники, то раскладывать *хуваанак* мог не каждый [Даржа 2007: 249].

Схожее гадание есть у казахов и киргизов под названием *кумалак*. Возможно, обычай гадания на камнях уходит корнями в древнетюркское время. Так, в древнетюркской книге предсказаний «Ырк битиг» упоминается похожее гадание путем бросания кости. По мнению В. М. Яковлева, казахское гадание *кумалак*, описанное в книге на французском языке «Kumalak. Le Miroir de la Destinée» («Кумалак. Зеркало судьбы»), удивительным образом схоже с гаданием, описанным в книге «…из Пещеры Тысячи будд близ Дуньхуана». Перебирание кумалаков в казахском гадании производится совершенно так же, как перебирание и откладывание стеблей тысячелистника при построении гадательных символов (гуа) «Книги Перемен» [Яковлев 2017: 158].

Как отмечает информант К. Б. Ооржак, в гадании *хуваанак* используется 41 камешек, собранный по одному из разных рек или из зоба глухаря. Процесс собирания камешков тоже имеет свои особенности. Так, просто взять камешек было нельзя, необходимо было провести специальный обряд умилостивления и упрашивания путем подношения даров (обычно еды) духу-хозяину реки *суг ээзи*: *Ажы-чемиң бар болза ыяап чашкаштың, «хереглээш ап тур мен» дээш диленир* ‘Если есть с собой еда, обязательно следует накормить духов, «не просто так беру я, а по нужде» — с такими мыслями просить их’ [ПМА: Ооржак 2019].

Тувинцы знали, что никогда нельзя брать чужую вещь, так как у каждой вещи, даже у маленького камешка, есть свой «хозяин». Забирая что-то с «чужой» территории, пространства, сначала необходимо было попросить разрешения. Хранили гадальные камни в специальных кожаных мешочках.

Само гадание начиналось с того, что *хуваанакчы* шептал и спрашивал у гадальных камешков, например, будет ли охота удачной, какие препятствия могут быть на пути, и бросал их, те падали в определенном порядке, а *хуваанакчы* интерпретировал их

[1] Что касается происхождения данного обряда, существует легенда, согласно которой Буддой Манджушри было написано письмо (книга судеб), которое было съедено белым бараном с черной головой, вследствие чего у того на лопатках проявились волшебные знаки [Бадмаев 2015: 260].

комбинации и объяснял, чего ждать охотникам. Подобные гадания и предсказания в основном имели рекомендательный характер. Большинство охотников, конечно, принимали во внимание данные знаки, но действовали по своему усмотрению. Как сказал информант М. М. Ооржак, если гадание вызывало определенные опасения и тревожные знаки, то охотники могли передвинуть охоту на другой день или даже отменить ее [ПМА: Ооржак 2020].

Следует отметить, что подготовка к охоте у тувинцев была насыщена сакральными действиями, как и у других народов Саяно-Алтая. Так, например, о шорцах Л. П. Потапов писал следующее: «Религиозное наполнение звероловного промысла было настолько обильным, что сам промысел представлялся чем-то священным» [Потапов 1936: 27]. Перед охотой нельзя было насмехаться, врать, хвастаться, иметь половые сношения. Особо почтительное отношение было к одежде и орудиям охотника. Как бы необходимо это ни было, выйдя из дома, охотники не возвращались назад. Старались идти на промысел тихо, сохраняя серьезность и благопристойность [Потапов 1936: 27–28].

С началом охотничьего сезона некоторые охотники нередко видели во сне вещие сны, знаки, явственно символизирующие зов тайги. Наши информанты не раз говорили, что тайга, дух-хозяин тайги начинает приглашать на охоту: *Кажан аңнаар сезон чедип кээрге дүжей бээр сен, чалай бээр боон турар аан* ‘Когда наступает сезон охоты, начинаешь видеть сны, в которых как будто [тайга] приглашает’ [ПМА: Сат 2019]; *Ийе, «олча-омааң тайга-таңдыңдан дилен» деп албадап кээр чүве-дир ийин* ‘Да, «проси у тайги удачу, хорошую добычу», понуждает охотиться’ [ПМА: Ооржак 2019].

Схожие обычаи отмечаются и у соседних народов. Так, например, у шорцев и кумандинцев видеть во сне земледельческие и скотоводческие продукты означало возможную неудачу в охоте. Напротив, сюжеты о ловле птиц или сборе кедровых орехов сулили, как считалось, несомненный успех [Сагалаев, Октябрьская 1990: 158].

Таким образом, если охотник соблюдал традиционный охотничий этикет, то у него устанавливалась тесная связь с тайгой. В фольклоре тувинцев много сказок, легенд, связанных с хозяином тайги. Если дух тайги был доволен отношением, которое к нему выказывает охотник, то он мог подарить ему какие-нибудь вещи, символизирующие удачу и богатство. Напротив, если охотник вел себя неправильно, вызывающе, тогда дух тайги мог сделать его сумасшедшим или привести к смерти. У наших информантов в арсенале всегда есть истории о людях, которые встречались с хозяином тайги.

Выбрав подходящий день для охоты, помолившись: *Олча-омактыг болуйн, Өршээ, хайыракан! Өршээ, оран-тандым!* ‘Да будет со мной удача, смилуйся всевышний!’, — охотник выезжал в путь [Казырыкпай, Казырыкпай 2007: 68].

В пути охотники совершали подношения и кропления священным горам, перевалам, мысленно обращались к ним с мольбами о помощи. Если встречали на пути *оваа*, обязательно останавливались.

Прибыв на место, охотники разбивали лагерь *одаг*, где жили несколько дней и даже месяцев. По словам информантов, первым делом варили чай, после этого совершали кропления *чажыг* духам — хозяевам местности *чер ээлеринге*. В зависимости от времени прибытия на место охоты, утром или если было светло, совершали обряд *саң салыр* — подношение хозяину местности, «кормление» запахом еды и можжевельника. Во время этих обрядов охотники обязательно обращались к духу-хозяину местности с просьбой об удаче на охоте. Интересно, что охотники, прося духов о благополучной охоте, не упоминали напрямую названия животных.

Живя в тайге, тувинские охотники соблюдали многочисленные правила и запреты, ведь они временно находились на «чужой» территории, где был свой могущественный хозяин, который при неуважительном отношении мог и покарать. Одним из правил является использование табуированной лексики. Интересные материалы по охотничьей лексике были собраны Н. Д. Сувандии. Так, она отмечает, что тувинские охотники обязательно использовали табуированную лексику в отношении зверей, так как по их поверьям животные понимали человеческую речь и могли узнать о намерениях людей [Сувандии 2016: 139].

Схожие запреты отмечаются и у других народов Саяно-Алтая. Так, у хакасов счи-

тается, что «горные хозяева *таг ээзі* хорошо понимают человеческую речь. Поэтому возник обычай *хазынас*, запрещающий называть вещи своими именами для того, чтобы духи гор не понимали смысл разговора охотников. Особенно строго соблюдали этот обычай при охоте на медведя, соболя, марала, лося, кабаргу» [Кыржинаков 2016: 62].

Как показали исследования Н. Д. Сувандии, только в отношении медведя тувинцы использовали 13 различных названий, более семи — для волка, пять — для лисы. Наиболее почтительные эвфемизмы использовались для обозначения медведя как самого сильного зверя в тайге. Например, медведя называли «дедушкой», «горой», «хозяином тайги», «всеслышащим», «самым большим зверем» [Сувандии 2016: 139].

Запреты и предписания, касающиеся непосредственного промысла зверей, строго соблюдались. Так, категорически нельзя было убивать самок и детенышей, марала с большим количеством ответвлений рогов, старых животных, неспособных убежать, зверей нестандартной масти и др. Согласно представлениям тувинцев, тех, кто нарушает данные правила, в дальнейшем ждала неудача, смертельная опасность, несчастья с близкими родственниками, потеря благополучия. В отношении запретов интересный случай рассказал информант К. Б. Ооржак: *...бир аңнап чорааштың Хады-Булуң тайгазынга чүдек улуг сыын көргеш, боолап-ла, боолап-ла турган мен, бир магазинни төндүр адыптарымга, дегбес боор чоржук. Өршээ Хайыракан, харын-даа дегбээн. Шуут анаа эрттип кылаштап турар чүведир ийин. Чүдек улуг, алчагар, 24 адырлыг мыйыстыг. Дыңнаан кижи мен, улустан, ында ындыг сыын бар, боолаарга дегбес деп. Ол чүве шын чорду, таварышкан мен. Бир Элегестке кудам ашак 24 адырлыг сыын мыйызын киирип алган турда көрген мен, эжиктен сынмаан, соңгадан киирип алган болган. Ооң соонда чок апарды ийин, ол ашак. Чер ээзи болганы ол ыйнаан, муңгаранчыг улуг, болза-даа* ‘Как-то раз, находясь на охоте в тайге Хады-Булун, увидел я огромного марала. Пустив целый магазин патронов, заметил, что ни один из них не достиг цели. *Өршээ Хайыракан*, хорошо, что не попал. Огромный, 24 ответвления рогов. Слышал я от других, что есть такой марал, в которого стреляют, но патроны его не задевают. Оказалось правдой. В Элегесте, дома у свата, видел маральи рога с 24 ответвлениями, занесенные через окно, так как в дверь они не вошли. После этого, не долго прожив, старик умер. *«Чер ээзи»* хозяином местности, наверное, был [тот марал]’ [ПМА: Ооржак 2019].

У тувинских охотников были обязательные обряды, совершаемые после добычи некоторых зверей. Особенное отношение у тувинцев было к медведю. Как говорит К. Б. Ооржак, специально на медведя он не охотится, добывал только при случайной встрече: *Ол чүве-биле шоолуг үрелдешпес кижи мен, арай сестир* ‘С этим [медведем] стараюсь не связываться, слегка побаиваюсь’ [ПМА: Ооржак 2019].

Об особом отношении тувинцев к медведю писал еще Ф. Я. Кон: «Охота на медведя почитается грехом, поступком против совести, несмотря на то, что она производится повсеместно» [Кон 1936: 61]. Далее он подробно описывает обряд после добычи медведя: «Убивший медведя кланяется ему в ноги, говоря: „Мин бодым эмес сэны бооладым“ (я не сам убил тебя), „мены агнаткан — Има-огурда“ (меня заставил такой-то огурда). Наступать на голову медведя или перешагнуть через нее — нельзя. Хвастаться убийством медведя тоже нельзя. „Хайэраханнын чир-хулак“ (у медведя земля — уши), и он может об этом узнать. Ноздрям медведя придается такое важное значение, что в прежние времена голову медведя с ноздрями нельзя было купить. Охотник их вырезал и хранил у себя в юрте. Голову и нижнюю челюсть убитого медведя вешают на дерево или шест на проезжей дороге. Каждый проходящий или проезжающий мимо кланяется ей со словами: „Хайэрхан урше!“ (медведь, помилуй!), чем предотвращается опасность от других медведей» [Кон 1936: 61–62].

Особое отношение к медведю выражалось и в лексике охотников. Например, о добыче медведя в берлоге говорили уважительно: *ижээн алдаан* ‘гостил в берлоге’; убив медведя, говорили: *адыг даялаан* ‘стрела убила медведя’, а не охотник [Даржа 2009: 438].

Тувинцы-тоджинцы после добычи медведя совершали обряд *«шогурер»*. Об этом интересном обряде подробно написал С. И. Вайнштейн. Добыв и освежевав медведя, тоджинцы отрезали у него голову и концы лап. Затем разводили костер и поджаривали на палочках медвежье сало, и, когда оно шипело, все присутствующие негромко, нараспев произносили:

Кадыр таңдым берген чувем!
Кадыр Хам-Сырам берген чувем!
Хуук, хуук, хуук!
Шуук, шуук, шуук!
Эктигникениц берген
чувем! ишәк, шөөк!
Кадыр-озум берген чуве!
Шуук шуук!

‘Этого [медведя] дала крутая тайга!
Этого [медведя] дала крутая Хам-Сыра!
Хуук, хуук, хуук!
Шуук, шуук, шуук!
Этого [медведя] дало урочище
Эктигник Шоок, Шоок!
Этого [медведя] дала [река] Кадыр-ос!
Шуук, шуук!’
[Вайнштейн 1961: 172–173].

После того, как каждый съел по куску сала, в котле начинали варить медвежью голову. Сваренную голову вынимал из котла самый старый из охотников и, отрезав от нее кусок мяса, передавал ее следующему, произнося: «Попробуйте эту голову торая». Затем он брал медвежий череп вместе с челюстью и со словами «череп торая украсим» зачернял его углем из костра. Следующим шагом были «похороны» медведя. Для этого старейший продевал через глазницу черепа кусок аркана, ткани или ветку дерева и подвешивал его на кедр или молодую березу таким образом, чтобы носовая часть была обращена в сторону заходящего солнца. Затем к этому же кедру он подвешивал лапы медведя [Вайнштейн 1961: 172–173].

Тоджинское название медведя *торай* удивительным образом схоже с эвенкийским *Торгандри*, обозначающим имя мифологического «медвежьего предка». Кроме того, в эвенкийских сказаниях упоминается *торганей*, которым называли пеших охотников, связанных с медведем [Василевич 1971: 155]. Также у эвенков «…когда тушу подвозили, все оставшиеся выходили на встречу, махали руками с криками „Ку-ук! Ке-ек! Ка-ак!“» [Василевич 1971: 161].

Заключение

Охотничьи традиции являются важным и древним элементом культуры тувинцев. Вера в духов-хозяев местности, уважительное отношение к ним, по представлениям охотников, непосредственно влияющим на удачу в охоте, являлись частью их мировоззрения. Запреты и предписания, передаваемые из поколения в поколение, являлись важной частью экологической культуры тувинцев. Охотники понимали, что без обращения, поклонения и подношений духам-хозяевам местности удачной охоты им не видать. Именно поэтому необходимо было показать духам искреннее уважение. Полевые исследования показали, что опытные охотники, большей частью проживающие в сельской местности, соблюдают традиционные обряды и ритуалы. К сожалению, не всегда и не везде происходит передача молодому поколению традиционного охотничьего этикета и природоохранительных традиций.

Необходимо сказать и о мотивах традиционной охоты. Если в традиционном обществе у охотников помыслы были направлены не для приобретения богатства, а для выживания, чтобы прокормить семью, то в настоящее время и по причине незнания традиций, и в силу финансовых причин современные охотники безжалостно уничтожают большое количество животных, становясь по сути браконьерами. Доведение до них знаний о неписаных законах традиционной охоты становится важной задачей сохранения как природного баланса, так и культуры народа.

Полевые материалы авторов

Сат 2019 — *Сат Айдыс Викторович*, 1977 г. р., уроженец с. Кунгуртуг Тере-Хольского района. Запись 2019 г.

Ооржак 2019 — *Ооржак Калдар-оол Бойдуевич,* 1945 г. р., уроженец м. Ак Барун-Хемчикского района. Запись 2019 г.

Ооржак 2020 — *Ооржак Мурат Миш-оолович,* 1975 г. р., уроженец с. Бора-Тайга Сут-Хольского района. Запись 2020 г.

Authors' Field Data

Informant: Aydys V. Sat, b. 1977, native to Kungurtug village (Tere-Kholsky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2019. (In Tuv. and Russ.)

Informant: Kaldar-ool B. Oorzhak, b. 1945, native to Ak sumon (Barun-Khemchiksky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2019. (In Tuv. and Russ.)

Informant: Murat M. Oorzhak, b. 1975, native to Bora-Tayga village (Sut-Kholsky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2020. (In Tuv. and Russ.)

Литература

Бадмаев 2015 — *Бадмаев А. А.* Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 255–263.

Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.

Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1972. 314 с.

Вайнштейн 1961 — *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: Ист.-этногр. очерки. М.: Вост. лит., 1961. 218 с.

Василевич 1971 — *Василевич Г. М.* О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века / отв. ред.: Л. П. Потапов, С. В. Иванов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1971 (Сб. МАЭ. Т. XXVII). С. 150–169.

Грумм-Гржимайло 1926 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край [электронный ресурс] // Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран / составлен Г. Е. Грумм-Гржимайло. 1926. 412 с.

Даржа 2007 — *Даржа В. К.* Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 256 с.

Даржа 2009 — *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2009. 592 с.

Казырыкпай, Казырыкпай 2007 — *Казырыкпай Б. О., Казырыкпай Б. Б.* Эр чол (= Мужской путь). Кызыл: ТывНУЧ, 2007. 174 ар.

Катанов 2011 — *Катанов Н. Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Журналист, 2011. 384 с.

Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев / пер. с тувин. А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 230 с.

Кон 1936 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. 2-е изд. Т. 3–4 / отв. ред. М. Чечановский. М.: Сов. писатель, 1936. 356 с. [электронный ресурс] // URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953#?page=1 (дата обращения: 20.07.2020).

Кыржинаков 2016 — *Кыржинаков А. А.* Традиционный промысловый культ у хакасов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 16. С. 61–65.

Очирова 2008 — *Очирова Б. В.* Основные способы гадания у монголов и калмыков по бараньей лопатке и их параллели у других народов // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 212–219.

Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1052 с.

Потапов 1936 — *Потапов Л. П.* Очерки по истории Шории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с. (Труды Ин-та востоковедения. Т. 15.)

Прокофьева 2011 — *Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев (= The process of national consolidation of the tuvans). СПб.: Наука, 2011. 535 с.

Радлов 2007 — *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника (извлечения) // Урянхай.

Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. – первая половина XX в.): в 7 т. Т. 2 / редкол.: К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 221–281.

Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: знак и ритуал / отв. ред. И. М. Гемуев. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1990. 208 с.

Салчак, Монгуш, Баярсайхан 2010 — *Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б.* Тываларның аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер (= Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев). Кызыл: Аныяк, 2010. 80 с.

Сувандии 2016 — *Сувандии Н. Д.* Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–2 (59). С. 138–141.

Чихачев 1974 — *Чихачев П. А.* Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 360 с.

Яковлев 2017 — *Яковлев В. М.* Құмалақашу — устная традиция гадания и её вероятные истоки // Российская тюркология. 2017. № 1–2 (16–17). С. 158–167.

Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.

References

Badmaev A. A. Lamb shoulder in the ritual practice of the Buryats. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2015. Vol. 14. No. 7. Pp. 255–263. (In Russ.)

Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Sayan Turks: Archaic Customs and Rites. Abakan: Katanov Khakass State University, 2005. 196 p. (In Russ.)

Chikhachev P. A. Journey to the Eastern Altay. Moscow: Nauka, GRVL, 1974. 360 p. (In Russ.)

Darzha V. K. The Tuvans: Traditional Male Activities. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2009. 592 p. (In Russ.)

Darzha V. K. Tuvan Nomads: Mysteries of Ethnic Worldviews. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)

Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and the Uriankhai Country. Vol. 3. Is. 1: Essay on Anthropology and Ethnography of the Countries. 1926. 412 p. (In Russ.)

Katanov N. F. Essays on the Uriankhai Land. Notes Taken during a 1889 Journey Commissioned by the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society. K. Bicheldey (ed.). Kyzyl: Zhurnalist, 2011. 384 p. (In Russ.)

Kazyrykpay B. O., Kazyrykpay B. B. The Man's Path. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2007. 174 p. (In Tuv.)

Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditional Culture. A. Dugerzhaa, A. S. Dembirel (transl.). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2006. 230 p. (In Russ.)

Kon F. Ya. Over the Fifty Years. 2nd ed. Vols. 3–4. M. Chechanovsky (ed.). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1936. 356 p. Available at: https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953#?page=1 (accessed: July 20, 2020). (In Russ.)

Kyrzhinakov A. A. Traditional trade cult of Khakas people. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2016. No. 16. Pp. 61–65. (In Russ.)

Ochirova B. V. Sheep shoulder bone divination: key practices of the Mongolians and Kalmyks, with parallels from other ethnic groups. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2008. No. 1. Pp. 212–219. (In Russ.)

Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. 1052 p. (In Russ.)

Potapov L. P. Essays on the History of Shoria. Ser.: Transactions of the Institute of Oriental Studies. Vol. 15. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 260 p. (In Russ.)

Prokofieva E. D. The Process of National Consolidation of the Tuvans. St. Petersburg: Nauka, 2011. 535 p. (In Russ.)

Radlov V. V. From Siberia. Pages of the Diary (extracts). In: Arakchaa K. D., Shoygu K. S. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altay. The Uriankhai, 4th to 20th Centuries AD. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 221–281. (In Russ.)

Sagalaev A. M., Oktyabrskaya I. V. Turks of Southern Siberia: Traditional Worldviews. I. Gemuev (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1990. 208 p. (In Russ.)

Salchak V. S., Mongush B. B., Bayarsaykhan B. Some Data on Hunting Economy of the Tuvans. Z. Samdan (ed.) et al. Kyzyl: Anyyak, 2010. 80 p. (In Tuv.)

Suvandii N. D. Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016. No. 5–2 (59). Pp. 138–141. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Historical Ethnography of Tuva: Problems of Nomadic Economy. USSR Academy of Sciences, Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. Moscow: Nauka, 1972. 314 p. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Tozhu Tuvans: Historical and Ethnographic Essays. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. 218 p. (In Russ.)

Vasilevich G. M. The Bear cult among the Evenks. In: Potapov L. P., Ivanov S. V. (eds.) Peoples of Siberia, Late 19th – Early 20th Century: Religious Beliefs and Rituals. Ser.: Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XXVII. Leningrad: Nauka, 1971. Pp. 150–169. (In Russ.)

Yakovlev E. K. Ethnographic Review of Non-Russian Populations Inhabiting the Southern Yenisei Valley, Suppl. with an Explanatory Catalogue of the Museum's Ethnographic Department. Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)

Yakovlev V. M. Ḳümalaqashu — the oral divination tradition and its supposed origins. *Russian Turkology*. 2017. No. 1–2 (16–17). Pp. 158–167. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1371–1377, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 316.354
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377

Штрихи к портрету сельских территорий Калмыкии (по итогам научной экспедиции 2019 г.)

Людмила Васильевна Намруева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020
© Намруева Л. В., 2020

Аннотация. *Введение*. Автор анализирует материалы научной командировки отдела комплексного мониторинга и информационных технологий КалмНЦ РАН, осуществленной в мае–июне 2019 г. на территории Республики Калмыкия. Исследователь не дает оценочных суждений, он стремится объективно анализировать то, что видит. *Цель* статьи — ввести в научный оборот результаты качественных исследований (наблюдение, интервьюирование). *Результаты.* Автор, используя материалы наблюдений и интервьюирования, анализирует изменения в социальной сфере села и жизни сельского населения современной Калмыкии. Растет доля малых деревень с численностью менее 100 человек, это происходит в результате многолетнего отсутствия работы, продолжительной безработицы, оттока селян в поисках источников доходов. Основными причинами этих негативных социальных последствий явились ликвидация крупных хозяйств, активизация неформальных практик адаптации сельчан к неблагоприятным факторам, что проявилось в социально-географической мобильности, т. е. в миграции из села, а в некоторых случаях из республики. *Выводы*. Села республики сильно различаются, контрасты между лидерами и аутсайдерами усиливаются. Первые развиваются, не уступая по некоторым позициям жизни городу. Вторые находятся в застывшем состоянии упадка 1990-х гг., в них остались только представители старшего поколения. Несмотря на социально-экономические проблемы, в малых селах республики с населением до 500 человек функционируют учреждения образования, здравоохранения, культуры, а без них села просто перестанут существовать. Некоторые проблемы села постепенно решаются, что направлено на улучшение положения сельчан, ослабление их миграционной активности.

Ключевые слова: Калмыкия, население села, научная экспедиция, крупные, средние и малые села, образ жизни, хозяйственные постройки

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект

«Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (номер госрегистрации: АААА–А19-1190111490037-8).
Для цитирования: Намруева Л. В. Штрихи к портрету сельских территорий Калмыкии (по итогам научной экспедиции 2019 г.) // Oriental Studies. 2020. № 5. С. 1371–1377. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377

UDC 316.354
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377

Rural Territories of Kalmykia: Supplementary Perspectives (Summarizing Results of the 2019 Scientific Expedition)

Ludmila V. Namrueva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Associate
0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020
© Namrueva L. V., 2020

Abstract. *Introduction*. The paper analyzes materials collected during the 2019 (May – June) scientific expedition of Kalmyk Scientific Center of the RAS (Department of Comprehensive Monitoring and Information Technologies) across the territory of the republic. The work contains no value judgments but rather aims at eyewitness analysis. *Goals*. The article seeks to introduce outcomes of the qualitative surveys (observations, interviews) into scientific discourse. *Results*. Based on the above, the paper examines actual changes in rural social aspects and the life of contemporary Kalmykia's villagers. The share of settlements with a population less than 100 keeps increasing, which results from long years of unemployment and subsequent labor migration of rural residents. The negative social trends had been determined by the liquidation of large agricultural enterprises, active use of informal adaptation practices by the population manifested in an increased sociogeographic mobility, i.e. migrations from villages and sometimes further from the republic. *Conclusions*. It is also noteworthy that there are significant differences between individual rural localities, and the discrepancies between 'leaders' and 'outsiders' tend to become larger: the former sometimes even keep up with the region's capital, while the latter lead a miserable, depressed life of the 1990s and are inhabited by elderly individuals only. Despite the socioeconomic problems, settlements with a population up to 500 have sustainably operating educational, healthcare, and cultural institutions — otherwise such localities shall simply cease to exist. There is a trend to finally tackle some problems of rural territories, and this should improve living conditions of villagers and diminish migration activities.
Keywords: Kalmykia, rural population, scientific expedition, large, middle, and small sized villages, lifestyles, rural life, outbuildings
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Development of South Russia's Rural Areas: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring' (state reg. no AAAA-A19-1190111490037-8).
For citation: Namrueva L. V. Rural Territories of Kalmykia: Supplementary Perspectives (Summarizing Results of the 2019 Scientific Expedition). *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1371–1377. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377

Введение

Отечественные исследователи из различных научных областей активно изучают проблемы сельских территорий — миграцию сельского населения, растущую безработицу, низкий уровень жизни селян, экономическую диспропорцию в развитии сел, снижение демографического потенциала сельской России. Однако все еще единичными остаются сравнительные исследования, в которых сопоставлялись бы процессы, происходившие в последние два десятилетия и связанные с деградацией села. Так, по Республике Калмыкия проводятся сопоставительные исследования с соседними аридными регионами [Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2018; Намруева 2019; Namrueva 2019; Nuskhaeva 2019].

Как известно, в результате социально-политических преобразований начала 1990-х гг. в стране значительно сократилось сельскохозяйственное производство, прекратили свою деятельность совхозы и колхозы, исчезли связанные с ним виды экономической деятельности. Все это повлияло на рост безработицы, снижение уровня жизни сельского населения, усиление социальных проблем в селах Калмыкии.

Методы. В данной статье рассмотрены материалы научной экспедиции по семи районам республики (Ики-Бурульский, Кетченеровский, Приютненский, Сарпинский Целинный, Юстинский, Яшалтинский районы), осуществленной в мае–июне 2019 г. В ходе качественных исследований, которые включали методы включенного наблюдения, глубинные интервью, были зафиксированы различные сведения по социокультурной деятельности, которые дополняют картину последних изменений в образе жизни сельского населения республики. Выборочное интервьюирование 30 жителей, представляющих разные социальные группы (среди них — главы сельских муниципальных образований (СМО), госслужащие, работники бюджетной сферы, пенсионеры, безработные) в сельских поселениях указанных районов, позволило выявить разные социальные проблемы.

Отметим, что в ходе написания данной статьи автор не ставил целью приводить количественные показатели по каждому району или всем селам, поскольку для нас было важно отразить восприятие села как нами, участниками экспедиции, так и жителями этих сел.

Об облике сел Калмыкии

В ходе экспедиции исследователи побывали в семи крупных поселках, являющихся районными центрами. По сравнительным демографическим показателям, только в одном райцентре в с. Троицком численность населения увеличивается. Глава Троицкого СМО в беседе отмечал: «*В 1990 г. в селе проживало 7 тыс. человек, в настоящее время — 15 тыс., увеличение более чем в два раза. Оно связано с миграцией, переселением жителей других районов, их стремлением жить поближе к Элисте*». В шести других райцентрах (Ики-Бурул, Кетченеры, Приютное, Садовое, Цаган Аман, Яшалта) численность жителей, напротив, уменьшается. К примеру, в Кетченерах в 2010 г. проживало 6 тыс., а на время исследования — немногим более 4 тыс. человек. Население большинства малых и средних сел, где побывали члены экспедиции, находится в пределах от 200 до 1 тыс. человек. Так, специалист СМО сообщал: «*Зарегистрировано 722 человека, а фактически проживает в два раза меньше. В селе 21 дом пустует*».

Подобная картина наблюдается во многих селах республики. Пустующие дома стоят годами, постепенно разрушаясь, что, безусловно, подчеркивает процесс деградации села. Наличие множества хозяйственных построек различного назначения: сеновалов, овчарен, так называемых *катухов* (хлев для мелкой скотины), телятников, свинарников, птичников, свидетельствует о том, что их хозяева в недалеком прошлом активно занимались развитием личного подсобного хозяйства. Опустошенные деревянные постройки постепенно превращаются в развалины. Владельцы просто бросают свои дома в отсутствии спроса на недвижимость в селе и, судя по всему, не планируют возвращаться в родные места. Об этом говорили в своих интервью сельские жители

о своих соседях. *«Из 449 человек 78 живут и работают за пределами села. Дома их пустуют. Два дома приобретены москвичами, которые приезжают в степную глубинку, чтобы поохотиться и половить рыбу»*. Так постепенно идет отток из сел.

Республика Калмыкия находится в зоне резко континентального климата с малым количеством осадков в весенний и летний сезоны. Поэтому во время научной экспедиции нас сопровождала засуха с суховеями, и за весь период ни разу не было дождя. Если в мае степь еще была покрыта сочными травами, то в июне зеленый покров постепенно выгорел. Отсутствие достаточного количества воды в поселках — дождевой или водопроводной — заметно влияет на состояние зеленого убранства сел. «Если во дворах сельчан или вокруг них ничто не растет или одиноко стоят неприхотливые вязы, значит, вода не проведена» [Намруева 2019: 940]. Когда нет дождей, то и эти вязы высыхают. Но встречаются дворы, где, несмотря на отсутствие водопровода, цветут розы, георгины, растут другие садовые цветы и огородные культуры. Однако наблюдается и обратная картина, когда при наличии водопровода селяне практически не занимаются выращиванием овощей, зелени и фруктовых деревьев. Можно констатировать, что постепенно жители сел и поселков в нашем степном регионе все меньше занимаются огородничеством и садоводством. Интервьюируемые селяне перечисляли массу причин этому явлению, среди них дорогая вода для полива, отсутствие возможностей и сил у представителей старшего поколения, которые остались в деревне, нехватка времени и занятость селян младшего поколения в других сферах деятельности. Правда, только единицы в беседах признались, что «*им просто лень заниматься огородом, ведь это сложный труд*». Постепенно селяне отдаляются от всего того, что некогда являлось обычной составляющей сельской жизни.

Облик сел республики относительно однообразен. Кирпичные дома, обычные по планировке и чаще всего воздвигнутые колхозами и совхозами еще в советские времена, практически ничем не отличаются друг от друга. Иногда встречаются саманные и щитовые домики, что были построены в первые годы по возвращению калмыков на родину из мест ссылки в конце 1950-х гг.

Некоторые дома по внутреннему обустройству практически не отличаются от современных городских квартир: проведено отопление от обогревательного котла, оборудованы санузел и ванная с наличием автоматических стиральных машин. Отсутствие водопровода не может остановить стремление селян сделать свой дом комфортней. Некоторые селяне решаются инвестировать в бурение скважин на своих участках, чтобы иметь доступ к артезианской воде, которая обеспечивает не только бытовые потребности, но и хозяйственные нужды в поливе сада, огорода и водопоя домашней скотины. Затраты на бурение скважины, в зависимости от глубины бурения, могут доходить до 15 тыс. руб. и выше. По словам информантов-селян, зачастую из скважин идет соленая вода, но пригодная для водопоя домашних животных. Пресную воду в таких случаях приходится заказывать отдельно или просить у односельчан, у которых из скважины идет пресная вода. Многие, несмотря на значительные затраты на доставку воды водовозной машиной — от 300 до 1 500 рублей за цистерну, регулярно пользуются этой услугой. В некоторых селах, несмотря на наличие водопровода, в каждом дворе имеются бассейны для наполнения водопроводной или привозной водой либо колодцы (для добычи воды из водоносных слоев земли), так как зачастую случаются перебои с водообеспечением. Хозяева крупного подворья могут иметь несколько колодцев или бассейнов: один — для питья и приготовления пищи для домочадцев; другой — для купания, стирки, полива огорода, сада и водопоя домашних животных. Однако большая часть селян не располагает достаточным количеством средств, чтобы оплатить расходы на бурение скважин. Значительная часть сельского населения лишена возможности улучшить свои жизненные условия, получив доступ к источнику чистой воды.

Внешний облик сел также зависит от состояния местных дорог, которые в основном были проселочными, и некоторые дороги были заасфальтированы в 1970–1980-е гг., которые не обновлялись еще с советского периода. Во многих СМО нет достаточных средств для проведения капитального ремонта внутрипоселковых дорог и строительства новых участков. Поэтому

удручающее «ралли» по рытвинам и глубоким ухабам стало частью ежедневной жизни местных. Тем не менее селяне ожидают, что средства, выделяемые федеральным правительством на развитие сельских территорий, будут направлены и на улучшение состояния местных дорог.

Хозяйственная деятельность сельских жителей

Сельский житель республики имеет ограниченные источники для обеспечения благополучия семьи. Перечислим основные из них: зарплата в бюджетном учреждении, коллективном хозяйстве или у фермера, ресурсы личного подсобного хозяйства (ЛПХ), вахтовый способ работы за пределами села, пенсия и другие социальные выплаты. Все они в большинстве случаев могут принести лишь скромный доход и обеспечить простое выживание. Поэтому селяне стремятся комбинировать разные способы возможных заработков, чтобы решить различные семейные проблемы. К примеру, один член семьи работает в бюджетном учреждении, другие члены семьи занимаются личным подсобным хозяйством: «*До пенсии еще шесть лет. Работаю в двух местах: в строительной бригаде и сторожем через двое суток. Уставать некогда. Жена хозяйничает по дому*». Кто-то выезжает на заработки, чтобы обеспечить в дальнейшем вложение заработанных средств в развитие своего ЛПХ. Вот эпизод из интервью с жителем райцентра: Представляется, что именно представители среднего и старшего поколения сельских жителей являются основными «добытчиками» в семье, готовы трудиться не покладая рук, находить новые способы выживания в сложных жизненных ситуациях, пока позволяет здоровье. Вызывает беспокойство мысль, что ждет село с уходом старшего поколения сельчан — поколения тружеников…

Особую роль в жизнедеятельности деревни играли крупные хозяйства, которые решали многие проблемы, связанные не только с социальной инфраструктурой села, но и с обеспечением дешевых кормов для ЛПХ. С ликвидацией совхозов и колхозов перестали существовать многие подворья, так как не каждая семья способна приобретать корма в уцелевших хозяйствах за десятки километров. Половина сельских поселений республики не имеют селообразующих предприятий, поэтому селяне вынуждены искать альтернативные варианты выживания [Намруева 2017: 15]. Лучшие их них — наличие успешного фермера, к которому можно временно трудоустроиться на период важных сельскохозяйственных кампаний; территориальная близость к проходящей федеральной автомобильной магистрали, что позволяет некоторым селянам открыть придорожные кафе и гостиницы, ремонтные мастерские, АЗС, а также трудоустроить своих родственников и односельчан. Стоит отметить, что в придорожных кафе, особенно вдоль федеральной трассы, большой популярностью у водителей большегрузных фур и пассажиров автобусов пользуются блюда калмыцкой кухни. Мясо из Калмыкии (баранина, говядина, конина) стало практически товарным брендом, известным экологическими и высокими вкусовыми свойствами далеко за пределами республики, и именно этот высокий спрос за пределами республики дает предпринимателям некоторое рыночное преимущество, когда они могут выбирать место сбыта своей продукции по разнице в закупочных ценах. Так, к примеру, жители Юстинского района Калмыкии предпочитают везти скотину в с. Соленое Займище соседней Астраханской области, где более высокие закупочные цены, чем в Калмыкии, хотя Яшкульский мясокомбинат Калмыкии находится ближе, чем мясокомбинат в Астраханской области.

Некоторые сельские жители продают на трассе то, что выращено в саду, огороде, на бахчевом участке (арбузы, дыни), либо собрано в лесополосе (смородину) или степи (грибы): *«Какой богатый урожай грибов я собираю и вывожу все на своей машине для продажи в Элисту»*. Горожанами охотно раскупаются привезенные из этого райцентра грибы, консервированные в домашних условиях. Селяне мобилизуют все свои предпринимательские способности, чтобы прокормить свои семью и и найти источники дополнительных доходов.

Среди сельского населения республики наблюдается сильное имущественное расслоение. Есть те, кто смог успешно выстроить деловые и хозяйственные связи. Прежде всего, это фермеры, индивидуальные предприниматели с активной жизненной пози-

цией. В некоторых селах успешные представители этой группы охотно помогают школам, детским садам в приобретении необходимого инвентаря, способствуют улучшению материальной базы образовательных учреждений, оказывают спонсорскую помощь юным спортсменам и артистам. Но есть и села, где предприниматели занимают менее активную социальную позицию по разным причинам. Группа экономически активных селян составляет лишь малую часть населения, большую часть сельского сообщества можно назвать более пассивной, с высокой долей безработных и депрессивными настроениями. Зачастую в этой группе люди ведут нездоровый образ жизни**,** не видя возможностей изменить свою жизнь к лучшему.

Еще одна многочисленная группа — это владельцы личных подсобных хозяйств, которые обеспечивают не только свои нужды, но и поставляют свою продукцию на рынок. По мнению известных социологов села, этой группе также «характерна внутренняя дифференциация: одни больше опираются на предприимчивость или профессионализм, другие — на физическую силу, выносливость, третьи — на ресурсы социальных сетей» [Великий, Дакирова 2012: 15]. Такая дифференциация наблюдается и в селах Калмыкии. В отдельных дворах выстроены добротные хозяйственные постройки: крытые сенники, зернохранилище, гаражи для легковых и грузовых машин. Обилие зелени и плодовых деревьев на подворье свидетельствует о доступе к колодезной воде, возможности поливать огород и ухаживать за садом. Внешним признаком достатка также служит наличие в домах современных стеклопакетов в окнах. Некоторые состоятельные подворья огорожены высокими ограждениями, как бы свидетельствуя о попытке скрыть жизнь внутри двора от посторонних взглядов. В других, более бедных, хозяйствах удручающее впечатление производят неухоженные дворы, пустующие стойла для скота и дома, давно требующие ремонта. Таким образом, усугубляющееся имущественное неравенство свидетельствует об усилении расслоения сельского общества по материальному достатку.

Тем не менее, следует отметить, что источники доходов большинства сельских семей нестабильны, они то появляются, то исчезают. Совокупный доход семьи из разных источников, таких как продажа скота, заработки членов семьи в качестве трудовых мигрантов за пределами села и республики позволяют аккумулировать денежные средства, с помощью которых проводятся крупные семейные мероприятия — такие как свадьбы, похороны близких, совершаются крупные семейные покупки — автомобиль, недвижимость, ремонт жилья, оплата обучения детей в вузах, и т. д.

Заключение

Огромное множество сельских территорий современной России переживают длительный кризис, который берет свое начало еще в советском прошлом и продолжает усиливаться в результате масштабных преобразований 1990-х гг. Тем не менее, несомненно, что сельские территории несут огромную функциональную нагрузку и от их состояния зависит развитие страны в целом. Мы разделяем мнение В. Г. Жалсановой, которая отмечает, что «покуда на карте нашей страны есть села и люди, живущие в них, то можно говорить о наличии экономического и социокультурного потенциала государства и общества» [Жалсанова 2016: 14]. В сегодняшней Калмыкии есть сельское население, которые в большинстве своем постепенно теряет свою мотивацию к занятию традиционным сельскохозяйственным трудом в условиях перехода к рыночной экономике, устав от неравного противостояния с обстоятельствами. Люди вынуждены искать дополнительные заработки если не на местах, то выезжая в города и за пределы республики в трудовую миграцию, которая становится более привлекательной для экономически активной части населения. Жителям сел все сложнее прожить на пенсии, социальные пособия и скромные зарплаты. Одновременно селяне испытывают мощное давление нарастающей потребительской культуры, которая кардинально меняет ценностные ориентиры, повышает требования к комфорту и меняет критерии понимания достатка. Стремление удовлетворить свои материальные желания не сопряжено с такими качествами, как рачительность, альтруизм, солидарность, выносливость, которые веками характеризовали сельского труженика. Тяжелый труд животновода, растениевода

дает материальную отдачу после продажи скота, собранного урожая, это не позволяет постоянно удовлетворять растущие потребности в новой технике, качественном досуге, меняющейся моды одежды, обуви, мебели и т. д. Сельскохозяйственные виды деятельности не привлекательны для большинства молодых жителей республики. Правда, следует заметить, что появилась группа молодежи, которая возвращается к исконному труду предков. Один глава РМО в беседе говорил о том, что «*образовалась очередь молодежи на аренду земли для ведения КФХ*».

Современное село Калмыкии переживает непростые времена, в нем происходят противоречивые процессы, которые требуют глубокого исследования с междисциплинарных позиций. Всесторонний анализ, рекомендации, разработанные учеными, необходимы для формирования политики относительно села степного региона.

Литература

Великий, Дакирова 2012 — *Великий П. П., Дакирова С. Т.* Социальный потенциал деревни // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 3. С. 13–17.

Жалсанова 2016 — *Жалсанова В. Г.* Сельские территории современной России: подходы к исследованию // Социодинамика. 2016. № 10. С. 10–15.

Намруева 2017 — *Намруева Л. В*. Современное село Калмыкии: социологический срез. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 180 с.

Намруева 2019 — *Намруева Л. В.* Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии (по итогам качественных исследований 2019 г.) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 938–944. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-5-938-944

Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2018 — *Намруева Л. В., Нусхаева Б. Б., Бадмаева Н. В.* Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 292 с.

Namrueva 2019 — *Namrueva L*. Transformation of Collective Patterns in Southern Russian Villages in Early 21st Century // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. № 58. Pp. 2399–2406. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.321.

Nuskhaeva 2019 — Nuskhaeva B. B. Economic Situation of the Rural population in the Southern Regions of Russia // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. № 58. Pp. 2503–2509. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.335.

References

Namrueva L. Transformation of collective patterns in Southern Russian villages in early 21st century. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. No. 58. Pp. 2399–2406. (In Eng.) DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.321.

Namrueva L. V. Contemporary Rural Kalmykia: A Sociological Survey. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 180 p. (In Russ.)

Namrueva L. V. The mosaic of contemporary rural life in Kalmykia: a summary of 2019 qualitative surveys. *Oriental Studies*. 2019. No. 5. Pp. 938–944. (In Russ.) https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-5-938-944

Namrueva L. V., Nuskhaeva B. B., Badmaeva N. V. Development of Rural South Russia: Comprehensive Analysis of Socioeconomic Processes. Research Report. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 292 p. (In Russ.)

Nuskhaeva B. B. Economic situation of the rural population in the southern regions of Russia. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. No. 58. Pp. 2503–2509. (In Eng.) DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.335.

Velikiy P. P., Dakirova S. T. Social potential of the post-Soviet countryside. *Proceedings of Saratov University. Ser. Sociology. Politology*. 2012. Vol. 12. No. 3. Pp. 13–17. (In Russ.)

Zhalsanova V. G. Rural territories of contemporary Russia: research approaches. *Sotsiodinamika*. Online journal. 2016. No. 10. Pp. 10–15. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1378–1388, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 7.03
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388

Живопись и графика П. И. Емчегировой 1930–1950-х гг. (по материалам музейных и частных коллекций)

Светлана Гарриевна Батырева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник
0000-0003-4268-0705. E-mail: sargerel@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Батырева С. Г., 2020

Аннотация. *Цель статьи* — исследование изобразительного искусства Калмыкии довоенного времени и периода нахождения калмыцкого народа в депортации (1943–1957 гг.) на примере творчества П. И. Емчегировой, первой художницы-калмычки (1907–1992 гг.). Ее творчество 1930–1950-х гг. мало изучено и представляет особый интерес в силу уникальности произведений. Почти полное отсутствие документов, архивных источников, утраченных в сибирской ссылке, составляет трудности в изучении культурного наследия. *Материалом* исследования являются произведения живописи и графики, прикладного искусства, созданные автором почти за полвека деятельности и хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Государственном Владимиро-Суздальском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, а также в семейном архиве и коллекции. *Результаты.* Введены в научный оборот сведения о неизвестных произведениях художника, которые позволяют расширить тематический спектр произведений калмыцких художников периода 1930–1950-х гг., выявить этническую специфику творческой деятельности П. И. Емчегировой и в целом углубить представление об искусстве как части истории и культуры Калмыкии XX в. В статье также даются сведения о творческом наследии П. И. Емчегировой в период после 1957 г.

Ключевые слова: история, культура, П. И. Емчегирова, творческая личность, депортация, изобразительное искусство Калмыкии

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5). Автор выражает глубокую благодарность Б. О. Лялиной, хранительнице семейного архива и коллекции, за предоставленную возможность ввести в научный оборот документы, сведения и материалы,

позволяющие расширить представление о творчестве П. И. Емчегировой, первой художницы-калмычки, и в целом об изобразительном искусстве 1930–1950-х гг. — малоизученном периоде истории культуры Калмыкии.
Для цитирования: Батырева С. Г. Живопись и графика П. И. Емчегировой 1930–1950-х гг. (по материалам музейных и частных коллекций) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1378–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388

UDC 7. 03
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388

Painting and Graphic Works of P. I. Emchegirova, 1930s–1950s: A Case Study of Museum and Family Collections

Svetlana G. Batyreva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Art Studies), Leading Research Associate
000-0003-4268-0705. E-mail: sargerel@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Batyreva S. G., 2020

Abstract. *Goals.* The article aims at examining visual arts of pre-war Kalmykia and the deportation period (1943–1957) through the example of P. I. Emchegirova (1907–1992) — first ethnic Kalmyk female painter — and her works. The artistic path remains understudied and is of special interest due to a unique nature of art pieces. Studies of the cultural heritage are complicated by the absence of documents and archival sources completely lost during the Siberian deportation. *Materials and Methods*. The work analyzes paintings, drawings and pieces of applied art created by P. I. Emchegirova virtually for over half a century and stored at the Palmov National Museum of Kalmykia, State Vladimir Suzdal Museum Reserve, and in family archives. The analysis of artistic images created by P. I. Emchegirova involves methods of art history, cultural studies, and ethnology. *Results*. The paper introduces data on previously unknown works of the visual artist that significantly extend the thematic range developed by Kalmyks painters in the 1930s–1950s, reveal ethnic specifics in P. I. Emchegirova's activities, and deepen the understanding of local arts as an integral part to 20th-century Kalmykia's history and culture. The study also attempts at historical and cultural reconstructions to somewhat restore lost fine arts, which may classify the former as an interdisciplinary research. There are also some data on the painter's heritage from 1957 onwards.
Keywords: history, culture, creative personality, P. I. Emchegirova, deportation, fine arts of Kalmykia
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5). The author expresses gratitude to B. O. Lyalina, a custodian of family archives and collection, for the granted opportunity to introduce data, materials and documents dealing with P. I. Emchegirova and her artistic path into scientific discourse.
For citation: Batyreva S. G. Painting and Graphic Works of P. I. Emchegirova, 1930s–1950s: A Case Study of Museum and Family Collections. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1378–1388. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388

Введение

Обращение к теме изобразительного искусства Калмыкии в 1930-е гг. и 1940–1950-е гг. осложнено отсутствием документального и художественного материала 1940–1950-х гг., что связано с тринадцатилетней ссылкой калмыков в Сибирь. Семейный архив П. И. Емчегировой (1907–1992 гг.), принимавшей участие в художественной жизни республики 1930-х гг., ее произведения 1940–1950-х гг. из собраний Национального музея Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова и Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника дают возможность расширить представление о малоизученном периоде истории калмыцкой культуры. С опорой на анализ этих произведений и с привлечением некоторых архивных сведений и музейных материалов реализована попытка реконструировать сведения об истории искусства Калмыкии в довоенное время и период пребывания калмыцкого народа в депортации.

Изобразительное искусство Калмыкии формируется в советский период, в 1930-х гг., и характеризуется усвоением основ социалистического реализма и пролетарской идеологии. Происходит это в противостоянии культуре прежнего общества, которую надо было разрушить «до основания», построив новый мир… Профессиональное искусство было призвано бороться с формализмом и пережитками прошлого в новой, советской культуре. На это были направлены партийные и правительственные указания и, в частности, постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». В 1930-е гг. в Калмыкии появляются первые художники, их произведения. Активная организаторская и творческая деятельность профессионалов И. С. Нусхаева, Л. Э. Очирова определили содержание молодого изобразительного искусства Калмыкии довоенного времени. Достижения, продемонстрированные на юбилейной выставке 1940 г., посвященной эпосу «Джангар», были утрачены в последующий период: началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., затем последовала сибирская ссылка калмыцкого народа (1943–1957 гг.) [Бадмаева 1994: 1]. В период депортации общественные связи между калмыками были нарушены, и имеются определенные трудности в восстановлении отдельных явлений художественной жизни калмыцкого народа этого периода. В связи с ликвидацией республики и тотальной депортацией калмыков имеются сложности и в восстановлении истории художественной жизни 1930-х гг., так как были уничтожены объекты культурного наследия.

Организатором первой художественной выставки в Калмыкии в 1937 г. выступило Управление по делам искусства при Совете народных комиссаров Калмыцкой АССР, в частности большую работу проводил Иван Сидорович Нусхаев (1910–1944(5?)) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 94. Л. 29–32], получивший образование в Астраханском художественно-педагогическом техникуме и Институте пролетарского искусства в Ленинграде. Согласно данным семейного архива, хранящего записи и документы художницы Пелагеи Ивановны Емчегировой (1907–1992), в выставке приняли участие 13 художников, профессиональных и большей частью самодеятельных. Среди них: Братков Леонид Вениаминович, Емчегирова Полина (Пелагея) Ивановна, Нусхаев Иван Сидорович, Очиров Лиджи Эрднеевич, Фомин Александр Андреевич, Хазыков Сергей Абекович (Абенович), а также самодеятельные авторы Иван Андреенко и Савченко, ученики элистинских школ, народные мастера Киреп (Киирб) Бадаков, Бокта Сангаджиев, Дорджи Бамбушев, Э. Г. Бадашов и Виктор Бондин[1] [Семейный архив П. И. Емчегировой]. Содержанием произведений, отвечавших пролетарскому духу времени, было изображение трудовой жизни автономной республики, строившей социализм, а также исторические и фольклорные сюжеты — в творчестве художников И. С. Нусхаева и Л. Э. Очирова. Боль-

[1] Написание фамилий и имен дается по записям П. И. Емчегировой, в скобках даны другие известные нам варианты написания

шей частью произведения эти не дошли до нашего времени [Изобразительное искусство 2009: 539]. Первая выставка, собравшая творческие силы, сыграла значимую консолидирующую роль в становлении довоенного искусства Калмыкии.

Помимо указанных деятелей того времени, нельзя не сказать о художнице П. И. Емчегировой, входившей в оргкомитет выставки и принимавшей активное участие в художественном процессе. На выставке 1937 г. были представлены ее произведения: живописный «Автопортрет», карандашные и акварельные зарисовки новой жизни, портреты современников. Совместно с председателем республиканского оргкомитета Союза художников СССР И. С. Нусхаевым, с 1939 г. исполнявшим обязанности начальника Управления по делам искусств СНК Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 508. Л. 35], принял активное участие в подготовке выставки 1940 г. В. А. Фаворский, первый иллюстратор юбилейного издания эпоса «Джангар» [Джангар 1940; Мир эпоса 1992]. Сподвижником в организационной деятельности был Л. Э. Очиров (1914–1949(?)), художник и артист, в 1939 г. назначенный первым директором Калмыцкой картинной галереи, открывшейся в г. Элисте. Управлению по делам искусств поручено было укомплектовать музей произведениями. Своим рождением галерея обязана готовившейся в то время республиканской художественной выставке 1940 г., посвященной 500-летию калмыцкого народного эпоса «Джангар» [Батырева 2014: 19–26].

Отдельные сведения о времени подготовки к торжествам 1940 г. содержатся в книге искусствоведа и художника И. Г. Ковалева, посвященной земляку «Солдат, художник, учитель. Р. Н. Богославский» [Ковалев 2019: 10–15], в которой, делясь воспоминаниями детства, автор упоминает работавших над оформлением сцены летнего театра в г. Элисте Ивана Нусхаева, Лиджи Очирова и Родиона Богославского. Памятная экспозиция произведений 1940 г. калмыцких и московских художников явилась одним из основных событий в праздновании полутысячелетнего юбилея фольклорного достояния Калмыкии. В активной подготовке к этой выставке происходило становление видов и жанров реалистического искусства, произведения которого создавались художниками, вдохновленными народным эпосом. Культурное наследие явилось этнической доминантой художественного процесса, объединило творческие усилия местных и московских авторов, призванных оказать помощь в организации выставки [Трошин 1970: 67]. В 1940 г. республика вместе с художественной интеллигенцией страны, приехавшей на торжества в Калмыкию, праздновала 500-летний юбилей эпоса «Джангар», ставший главным событием предвоенной эпохи. Этот юбилей сыграл выдающуюся роль в становлении не только изобразительного искусства, но литературы и театра — искусства в целом, концентрирующего самосознание национальной культуры [Эткинд 1987: 85–92].

Время творческого созидания консолидировало художественные силы республики, оставив незабываемый след в дальнейшей судьбе народа и его культуры. В сфере влияния искусства оказываются юные участники первой художественной выставки 1937 г. И. Андриенко и Савченко, упоминаемые в записях П. И. Емчегировой [Семейный архив П. И. Емчегировой]. Учащийся средней школы № 1 г. Элисты Г. Рокчинский получает первый приз в республиканском конкурсе на лучший рисунок. Снимок 1937 г. «Гарик рисует Пушкина» сделан А. В. Шишкиным (1899–1985 гг.), фотокорреспондентом журнала «Крестьянка». Оригинал снимка на обороте имеет надпись (возможно, сделанную рукой фотографа). «Образцовая школа 10-летка в г. Элиста Калмыцкой АССР. Рокчинский Гаря к Пушкинским дням нарисовал портрет Пушкина — взрослого, в детстве, в саду, в Крыму и другие», — пишет исследователь Г. В. Нурова [Нурова 2014: 85–88]. Юношескими впечатлениями 1930-х гг. обусловлено появление живописной «Джангариады» Г. О. Рокчинского (1923–1993 гг.), народного художника РСФСР [Живопись как знак культуры 2004]. На время становления калмыцкого искусства пришлась молодость художницы П. И. Емчегировой, что определило ее дальнейшее творчество. Участие в исторических событиях тех лет и память о них содействовали формированию особого сознания представителей народа, позволившего им выстоять и выжить в последующих испытаниях, в том числе в Широклаге [Ба-

тырева 2019: 46–55] и депортации в Сибирь.

Цель статьи — исследование изобразительного искусства Калмыкии довоенного времени и периода нахождения калмыцкого народа в депортации (1943–1957 гг.) на примере творчества П. И. Емчегировой, первой художницы-калмычки (1907–1992 гг.).

Материалы и методы

Обращение к деятельности творческой личности предполагает применение междисциплинарного метода анализа произведений [Искусство… 2002], включающего анализ искусства в контексте социально-культурной сферы XX в. В исследовании творчества опираемся на понимание культуры как способа бытия человека, искусства как «образной модели культуры» и «самосознания», «этнокультурного явления» [Каган 1987: 6–22; Эткинд 1987: 85–92; Щедрина 1987: 41–47]. Подчеркнем, особенностью развития культуры калмыцкого народа вплоть до его противозаконной депортации 1943 г. было живое бытие традиционной культуры этноса, его эпического наследия, оказавшего непосредственное влияние на художественные кадры Калмыкии в 1930–1940-е гг. Этим определяется содержание и творческой деятельности П. И. Емчегировой до депортации, продолжаемой в 1940–1950-е гг. в сибирской ссылке и позднее, во второй половине XX в. Вместе с тем творчество П. И. Емчегировой, первой художницы-калмычки, активно участвовавшей в становлении калмыцкого изобразительного искусства, является и следствием кардинального изменения положения женщины в советском обществе.

Первая художница-калмычка и ее произведения, созданные в конце 1930-х гг. и в период нахождения в сибирской ссылке

Пелагея Ивановна Емчегирова родилась 15 марта 1907 г. в станице Новониколаевской Ростовской области в многодетной семье. С детства ей приходилось помогать матери шить одежду на заказ, в интернате она научилась читать и писать. По окончании художественно-педагогического техникума в г. Астрахани работала учителем рисования в школах п. Яшалты и г. Элисте. Пелагея Емчегирова состояла в оргкомитете первой выставки калмыцких художников 1937 г., где тесно сотрудничала с художниками Иваном Нусхаевым и Лиджи Очировым. На эту выставку П. И. Емчегирова также представила свои произведения, среди которых — живописные «Автопортрет», тематические композиции «Детские ясли» и «Отдых в колхозе», повествующие о новой жизни в республике [Художники 2009]. В технике акварели были исполнены «Натюрморт» и портретные образы: «Старик в папахе», «Девочка», «Калмычка»; в карандашной технике — «Голова мальчика», «Мужчина с палкой». Многие из произведений того времени, имеющих документальную значимость, утеряны, не сохранились и фото работ, — отмечает Баира Очировна Лялина, внучка П. И. Емчегировой и хранитель семейного архива. Исследователь изобразительного искусства советской Калмыкии И. И. Трошин писал о произведениях П. И. Емчегировой 1939–1941 гг.: «Первая художница-калмычка Полина Ивановна Емчегирова известна своими полотнами „Собрание в колхозе“, „Всеобуч“, портретами колхозников и детей» [Трошин 1970: 65]; но исследователь не приводил анализ ее произведений, которые отвечали духу пролетарского времени.

Не сохранился «Автопортрет», упоминаемый в перечне работ на выставке 1937 г. Но с автопортретом художницы мы можем познакомиться благодаря произведению автора, созданному в 1977 г., которое находится в собрании Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Здесь художница изображена в анфас, в национальном костюме замужней калмычки, с трубкой в руке. Считается, что ранним вариантом портрета является живописный образ 1946 г. создания. К сожалению, не упоминаются в каталоге произведения, представленные П. И. Емчегировой на выставку 1940 г., в которой принимали участие Н. М. Аввакумов, Л. И. Аронов, Р. Н. Богославский, Г. А. Ечеистов, И. С. Нусхаев, Л. Э. Очиров, В. А. и Н. А. Фаворские, Н. С. Фатов, Э. М. Шараев (указанные в каталожном издании выставки 1940 г.) [Каталог 1940; Ковалев 2019: 27]. Предполагаем, что произведения П. И. Емчегировой были представлены вниманию выставочного комитета во главе с В. А. Фаворским, как и произведения Р. Н. Богославского, вошедшие в экспозицию в количестве 34 объек-

тов [Ковалев 2019: 31]. Всего было отобрано 193 произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Выставка, подчеркнем, явилась событием в культурной жизни республики, обозначив формирование видов и жанровое многообразие изобразительного искусства Калмыкии довоенного времени.

Важно отметить, что по результатам выставки был проведен «Просмотр работ молодых художников в связи с творческими планами на 1940 г.». В Москву были отправлены документы на прием в члены Союза художников СССР (СХ СССР), среди них были документы П. И. Емчегировой. В результате на заседании Национальной комиссии от 12 июня 1941 г., буквально за 10 дней до начала войны, были утверждены кандидатуры Р. Н. Богославского и П. И. Емчегировой для вступления в члены СХ СССР. Р. Н. Богославский через десятилетия, в 1995 г., получил свой членский билет благодаря хлопотам И. Г. Ковалева, разыскавшего потерянный во времени документ [Ковалев 2019: 34, 81].

«Отчет члена бригады Оргкомитета ССХ СССР т. Аронова о проделанной работе по Союзу художников Калмыкии» от 12 июня 1941 г., приводимый в издании И. Г. Ковалева, содержит сведения о подготовке калмыцких художников к выставке «Наша Родина». Среди них указываются темы произведений, над которыми работают авторы: «Нусхаев — „Пушкин в Калмыкии“, Очиров — „Петр I на приеме у калмыцкого хана“, Богославский — „Орденоносец Гаряев среди детей“, Емчегирова – „Портреты колхозников и детей“» [Ковалев 2019: 29]. И. Г. Ковалев дополняет эти сведения припиской «Правление СХ Калмыкии отправило в Москву рекомендованные произведения местных авторов на выставку „Наша Родина“, которая должна была состояться в конце июня 1941 года» [Ковалев 2019: 35]. Грянувшая война смешивает все планы молодого Союза художников… Неизвестна судьба произведений, предназначавшихся для выставки в Москве в июне 1941 г. Из упомянутых в отчете Л. Аронова произведений сохранились лишь живописные этюды И. С. Нусхаева на тему «Пушкин в Калмыкии» (хранятся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова).

В период Великой Отечественной войны, начавшейся с вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, меняется тематика произведений калмыцких художников, призванных перестроиться в работе. Так, в письме ССХ Калмыцкой АССР Оргкомитету ССХ СССР от 25 июля 1941 г. председатель правления И. С. Нусхаев сообщает о двух бригадах, обслуживающих нужды военных организаций Калмыцкой АССР по оформлению призывных участков, ленинских комнат, военных комиссариатов, батальонных клубов. Художники пишут плакаты: Л. Э. Очиров — «Гитлер — это война», «Таков будет конец Гитлера»; И. С. Нусхаев — «Смерть озверелому фашизму», «Так было, так будет»: Р. Н. Богославский — плакаты по противовоздушной и химической обороне. ССХ Калмыкии выпускает «Окно ТАСС», пользующееся популярностью у населения. В марте 1942 г. была организована следующая республиканская выставка, после чего планировалось проведение персональных выставок. Их содержание обозначено жизнью республики в предвоенный период [Трошин 1970: 76–77; Батырева 2014: 27; Ковалев 2019: 30–33].

В это время активизируется работа НКВД по проверке и выявлению врагов народа, вследствие доносов под подозрением оказываются И. С. Нусхаев и Л. Э. Очиров. Художники, активно проявлявшие себя не только в творческой, но и общественной деятельности, заканчивают жизнь в тюремных застенках по доносу в органы: в годы политических репрессий 1930–1940-х гг. представители калмыцкой культуры, как и любой из советских граждан, могли оказаться на их месте.

Дальнейшему развитию изобразительного искусства Калмыкии не суждено было продолжиться в ближайший период: оно обрывается в утратах и лишениях тринадцатилетней ссылки народа в Сибирь.

Автономия Калмыкии была упразднена указом от 28 декабря 1943 г. и была восстановлена лишь в 1957 г. Немногочисленный калмыцкий народ в результате насильственной депортации был рассеян на огромной территории бывшего Союза от Казахстана и республик Средней Азии до Камчатки и Сахалина. Довоенные достижения культуры и искусства калмыцкого народа были

разрушены вследствие как материальных потерь (в том числе утраты самих произведений искусства), так и разъединения самого общества, в том числе и духовного. Сложно было предугадать его будущее и тем более — искусства. Бытие народа, потерявшего в ссылке много человеческих жизней, складывалось в страданиях и суровых испытаниях. «В 1943 году П. И. Емчегирова вместе с семьей оказывается на станции Кормиловка Омской области. Здесь пригодилось ее художественное образование, она непродолжительное время работает учителем рисования и черчения в школе, откуда ее увольняют по национальному признаку. Она устраивается и работает в артели швей-закройщицей, где благодаря знаниям и умениям была удостоена высокой квалификации мастера, что позволило семье пережить страшные годы ссылки. Пелагея Емчегирова — единственная из калмыцких художников довоенного времени, кто выжил в период репрессий и сибирской ссылки», — замечает Б. О. Лялина.

В депортации на творчество времени не хватало, надо было кормить семью, детей, а их у нее было четверо. Вместе с тем Пелагея Емчегирова продолжает рисовать, принимая участие в выставках — в 1945 г. в Омской области, и уже после войны в 1947 г. в г. Москве. К областной выставке самодеятельных художников П. И. Емчегирова пишет копию картины В. Васнецова «Богатыри» (из собрания Государственной Третьяковской галереи). Работа больших размеров (175х122 см) хранится в семейной коллекции как свидетельство выросших творческих возможностей художницы, писавшей с маленькой некачественной в полиграфии репродукции. Живописным полотном «Три богатыря» и произведениями прикладного искусства — калмыцкой вышивкой — мастерица принимает участие в выставках самодеятельного творчества в 1947–1958 гг. Она кроит, шьет и вышивает национальный костюм как произведение, отражающее культурное достояние своего народа, с любовью занимаясь его художественной реконструкцией.

Именно в калмыцком костюме П. И. Емчегирова изобразит себя в «Автопортрете», написанном позже, в 1977(?) г. (хранится в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова). В автопортрете детально вылеплено лицо женщины в пышном головном уборе *халмаг* с красным махровым верхом *улан зала.* В ушах небольшие *санджелта сиик,* косы вдеты в матерчатые *шиврлг* с серебрянными подвесками *токуг*. Тулово шапки и грудную распашную часть нижнего платья *терлг* украшает золотное шитье калмыцкой вышивки. Выражение лица спокойное, она уверенно смотрит на зрителя. Фигура показана в небольшом повороте справа налево, в руках зажаты небольшая курительная трубка, отделанная серебром, и матерчатый кисет. Обращает на себя внимание костюм художницы, прописанный в полноте ансамбля: синего нижнего платья *терлг*, нижней рубашки *киилг* с белым воротничком, верхней безрукавки *цегдг.* Отметим, часть предметов этого костюма хранится в коллекции семьи П. И. Емчегировой.

В презентации модели «Автопортрета» ощущается чувство собственного достоинства, происходящее из осознания себя личностью, достойной внимания и уважения. Перед нами молодая женщина-калмычка, мать многодетной семьи, художница, что было чрезвычайной редкостью не только в калмыцкой среде того времени. Вкупе эти детали портрета свидетельствуют о полноте ее жизни, отданной не только семье и детям, работе, но еще и творчеству в период депортации. Занятие, достойное особого уважения, свидетельствует о национальном самосознании незаурядной личности П. И. Емчегировой, участвовавшей в выставках в период, когда калмыцкий народ находился в ссылке. В годы депортации экспонировались в Казахстане на персональной выставке в г. Алма-Ате и произведения Г. О. Рокчинского 1950-х гг. Художник участвовал в Декаде культуры и искусства Казахстана (1958 г.) в г. Москве. Его картина «На целине» выставлялась в Кремле, о чем восторженно писал калмыцкий поэт Д. Н. Кугультинов в очерке «Картина Гаря Рокчинского в Кремле» [Кугультинов 1966: 121–123]. Ряд произведений этого автора хранится ныне в Казахской государственной картинной галере им. Т. Г. Шевченко, свидетельствуя, как и работы П. И. Емчегировой 1940–1950-х гг., о непрерывности художественного процесса, начатого в довоенной Калмыкии 1930-х гг. – 1941 г.

Творческие работы П. И. Емчегировой, созданные после 1957 г.

9 января 1957 г. были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», а 12 января 1957 г. — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края». Только с этого времени был окончательно отменен запрет на возвращение калмыков в родные места, хотя еще в 1956 г. отдельные семьи депортированных стали возвращаться в родные места после тринадцатилетней ссылки. Трудно подсчитать материальные, духовные и человеческие потери народа в депортации. Стремление возместить утраты в творческом созидании инициирует подъем калмыцкого изобразительного искусства в 1960-е гг. Плодотворно работают художники старшего поколения Г. О. Рокчинский, Н. А. Санджиев, У. Д.-Г. Бадмаев, К. М. Ольдаев и др. Жизнь П. И. Емчегировой на родине в поселке Башанта (ныне г. Городовиковск) связана с искусством, она продолжает участвовать в выставках и все больше занимается художественной самодеятельностью. По сообщению Б. О. Лялиной, Пелагея Ивановна руководила творческим ансамблем в районном Доме культуры, ставила народные танцы в студенческом коллективе сельхозтехникума. Она участвует в концерте художественной самодеятельности Калмыцкой АССР в Колонном зале Дома Союзов в 1962 г., выступает в народном костюме, ею сшитом и вышитом. Документы того времени: программки и приглашение, пропуск в Кремль — свидетельство событий возрождения калмыцкой культуры и искусства в период после восстановления республики.

Б. О. Лялина вспоминает: «Как-то в середине 1960-х годов на семинаре Г. О. Рокчинский посоветовал Пелагее Ивановне обратиться к теме гражданской войны, знакомой не понаслышке, с детства. В 10-летнем возрасте став очевидцем трагических событий гражданской войны 1918 года, она решила изобразить эпизод того времени, о котором не переставала думать все эти годы». В 1966 г., почти через полвека, ею была написана картина «Расстрел большевички», посвященная Апте Балханаковой. Из архивных записей П. И. Емчегировой узнаем о ней: «Аптя была из бедной семьи, и с энтузиазмом приняла революцию и большевиков. Она восстала… за счастье своего народа... Ее сын Ради(й) Бембинович Балханаков, будучи революционером в 1917–1918 годах, читал ей о будущем счастье нашего народа из книг великого Ленина» [Семейный архив П. И. Емчегировой]. Документально правдив драматический сюжет расстрела женщины-калмычки, мужественно противостоящей солдатам… Д. А. Балханаков, участник Французского сопротивления времен Великой Отечественной войны, внук героини, был впечатлен произведением… Живая свидетельница ее трагической гибели посвятила картину памяти Апти Балханаковой.

Женские образы занимают значительное место в творчестве П. И. Емчегировой: «Расстрел большевички», «Мать-героиня», «Автопортрет», «Крановщица» — созданы в разные годы, часть из этих произведений является собственностью Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. В произведениях автор, невольно сопоставляя себя с изображением, вкладывает свои мысли и чувства в создаваемый образ. Бесправное положение калмычки с приходом советской власти меняется, она обретает свободу выбора. Такова судьба самой Пелагеи Ивановны, с энтузиазмом воспринявшей воззвание Ленина к братьям-калмыкам и всю жизнь остававшейся верной идеалам социализма. Осознавая себя творческой личностью, художница пишет автопортреты в национальном костюме (1937, 1946, 1977 гг.), произведения эти датированы довоенным временем, периодом депортации и восстановления автономии республики. Изображая себя, автор с особой тщательностью воспроизводит крой, цвет и детали калмыцкой одежды, отражая традиционные приемы шитья и вышивки. Не случайно на пятидесятилетний юбилей народного художника РСФСР Г. О. Рокчинского она дарит ему сшитый ею мужской бешмет, сопровождая благопожеланием. В символической образности подарка мастерица желает долгие годы творить, оставаясь калмыцким

художником, народным по призванию. В национальном костюме она видит вековые традиции своей культуры, оберегавшие народ в испытаниях депортации, позволившие сохранить и самобытно выразить этническую идентичность в творчестве.

В Доме творчества «Горячий ключ» Краснодарского края родилось ее произведение «Семья художника» (1979 г.), ныне собственность Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Произведение дает возможность ощутить творческую атмосферу семьи Очира Кикеева (1940–2003 гг.), заслуженного художника РСФСР, супругой которого являлась дочь П. И. Емчегировой Зема Александровна Чурюмова. Основной фигурой композиции является художник у мольберта, за столом изображена дочь с нарисованным портретом отца, в руках у сына лошадка, вылепленная из пластилина. Изображение матери с малышкой на руках замыкает групповой портрет. Сцена семейной жизни наполнена спокойствием и умиротворением творчества, которому была посвящена жизнь П. И. Емчегировой. В рисунке она гармонично соединила свои устремления художника и обязанности матери семейства, создав идеальную композицию, мечту непростой жизни первой художницы-калмычки. Известно, как трудно совместить творческую деятельность с запросами повседневного бытия, особенно это непросто для женщины-матери, хранительницы семейного очага, активно участвующей в общественной жизни. В собрание Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника входят также: «Портрет матери-героини», национальный костюм и его атрибуты (шапка, трубка, платок, кисет, бусы, сумка-копилка), поступившие в 1970-е гг. (тканые предметы, входящие в ансамбль костюма, вышиты нитью, бисером).

Заключение

Впечатляет перечень художественных выставок, на которых экспонировались работы П. И. Емчегировой: I республиканская выставка калмыцких художников, г. Элиста, 1937 г., далее выставки 1938, 1942 гг. в довоенной Калмыкии. В период ссылки калмыцкого народа П. И. Емчегирова участвовала в выставках: в 1945 г. — в региональной в Омске, в 1947 г. — во всероссийской в Москве. С 1958 г. мастерица П. И. Емчегирова активно участвовала в республиканских, всероссийских и всесоюзных выставках профессионального и самодеятельного творчества. Ее внучка Б. О. Лялина отмечает, что она любила повторять калмыцкую пословицу *Суһульта күн үршго* (‘Грамотный человек нигде не пропадет’). Ее стремление постоянно учиться реализовывалось уже в довоенный период (в 1930–1940-е гг.), в родной республике, когда происходило становление ее личности. В ссылке она проходит испытания как человек, мать и творческая личность, не переставая работать и в 1950-е гг. Созидательная деятельность продолжается по возвращении на родину. Произведения тематического плана и портретные образы, созданные Пелагеей Ивановной Емчегировой на протяжении почти пятидесяти лет — с 1937 по 1984 гг., оставлены нам в наследие.

В результате рассмотрения и анализа выявленных материалов о наследии прожившей большую творческую жизнь П. И. Емчегировой установлен жанровый спектр ее произведений 1930–1950-х гг.: в графике и живописи представлены портрет и тематическая картина, авторские произведения относятся также к декоративно-прикладному искусству. Часть работ приходится на депортационный период (1943–1957 гг.), в котором художническая жизнь калмыков была ограничена, а соответственно сведения о ней мало известны.

Произведения П. И. Емчегировой хранятся в музейных и частном собраниях России: Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Государственном Владимиро-Суздальском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, в архиве и коллекции семьи художницы П. И. Емчегировой. Значительная часть информации, вводимой в научный оборот, почерпнута из личного архива художницы, любезно предоставленной ее внучкой Б. О. Лялиной. Это записи П. И. Емчегировой о событиях в жизни, списки ее работ, дипломов, упоминаний в периодических изданиях, перечень выставок, в которых она принимала участие.

Таким образом, привлечение материалов семейных архивов и коллекций, мало-

известных экспонатов из разных музейных собраний может дать материал для реконструкции истории изобразительного искусства калмыцкого народа, которое продолжало бытовать в творчестве отдельных художников и в период нахождения калмыцкого народа в ссылке после насильственной депортации. Поиск таких материалов необходимо продолжить для дальнейшего изучения истории калмыцкого искусства.

Источники

Семейный архив П. И. Емчегировой — Записи и документы из семейного архива П. И. Емчегировой (1907–1992 гг.).

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 508. Л. 35; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 94. Л. 29–32.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 8–8а. А. В. Шишкин. Фотография Гари Рокчинского с нарисованными им портретами А. С. Пушкина [электронный ресурс] // URL: https://rgali.ru/obj/14900165 (дата обращения 15.04.2019).

Sources

Family Archives of P. I. Emchegirova (1907–1992). (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll. P-131. Cat. 1. File 508. P. 35; File 94. Pp. 29–32. (In Russ.)

Russian State Archive of Literature and Arts. Coll. 617. Cat. 1. Item 223. Pp. 8–8a. A. V. Shishkin. Photograph of Gari Rokchinsky and his portraits of A. S. Pushkin. Available at: rgali.ru>obj/14900165 (accessed: April 15, 2019). (In Russ.)

Литература

Бадмаева 1994 — *Бадмаева А. А.* Тема депортации в изобразительном искусстве Калмыкии. Альбом. Элиста: Кавказская здравница, 1994. С. 1–3.

Батырева 2014 — *Батырева С. Г.* Изобразительное искусство Калмыкии (1957–2000). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 226 с.

Батырева 2019 — *Батырева С. Г.* Тема Памяти в депортационном творчестве народного художника РСФСР Г. О. Рокчинского (1944–1947) // Magna Adsurgit: historia studiorum. 2019. № 1. С. 46–55.

Джангар 1940 — Джангар. Калмыцкий народный эпос / пер. С. И. Липкина. М.: Худ. лит., 1940. 338 с.

Живопись как знак культуры — Живопись как знак культуры. О творческом наследии Г. Рокчинского. Сер.: «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: АПП «Джангар», 2004. 252 с., илл.

Изобразительное искусство 2009 — Изобразительное искусство // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 538–553.

Искусство… 2002 — Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2002. 467 с.

Каган 1987 – *Каган М. С.* Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 6–22.

Каталог 1940 — Юбилейная выставка, посвященная 500-летию великого эпоса калмыцкого народа «Джангар»: живопись, скульптура, графика. Каталог выставки / Управ. по делам искусств при Совнаркоме Калм. АССР. Оргкомитет Союза советских художников Калм. АССР. Выставочный комитет / ред. и автор вступ. статьи И. Нусхаев. Элиста: Тип. № 1 НКМП, 1940. 16 с.

Ковалев 2019 — *Ковалев И. Г.* Солдат, художник, учитель Р. Н. Богославский (1915–1998): историко-литературное издание. Ставрополь: Студия Графики. 2019. 128 с.. илл.

Кугультинов 1966 — *Кугультинов Д. Н.* Картина Гаря Рокчинского в Кремле // Утоление жажды. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 121–123.

Мир эпоса 1992 — Мир эпоса. О работе В. А. Фаворского над «Джангаром» и его поездке в Калмыкию / сост. В. З. Церенов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 127 с., илл.

Нурова 2014 — *Нурова Г. В.* О фотографии Гаря Рокчинского из фондов РГАЛИ // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. «Творчество Г. О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства.

24 октября 2013 г. Элиста: Национальный музей РК им. Н. Н. Пальмова, 2014. С. 85–88.

Трошин 1970 — *Трошин И. И.* Очерки изобразительного искусства Калмыкии. Волгоград: Волгоградская правда, 1970. 121 с., ил.

Художники 2009 — Художники Калмыкии. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 160 с., ил.

Щедрина 1987 — *Щедрина Г. К.* Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 41–47.

Эткинд 1987 — *Эткинд А. М.* Искусство как самосознание культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 85–92.

References

Badmaeva A. A. Theme of deportation in Kalmykia's visual arts. In: The Art Book. Elista: Kavkazskaya Zdravnitsa, 1994. Pp. 1–3. (In Russ.)

Batyreva S. G. Pictorial arts. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 538–553. (In Russ.)

Batyreva S. G. Theme of memory in deportation-related works of G. O. Rokchinsky (1944-1947). *Magna Adsurgit: historia studiorum*. 2019. No. 1. Pp. 46–55. (In Russ.)

Batyreva S. G. Visual Arts of Kalmykia: 1957–2000. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 226 p. (In Russ.)

Etkind A. M. Art as self-actualization of culture. In: Kagan M. S. (comp., ed.) Art in the System of Culture. Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 85–92. (In Russ.)

Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. S. Lipkin (transl.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1940. 338 p. (In Russ.)

Kagan M. S. Art as a phenomenon of culture. In: Kagan M. S. (comp., ed.) Art in the System of Culture. Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 6–22. (In Russ.)

Khrenov N. A. (ed.) Arts at Turning Points. Artistic Culture in Transient Processes: Interdisciplinary Aspects of Research. Moscow: Nauka, 2002. 467 p. (In Russ.)

Kovalev I. G. R. N. Bogoslavsky (1915–1998): Soldier, Artist, Teacher. Historical-Literary Essay. Stavropol: Studiya Grafiki, 2019. 128 p. (In Russ.)

Kugultinov D. N. Garya Rokchinsky's painting in the Kremlin. In: Quenching the Thirst. Elista: Kalmyk Book Publ., 1966. Pp. 121–123. (In Russ.)

Nurova G. V. About one photograph of Garya Rokchinsky stored at the Russian State Archive of Literature and Arts. In: G. O. Rokchinsky's Works and Topical Issues of Ethnic Visual Arts. Conference Proceedings (Elista; October 24, 2013). Elista: Palmov National Museum of Kalmykia, 2014. Pp. 85–88. (In Russ.)

Nuskhaev I. (ed.) Celebrating the 500th Anniversary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Painting, Sculpture, Graphics. Exhibition Catalogue. Kalmyk ASSR Council of People's Commissars. Association of Soviet Kalmykia's Visual Artists. Elista: Typography No. 1, 1940. 16 p. (In Russ.)

Painting as a Sign of Culture: Creative Heritage of G. Rokchinsky Revisited. Collected Papers. Ser.: Kalmyk Intelligentsia. Elista: Dzhangar, 2004. 252 p. (In Russ.)

Shchedrina G. K. Art as an ethnocultural phenomenon. In: Kagan M. S. (comp., ed.) Art in the System of Culture. Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 41–47. (In Russ.)

Troshin I. I. Essays on Kalmykia's Visual Arts. Volgograd: Volgogradskaya Pravda, 1970. 121 p. (In Russ.)

Tserenov V. Z. (comp.) The World of Epic: V. A. Favorsky's Work on the Jangar and His Journey to Kalmykia. Elista: Kalmyk Book Publ., 1992. 127 p. (In Russ.)

Visual Artists of Kalmykia. Elista: Dzhangar, 2009. 160 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1389–1405, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 572+294.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405

Парк культуры и отдыха «Дружба» в г. Элисте: формирование публичных пространств в городской среде

Алтана Марковна Лиджиева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
аспирант, младший научный сотрудник
0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020
© Лиджиева А. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу формирования городских пространств как публичных мест на примере элистинского парка культуры и отдыха «Дружба». Анализируется роль парка «Дружба» как природной зоны в городской застройке и как одного из мест, формировавших городскую среду. *Цель статьи* — рассмотреть место, функции и значение парка в общественном пространстве г. Элисты. *Результаты.* Автор прослеживает, как изменения политической, социально-культурной ситуации отразились на визуальной привлекательности городского парка. Описаны градостроительные проекты, которые включали реконструкцию паркового пространства на современном этапе развития. Автор приходит к *выводу* о том, что создание в конце 1930-х гг. парка «Дружба» как публичного пространства являлось свидетельством распространения городской культуры среди калмыцкого населения.

Ключевые слова: садово-парковый комплекс, г. Элиста, парк культуры и отдыха «Дружба», городская среда, город, пространство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Лиджиева А. М. Парк культуры и отдыха «Дружба» в г. Элисте: формирование публичных пространств в городской среде // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1389–1405. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405

UDC 572+294.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405

Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista): The Shaping of Public Spaces in Urban Environment

Altana M. Lidzhieva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate
0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020
© Lidzhieva A. M., 2020

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the formation of urban spaces as public places. Considerable attention is paid to the role of Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista) in the city's space. The paper suggests Druzhba Park be viewed not only as a natural zone in urban development, but also as a place for the identification of steppe people with urban environment. *Goals*. The article seeks to consider the place, functions and significance of the park in Elista's public space. *Methods.* The study was conducted using the structural-and-functional method, and that of participant observation. *Results.* It is traced how changes in the political and sociocultural situations affected the visual attractiveness of the park. Urban development projects that have reconstructed the park's space at the current stage are described. The work comes to the conclusion that the creation of Druzhba Park as a public space in the late 1930s was evidence of the spread of urban culture among the Kalmyk population.

Keywords: garden and park complex, Druzhba Park of Culture and Leisure, Elista's urban environment, city, space

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Lidzhieva A. M. Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista): The Shaping of Public Spaces in Urban Environment. *Oriental Studie*s. 2020. Vol. 13(5): 1389–1405. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405

Введение

В СССР в первые десятилетия советской власти происходили сложные процессы становления нового общества, в том числе и процесс трансформации сельского общества. Одной из задач являлось развитие городской культуры и построение «культурного образца» социалистической системы, что вызывало активизацию всей сферы социокультурной жизни. В период первой (1928–1932 гг.) и второй (1933–1937 гг.) пятилеток в стране происходили кардинальные общественно-политические и экономические преобразования. В ходе культурной революции, которая проводилась по всей стране и в определенном смысле вовлекла в этот процесс все народы страны, была ликвидирована неграмотность, создана широкая материальная база для приобщения многих народов, в том числе и калмыков-кочевников, к прогрессивной культуре и просвещению [Очерки истории 1970: 222]. В центре внимания партийной элиты стояли вопросы организации отдыха и досуга граждан, повышения их культурного уровня. В этих целях открывались рекреационные пространства для публичного отдыха. Одним из таких «комбинатов культуры», наряду с другими объектами, в столице Калмыцкой автономной области (с 1935 г. — Калмыцкой АССР), г. Элисте, стал Парк культуры и отдыха «Дружба».

История вопроса

Интересующая нас тема парка как публичного городского пространства была предметом специального исследования ученых — Д. Хоффмана [Hoffmann 1994], Ш. Зукина [Зукин 2018], Х. Беркинга, М. Лёва [Собственная логика городов 2019]. Не менее интересные замечания по изучаемой проблеме содержатся в ряде работ отечественных ученых: Т. В. Пойдиной [Пойдина 2006], С. А. Савицкого [Савицкий 2016], Н. Л. Шайгардановой [Шайгарданова 2014], Е. А Угрехелидзе [Угрехелидзе 2016], А. Ю. Голбина [Голбин 2018], Е. Д. Нарумовой [Нарумова 2015]. В этих исследованиях в основном рассматриваются процессы становления известных в стране парков культуры и отдыха в 1928–1941 гг. Основное внимание исследователей сконцентрировано на изучении организации Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького (Парк Горького, г. Москва), Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ, с 1959 г. — ВДНХ, г. Москва), сибирских парков XIX в. – начала XX в. В то же время работ по исследованию парков в малых городах крайне мало. В связи с этим настоящая работа имеет целью частично восполнить имеющийся пробел в исследовательском поле. *Цель статьи* — рассмотреть место, функции и значение парка в общественном пространстве г. Элисты.

Парки как публичное пространство культурного досуга имеют большое значение для малых городов, особенно для таких городских поселений, которые сумели создать определенной парковый микроклимат вопреки условиям естественной природно-климатической зоны (пустыни, полупустыни). В таких городах парки становятся не только зоной культурного досуга, но и имеют историческую значимость, определенную активной деятельностью человека по преобразованию пространства. Одним из таких парков, существующим уже более полутора столетий, в самом центре зоны в южной, полупустынной части Прикаспийской низменности, является уникальный по своей значимости Парк культуры и отдыха «Дружба» в столице Республики Калмыкия — г. Элисте.

Об опыте садово-парковой деятельности в Калмыцкой степи

Исторически садово-парковый комплекс, который сегодня известен как Парк культуры и отдыха «Дружба» в г. Элисте, не был единичным явлением в зоне калмыцкой степи. Начиная с конца XVIII в. при переходе к оседлому образу жизни, осваивая различные формы земледелия, калмыки начали заниматься обустройством первых парков и садов. В этот период наблюдается активное заселение наиболее плодородной части Калмыцкой степи. В циркулярном письме Министерство государственных имуществ Российской империи извещало крестьян о том, что Государь Император повелел «назначить денежные премии за отличия в садоводстве и огородничестве, в том же размере, как за разведение картофеля, т. е. от 15 до 25 руб. сер., обещая и почетные награды за большие отличия»[1]. Исходя из природно-климатических условий, сады и парки в основном организовывались в широких и вытянутых оврагах с пологими склонами, которые представляли собой природные места с естественным микроклиматом, кустарниками и деревьями в различных частях Калмыцкой степи. Как замечает В. С. Матлаш, «особенно типично подобное явление для северной части Ергеней. Большинство исследователей приводит в списке заросших лесом балок и перечень пород, произраставших в них: большинство в Малодербетовском улусе по балкам Большая и Малая Тенгута, Кардон-Булук, Нижняя улуста, Каменная, Крутая Осиновая, Амта, Зельмень, Кегульта и другие с породами — дуб, осина, осокорь, вяз, дикая яблоня, к югу терн, боярышник, шиповник и прочее» [Матлаш 1966: 6–7]. В оврагах скапливалось больше влаги, разнообразнее был растительный покров, соответственно более обогащенной и плодородной была и сама почва. Среди известных парков, появившихся в XIX в. следует назвать «курдюковский парк» близ с. Троицкое в поселении С. Курдюкова; парк в п. Лола, в бывшей усадьбе зайсанга Г. Балзанова (Манычский

[1] Администрация Тундутовского сельского муниципального образования, История поселения [электронный ресурс] // URL: http://tundutovosmo.ru/istoriya-poseleniya.html (дата обращения 7.11.2020).

Фото 1. Тундутовский парк. Кирпичная кладка бывшего фонтана. Фото с туристического портала «Волгоградский край. Территория путешествий» [https://volgaland.volsu.ru/ru]

[*Photo 1*. Tundutovo Park. Brickwork casing of the old fountain. Original image available at *Volgograd Area. Travel-Friendly Land*]

Фото 2. Дерево в тундутовском парке. 2013 г. Фото Э. П. Бакаевой

[*Photo 2*. A tree in Tundutovo Park. 2013. *Courtesy of E. Bakaeva*]

Фото 3. Тундутовский парк. Фото с туристического портала «Волгоградский край. Территория путешествий» [https://volgaland.volsu.ru/ru]

[*Photo 3*. Tundutovo Park. Original image available at *Volgograd Area. Travel-Friendly Land*]

Фото 4. Тундутовский парк. Аллея тополей. 2013 г. Фото Э. П. Бакаевой

[*Photo 4*. Tundutovo Park. Poplar Alley. 2013. Courtesy of E. Bakaeva]

Фото 5. Вход в «Парк Дружбы». Фото сайта Калмыкия-онлайн.ру [http://kalmykia-online.ru/]

[*Photo 5*. Entrance to Druzhba Park. Original image available at *Kalmykia-online.ru*]

улус); парк «Годжур» в усадьбе зайсанга Д. Кутузова Кетченеровского аймака Малодербетовского улуса и др. Наиболее ярким примером создания садово-паркового комплекса внушительного размера служит старинный парк усадьбы малодербетовского нойона (князя) Ц.-Д. Тундутова, расположенный в урочище Зоста (ныне — с. Солянка Светлоярского района Волгоградской области).

Парк в урочище Зоста, где находилась усадьба Ц.-Д. Тундутова, был создан в 1851 г. В тундутовском парке выращивали 534 саженца кустарников, 213 саженцев виноградной лозы и 298 фруктовых деревьев[2].

За проведением необходимых мероприятий и поддержанием парка в должном состоянии отвечал лесничий, дом которого располагался поблизости. До сегодняшних дней тундутовский парк полностью не сохранился. Кроме части посадок, до нас дошли лишь круг фонтана с кирпичной кладкой и аллея стройных тополей.

Однако сельчане своими силами восстанавливают историческую память о тундутовском парке. Так, в рамках международной акции «Сад Победы» в с. Тундутово на территории парка была проведена высадка зеленых насаждений. За время проведения акции было высажено 75 саженцев туи.

Основание Парка культуры и отдыха «Дружба» в г. Элисте

Из истории Парка культуры и отдыха «Дружба» известно, что 20 июля 1937 г. состоялось заседание Президиума Элистинского городского совета, на котором было принято постановление «О парке культуры и отдыха». «Внешнюю границу определить: а) С восточной стороны — от угла здания НКВД по старой границе прямой длиной до конторы Агролесхоза; б) С южной — от конторы Агролеса до угла Октябрьской улицы; в) С западной — от угла Октябрьской улицы до угла Ленинской; г) С северной — от конца Ленинской по линии шоссейной дороги до угла здания НКВД» [Прокопенко 2012: 1–2].

Согласно этому постановлению, парк культуры и отдыха площадью 25 га организовывался на территории уже существовавшей рощи Элистинской лесной плантации.

[2] Администрация Тундутовского сельского муниципального образования, История поселения [электронный ресурс] // URL: http://tundutovosmo.ru/istoriya-poseleniya.html (дата обращения 7.11.2020).

Фото 6. Лестница в «Парке Дружбы». Фото сайта Калмыкия-онлайн.ру [http://kalmykia-online.ru/]

[*Photo 6*. Staircase in Druzhba Park. Original image available at *Kalmykia-online.ru*]

Первые посадки Элистинской лесной плантации были сделаны в 1853 г. и оказались удачными. Успехи первой посадки привели к созданию плантаций из дуба, вяза, тополя, шелковицы. Повсеместно, как отмечает В. С. Матлаш, «применялось орошение с помощью чигирей и ветряных водоподъемников» [Матлаш 1966: 8–9]. В дальнейшем рост Элистинской лесной плантации (будущей базы парка культуры и отдыха «Дружба») приостановился из-за отсутствия постоянных поселений, которые обеспечивали бы непрерывную работу над степными лесопосадками. По этой причине Астраханское лесное управление ходатайствовало об организации поселений близ Элистинской лесной плантации. В 1859–1861 гг. было 15 мест для образования поселений вдоль Крымского тракта между станцией Крестовской и Астраханью, в том числе и для поселения Элисты[3]. Позднее поселение было преобразовано в село, которое калмыки называли *Элстә* (‘песчаное’).

В 1937–1938-х гг. устройство городского парка шло одновременно с бурным строительством степной столицы. В парке предполагалось размещение стадиона с площадками для футбола, волейбола, баскетбола и

[3] Администрация Тундутовского сельского муниципального образования, История поселения [электронный ресурс] // URL: http://tundutovosmo.ru/istoriya-poseleniya.html (дата обращения 7.11.2020).

Фото 7. Мемориальный комплекс в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн. Фото с сайта Администрации г. Элисты [https://www.gorod-elista.ru/]

[*Photo 7.* Memorial complex to Heroes of the Russian Civil and Great Patriotic Wars. Original image available at *gorod-elista.ru*]

читальни, детской площадки, ларька [Элиста 1965: 117].

В этот же период в Элисте были построены типография, общежитие педтехникума, школа-десятилетка (взорвана фашистскими оккупантами в 1942 г.), госбанк, почта, пожарное депо, жилые дома [Элиста 1965: 24]. В предвоенном 1940 г. состоялось открытие городского парка «Дружба», приуроченное к празднованию 500-летия эпоса «Джангар». В нем были открыты «Зеленый театр» и стадион, имелась парашютная вышка.

В рамках празднования 500-летия «Джангара» и проведения VIII юбилейного пленума Союза писателей СССР городской парк «Дружба» одновременно служил местом отдыха и проведения праздничных торжеств и церемоний. В культурное строительство привлекались массовые организации профсоюзов трудящихся, созывались съезды молодежи, открывались клубы и проводились конференции. В этот период городской парк считался пространством, предназначенным для массовых культурных мероприятий, и партийные органы власти использовали его для проведения всех видов культурно-массовой работы.

Парк претерпевал в этот период становление как публичное пространство. Но полноценный городской ландшафт (общественные здания, жилые дома), сформированный в 1935–1940 гг., фактически был разрушен в период оккупации войск гитлеровской Германии части территории СССР, в том числе и г. Элисты. В период с августа по конец декабря 1942 г. территория Элисты была оккупирована.

После восстановления автономии Калмыкии началось активное возрождение ее территории, особенно столицы автономной области, затем — республики. Началось и возрождение парка в г. Элисте. Восстановление Калмыцкой АССР и начавшее в связи с этим массовое строительство, как отмечает Д. Б. Пюрвеев, «потребовало разработки новых генеральных планов для строительства новых и восстановления старых населенных пунктов» [Пюрвеев 1975: 119–120].

В годы после восстановления автономии в парке были сооружены рекреационные зоны, установлены детские аттракционы. На территории парка действовали кафе «Дружба», одноименный кинотеатр и его летняя площадка («Зеленый театр»). Популярностью среди горожан и гостей столицы Калмыкии пользовался стадион «Спартак», где проводились не только спортивные, но и разнообразные культурные мероприятия.

В 1965 г. к юбилейным торжествам, посвященным 20-летию Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, в парке «Дружба» в г. Элисте был открыт мемориальный комплекс в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн (авторы — архитекторы М. Б. Пюрвеев, Д. Б. Пюрвеев, скульптор Н. А. Санджиев), который стал архитектурным центром парка, функционирующим и сегодня.

Оригинальный проект городского парка культуры и отдыха «Дружба» был разработан в 1970-е гг. Проект основывался на идее архитекторов И. И. Андриенко, Д. Б Пюрвеева сохранить природную зону в новой городской застройке. Центральный парк членился на ряд функциональных зон, которые представляли собой объединенные участки растительности, воды, рельефа и архитектурных сооружений. Архитектурной доминантой парка стал мемориальный комплекс в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн. В настоящее время этот архитектурный комплекс — это место коммеморации. Семантика комплекса воплощается в некрополе, включающем три пилона — символы трех поколений; за ними поднимается широкая, замкнутая с двух сторон лестница, прохождение по которой для горожан выступает своего рода символом прославления и памяти воинов, а также служит площадкой для проведения общественных практик и церемониалов (Акции к 9 мая, возложение цветов к Вечному огню) и др.; на верхней площадке располагается площадка, включающая захоронения воинов, скульптурную композицию и памятник «Вечный огонь».

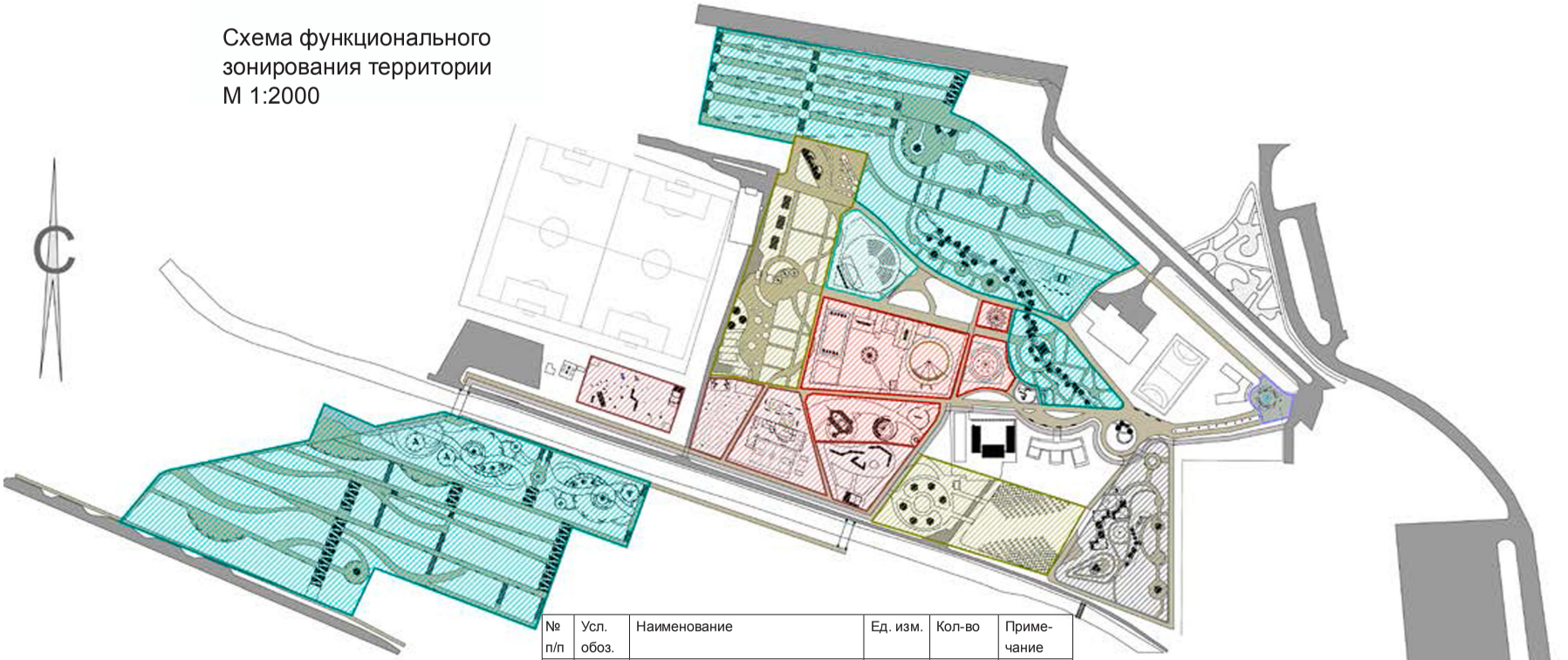
Протяженность парка обусловила необходимость наличия нескольких входов в него. В довоенное время они были оформлены торжественными воротами в стиле неоклассицизма (вход со стороны центра города был оформлен в виде арочных ворот, вход непосредственно с улицы Ленина включал, кроме ворот, и протяженную лестницу). В послевоенное время разрушенные входные ворота не были восстановлены. А в начале 1970-х гг. появился монументально оформленный вход в парк в виде декоративно-скульптурного мозаичного панно «Цвети, Калмыкия!» (авторы — художники О. Кикеев, В. Цакиров, 1972 г.). Его расположение в перспективе улицы Джангара, по которой движется транспорт, въезжающий в город со стороны аэропорта, определило доминантную символику этого входа в парк. Соответственно существенно изменился архитектурный образ парка, что отражало периоды в истории советского изобразительного искусства.

В 1990-е – начале 2000-х гг. городской парк изменил свой облик и подвергся наиболее значительным изменениям. «Статус президентской республики, — как замечает Э.-Б. М. Гучинова, — потребовал изменения имиджа. Новые вызовы времени требовали специфичных архитектурных решений. Для гостей столицы, для руководителей мультикультурного государства надо было демонстрировать самобытность народа, которая непременно должна была быть отражена в образе города» [Гучинова 2013: 46–47]. Смена облика, конструирование вычурно «восточного стиля» характеризовалась строительством буддийских сооружений и в столице, и в других населенных пунктах; оно охватило и парковое пространство. В 1998 г. недалеко от центральной площади им. В. И. Ленина возвели архитектурное сооружение «Золотые ворота „Алтн Босх“» (автор — художник Н. Борисов, 1998 г.), идея установки которого явно связана с вратами как одним из типов буддийской архитектуры, распространенным в ряде буддийских стран. «Главные ворота», как их метафорически называют экскурсоводы, открывают пеший туристический маршрут, которые начинается аллеей от здания Народного Хурала (Парламента) и Правительства Республики Калмыкия и заканчивается перекрёстком улиц Ленина и Кирова. Гости столицы Калмыкии, знакомясь с достопримечательностями в этой парковой зоне, движутся от скульптуры Будды Шакьямуни (скульптор В. Васькин, художник П. Усунцынов, 1995 г.), через Золотые ворота к скульптуре божества Белый старец

Фото 8. Ротонда «Лунный календарь». Фото автора

[*Photo 8*. Lunar Calendar Rotunda. Photo by author]

№ п/п	Усл. обоз.	Наименование	Ед. изм.	Кол-во	Приме-чание
1		Зона тихого отдыха	м²	51 096,0	
2		Зона размещения аттракционов	м²	18 204,0	
3		Зона активного отдыха	м²	73 80,0	
4		Многофункциональная зона	м²	13 376,0	
5		Танцплощадка	м²	1 992,0	
6		Главная общественная площадь	м²	512,0	
7		Японский садик	м²	4 992,0	
8		Парковки	м²	14 096,0	

Фото 9. Эскизная схема функционального зонирования территории в рамках реконструкции парка культуры и отдыха «Дружба». Фото сайта All tenders [http://www.alltenders.ru/tender_podrob_new.asp?KodTendera=18983446]

[*Photo 9*. Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista) reconstructed. General zoning plan. Original image available at *alltenders.ru*]

(скульптор Н. Эледжиев, 1998 г.), и затем по Аллее героев к скульптуре сказителя-джангарчи Ээлян Овла (авторы — архитекторы С. Курнеев, Э. Лиджи-Гаряев, скульптор В. Васькин, художник С. Кузнецов, 1990 г.)

В 1990-е гг. были возведены постройки в буддийском стиле: ротонда (авторы — архитектор В. Гиляндиков, художники В. и К. Куберлиновы, Н. и Н. Галушкины) со статуей Будды Шакьямуни (скульптор В. Васькин), построенная в 1995 г. в честь 60-летия Далай-ламы XIV; ротонда «Лунный календарь»; ротонда над родником (автор — архитектор Г. Гелашвили, 2003 г.), носящим название «Бортха» (над родником в 1971 г. установлена скульптура «Бортха» работы В. Васькина). Оформленные в буддийском монгольском архитектурном стиле, постройки способствовали созданию нового облика парка, что отразились на визуальной привлекательности центрального парка г. Элисты. Образ «жемчужины степей» превратился в продаваемый бренд региона.

На протяжении всего постсоветского периода городской парк культуры и отдыха «Дружба» оставался малоизменным, даже при околопарковом размещении кафе и ресторанов. Центральный парк оставался местом проведения праздников, гуляний, организации разнообразных конкурсов, соревнований и других массовых мероприятий.

В 2017 г. парк подвергся значительной реконструкции. Администрация города разработала проект благоустройства территории парка.

Основной идеей проекта было создание в городе единой непрерывной парковой сети, способной обеспечить качественными рекреационными зонами большую часть центра города с присоединением Площади Победы (расположенной у соединения улиц Ленина и Кирова), Аллеи Героев (расположенной по вышеуказанном пешеходному туристическом маршруту), Пагоды Семи Дней (построенной на площади Ленина) и самой центральной площади города. Планировалось провести парковое освещение и выполнить ремонтные работы. Однако, несмотря на то, что основное направление работ по реконструкции заключалось в улучшении условий для отдыха элистинцев, сами горожане оказывались как бы в стороне от конкретной преобразовательной деятельности. Местные власти попытались застроить городской парк «по-своему» и с грубыми нарушениями градостроительного кодекса Российской Федерации, с несоответствием правилам благоустройства города и городских территорий, а впоследствии вовсе исключили «Дружбу» из зоны общественных парков. Как показал проведенный автором контент-анализ, данное обстоятельство в 2018 г. обсуждалось в регионе с освещением в СМИ, сети Интернет: «*Открытие городского парка в конце прошлого года стало одной из самых обсуждаемых тем. Казалось, про «Дружбу» не говорил лишь ленивый*»[4]. Проблема реконструкции, взбудоражившая общественность Элисты, была решена, впоследствии в организацию пространства были внесены изменения; в этом деле помощь была оказана и благотворительными организациями.

После реконструкции характер парка культуры и отдыха «Дружба» изменился. Он стал комфортным местом для прогулок и детских развлечений, занятий спортом и площадкой для массовых мероприятий.

В процессе реконструкции были установлены входные ворота в парк, вместе с тем, согласно концепции в единый парковый комплекс было включено пространство от Пагоды Семи дней до парка «Дружба», возведенного в 1930-е гг. Новый вход на территорию парка «Дружба» получил решение в «буддийском», восточном стиле, что отвечает образу города Элисты, который начал формироваться в 1990-е гг.

Управляется парк «Дружба» городскими властями и, будучи некоммерческой организацией, входит в состав муниципальной системы культуры города. Пандемия Covid-19 существенно изменила режим работы парка. Одной из особенностей паркового пространства «Дружба» является то, что движение в парке сквозное, по этой причине узнать его точную посещаемость не представилось возможным. Ежегодно парк «Дружба» принимал посетителей 1 мая. Однако в силу ограничительных мер, действующих

[4] *Ан В.* Страх и ненависть в парке «Дружба» Элисты (дата публикации: 14.11.2018) // Московский комсомолец [сайт]. URL: https://www.mk-kalm.ru/social/2018/11/14/strakh-i-nenavist-v-parke-druzhba-elisty.html (дата обращения 10.10.2020).

Фото 10. Символические декоративные элементы парка. Фото автора
[*Photo 10*. Symbolic decorative elements. Photo by author]

Фото 11. Эскиз танцплощадки в проекте по благоустройству парка культуры и отдыха «Дружба». Фото сайта All tenders [http://www.alltenders.ru/tender_podrob_new.asp?KodTendera=18983446]
[*Photo 11*. Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista) reconstructed. Layout of a dance pavilion. Original image available at *alltenders.ru*]

до настоящего времени, весь комплекс культурно-просветительной и оздоровительной работы не осуществляется. Создавая новую публичную среду для горожан, власти города в зоне парка обустроили автогородок, ворк-аут для игр, открытую площадку для танцев, детскую площадку и др. Зона проведения Event-мероприятий и развлечений состоит из трех основных площадок: площадь Победы — для проведения общегородских и республиканских мероприятий; площадь для аттракционов; танцевальная площадка. Каждый год город проводит на территории парка различные открытые фестивали, в том числе для молодежи. Среди них: «Face to Face», «Uran Фестиваль», «Точка опоры» и др. Такие мероприятия проводятся с целью поддержки талантливой молодежи и продвижения уличных культур. В рамках проекта «Парки малых городов» в «Дружбе» прошла реконструкция танцевальной площадки площадью 1 168,41 м^2.

На входе в парк «Дружба» его посетителей встречает табличка, на которой висят правила его посещения: запрещаются выгул собак, въезд автотранспорта без пропуска, распитие спиртных напитков, осуществление коммерческого видео, фотосъемки без согласования с администрацией. В правилах также отмечено, что нужно бережно относиться к зеленым насаждениям и не наносить повреждений художественному оформлению парка, зданиям, сооружениям, аттракционам. Предусмотрено место для проведения досуга детей. Детская спортивно-игровая площадка и площадки для маломобильных групп населения размещены в периферийной части парка. Объект был построен при финансовой поддержке благотворительного фонда «Буйн-Добродетель», действующего при Центральном хуруле Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни». На территории парка расположен современный коворкинг центр «Community Park» с интерьером по образу западных офисов, кофе-баром, библиотекой и wi-fi. Офис «Community Park» платный. За 100 рублей в час (что по меркам города дорогое удовольствие) разрешается работать за своим компьютером, пользоваться девайсами, читать книги и выпить чашечку кофе. Подобный формат офис-пространства — единичный в Элисте и потому популярный среди городской молодежи. В настоящее время коворкинг привлекает молодежь к посещению парка.

В зоне активного отдыха, обустройство которой происходило значительно позднее, сформирован воркаут. Спортивная площадка с брусьями и турниками была открыта в 2019 г. министром спорта РФ Павлом Колобковым вместе с главой Республики Калмыкия Бату Хасиковым. Тренировки на свежем воздухе, как показало включенное наблюдение, объединяют людей разных возрастов и поколений. В утреннее и вечернее время площадка воркаут — место сбора наибольшего количества людей.

При визите в любое место отдыха у его посетителей появляется желание провести время интересно, весело и безопасно. В центральном парке «Дружба» организованной охраны зон отдыха нет. По этой причине возникают беспорядки во время проведения массовых мероприятий, имеют место факты вандализма и хулиганства. Обеспечение охраны парка ежедневно несут простые сторожа и работники, обслуживающие парк, охранные мероприятия которых не всегда эффективны.

Существенным после реконструкции стало благоустройство общей площади пешеходных и тротуарных дорожек в 7 500 м^2, а также велодорожек протяженностью 850 м^2. Маршруты велодорожек интегрированы в единую систему и связывают периферийные части парка с его центром. Комфортность ширины полос движения и материал покрытия полюбились велосипедистам, бегунам и любителям «скандинавской ходьбы». Учитывались и пожелания любителей спокойного и тихого отдыха. В «тихой зоне» установлены беседки в буддийском стиле, а также павильоны-читальни.

У входа в парк в здании, где раньше располагалось кафе «Дружба», ныне открыто семейное кафе «Друзья». В меню — блюда быстрого приготовления, китайская и паназиатская кухня. Заведение популярно среди горожан и гостей степной столицы.

Заключение

Формирование того или иного публичного пространства происходит по разным «сценариям» в рамках единого развития городской среды. Первые садово-парковые комплексы в Калмыкии были своеобразным экспериментом — попыткой создать парко-

вый и природный микроклимат, несмотря на природно-климатические условия естественной зоны. Парк культуры и отдыха «Дружба» представлял собой фортпост общедоступной и массовой культуры. Вопрос создания городского парка был связан с решениями правительства Калмыцкой АССР. В этом смысле организация в Элисте парка культуры и отдыха «Дружба» в среде калмыцкого населения носила двоякий характер. С одной стороны, формирование парка было репрезентацией социально-культурной среды в рамках идеи строительства коммунизма, с другой — находило отклик в социуме, приобщая сельское население к городской жизни. Элистинский городской совет в лице местных чиновников создавал новые условия для развития культурной жизни, которые сочетали в себе несколько функций: отдых, оздоровление и, что важнее, идеологическое воспитание советского человека. Процесс устройства городского парка шел одновременно с активным ростом степной столицы, организованной в непосредственной близости с одноименным селом. Базой для парка стали зеленые насаждения бывшей Элистинской лесной плантации. По своей композиции парк зна-

Фото 12. Вывеска коворкинг-центра. Фото автора

[*Photo 12*. Signboard of the Co-Working Center. Photo by author]

Фото 13. «Тихая зона». Фото автора

[*Photo 13*. 'Quiet spot'. Photo by author]

чительно видоизменялся на разных этапах своего развития, что отражалось на его визуальной привлекательности в общем городском ландшафте.

В настоящее время современный городской парк культуры и отдыха «Дружба» остается местом проведения общегородских праздников, организации конкурсов, соревнований и других культурно-массовых мероприятий, став определенной частью истории самого города, его культурно-природным памятником.

Литература

Голбин 2018 — *Голбин А. Ю.* «Культурная революция»: становление системы парков культуры и отдыха в СССР 1928–1941 гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 5. С. 27–36.

Гучинова 2013 — *Гучинова Э.-Б. М.* Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–65.

Зукин 2018 — *Зукин Ш.* Культуры городов. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с. : ил. (серия Studia Urbanica)

Матлаш 1966 — *Матлаш В. С.* Зеленый заслон степи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 64 с.

Нарумова 2015 — *Нарумова Е. Д.* Формирование общественных пространств Москвы в 1930-е гг. На примере ЦПКиО им. Горького и ВСХВ // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество) . 2015. № 2. С. 121–134.

Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.

Пойдина 2006 — *Пойдина Т. В.* Садово-парковое строительство в сибирском городе: дис. … канд. иск. Барнаул, 2006. 210 с.

Прокопенко 2012 — *Прокопенко В.* Залкинд писал Юрковой // Элистинский курьер. 2012. 18 октября. № 41 (200). С. 1–2.

Пюрвеев 1975 — *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 183 с.

Савицкий 2016 — *Савицкий С. А.* Преобразование царскосельского парка в парк культуры и отдыха в 1930-х годах // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2 (11). С. 58–69.

Собственная логика городов 2019 — Собственная логика городов: Новые подходы к урбанистике / отв. ред. Х. Беркинг, М. Лёв; пер. с нем. К. Левинсона. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.

Угрехелидзе 2016 — *Угрехелидзе Е. А.* Культура городского парка в 1920–1950-е годы (на примере Нескучного сада) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 4. С. 89–95.

Шайгарданова 2014 — *Шайгарданова Н. Л.* Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: автореф. дис. … канд. культурол. Екатеринбург, 2014. 24 с

Элиста 1965 — Элиста. 100 лет: прошлое, настоящее, будущее. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. 127 с.

Hoffmann 1994 — *Hoffmann D. L.* Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941 [Studies of the Harriman Institute]. Ithaca: Cornell University Press, 1994. XV. 282 p.

References

Berking H., Löw M. (eds.) The Intrinsic Logic of Cities. K. Levinson (transl.). 3rd ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 424 p. (In Russ.)

Celebrating the 100th Anniversary of Elista: Past, Present, Future. Elista: Kalmizdat, 1965. 127 p. (In Russ.)

Chugaev D. A. (ed.) The Kalmyk ASSR: Historical Essays. Socialist Era. M.: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)

Golbin A. Yu. The Cultural Revolution. The make of system for parks of culture and leisure in the USSR 1928–1941. *RSUH/RGGU Bulletin. 'History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies' Series*. 2018. No. 5. Pp. 27–36. (In Russ.)

Guchinova E.-B. M. Elista: ethnic symbols in urban environment. In: Anthropology of the City. Vol. 1: Cultural Symbols and Images in Urban Space. Ethnicity and Urban Identity. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History (Komi Scientific Center, Ural Branch of RAS), 2013. Pp. 43–65. (In Russ.)

Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ser.: Studies of the Harriman Institute. Ithaca: Cornell University Press, 1994. XV. 282 p. (In Eng.)

Matlash V. S. The Green Shield of Steppe. Elista: Kalmyk Book Publ., 1966. 64 p. (In Russ.)

Narumova E. D. Formation of Moscow public spaces in 1930s (on examples of Gorky Park and All-Union Agricultural Exhibition). *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2015. No. 2. Pp. 121–134. (In Russ.)

Poydina T. V. Park and Garden Structures in Urban Siberia. Cand. Sc. (art studies) thesis. Barnaul, 2006. 210 p. (In Russ.)

Prokopenko V. Zalkind's message to Yurkova. *Elistinskiy kur'er*. 2012, October 18. No. 41 (200). Pp. 1–2. (In Russ.)

Pyurveev D. B. Architecture of Kalmykia. Moscow: Stroyizdat, 1975. 183 p. (In Russ.)

Savitsky S. A. A transformation of the Tsarskoe Selo's park into the culture and recreation park in 1930s. *RSUH/RGGU Bulletin. 'Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies' Series*. 2016. No. 2 (11). Pp. 58–69. (In Russ.)

Shaygardanova N. L. Park of Culture and Leisure as a Cultural Phenomenon and Manifestation of the Soviet Ideological Project. Cand. Sc. (cultural studies) thesis abstract. Yekaterinburg, 2014. 24 p. (In Russ.)

Ugrekhelidze E. A. The urban park culture in the 1920-1950ies by the example of Neskuchny Garden. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2016. No. 4. Pp. 89–95. (In Russ.)

Zukin Sh. The Cultures of Cities. 2nd ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 424 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1406–1414, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1406-1414
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 811.512.141’37
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1406-1414

Лексико-семантический анализ лексемы *балтырған* (с использованием материалов корпуса башкирского языка)

Анита Шаукатовна Ишмухаметова[1]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0001-9603-654X. E-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Ишмухаметова А. Ш., 2020

Аннотация. Выявление названий растительных средств в народных и художественных произведениях показывает тесное взаимодействие человека с миром, отношение людей к природе. Изучение фитонимов, а именно наименований лечебных растений, является важным шагом для понимания общего культурного наследия народа. В статье рассматривается лексема *балтырған* в башкирском языке. *Материалом* исследования послужили лингвистические словари, фольклорные и художественные тексты Машинного фонда башкирского языка, а также этимологические словари алтайских языков. *Цель* исследования — провести сравнительное изучение лексемы *балтырған* ‘борщевик’. *Результаты.* Лексема *балтырған* ‘борщевик’ является широкораспространенным фитонимом у башкир, об этом свидетельствует участие этой лексемы в номинации разных растений в башкирском языке, а также наличие параллелей в других тюркских и монгольских языках. Данный термин зафиксирован в академическом, толковом, диалектологическом, фразеологическом, мифологическом словарях башкирского языка. Сравнительный анализ показал, что *baltyrγan* ‘борщевик’ во многих языках означает название растения из семейства зонтичных, лекарственное средство. В *baltyrγan ~ baltirγana* представлена первичная основа *bal* / *baltïr* / *baldïr* со значением ‘зеленый, свежий, молодой’.

Ключевые слова: башкирский язык, лексема, растительная лексика, борщевик, этимология, корпус башкирского языка

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040710023-4).

Для цитирования: Ишмухаметова А. Ш. Лексико-семантический анализ лексемы *балтырған* // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1406–1414. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1406-1414

UDC 811.512.141’37
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1406-1414

Lexical and Semantic Analysis of the Lexeme *baltyrγan* ‘Hogweed’: Based on the Corpus of the Bashkir Language

Anita Sh. Ishmukhametova[1]

[1] Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0001-9603-654X. E-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Ishmukhametova A. Sh., 2020

Abstract. Identification of names of plant curatives and substances in folk and fiction texts shows close interactions between man and the world, attitudes of people towards nature. Research in phytonyms and medicinal plant names proper is most essential for the understanding of a nation’s cultural heritage. The paper examines the lexeme *балтырған* in Bashkir discourse. *Materials*. The analyzed materials include linguistic dictionaries, folklore and fiction texts of the Machine Fund of the Bashkir Language, and etymological dictionaries of Altaic languages. *Goals*. The study aims at a comparative investigation of the lexeme *балтырған* ‘hogweed’. *Results*. The term proves a widespread phytonym in Bashkir discourse, which is attested by that it denotes a wide range of plant species in Bashkir and has parallels in other Turkic and Mongolic languages. The lexeme is included in academic, explanatory, dialectal, phrasal, and mythological dictionaries of the Bashkir language. The comparative analysis shows that *baltyrγan* ‘hogweed’ usually denotes a plant of the order Apiales, a medicinal herb. *Baltyrγan~ baltirγana* contains the initial *bal / baltïr / baldïr* with the meaning ‘green, young, fresh’.

Keywords: Bashkir language, lexeme, plant vocabulary, hogweed, etymology, Corpus of the Bashkir Language

Acknowledgements. The reported study was funded by state subsidy — project ‘Creating a Corpus of Bashkir Dialectal Texts’ (reg. no. AAAA-A17-117040710023-4).

For citation: Ishmukhametova A. Sh. Lexical and Semantic Analysis of the Lexeme *baltyrγan* ‘Hogweed’: Based on the Corpus of the Bashkir Language. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1406–1414. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1406-1414

Введение

Растительный мир — неотъемлемая часть жизни любого народа. Средства растительного происхождения являются наиболее распространенными в народной медицине. Целительные свойства растений тысячелетиями использовались всеми народами мира. Обращаясь к природе, к ее дарам, люди лечили многие заболевания. Сегодня в мире насчитывается более 20 000 лекарственных растений, которые обладают целительными свойствами. Благодаря широкому распространению, доступности и ценным свойствам, лекарственные растения используются с древнейших времен. Знания о свойствах лекарственных растений и их применении хранились в народной памяти, забывались, восстанавливались, пополнялись новыми сведениями и передавались из поколения в поколение. Следует отметить, что целый ряд названий растительных средств башкир встречается и у многих других народов. Одним из них является *балтырған* ‘борщевик’. В конвенци-

ональной медицине лекарственные препараты на основе борщевика не применяются, однако народная медицина их использует широко. Это растение обладает спазмолитическим, успокаивающим действием при нервном тике, истерии, невротических расстройствах, кожных заболеваниях, эпилептических припадках, имеет кровоостанавливающее и желчегонное воздействие на организм человека. Например, корни и плоды борщевика применяются, как правило, в качестве желчегонного средства при разнообразных гнойных и воспалительных процессах, желчнокаменной болезни, заболеваниях печени и воспалении почек. Чесотку, опухоли (наружно), онкологические заболевания, эпилепсию, понос в народе лечат отваром корня. Плоды используются при лечении депрессии, спазматических болях и истерии. Водные настои листьев и отвар корней борщевика применяются для корректирования функций желудочно-кишечного тракта и обмена веществ, а также в качестве седативного средства. Выделяется около 40 видов данного фитонима, часть из которых имеет обозначение в башкирском языке: *ҡаты балтырған* ‘борщевик жесткий’, *ярылған балтырған* ‘борщевик рассечённый’, *татлы балтырған* ‘борщевик сладкий’, *эре сәскәле балтырған* ‘борщевик крупноцветковый’, *ялбыр балтырған* ‘борщевик пушистый’, *ябай балтырған* ‘борщевик обыкновенный’, *йөнтәҫ балтырған* ‘борщевик мохнатый’ и т. д. *Цель* исследования заключается в сравнительном изучении лексемы *балтырған* ‘борщевик’.

Трактовка лексемы, диалектные варианты

Создание компьютерных словарей и размещение их в сети Интернет стало новым направлением современной лексикографии. Разработанный лабораторией лингвистики и информационных технологий отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН Машинный фонд башкирского языка (далее — МФБЯ) является системой поиска материала для лингвистических исследований [Сиразитдинов 2019: 310]. Данная система включает в себя 12 специализированных баз данных. Из них 6 разделов содержат лексикографические данные.

Балтырған ‘борщевик’ является широко употребляемым словом в башкирском языке. Оно зафиксировано в большинстве словарей, которые вошли в МФБЯ.

В «Академическом словаре башкирского языка» даны следующие значения слова *балтырған* [боронғо төркі бал-тар ‘йәш үләнʼ] <...> 1. *бот. Көпшә һабаҡлы, киң киртләс япраҡлы, сатыр сәскәле күп йыллыҡ үлән (йәш сағында япрағын, көпшәһен ашайҙар*) ‘Многолетнее растение с трубчатым стеблем, широкими разрезанными листьями, цветки мелкие в крупных зонтиках (в пищу употребляют молодые листья, стебель)’[1]. 2. *миф. Ышаныуҙар буйынса, һаҡлаусы, һаулыҡ һәм көс биреүсе үҫемлек. Борщевик* (мифологизированное растение — оберег, символ жизни, здоровья и силы). *Балтырған ашын өс тапҡыр ашаған йыл буйы ауырымаҫ. Башҡорт мифологияһынан* ‘Тот, кто трижды ел суп из борщевика, весь год не будет болеть’ [Академический словарь 2011: 122].

В «Фразеологическом словаре башкирского языка» под редакцией З. Г. Ураксина указано следующее устойчивое выражение, которое встречается в разговорной речи: *балтырған тарау. Кунаҡтан ҡалған ашһыу менән икенсе кешеләрҙе һыйлау* ‘Угощение других людей с оставшейся после гостей едой’ [Фразеологический словарь 1996: 60].

В «Мифологическом словаре башкирского языка» Ф. Г. Хисамитдиновой даны следующие значения: *балтырған* — борщевник; мифологизированное растение-оберег, символ жизни, здоровья и силы. *Балтырған ашын өс тапҡыр ашаған йыл буйы ауырымаҫ.* ‘Тот, кто трижды ел суп из борщевника, весь год не будет болеть’ [Хисамитдинова 2010: 53].

Народные названия фитонимов неоднозначны, и само растение может иметь несколько наименований. Названия лекарственных растений, как правило, отличаются богатством синонимических вариантов [Рубцова 2015: 6]. Значительный материал зафиксирован в «Диалектологическом словаре башкирского языка». Выделяют несколько диалектных названий этого растения: в среднеуральском говоре северо-западного диалекта — *бикән көпшәҫе*;

[1] Здесь и далее перевод автора данной статьи.

в сакмарском говоре южного диалекта, аргаяшском, миасском, салъютском говорах восточного диалекта и нижнебельском, караидельском, гайнинском, таныпском говорах северо-западного диалекта — *көпшә*. Башкиры данного диалекта называют неделю весеннего праздника с приготовлением пищи из борщевика *көпшә жийыны* ‘праздник борщевика’. Молодую поросль борщевика в среднем и демском говорах южного диалекта называют *бәбәк*, а его завязь в среднем, ик-сакмарском говорах — *бәпкә*; *Көпшәһен ашайлай, бәпкәһен ҡайнатып эсәләр* ‘Стебель едят, молодую поросль варят’; в гайнинском, таныпском, караидельском, нижнебельском говорах северо-западного диалекта — *бикән*, бутон борщевика в гайнинском говоре — *пикан*, караидельском говоре северо-западного диалекта — *пикан / пикән*, в нижнебельском, караидельском, гайнинском, таныпском говорах северо-западного диалекта и миасском, кизильском говорах восточного диалекта, сакмарском говоре южного диалекта — *балдырған* [Диалектологический словарь 2002: 48, 69, 70, 153, 263]. В Куюргазинском районе Республики Башкортостан зафиксировано несколько фонетических вариантов: *балтырған / балдырҡан / балтырҡан*.

Этимология лексемы *балтырған*

Исторические преобразования общетюркской лексемы *балтырған* ‘борщевик’ рассматриваются в ряде этимологических исследований. В «Этимологическом словаре татарского языка» Р. Г. Ахметьянова к слову *балтырган*, диал. *балдырган* приводится значение ‘борщевик; дягиль’ [Ахметьянов 2015: 158]. В киргизско-русском словаре Н. К. Юдахина указывается, что *балтырган / балдыркан / балтыркан* ‘купырь (растение)’; *уу балтырган* ‘болиголов (растение)’; *аюу балтыркан* ‘борщевик (растение)’ [Юдахин 1985: 106]. В «Этимологическом словаре чувашского языка» В. Г. Егорова: *пултăран* ‘борщовник’ [Егоров 1964: 165]. М. Р. Федотов в своем словаре указывает и фонетические варианты данной лексемы *пултăран / пултран / полтран / путран / потран / пултăран / пулдыран / пулдран* ‘борщовник’ [Федотов 1996: 444]. В книге «Чувашские народные названия дикорастущих растений», посвященной сравнительно-историческому анализу лексико-семантической группы фитонимов, венгерский тюрколог Юдит Дмитриева подробно останавливается на чувашских диалектных формах: *pultăran*: а) *poltran* — в первом слоге с *о*, характеризует верховой диалект чувашского языка; б) *pultran-poltran* с выпадением редуцированного (*ă*) перед ударным слогом; в) *putran/potran* — с выпадением *l* перед *t*, что также характеризует чувашские диалекты; г) *pulătran* — со вставкой *ă* для облегчения произношения [Дмитриева 2001: 59].

В «Словаре тюркизмов в русском языке» ученый-лексикограф Е. Н. Шипова по материалам лексикографических источников дает следующие толкования: *балдран* — ‘растение Heracleum spondylium семейства зонтичных, борщевик обыкновенный, Heracleum sibirieum — борщевик сибирский’ [Шипова 1976: 58]. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова имеются следующие сведения: *балтырҕан* (кирг., каз.) — *палдырҕан* ‘борщевик’ (Heracleum sibiricum); *палдырҕан* (алт., тел., шор.) ‘борщевик, пичка’; различные виды: *субаі палдырҕан, тӱктӱ палдырҕан* (алт.), *älik палдырҕан* (алт.), *jyktӯ палдырҕан* ‘сибирский борщевик’, *апшак палдырҕан* (шор.), *mokai палдырҕан* (шор.); *малтырҕан* (саг.) ‘борщовник’ [Радлов 1893: 1503, 1172, 2041].

В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна указывается: тур. *балдыран / baldiran* ‘болиголов’, чув. *пултăран / pulDăran* ‘борщевник’, *балдырған / baldirγan* ‘болиголов’, аз. диал. ‘бузина’, кир. *балтырған / baltirγan* ‘купырь (трава)’, ног. ‘борщевник’, тат. ‘борщевник’, баш. ‘борщевник’, алт., алт. диал. балтырған / baltirγan ‘дягиль’, хак. палтырған / paltirγan ‘дягиль’, алт., тел., шор. палдырҕан / paldirγan ‘пучка’, саг., сиб. тат. малтырған / maltirγan ‘борщевник’ [ЭСТЯ 1978: 55].

Финский ученый, лингвист-тюрколог М. Рясянен в своем «Этимологическом словаре тюркских языков» дает перечень данной лексемы: kaz. kkir. *baltyrγan* ‘Bärenkraut, heracleum’, kaz. *baldyrγan*, oir. tel. šor. *paldyrγan*, sag. *maltyrγan*, hak. *paltyrγan* ‘дягиль’, sag. (hak.) *maltyrγan* ‘пучки’, osm. blk. *baldyrγan* ‘assa foetida’, AH. *baldaran*, osm. *baldyran* ‘Spierstaude’, čuv. *pulDăran*, *potran* ‘Bärenklaue, mo. Lessing *balčirγana*, *baldarγana* ‘heracleum dissektum’ [Räsänen

1969: 61]. Автор дает источник, в котором были зафиксированы некоторые слова: это труды арабского ученого Абу Хайян аль-Гарнати (1256–1344 гг.) и венгерского ученого Золтана Гомбоц (1877–1935) «Болгаро-турецкие слова на венгерском языке» (1912 г.).

Большинство приведенных названий обозначает растение Heracleum (Heracleum sibiricum, Heracleum sphondylium и др.) Это полевое растение, стебель которого находится в земле, из него готовят похлебку, суп. В диалектах турецкого (и киргизского) языка словом *baldiran* обозначается ядовитое растение (болиголов) из семейства зонтичных Conīum maculātum, произрастающее во влажных местах, имеются его разновидности *büyük baldiran*, *küçük baldiran*, *su baldirani*. Вероятно, в анализируемом названии смешались обозначения по крайней мере двух растений — одного съедобного, отменного лекарственного растения, на основе которого можно приготовить всевозможные полезные для организма средства, а другого — ядовитого. Таким образом, можно условно выделить *балтырған*[1] (Heracleum ‘борщевик’) и *балтырған*[2] (Conium ‘болиголов’).

Следует отметить, что общетюркское слово **baldiran* имеет монгольские параллели: монг. *balcirγan-a*, *baldarγan-a* (*балчиргана* ‘борщевик сибирский’, *хар балчиргана* ‘семерица черная’ [БАМРС 2001: 224]; калм. *balčirγn* (*балчирһн* ‘борщевик’ [КРС 1977: 80]), бур. *balšarγana* ‘борщевик сибирский, чемерица’ [Черемисов 1951: 90]). Монгольский афф. *-γana* обычно выступает в отыменных именах — обозначениях растений и животных; в тюркских языках ему соответствует афф. *-γan* ~ *-an*. В тюрк. *baltïrγan* ~ монг. *balčirγana* выделяется основа *baltïr*, которую можно сопоставить с др.-уйг. *baltïr* ‘младшая родственница’, ср. *baldïz* ‘младшая сестра жены’, халх. *balčir* ‘малолетний’, бур. *balšar* ‘младенческий’, як. *balč yr*, *balǯyr, baččyr* ← монг. (в составе *balčyr oγo* ‘ребенок, подросший настолько, что начинает сидеть’). В «Древнетюркском словаре» *балдыр / baldïr* — ‘ранний’: *baldïr tarïγ* ‘ранний посев’; *балдыз / baldïz* ‘младшая сестра жены’; *балтыр / baltïr* ‘младший родственник’ — эти термины, в свою очередь, были зафиксированы в словаре Махмуда Кашгарского «Дївäну луғät-иттурк» (Собрание тюркских наречий (языков), 1072-1074 гг.) [Древнетюркский словарь 1969: 80]. Возможно, производящей основой является *балдыр / балтыр* ‘ранний; младший’.

Семантическая связь ‘зеленый, свежий’ — ‘молодой, младший’ прослеживается и в других языках: каз. *balγyn šöp* ‘зеленая трава’, *baldyrγan žas* ‘цветущая молодость’, *baldyrγan žaқ* ‘пора ранней юности; юная пора’ *baldyrγandik žas* ‘детский возраст, ранний возраст’ [Бектаев 1995: 88]; кирг. *baldyrγan žaš* ‘детский возраст’, *балтырғандай убағым* (фольк.) ‘время моего раннего детства’ [Юдахин 1985: 106]; чув. *пултăр* ‘1) шурин (младший брат жены); деверь (младший брат мужа); 2) свояченица (младшая сестра жены); золовка (младшая сестра мужа)’ [ЧРС 1985: 309], *пултăр* ‘общее название младших братьев и сестер жены (для мужа), а также младших братьев и сестер мужа (для жены), т. е. младшие шурья и младшие свояченицы, младшие деверья и младшие золовки’ [Федотов 1996: 443]; монг. *балчир* ‘1) малолетний, маленький, младенческий; *балчир нас* младенчество, младенческий возраст; *балчир хүүхэд* дитя, младенец; 2) неопытный, зелёный, желторотый; *балчир жаал* молокосос, сосунок, мальчишка, мальчуган’ [БАМРС 2001: 378].

В *baltyrγan* ~ *baltirγana*, видимо, представлена первичная основа *bal* со значением ‘зеленый, свежий, молодой’.

Лексема *балтырған* в произведениях корпуса башкирского языка

Материалом нашего исследования послужили тексты из корпусов прозаических и фольклорных текстов МФБЯ, в которых зафиксировано слово *балтырған*. В произведениях башкирского народного творчества (в поговорках, обычаях, сказках, эпосах, исторических кубаирах) исследуемая лексема встречается 12 раз: в форме *балтырған* — 2, *балтырғандан* — 2, *балтырғандың* — 1, *балтырғаны* — 7. Ср.: *Йылына бер* ***балтырған*** *ашамаған кешенең эсе ҡортлар, имеш* ‘Якобы, у того, кто хотя бы один раз в год не ест борщевика, в желудке появятся черви’ [КБЯ]. *Май айында ете төрлө үлән ауыҙ итергә кәрәк.* ***Балтырғандан*** *өс тапҡыр аш бешереп эсергә* ‘В мае надо пробовать семь разных трав.

Трижды есть суп из борщевика’ [КБЯ]. *Таңдыса* ***балтырғандың*** *япрағын, сығып ҡына килгән көпшәһен шыртылдата сәйнәп ашанып, тамаҡ ялғап ала* ‘Тандыса питался листом и только что появившимся стеблем борщевика’ [КБЯ]. Слово зафиксировано в эпосе «Изел йорт» («Идель юрт»), в котором повествуется об исторических событиях XIV в. Ср.: ***Балтырғаны*** *беләктәй,* ***Балтырғаны*** *беләктәй; Һарынаһы ҡонандай...* ‘Борщевик — с локоть толщиной, борщевик — с локоть толщиной, саранка — высотой со стригунка…’ [КБЯ]. Сравнительная конструкция *Балтырғаны беләктәй...* ‘Борщевик — с локоть толщиной…’ встречается также в эпосах «Идукай и Мурадым», «Мэргэн и Маянхылу», «Урал батыр», в песне «Урал», где башкиры воспевают свой родной край, его красоту.

В прозаическом корпусе башкирского языка представлены восемь лексем с основой *балтырған* ‘борщевик’ в 85 словоупотреблениях: *балтырған* (72), *балтырған+ға* (3), *балтырған+дан* (1), *балтырған+дар* (1), *балтырған+ды* (3), *балтырған+ы* (4), *балтырған+ын* (1), *балтырған+ынан* (2). Ср.: *Батҡанға һалам да тотҡа, асҡа* ***балтырған*** *да бутҡа тигәндәй, студенттың күңеленә өмөт ҡошо ҡундырыу өсөн, әллә ҡайҙағы Карачуриндың йыйылмаған ғәскәре лә ярап ҡуйҙы.* ‘Как говорится, тонувшему и солома опора, голодному и борщевик каша, чтобы дать надежду душе студента, пригодилась еще не собранная армия Карачурина’ [Гиззатуллин 1969].

Из текстов можно выявить этнографические сведения, связанные с борщевиком. Так, художественные тексты свидетельствуют о том, что он использовался в приготовлении *балтырған ашы* ‘супа из борщевика’. Ср.: *Ашта артыҡ әллә ни ҙә юҡ — ҡырҡмаға ҡараһы булмаған ит тә һалынмаған, ҡуҙғалаҡ йәки* ***балтырған*** *турап, ыумас бешерелә, һуған урынына — ҡыуыш йыуа, ә ҡаймаҡты уйлаған юҡ инде ул, булһа — әсе ҡатыҡ та бик еткән, шулай ҙа теленде йоторлоҡ аш* ‘В супе нет ничего такого — не добавлено мясо, с щавелем или борщевиком готовится затируха, вместо лука — лук-резанец, про сметану и не думаем, если есть — то не помешал бы кислый катык, но все же суп получается так, что можно язык проглотить’ [Бикбай 1968]; ***Балтырған*** *араһына он төшһә, уны аҙыраҡ күкәй туғып, ҡатыҡ һалып ҡуйыртһаң, йәшәп тә, эшләп тә була* ‘Если к борщевику добавить муку, сгустить со взбитым яйцом и катыком, можно и жить, и работать’ [Гиззатуллин 1967]. Башкиры с давних времен знали полезные свойства растения *балтырған* ‘борщевика’, об этом свидетельствуют выявленные примеры из произведений башкирских писателей: *Бер көндө күп итеп яҫы-яҫы үлән япраҡтары,* ***балтырған*** *йыйып, һарына ҡаҙып алып ҡайтты ҡасҡы. — Был япраҡтарҙы атайым «башҡорт кәбеҫтәһе» тип, ашҡа һалдыра торғайны.* ***Балтырған*** *менән һарынаны шул көйөнә аша, файҙалы улар, – тине ул* ‘Однажды дезертир принес широченные листья трав, борщевика, саранку. Эти листья папа назвал «башкирской капустой» и просил класть в суп. Борщевик с саранкой ешь свежими, они полезные, — сказал он’ [Поварисов 1996]. Известен факт, что посреди коренного населения края в прошлые века заболеваемость цингой встречалась очень редко. Об этом упоминается и в произведениях: *Яҙғы өҙөктә йәшел* ***балтырған*** *менән көмөш сабаҡ ябай ҡорһаҡ туйымлыҡ ҡына түгел, ә ҡыш оҙоно миктәп сыҡҡан һаулығын нығытҡыс таныҡ аш — зәңгәләнән витамин булған* ‘Весной зеленый борщевик с серебряной сорогой не только наполняет желудок, но и после долгого зимнего обострения является полезной едой —— витамином от цинги’ [Султанов 1996].

Ни в одном из рассмотренных произведений *балтырған* ‘борщевик’ как ядовитое растение не встречается. При помощи диких съедобных трав люди спасались во время войны и послевоенные голодные годы, ими восполняли недостаток витаминов в организме. Большинство авторов в своих произведениях описывают, как башкиры готовили *балтырған ашы* ‘суп из борщевика’. С древних времен из уст в уста передавалось поверье, что весной надо поесть этот суп не менее трех раз и его целебных свойств хватит на год. Эта традиция сохранилась и по сей день. В деревнях представители старшего поколения в период с 3 по 17 июня собирают свежие молодые листья *балтырған* ‘борщевика’, добавляют *кесерткән* ‘крапиву’, *ыумас* ‘затируху’ и готовят суп, угощают детей.

Выводы

В башкирском языке существует разработанная система номинаций разновидностей этого растения: *ҡаты балтырған* ‘борщевик жесткий’, *ярылған балтырған* ‘борщевик рассечённый’, *татлы балтырған* ‘борщевик сладкий’, *эре сәскәле балтырған* ‘борщевик крупноцветковый’, *ялбыр балтырған* ‘борщевик пушистый’, *ябай балтырған* ‘борщевик обыкновенный’, *йөнтәҫ балтырған* ‘борщевик мохнатый’ и т. д. Данный термин зафиксирован в академическом, толковом, диалектологическом, фразеологическом, мифологическом словарях башкирского языка. Параллели к слову *балтырған* имеются в большинстве алтайских языков: тюркских — *baltyrγan* ‘борщевник’ (чаг.); *baldyran* ‘болиголов’ (тур.); *baldyrγan* ‘борщевник’ (аз.); *baldyrγan* ‘борщевник’ (кбалк.), *baltirγan* ‘борщевник’ (тат.), *baltyrγan* ‘борщевник’ (ног.), *baldyrγan* ‘растение со сладким сочным стеблем / борщевник’ (каз.); *baldyrγan*, ‘купырь’ (кирг.), *baltyrγan* ‘дягиль’ (алт.); *paltyrγan* ‘дягиль’ (хак.); *pultăran* ‘борщевник’ (чув.) и монгольских — *balcirγan-a* (монг.), *baldarγan-a* ‘борщевик’ (калм.), *balšarγana* ‘борщевик сибирский, чемерица’ (бур.).

Сравнительный анализ показал, что *baltyrγan* ‘борщевик’ во многих языках обозначает растение из семейства зонтичных, которое является лекарственным средством. Следует также отметить, что в *baltyrγan* ~ *baltirγana* представлена первичная основа *bal* / *baltïr* / *baldïr* со значением ‘зеленый, свежий, молодой’.

Обнаружение лексемы *балтырған* в трудах тюркских ученых, произведениях башкирского народа с XIV в. свидетельствует о его значительной исторической ценности.

Выявление названий растительных средств в народных и художественных произведениях показывает тесное взаимодействие человека с миром, отношение людей к природе. Изучение фитонимов, а именно наименований лечебных растений, является важным шагом в понимании общего культурного наследия народа.

Сокращения

blk. — балкарский
oir. — ойратский
osm. — османский
аз. — азербайджанский
алт. —алтайский
баш. — башкирский
бот. — ботаника
бур. — бурятский
диал. — диалект
др.-уйг. — древнеуйгурский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кбалк. — кабардино-балкарский
кир. / kkir – киргизский
миф. — мифология
монг. / mo. — монгольский
ног. — ногайский
саг. / sag. — сагатайский
ср. — сравните
тат. / kaz — татаский, казанско-татарский
тел. / tel. — телеутский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
хак. / hak. — хакасский
халх. — халхаский
чаг. — чагатайский
чув. / čuv. — чувашский
шор. / šor. — шорский
як. — якутский

Источники

КБЯ — Корпус башкирского языка. Проза [электронный ресурс] // URL: http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp (дата обращения: 16.11.2020).

Sources

Corpus of the Bashkir Language. Prose Fiction. Available at: http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp (accessed: November 16, 2020). (In Bash.)

Литература

Академический словарь 2011 — Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т. 2. Уфа: Китап, 2011. 568 с.

Ахметьянов 2015 — *Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 1. А–Л. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 540 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / под общ. ред. А Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 1: А–Г. М.: ACADEMIA, 2001. 498 с.

Бектаев 1995 — *Бектаев К.* Большой казахско-русский русско-казахский словарь. Алматы: изд-во, 1995. 703 с.

Бикбай 2004 – *Бикбай Б.* Живые родники: Повесть. Уфа: Китап, 2004. 328 с.

Бускунбаева 2017 — *Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Ишмухаметова А. Ш.* Состав и структура корпуса публицистики башкирского языка // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы. Сыктывкар, 16–17 марта 2017 г. С. 39-43.

Гиззатуллин 1969 — *Гиззатуллин И.* Второй гром: Повесть. Уфа: Китап, 1969. 283 с.

Диалектологический словарь 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

Дмитриева 2011 — *Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений (Studies in Linguistics of the Volga-region) / ed. by K. Agyagási. Vol. I. Debrecen, 2001. 211 с.

Древнетюркский словарь 1969 — Древнетюркский словарь / ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.

Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1964. 355 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 764 с.

Радлов 1899 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб.: Тип. Российской Императорской Академии Наук, 1899. 1052 с.

Рубцова 2015 — *Рубцова О. Г.* Названия лекарственных растений в разноструктурных языках: на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков: дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2015. 217 с.

Сиразитдинов 2016 — *Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Шамсутдинова Г. Г., Ишмухаметова А. Ш., Каримова Р. Н.* О корпусе башкирского фольклора // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сент. 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 272–274.

Сиразитдинов 2018 — *Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г.* О лингвистических корпусах башкирского языка // XXI ғасырдың ғылыми-ағартушылық парадигмалары: рухани құндылықтар аясындағы тіл және мәдениет. Алматы, 2018. С. 276–280.

Сиразитдинов 2019 — *Сиразитдинов З. А.* Электронные ресурсы башкирской лексикографии // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. С. 309–319.

Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.

Фразеологический словарь 1996 — Фразеологический словарь башкирского языка / З. Г. Ураксин. Уфа : Китап, 1996. 287 с.

Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

Черемисов 1951 — *Черемисов К. М.* Бурят-монгольско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

ЧРС 1985 — Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

Шипова 1976 — *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, “Наука” Каз ССР, 1976. 444 с.

ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Б»). М.: Наука, 1978. 349 с.

Юдахин 1985 — *Юдахин Н. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1985. 973 с.

Räsänen 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen wörterbuchs der türksprachen. Helsinki. 1969. 533 s.

References

Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 2 vols. Vol. 1: A–Л. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. 540 p. (In Tat.)

Bektaev K. Unabridged Kazakh-Russian and Russian-Kazakh Dictionary. Almaty, 1995. 703 p. (In Kaz. and Russ.)

Bikbay B. The Living Springs. Novel. Ufa: Kitap, 2004. 328 p. (In Bash.)

Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A., Ishmukhametova A. Sh. Corpus of Bashkir Journalistic Texts: composition and structure. In: Fedina M. S. (ed.) Digital Solutions for Russia's Languages. Experiences, Problems and Prospects. Conference Proceedings (Syktyvkar; March 16–17, 2017). Syktyvkar: Komi Academy of National Economy and Management, Pp. 39–43. (In Russ.)

Cheremisov K. M. Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)

Dilmukhametov M. I. (ed.) Dialectal Dictionary of the Bashkir Language. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash.)

Dmitrieva Yu. Chuvash Names of Wild Plants. Ser.: Studies in Linguistics of the Volga Region. K. Agyagási (ed.). Vol. I. Debrecen, 2001. 211 p. (In Chuv. And Russ.)

Egorov V. G. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1964. 355 p. (In Chuv. and Russ.)

Fedotov M. R. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Vol. 2. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. 509 p. (In Chuv. and Russ.)

Gizzatullin I. The Second Thunder. Novel. Ufa: Kitap, 1969. 283 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 2. Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Bash.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 764 p. (In Kalm. and Russ.)

Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 498 p. (In Mong. and Russ.)

Radlov V. V. A Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 2. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1899. 1052 p. (In Turk. and Russ.)

Räsänen M. Versuch eines etymologischen wörterbuchs der türksprachen (An Etymological Dictionary of the Turkic Languages). Helsinki. 1969. 533 p. (In Turk. and Germ.)

Rubtsova O. G. Medicinal Plant Names in Structurally Different Languages: A Case Study of Russian, Mari, German, and Latin. Cand. Sc. (philology) thesis. Yoshkar-Ola, 2015. 217 p. (In Russ.)

Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter 'B'. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Turk. and Russ.)

Shipova E. N. Dictionary of Turkisms in Russian. Alma-Ata: Nauka, 1976. 444 p. (In Russ.)

Sirazitdinov Z. A. Online resources of Bashkir lexicography. In: Bashkir Language and Literature amidst Globalization and Polyethnic Environment. Experiences and Prospects. Conference Proceedings. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Fed. Res. Centre of RAS), 2019. Pp. 309–319. (In Russ.)

Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Ishmukhametova A. Sh., Shamsutdinova G. G. About linguistic corpuses of the Bashkir language. In: Scientific and Educational Paradigms of the 21st Century. Language and Culture in the Context of Spiritual Values. Almaty, 2018. Pp. 276–280. (In Russ.)

Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Shamsutdinova G. G., Ishmukhametova A. Sh., Karimova R. N. About the Corpus of Bashkir Folklore. In: Humanities of Southern Russia. International and Regional Cooperation. Conference Proceedings. Elista, 2016. Pp. 272-274. (In Russ.)

Skvortsov M. I. (ed.) Chuvash-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. 712 p. (In Chuv. and Russ.)

Uraksin Z. G. Bashkir Phraseological Dictionary. Ufa : Kitap, 1996. 287 p. (In Bash.)

Yudakhin N. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow, 1985. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1415–1437, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 81-23
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках

Анна Владимировна Дыбо[1], *Лидия Фатиховна Абубакирова*[2], *Марк Михайлович Зимин*[3], *Евгения Владимировна Коровина*[4], *Зарема Калабзаровна Кочакаева*[5], *Александр Владимирович Шаров*[6]

[1] Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом
0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

[2] Томский государственный университет (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
0000-0002-1530-5590. E-mail: lidiya_bspu@mail.ru

[3] Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
лаборант-исследователь
0000-0002-2043-9868. E-mail: ung.ofelia@gmail.com

[4] Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0002-3072-585X. E-mail: evkorovina@iling-ran.ru

[5] Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
0000-0001-8759-1592. E-mail: z.tarkovskaya@gmail.com

[6] Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
лаборант-исследователь
0000-0001-9803-9330. E-mail: ghauasha@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020
© Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В., 2020

Аннотация. В статье продолжается обсуждение типов изоглосс и их релевантности для пратюркской реконструкции и реконструкции промежуточных узлов тюркского генеалогического древа. *Цель* исследования — проверить возможность и надежность реконструкции морфонологического облика некоторых аффиксов для промежуточных языков-предков стандартно-тюркской группы (огузских, «кыргызских», алтайских, карлукских, тобасских, кыпчакских). Здесь мы привлекаем к рассмотрению не только аффикс множественного числа *-lar, но и вообще словоизменительные и словообразовательные аффиксы, начинающиеся на *-l. Используются *методы* ступенчатой реконструкции одновременно с морфонологическими методами выделения классов позиций и распределения по ним классов алломорфов аффиксов. В качестве *материала* использованы полевые записи диалектов, диалектологические публикации, как современные, так и XIX в., а также материал письменных памятников. *Результаты*. Данные, как новейшие полевые, так и сведения из классических источников, при правильном применении методов ступенчатой реконструкции показывают, что для большинства рассматриваемых стандартно-тюркских клад не реконструируется алломорфия аффиксов на *-l. Ни для праогузского, ни для пракарлукского, ни для пракыпчакского не удаётся доказать существование ассимиляции *-l-аффикса конечному согласному основы. Также оказывается, что существующие в современных языках правила алломорфии вторичны. Одинаковые чередования *-l-аффикса развились в целом ряде идиомов (диалектный башкирский, диалектный казахский, «кыргызские», тобасские, якутско-долганский) в результате контактных процессов, которые существенно моложе, чем те историко-фонетические процессы, которые сформировали эти группы идиомов.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, кыпчакские языки, огузские языки, морфонология, памятники письменности, фонетическая реконструкция, морфонологическая реконструкция

Благодарность. Работа выполнена по проекту РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России». Авторы выражают благодарность также всем информантам, активистам и коллегам, помогавшим при сборе диалектологического материала.

Для цитирования: Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В. Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1415–1437. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

UDC 81-23
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

Once Again about Allomorphism of the Plural *-lar* in Turkic Languages

Anna V. Dybo[1], *Lidia F. Abubakirova*[2], *Mark M. Zimin*[3], *Evgeniya V. Korovina*[4], *Zarema K. Kochakaeva*[5], *Aleksandr V. Sharov*[6]

[1] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation); Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation); Tomsk State University (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation)
Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Ural-Altaic Department
0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

[2] Tomsk State University (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Research Associate
0000-0002-1530-5590. E-mail: lidiya_bspu@mail.ru

[3] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Research Laboratory Assistant
0000-0002-2043-9868. E-mail: ung.ofelia@gmail.com

[4] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0002-3072-585X. E-mail: evkorovina@iling-ran.ru

[5] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Junior Research Associate
0000-0001-8759-1592. E-mail: z.tarkovskaya@gmail.com

[6] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Research Laboratory Assistant
0000-0001-9803-9330. E-mail: ghauasha@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020
© Dybo A. V., Abubakirova L. F., Zimin M. M., Korovina E. V., Kochakaeva Z. K., Sharov A. V., 2020

Abstract. *Introduction*. The article continues the discussion of isogloss types and their relevance for the Proto-Turkic reconstruction and reconstruction of the intermediate nodes of the Turkic family tree. *Goals*. The paper makes another attempt to reconstruct the morphophonological appearance of some affixes for intermediate languages-ancestors of the standard Turkic group (Oguz, 'Kyrgyz', Altai, Karluk, Toba, Kypchak). The study draws into consideration not only the plural affix *-*lar*, but in general inflectional and derivational affixes starting with *-*l*. *Materials and Methods*. Methods of stepwise reconstruction are used simultaneously with morphophonological methods of identifying classes of positions and distribution of classes of allomorphs. Field records of dialects, dialectological publications, both modern ones and those of the 19th century, as well as written monuments were used as research material. *Results*. Both modern field data and classical sources, with the correct application of the methods of stepwise reconstruction, point that affixal *-*l* has no alternants in proto-Oghuz, proto-Karluk and proto-Qypchaq. All instances of alternation in modern idioms like dialectal Bashkir, dialectal Kazakh, 'Qyrghyz' languages, Yakut-Dolghan and Toba languages are to be classified as recent areal innovation. This is deduced due to the nature of morphophonological rules in these languages — neither is applyable for the proto-Common-Turkic stem *auslaut*, but instead is limited to forms that are specific to each separate group in question.

Keywords: Turkic languages, dialectology, Kipchak languages, Oghuz languages, morphophonology, written monuments, areal linguistics, dialectal continuum, historical phonetics, morphonological reconstruction

Acknowledgements. The reported study funded by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00501 'Digital Dialectological Atlas of Russia's Turkic Languages'. The authors are also grateful to all informants and colleagues who assisted in collecting dialectological materials.

For citation: Dybo A. V., Abubakirova L. F., Zimin M. M., Korovina E. V., Kochakaeva Z. K., Sharov A. V. Once Again about Allomorphism of the Plural -*lar* in Turkic Languages. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1415–1437. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

Введение

Настоящая статья продолжает обсуждение типов изоглосс в тюркских диалектах, начатое на страницах журнала работами [Норманская, Гаджиева 2020] и [Дыбо и др. 2020] (и ранее [Дыбо 2017]). Нельзя не одобрить замысел Ю. В. Норманской и А. А. Гаджиевой провести ступенчатую реконструкцию показателя множественного числа *-LAr и попытаться спроецировать на локальные прауровни его морфонологическое поведение. Применяемые ими методы анализа, в том числе ареалогические, весьма актуальны для тюркского языкознания и выдержаны с теоретико-лингвистической точки зрения. Использован ранее мало рассматривавшийся материал миссионерских кириллических памятников тюркских языков, который в ряде случаев позволяет получить информацию о хронологически предшествующих современному состояниях языков и тем помочь в реконструкции. В настоящей работе нам хотелось бы, разобрав некоторые моменты, дать дополненную и уточненную интерпретацию ситуации с показателями множественного числа в тюркских языках, относящихся классификационно к группе обще- или стандартно-тюркских (то есть, не касаясь булгарской группы). В результате этих уточнений выводы по групповым реконструкциям морфонологического поведения аффиксов множественного числа несколько изменяются. Наши результаты получены при работе над составлением базы данных Атласа диалектов тюркских языков России; использованы как материалы Атласа, так и релевантные опубликованные материалы.

1. **Исходные положения.** Прежде всего отметим, что инновационный характер морфонологических вариантов аффикса множественного числа *-lAr в позициях консонантных сандхи не вызывает сомнения у «мэйнстримных» тюркологов, поскольку эти варианты позиционные и распределены обычно точно так же, как алломорфы множества других морфем с исходным *l- (например, аффикс отыменного глаголообразования *lA-, аффикс-атрибутивизатор *lXG, аффикс абстрактного имени *lXK)[1]. Кроме того, во многих тюркских языках все эти аффиксы не имеют консонантных чередований и при этом демонстрируют всегда -l-; для них решение о первичности этого варианта значительно логичнее, чем предположение о вторичной унификации -l-ступени при ранее имевшемся чередовании, поскольку сложно было бы объяснить, почему в этих языках обобщились именно варианты с -l-. Предположение ряда казахских ученых о первичности формы аффикса на -t- никогда не находило себе сторонников среди историков языка, еще и потому, что в древних памятниках существует только вариант -lAr[2], и потому, что вариант после гласной, ожидаемо наименее подверженный влиянию консонантных ассимиляций, почти во всех описанных идиомах выступает как -lAr.

2. **Методологические предпосылки.** Принципиальный вопрос при ступенчатой реконструкции алломорфии аффиксов — для каждого восстанавливаемого этапа решить, не произошло ли с данным аффиксом изменений на морфонологическом уровне (не поменялся ли в процессе истории его морфонемный состав). Такую ситуацию мы наблюдаем в башкирском языке, например, для аффикса претерита -NI[4], который попал в один класс чередований с аффиксами Acc -NI[4], Gen -NI[4]ŋ, при том, что данные других современных языков и письменных памятников предполагают форму DI[4] (т. е. попадание в один класс с аффиксом локативного падежа -*DA и аффиксом каузатива *-DIr-, см.: [Дыбо 2012: 68]). Для аффикса множественного числа этот вопрос, по-видимому, можно решить, выясняя на каждом этапе, попадает ли он в тот же класс чередований, что *la-, *lIG, *lIK. (Для литературно-

[1] Исключением является поведение аффикса множественного числа *-lAr в башкирском литературном языке, отличающееся от поведения других аффиксов на *l-. Причина здесь экстралингвистическая, восходящая к истории создания нормы современного башкирского литературного языка (см.: [Дыбо 2012: 68; Грамматика 1981: 11]).

[2] См., например: [Erdal 2004: 158–160]

го башкирского ответ отрицательный, см.: [Дыбо 2012: 69]). Этот вопрос, к сожалению, не затрагивается в статье [Норманская, Гаджиева 2020]. Мы попробуем ниже отметить его: смена морфонологического класса аффиксами является одним из предметов картографирования в нашем атласе.

3. **Материалы исследования.** Следует заметить, что, хотя, безусловно, изучение миссионерских кириллических памятников XIX – начала XX в. может дать существенные результаты для поздней истории кыпчакских языков, неправомерно называть их «первыми книгами на кыпчакских языках». Для кыпчакских языков имеются существенно более ранние памятники, чем миссионерские кириллические памятники. Это, во-первых, тексты в арабице, которая вполне способна была бы различать l, t и d в формах как множественного числа, так и у других аффиксов на -*l-. Пометы «в языке кыпчаков» и под. появляются уже в словаре Махмуда Кашгарского [Clauson 1972: XIX], т. е. в памятнике XI в.; правда, им не всегда можно доверять. Достоверно кыпчакские памятники известны с XIII в. Конечно, язык этих текстов подвержен влиянию средневековых литературных языков, однако мы находим в них некоторые отступления, указывающие на особенности диалектов авторов и переписчиков. Во-вторых, это латинографические миссионерские и просто описательные тексты XIV–XVIII вв. См. перечисление и краткие характеристики этих памятников, например, в [Гаркавец 2019: 5–80]. Для решения вопроса о реконструкции алломорфии аффикса множественного числа для различных узлов генеалогического древа полезно проверить, когда вообще зафиксированы варианты аффикса, а также, как в соответствующих источниках ведут себя по крайней мере еще три «диагностических» аффикса *la-, *lIG, *lIK.

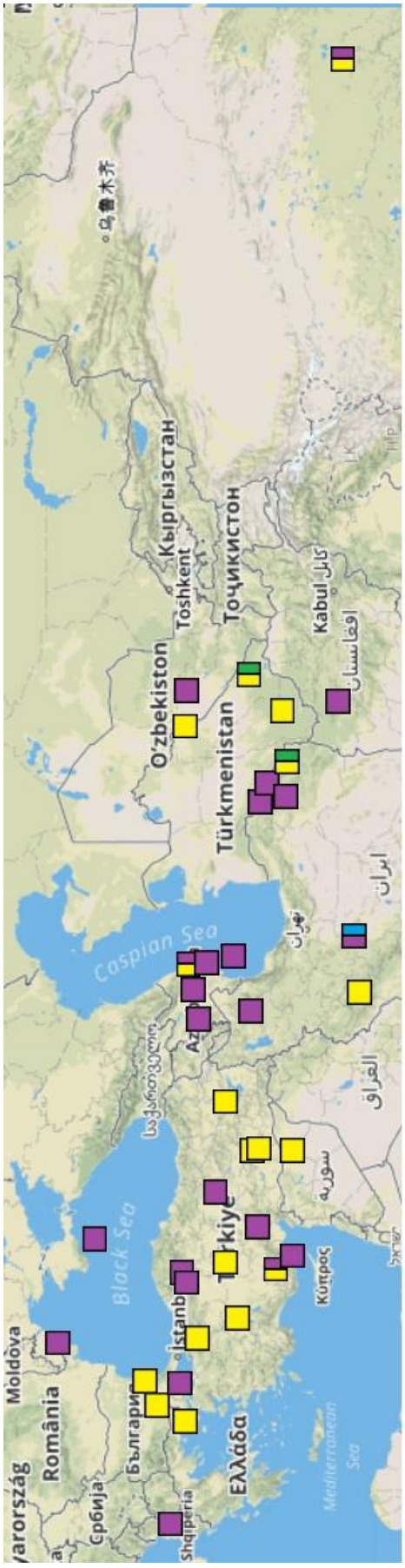
Рассмотрим, как ведут себя все эти аффиксы в средневековых и несколько более поздних памятниках письменности, и в наследующих им современных идиомах.

А. Рунические, древне-уйгурские, караханидские письменные памятники: чередований нет — см. [Erdal 2004: 114, 159; Erdal 1991: 139, 429–455; и др.].

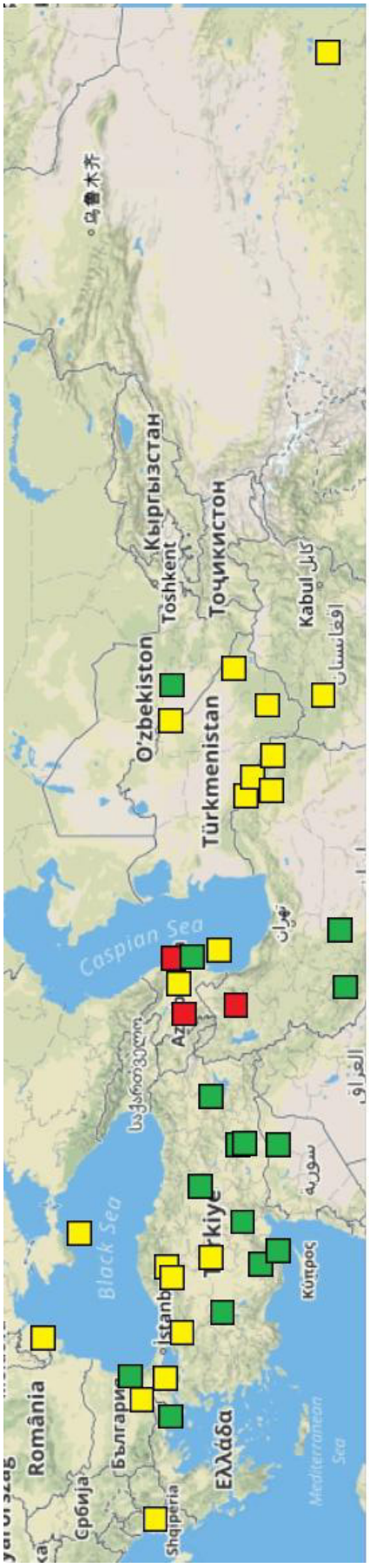
Б. Огузские памятники. Здесь мы опираемся прежде всего на материал в [Adamović 1985]. Уверенно огузские памятники появляются с XIII в. По имеющимся исследованиям, форм с консонантными ассимиляциями в интересующих нас аффиксах не обнаруживается в арабографических памятниках вплоть до XX в. Но и латинографические описательные грамматики и транскрипционные памятники староосманского языка, появляющиеся с XVI в., также не показывают ассимиляций вплоть до конца XVIII в., когда под 1790 годом находим guieursunner „Nutzen haben“ и под. [Adamović 1985: 240]. Вероятно, можно довольно уверенно утверждать, что в реальной речи такие формы не появлялись раньше XVIII в., поскольку вообще говоря, в османских памятниках обнаруживается довольно много различных диалектных особенностей [Adamović 1985: 321–331], в том числе написания с ассимиляциями *ossum*, *osun* вместо *olsun* ‘да будет’ и под. появляются в латинографических описаниях с XVI в., поэтому трудно было бы считать, что ассимилированные формы не выписывались из-за строгого следования правилам литературного языка.

Современные огузские диалекты (см. источники материала в [СИГТЯ 2002]) демонстрируют следующее географическое распределение этого явления:

На карте огузских идиомов изоглосса ассимиляции l > n при основах на носовой довольно беспорядочно располагается на фоне сохранения l в этой позиции; обобщение этих данных с данными по памятникам с очевидностью указывает на то, что для праогузского состояния не может восстанавливаться вариант окончания pl -nAr после основ на носовой. Кроме того, оказывается, что в центре зоны огузских диалектов, совершенно не связанном с восточной зоной кыпчакских языков, возникают инновационные t- и d-варианты L-аффиксов после основ на шумные (поскольку это не только аффиксы множественного числа, невозможно связать эти варианты с реликтом древнетюркского множественного числа на t); обращает на себя внимание также халаджское явление d-вариантов L-аффиксов у основ на n (при n-вариантах этих же аффиксов у основ на m), что также говорит о независимой инновации.

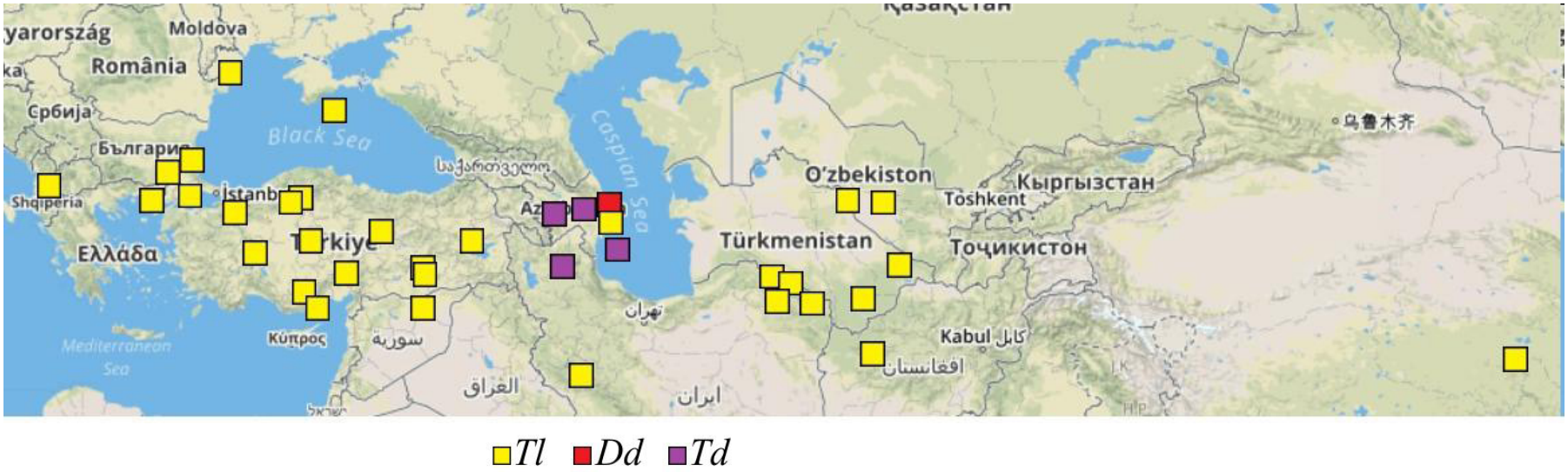
Карта 1. Морфонема L после основ на носовые в огузских диалектах
[*Map. 1*. Morphoneme L after stems beginning with nasals in Oghuz dialects]

Карта 2. Морфонема L после основ на г- в огузских диалектах
[*Map. 2*. Morphoneme L after stems beginning with r- in Oghuz dialects]

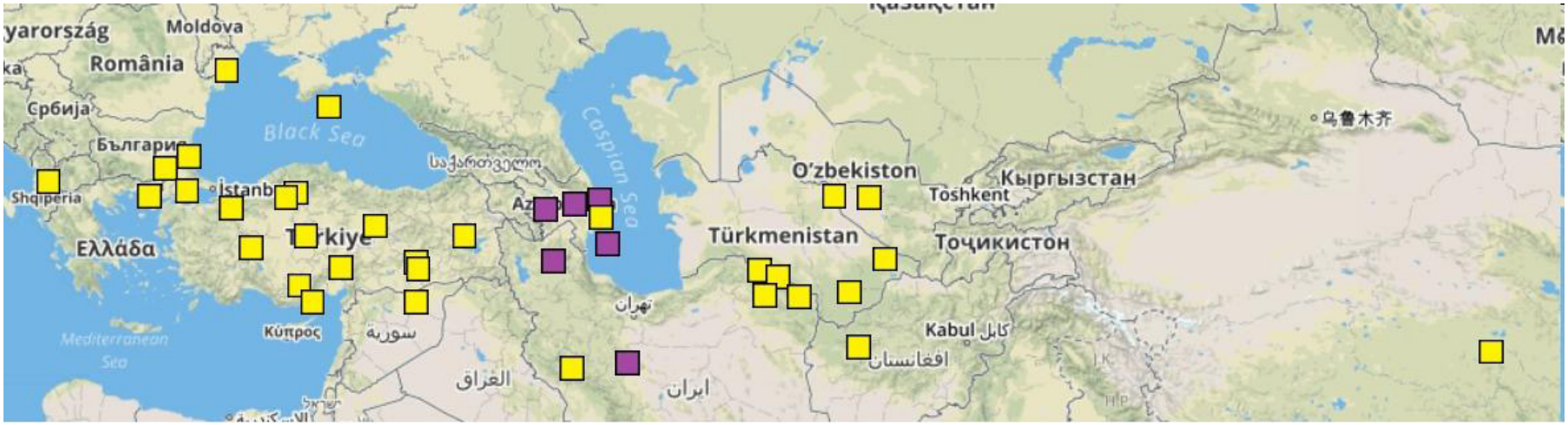
Карта 3. Морфонема L после основ на глухие шумные в огузских диалектах

[*Map. 3*. Morphoneme L after stems beginning with voiceless obstruents in Oghuz dialects]

Карта 4. Морфонема L после основ на звонкие шумные в огузских диалектах

[*Map. 4*. Morphoneme L after stems beginning with voiced obstruents in Oghuz dialects]

В. Обратимся к кыпчакским языкам. Как мы упоминали выше, достоверно кыпчакские памятники известны с XIII в. Ни для каких раннекыпчакских памятников не зафиксировано случаев никаких чередований начального L- в аффиксах под влиянием конечных согласных основ. В том числе это Codex Cumanicus, латинографический памятник кыпчакского куманского языка, начала XIV в.; по многим параметрам это западно-кыпчакский язык, вероятно, имеющий близкое отношение к караимским диалектам, а также, вероятно, к кумыкскому и карачаево-балкарскому (см., например: [Гаркавец 2019: 52–53]). Так же обстоят дела в армяно-кыпчакских половецких памятниках XVI в. (см.: [Грунин 1967: 358]).

Более восточные по происхождению кыпчакские тексты также не показывают никаких консонантных сандхи у рассматриваемых аффиксов (ср. XIII в.: [Houtsma 1894] *barlï* ‘богатый’, *ṣaqallï* ‘бородатый’, *aṭlu* ‘всадник’, *tatlu* ‘сладкий’ *saqla-* ‘остерегаться’, mäŋli ‘пятнистый’, äŋlik ‘румяна’, anlar ‘они’, ornularïn ‘их места’ и т. д., не менее 50 случаев). Не наблюдается чередований и в памятнике XIV в. [Кононов, Фазылов, Зияева 1978: 433–438].

В языке письменных памятников Казанского ханства и позже в старотатарских и старобашкирских памятниках (до XVIII в. включительно) обнаруживаются только варианты -lAr, -lA-, -lIK, -lI в том числе после носового конца основы, см.: [Хидиятов 2005: 25; Курбатов 2003; Хисамова 2015][3]. Это касается как литературных произведений, так и деловых документов, переписки и даже воззваний из лагеря пугачевцев. При этом другие диалектные особенности, отличающие язык этих памятников от «хорезмийско-тюркского» или кодифицированного старотатарского литературного языка, появляются в тех же текстах по крайней мере с XVII в., например, позиционный и полный типы «джоканья» (выражается в употреблении буквы джим в начале исконно-тюркских слов на ПТ *j-) (см.: [Дыбо и др. 2020: 706–707]): *Идил-Җайык* ‘Волга и Яик’ (Джам-и ат-таварих, XVII в., в Касимове), *җил* ‘ветер’ (редко, в основном й-, Мауля Кулый, II пол. XVII в.), *җиз* ‘медный’ (торговый акт XVIII в., [Курбатов 2003: 488, 498, 509]), *җиулғучы дошманлар* ‘собравшиеся враги’ (NB совр. *дошманнар* ‘враги’), *җиар* ‘соберут’, *җиуб* ‘собрав’, *җибәргәйсез* ‘отправьте’, *Җайық* ‘Яик’, *җитделәр* ‘прибыли’, и др. (Пугачевские письма, II пол. XVIII в.), *йөриdер җийалмай* ‘ходит, не может собраться’ (Габдельмандан Муслимов, II пол. XVIII в.; возможно, позиционное «джоканье»), *җандырыр* ‘возродится’ (Габдессалам, II пол. XVIII в., возможно, полное «джоканье») [Хисамова 2015: 386–388]).

В течение всего XIX и начала XX в. в языке арабографичной татарско-башкирской литературы наблюдается различное отражение типов «жоканья — йоканья», и появляется различное отражение чередований n ~ l. Эти особенности, отчасти, видимо, обусловлены диалектной основой языка авторов, а отчасти употребление начального *йай* и отсутствие чередований может быть связано с ориентацией на староосманскую норму (что проявляется также в морфологических особенностях языка ряда авторов). Ср., например, полное йоканье в «Сәяхәтнамә» (издание основано на уфимской рукописи, см. [Курбатов 2003: 522–525]) при наличии чередования n ~ l (*угланнары* ‘тех парней’ [Курбатов 2003: 536]; полное же йоканье при отсутствии чередований -L- у Курмаши (Притоболье, [Курбатов 2003: 565–575]); следы неполного жоканья татарского типа и отсутствие чередований -L- у Хибатуллы Салихова (*җир/йир*, *йул*, *яхшы*, *бунлар*, Сакмарский район Оренбургской области) [Хисамова 2015: 409] и т. п.

Нормирование литературного татарского языка, составление нормативных грамматики и словарей прежде всего — заслуга Каюма Насыри (1825–1902, место рождения и ранних лет жизни — деревня Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии; образование получено в Казанском

[3] В книге [Нуриева 2004: 77, 136, 163, 253, 280] приведены формы из памятников XIV–XV вв.: *oγlannar* ‘сыновья’ (Кысас аль анбия, Нахджул ал-Фарадис), *boγunnary* ‘суставы’ (Нахджул ал-Фарадис), *zünnar* ‘кресты’ (Мухаббат-намэ, Гулистан), *mujynnary* ‘их шеи’ (Джумджума). Но их наличие не подтверждается другими изданиями памятников; примеры также отсутствуют в соответствующих разделах работы Ф. Ш. Нуриевой по этим памятникам в [Курбатов 2003] и [Хисамова 2015], и, таким образом, это опечатки под влиянием современного татарского.

медресе и университете). В его трудах мы обнаруживаем четкую систему «татарского неполного жоканья» (*җай* ‘лето’, *җаулмак* ‘собираться’, *җил* ‘ветер’, *җир* ‘земля’, *йылан* ‘змея’, *йулдуз* ‘звезда’, *йаш* ‘молодой’) и отсутствие чередований для L во всех соответствующих аффиксах (*хайванлар* ‘скот’, *хатунлы* ‘женатый’) — см., хотя бы, [Насыри 1904]; в общем, это соответствует современным диалектологическим данным, см. ниже.

С другой стороны, со второй половины XIX в. появляется значительное количество текстов в кириллице, ориентированных на диалекты крещеных татар; социолингвистическую характеристику этих диалектов см., например, в [Berta 1988: 7].

Данные обследования миссионерских текстов, демонстрируемые в работах Ю. В. Норманской и ее соавторов, совпадают с полевыми данными 70–80-х гг. XIX в., собранными Г. Балинтом, в цитированной публикации А. Берта. Это диалекты со сплошным жоканьем и ассимиляцией начального l-аффиксов предшествующим носовым конца основы. Те же особенности «народного татарского языка» находим в [Бессонов 1881: 8, 215, 217][4] (*олонна-* ‘ожеребиться’, *бäрäннä-* ‘объягниться’, *кейемне* ‘имеющий одежду’, *кейемнä-* ‘доставить одежду’, *жул жöре-* ‘путешествовать’), [Катанов 1898: 20 (о сплошном ɥ- в начале слова), 29, 31, 39] (в транскрипциях: *кийимнер* ‘одежды’, *уланнар* ‘сыновья’, *кӧннäр* ‘дни’, *дөшманнары* ‘враги’, *ӱткіннігін* ‘остроты-Acc’, *урыннаш-* ‘селиться’. однако в арабографичной передаче этих же текстов всегда -nl-).

Любопытно, что, по-видимому, при создании татарской орфографической нормы в латинской графике было решено использовать компромиссный вариант между миссионерской кириллической «нормой» и арабографичной нормой по Каюму Насыри, ср. [Alparov 1934: 23]: «неполное жоканье» плюс *аӈla-* ‘понимать’, *qomlъ* ‘песчаный’, *qomlьq* ‘песчаное место’, но *qomnar* ‘пески’, *kənnər* ‘дни’ и т. д. То есть наиболее частотный, словоизменительный аффикс множественного числа нормирован по «разговорному» варианту, который в это время, судя по цитированным выше работам А. Г. Бессонова и Н. Ф. Катанова, социолингвистически преобладал, а прочие, словообразовательные аффиксы — по «книжному». От латинской орфографии эти нормы перешли в нынешнюю кириллическую.

Ситуацию в современных татарских диалектах обрисовывает карта № 55 в [АТНГ 2015]: для сибирско-татарских языков отмечены колебания -нл- ~ -нн-[5], в костромском, касимовском, бастиановском, азеевском и субдиалектах пензенского мишарского (с. Татаро-Никольское) сохраняется -нл-, регрессивная ассимиляция в =лл= отмечена на границе с Марий Эл (парангиньский диалект). Ср. в диалекте мордва-каратаев [Андреев 2007]: *ӱлäнлек* ‘лужайка’, *аӈла-* ‘понимать’, *димлä-* ‘уговаривать’, *иркенлä-* ‘становиться просторным’, *иялтынлык* ‘стыдливость’, *туганлар* ‘родственники’.

Карта волгоуральских идиомов, построенная на наших экспедиционных материалах, в целом соответствует этой картине.

Конфигурация карты показывает, что показатель без алломорфии сохраняется в основном на дальней западной периферии ареала; алломорфы на -d действительно выстраиваются вдоль казахской границы, демонстрируя контактное происхождение, как и предполагается в [Норманская, Гаджиева 2020].

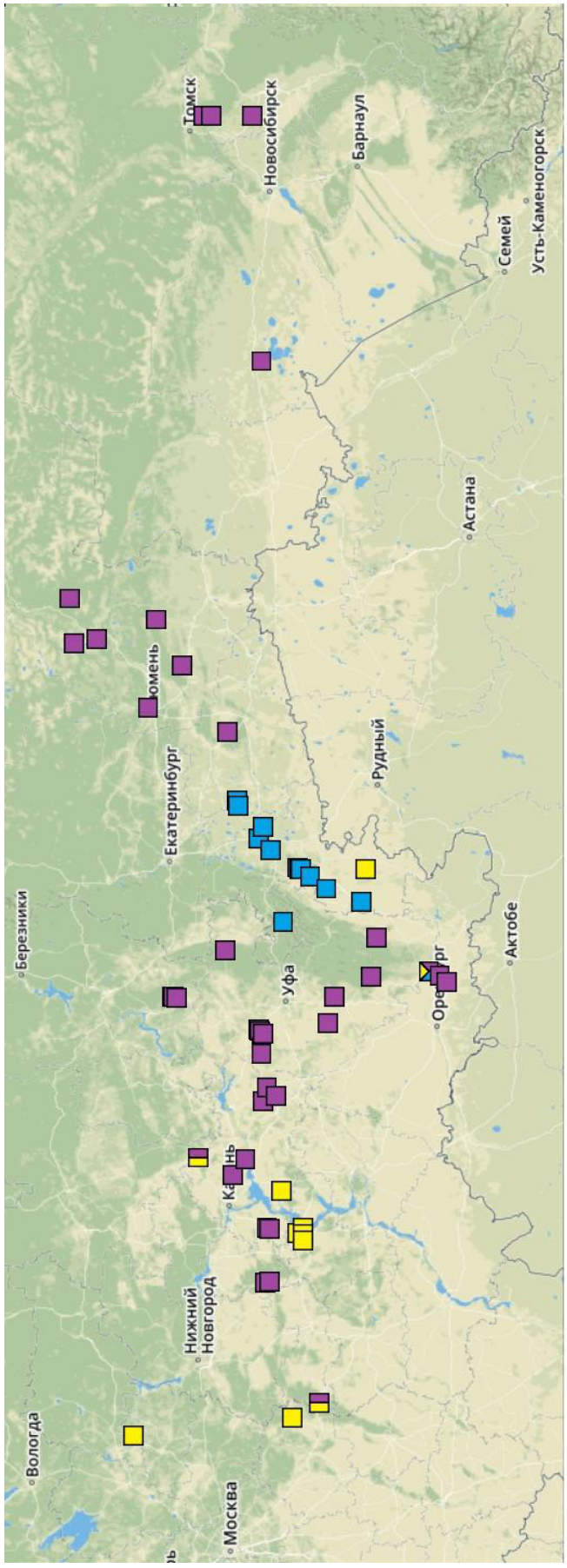
Очевидно, что для пра-волгоуральского состояния мы так же, как и для праогузского, не можем реконструировать алломорфов аффиксов на -L с -n после основ на носовой согласный, поскольку тогда сложно будет объяснить существование диалектов, где в этой позиции выступает -l (и существование регрессивной ассимиляции в -ll-); к тому же этому противоречит явно позднее появление алломорфов с -n в письменных памятниках.

В западнокыпчакских языках — караимском (всех трех диалектах), карачаево-балкарском, кумыкском и среднем крымско-татарском — чередования в этих аффиксах (как указано и в [Норманская, Гаджиева 2020]) отсутствуют.

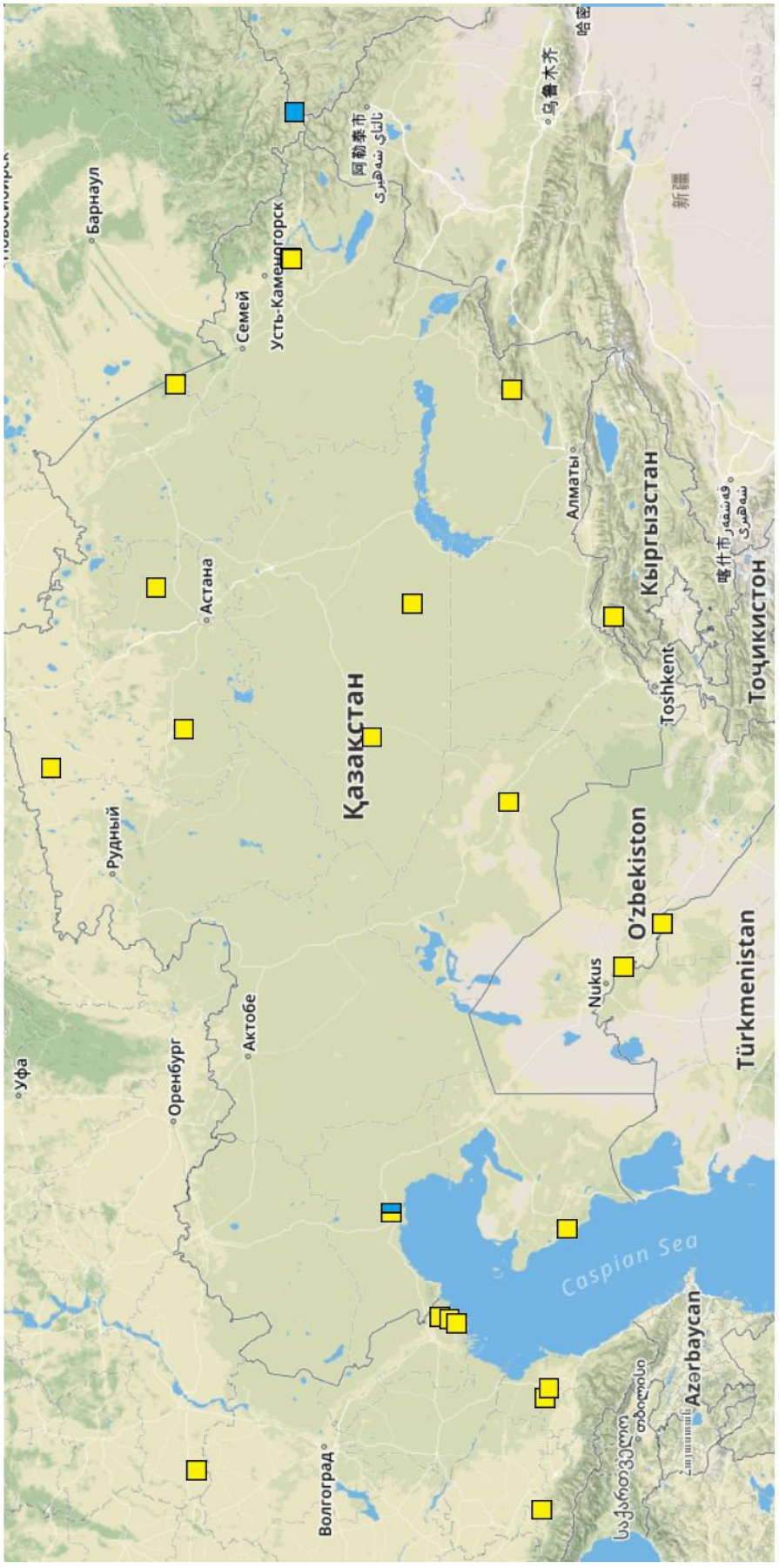
В восточно-кыпчакских языках (или так называемой ногайской группе) распределе-

[4] Ср. там же примечание: «Замечательно также, что крещеные татары превращают в известных случаях звуки д и л флексий по ассимиляции в н, тогда как татары-мухамеддане почти никогда этого не делают».

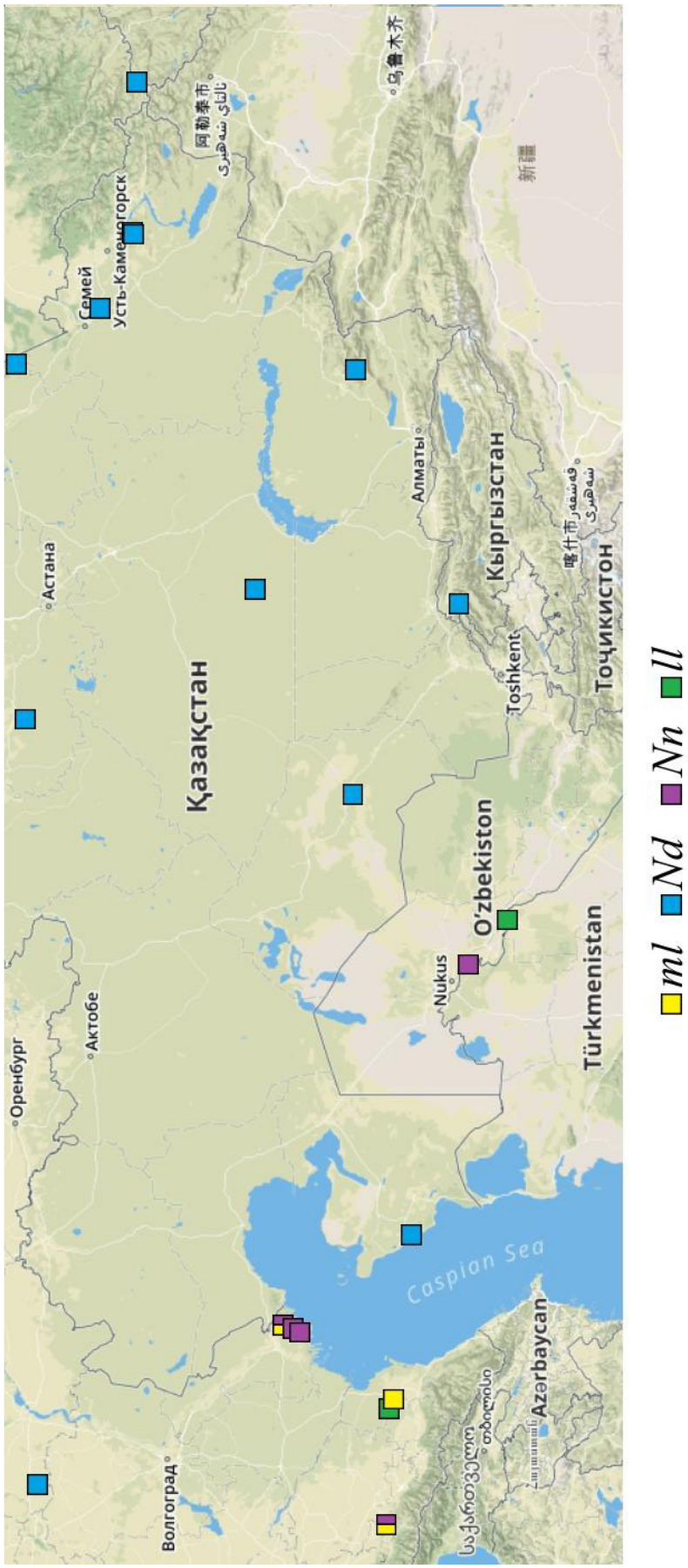
[5] Однако в текстах из сибирского диалектологического тома [ТХС 2008] никаких колебаний нет: все l-аффиксы получают стабильно n после носового конца основы.

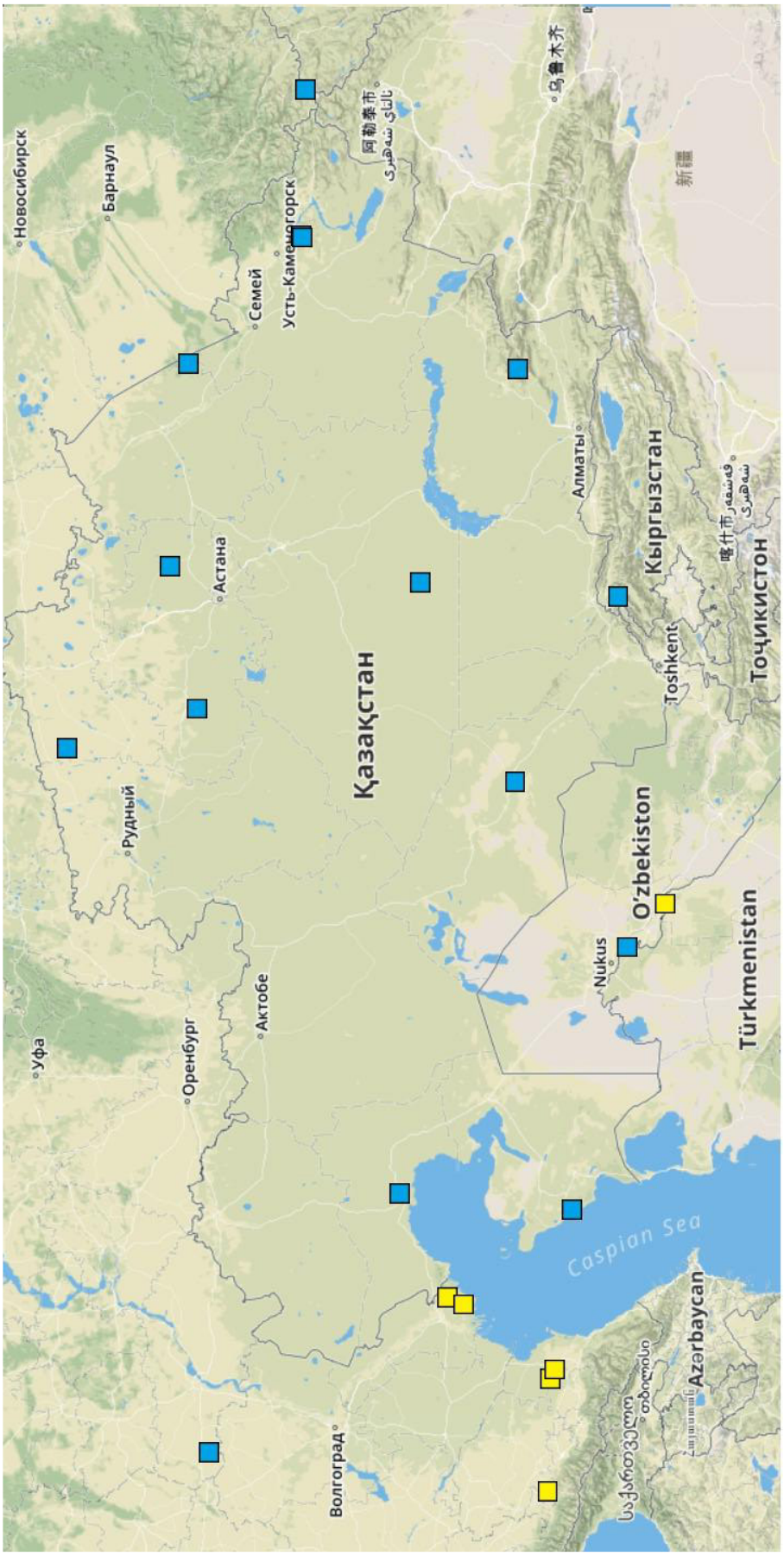
Карта 5. Отражение L-аффиксов после основ на носовые в волгоуральских (тюркских) идиомах
[*Map. 5*. Reflexes of L-affixes after stems beginning with nasals in Volga-Ural (Turkic) idioms]

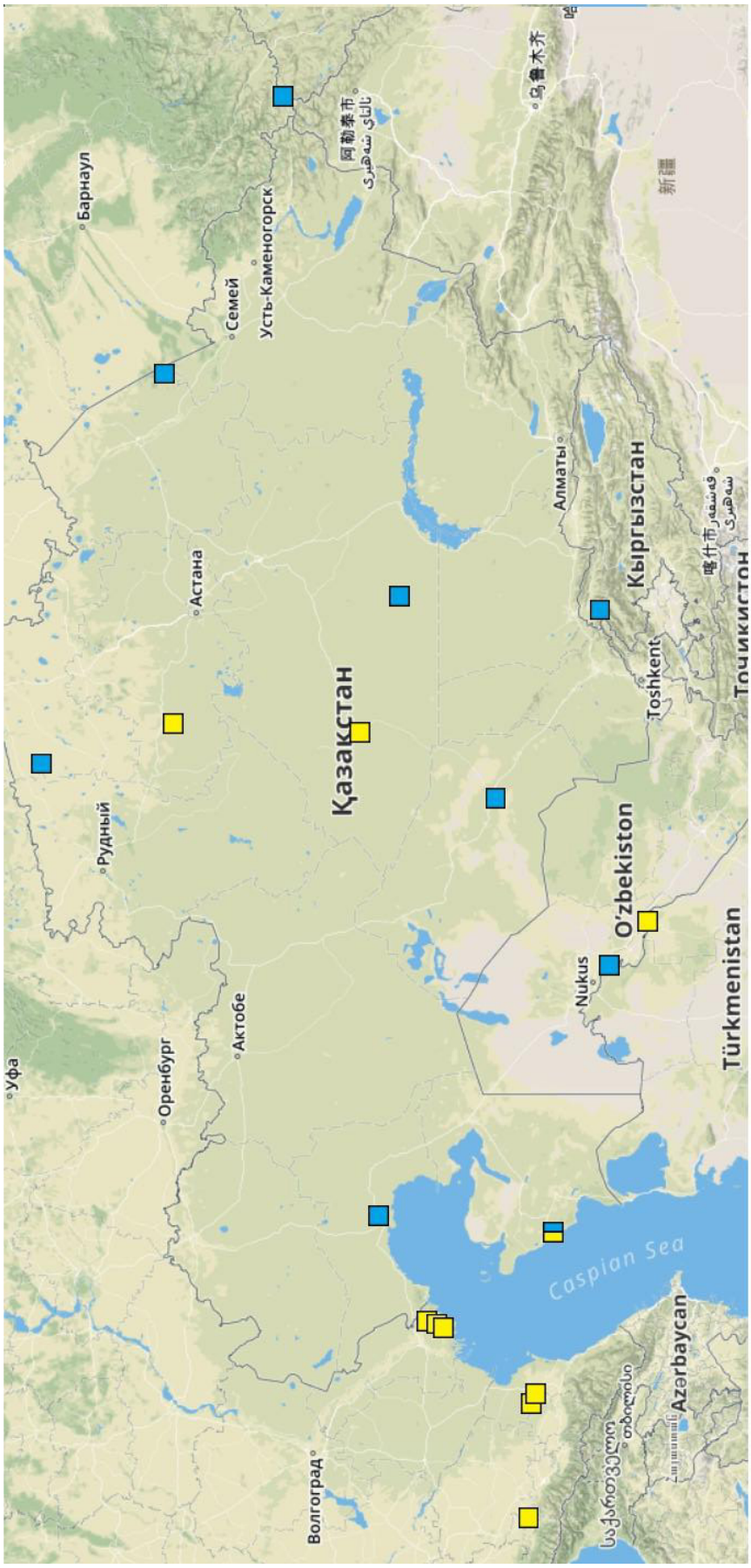
Карта 6. Отражение L-аффиксов после основ на гласнуюв восточно-кыпчакских идиомах
[*Map. 6*. Reflexes of L-affixes after stems beginning with a vowel in Eastern Kypchak idioms]

Карта 7. Отражение L-аффиксов после основ на носовую согласную в восточно-кыпчакских идиомах
[*Map. 7*. Reflexes of L-affixes after stems beginning with a nasal consonant in Eastern Kypchak idioms]

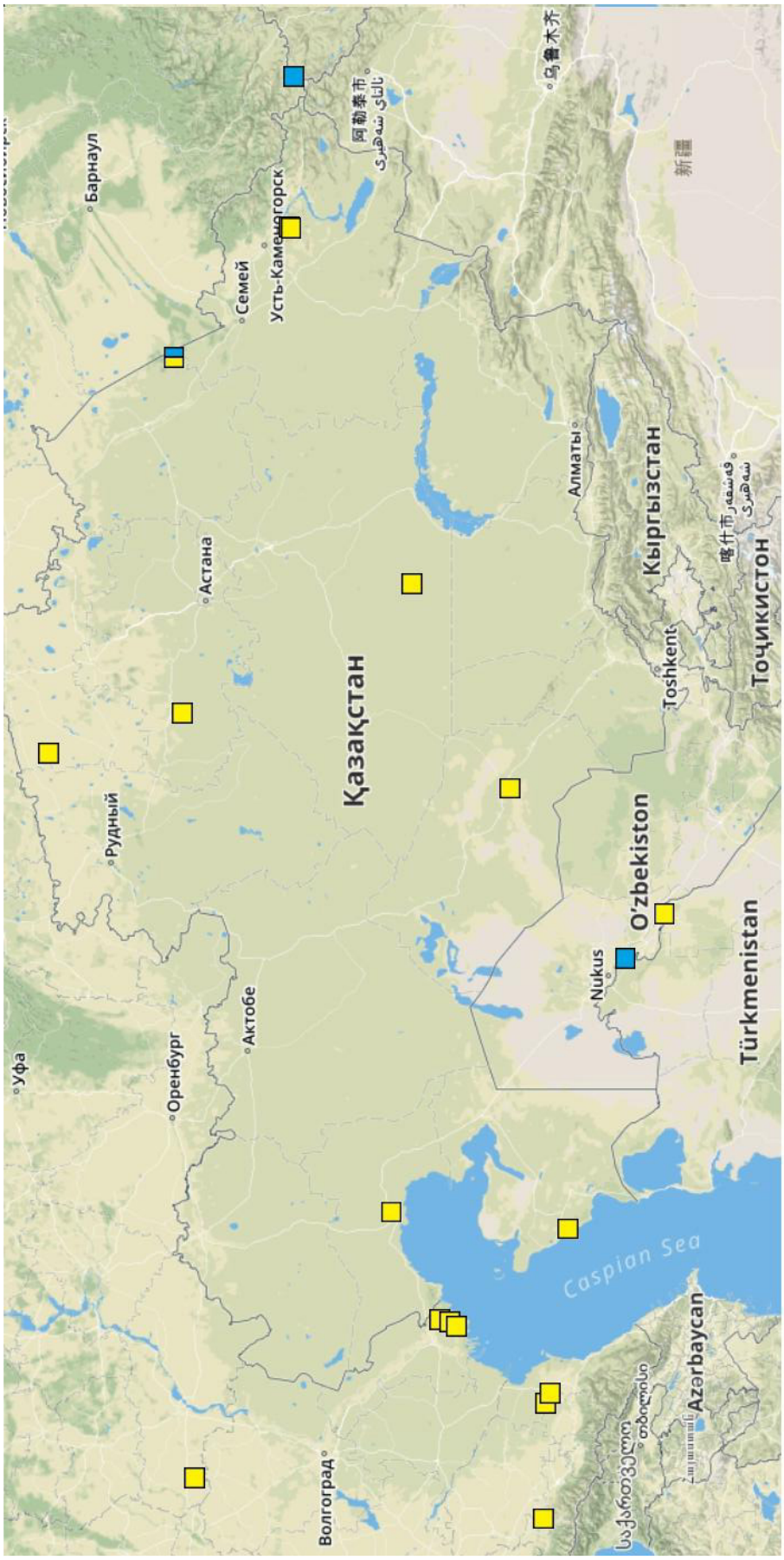

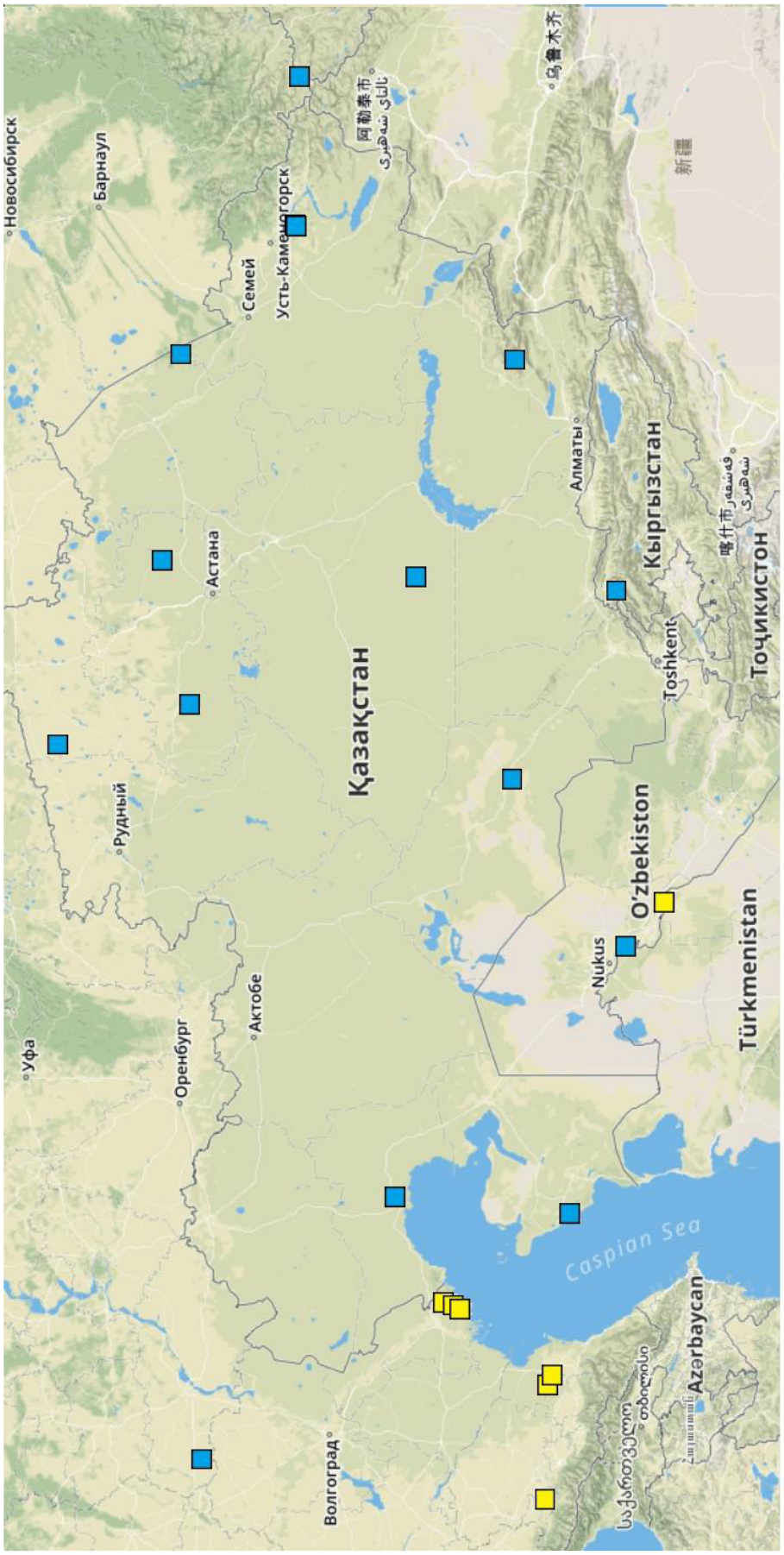
Карта 8. Отражение L-аффиксов после основ на -l в восточно-кыпчакских идиомах
[*Map. 8.* Reflexes of L-affixes after stems beginning with -l in Eastern Kypchak idioms]

Карта 9. Отражение L-аффиксов после основ на r, w, j в восточно-кыпчакских идиомах
[*Map. 9*. Reflexes of L-affixes after stems beginning with r, w, j in Eastern Kypchak idioms]

Карта 10. Отражение L-аффиксов после основ на глухую шумную в восточно-кыпчакских идиомах
[*Map. 10.* Reflexes of L-affixes after stems beginning with a voiceless obstruent in Eastern Kypchak idioms]

Карта 11. Отражение L-аффиксов после основ на звонкую шумную в восточно-кыпчакских идиомах
[*Map. 11*. Reflexes of L-affixes after stems beginning with a voiced obstruent in Eastern Kypchak idioms]

ние по современным экспедиционным материалам выглядит так.

В статье [Норманская, Гаджиева 2020] приводится форма из миссионерского памятника казахского языка 1891 г., [Премудрости 1891], по-видимому, отражающего западный диалект, *Турганнарга* ‘стоящим’, которая, как будто, указывает на отражение начального L в аффиксах как n после основ на носовую согласную в этом казахском диалекте. Верно отмечено, что в современных говорах западноказахского диалекта таких форм не наблюдается, и сделан вывод, что памятник отражает такой исторический срез, когда ранее существовавшие в этом диалекте формы на Nn заменялись на Nd. При всей правдоподобности такого решения оно может быть оспорено. Дело в том, что для казахских диалектов XIX в. мы имеем еще несколько более раннюю кириллическую фиксацию, чем предоставляют нам описываемые миссионерские памятники. Это, прежде всего, работы Н. И. Ильминского по западному диалекту ([Ильминский 1860: 109]: «Это дало мне смелость издать „Материалы“, собранные мною частию в Оренбурге, частию в западной части зауральской степи, в кочевьях семиродцев и баюлинцев»). Для языка своих записей он выводит следующее правило [Ильминский 1860: 116]: аффиксы лАр, лА отыменного глагола, лЫ и лЫК производных имен, лАу неполноты проявления признака сохраняют *л* после гласных, дифтонгов (т. е. глайдов j и w) и р, и заменяют его на *д* или *т* после остальных согласных в зависимости от их звонкости/глухости (ср. *ёкпéлé* ‘огорчаться’, *сырла-* ‘выкрасить’, *орла-* ‘окопать рвом’, *ёрлé-* ‘дойти до вершины’, *урлук* ‘воровство’, *суула-* ‘измочить’, *сыíла-* ‘почитать’, *шаңда-* ‘поднять пыль‘, *арында-* ‘быть с норовом’, *шыбында-* ‘идти неспокойно из-за мух’, *éмде-* ‘лечить’, *ёсүмді* ‘возрастающий’, *ёздéрі* ‘они сами’, *септе-* ‘прибавить’, *ёкүтте-* ‘советовать’, *уштыы* ‘остроконечный’).

То же правило, будучи, очевидно, фонетическим, действует на кластеры внутри основ, в частности, при адаптации заимствований: *Алда* ‘Аллах’, *молда* ‘мулла’, *арстан* ‘лев’. Морфонологической аналогии подвергся коллективный аффикс **-daš*, распределивший ступени чередования по тому же правилу: *сырлас* ‘друг, которому поверяют тайны’, *суулас* ‘сидящий на одной реке’ (с исключением *курдас* ‘ровесник’)[6].

Такие примеры мы встречаем и в приложенном словарике. Надо сказать, что описываемый Н. И. Ильминским идиом точно соответствует нашим представлениям о западном диалекте как в отношении этого типа рефлексов L, так и в отношении особенностей сингармонизма: узкий гласный в аффиксе после огубленного в основе не огубляется: *сүүлы* (но внутри основы губной сингармонизм на узком выдерживается: *койун*); широкий гласный после узкого огубленного огубляется ([Ильминский 1860: 115]: «е и é заменяются на ö после слога с ÿ: тÿсöр вместо тÿсéр ‘упадёт’»). Точно такое явление демонстрируют казахский словарь 1897 года и грамматика Катаринского 1906 года, отражающие западный диалект, о чем см.: [Дыбо, Норманская 2016: 147].

Словарик, приложенный в конце [Ильминский 1860], подтверждает эту систему многочисленными примерами (*кÿjö* ‘моль’, *кÿjök* ‘фартук для барана’, *кÿktö-* ‘шить на живую нитку’, *сÿjöм* ‘пядь’, *ÿjрök* ‘утка’, *ÿдöр-* ‘кочевать’ и т. д.).

Отметим, что описание Н. И. Ильминского не предполагает наличия алломорфа Pl. -nAr, а также алломорфов -nA-, -nI, -nIK. Правило распределения ступеней чисто фонетическое (фонологическое), действует независимо от морфологической границы; мы также видим смену класса чередования у аффикса **-daš*, получающего морфонологический облик -Las.

Н. И. Ильминский там же отмечает сильное влияние татарского на письменную речь казахов. Так что, возможно, пример в [Премудрости 1891] (тем более, что больше таких примеров в отглоссированном тексте памятника не нашлось) обусловлен влиянием татарского языка на переводчика.

В. В. Радлов [Радлов 1870] в предисловии к своему изданию казахского фольклора характеризует материалы Н. И. Ильминского как относящиеся к западному диалекту, а свои — как восточные. Материалы В. В. Радлова также немного старше, чем использованный в статье [Норманская, Гаджиева 2020] миссионерский памятник

[6] Ср. аналогичное явление в группе туркменских диалектов: салыр., сарык. и зап. йомуд. *-даш* > *лаш*, см. [Амансарыев 1970: 220].

восточно-казахского диалекта [Крещение 1892], на основании одной формы из которого, *ксидери* ‘люди его’ (при наличии других форм от основ на гласную с -l-), Ю. В. Норманская и А. А. Гаджиева делают вывод о фиксации памятником временного среза, в котором в восточном диалекте казахского языка интервокальное -l начала аффикса начинает замещаться на -d.

В [Радлов 1870] действительно несколько раз встретились формы с -d после гласной: *зордұқ* ‘насилие’ [Радлов 1870: 65, 66, 88], *сонꞑударꞑа* ‘к последним’ [Радлов 1870: 70], *бурунꞑудар* ‘передние’ [Радлов 1870: 185], *баладары* ‘его дети’ [Радлов 1870: 310], *одардан* ‘от них’, *одарꞑа* ‘к ним’ [Радлов 1870: 752]. Значительно больше в текстах форм с интервокальным l. Надо сказать, примерно такое же количественное соотношение форм с d и с l в интервокале для аффиксов с начальным L демонстрируют и современные диалектные материалы с территории Казахстана; см., однако, подробно [Омарбеков 1992: 132-143], где алломорфы на -d считаются для восточных говоров (особенно для кош-агачского казахского) основным представителем L.

В труде [Березин 1890], цитируемом им, таких форм, действительно, значительно больше; в наших материалах по кош-агачскому казахскому они практически регулярны. Похоже, таким образом, что речь тут должна идти не о разных временных срезах, отражающих разные этапы развития явления, а о материале разных говоров.

Разумеется, следует согласиться с тем, что такие формы для кыпчакских языков инновационны; однако очевидное доказательство этого — то, что для пракыпчакского они не могут быть реконструированы, поскольку в ряде кыпчакских языков чередование отсутствует, а вторичность l в каждой из позиций не поддавалась бы обоснованию.

Г. Пока у нас практически отсутствуют материалы по карлукским языкам; опираясь на [СИГТЯ 1988: 19–21; СИГТЯ 2002: 111–113], можно утверждать, что в узбекских диалектах в основном неассимилируемое l (узб. тагаб. *хотонлээ* ‘женщины’, карш. *одомла* ‘люди’; в ташк. обратная ассимиляция конца основы аффиксом: *доллэ* ‘зёрна’, *ноллэ* ‘лепешки’: так же в илийском уйгурском по материалам Ю. В. Норманской в Lingvodoc[7]: *jaqilar* ‘воротники’, *илаллар* ‘змеи’, *долкунлар* ‘волны’, *учкунлар* ‘искры’, *йоллар* ‘пути’, *кушлар* ‘птицы’, *отлар* ‘огни’, *йултузлар* ‘звезды’).

В некоторых узбекских карлукских говорах выступает n после носовой основы (по перечислению в [СИГТЯ 2002] это Андижан, Коканд, Уйчи, Ошоб, Ю. Киргизия, также Кашкай и Джума). Таким образом, мы и здесь имеем дело с независимыми поздними ассимиляциями, не возводимыми к праязыковому состоянию.

Сибирская ситуация в основном точно представлена в таблице в статье [Норманская, Гаджиева 2020]. Следует только заметить две вещи, имеющие отношение к окончательным выводам.

Во-первых, данные по тубаларскому, извлеченные из замечания [ГАЯ 1869: 10], вероятно, неточны. Там приводится форма *улуглар* ‘большие’ как существующая «у кондомцев и черневых» (и «черневые» можно понять как «тубалары», но это не обязательно так: «таежными» и «горными», что, собственно, синоним «черневых», называют себя также шорцы и часть хакасов). Но форма *улуглар* для тубаларского невозможна, поскольку *-g на конце слова в тубаларском превращается в глайд w, который после широких гласных сохраняется, а после узких пропадает, оставляя огубленный вокалический конец: *улу* ‘большой, старший’; *тау* ‘гора’. В таком виде эти формы представлены уже в [Радлов 1866: 241, 244, 246, 247, 248, 250–262]. В том же томе Радлова форма *улуглар* встречается на с. 409, и это сойонский, т. е. тувинский, текст. Возможно, что в ГАЯ в данном случае имелась в виду кондомская шорская форма *улуглар*.

Во-вторых, то, что все рассмотренные правила являются инновационными, доказывается не только и не столько с помощью карты, но и с помощью установления порядка действия правил, приводящих к существующим распределениям в языковых группах и языках.

Так, можно наблюдать, что вариант -tAr после глухих шумных захватывает связный ареал от якутского (в таких формах, как *мас-тар* ‘дерево-Pl’, где он обусловлен чи-

[7] Lingvodoc [электронный ресурс] // URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/79/4/perspective/79/6/view (дата обращения: 25.08.2020). .

сто морфонологически, а не дублированием аффикса -t), тувинского и тофаларского, «кыргызских» языков, челканского, кумандинского, тубаларского, алтайского, теленгитского, телеутского через киргизский, казахский восточный, северный (отчасти и западный) и башкирский восточный (и некоторые говоры ик-сакмарского южного), не касаясь сибирско-татарского и каракалпакского, где варианты -лАр и -нАр. Этот связный ареал, несомненно, довольно новый, не имеющий отношения к генеалогической классификации языков и диалектов, так как распространившаяся изоглосса захватила оглушенный на востоке старый звонкий *-z конца основы (совпавший в этом регионе с *-s). При этом в тувино-тофаларской группе совпадение *-z с *-s явно произошло после выделения этой группы, потому что тувино-тофаларская фарингализация отсутствует в словах со старым *-z независимо от долготы предшествующего гласного и присутствует в словах на *-s с первично кратким гласным. В западной же своей части изоглосса основ на -*z не захватывает, поскольку там он остается фонологически звонким. Та же изоглосса захватывает оглушенный *-d в якутской и тувинской группах (як., тув. *боттар* ‘сами’) и оглушенный *-s < *-d в кыргызской группе (хак. *постар* ‘сами’). То есть, очевидно, что распространение правила прошло через границы генеалогических групп и после прохождения конституирующих эти группы процессов[7].

Выводы

Итак, на рассмотренном материале можно достаточно убедительно показать, что морфонологические изоглоссы, касающиеся алломорфии стандартно-тюркского аффикса множественного числа *-lAr, это конгломерат инновационных процессов, довольно случайным образом захватывающих разные части «тюркского мира» и распространяющихся в ряде случаев согласно «волновой модели», не будучи связанными с генеалогическим членением тюркских языков. Но для доказательства этого оказалось необходимо применять ступенчатую реконструкцию, то есть отдельно рассматривать поведение аффиксов в каждой из генеалогических группировок.

Литература

Амансарыев 1970 — *Амансарыев Ж.* Түркмен диалектологиясы. Ашгабат: Түркменистан, 1970. 382 с.

Андреев 2007 — *Андреев В. П.* Словарь языка каратаев. Казань: Слово, 2007. 187 с.

АТНГ 2015 — Атлас татарских народных говоров. Изд. 2-е. Казань: ИЯЛИ, 2015. 632 с.

[7] По степени единообразия во входящих в кладу идиомах можно вывести алломорфию аффиксов на *-l на прауровень «кыргызской», т. е. хакасско-шорско-чулымской группы (см.: [Норманская, Гаджиева 2020: табл. 3]). Любопытно, что, по-видимому, для всей группы выводятся на прауровень две морфонемы типа l: как обозначили мы их в модели хакасской словоформы, трехвариантная Л (л/н/т) и двухвариантная L (л/н) (см.: [Дыбо и др. 2019]). Первая работает во всех рассматривавшихся здесь словоизменительных и словообразовательных аффиксах; вторая содержится в аффиксе континуатива (встраиваемой частицы) и в аффиксе глаголообразования от звукоподражаний (в отличие от стандартного аффикса глаголоообразования от имен ЛА), ср.: *майтлат-* ‘шлепать по воде’ {майт=LA=(Ы)Т-} ‘звукоподражание шлепанию=Oper=Caus’; *мыхлас-* ‘пищать вместе’ {мых=LA=(Ы)С-} ‘звукоподражание писку=Oper=Rec-’. В шорском языке мы также, кроме обычного трехвариантного Л в рассмотренных аффиксах, находим формы типа *тарыслак* ‘треск’, *ныpлапчыткан* ‘шумяще’ (о волнах) (т. е. образования от звукоподражаний сохраняют л после шумных глухих) и «усилительную или подтвердительную» частицу *ла/на* (вариант с *н* после носовых) [Дыренкова 1941: 245]. (В существующих описаниях среднечулымского пока подробные разделы о встраиваемых частицах и звукоподражаниях отсутствуют, так что о наличии в нем морфонемы L нам неизвестно). При этом формальные соображения заставляют нас счесть двухвариантность морфонемы более поздним явлением, чем трехвариантность: двухвариантное чередование работает (в случае с частицей) в сандхи, которое еще недавно было внешним (первое из мест континуативной частицы в словоформе — после старой формы деепричастия основного глагола перед вспомогательным), или до сих пор является почти внешним — на конце словоформы. Видимо, здесь мы имеем дело с новой волной ассимилятивных процессов.

Березин 1890 — Турецкая хрестоматия, составленная профессором С.-Петербургского университета И. Березиным. Т. 3. Казань: Тип. Казанского университета, 1890. 385 с.

Бессонов 1881 — *Бессонов А. Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXVI. СПб., 1881. С. 200–242.

Гаркавец 2019 — *Гаркавец А. Н.* Codex Cumanicus. Второе полное издание, дополненное. Алматы: Алматы-Болашак, 2019. 1360 с.

ГАЯ 1869 — Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссіи. Казань: Университетская типография, 1869. 298 с.

Грамматика 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / З. З. Абсалямов, М. Х. Ахтямов, Т. М. Гарипов и др.; отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.

Грунин 1967 — *Грунин Т. И.* Документы на половецком языке XVI в: судебные акты каменец-подольской армянской общины. М., Наука, 1967. 429 с.

Дыбо 2012 — *Дыбо А. В.* Морфонологический анализ и внутренняя реконструкция: к истории башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XII рег. конф. (г. Уфа, 27–28 ноября 2012 г.) / редкол.: Л. А. Бускунбаева и др.; сост. Р. Н. Каримова. Уфа: ИИЯЛ, Уфимский НЦ РАН, 2012. С. 65–69.

Дыбо 2017 — *Дыбо А. В.* Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 127–150.

Дыбо и др. 2019 — *Дыбо А. В., Крылов Ф. С., Мальцева В. С., Шеймович А. В.* Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка // Урало-алтайские исследования. 2019. № 1(32). С. 48–69.

Дыбо и др. 2020 — *Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Айбазова З. К., Зимин М. М., Коровина Е. В., Мальцева В. С., Мудрак О. А., Ренковская Е. А., Савельев А. В., Хисамов О. Р., Шаров А. В., Шеймович А. В.* Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 696–713.

Дыбо, Норманская 2016 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источник для изучения диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 138–152.

Дыренкова 1941 — *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка / отв. ред. С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Ильминский 1860 — *Ильминский Н. И.* Материалы к изучению киргизского наречия. Книга IV // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Казань: Тип. ун-та, 1860. С. 107–162.

Катанов 1898 – *Катанов Н. Ф.* Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Часть первая. Образцы книжной и устной литературы казанских татар. Казань: типо-литогр. Имп. ун-та, 1898. 168 с.

Кононов, Фазылов, Зияева 1978 — *Кононов А. Н., Фазылов Э. И., Зияева М. Т.* Изысканный дар тюркскому языку: грамматический трактат XIV в. на арабском языке. Ташкент: Фан, 1978. 452 с.

Крещение 1892 — Ауліе княз Владимир тура динге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизскомъ языке. Казань: тип. наследников М. А. Чирковой, 1892. 27 с.

Курбатов 2003 — История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.) / ред. Х. Курбатов. Казань: Фикер, 2003. 656 с.

Насыри 1904 — Абдулъ-Каюмъ бинъ Абду-Н-Насыри-и-ль-Казани. Полный русско-татарский словарь, съ дополнением изъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ какъ научные термена. Казань: Тип. Казанского университета, 1904. 264 с.

Норманская, Гаджиева 2020 — *Норманская Ю. В., Гаджиева А. А.* Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1121–1134.

Нуриева 2004 — *Нуриева Ф. Ш.* Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. 384 с.

Омарбеков 1992 — *Омарбеқов С.* География фонетических различий казахской речи (Сравнительный аспект системы согласных). Алма-Ата: Рауан. 1992. 224 с.

Премудрости 1891 — Акыл бере тугун кнеге (Изъ премудрости Іисуса сына Сирахова).

Казань: Типография и литография В. М. Ключникова, 1891. 55 с.

Радлов 1866 — *Радлов В. В*. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1866. 453 с.

Радлов 1870 — *Радлов В. В*. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 3. Киргизское наречие. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1870. 814 с.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.

ТХС 2008 — Татар халык сөйләшләре: Ике китапта / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ. б. (= Татарские народные говоры: в двух книгах). Казань: Мәгариф, 2008. Беренче китап. 463 б.; Икенче китап. 495 б.

Хидиятов 2005 — *Хидиятов И. Р*. Язык письменных памятников периода Казанского ханства (XVI в.) и татарские говоры в сравнительном аспекте: морфология: дис. … канд. филол. наук. Казань, 2005. 247 с.

Хисамова 2015 — *Хисамова Ф. М*. (фәнни ред.) Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) (= История татарского литературного языка (с XIII по начало XX в.) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова. I т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Казан: ТӘһСИ, 2015. 696 б.

Adamović 1985 — *Adamović M*. Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache. Leiden: Brill, 1985. 357 S.

Alparov 1934 — *Alparov G*. Tatar ədəbi teleneŋ orfografiə qaɑqidələrə. Qazan: Tatgosizdat, 1934. 40 c.

Berta 1988 — Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuausgabe der Originalsammlung von G. Bálint 1875–76. Hrsg. von Á. Berta. Budapest: Magyar tudományos akadémia könyvtára, 1988. 413 s.

Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press. 1972. 988 p.

Erdal 1991 — *Erdal M*. Old Turkic Word Formation. V. 1-2. Wiesbaden: Otto Harassowitz. 1991. 874 p.

Erdal 2004 — *Erdal M*. A grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 576 p.

Grønbech 1942 — *Grønbech K*. Komanisches Wörterbuch: türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen: Einar Munksgaard, 1942. 315 S.

Houtsma 1894 — Ein Türkisch-Arabisches Glossar, nach der Leidener Handschrift. Hrsg. und erläutert von M. Th. Houtsma. Leiden: Brill. 1894. 192 S.

References

Adamović M. Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache (Turkish Language: History of Conjugation). Leiden: Brill, 1985, 357 p. (In Germ.)

Alparov G. Tatar Literary Language: Spelling Rules. Kazan: Tatgosizdat, 1934. 40 p. (In Tat)

Amansaryev J. Turkmen Dialectology. Ashgabat: Türkmenistan, 1970. 382 p. (In Turk.)

Andreev V. P. A Dictionary of the Language Spoken by the Karatays. Kazan: Slovo, 2007. 187 p. (In Tat.)

Bayazitova F. S., Ramazanova D. B., Khayretdinova T. Kh. Tatar Folk Dialects. In 2 vols. Kazan: Mägarif, 2008. Vol. 1, 463 p.; vol. 2, 495 p. (In Tat.)

Berezin I. A Turkish Chrestomathy Compiled by Prof. I. Berezin (Imperial St. Petersburg University). Kazan: Imperial Kazan University, 1890. Vol. 3. 385 p. (In Turk. and Russ.)

Berta Á. (ed.) Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuausgabe der Originalsammlung von G. Bálint 1875–76 (Dialectology of the Volga Tatars. New Critical Edition of G. Bálint's 1875–76 Original Collection). Budapest: Hungarian Academy of Sciences (Library), 1988. 413 p. (In Germ.)

Bessonov A. G. Revisiting subdialects of Kazan Tatar, and the latter's relation to its closest dialects and languages. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1881. No. CCXVI. Pp. 200–242. (In Russ.)

Christianization of (Kievan) Rus' by Vladimir the Great: In the Kirghiz Language. Kazan: Heirs of M. A. Chirkova, 1892. 27 p. (In Kaz.)

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972, 988 p. (In Eng.)

Dybo A. V. Again on the subject of the history of personal-numeral conjugation in Turkic languages. *Ural-Altaic Studies*. 2017. No. 3 (26). Pp. 127–150. (In Russ.)

Dybo A. V. Morphonological analysis and internal reconstruction: history of the Bashkir language revisited. In: Karimova R. N. (comp.), Buskunbaeva L. A. et al. (eds.) Languages of Russia's Peoples. Topical Issues of Dialectology. Conference Proceedings (Ufa; November 27–28, 2012). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2012. Pp. 65–69. (In Russ.)

Dybo A. V., Krylov F. S., Maltseva V. S., Sheymovich A. V. Segmental rules in the automatic parser for the Khakass corpus. *Ural-Altaic Studies*. 2019. No. 1 (32). Pp. 48–69. (In Russ.)

Dybo A. V., Normanskaja J. V. The first Cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating a literary standard. *Ural-Altaic Studies*. 2016. No. 4 (23). Pp. 138–152. (In Russ.)

Dybo A. V., Abubakirova L. F., Aibazova Z. K., Hisamov O. R., Korovina E. V., Maltseva V. S., Mudrak O. A., Renkovskaya E. A., Savelyev A. V., Sharov A. V., Sheimovich A. V., Zimin M. M. Some new results in the genealogical classification of Turkic dialects: 'cases of affricates'. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 696–713. (In Russ.)

Dyrenkova N. P. Grammar of the Shor Language. S. Malov (ed.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)

Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 576 p. (In Eng.)

Erdal M. Old Turkic Word Formation. Vols. 1-2. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1991. 874 p. (In Eng.)

Garkavets A. N. Codex Cumanicus: Second Complete Edition, Suppl. Almaty: Almaty-Bolashak, 2019. 1360 p. (In Russ.)

Grammar of the Altaian Language Compiled by Members of the Altaian Orthodox Mission. Kazan: Imperial Kazan University, 1869. 298 p. (In Russ.)

Grønbech K. Komanisches Wörterbuch: türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus (Dictionary of Cuman: Index of Turkish Words to Codex Cumanicus). Copenhagen: Einar Munksgaard, 1942. 315 p. (In Germ. and Turk.)

Grunin T. I. 16th-Century Polovtsian (Cuman)-Language Documents: Judicial Acts of Kamianets-Podilskyi Armenian Community. Moscow: Nauka, 1967. 429 p. (In Russ.)

Houtsma M. Th. (ed.) Ein Türkisch-Arabisches Glossar, nach der Leidener Handschrift (A Turkish-Arabic Glossary, Compiled on the Basis of the Leiden Manuscript). Leiden: Brill, 1894. 192 p. (In Turk., Arab. and Germ.)

Ilminsky N. I. Kirghiz Dialect: Research Materials. *Uchenye Zapiski, izdavaemye imperatorskim Kazanskim universitetom*. 1860. No. 4. Pp. 107–162. Available at: http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1550712 (accessed: July 20, 2020). (In Kaz. and Russ.)

Katanov N. F. Kazan Tatar Dialect: Research Materials. Part One: Samples of Printed and Oral Literature of Kazan Tatars. Kazan: Imperial Kazan University, 1898. 168 p. (In Tat. and Russ.)

Khidiyatov I. R. 16th-Century Tatar Language of Written Monuments (Khanate of Kazan) and Tatar Dialects: A Comparative Morphological Perspective. Cand.Sc. (philology) thesis. Kazan, 2005. 247 p. (In Russ.)

Khisamova F. M. (ed.) History of the Tatar Literary Language: 13th to the Early 20th Century. I. Bashirova, F. Nurieva, E. Kadyirova. Kazan: Institute of Language, Literature and Art (Tatarstan Academy of Sciences), 2015.Vol. I: Phonetics. Graphics. 696 p. (In Tat.)

Kononov A. N., Fazylov E. I., Ziyaeva M. T. A Sophisticated Gift to the Turkic Language: 14th-Century Arabic-Language Grammar. Tashkent: Fan, 1978. 452 p. (In Russ.)

Kurbatov Kh. R. (ed.) History of the Tatar Literary Language: 13th – First Quarter of 20th Century. Kazan: Fiker, 2003. 656 p. (In Russ.)

Nasiri Q. A Complete Russian-Tatar Dictionary, Supplemented with Foreign Words Used in the Russian Language as Scientific Terms. Kazan: Imperial Kazan University, 1904. 264 p. (In Russ. and Tat.)

Normanskaya Yu. V., Gadzhieva A. A. Turkic plural forms: changes over the last 150 years revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 1121–1134. (In Russ.)

Nurieva F. Sh. The Shaping of the Golden Horde Literary Turkic Tatar: Historical and Linguistic Conditions. Kazan: Kazan State University, 2004. 384 p. (In Russ.)

Omarbekov S. Geography of Phonetic Differences in Spoken Kazakh: The Consonant System in

a Comparative Perspective. Alma-Ata: Rauan, 1992. 224 p. (In Russ.)

Radlov V. V. Turkic Tribes of Southern Siberia and Dzungar Steppe: Samples of Folk Literature. Part 1: Subdialects of the Altai, including Those of Altaians, Teleuts, Tubalars, Chelkans, Shors and Soyots. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1866. 453 p. (In Russ., Alt., etc.)

Radlov V. V. Turkic Tribes of Southern Siberia and Dzungar Steppe: Samples of Folk Literature. Part 3: Kirghiz Dialect. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1870. 814 p. (In Russ. and Kaz.)

Ramazanova D. B., Khayrutdinova T. Kh. (eds.) Atlas of Tatar Folk Dialects. 2nd ed. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2015. 632 p. (In Tat. and Russ.)

Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Morphology. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Regional Reconstructions. Moscow: Nauka, 2002. 767 p. (In Russ.)

The Book of Sirach. Excerpts. Kazan: V. Klyuchnikov, 1891. 55 p. (In Kaz.)

Yuldashev A. A. (ed.) Grammar of the Modern Bashkir Literary Language. Z. Absalyamov, M. Akhtyamov, T. Garipov et al. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1438–1445, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1438-1445
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 811.512.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1438-1445

Структурно-вероятностная модель монгольской грамматики и измерение употребительности обобщенных грамматических единиц

Сергей Александрович Крылов[1]

[1] Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0001-5207-0949. E-mail: krylov-58@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Крылов С. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Синтаксическая молекула (СМ) — минимальная функционально-синтаксически автономная единица, способная служить ответом на вопрос. *Цель с*татьи — описать принципы выделения синтаксических молекул в Генеральном корпусе монгольского языка, принципы и особенности разметки, а также дать общую характеристику квантитативной модели позиционно-морфологической грамматики монгольского языка *Результаты*. Сформулированы принципы выделения СМ. Перечислены основные особенности грамматической разметки в Генеральном корпусе монгольского языка ГКМЯ-3б (по сравнению с ранними версиями ГКМЯ): выделение базового лексикона, принципы моносемизации, принципы категориально-семантической нотации, основные отличительные черты грамматической нотации (частеречное разбиение неизменяемых лексем и расщепление номинатива). Изложены принципы упорядочения морфологических структур в квантитативной модели монгольского языка, а также трактовка супрасегментных маркеров письменного текста. В заключение вкратце охарактеризовано общее строение квантитативной модели позиционно-морфологической грамматики монгольского языка.

Ключевые слова: синтаксическая молекула, корпусная лингвистика, монгольский язык, грамматическая разметка, квантитативная лингвистика, письменный текст, пунктуация, супрасегментные маркеры, аналитические формы слова, морфологическая структура словоформы

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы» (направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка»), а также РФФИ (грант № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков» и № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков»).

Для цитирования: Крылов С. А. Структурно-вероятностная модель монгольской грамматики и измерение употребительности обобщенных грамматических единиц // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1438–1445. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1438-1445

UDC 811.512.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1438-1445

Structural-Probabilistic Model for Mongolian Grammar and Measurement of Frequency Use of Generalized Grammatical Units

Sergej A. Krylov[1]

[1] Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate
0000-0001-5207-0949. E-mail: krylov-58@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Krylov S. A., 2020

Abstract. Syntactic molecule (SM) is the minimum functional and syntactically autonomous unit able to serve as an answer to the question. *Goals*. The paper formulates the principles of identification of the SM. *Results*. The main features of grammatical tagging in the General Corpus of the Mongolian Language GCML-3b (compared to earlier versions GCML) are delineated: introducing of the basic vocabulary, principles of monosemization, principles of categorial-semantic notation, main distinctive features of grammar notation (part-of-speech splitting of the indeclinable words and splitting of the nominative). The principles of ordering of morphological structures in a quantitative model of the Mongolian language, as well as the interpretation of suprasegmental markers in written text are discussed. In conclusion, a brief survey of the general structure of the quantitative model of the positional-morphological grammar of the Mongolian language is discussed.

Keywords: syntactic molecules, corpus linguistics, Mongolian language, grammatical tagging, quantitative linguistics, written text, punctuation, suprasegmental markers, analytical word forms, morphological structure of word forms

Acknowledgements. The reported study was funded by Comprehensive Fundamental Research Program of the RAS (Department of Historical and Philological Sciences) 'Eurasian Heritage and Its Contemporary Meanings' and RFBR (grants no. 18-012-00611 'Structural-Probabilistic Morphology of Mongolic Languages' and no. 19-512-44017 'Structural-Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages').

For citation: Krylov S. A. Structural-Probabilistic Model for Mongolian Grammar and Measurement of Frequency Use of Generalized Grammatical Units. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1438–1445. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1438-1445

Вводные замечания

Необходимое предварительное пояснение

Синтаксическая молекула (Ш. Балли) (СМ) [= «член предложения» (В. Г. Гак, И. Б. Долинина), «синтаксема» (А. М. Мухин, И. Ф. Вардуль, Г. А. Золотова)] — это минимальная автономная единица, способная служить ответом на вопрос.

1. Принятые условные соглашения при работе над корпусом с неснятой омонимией

Для разработки методов выделения измеряемых единиц в таких корпусах

разумно принять такие условные соглашения:

(а) любая омонимичная (грамматическая либо лексическая) единица трактуется как имеющая дизъюнктивно организованное означаемое, то есть (а1) любая лексически омонимичная графическая словоформа трактуется как соотнесенная с особой «квазилексемой» (дизъюнктивной), и (а2) любая грамматически омонимичная графическая словоформа трактуется как соотнесенная с особой «квазиграмматемой» (дизъюнктивной);

(б) условно принимается «рабочая» презумпция моносемичности любых словоформ, позволяющая работать с их внешними обликами так, как если бы они были двусторонними (знаковыми) единицами. То есть мы будем исходить из эвристики (нередкой для компьютерной лингвистики), известной под названием «формального» (// «формалистического») подхода»[1].

1. Принципы выделения СМ

1) знаменательная словоформа морфологически размечена (tagged) как сочетание лексемы (леммы) с грамматемой (по Т. В. Булыгиной) (грамматической характеристикой, «ярлыком», «этикеткой»); «морфологическая грамматема» соответствует синтетически выражаемой грамматической форме.

2) служебные и вспомогательные компоненты аналитических СМ, а также основы местоимений и других «строевых» («полуслужебных», «функциональных», «грамматикализованных», «десемантизованных») слов трактуются как носители граммем («Г-маркеры»). Для их разметки строится полуискусственный метаязык (практически на основе латыни).

3) пунктуационное (далее Пу-) оформление СМ тоже трактуется как Г-маркер.

4) позиция СМ, т. е. «начало» («In»), «середина» («M») и «конец» («Fi») по отношению к Пу-единицам, т. е. к Пу-аналогам синтагмы («Пу-синтагма»), клаузы («Пу-клауза»), предложения и абзаца) также трактуется как Г-маркер.

5) дистанцированный Г-маркер (см. 2 и 3 выше) трактуется как элемент одной из тех двух СМ, с которыми он линейно контактирует. Таким образом, принимается такая аксиоматика синтаксической теории, где само существование разрывных аналитических форм не допускается в силу сугубо формальных принципов, так как все реально разрывные аналитические формы почти автоматически сводятся к контактным формам.

6) все Г-маркеры подразделяются на препозитивные («проклитикоиды») и постпозитивные («энклитикоиды»).

2. Особенности корпуса ГКМЯ-3б

Изложенный подход применен к корпусу (халха-) монгольского языка (ХМЯ)[2]. Исследование частотности СМ в ХМЯ проводилось на материале Генерального корпуса современного ХМЯ (ГКМЯ-3б)[3]. Относительная частотность, в соответствии с принципами современной корпусной лингвистики, измерялась в ipm, то есть в числе вхождений на 1 млн текстовых словоформ[4].

3. Основные особенности грамматической разметки в ГКМЯ-3б (по сравнению с ранними версиями ГКМЯ).

3.1. Принципы моносемизации

1) На всем подпространстве словаря словоформ, включающем 300 базовых (по употребительности наиболее частотных) словоформ и 6 026 словоформ, производных от тех же лексем, что и базовые словоформы (в пределах «базового сублексикона»), вручную произведено снятие морфологической

[1] Ср. «дистрибутивно-статистический анализ» (А. Я. Шайкевич), «оптимизационные методы» (Б. В. Сухотин), «диагностику» (И. П. Севбо); умеренно формальный подход в грамматических концепциях А. А. Зализняка и А. К. Поливановой. Основные идеи дистрибутивно-статистического подхода к языку изложены в работах [Шайкевич и др. 2013; Шайкевич и др. 2016].

[2] Таким образом, наше исследование учитывает опыт работ по корпусному изучению монгольского языка, ведущиеся монгольскими (см., напр., [Purev et al. 2003; Purev et al. 2005; Purev, Odbayar 2008]) и китайскими учеными (см., напр., [Dawa et al. 2006]).

[3] Задачи корпусной монголистики с точки зрения структурно-вероятностного моделирования были очерчены в работах [Крылов 2012а; Крылов 2012б; Крылов 2013; Крылов 2014; Крылов 2016б; Крылов 2017а; Крылов 2017б; Крылов 2017в; Крылов 2018а; Крылов 2018б; Крылов 2018в].

[4] См. [Ляшевская, Шаров 2009].

омонимии. В частности, представляют особый интерес 2 типовые разновидности морфологической омонимии: 1.1) омонимия, вызванная фактором **морфологической конверсии**. В подобных случаях на всем пространстве «базового сублексикона» явочным порядком вручную осуществлена моносемизирующая правка, как правило, в пользу того из членов омографического пучка, который обладает более прозрачной внутренней формой с грамматической точки зрения, если между его внутренней формой и пучком его реальных грамматических свойств в ГКМЯ-3б не обнаруживалось явных противоречий. 1.2) омонимия, резко **неравновесная функционально-статистически**. Тогда на всем пространстве «базового сублексикона» вручную осуществлена моносемизирующая правка (разумеется, в пользу более частотной интерпретации).

3.2. Принципы категориально-семантической нотации

2.) На том же подпространстве (6 326 синтетических словоформ) задана **категориально-семантическая (КС-) нотация**. Она охватывает 6 326 синтетических словоформ, что соответствует 592 613 вхождениям словоформ, принадлежащих «художественному» подкорпусу ГКМЯ-3б.

КС-нотация основана на следующих принципах. 2.1) Для тех омонимических пучков словесных сегментов, частотность которых выше пороговой величины D_1, мы можем интуитивно выделить тот из членов пучка, в значении которого данный сегмент употребляется чаще, чем в остальных значениях; в словарях такие члены обычно подаются под римской цифрой I. 2.2) Для всех словоформ с частотностью выше D_1 мы можем интуитивно выделить то («базовое») из ее значений, которое ощущается как таковое (обычно это значение подается в толковом словаре под арабским номером 1). Для всех «базовых» значений слов, входящих в совокупность L_{b1} (= «базовый сублексикон»), мы можем построить их перевод на некоторый искусственный **универсальный семантический метаязык** (УСМЯ), ядро которого составляет известный Лейпцигский стандарт морфологической разметки. В этот УСМЯ входят некоторые элементы латинского языка, а именно, те, на которые удобно переводить (с ХМЯ) основы словоформ, входящих в L_{b1}.

Наиболее систематично КС-нотация на основе УСМЯ представлена в особой таблице. «Означающие» этого УСМЯ приведены в 5-м (ключевом) столбце; а 4-й столбец, где даны толкования, фактически выполняет функцию неформальных пояснений к «означаемым» УСМЯ.

3.3. Черты грамматической нотации (ГН) в ГКМЯ-3б

3) Морфологический анализатор, используемый в ГКМЯ-3б, основан на ГН, в общих чертах сходной с той, которая использовалась в предыдущих версиях корпуса[5]. Она представляет собой вариант так называемого Лейпцигского стандарта ГН[6], адаптированный под специфику ХМЯ[7]. Однако эта ГН имеет свою специфику сравнительно с ранними (до 2014 г.) версиями; отметим 2 важнейшие инновации (3.3.1 и 3.3.2).

3.3.1. Частеречное разбиение неизменяемых лексем

(1) Вместо **единого** символа «0» для ГН графически неизменяемых лексем использовано несколько **разных** символов, условно соотносимых с традиционными обозначениями частей речи (или с их семантико-синтаксическими подклассами): {PART} «частица», {ART} «артикль», {CNJ} «союз», {ADV} «наречие», {POST. REL} «релятор-послелог», {LOC} «локализатор», {TEMP} «темпорализатор», {COMM} «коммуникатив», [Abbr] «неизменяемая аббревиатура», [Alien] «неизменяемое заимствование», [Numer] «число (арабские цифры)», [NumRom] «число (римские цифры)».

3.3.2. Расщепление номинатива

(2) Вместо единого падежа номинатива (NOM) введено два более частных понятия: (а) собственно «**номинатив**» (NOM), или «номинатив-индефинитив», функция кото-

[5] Морфологический анализатор разработан совместно с Ф. С. Крыловым.

[6] О Лейпцигских правилах глоссирования см. подробнее [Lehmann 1982; Croft 2003]; в начале 2010-х гг. эти правила даже вошли в один из основных отечественных университетских учебников по введению в языкознание, см. [Касевич 2011: 214–221].

[7] В отечественной монголистике Лейпцигские правила глоссирования применяются к материалу современного калмыцкого языка уже с 2009 г. (см. [Баранова, Сай 2009]).

рого соответствует синтаксической форме «индефинитива» (по И. Ш. Козинскому), или пучку функций так называемого «ректуса» // «прямого падежа» (по В. А. Плунгяну); и (б) «**субъектив**» (SBJ), функция которого соответствует синтаксической форме «субъектива» (по И. Ш. Козинскому). Субъектив есть лишь у ничтожно малого количества слов, но зато обладающих столь сверхвысокой употребительностью, что ее достаточно для постулирования особой падежной граммемы. Это **личные местоимения**.

4. Принципы упорядочения морфологических структур в квантитативной модели монгольского языка

В таблицах нашей модели представлены как алфавитный, так и ранговый принцип сортировки данных. Дихотомия («прямой» vs. «инверсионный») имеет ту же функцию для адресата модели, что и так называемая «грамматика порядков» (И. И. Ревзин, Г. Д. Юлдашева). Как известно, порядок следования аффиксов в многоаффиксной словоформе отражает некоторые общие семантико-прагматические закономерности, см. работы Дж. Л. Байби (Хупер). Поэтому порядок граммем в ГН агглютинативных словоформ тоже отражает эти закономерности.

Поэтому максимально наглядным способом презентации цепочек граммем в агглютинативных (а значит, многоаффиксных) словоформах является выбор не однонаправленной подачи, а именно **обоюднаправленной** схемы, предполагающей оба порядка слелования: и **прямой** (слева направо), и **инверсионный** (справа налево).

5. Трактовка супрасегментных маркеров письменного текста

Понятие «**супрасегментной грамматемы**» охватывает те грамматические значения, которые передаются на письме порядком слов и пунктуацией; она трактуется как комплекс совместно (сопряженно) выраженных элементарных компонентов — «супрасегментных граммем». Как известно, сегментно (в том числе аффиксально) выраженные грамматемы определенным образом коррелируют с супрасегментно выраженными грамматическими значениями. Чтобы построить формализованную количественную модель, отражающую такие (нестрогие) закономерности, целесообразно ввести особое понятие для единицы, соответствующей сочетанию определенной аффиксально выраженной грамматической формы (морфологической грамматемы) с определенной супрасегментно выраженной грамматической формой (супрасегментной грамматемой) — **позиционно-морфологической грамматемы**.

6. Общее строение квантитативной модели позиционно-морфологической грамматики ХМЯ

Эта модель включает 4 части. В I части задан набор базовых словоформ (включающий их имена, соотнесенность с лексемами, семантическую и грамматико-семантическую субкатегоризацию). Во II части задан набор базовых морфологических грамматем. В III части измерена частотность супрасегментных грамматем. В IV части измерена частотность базовых позиционно-морфологических грамматем.

Заключение

Структурно-вероятностный подход к текстам углубляет наши знания о морфологии ХМЯ, поскольку вхождения обобщенных словоформ и их фрагментов, являющиеся объектами подсчетов, соотнесены с морфологическими единицами монгольского языка. Лингвостатистический метод позволяет количественно описывать поведение различных морфологических единиц (обобщенных словоформ, обобщенных лексем и обобщенных грамматем) в письменном тексте[8]. На этой основе накапливается обобщенная количественная информация о классах морфологических единиц, о частоте употребления каких-либо грамматических форм в тех или иных синтаксических функциях и т. п. Такая информация позволяет существенно обогатить описание морфологических единиц (ср., напр., такие простейшие констатации, как употребительность деепричастных словоформ, рефлексивно-притяжательных словоформ, комитативных словоформ и т. п.). Тем самым создается перспектива превращения обычной структурной модели морфологии ХМЯ[9] в структурно-веро-

[8] Ср. [Шайкевич 1990; Шайкевич 2009].

[9] Ср. [Крылов 2004].

ятностную модель, в которой учитываются результаты квантитативного анализа текстов (в этой модели единицы ХМЯ обладают «весом», измеряемыми оказываются языковые противопоставления и связи)[10].

Литература

Баранова, Сай 2009 — *Баранова В.В., Сай С. С.* От составителей // Исследования по грамматике калмыцкого языка (= Acta linguistica petropolitana = Труды Института лингвистических исследований). Т. V. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. С. 7–21.

Касевич 2011 — *Касевич В. Б.* Введение в языкознание. М.; СПб.: Академия, 2011. 230 с.

Крылов 2004 — *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). М.: Вост. лит., 2004. 479 с.

Крылов 2012а — *Крылов С. А.* Структурно-вероятностная модель монгольского языка на базе Генерального корпуса современного монгольского языка // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1(6). С. 78–105.

Крылов 2012б — *Крылов С. А.* The general corpus of the modern Mongolian language and its structural-probabilistic model // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегод. междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 331–341.

Крылов 2013 — *Крылов С. А.* Опыт изучения современного монгольского языка в количественном освещении // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 46–57.

Крылов 2014 — *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики.: в 6 ч. Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка). М.: Наука, Вост. лит., 2014. 637 с.

Крылов 2016б — *Крылов С. А.* О принципах синтаксического анализа в сводном корпусе монгольских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сент. 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 198–199.

Крылов 2017а — *Крылов С. А.* Сочетаемость монгольских синтетических словоформ: количественный аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4. С. 108–133. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-108-133

Крылов 2017б — *Крылов С. А.* Монгольские аналитические конструкции в количественном аспекте // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 155–179. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-155-179[10]

Крылов 2017в — *Крылов С. А.* Монгольские аналитические словоформы: опыт лингвостатистического исследования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 79–93. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-79-93

Крылов 2018а — *Крылов С. А.* Опыт дистрибутивно-статистической классификации монгольских аналитических словоформ // Oriental studies. 2018. №. 2. С. 88–101. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-88-101

Крылов 2018б — *Крылов С. А.* О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию ИВ РАН. Тезисы докладов межинститутской науч. конф. (Москва, 4–6 апреля 2018 г.) / сост. А. С. Панина. М.: ИВ РАН, 2018. С. 33–34.

Крылов 2018в — *Крылов С. А.* О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // Труды Ин-та востоковедения РАН. Вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография / отв. ред. З. М. Шаляпина, ред.-сост. А. С. Панина. М.: ИВ РАН, 2018. С. 156–165.

Ляшевская, Шаров 2009 — *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Нацио-

[10] См. [Крылов 2012а; Крылов 2012а; Крылов 2012б; Крылов 2013; Крылов 2014; Крылов 2016б; Крылов 2017а; Крылов 2017б; Крылов 2017в; Крылов 2018а; Крылов 2018б; Крылов 2018в].

нального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. (= http://dict.ruslang.ru/freq.php).

Шайкевич 1990 — *Шайкевич А. Я.* Количественные методы в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 231.

Шайкевич 2009 — *Шайкевич А. Я.* Количественные методы в языкознании // Большая Российская Энциклопедия. Т. 14 («Киреев — Конго») / гл. ред. С. Л. Кравец. М.: БРЭ, 2009. С. 478.

Шайкевич и др. 2013 — *Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 504 с.

Шайкевич и др. 2016 — *Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2016. 850 с.

Croft 2003 — *Croft B.* Typology and universals. Cambridge, 2003. 368 p. (In Eng.)

Dawa et al. 2006 — *Dawa I., Husal, Liu Yue, Yue Yao Ming, Uulang, Bai Shuang Cheng, Batsaihan, Arai Y., Mitsunaga M., Isahara H., Nakamura S.* Multilingual Text – Speech Corpus of Mongolian // International Symposium on Chinese Spoken Language Processing (ISCSLP 2006. Kent Ridge, Singapore, December 13–16, 2006). Vol. II. Pp. 759–770. ISCA Archive https://www.isca-speech.org/archive_open/archive_papers/iscslp2006/B74.pdf. (In Eng.)

Lehmann 1982 — *Lehmann Ch.* Directions for interlinear morphemic translations // Folia linguistica. 1982. Vol. 16. Pp. 193–224. (In Eng.)

Purev et al. 2003 — *Purev J., Hyun Seok Park, Altangerel Ch.* Tree adjoining grammars for Mongolian // Proceedings of 3-rd International Conference on East-Asian Language, Processing and Internet Information Technology, EALPIIT 2003. Ulaanbaatar, 2003. Pp. 321–323. (In Eng.)

Purev et al. 2005 — *Purev J., Tsolmon Z., Altangerel Ch., and Cheol-Young O.* PC-KIMMO-based Description of Mongolian Morphology // International Journal of Information Processing Systems. 2005. Vol. 1. No. 1. Pp. 41–48. (In Eng.)

Purev, Odbayar 2008 — *Purev J., Odbayar Ch.* Corpus Building for Mongolian Language // Proceedings of the 6th Workshop on Asian Language Resources (11–12 January 2008, India). Hyderabad, 2008. Pp. 97–98. (In Eng.)

Sharoff 2002 — *Sharoff S.* Meaning as use: exploitation of aligned corpora for the contrastive study of lexical semantics // Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference (LREC02). (May, 2002, Las Palmas, Spain, 2002) // European Language Resources Association (ELRA). 2002. Pp. 447–452 (In Eng.)

References

Baranova V. V., Say S. S. Compilers' note. In: Studies in Kalmyk Grammar. Ser.: Acta Linguistica Petropolitana. Vol. V. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 7–21. (In Russ.)

Croft B. Typology and Universals. Cambridge, 2003. 368 p. (In Eng.)

Dawa I., Husal, Liu Yue, Yue Yao Ming, Uulang, Bai Shuang Cheng, Batsaihan, Arai Y., Mitsunaga M., Isahara H., Nakamura S. Multilingual text — Speech Corpus of Mongolian. In: International Symposium on Chinese Spoken Language Processing (ISCSLP 2006. Kent Ridge, Singapore, December 13–16, 2006). Vol. II. Pp. 759–770. Available at: https://www.isca-speech.org/archive_open/archive_papers/iscslp2006/B74.pdf. (In Eng.)

Kasevich V. B. An Introduction to Linguistics. Moscow; St. Petersburg: Academia, 2011. 230 p. (In Russ.)

Krylov S. A. Theoretical Grammar of Modern Mongolian and Related Issues of General Linguistics. Vol. 1: Morphemics, Morphonology, Elements of Phonological Transformatorics. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 479 p. (In Russ.)

Krylov S. A. The General Corpus of the Modern Mongolian Language and its structural-probabilistic model. In: Kibrik A. E. (ed.) Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Conference Proceedings (Bekasovo; May 30 – June 3, 2012). Vol. 11 (18). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012. Pp. 331–341. (In Eng.)

Krylov S. A. A structure-and-frequency model of the Mongolian language on the basis of the General Corpus of Modern Mongolian. *Ural-Altaic Studies*. 2012. No. 1(6). Pp. 78–105. (In Russ.)

Krylov S. A. Investigating modern Mongolian: a quantitative perspective. *Voprosy Jazykoznanija*. 2013. No. 5. Pp. 46–57. (In Russ.)

Krylov S. A. Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Issues of General Linguistics. In 6 vol. Vol. 2: A Structure-and-Frequency Model of Modern Mongolian. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. 637 p. (In Russ.)

Krylov S. A. A Consolidated Corpus of Mongolic Languages: principles of syntactical analysis revisited. In: Humanities in Southern Russia. International and Regional Cooperation. Conference Proceedings (Elista; September 14–15, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 198–199. (In Russ.)

Krylov S. A. Compatibility of Mongolian synthetic word forms: a quantitative aspect. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2017. No. 4. Pp. 108–133. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-108-133

Krylov S. A. Mongolian analytical constructions: a quantitative perspective. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2017. No. 5. Pp. 155–179. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-155-179

Krylov S. A. Mongolian analytical word forms: an effort of quantitative research. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2017. No. 6. Pp. 79–93. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-79-93

Krylov S. A. Hybrid genres of dictionaries revisited: a case study of the Mongolian language. In: Panina A. S. (comp.) Oriental Studies Readings 2018. Conference Proceedings (Moscow; April 4–6, 2018). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. Pp. 33–34. (In Russ.)

Krylov S. A. Mongolian analytical word forms: an effort of distributive and statistical classification. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 36. Is. 2. Pp. 88–101. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-88-101

Krylov S. A. On hybrid dictionaries, exemplified by Mongolian. In: Shalyapina Z. M. (ed.), Panina A. S. (ed., comp.) Institute of Oriental Studies of the RAS. Transactions. Vol. 19: Issues of General and Oriental Linguistics. Lexicology and Lexicography. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. Pp. 156–165. (In Russ.)

Lehmann Ch. Directions for interlinear morphemic translations. *Folia linguistica*. 1982. Vol. 16. Pp. 193–224. (In Eng.)

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency Dictionary of Modern Russian: Based on the Russian National Corpus. Moscow: Azbukovnik, 2009. Available at: http://dict.ruslang.ru/freq.php (In Russ.)

Purev J., Hyun Seok Park, Altangerel Ch. Tree adjoining grammars for Mongolian. In: Proceedings of 3rd International Conference on East-Asian Language, Processing and Internet Information Technology, EALPIIT 2003. Ulaanbaatar, 2003. Pp. 321–323. (In Eng.)

Purev J., Odbayar Ch. Corpus building for Mongolian language. In: Proceedings of the 6th Workshop on Asian Language Resources (11–12 January 2008, India). Hyderabad, 2008. Pp. 97–98. (In Eng.)

Purev J., Tsolmon Z., Altangerel Ch., Cheol-Young O. PC-KIMMO-based description of Mongolian morphology. *International Journal of Information Processing Systems*. 2005. Vol. 1. No.1. Pp. 41–48. (In Eng.)

Sharoff S. Meaning as use: exploitation of aligned corpora for the contrastive study of lexical semantics. In: Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference (LREC02). (May of 2002, Las Palmas, Spain). European Language Resources Association (ELRA), 2002. Pp. 447–452. (In Eng.)

Shaykevich A. Ya. Quantitative research methods in linguistics. In: Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. P. 231. (In Russ.)

Shaykevich A. Ya. Quantitative research methods in linguistics. In: Kravets S. L. (ed.) Great Russian Encyclopedia. Vol. 14: 'Киреев – Конго'. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2009. P. 478. (In Russ.)

Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. Russian Prose, 1850s–1870s: Distributive-Statistical Analysis of Its Language. Vol. 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2013. 504 p. (In Russ.)

Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. Russian Prose, 1850s–1870s: Distributive-Statistical Analysis of Its Language. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2016. 850 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1446–1455, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК 811.512.37
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455

О жанровом многообразии калмыцкой деловой письменности XVII-XIX вв.

Дарья Бадмаевна Гедеева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Гедеева Д. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* Калмыки — один из немногих народов России, имеющих уже немало столетий свою национальную письменность. Духовная культура народа зафиксирована в многочисленных оригинальных и переводных текстах, представляющих собой философские сочинения, медицинские трактаты, исторические летописи, грамматические очерки, дневники буддийских паломников, художественные произведения, записи фольклорного материала и др. Калмыцкое вертикальное письмо использовалось также и в сфере делопроизводства. Начиная с XVII в., находясь на территории Нижнего Поволжья, в ходе дипломатических, военных, экономических отношений с Россией калмыки осваивали систему правил российского делопроизводства, сохраняя при этом свои традиции письменного делового языка. Архивные материалы свидетельствуют о жанровом многообразии калмыцкого делового письма того времени. В этой связи *актуальными* являются проблемы выявления и изучения жанровых образцов, составления их классификации, определения структурных, стилевых, языковых особенностей. *Цель* данной статьи — описание содержания и структуры выявленных жанровых разновидностей. *Материалом* исследования послужили документы из фондов Национального архива Республики Калмыкия. *Выводы.* Полученные на данный момент результаты исследования свидетельствуют о том, что у калмыков в XVII–XIX вв. действительно функционировала деловая письменность со свойственным ей жанровым многообразием. Поэтому введение нами в научный оборот понятий «калмыцкая деловая письменность», «жанры калмыцкой деловой письменности» является обоснованным и необходимым. В зависимости от функциональной направленности выделены следующие жанры калмыцкой деловой письменности: cāǰiyin bičiq, zarčim (*цааҗин бичг*) ‘правовые уложения’, amur yabuxu bičiq (*амр йовх бичг*) ‘увольнительное письмо’, ayiladxal bičiq (*әәлдхл бичг*) ‘доношение’, erelge (*эрлһ*) ‘прошение’, andaγār (*андһар*) ‘присяга’, tō (*то*) ‘реестр’ и самый многочисленный bičiq (*бичг*) ‘эпистолярий’. Еще не до конца изучены все значения названий документов bičiq tamaγa (*бичг тамһ*) ‘письмо-печать’,

elči bičiq (*элч бичг*) ‘письмо с нарочным’, zarli*q* (*зәрлг*) ‘указ; приказ’ и др. В этой связи изучение памятников калмыцкой деловой письменности является одним из приоритетных направлений монголоведения. Архивные материалы находятся в стадии выявления и не все изучены по причине их многочисленности, поэтому предложенный в статье жанровый состав деловых документов не окончателен и по мере изучения материала будет расширяться и уточняться.
Ключевые слова: калмыцкая деловая письменность, деловые документы, архив, жанр, правовые уложения, прошение, доношение, увольнительное письмо, присяга, реестр, эпистолярий
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).
Для цитирования: Гедеева Д. Б. О жанровом многообразии калмыцкой деловой письменности // Oriental Studies 2020. Т. 13. № 5. С. 1446–1455. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455

UDC 811.512.37
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455

Kalmyk Official Writing, 17th-19th Centuries: Genre Diversity Revisited

Daria B. Gedeeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Gedeeva D. B., 2020

Abstract. *Introduction.* The Kalmyks are one of the few peoples in Russia to have developed a script system of their own centuries ago. Spiritual culture of the ethnos can be traced in numerous original and translated texts of philosophical treatises, medical writings, historical chronicles, grammar essays, diaries of Buddhist pilgrims, fiction, recorded folklore materials, etc. The Kalmyk vertical script was also used for official writing. From the 17th century onwards, in the Lower Volga Kalmyks would expand their knowledge of Russian record keeping procedures (in diplomatic, military and economic contacts), however, adhering to their own writing traditions. Archival materials available attest to that the then genres of Kalmyk official writing were diverse enough, which makes it essential to reveal and investigate some authentic genre samples, classify the latter, identifying certain structural, stylistic, and language features. *Goals*. So, the paper seeks to essentially and structurally describe the revealed genres. *Materials*. The work analyzes documents stored by the National Archive of Kalmykia. *Conclusions*. Current research results indicate in the 17th-19th centuries the Kalmyks did possess a comprehensive official writing system characterized by genre diversity, which makes the introduction of the terms ‘*Kalmyk official writing*’ and ‘*genre of Kalmyk official writing*’ reasonable and necessary. The study delineates a number of functional genres, such as *cājiyin bičiq, zarčim* (Cyrillic *цааҗин бичг*) ‘codes, regulations’, *amur yabuxu bičiq* (Cyr. *амр йовх бичг*) ‘letter of discharge’, *ayiladxal bičiq* (Cyr. *әәлдхл бичг*) ‘report, dispatch’, *erelge* (Cyr. *эрлһ*) ‘petition’, *andaγār* (Cyr. *андһар*) ‘vow’, *tō* (Cyr. *мо*) ‘register’, and the vastest one — *bičiq* (Cyr. *бичг*) ‘epistolary message’. However, there are still titles of documents to explore, e.g., *bičiq tamaγa* (Cyr. *бичг тамһ*) ‘letter-seal’, *elči bičiq* (Cyr. *элч бичг*) ‘letter (to be delivered by) a special messenger’, *zarliq* (Cyr. *зәрлг*) ‘order; decree’, etc. In this context, further research of Kalmyk official writing documents can be a priority focus of Mongolian studies. Archival sources are only being discovered, and have not been studied due to large numbers. Thus, the genre structure presented is incomplete and shall definitely be revised or extended.

Keywords: Kalmyk official writing, official documents, archives, genre, codes, petition, report, letter of discharge, vow, register, epistolary
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Gedeeva D. B. Kalmyk Official Writing, 17th-19th Centuries: Genre Diversity Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1446–1455. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455

Введение

До настоящего времени исследователями, изучавшими язык калмыцких архивных текстов XVIII в., не был определен жанровый состав делового письма. Учеными был выявлен и рассмотрен лишь эпистолярий — жанр деловой переписки, который содержал письма калмыцких ханов и князей, адресованные астраханской администрации в начале XVIII в. Написан ряд статей и монографий, посвященных лексико-грамматическим особенностям писем периода 1713–1734 гг. [Сусеева 2003; Кокшаева 2011; Бембеев, Асирова 2009].

Данные исследования внесли определенный вклад в изучение истории развития калмыцкого языка, предоставили широкому кругу языковедов транслитерацию и перевод труднодоступного для чтения лингвистического материала, определили грамматический строй калмыцкого языка начала XVIII в.

Для выявления жанрового состава калмыцкой деловой письменности необходимо расширить хронологические рамки исследования XVII–XIX вв., периодом функционирования делопроизводственной документации на калмыцком языке.

В данной статье мы даем описание выявленного нами жанрового состава калмыцких документов. Дальнейшее изучение архивного материала позволит создать более детальную их лингвистическую классификацию.

Изученный нами материал свидетельствует о том, что направленные калмыками официальным лицам и учреждениям российской администрации документы имеют многожанровый характер, составлены по всем правилам российского делопроизводства, хотя и написаны на калмыцком языке с сохранением традиций калмыцкого письменного этикета. Разновидности документов отличаются характерными для них задачами, структурой, реквизитами, набором речевых штампов. Поэтому в данном исследовании мы используем такие понятия, как «калмыцкая деловая письменность XVII–XIX вв.» и «жанры калмыцкой деловой письменности», несущие характеристики как документов русского делопроизводства, так и традиций калмыцкого делового общения.

В настоящее время архивные документы этого периода исследователями воспринимаются как большой однородный массив деловых писем, написанных старым калмыцким письмом, трудным для прочтения и понимания. В этой связи введение их в научный оборот с историческим и лингвистическим описанием представляется нам весьма актуальной научной проблемой. Транслитерация текстов, переложение на современный калмыцкий язык, переложение русских переводов того периода, сопровождавших калмыцкие письма, на современный русский язык — все это даст тот богатый лингвистический материал, который крайне необходим исследователям истории языка.

Общие замечания

Изучая вопрос о жанрах калмыцкой деловой письменности, необходимо обратиться к исследованиям русского делового письма, оказавшего влияние на калмыцкое деловое письмо. Исследования русского языка в данной области были начаты давно, более двух веков назад. Написаны многочисленные труды, посвященные как центральной, так и региональной деловой письменности [Буслаев 1858; Соколова 1957; Филин 1974].

Эти исследования продолжаются успешно и в наши дни [Гауч 2013; Никитин 2016; Городилова 2018; Попов 2017; Майоров 2019]. Так, учеными продолжает составляться и уточняться классификация документов, которые в общем объединены в такие большие группы, как организационно-распорядительные, просительные и уведомительно-просительные, справочно-информационные, отчетно-регистрационные и исполнительные, судебно-следственные [Гауч 2013: 223]. Определяя жанровые особенности калмыцких документов, мы обращались непосредственно к результатам их исследований, в частности к классификации.

Здесь уместно будет сказать, что фонды Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК) также содержат богатый материал по русскому деловому письму XVIII–XIX вв. и ждут своих исследователей. Они оригинальны тем, что содержат информацию о восточной цивилизации кочевников и изобилуют калмыцкими словами, эквивалентов которым нет в русском языке.

Материалом для нашего исследования послужили документы из фондов Национального архива Республики Калмыкия. Наиболее богатым деловыми текстами, относящимися к периоду Калмыцкого ханства, является фонд И-36. Он состоит из 437 дел, в которых хранятся деловые документы на калмыцком языке, свидетельствующие об активном развитии государственного делопроизводства у калмыков того времени.

Содержание дел этого и других фондов находится в стадии изучения, поэтому определенный нами в данной статье жанровый состав в будущем будет, вероятно, расширяться и уточняться.

Находясь в начальной стадии исследования этого вопроса, мы не имеем возможности давать окончательную классификацию калмыцких документов, однако можем дать первую информацию о выявленных нами документах.

В зависимости от функциональной направленности мы определили следующие группы документов, которые на основе проведенного анализа можно отнести к выделяемым нами самостоятельным жанрам калмыцкой деловой письменности: cājiyin bičiq, zarčim (*цааҗин бичг*) ‘правовые уложения’, amur yabuxu bičiq (*амр йовх бичг*) ‘увольнительное письмо’, ayiladxal bičiq (*әәлдхл бичг*) ‘доношение’, erelge (*эрлһ*) ‘прошение’, andaγār (*андһар*) ‘присяга’, tō (*то*) ‘реестр’ и самый многочисленный по числу представленных документов жанр bičiq (*бичг*) ‘эпистолярий’.

В ходе изучения вышеуказанных групп документов мы обнаружили, что название документа обычно прописано в начале его текста. Однако это наблюдается не всегда. Иногда название документа встречается в самом тексте или его конце. Иногда при отсутствии названия в калмыцком тексте он присутствует в русском переводе.

Цааҗин бичг — Правовое уложение

Правовые уложения, которыми пользовались калмыки, находясь на территории России, — законодательные памятники, широко известные монголоведам по трудам российских историков. Среди них — «Ик цааж» (‘Великое уложение’), созданное в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских князей на территории Джунгарии. До наших дней дошли списки этого уложения с добавлениями указов Галдан хун-тайджи [Их Цааз 1981].

Законодательный сборник «Шажң төрин зарчм» (‘Духовные и светские законы’) был составлен при калмыцком хане Дондук-Даши в середине XVIII в. с учетом общемонгольских традиций и новых экономических и политических условий, в которых пребывали калмыки на территории России в тот период [Голстунский 1880].

В 1822 в. представителями калмыцкой знати был составлен новый свод, известный как Зинзилинские постановления, по результатам их собрания, проходившего в урочище Зинзили [Позднеев 1892].

Кроме этих известных правовых уложений, функционировали и другие, в большей части неизвестные нам, правовые источники. Так, в НА РК нами обнаружен исторический документ под названием «Хойр түмн цергин зарчм» (‘Уложение 20-тысячного войска’), который был составлен 20 ноября 1769 г. командным составом калмыцкого 20-тысячного войска, участвовавшего в составе русской армии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Этот документ представляет собой письменный памятник военного права калмыков. Памятник описан и введен нами в научный оборот [Гедеева 2002].

Амр йовулх тамһ бичг — Увольнительное письмо (Вольная грамота)

Увольнительное письмо как разновидность делового текста обладает рядом характеристик, имеет правовую значимость, отражает определенную ситуацию. Показателем этого является увольнительное письмо, выданное в 1777 г. нойоном Ценден-Дорджи манджику Гаван Шарабу [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 113. Л. 29].

Документ имеет определенную структуру, характерную для подобного жанра. В самом его начале сообщается, что это копия: köböün bičiq (*көвүн бичг*) букв. ‘сыновнее письмо’, затем идет его название — cenden dorǰiyin bičiq tamaγa (*Цендн Доржҗин бичг тамһ*) ‘грамота (букв. ‘письмо-печать’) Цендена Дорджи’. Далее сообщается цель документа — дарование свободы — beyei čin beyedüčin öqči amur yabuulxu (*бийичн бийдчн өгч амр йовулх*) ‘отправить на свободу, предоставив себя самому’, затем описывается причина такого решения — urida cebeq ubaša xayilaqsan tölödü (*урд Цевг Увш хәәлсн* (*хәәрлсн*?) *төләд*) ‘поскольку Цебек-Убаши ранее соблаговолил’, указывается поддержка его со стороны официальных лиц — toqmidiyin mededegeyin dēre. baγai γabang. gendün ubaša. basa čigi gereči bolǰi (*Тогмидин меддгин деер Баһа Һавң, Гендн Увш бас чигн герч болҗ*) ‘[судья] Тогмид об этом знал, и, кроме него, Бага Гаванг и Гендун Убаша являются свидетелями’.

Резюмируя аргументы, нойон сообщает, что согласен со всеми, в связи с чем выдает данный документ — bi čigi zöbšõǰi bičiq tamaγa öqböbi (*би чигн зөвшәҗ бичг тамһ өгвв*).

Деловой язык текста отличается наличием таких слов и сочетаний, как: köböün bičiq (*көвүн бичг*) ‘копия документа (букв. сыновний документ)’, bičiq tamaγa (*бичг тамһ*) ‘письмо-печать (грамота)’, gereči boloxu (*герч болх*) ‘быть свидетелем’, zöbšökü (*зөвшәх*) ‘разрешить’, xayirlaxu (*хәәрлх*) ‘жаловать, соблаговолить’ и т. д.

Таким образом, данное увольнительное письмо (вольная грамота), представляет собой образцовый текст жанра калмыцкого делового письма.

Әәлдхл бичг —Доношение

Доношение — это одна из разновидностей документов в российском делопроизводстве, служившая для осуществления передачи сведений в вышестоящие органы. Автор документа должен был обязательно изложить все основания и обстоятельства дела, а также выразить свое мнение, без чего документ не принимался. Такой документ, название которого на калмыцком языке — ayiladxal bičiq (*әәлдхл бичг* ‘доношение’), в 1771 г. подал в губернскую канцелярию нойон Ценден-Дорджи. В нем он сообщает о том, что передает в канцелярию печать умершего нойона Цебек-Убаши, чтобы не произошло подлога документов, поскольку эта печать принадлежала нескольким поколениям нойонов [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 113. Л. 33].

Поскольку объем документа небольшой, то приводим здесь полностью этот образцовый текст доношения:

dēdü tede yeke öröšõgõi ezeni gübariski kancalār-tu:: : ::

ayiladxal bičiq bariba.. noyon cebeq ubašiyin tamaγayigi kancalār-tu baribabi.. učirni ömnöki xoyor γurban önggöröqsön noyoduudiyin caγāsa nāru bayiγā tamaγa bolonoi.. tere tölõ:dü ene tamaγa mandu bayidaq bolxuna.. xuurmaq xuluγayin tamaγa γarxu ülü bayinu geküyin tölödü.. kancalār-tu baribā:

γal takā ǰiliyin üker sarayin arban γurbandu bičibe..

Деед Тедн ик өршәһә эзнә гүберск канцларт.

Әәлдхл бичг бәрв. Нойн Цевг Увшин тамһиг канцларт бәрвв. Учрнь: өмнк хойрһурвн өңгрсн нойдудин цагас нааран бәәһә тамһ болна. Тер төләд эн тамһ бәәдг бохла, хуурмг-хулхан тамһ һарх эс бәәнү гихин төләд канцларт бәрвә. Һал така җилин үкр сарин арвн һурвнд бичв.

‘Перевод з доношения присланнаго в астраханскую губернскую канцелярию от дербетева владелца Ценден-Доржи, полученнаго ноября 10 дня 1777 года. Оной губернской канцелярии представляю умершаго владелца Цебек-Убаши печать для хранения во оной канцелярии, дабы не могло произойти подложных увольнительных писем, ибо оная посмерти предков еже (?) оставалась в улусе; у писма печать красная, писано месяца укер 13, то есть ноября … дня 1777 года. (Переводил переводчик Ипат Федотов)’.

В том же деле есть доношение Ценден-Дорджи также в губернскую канцелярию о том, что он выдал увольнительное письмо чашечнику, манджику Гаван Шарапу и что к доношению прилагает копию увольнительного письма [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 113. Л. 27].

Эрлһ — Прошение

Прошение представляет собой письменное ходатайство о чем-нибудь, просьбу по официально установленной форме. Так, в архиве мы выявили исторический документ 1822 г., представляющий собой коллективное письмо пяти калмыцких судей (дербетовских судей Джамба гелюнга и Култуша, хошутского судьи Оргочки, яндыковского судьи Занбо и багацохуровского судьи Чидан Убаши), адресованное главному приставу Калмыцкой степи А. В. Каханову с просьбой ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями о разрешении калмыкам создать кодекс законов по своим традициям с учетом современных тому периоду требований. Обращение судей предваряется описанием драматического положения калмыцкого общества в сфере судопроизводства, при котором калмыки, не знающие русского языка и российских законов, не могут себя защитить и в результате жестокого с ними обращения в губительных для вольнолюбивых кочевников тюрьмах еще до суда умирают [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14; Гедеева 2019б].

К жанру прошения также можно отнести письмо 1778 г. дербетовского нойона Ценден-Дорджи астраханскому губернатору Ивану Варлаамовичу Якоби, в котором он описал хозяйственно-экономическое положение его кочевий, связанное с колонизацией калмыцких территорий [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 113]. Нойон Ценден-Дорджи сильно обеспокоен тем, что калмыцкая земля все больше урезается и отдается жителям станиц под хлебопашество и сенокосные угодья, строятся хутора, мельницы, хозяева которых не подпускают кочевников близко к своим новым землям. Доношение подано в 1778 г., через 7 лет после откочевки большей части калмыков из России на историческую родину в Центральную Азию. В письме наглядно отразилась одна из причин ухода калмыков: сокращение территории кочевий и пастбищ. Нойон просит разобраться в этой проблеме и принять соответствующее решение по урегулированию спорных территорий [Гедеева 2019а].

Андһар — Присяга

Одним из жанров калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. является присяга andaγār. Судя по выявленным нами архивным материалам, слово andaγār означает несколько видов присяги [Гедеева 2018: 70–75]. Один из них — очистительная присяга, проводимая во время судебного разбирательства по причине отсутствия явных доказательств, освобождающая ответчика от ответственности. В тексте такой присяги подозреваемый клянется в своей невиновности, призывая божества в свидетели, и заявляя о готовности понести божью кару, если он совершил преступление. Данный вид присяги упоминается в исторической литературе в связи с описанием калмыцкого судопроизводства в прошлые столетия [Георги 1799; Паллас 1809; Смирнов 1999; Рязановский 1931; Голстунский 1880; Их цааз 1981; Гедеева 2018].

Так, П. Смирнов описывает сцену судебной присяги, когда следователь, ведущий дело, приглашает присяжного гелюнга *андагарун багши*, который возлагает на голову присягающего после слов клятвы изображение божества. Текст клятвы зачитывает сам гелюнг, а подозреваемый за ним повторяет [Смирнов 1999: 140–141].

Второй вид присяги зачитывался во время судебного разбирательства свидетелем, если таковой имелся. Он зачитывал текст присяги и клялся, что говорит правду о том, что знает. Во всех выявленных нами текстах присяги в свидетели призывается Будда Шакьямуни, при этом его образ прикладывается к голове [РГАЛИ. Ф-527. (Фонд В. Хлебникова). Оп. I. Ед. хр. 289].

Еще один документ данного жанра был выявлен нами в фондах НА РК. Это текст присяги нойона Дондук-Омбо при назначении его главным управителем калмыцкого народа в 1735 г. на верность императрице Анне Иоановне и ее наследникам. Присяга верности обычно зачитывалась в переломные моменты в общественной жизни, например при смене власти [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 11. Л. 114].

Присяга, примиряющая две враждующие стороны — это еще один из видов при-

сяги, текст которой обнаружен нами в фондах калмыцкого архива [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 373. Л. 654]. Выявленный текст присяги посвящен примирению нойонов Еремпеля и Бамбара, известных владельцев, игравших видную роль в общественно-политической жизни калмыков. Оба они имели спор по приданому сестры Бамбара, разведенной жены Еремпеля.

Таким образом, выявленные материалы свидетельствуют о том, что жанр *андһар* имеет также свои подвиды.

То — Реестр

Изучая документы калмыцких князей, адресованные астраханской администрации, мы обнаружили немало реестров — списков предметов, скота, имен людей, которые составлялись в результате грабежа, разбоя, спорных вопросов об имуществе. Очень часто встречается перечень предметов домашней утвари, постельных принадлежностей, одежды, украшений, военного оружия, конского снаряжения и т. д., которыми пользовались калмыки того времени. В настоящее время многие названия забыты и не зафиксированы в имеющихся словарях, что делает их ценным материалом для лингвистов. Правила описи одежды или любых других предметов предполагали название материала и форму изделия, что сейчас нам предоставляет интересный этнографический материал, свидетельствующий об эстетических вкусах калмыцкой знати. При перечне скота обычно подробно описывается масть лошадей. При перечислении имен людей, которых увели разбойники или враждующие владельцы, обычно называются их рода, что представляет также очень ценный материал для этнографов.

Таким образом, изучение подобных документов крайне важно для исследователей разных областей науки.

Бичг — Эпистолярий

Основная часть сохранившихся памятников калмыцкой деловой письменности представляет собой деловые эпистолярные тексты, отражающие письменное общение калмыцких ханов, князей и судей с российской администрацией. Письма содержат информацию о политической, военной, хозяйственной, судебной жизни калмыков. В зависимости от их содержания деловые письма условно можно разделить на официальные и неофициальные. Официальные письма отличаются строгостью и лаконичностью изложения проблемы. В деловых, но неофициальных письмах адресант интересуется здоровьем адресата и его семьи, выражает поддержку его успехам, каким-то радостным событиям, выражает сочувствие в связи с болезнью адресата и т. д. Стиль речи в письме преобладает разговорный, нежели официальный. Содержание часто бывает эмоциональным, когда адресант выражает удивление, раздражение, порой возмущение. Тогда в тексте присутствуют фразы, выражающие вопрос (teyime bišiyu ‘разве не так’) или удивление (alang bolōd ‘удивившись’) и т. д.

Тексты характеризуются определенными этикетными формулами, личностной ориентированностью, многотемностью. Письма, составленные в разные исторические периоды, отличаются своей структурой, реквизитами, формулировками, стилем изложения и т. д. Это зависело как от личности адресанта, так и от правил оформления документов в разные периоды. Так, письма хана Аюки, адресованные астраханскому губернатору, коротки и лаконичны, в них излагается только суть письма. Редко встречаются какие-либо личные просьбы, в основном требования выдать то, что полагается от государства по договоренности, например, жалование, продукты, а также все, что требуется для военных целей.

Письма последующих ханов, князей, адресованные российской, в частности астраханской, администрации обрамлены формулами вежливости, завершаются эти письма словами: tan-du inagi küseqci.. ubasa (*Танд иньгиг күсгч Увш*) ‘Вашего приятства снискатель’, kezē biši zakāγār bayidaq noyon yandaq (*Кезә биш закаһар бәәдг нойн Яндг*) ‘Всегда по повелениям поступающий владелец Яндык’, ürgülǰi-dü xayiri küsüqči cenden dorǰi (*Үргләҗд хәәр күсгч Цендн Дорҗ*) ‘Всегда милости вашей снискатель Ценден Дорджи’.

В архиве иногда встречаются черновики писем представителей астраханской администрации, направленные калмыцким адресатам. По их переписке можно судить об их дружеских отношениях. Но вместе с тем письма остаются деловыми по содержанию,

и, если излагается несколько вопросов, то обычно они нумеруются как цифрами, так и словами хоуог dügēr üge ‘второй вопрос (букв. ‘слово’)’, γutaγāriyin üge ‘третий вопрос’, dötögōriyin üge ‘четвертый вопрос’.

Непременным реквизитом калмыцких документов и, в частности, деловых писем, были печати адресантов, которые достойны отдельного исследования.

Заключение

Деловая письменность, развиваясь в системе калмыцкого языка, активно обслуживала сферу делопроизводства. Начиная с XVII в. в ходе дипломатических, военных, экономических отношений с Россией калмыками осваивалась система правил российского делопроизводства. При этом калмыки сохраняли основы традиционного этикета письменного делового общения, создавая своеобразие калмыцкой деловой письменности.

В истории калмыцкого языка особое место занимает XVIII в., период функционирования Калмыцкого ханства, когда наблюдается наиболее активный процесс развития делопроизводства и, соответственно, развития официально-делового стиля в языке. Появление новых видов документов в процессе калмыцко-русских отношений способствовало обогащению словарного запаса языка, появлению новых фраз, оборотов, речевых клише и т. д.

Работа по выявлению новых источников продолжается, окончательные выводы по количеству разновидностей калмыцких документов еще впереди.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Russian State Archive of Literature and Art.

Литература

Бембеев, Асирова 2009 — *Бембеев Е. В., Асирова Н. Д.* К вопросу о семантике пространственных послелогов калмыцкого языка XVIII в. (на материале исторических писем) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 76–82.

Буслаев 1858 — *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка: Уч. пособ. для преподавателей: Ч. 1–2 / сост. Ф. Буслаевым. М.: Унив. тип., 1858. Ч. 1: Этимология. [12], XL, 244 с. Ч. 2: Синтаксис. X, [2], 428 с.

Гауч 2013 — *Гауч О. Н.* Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО). // Научный диалог. Филология. № 5(17). Тобольск. 2013. С. 221–233.

Гедеева 2002 — *Гедеева Д. Б.* «Уложение 20-тысячного войска» как источник по изучению военного права калмыков XVIII в. // VIII междунар. конгресс монголоведов (г. Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М.: ИВ РАН, 2002. С. 18–21.

Гедеева 2018 — *Гедеева Д. Б.* О судебной присяге в калмыцком судопроизводстве XVII–XVIII вв. // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. Вып. 5. С. 70–75.

Гедеева 2019а — *Гедеева Д. Б.* О письме дербетовского нойона Ценден Доржи астраханскому губернатору И. В. Якоби (1778 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 36–47.

Гедеева 2019б — *Гедеева Д. Б.* Письмо пяти судей как источник для изучения судопроизводства калмыков в XIX в. // Монголоведение. 2019. № 2. С. 240–256. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-240-256.

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. В 4 частях. Часть четвертая. СПб: Имп. Академия наук, 1799. 385 с.

Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан хун тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 163 с.

Городилова 2018 — *Городилова Л. М.* Ландшафтная лексика в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в. // Филологические науки. Вопросы

теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4. Ч. 2. С. 340–345.

Их цааз 1981 — Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. (Транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова). М.: Вост. лит., 1981. 181 с.

Кокшаева 2011 — *Кокшаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Издат. дом «Герел», 2011. 189 с.

Майоров 2019 — *Майоров А. П.* Сверхтекст в забайкальской деловой письменности XVIII в. как источник реконструкции региолекта того времени // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 3. С. 34–45.

Никитин 2016 — *Никитин О. В*. Изучение языка памятников русской деловой письменности в середине – второй половине XX века: социолингвистический аспект // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 67–71.

Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1809. 657 с.

Позднеев 1892 — *Позднеев А. М.* Калмыцкая хрестоматия: для чтения в старших классах калмыцких народных школ. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1892. 172 с.

Попов 2017 — *Попов Е. Ю.* Синонимические связи единиц юридической лексики в документах Приенисейской Сибири XVII в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75) в 2-х ч. Ч. 1. С. 152–154.

Рязановский 1931 — *Рязановский А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 352 с.

Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 247 с.

Соколова 1957 — *Соколова М. А.* Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 191 с.

Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 384 с.

Филин 1974 — *Филин Ф.* О языке деловой письменности в Древней Руси // Вопросы филологии: К семидесятилетию со дня рождения и пятидесятилетию научно-педагогической деятельности профессора А. Н. Стеценко. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1974. С. 31–37.

References

[A Historical Russian Grammar]. Teacher's manual. Vols. 1–2. F. I. Buslaev (comp.). Moscow: Imperial Moscow University, 1858. Vol. 1: Etymology. 244 p. Vol. 2: Syntax. 428 p. (In Russ.)

[*Ikh Tsaaz*: The Great Code of Laws. Monument of 17th-Century Mongolian Feudal Law] S. D. Dylykov (transl., introd., etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1981. 181 p. (In Russ.)

Bembeev E. V., Asirova N. D. Semantics of 18th-century Kalmyk spatial postpositions revisited: a case study of historical letters. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2009. No. 2. Pp. 76–82. (In Russ.)

Filin F. The ancient Rus': language of official writings revisited. In: [Questions of Philology]. Jubilee coll. Moscow: Lenin Moscow State Pedagogical Institute, 1974. Pp. 31–37. (In Russ.)

Gauch O. N. Genre diversity of organizational-administrative documents of XVIII century's formal writing (based on materials of Tobolsk Branch of Tyumen Region State Archive). *Nauchnyi dialog. Filologiya*. 2013. No. 5(17). Pp. 221–233. (In Russ.)

Gedeeva D. B. *Codes of the Twenty Thousand Army* as a research source on 18th-century Kalmyk military law. In: [The Eighth International Congress of Mongolists]. (Ulaanbaatar; August 5–12, 2002). Reports of Russian scientists. Moscow, 2002. Pp. 18–21. (In Russ.)

Gedeeva D. B. Considering the letter of Derbet Noyon Tsenden Dorji to the Astrakhan Governor I. V. Jacobi (1778). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. 3. Pp. 36–47. (In Russ.)

Gedeeva D. B. Kalmyk judicial proceedings, 17th-18th centuries: court oath revisited. In: [Turko-Mongols: Issues of Ethnic History and Culture]. 2018. Vol. 5. Pp. 70–75. (In Russ.)

Gedeeva D. B. The Letter of Five Judges as a source for studies of 19th-century judicial proceedings of the Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 240–256. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-240-256.

Georgi J. G. [Description of All Peoples Inhabiting the Russian Empire]. In 4 vols. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. 385 p. (In Russ.)

Golstunsky K. F. [Mongolian-Oirat Laws of 1640, Additional Decrees of Galdan Hong Tayiji, and Laws Compiled for the Volga Kalmyks during the Reign of Khan Donduk-Dashi]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 163 p. (In Russ.)

Gorodilova L. M. Landscape vocabulary in business written language of Yenisei Region Siberia of the XVII – the beginning of the XVIII century. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018. Vol. 4. No. 2. Pp. 340–345. (In Russ.)

Kokshaeva N. O. [Epistolary Heritage of the Kalmyk Khan Donduk-Dashi, Mid-18th Century: Language Features]. Elista: Gerel, 2011. 189 p. (In Russ.)

Mayorov A. P. Supratext in Trans Baikal business written texts of the XVIII century as a source of reconstruction of the regional dialect of that time. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2019. No. 3. Pp. 34–45. (In Russ.)

Nikitin O. V. Studying the language of documents of Russian business literature in the middle – second half of the 20th century: sociolinguistic aspect. *Bulletin of Vologda State University. Series Humanities and Social Sciences*. 2016. No. 1. Pp. 67–71. (In Russ.)

Pallas P. S. [Journeys to Different Provinces of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1809. 657 p. (In Russ.)

Popov E. Yu. Synonymic relations between juridical vocabulary units in the documents of Yenisei region Siberia of the XVII century. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017. Vol. 9 (75). No. 1. Pp. 152–154. (In Russ.)

Pozdneev A. M. [Kalmyk Chrestomathy: Reader for Senior Pupils of Kalmyk Public Schools]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1892. 172 p. (In Kalm.)

Ryazanovsky A. [Mongolian (Customary) Law]. Harbin: N. E. Chinarev, 1931. 352 p. (In Russ.)

Smirnov P. [Across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Travel Notes]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 247 p. (In Russ.)

Sokolova M. A. [Essay on the Language of 16th-Century Official Writings]. Leningrad: Leningrad State University, 1957. 191 p. (In Russ.)

Suseeva D. A. [Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries (1714–1724): a Linguosociological Study]. Elista: Dzhangar, 2003. 384 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1456–1464, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 398.22
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

Воинские коллизии в Багацохуровском цикле эпоса «Джангар»

Данара Владимировна Убушиева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-5547-4006. E–mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Убушиева Д. В., 2020

Аннотация. *Введение*. Эпический нарратив Багацохуровского цикла (1853–1862) основывается на архаическом мотивном фонде, что прослеживается в теме воинских коллизий. *Цель и задачи* исследования — рассмотреть основные темы воинских коллизий. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: определение типа героя (герой-первопредок или герой-воин), обозначение функций богатырского коня и оружия, обозначение форм боя, обозначение эпического фона. *Материалы и методы.* В качестве материала исследования выступают песни Багацохуровского цикла. В работе применялись сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования. *Результаты*. Сюжеты и мотивы данной темы, по сути, являются симбиозом архаических и героических линий. Прологи песен цикла сформированы в рамках мифологической интерпретации событий, а сюжеты песен, хотя и посвящены подвигам богатырей, что определяет воинский, героический характер цикла, еще зависимы от волшебно-мифологических мотивов. В герое-воине еще прослеживаются рудименты образа героя-первопредка, что объясняет отсутствие в цикле важных звеньев героического эпоса — таких мотивов, как чудесное рождение героя и героическое детство. Богатырский конь и оружие все еще являются предназначенными, а последнее к тому же осуществляет функцию вместилища внешней души богатыря. Эпический фон также двояк, если в прологе — это эпоха первотворения, то в сюжете песен — это время консолидации различных этносов. *Выводы*. Багацохуровский цикл эпоса «Джангар» отражает переход от «малой» эпической формы к «большой», эволюцию от первоначального ядра архаического эпоса к завершающей «концентрической» циклизации эпоса героического.

Ключевые слова: архаический эпос, героический эпос, калмыцкий эпос «Джангар», Багацохуровский цикл, тема, воинские коллизии, мотив

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА–А19–119011490036–1).

Для цитирования: Убушиева Д. В. Воинские коллизии в Багацохуровском цикле эпоса «Джангар» // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1456–1464. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

UDC 398.22
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

Baga-Tsokhor Cycle of the *Jangar*: Military Collisions Reviewed

Danara V. Ubushieva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Ubushieva D. V., 2020

Abstract. *Introduction*.The epic narrative of the early Baga-Tsokhor cycle (1853-1862), being heroic in nature, is based on archaic motifs which can also be traced through the topic of military conflicts. *Goals*. The study aims to consider the main sections of military conflicts, and the following tasks be solved thereto: typological identification of a hero ('forefather hero' or 'warrior hero'); designation of functions attributed to the war horse and weapons; delineation of combat forms and symbolic epic backgrounds. *Materials and Methods*. The paper analyzes texts of the early Baga-Tsokhor cycle of the Kalmyk *Jangar* epic. The work employs comparative, textual, and analytical research methods. *Results*. In fact, plots and motifs of this topic are a symbiosis of archaic and heroic lines. Prologues to the songs of the Cycle are formed as part of a mythological interpretation of events, and the plots of the songs — although devoted to exploits of the heroes, which determines a military, heroic nature of the cycle — are still dependent on magical mythological motifs. The warrior hero still possesses rudiments of the image typical for the first-born ('forefather') hero, which explains the absence of important links of the heroic epic, e.g. motifs of miraculous birth and heroic childhood. The war horse and weapons are still destined, and the latter also serve as an accommodation for the external soul of the hero. The epic background is also twofold: while the prologue describes the primordial era, the plot deals with the time of consolidation of various ethnic groups. *Conclusions*. It can be presumed that the Baga-Tsokhor cycle of the epic reflects a transition from a 'small' epic form to a 'large' one, an evolution from the original core of the archaic epic to the final 'concentric' cyclization of the heroic narrative.

Keywords: archaic epic, heroic epic, Kalmyk epic of Jangar, Baga-Tsokhor cycle, theme, military conflicts, motif

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Ubushieva D. V. Baga-Tsokhor Cycle of the *Jangar*: Military Collisions Reviewed. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1456–1464. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

Введение

Багацохуровский цикл калмыцкого эпоса «Джангар» сохранил наибольшее количество кодов и представлений из мифологии и архаического эпоса, но при этом все же является героическим эпосом. Е. М. Мелетинский утверждает, что первоисточником героического эпоса является народный эпос доклассового общества и что с использованием традиций общинно-родового строя связано как сохранение сюжетных элементов, так и «формирование самих эпических идеалов, особой эпической гармоничности, составляющей неповторимую красоту героического эпоса» [Мелетинский 2004: 19]. Отечественными и зарубежными фолькло-

ристами тема воинских коллизий исследуется как одна из ядерных тем в эпическом сюжетосложении. Данная тема в славянском эпосе изучена Б. Н. Путиловым, ученый отмечает, что в славянском эпосе некоторые значимые темы входят в состав других тем, например «чудесное рождение и богатырский рост», «получение богатырской силы и нуязвимости», «обретение богатырского оружия и коня», «первый подвиг героя», «временное пленение героя и освобождение его из плена» [Путилов 1999: 29]. Воинские коллизии эпоса о Джангаре в калмыцкой и синьцзян-ойратской традициях изучены А. Ш. Кичиковым, им выделено два основных события: ретардирующее (мотивировка поездки, выбор и подготовка богатыря к походу) и центральное (вхождение в опасный локус, подготовка и захват / угон объекта добычи) [Кичиков 1997: 290]. Е. Э. Хабуновой рассмотрена богатырская биография, где выделены, как она замечает, моменты, раскрывающиеся в контексте подвига богатыря, такие как «…история рождения, богатырское детство, героическое сватовство и женитьба» [Хабунова 2006: 14]. Сюжеты о богатырских сражениях в бурятских версиях эпоса о Гэсэре изучены Л. С. Дампиловой и Е. Э. Хабуновой [Дампилова, Хабунова 2020]. Б. Б. Манджиевой в репертуаре сказителя Телтя Лиджиева выявлены следующие сюжетообразующие мотивы: угон табуна, ультиматум, богатырский поединок, временное поражения богатыря и ломка и починка копья [Манджиева 2020]. При составлении сюжетных классификаций или темно-мотивных указателей эпических произведений тема воинских коллизий также выделяется как один из основных разделов, что прослеживается в работах Х. Ясон [Ясон 2002], Н. В. Петрова [Петров 2007] и Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013].

Цель и задачи исследования — рассмотреть отдельные разделы темы воинских коллизий. Для этого решены следующие задачи: определение типа героя (герой-первопредок или герой-воин); обозначение функций богатырского коня и оружия; обозначение форм боя; обозначение эпического фона.

Материалы и методы. В качестве материала исследования выступают песни Багацохуровского цикла, как одного из ранних по времени фиксации циклов калмыцкого эпоса «Джангар», на основе которого рассматривается тема воинских коллизий. Для этого в работе применялись сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования.

Образ героя-первопредка

Переход от архаического эпоса к циклу героических песен о Джангаре произошел в тот период истории народа, когда для него были характерны занятия кочевым скотоводством и частые военные столкновения. Как замечено Е. М. Мелетинским, «…деятельность героя имеет сугубо воинский характер, а сюжеты — черты сказочных приключений» [Мелетинский 2004: 319].

Главной составляющей героического эпоса является сам герой, чей образ транслирует «народные идеалы». В Багацохуровском цикле эпический герой представлен как воин, но вместе с тем в его образе прослеживаются черты героя-первопредка, который является, по мнению Е. М. Мелетинского, «древнейшим образом фольклора», который зародился в фольклоре доклассового общества и в своей начальной форме древнее дуалистической мифологии и развитого шаманизма [Мелетинский 2004: 314]. Рудименты данного образа распознаются в одиночестве и сиротстве главного героя — Джангара[1]:

> I песнь[2] Багацохуровского цикла (далее — Б.Ц.) — 7 (27)[3] uyēn 8 (1) dēdü boqdo ǰangγar: γazar dunda γaqca (2) genei: γalba dunda önčin genei ‘В поколениях верховный богдо Джангар / На всей земле один, говорят, / Во всей вселенной сирота, говорят’[4] [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 7–8]

Отождествление Джангара с героем-первопредком объясняет отсутствие в цикле

[1] Подробнее см: [Убушиева 2020].

[2] Ранние записи песен даны без названий, для удобства здесь и далее будут использованы принятые сокращенные названия. Цифрами обозначены песни Багацохуровского цикла: I — «О Замбал-хане», II — «О Хара Кинесе», III — «О Шара Мангасе».

[3] Первая цифра обозначает номер страницы в рукописи. Вторая цифра, помещенная в круглые скобки, обозначает номер строки на странице.

[4] Здесь и далее перевод автора данной статьи Д. В. Убушиевой.

такого важного звена эпической биографии героя, как героическое детство. По единому мнению эпосоведов В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского и С. Ю. Неклюдова, героическое детство является поздним компонентом эпической структуры. По заключению С. Ю. Неклюдова, древние эпические образования не включают структурированных и формульных описаний героического детства [Неклюдов 2015: 81]. Отсутствие героического детства не мешает циклу развиваться в русле героической эпики. Так, в песнях приводятся родословные богатырей, что является поздним включением в эпос и отражает родоплеменные традиции калмыцкого этноса:

> I песнь Б. Ц. — 7 (23) takil zulu xāni (24) ǰičini tangsaq bumba xāni ačini (25) ūzang mala aldar xāni or ɣaqca (26) kübūn ‘Такил Зула-хана правнук, / Тангсаг Бумба-хана внук, / Узюнг Мала, славного хана, / Единственный сын’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 7]

Предназначенность богатырского коня и оружия

Трансформации подверглись и мотивы, связанные с конем. Наряду с предназначенностью богатырю, способностью превращаться в плохонького жеребенка и владением человеческой речью богатырский конь — это теперь и верный друг, который не оставляет раненого богатыря на поле битвы: если не может сам ему помочь, призывает на помощь дружину. По мнению Е. М. Мелетинского, эпическая идеализация богатырского коня отражает культ коня и представления скотоводческого общества, в том числе о боевом коне всадника-воина [Мелетинский 2004: 333].

В песнях цикла подробно описаны выбор и поимка коня из табуна, а также его выстойка и седлание. Например, в песне «О Замбал-хане» описан выбор богатырского коня с приглашением знатоков по конским зубам:

> I песнь Б. Ц. — 12 (29) tūlun nasunduni usun (30) maxuni kücēgēd: (13) 1 šüdüči: enngīn döčin xoyor noyoni šüdüči: (2) nartu delkēn oron-du dörbön zügīn xadūdīn (3) erken sain šüdüčīni elčīr cuqlūlād: (4) ezen dēdü boqduni šara cōxor bumbulbain (5) ūdüdüni xāxu dünggei ɣazartu deldūlüq- (6) sen: xadaq šara altan taqtīn amun dēre: (7) xān ǰangɣarīn zarilaɣār: xari xadūdīn (8) šüdüčinerīgi xaraɣaldūlan xamtu zoqsō- (9) ɣād: tungɣū gūni unuɣun tūrīn erke (10) xurdun zērdyigi: tūlun nasutai biyēni: (11) šara torɣon noqtārn noqtulād šaǰini zuryān (12) mingɣun arban xoyor bāturtaɣān: šara cōxur (13) bumbulbaɣāsan ɣarči angxarba ‘В пятилетнем возрасте воды и мясо его окрепли. / Четырех державных ханов знатоков конских зубов, / Обыкновенных сорока двух нойонов знатоков конских зубов, / Всех земных стран / Ханов четырёх сторон, / Самых лучших знатоков конских зубов собрав через посыльных, / Владыки верховного богдо / У дверей жёлто-пёстрого дворца, / Распростершегося на расстояние полёта стрелы, / На прочном жёлто-золотистом мосту / По велению Джангар-хана / Чужеземных ханов знатоков конских зубов / Вместе собрав и выстроив, / Жеребёнка отстоявщейся кобылицы, / Самого быстрого Зерде, / Пятилетнего, / Жёлтым шёлковым недоуздком взнузданного, / С жёлтой веры шестью тысячами двенадцатью богатырями / Вышел из жёлто-пёстрого дворца осмотреть [Джангар]’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 12–13]

Данное описание содержит явное напластование поздних мотивов, отражающих традиционный быт кочевников, в котором конь играл очень важную роль.

Наиболее трудные боевые походы совершаются на аранзале Зерде, и не обязательно самим Джангаром, в двух песнях цикла аранзал Зерде вверяется богатырю Хонгору:

> I песнь Б. Ц. — 49 (1) xurdun (2) saixan zērdēn xairin bolba ‘Быстрого прекрасного Зерде своего соблаговолил отдать’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 49]

Джангар дорожит своим Зерде и доверяет его только одному Хонгору, считая равным себе:

> II песнь Б. Ц. — 28 (8) amin metü öböreleqsün gergenesen dotolduq ese (9) bilū bi öncileqsen ɣaqcaxan kübūnesün dotolduq ese bilū bi eberenen (10) amin ulan ɣol: asar ulan xongɣor xoyūlan alkini dotolxobi: alikini ɣazal- (11) xubi ‘Как жизнь свою оберегаемый, / Не считал ли я ближе жены своей? /

Не считал ли я ближе своего сына сиротки единственного? / Свою собственную жизнь или бесстрашного Алого Хонгора, / Какую из них я должен оберегать или какой пренебречь?’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 28]

В эпосе у каждого богатыря есть свой предназначенный конь, который едва ли уступает аранзалу Зерде в выносливости и преданности своему хозяину. Предназначенность не имеет наглядных отражений в текстах песен, являясь таковой априори. А. Ш. Кичиков отмечает, что все циклы «Джангара» едины в том, что по коням узнают богатырей и наоборот [Кичиков 1976: 96]. В описании и воспевании коня в эпосе отражена его особая роль в жизни кочевников.

Вместе с предназначенным конем богатырь имеет и предназначенное оружие. Первое упоминание о боевом оружии богатыря в эпических песнях отмечается в описании-представлении героя, наряду с родословной и боевым скакуном. В цикле предназначенным оружием определено копье Джангара:

II песнь Б. Ц. — 3 (30) amindēn xadaγalaqsun aγar zandan 4 (1) aram ‘Предназначенное агар-сандаловое копьё’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 3–4]

Копье Джангара, в отличие от аранзала Зерде и меча, не передается во временное пользование ни богатырю Хонгору, ни кому-либо другому:

III песнь Б. Ц. — 41 (22) almas bolodār ireleqsen sur bolodōr sungγuqsan maxan bolo- (23) dōr mörgöleqsen: zangγād orkixuni zār tübīn oron doqdoldoq: dokād orkiqsun (24) caqtu dolōn oroni šulmu doro dorōn döröi- codüq: tal bolγunduni tabun küčitei (25) nomīn sakūsü sīleqsen altatai zandan mišil mini abaci geǰi aldar boqdoni (26) zarliq bolba ‘Из [крепкой, словно] алмаз, стали лезвие имеющий, / Из стали, тянувшейся, как кожа, кованый, / Из чистой стали обух имеющий, / Если замахнуться им, / Страны материка Замбатиб содрогаются, / В момент, когда опускается он, / Шулмусов семи стран / К стременам преклоняет, / На каждой из граней его / Пять мантр выгравированы, / Возьми мой золотой сандаловый меч! — повелел’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 41]

Копье Джангара, как было уже сказано, не передается во временное пользование даже Хонгору. Это связано с тем, что наконечник копья является хранилищем внешней души:

II песнь Б. Ц. —18 (5) tömör sumun amiči (6) ken batalād öqsen bi: ‘Жизнь твою, что в наконечнике стрелы, / Кто оберегал?’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 18]

Богатырский пир

Эпический фон, отражающий специфические напластования определенных отрезков исторического времени, играет важную роль в эволюции эпических сказаний. Одной из реалий исторического времени, соотносимых с героическим прошлым калмыцкого народа, является богатырский пир. Именно во время пира происходит завязка действия эпической песни. Р. С. Липец отмечает, что эпические пиры представляют собой не только развлечение, но и отражают одну из основных форм расплаты властителя с дружиной — именно «кормление» ее [Липец 1984: 26]. В калмыцком эпосе «кормление» также является одной из причин устроения пира, что отражает военное историческое прошлое калмыков. Неизменные атрибуты угощения на пиру — мясо и арза:

I песнь Б. Ц. — 11 (22) aldar noyon boqduni xairi- (23) ni alaq buγuin daram dēǰi: xara darcaq (24) arza: mönkkö dörbün caqtu tasaral ügei (25) xairildaq ‘Славного нойона богдо милость — / Подношение из мяса маралов и крепкой арзы / Не иссякало в вечные четыре времени никогда’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 11]

Пиры чаще всего устраиваются в честь победы над врагом:

II песнь Б. Ц. — 37 (17) baysaxalang ǰiraγalanngīn xürim (18) keye: baxatamǰitei batu nair keye: araza arki dēǰēn abād: meng šara (19) altan xabxāni mini aman-du: nige kümün üldül ügei cuγuluqtan gēd: (20) dörbön anggi elči talibēd okoba ‘Радостный и счастливый пир устроим! / Усладу доставляющее гулянье устроим! / Арзу, араку и подношение захватив, / У желто-золотых ворот моих, / Все до одного собирайтесь! — с таким повелением отправил посланцев по четырем сторонам’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 37]

Отголоском древней традиции устроения пиршеств является отмеченный Р. С. Липец «архаичный институт общественных пиров» [Липец 1984: 28], который зафиксирован в Багацохуровском цикле. Общественные пиры, на которые собирались более семидесяти племен, князья и богатыри из ста стран, ханы шести сторон организовывали в складчину:

> II песнь Б. Ц. — 38 (1) zūn oroni noyodūd bāturmūd zuruq boluqsan šara cōxor baiši- (2) nngīni ūden-dü zoqsol ügei cuqluraba: zurγān xādūd zuruq (3) boluqsan šara cōxor baišinngīni ūden-dü arki dējitēgen irēd (4) aliki sanasāran ǰiraγacaγāba ‘Нойоны и богатыри из ста стран / У дверей, словно прекрасная картина, жёлто-пёстрого дворца / Беспрерывно собирались. / Шесть ханов / К дверям, словно прекрасная картина, жёлто-пёстрого дворца, / Араку и подношение подвозили, / И в счастье пребывали’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. C. 17. Л. 38]

Примечательно, что в Багацохуровском цикле отражен трансформированный рудимент закрытого родового пира, в котором не участвуют иноземцы. На таких пирах присутствуют только богатыри и Джангар:

> I песнь Б. Ц. — 59 (20) šara cōxur bumbulbaini (21) dotoroni: šarīn zurγān mingγun (22) arban xoyor bātartaiγān arzīn (23) sūri dotoroni sūn ǰirγabai ‘Внутри жёлто-пёстрого дворца / С жёлтой веры шестью тысячами и двенадцатью богатырями своими, / На пиру счастливо восседал [Джангар]’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 59]

На эпических пирах, кроме богатырей, присутствуют распорядители пиров, прислужники, музыканты, танцоры и певцы. В Багацохуровском цикле представлено наибольшее по сравнению с другими циклами эпоса количество лиц, непосредственно отвечающих за проведение пиров в ставке Джангара.

Распорядителем пиров является златоуст богатырь Ке Джилган:

> I песнь Б. Ц. — 25 (10) ūdüni xoyor mingγun ar- (11) salahggini: darγani keleqsen ügēn(12) eblen geǰi kelni arsan köndöröqsün (13) kei ǰilbang noyon axalād sūdaq ‘У двух тысяч дверных стражников, / Дарга, говорящий так искусно, / Что кожа может слезть с языка, / Это нойон Ке Джилган, возглавляя их, сидит’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

В двух песнях цикла показан богач Сунгурва, который доставляет *араку* во дворец Джангара, сродни царскому виноделу:

> I песнь Б. Ц. — 25 (14) bayn sungγurubīn bariülaqsan kītin (15) xara arzīgi … abnai ‘Богатым Сунгурвой поднесённую холодную чёрную *арзу* … взял’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

Как отмечает Р. С. Липец, наиболее значимая должность на пиру — это виночерпий. «Важность ее подчеркивается тем, что в „Джангаре“ виночерпий — отец самого прославленного батыра Хонгора, смело вступающий в пререкания с ханом ханов Джангаром» [Липец 1984: 30]. Образ виночерпия Бёке Мёнген Шигширге представлен во всех песнях цикла:

> I песнь Б. Ц. — 25 (14) kītin (15) xara arzīgi bökö mönggön šiqsarge (16) barūn öbödöq dēren abanai ‘Холодную черную *арзу* / Бёке Мёнген Шигширге / На правое колено взял’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

Пиры не обходятся без выступлений музыкантов, певцов и танцоров:

> I песнь Б. Ц. — 25 (24) dūni gerelēr dūlūlbai: (25) dungsur gerel daxaba: talbān cecenēr (26) dombor cokūlba: tangsaq gerel bosād (27) bīlibe: orčilunggīn miqmyānīgi 26 (1) cūr tata gebe ‘Дуни Герела попросили спеть, / Дунгсур Герел подхватил, / Талванг Цецен — на домбре заиграл, / Тангсаг Герел стал танцевать, / Прекраснейшего во вселенной Мингьяна попросили на сыграть на свирели’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

Главным элементом героической эпики являются воинские коллизии. Динамическим началом сюжета, соответственно и воинских коллизий, являются ультимативные требования посла антагонистов или же предсказание ясновидца об угрозе. За этим следует выбор богатыря путем жребия или самовыдвижения. Здесь же, на пиру, сообщается о времени и месте встречи богатырей-антагонистов.

Сражения и схватки богатырей

Кульминационной фазой героического эпоса является эпическое противостояние — сражения и схватки богатырей. В Багацохуровском цикле показаны две основные формы боя — богатырские поединки и сражения войск.

В богатырские схватки, непременно с равным противником, обычно вступает богатырь Хонгор:

> II песнь Б. Ц. — 22 (22) tabtei xoyor külügēn taq boltulni sōγād: daiyni (23) olon lübecīγān tai tataldād: būn sūn sūγād buγan arsun šalbūrān bulking talān (24) ebekēd: arsalanngīn sayixan mekēn γaraγād: ali sayixan idēn γaraγād: abalcaǰi yadalca- (25) ba: arā abādačildaba: ara ömnōn öndān öndān selǰi cokoldaba: öigīn dundu (26) ūlān dunnge xoyor bātur oncolduxalāni: oqtorγūgīn tibtu ulān tōsun dör- (27) bōn küdür caγān möčēren dörbö köldēd unuqsun: ai tüberēn xoyor-ni altan (28) delkēn oron doqdolba: uraγoqsan utu zanda modon orōγōrān γazar (29) sabǰi γanngxaba: abalcaǰi yadalcaǰi orkōd ‘Выстоявшихся двух скакунов путами крепко связав, / Многослойные боевые доспехи сняв с себя, / Приседая, привставая, / Штаны из маральей шкуры / К икрам закатав, / Хитрость львов проявляя, / Всю силу свою проявляя, / Схватились, / На спины закидывая, / Назад, вперёд кидая, бились. / Когда посреди леса / Горам подобные два богатыря сошлись, / До небесного материка красная пыль [поднялась]. / Когда на четыре могучих конечности припали они, / От грохота и гула золотая Вселенная содрогнулась, / Выросшие сандаловые деревья / Макушками до земли склонились, / Но не могут одолеть [друг друга]’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 22]

Если богатырь Хонгор вступает в поединок словно борец, то Джангар участвует в ином виде схваток. Так, сражение с равным ему противником Хара Кинесом — это парный бой богатырей с копьями верхом на конях, словно на рыцарском турнире:

> II песнь Б. Ц. — 31 (9) önggörēd odoqson kinesin ardasani: olon buxu cereqten ortolni: (10) nige kölēren tobiri mönngön köbcöq iškēd odba: nige kölēren tung zērdēnin (11) onngon delīni iškebe: aldar kinesīn amin ulān γolduni zöblēd: aγari (12) zandan arman xād orokobo: armin γurban mönngön šiqširgēn dūn-lē: xadan dungge (13) xaratai xan kinesīgi xamduni xadād orokobo ‘За проскочившим Кинесом помчавшись, / Пока он в гуще своего войска не скрылся, / Одной ногой на седельную серебряную подушку наступив, / Другой ногой на гриву Зерде наступив, / В славного Кинеса жизненную красную основу целясь, / Агар-сандаловое копьё метнул. / Вместе со звуком трех серебряных колец копья, / Подобного скале Хара и Хана Кинеса вместе, насквозь пронзило оно’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 31]

Также цикл демонстрирует сопротивление одного богатыря целому войску, этим отважным храбрецом может быть не только богатырь Хонгор, но и богатыри Савар и Санал:

> II песнь Б. Ц. — 30 (8) šaldaq dörbön tümen bātur möritei (9) ǰidetēgen: möridüni mordūlul ügei dabiraba ‘На лучших четыре тумена богатырей, / С копьем напал [Савар], даже не дав им сесть на коней’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 30]

> II песнь Б. Ц. — 32 (12) xurdun ulān būrulīni mini dörbön turūn möltü ese tusduq bol- (13) xani: utu zandan aram mini xuγu ese tusduq bolxuni: utusun düngge (14) ulān γol mini tas ese tusxini: edenīgi ērē baiǰi yūma salγal ügei (15) eme kūnēsü doro kekü bi gebe: amin metü sanal mini arγa ügei törö šaǰin xo- (16) yor mini čamdu geǰi zarliq bolod ‘Если резвого Улан Бурала моего четыре копыта не сотрутся, / Если длинное, как сандал, копьё моё не поломается, / Если словно нить, красная основа моя не оборвётся, / Всех до единого удержать смогу! / Смирнее женщины их сделать смогу я! — сказал. / — Дорогой, как жизнь, Санал мой! / Другого выхода нет, / Держава и вера мои в твоих руках! — / Повелел [Джангар-хан]’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 32]

Кульминацией героического противостояния является масштабное сражение двух войск, в котором победа всегда остается за богатырями Джангара:

> II песнь Б. Ц. — 30 (29) kümüni cusun: külügīn cusun xoyortu külüq mörini öbdeqce bolba: (30) aldar kinesīn cereqni örōldöǰi

ükübe: zurγān mingγan bāturani örō̆l- (31) dŏ̈ji ükübe ‘Кровь людей и кровь лошадей стала по коленный сустав скакунам. Славного Кинеса войско наполовину полегло. Шесть тысяч богатырей наполовину полегло’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 30]

Боевые сражения богатырей с противниками названы Е. М. Мелетинским «специфическим проявлением богатырской энергии», которая «направлена не на поиски приключений и стычек с противниками, а приводится в действие определенной ситуацией: богатырь должен спасти себя или других людей, которые часто связаны с ним кровными узами или просто ищут у героя защиты. Совершаемые богатырем действия в основном соответствуют эпическим целям, имеющим в той или иной мере коллективистский характер» [Мелетинский 2004: 341–342].

Выводы. Эпический нарратив Багацохуровского цикла (1853–1862 гг.), являясь по характеру героическим, основывается на архаическом мотивном фонде, что подтверждается при рассмотрении такой темы, как воинские коллизии. Сюжеты и мотивы данной темы, по сути, являются симбиозом архаических и героических линий. Прологи песен цикла сформированы в рамках мифологической интерпретации событий, а сюжеты песен, хотя и посвящены подвигам богатырей, что определяет воинский, героический характер цикла, еще зависимы от волшебно-мифологических мотивов. В герое-воине еще прослеживаются рудименты образа героя-первопредка. Отсутствует одно из важных звеньев героического эпоса — мотив чудесного рождения героя и героического детства. Богатырский конь и оружие все еще являются предназначенными, а последнее к тому же осуществляет функции вместилища внешней души богатыря. Эпический фон также двояк, если в прологе — это эпоха первотворения, то в сюжете — это время консолидации различных этносов. Можно сказать, что Багацохуровский цикл эпоса «Джангар» отражает переход от «малой» эпической формы к «большой», эволюцию от первоначального ядра архаического эпоса к завершающей «концентрической» циклизации эпоса героического.

Источники

РО БВФ СПбГУ — Рукописный отдел Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Olon bum burxan üde dumduni üdelegsen… (= Сотни тысяч бурханов в полдень пребывают в покое…) (Рукопись на ойратской письм.).

НА РГО — Научный архив Русского географического общества. Песни и сказки Калмыцкого народа Астраханской Губернии Багацохуровского улуса // Оп. 1. Разряд 53. Д. 15. (Рукопись на ойратской письм.).

Литература

Дампилова, Хабунова 2020 — *Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э.* Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре // Научный диалог. 2020. №. 7. С. 241–253.

Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 154 с.

Кичиков 1997 — *Кичиков А.Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

Sources

Kalmyks of BagatsokhorovskyUlus, Astrakhan Governorate: Songs and Folktales. At: Russian Geographical Society, Scientific Archive. Cat. 1. Ser. 53. File 15. (In Oir.).

Olon bum burxan üde dumduni üdelegsen: Hundreds of Thousands of Burkhans Rest in Peace at Noon. At: St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies (Library), Manuscript Department. Calm. C. 17. File 1770. Pp. 1–28. Lines 30–31. (In Oir.)

Литература

Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 262 с.

Манджиева 2020 — *Манджиева Б. Б.* Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2020. №. 3 (54). С. 322–334.

Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.

Неклюдов 2015 — *Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с.

Петров 2007 — *Петров Н. В.* Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.

Путилов 1999 — *Путилов Б. Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 288 с.

Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.

Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В.* Мотив одиночества в ранних циклах эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2020. № 3 (19). С. 55–62.

Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СК НЦ ВШ, 2006. 256 с.

Ясон 2002 — *Ясон Х.* Модели и категории эпического нарратива / пер. с англ. И. Л. Тумаркиной, А. В. Козьмина // Живая Старина. 2002. № 2. С. 6–8.

References

Dampilova L. S., Khabunova E. E. The plot of heroic battle in Buryat versions of Epic about Geser. *Nauchnyi Dialog* (*Scientific Dialogue*). 2020. No. 7. Pp. 241–253. (In Russ.)

Jason H. Models and categories of epic narrative. I. Tumarkina, A. Kozmin (transl.). *Zhivaya Starina*. 2002. No. 2. Pp. 6–8. (In Russ.)

Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle. Comparative Insight into Ethnic Versions. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education, 2006. 256 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Investigating the Heroic Epic of Jangar: Issues of Historical Poetics. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 154 p. (In Russ.)

Lipets R. S. Epic Traditions of Turko-Mongols: Images of the Hero and His War Horse. Moscow: Nauka, 1984. 262 p. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. Plot motifs in jangarchi Teltya Lidzhiev's epic repertory. *New Philological Bulletin*. 2020. No. 3 (54). Pp. 322–334. (In Russ.)

Meletinsky E. M. Genesis of Heroic Epic: Earliest Forms and Archaic Monuments. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 462 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Poetics of Epic Narrative: Space and Time. Moscow: Forum, 2015. 216 p. (In Russ.)

Petrov N. V. Plot and Motif Structures of the Russian Epic: Models of Epic Narrative. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.)

Putilov B. N. Theory and History of the Slavic Epic: Introducing Notes. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 288 p. (In Russ.)

Seleeva Ts. B. Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar: Thematic Index. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)

Ubushieva D. V. The motif of loneliness in the early cycles of the Jangar epic. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series 'Epic Studies'*. 2020. No. 3 (19). Pp. 55–62. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1465–1475, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1465-1475
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 398.22
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1465-1475

Средства создания эпического образа синьцзян-ойратской версии «Джангара»

Цаган Бадмаевна Селеева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
0000-0002-3285-3038. E-mail: tsagana007@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Селеева Ц. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* Стилю героического эпоса свойственны эпические формулы-сравнения, выполняющие важные идейно-стилистические функции, придающие образную выразительность поэтическому языку эпоса. *Целью* настоящего исследования является рассмотрение сути художественной выразительности эпических образов, в основе которой лежит сопоставление их с конкретными явлениями и объектами окружающего мира. *Результаты.* В ходе исследования выявлено, что прием сравнения в эпической поэтике синьцзян-ойратской версии «Джангара» является довольно устойчивым. Одной из важных особенностей является то, что выразительность эпических образов построена на сравнениях с объектами животного и растительного мира, явлениями окружающей действительности, знакомыми и близкими мироощущению кочевника-скотовода. Сравнения эти основаны на простом параллелизме: характер и внешность, поступки и действия героя-богатыря сопоставляются с явлениями природы и животного мира, соотносятся с национальными мировоззренческими представлениями монгольских народов. Предметные сопоставления связаны с элементами кочевого быта, по которым можно судить о той среде, в которой жили создатели эпоса, их быте и занятиях. Семантика эпических образов синьцзян-ойратской версии «Джангара» конструируется на архетипических символах и концептах монгольской эпической общности.

Ключевые слова: эпос «Джангар», эпические сравнения, формулы-сравнения, стилистика и поэтика эпоса, поэтические тропы, объект сравнения, художественный прием, эпический образ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Селеева Ц. Б. Средства создания эпического образа синьцзян-ойратской версии «Джангара» // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1465–1475. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1465-1475

UDC 398.22
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1465-1475

Xinjiang Oirat Version of the *Jangar* and Its Epic Images: Means of Artistic Expression

Tsagana B. Seleeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
0000-0002-3285-3038. E-mail: tsagana007@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Seleeva Ts. B., 2020

Abstract. *Introduction.* The study of stylistic features inherent to national epic narratives is one of the most relevant areas of modern folklore research. Of particular research interest — in terms of identifying distinctive and typological features of the artistic style — is the epic of *Jangar* and its ethnic versions (Xinjiang Oirat and Kalmyk ones). The poetic language of the epic is rich and diverse in the use of various means of depiction. The style of the heroic epic is characterized by epic formulas-comparisons that perform important ideological and stylistic functions, add figurative expressiveness to the poetic style of the epic. *Goals*. The study aims to identify and highlight the stereotypical and original features in the style of the Xinjiang Oirat version of the *Jangar*, consider the essence of artistic expression of epic images, their portrait characteristics, actions based on comparisons with specific phenomena and objects of the surrounding world. *Results*. The study reveals that the method of comparison in the epic poetics of the Xinjiang Oirat version is dominant and quite stable. One of the important features of comparisons is that the expressiveness of epic images and their individual elements are based on objects of the animal and vegetable worlds, phenomena of the surrounding reality, familiar and close to the worldview of a nomad/pastoralist. These comparisons are derived from a simple parallelism — the character and appearance, actions and deeds of the hero are compared to phenomena of nature and the animal world, correlate with the national worldview of the Mongolic peoples. Subject comparisons are related to elements of the nomadic way of life, which can be used to reconstruct the environment in which the creators of the epic lived, their life and occupations. Comparisons very often take a hyperbolic tone, which gives an emotional and expressive color to epic images. The comparative-typological analysis comparisons traced in the Xinjiang Oirat and Kalmyk versions makes it possible to conclude that there are evident typological correspondences within the national epic system and the epic community as a whole. Semantics of epic images of the Xinjiang Oirat version is constructed on archetypal symbols and concepts of the Mongolian epic community.

Keywords: Jangar epic, epic comparisons, comparison formulas, stylistics and poetics of the epic, poetic paths, object of comparison, artistic technique, epic image

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Seleeva Ts. B. Xinjiang Oirat Version of the *Jangar* and Its Epic Images: Means of Artistic Expression. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1465–1475. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1465-1475

Введение

Исследование стилевых особенностей национального эпического повествования — одно из актуальных направлений современных фольклорных исследований. Раскрытие стилевых особенностей произведения, по мнению А. В. Кудиярова, позволяет наглядно представить его художественную природу, уловить общетипологические и отличительные черты культуры, в которой складывалось рассматриваемое произведение. Конкретные категории художественного стиля в национальной традиции проявляются оригинально и в то же время однородно и однотипно с традициями близкородственных или исторически сопредельных народов (т. е. межнационально), а также сходно или обще с традициями отдаленных народов (т. е. общетипологически) [Кудияров 2002: 4]. Особый исследовательский интерес в плане выявления самобытных и типологических черт художественного стиля представляет эпос «Джангар» в его национальных версиях (калмыцкой и синьцзян-ойратской). Синьцзян-ойратская версия «Джангара» имеет общий генезис с калмыцкой версией, поскольку обе своими корнями восходят к монгольскому эпическому пласту, поэтому вполне закономерны вероятные стилистические и семантические схождения внутри общей традиции.

Стилеобразующие факторы и поэтико-стилевые приемы калмыцкого эпоса «Джангар», наряду с классическими эпическими памятниками сибирских тюрков и монголоязычных народов, исследованы в фундаментальном труде А. В. Кудиярова «Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири» [Кудияров 2002]. Рассматривая стилевое своеобразие тюрко-монгольского эпоса, А. В. Кудияров отмечает его особый репрезентативный стиль, где лексика, с точки зрения стилевого разграничения, ощутимо разделяется на уровни «обычного» и «высокого» словоупотребления и непосредственно связана с иерархией и особым статусом персонажей. Такая избирательность лексики в эпических произведениях монголоязычных народов выдерживается в качестве стилевой нормы и опирается на многовековые традиции речевого этикета [Кудияров 2002: 279].

Рассмотрению поэтических и стилистических особенностей калмыцкого «Джангара» посвящены исследования Н. Ц. Биткеева, Н. Б. Пюрвеевой, Е. Э. Хабуновой [Биткеев 1990; Пюрвеева 2003; Хабунова 2006]. Н. Ц. Биткеев подчеркивает необходимость сравнительно-типологического анализа художественной структуры песен национальных версий «Джангара», что позволяет выявить закономерности эпической системы и объяснить их природу, определить роль анализируемого поэтического приема в эпическом контексте [Биткеев 1990: 131]. Рассматривая роль тропов в стилистике и поэтике эпоса, автор замечает, что они часто выступают во взаимодействии друг с другом, выполняя определенную художественную функцию в раскрытии тематики эпоса и роль «строительного материала» [Биткеев 1990: 137].

Историко-типологическое исследование поэтики «Джангара» в контексте калмыцкой традиции предпринято в работе Н. Б. Пюрвеевой [Пюрвеева 2003]. В поэтической стилистике калмыцкого эпоса важное место автор отводит функциональной роли художественно-изобразительных средств, которые, выполняя значительную идейно-эстетическую нагрузку в развитии сюжетной линии, являясь продуктом специфического художественного мышления, призваны оказать действенное воздействие на фабульную структуру произведения, раскрывая более четко и более выразительно всю сущность характера, событий и явлений [Пюрвеева 2003: 222].

Используя экспериментальный подход В. М. Гацака к теории художественных констант, Е. Э. Хабунова исследует поэтико-стилевую общность национальных версий «Джангара». Посредством поэтических констант разрабатываются типология эпической традиции монгольских народов и подходы к изучению поэтико-стилевой системы, отображающей основные этапы богатырского жизненного цикла (рождение, женитьба и богатырский подвиг эпического героя) [Хабунова 2006].

Поэтический язык эпоса богат и разнообразен по использованию различных средств художественной изобразительности и обусловлен уровнем национального миросозерцания и поэтического мышления народа. Поэтическому стилю героического эпоса свойственны устойчивые формулы-сравнения, придающие повествованию характерный колорит. Сравнение как художественный прием является одним из ярких средств образной выразительности и распространенной формой художественного описания в калмыцком эпосе «Джангар». Образное сравнение основано на семантическом сходстве и характеризуется наличием слова, выражающего идею подобия [Егорова 2002: 85]. «Образ сравнения отражает национальное мировосприятие: отбор образов происходит в соответствии с нравами и обычаями народа, особенностями его культуры и истории» [Огольцев 2001: 5].

В кратком обзоре, посвященном художественным особенностям «Джангара», Н. Ц. Биткеев рассматривает поэтические тропы, в том числе и сравнения, способствующие яркой обрисовке героических характеров богатырей, а также обращает внимание на предметные сравнения, отражающие быт кочевника [Биткеев 1990: 138–139]. Функции сравнений в структуре калмыцкого «Джангара» более подробно изучены Н. Б. Пюрвеевой [Пюрвеева 2003: 113–134]. Автор дифференцирует сравнения по двум типам — сопоставление производится по целостному представлению и по действию, когда образные сравнения построены не на сходстве, а даны по результату действия, по отношению к нему [Пюрвеева 2003: 128].

Материалы и методы исследования

В этой связи актуальным представляется рассмотрение характерных особенностей эпических сравнений синьцзян-ойратской версии «Джангара» [Джангар 2005; Джангар 2006], придающих образную выразительность поэтическому стилю и языку эпоса.

Выявление и освещение стереотипных и оригинальных черт стиля синьцзян-ойратской версии «Джангара» в сравнительно-типологическом аспекте с калмыцкой версией представляется необходимым, поскольку позволит нам увидеть определенные закономерности в рамках национальной эпической системы и эпической общности в целом.

Образ рожденного Джангара и мифологическое время первотворения

Древнейшие истоки образа Джангара связывают его с первопредком, родившимся в мифические «начальные времена», на заре мироздания. Формула начальных «ранних времен» — типичный зачин, повторяющийся у самых различных народов в мифе и эпосе [Мелетинский 1998: 383]. В синьцзян-ойратской версии рождение героя соотносится и сравнивается с мифологическим временем первотворения:

Эрднин экн цагт төргсн,
Эн бурхни шажңн үүдх цагт һаргсн,
Һазад далаг
Һазаһасн эргн бульглжң бәәтл һаргсн,
Һалвр зандн модн
Нәәтг цагт төргсн <…>.
[Джангар 2005: 123]

‘Рожденный в начальное драгоценное время,
Когда зарождалась вера в бурханов,
Рожденный, когда воды внешнего океана,
Бурлили с внешней стороны,
Рожденный, когда волшебное сандаловое дерево,
Было молодым’[1].

Первые строки одного из вариантов прологов (в рукописи их три) к главе десятой калмыцкой версии Ээлян Овла также повествуют о рождении Джангара в «начальные ранние времена»:

Эртин экн цагт һаргсн,
Эн олн бурхдын шажңн делгрх цагт һаргсн.
[Джангар 1990: 10]

‘В начале ранних времен,
В пору распространения веры в бурханов родился’.
[Джангар 1990: 196]

Биографическое «начальное» время Джангара приурочено к мифологическому — времени космогонического творения, упорядочивания хаоса, когда герой самим

[1] Перевод цитат из синьцзян-ойратского эпоса на русский язык здесь и далее автора данной статьи Ц. Б. Селеевой.

актом рождения порождает космизирующий процесс. Вместе с тем время рождения Джангара и космогоническая тема осмысляются через архетипические образы буддийской картины мира, сложенные под влиянием индо-тибетской традиции: время зарождения веры бурханов, внешний океан, волшебное сандаловое дерево. Эпическое действо в национальных версиях «Джангара» соотносится с эпохой самых ранних мифологических времен. Вероятно, что архаические представления о первотворении были контаминированы с представлениями о начале историко-эпической эпохи, относимой к распространению буддизма в XVII в. [Кичиков 1997: 20]. Волшебное сандаловое дерево или дерево Галбурвас, исполняющее желания, в эпосе является сказочным эквивалентом мирового древа [Неклюдов 2000: 248]. В буддийской космологии образ «внешнего океана» или «внешнего гигантского моря» представлен четырьмя морями, омывающими материк Замбутив — южный, населенный людьми континент, являющийся в эпосе центром мира. «В устной поэтике монголоязычных народов, как и в письменной, восходящей к средневековью, Замбутиб — традиционное обозначение всей земли (иногда — всего мира)» [Кудияров 2002: 297]. Обратим внимание на то, что «здесь в весьма выразительных формах обнаруживается синтез архаической космогонии шаманского типа и космогонии буддийской, вообще характерной для монгольского фольклора» [Неклюдов 2019: 99].

В национальных версиях эпоса образ «рожденного Джангара», человека-первопредка, полистадиален и относится к разным эпохам, отражая тем самым мотивы архаической мифологии, шаманские и буддийские представления, причем подобная гетерогенность, по мнению С. Ю. Неклюдова, является одним из механизмов формирования весьма «цельного» эпического образа [Неклюдов 2019: 89].

Образ правителя Джангара в соотношении с мифологическими символами животных

Образ правителя Джангара в синьцзян-ойратской версии, восседающего на львином троне, подчеркивается эталонным сравнением с орлом: *Бадмин Герл бодң босад: /— Алдр нойн богд Жаңһр та, / Арслң ширə деерəн суухла, / Хан һəрдин бəəдлтə санж та* ‘Вепрь Бадмин Герел встал: / — Славный нойон богдо Джангар, / Когда Вы восседаете на своем львином троне, / То подобны орлу’ [Джангар 2008: 136]. Трон Джангара является олицетворением идеи центра мира, который характерен для буддийской традиции. Львиный трон, по четырем сторонам света имеющий изображения львов, символизирует вселенскую власть, как и сам Джангар, символизирующий вселенского государя.

Величественный образ правителя усиливается за счет двух наиболее распространенных мифологических символов животных: самого могучего в мире зверей (льва) и самого сильного в царстве птиц (орла). Образ Джангара отождествляется с орлом — священной и почитаемой птицей в традиции центральноазиатских народов, именуемой *Хан шовун* (‘Царь птиц’) — и его символическими чертами. Ойратское и калмыцкое *һəрд* (‘орел’, ‘царь-птица’) восходит к санскр. garuda — названию владыки птиц и олицетворению света в древнеиндийской мифологии и эпосе [Кудияров 2002: 305].

Джангар в синьцзян-ойратской версии сравнивается с величественным орлом, имеющим солярную коннотацию, а в калмыцкой версии — с солнцем и луной. Во многих традициях орел ассоциируется с солнцем и символизирует победу и верховную власть, он несет счастье и покровительство целым народам [Иванов, Топоров 2000: 258]. Исследователи древнемонгольской религии выделяют особое почитание огня и солнца, где огонь воспринимается как «земное солнце» [Пространство… 2008: 20–21].

Образы атрибутов и символов власти (бумбайского знамени и дворца)

Ханского величия исполнен сам Джангар, атрибуты и символы власти, принадлежащие его державе, также обладают особым статусом. Так, золотистое желто-пестрое знамя символизирует победу, завоевание, силу, сплоченность и идентификацию Бумбайской державы. Образ знамени в традиции многих народов трактуется в ключе космических коннотаций: древко знамени осмысляется как аналог мировой оси (axis mundi). Его исключительная ценность и значимость как символа державной власти подчеркивается его величием:

Өнтрһүн гүүнд көвлзгсн	‘Вознесенный в небо,
Орг шарха үүлнлә	С желтоватыми облаками
Оралдн киисгсн	Сплетающийся, развевающийся
Шар цоохр тугиг авад өгв гинә.	Желто-пестрый стяг вручил.

[Джангар 2006: 44]

В эпосе знамя как священный символ власти соотнесено с небом и воспринимается как знак, приносящий победу Джангару.

Дворец Джангара является одним из символов ханской власти и центром мироздания, воспроизводящим собой вселенную в ее микрокосмическом масштабе. Могущество правителя в синьцзян-ойратской версии передается через величественный облик дворца, высота которого доходит до Неба-*Хурмасты*:

Богд нойн Җаңһрин	Богдо нойона Джангара
Бамбла юуһинь келвл,	Если говорить о дворце,
Хурмстн теңгрин	Неба-*Хурмасты*
Көвкһр цаһан үүлнлә	Пушистых белых облаков
Хуслдулн бәргсн<...>.	Касаясь, возведен <…>.

[Джангар 2006: 76]

Хурмаста (от имени древнеиранского бога в религии зороастризма Ахурамазда) — верховный глава добрых к людям небожителей-тэнгриев добуддийского пантеона монголоязычных народов [Кудияров 1988: 129]. Сакрализованные эпические образы бумбайского стяга и дворца являются символами центра мира и объединяют разные миры в вертикальном членении мира, достигая тем самым неба.

В прологах калмыцких циклов Ээлян Овла и малодербетовском процесс воздвижения дворца правителя Джангара уподобляется космизирующему действу. У Ээлян Овла замысел воздвигнуть дворец до неба отвергается мудрецом Алтаном Чеджи как слишком дерзкий. «Честолюбивый замысел воздвигнуть дворец, «которого под солнцем нет“, заранее корректируется — иначе „владыке-нойону Джангару не будет добра“, то есть дерзость, очевидно, чревата гневом небесного божества, чего удается избежать» [Неклюдов 2005: 130].

Образы эпических богатырей

Джангар-хан — воплощение идеала справедливости, он защищает свое государство от врагов. Богатыри стремятся служить ему верно и преданно. Один из главных воинов-богатырей — это герой Хонгор, образец непобедимости и отваги, огромной преданности своему хану и родной державе. Значимость и ценность Хонгора наглядно иллюстрирует эпизод, в котором Джангар выражает ему признательность, акцентируя внимание на сущностных особенностях метафорических образов:

Көгшн нойн богд Җаңһр:	‘Старый нойон богдо Джангар:
— Өрлә сөөһин зүүдн болгснХоңһр мини,	— Утром ночным сновидением ставший Хонгор мой,
Өөкн дотрк бөөр болгсн Хоңһр мини,	В жиру печенью ставший Хонгор мой,
Өндгн дотрк уург болгсн Хоңһр мини,	В яйце желтком ставший Хонгор мой,
Харңһу сөөд нүдн болгсн Хоңһр мини,	В темной ночи глазами ставший Хонгор мой,
Халта дәәснд дарңх болгсн Хоңһр мини!	В огне сражений защитником ставший Хонгор мой!’

[Джангар 2006: 285].

[*Увҗин Улан Хоңһр*]	‘[Увджин] Улан Хонгор,
Көндә хадын дууран болгсн,	Пустынных скал эхом ставший,
Көгшн бухин шүлсн болгсн <...>.	Старого буйвола слюной ставший <…>’

[Джангар 2006: 294]

Для Бумбайской державы сильнейший из львов-богатырей Хонгор является оплотом и щитом, а для самого Джангара — защитником. Хонгор сравнивается с «яйцом в желтке» и «печенью в жиру», что весьма символично, поскольку печень, по представлениям монгольских народов, — важный внутренний орган, считающийся средоточием сущности и символом родственной связи.

Об особой близкородственной связи Джангара и Хонгора свидетельствует эпизод побратимства в сюжете «Об Алтане Чеджи», а также наблюдается «свободное распределение сюжетных ролей межу ними (например, спасать может и Хонгор Джангара, и Джангар Хонгора)» [Неклюдов 2019: 228].

Образы богатырей в эпосе характеризуются через физические данные, где соматика (руки, грудь, глаза и т. п.) сопоставляется с различными явлениями и предметами. Белая грудь Хонгора метафорически уподобляется ларцу с драгоценностями, наполненному такими ценными качествами, как ум, мудрость, чистота помыслов:

Арг Улан Хоңһрин ‘Благородного Алого Хонгора
Авдр цаһан чееж <...>. [Словно] ларец, белая грудь <…>’
[Джангар 2006: 352]

Величина ладони мудреца и предсказателя Алтана Чеджи сравнивается с «зажиточным хотоном», а его глаза провидца — с чашей:

Байн Күңкән Алтн Чееж баавни ‘Богатый мудрец Алтан Чеджи
Байн әәлин хотни чинән Размером с зажиточный хотон
Балвһр улан альхан делгәд <...>. Раскрыл красную ладонь <…>’
[Джангар 2005: 529]

Алтн Чееж баав ‘Баава Алтан Чеджи,
Алтн цондг деер һарад На золотой столб взобравшись,
Аһин чинән алг нүдәрң Пестрыми глазами, что размером с чашу,
Алтн делкә Замбутивиг Золотые просторы Замбутива
Арвн һурв эргүләд хәләһәд ирхлә <...>. Тринадцать раз обозрел <…>’
[Джангар 2006: 50]

Через сравнение с беркутом подчеркивается такое важное качество богатыря, как зоркость глаз:

Киитн хар нүдән ‘Холодные черные глаза свои
Нааран-цааран найн хойр татж арчад, Восемьдесят два раза протерев,
Дөнн бүргдин нүд һарһад Взором четырехлетнего беркута
Дөрвн җилә һазриг хәләһәд ирхләни Расстояние в четырехлетний [путь] обозрел’
<...>.
[Джангар 2006: 291]

Данное сравнение неслучайно, поскольку птица беркут обладает чрезвычайно острым зрением и может видеть добычу на расстоянии нескольких километров. Беркуты высоко ценились монголами как хищные ловчие птицы. Об этом и пример из эпоса, где скорость аллюра богатырского коня сравнивается с нападающим на добычу беркутом:

Бурхн Бор Һалзн дааһн чиг ‘Даже божественный двухлетка Боро Галзан,
Бүргд шүүрч бәәх мет <...> Словно нападающий [на добычу] беркут, <…>
Дүүләд нисгсн шоңхр мет шуугад <...>. Скакал аллюром, словно летящий сокол <…>’
[Джангар 2006: 49]

Ситуация богатырской встречи

Образ богатыря в эпосе представлен не только через характеристики внешнего плана, но и посредством его действий и поступков. Переполнение героя исполинской энергией подвигает его к поискам встреч с достойным соперником, с которым он ищет повод помериться силами. Эпизод встречи богатыря с представителем враждебной стороны демонстрирует дуальность эпического мира. Эпический мир дуалистичен по своей сути — это мир героя и его врагов. Герой часто ищет враждебно настроенного соперника, причем такие поиски сопровождаются дерзкими речами и поведением человека, уверенного в своем физическом превосходстве:

Үрн салькн идгсн,	Изъеденный ветром,
Төөргсн бух болгсн,	Словно заблудший бык,
Төшгсн һодль болсн	Словно вольно пущенная стрела,
Хоха муха хожһрчи	Паршивый плешивец,
Хамаһас хааран йовж йовначи?	Откуда и куда держишь путь?
[Джангар 2006: 52]	

Ситуация богатырской встречи в сказочно-эпической традиции имеет свои особенности, — богатыри справляются о родоплеменной принадлежности друг друга, при этом они бахвалятся, всячески превознося свои боевые качества и высмеивают врага.

Чаще всего путник оказывается потенциальным противником, это наглядно подтверждается в его ответной реакции, проявленном недовольстве, раздражении и гневе:

[*Догшн Хар Сөнңкә*]	[Свирепый Хара Сёнякя,]
Буур мет шүдән хәврәд,	Словно верблюд, заскрежетал зубами,
Бар мет бачкнад	Словно тигр, рыча,
Богд нойн Жаңһрта	С богдо нойоном Джангаром
Баралһад мендлв гинә.	Неприветливо поздоровался, говорят.
[Джангар 2006: 340]	

Недоброжелательное отношение незнакомца к герою-богатырю передается через сравнения, описывающие поведение животных: скрежет зубов верблюда и рычание тигра, означающие готовность к схватке. Богатырь в свою очередь иносказательно предлагает сопернику сразиться в безлюдном пустынном месте, проводя образную параллель с куланом и лебедем, вынужденными покинуть свое потомство:

Чи бидн хойр энд бәрлдвл	Ты и я давай здесь сразимся,
Хулн тек унһнасн сална,	Как кулан разлучается со своим потомством,
Хун шовун өндгнәсн сална	Как лебедь разлучается с яйцами.
[Джангар 2006: 277].	

Представление о героическом в эпосе реализуется, прежде всего, в действии, в богатырском подвиге. Поиск достойного соперника, с которым можно помериться силами, и стремление найти применение своей богатырской энергии, ищущей выхода, приводят героя к единоборству с противником. Эпический конфликт, зародившийся в диалоге двух богатырей, как правило, продолжается в ситуации прямого столкновения в богатырском поединке.

Объектами сравнения в эпосе довольно часто выступают представители животного мира, выступающие в мифопоэтическом сознании одним из вариантов мифологического кода и способом постижения человеком самого себя и окружающей природы. «Роль животных, как и вообще анимального (зооморфного или териоморфного) элемента, в мифологии исключительно велика. Животные в течение длительного времени служили некой наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могли использоваться как определенная модель жизни человеческого общества и природы в целом. В этом смысле использование образа животного в эпосе продолжает архаическую традицию» [Топоров 2000: 440].

Эпический поединок

Сравнения с представителями животного мира способствуют эмоционально-экспрессивной окрашенности богатырского поединка в синьцзян-ойратской версии, где поведение богатырей в поединке сравнивается с повадками верблюдов и быков во время столкновения друг с другом:

Таш-баш бәрлдәд,
Буур кевтә шөргәлдәд,
Бух кевтә олилад одв гинә.
[Джангар 2006: 294]

‘Схватились,
Словно верблюды терлись,
Словно быки бегали, говорят’

Характерной чертой эпических сравнений является принятие ими гиперболического оттенка. Посредством гипербол-сравнений описываются наиболее выдающиеся качества сражающихся в поединке богатырей — их бесстрашие, сила и мощь. Это и камни-валуны, что размером с барана и корову, которыми бьются богатыри, и прием удара коленом, подобного наковальне, используемый в решающий момент схватки, и капающие громадные капли пота из-за усилия при натяжении лука, что размером с барана:

Хөн цаһан чолуһар цоклцад, <...>
Үкр хар чолуһар цоклцад <...>.
[Джангар 2006: 188]

‘Размером с барана белыми камнями били, <…>
Размером с корову черными камнями били <…>’

Дөш болгсн өвдгәрн өвдгләд <...>
[Джангар 2006: 191]

‘Коленом, подобным наковальне, придавил <…>’

Эркә хумха хойрасн
Эр хөөни толһан чинән
Шүүс һооҗулад, татад оркхла <...>.
[Джангар 2006: 48]

‘С большого и указательного пальцев
Размером с баранью голову
Закапал пот, когда натянул [лук] <…>’

Магическая неуязвимость богатырей в одном из эпизодов, описывающем их тщетные попытки срубить мечами головы друг друга, изображается скольжением мечей и сравнивается со сложным процессом рубки льда:

Кен кенәнни
Бурхн сәәхн толһаг чавчлцад үзхлә,
Мөс чавчгсн мет мөлтрәд,
Хад чавчгсн мет хальтрад бәәҗ гинә.
[Джангар 2006: 292]

‘Друг друга
Божественные прекрасные головы стали рубить,
Словно рубили лед, выскальзывали [мечи]’
Словно рубили скалы, соскальзывали [мечи], говорят.

В эпическом тексте уделяется особое внимание характеристике оружия богатыря, его различные свойства актуализируются при помощи сравнений. Так, чтобы добиться наилучшей выразительности при передаче героики богатырского поединка, его оружия, в качестве объектов сравнения привлекаются различные предметы и понятия:

Цааснас нимгн,
Цаснас цаһан
Хурш болд үлд <...>.
[Джангар 2006: 44]

‘Тоньше бумаги,
Белее бумаги,
Острый стальной меч его <...>’

Преодоление пути богатырем

Наряду с путевыми встречами и богатырскими поединками уделом эпического героя является преодоление и освоение пути в неизведанное пространство. Преодолевая препятствия и прокладывая путь, герой проходит определенные инициации. Это связано с процессом познания чужого мира и пространства, где главным помощником и неизменным спутником его выступает богатырский конь.

Преодоление пути богатырем включает

способы и характер перемещения героя в пути. Образная составляющая выявляется по отношению к богатырскому коню, ездовому животному. Так, в калмыцкой версии быстрота коня чаще всего ассоциируется со скоростью ветра, полета стрелы, а в синьцзян-ойратской версии — со скоростью бега тушканчика:

Салькн Тавг баатр һарн
Догшн цаһан мөрндән
Харһан очн мет өсрн мордад,
Хагин цаһан ялмн мет хагдулад <…>.
[Джангар 2006: 168]

Богатырь Салькин Таваг, выйдя,
На буйного белого скакуна своего,
Словно искра от доски, вскочил в седло,
Словно солончаковый белый тушканчик, помчался <…>.

Бег коня связан с мифологическими представлениями о строении Вселенной и ее частях. Он описывается как космический катаклизм: сотрясается и приходит в движение материк Замбутив, рушатся горы, реки выходят из берегов, с ускорением бега коня сыплется железный град:

Захин модн нәәхлгсн болад,
Замбутив догдлад көдлгсн болад,
Уул, огчн нургсн болад,
Усн, һол шуугсн болад,
Йовад одв гинә
[Джангар 2006: 49].

‘Деревья на окраинах словно колыхнулись,
Замбутив затрясся и словно пришел в движение,
Гора в долине словно рухнула,
Воды и реки словно забурлили.
Так он скакал, говорят’

Көк һалзн күлгни
Нег түргәд оркхла,
Торм темәни хорһсни төстә
Төмр мөндр асхрад <…>.
[Джангар 2006: 221]

‘Скакун Кёке Галзан
Едва ускорил свой бег —
Размером с катышек двухлетнего верблюжонка
Посыпался железный град <…>’

Заключение

Художественные изобразительные средства, использованные в синьцзян-ойратской версии «Джангара», являются довольно устойчивыми. В эпических сравнениях обнаруживаются элементы национальной ментальности, представляющие собой совокупность мировоззренческих представлений. Одна из важных особенностей сравнений, придающих выразительность эпическим образам, в том, что они построены на сопоставлении с объектами животного и растительного мира, явлениями окружающей действительности, хорошо знакомыми и близкими мироощущению кочевника-скотовода. Предметные сопоставления связаны с элементами кочевого быта, по которым можно судить о той среде, где жили создатели эпоса, их укладе и занятиях. Сравнения весьма часто принимают гиперболический оттенок, что придает эмоционально-экспрессивную окрашенность эпическому образу.

Литература

Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.

Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост., подгот. текстов, коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова; пер.: Н. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов, Ц. К. Корсункиев, А. В. Кудияров, Н. Б. Сангаджиева. М.: Наука, 1990. 475 с.

Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 т. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.

Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 т. Т. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 831 с.

Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 т. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар», 2008. 460 с.

Егорова 2002 — *Егорова О. А.* Традиционные формулы, как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки): автореф. дис. ... канд. культурол. М.: Изд-во МГУ, 2002. 23 с.

Иванов, Топоров 2000 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Орел // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. К–Я. М.: БРЭ, 2000. С. 258–260.

Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.

Кудияров 1988 — *Кудияров А. В.* Поэтико-воззренческие аспекты историзма эпоса монголоязычных народов // Фольклор. Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 127–170.

Кудияров 2002 — *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.

Неклюдов 2000 — *Неклюдов С. Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. К–Я. М.: БРЭ, 2000. С. 170–172.

Неклюдов 2005 — *Неклюдов С. Ю.* Дворец хана Джангара: к типологии одного мотива // Исследователь монгольских языков (к юбилею Б. Х. Тодаевой). Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 124–133.

Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Мелетинский 1998 — *Мелетинский Е. М.* «Общие места» и другие элементы фольклорного стиля в эддической поэзии // Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М.: РГГУ, 1998. С. 382–400.

Огольцев 2001 — *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: Рус. словари; АСТ: Астрель, 2001. 800 с.

Пространство... 2008 — Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.

Пюрвеева 2003 — *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.

Топоров 2000 — *Топоров В. Н.* Животные // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. А–К. М.: БРЭ, 2000. С. 440–449.

Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СК НЦ ВШ, 2006. 256 с.

References

Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar and Its Ethnic Versions: Issues of Typology. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)

Egorova O. A. Traditional Formulas as a Phenomenon of National Culture: A Case Study of Russian and English Folktales. Cand.Sc. (cultural studies) thesis abstract. Moscow, 2002. 23 p. (In Russ.)

Ivanov V. V., Toporov V. N. Eagle. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World. Encyclopedia. In 2 vols. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2000. Vol. 2: K–Я. Pp. 258–260. (In Russ.)

Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. N. Bitkeev, E. Ovalov (comp., prep., etc.); N. Bitkeev, E. Ovalov, Ts. Korsunkiev, A. Kudiyarov, N. Sangadzhieva (transl.). Moscow: Nauka, 1990. 475 p. (In Russ.)

Jangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Elista: Dzhangar, 2005. Vol. 1. 856 p. (In Kalm.)

Jangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Elista: Dzhangar, 2006. Vol. 2. 831 p. (In Kalm.)

Jangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Elista: Dzhangar, 2008. Vol. 3. 460 p. (In Kalm.)

Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle. Comparative Insight into Ethnic Versions. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education, 2006. 256 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 319 p. (In Russ.)

Kudiyarov A. V. Epics of Siberian Turko-Mongols: Artistic and Style Traditions. Moscow: Institute of World Literature (RAS), 2002. 329 p. (In Russ.)

Kudiyarov A. V. Historicism of Mongolic epic traditions: poetic and worldview aspects. In: Folklore. Issues of Historicism. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 127–170. (In Russ.)

Meletinsky E. M. 'Common places' and other folklore elements in Eddic poetry. In: Meletinsky E. M. Selected Articles. Memoirs. E. Novik (ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 1998. Pp. 382–400. (In Russ.)

Nanzatov B. et al. Space in Traditional Mongolic Cultures. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 341 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Bookish and Oral Epic Narratives. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Khan Jangar's Palace: typology of one motif revisited. In: The Researcher of Mongolic Languages. Celebrating B. Todaeva's Jubilee. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 124–133. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Mongolic mythologies. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World. Encyclopedia. In 2 vols. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2000. Vol. 2: K–Я. Pp. 170–172. (In Russ.)

Ogoltsev V. M. Dictionary of Russian Set Comparisons. Moscow: Russkie Slovari; AST: Astrel, 2001. 800 p. (In Russ.)

Pyurveeva N. B. Heroic Epic of Jangar: Poetics. Elista: Dzhangar, 2003. 240 p. (In Russ.)

Toporov V. N. Animals. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World. Encyclopedia. In 2 vols. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2000. Vol. 1: A–K. Pp. 440–449. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 5, pp. 1476–1487, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1476-1487
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 398.8
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1476-1487

Словесно-поэтический репертуар башкирской свадьбы: прошлое и настоящее

Айгуль Мужавировна Хакимьянова[1]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-2786-3477. E-mail: aihakim@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Хакимьянова А. М., 2020

Аннотация. *Введение*. Многосоставное представление башкирской свадьбы сопровождается гармоничным сочетанием нескольких видов искусства (музыка, поэзия, хореография, театр). В ней большая роль отводится словесным и песенным состязаниям (*әйтеш*), причитаниям (*сеңләү*), благопожеланиям (*теләк*, *алғыш*), песнопениям «яр-яр», величальным и прощальным песням, такмакам, которые органично вплетаются в ход свадьбы, создавая праздничную атмосферу, придавая особую важность всему происходящему. Свадебное слово, песнопение, речитации есть непосредственно функционально связанные с ритуальными действами содержательные компоненты, и они отражают древние мифологические представления, веру в силу слова и действий. *Целью* данной работы является анализ башкирского свадебно-обрядового фольклора в единстве старинных традиций и современных нововведений. *Результаты*. Автор статьи рассматривает роль поэтических произведений в различных частях свадебного обряда. В статье прослеживается отражение эмоционального состояния невесты в различных поэтических текстах, обусловленное важностью момента перехода девушки в качественно иное состояние замужества; отмечается значимость особой смысловой нагрузки песен башкирской свадьбы для будущей семейной жизни.

Ключевые слова: фольклор, народное творчество, башкиры, свадебный обряд, музыкальная фольклористика, жанр, репертуар, слово, современность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Хакимьянова А. М. Словесно-поэтический репертуар башкирской свадьбы: прошлое и настоящее // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1476–1487. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1476-1487

UDC 398.8
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1476-1487

Verbal and Poetic Repertoire of the Bashkir Wedding: Past and Present

Aigul M. Khakimyanova[1]

[1] Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
0000-0002-2786-3477. E-mail: aihakim@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Khakimyanova A. M., 2020

Abstract. *Introduction*. Bashkir wedding is one of the most striking forms of traditional culture. Over centuries of evolution, a complex set of ideological and functional related ritual songs, actions, myths and rituals has formed as an integral festive and theatrical performance. This surprisingly unique performance (drama) reflects the worldview of the people, their poetic and musical culture, including peculiarities of social, everyday and social development. The ideology of caring for the welfare of the family and happy family future has been developed and vividly captured in the wedding rituals. Genotypic plans for the continuation of life, creating a sustainable family in order to ensure continuity and fertility of the new family member — sister–in–law — is a major determining code of the Bashkir wedding manifested in the complicated mytho-ritual complex *tui* (wedding, feast). In it, a large role is given to verbal and song contests (Bash. *әйтеш*), lamentations (*сеңләү*), good wishes (*теләк, алғыш*), '*yar-yar*' chants, magnificence and farewell songs (*takmak*s) which are organically woven into the course of the wedding to create a festive atmosphere, give special importance to everything that happens. These work of art have various and rather complex functions, since they not only accompany various moments of the wedding celebration, but also reflect ancient mythological ideas, belief in the power of words and actions. The verbal, song and action creative complex acts as a single syncretic whole with what is happening. *Goals*. The article examines the role of verbal and poetic works in various parts of the wedding ceremony. They are distinguished by a variety of texts and tunes dedicated to various moments of the wedding and ritual actions addressed to the bride and groom (mostly). *Results*. The ritual of good wishes goes back to the magic of a kind word, which in general in all types of rituals involves the structuring of events in the name of blessings and the consolidation of a happy future. The article traces the reflection of the emotional state of the bride in various poetic texts, which determines the importance of the moment of the girl's transition to a qualitatively different state of marriage; the importance of the special semantic load of the songs of the Bashkir wedding for the future family life is noted. In all cultures, edification, parting words generalize the prescriptions and rules of behavior for young people. There are two main places of well-wishes in the wedding drama: in front of the wires from the father's house (girdling) and in the groom's house (opening the face). Good wishes and edifications, pronounced in the rites of transitional meaning, represent a kind of collection of etiquette, everyday life and traditions of the people. This is the poeticized wisdom and life experience of people who want the well-being of a girl who goes into a 'foreign' environment. In a Bashkir wedding, songs of a greatness, entertaining or humorous nature are performed, which are organically included in the drama of the wedding action and become an integral part of the ceremony as a whole.

Keywords: folklore, folk art, Bashkirs, wedding ceremony, musical folklore, genre, repertoire, word, modernity
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).
For citation: Khakimyanova A. M. Verbal and Poetic Repertoire of the Bashkir Wedding: Past and Present. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1476–1487. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1476-1487

Введение

Традиционная башкирская свадьба представляет собой организованное театрализованное действо. В традиционной свадьбе тесно переплетаются магические обряды, заговоры и приговоры, песни и танцы, игры и плачи. Трехступенчатость и многосоставность брачного *туй* ‘свадьба, пир’ вполне вписывается в типологически универсальный сценарий тюрко-монгольской свадебной культуры (башкир, казахов, киргизов, алтайцев, монгол, туркмен, татар, ногайцев, узбеков и др.).

Неотъемлемой частью башкирского свадебного обряда является исполнение песен (*йыр*), такмаков[1] (*такмак*), благопожеланий (*теләк*, *алғыш*), напевных речитаций (*көйлө һамак*), мелодий (*көй*), а также приговоров (*әйтем*), многочисленных малых форм словесных маркеров (реплики, загадки, приметы, запреты и т. д.), имеющих разнообразные и достаточно сложные функции, так как они не только сопровождают различные моменты свадебного «представления», но и создают целостность многосоставного и многофункционального обряда.

Цель статьи — выявить и рассмотреть словесно-поэтические тексты в комплексе с функционально связанными с ними обрядами. Основная суть состоит в том, чтобы показать процессы трансформации, изменений и бытования свадебно-обрядового поэтического репертуара во времени. Словесно-поэтический репертуар (свадебные песни, *сеңләү* ‘причитания’, *такмаки* ‘частушки’, напевные *теләк* ‘благопожелания’, *мактау* ‘восхваления’ и т. д.) представлен в разновременной фиксации и сохранности, т. е. с XIX в. по сегодняшний день, что представляет особо важную, актуальную проблему изучения вторичного и третичного фольклора.

В качестве материала исследования выступил словесно-поэтический репертуар башкирской свадьбы в разновременных записях. Для его изучения в статье применялись сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования.

Причитания

Главным жанром башкирского *туй* ‘свадьба, пир’ являются *сеңләү* ‘причитания’. Причитание девушки перед отправлением в дом мужа называется у башкир *сеңләү*, у татар — *кыз елату* (*досл.* ‘заставить плакать девушку’) [Исхакова-Вамба 1997: 52], у казахов — *сынсыу* и т. д. и генетически связан с магией плача, с идеей перехода молодой в «чужой» мир рода жениха. Переходные моменты, «смерть, роды и вступление в брак сопровождались особым ритуалом прощания» [Еремина 1987: 28], санкционирующим по сути обновление статуса. По утверждению К. Мэргэна, первоначальной функцией *сенляу* было «прощание с „хозяевами“ оставляемой родины, получение благословения со стороны порожденных древним сознанием домовых, владыки земли и вод, а в некоторых случаях — обращение к родовому тотему с просьбой не забывать ее и не оставлять без своего покровительства» [Мэргэн 1976: 53]. Р. А. Султангареева выделяет несколько ритуальных функций *сенляу*: «плачевное самовыражение невесты как прощальное очищение перед обновлением; брачное испытание невесты и способ передачи „своей“ и „чужой“ сторон; умилостивление божеств, символичное оплакивание временной „социальной смерти“ для своего и „оживления“ для чужого рода» [Султангареева 2006: 157]. Л. К. Сальманова прощальный обряд *сенляу* связывает с поэтапным уходом невесты из родительского дома в чужой мир, изменением социального статуса невесты: «В этом церемониале прощания, по-видимому, отражается элемент эпохи материнско-правовых отношений, так как он начинается с получения невестой благословления у матери. Затем она переходит к отцу и младшим братьям и сестрам. С последними она прощается во дворе… Завершая обход, она возвращается в родительский дом, являющийся центром ее упорядоченного мира. Отсюда начинается ее поэтапный уход в чужой мир, что фиксируется повязыванием пучков нитей на матицу дома» [Сальманова 2007: 128–129]:

[1] Такмак — жанр музыкально-поэтического фольклора у башкир и ряда других народов. Такмаками называют разновидность скорой песни, припевок к пляскам. Такмаки бывают разнообразные по характеру, в том числе свадебные.

Аршын да аршын аҡ уҡа алдым
Аҡбуҙ атҡайыма дилбегә.
Илап та илап суҡ бәйләйем
Тыуған илкәйемә билгегә.
Эй-й-й.

Аршинами да аршинами белый позумент
Украсит вожжи сизого коня.
Плача-рыдая повязываю нить —
Родной земле моей на пометку.
Эй-й-й.

[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 453. Л. 325]

По специфике поэтико-образного, эмоционально-экспрессивного, функционального строя *сенляу* условно подразделяют на *сенляу-раздумья*, *сенляу-обращения* и *сенляу-обругивания* [БНТ 2010: 60]. *Сенляу-раздумья* исполнялись во время прощания с полем, когда девушка вешала свой девичий головной убор — *такию* на дерево, вокруг которого ее подружки водили хороводы. Они посвящены судьбе нареченной, родной стороне, людям, которых оставляет невеста:

Етегән тигән ете йондоҙ,
Өлкәрҙәрен ташлап китә алмай.
Ҡыҙ балаҡай ниңә илай тиһәң,
Йорт-илкәйен ташлап китә алмай.
Эй-й-й…

Большая Медведица — семь звёзд,
Плеяду свою не может оставить.
Дева юная потому и плачет,
Что родину свою не может оставить.
Эй-й-й…

[ПМА 2010:1]

Наиболее распространенными являются «укорительные» *сенляу-обращения* новобрачной к близким родственникам — отцу, матери, брату, его жене. Прощание с самым близким и дорогим, связанным с молодостью, превращается в драматическое зрелище. В этих *сенляу-обращениях* одновременно отражены чувства боли и любви, разлуки, а также упреки:

Бура ла бура ашыңды
Ашатманың да, атаҡай.
Төймәләй генә башымды
Йәшәтмәнең дә, атаҡай.
Эй-й-й…

Хлева твои полны хлебов,
Да не дал мне ты, отец.
Головушке, что с пуговку,
Не дал пожить здесь, отец.
Эй-й-й…

Ҡапҡаларҙан сыҡҡан саҡта
Пар аттары тулай башланы.
Һау бул да, әсәкәйем, тигән инем,
Барыһы ла илай башланы.
Эй-й-й…

Когда я выходила за ворота
Вруг кони стали брыкаться-играть.
Когда сказала, „прощай, мамочка",
Все стали плакать и стенать.
Эй-й-й…

[Хакимьянова, Султангареева 2018: 89–99]

Исполняемые также в последний день свадьбы *сенляу-обругивания* или корильные величания превращаются в развернутую сцену хуления (*хурлау*) жениха и его родственников. Высмеивание всех «чужих» основывалось на поверьях, по которым сквернословие предохраняет от дурного глаза:

Кейәү ҙә кейәү тинегеҙ,
Кейәүгенәгеҙ шулмы ни?
Аяғы салғы һабындай,
Ауыҙы ҡаҙан ҡабындай.

Жених да жених говорили,
Уж не этот ли ваш зятёк?
Ноги, как косовища,
Рот, как большой котёл.

[Хакимьянова, Султангареева 2018: 105–106]

Яркой и проникновенной силы образное поэтико-художественное воплощение получают откровения, построенные на осознании невозможности возвращения:

Һеҙ тиңдәштәремдән айырылһам,
Ҡауырһынҡай булып ҡайтырмын!
[БНТ 1995: 463]

Когда с вами расстанусь, подруженьки,
Перышком только вернуться смогу!

Переход в новый статус ассоциируется со встречей с незнакомым, чуждым и чужим, что, согласно логике, по самым этим показателям уже опасно:

Иламаҫ та ине, ай, ҡыҙ бала,
Сит ерҙәргә бара, юғала.
[БНТ 1995: 454]

Не плакала бы дева,
В чужие страны уходит, исчезает.

Так, по представлениям, переход этот возможен был только через прекращение добрачного существования, т. е. через умирание [Бернштам 1982: 63]. Именно в таком контексте объяснимы универсалии оплакивания девичества и плачевного расставания.

Свадебные песни

Свадебные песни жизнеутверждающего характера образуют особую группу, в которую входят песнопения «яр-яр» (*йәр-йәр*[2] или же *йәр-йәр әйтеү*), напевные благопожелания (*теләк*, *алғыш*, *батаһүҙ*) и свадебные величальные песни. Песнопения *йәр-йәр* занимают особое место в башкирской свадьбе. По сведению информантов, исполнение песнопений *йәр-йәр* приходится в основном к моменту ухода невесты из дома и встречи ее в доме свекрови:

Ҡотло күңелең менән кил,
Киленебеҙ, йәр-йәр!
Төклө аяғың менән кил,
Киленебеҙ, йәр-йәр!
[БНТ 1995: 481]

Принеси ты счастье в дом,
Невестушка, яр-яр!
С легкой ножки заходи,
Невестушка, яр-яр!

Исполнение «яр-яр» поныне сохраняется во многих свадьбах тюркских народов (таджикских, узбекских, казахских, туркменских и т. д.), их отличает жизнерадостный поздравительный тон, но они различаются в функциональном плане. Например, в казахской свадьбе «жар-жар» — это поэтический разговор, состязание между девушкой и *егетом* [Аргынбаев 1974: 68–77; Каскабасов 1985: 115–137], в туркменской свадьбе — прощальные песни во время проводов невесты в дом жениха [Абубакирова 1982: 14]. В башкирской свадьбе, как и у туркмен, исполнялись благопожелания *йәр-йәр* и причитания *йәр-йәр*. Примечательна переходная символика песнопений «яр-яр», запечатленная в башкирском свадебном обряде *ҡыҙ оҙатыу* (‘проводы девушки’). Невесту и мать разлучали таким образом: женщины обхватывали их полотенцами и тянули в разные стороны, плача и причитывая *йәр-йәр*:

Алыҫ ерҙән килдек беҙ,
Ҡыҙыл итек кейҙек беҙ.
Атаһынан-инәһенән
Айырырға килдек беҙ.
[Султангареева 2006: 166]

Издалека приехали мы,
Красные сапожки одели мы.
От отца и матери
Отлучить приехали мы.

Этот обычай сохранил древние отголоски магии вечного разрыва и неприкосновенности лиц, переходящих в разные статусы.

Некоторые образцы *йәр-йәр* представляют песни-восхваления, которые идеализируют невесту, жениха или же всю свадьбу:

[2] *Йәр* в переводе с башкирского означает ‘любимый/-ая’, ‘возлюбленный/-ая’.

Һылыуҙарҙың араһында
Бер һылыуһың, йәр-йәр.
Әхирәттәр араһында
Бер йондоҙһоң, йәр-йәр!
[БНТ 1995: 481]

Среди всех красавиц
Ты самая красивая, яр-яр.
Среди подруг ты самая
Яркая звезда, яр-яр!

Ныне песнопения «яр-яр» исполняются ради традиции (Альшеевский, Янаульский, Давлекановский р-ны Республики Башкортостан). Они поются на особом скором темпоритме, отличительном жизненном пафосе, нежели причитания.

Благопожелания

Каждый этап башкирской свадьбы сопровождается определенными обрядами с благопожеланиями (*алғыш*, *теләк*), поскольку слову придавали огромное значение. Они, как правило, исполняются говорком на несложный речитативный напев и отличаются многообразием текстов и напевов, приуроченных к различным моментам свадьбы. Выделяются основные два места исполнения благопожеланий невесте: перед проводами из дома отца (*бил быуыу* ‘опоясывание’) и в доме жениха (*бит асыу* ‘открывание лица’). Например, во время опоясывания невесты (*бил быуыу*) сноха обвязывает и произносит:

Бил, бил биләйем,
Ҡоткайыңды биләйем.
Байлығыңды бирәйем,
Бергә ҡушып бәйләйем.
Бил тиңенте биләйем,
Аҡ һүҙемде теҙәйем,
Паҡ һүҙемде теҙәйем.
Ҡырын һүҙ ҡырға китһен,
Ҡара күҙ һулға китһен.
Бил, бил биләйем,
Ҡоткайыңды бәйләйем!
[БНТ 1995: 472]

Талию, талию обвязываю,
Удачу я привязываю.
Богатство и счастье
Вместе привязываю.
Талию твою обвяжу
Светлые пожелания скажу,
Благое слово я скажу.
Плохие слова и недобрые взгляды
Пусть всегда тебя обойдут стороной!
Талию, талию обвязываю,
Удачу я привязываю!

Благопожелания и назидания — это опоэтизированная мудрость и жизненный опыт людей, желающих благополучия девушке, уходящей в «чужую» среду. Произнесением напутствий обозначалась грань между прошлым и будущим невесты [Хакимьянова, Султангареева 2018: 113]. В них отражаются как духовно-нравственные жизненные принципы, так и бытовые предписания и напутствия. Основное пожелание касается всегда плодовитости невестки:

Түлле, түлле, түлле бул,
Бүҙәнә кеүек түлле бул,
Тулғатҡаның ул булһын,
Тумырғаның май булһын.
Иренмәһәң – игеҙ тап,
Арымаһаң – ай ҙа тап,
Йыбанмаһаң – йыл да тап!
[БНТ 1995: 484]

Плодовитой будь, будь,
Словно перепелка будь,
Схватки будут — сына рожай,
То, что берешь — масло будет пусть!
Коль не лень — двойню рожай,
А не устанешь — каждый месяц рожай,
Коль по силам — каждый год рожай!

Благопожелания (*теләк*, *алғыш*) должны были произносить невестке все женщины — родственницы жениха. Согласно идее материализации доброго слова, *алғыш* «закрепляли» преподнесением даров: невестке на плечи укладывали платочки, полотенца, платки, пришивали на *елән*[3] (‘зилян’) мо-

[3] Башкирская национальная верхняя длинополая одежда с длинными рукавами и обязательно на подкладе.

нетки, на пальцы надевали кольца, на руки браслеты и т. д. Устойчивость и привлечение добрых наставлений обыгрывается таким образом: каждое слово сопровождалось ритмичным похлопыванием по плечам новобрачной.

Һоп-һоп-һоп!
Йомортҡанан аҡ бул!
Һоп-һоп-һоп!
Һайыҫҡандай һаҡ бул,
Аҡҡан һыуҙай паҡ бул!
[ПМА 2018: 6]

Оп – оп – оп!
Будь белее яйца,
Оп – Оп – Оп!
Будь осторожнее сороки,
Будь чище воды текучей!

Приезд невестки — большое событие для всей деревни, которое всегда вызывает всеобщее оживление. Свекровь подносит новобрачным мед и масло и приговаривает:

Телең балдай татлы булһын,
Күңелең майҙай йомшаҡ булһын!
Йөрөгән юлдарығыҙ аҡ,
Тормошоғоҙ мул булһын!
[ПМА 2014: 4]

Пусть речи будут сладкими, как мед,
Душа, как масло, будет мягкой!
Пусть дороги будут светлыми,
Жизнь ваша будет в достатке!

По сей день повсеместно сохраняется обряд отпугивания нечисти и злых сил, которые, по поверьям, могут увязаться за невестой: во время первого вхождения невесты во двор мужа, мужчины из его рода стреляют в воздух из ружья. Встречающим раздаются подарки невесты в виде плетеных прядей с кистями на двух концах, которые называются *ығырмау*, *ҡылысмау*, *килен ебе* (завязка, подвязка на воротнике рубахи, ниточка невесты)[3]. В Салаватском районе Башкортостана эти кисточки также называются *бәхет ебе* (‘ниточки счастья’). Во время раздачи нельзя их запутывать, иначе жизнь новобрачных будет запутанной [ПМА 2018: 7]. Особое место в обряде занимают присказки. Так, во время встречи невестки под ноги ей кидают камень, на который она должна наступить, и приговаривают: *Төшкән ереңә таш булып бат*! (‘На этом месте пусть камнем останется!’) или *Һауға батҡан таштай бул*! (‘Как в воду канувшим камнем будь!’) [ПМА 2011: 3]. Символика камня действует в значении обеспечения крепости и устойчивости.

Невозможно представить башкирскую свадьбу без песен, сопровождающих все этапы церемонии, органично включающихся в драматургию действия и становящихся неотъемлемой частью обряда в целом. В основном это были песни величального, развлекательного или шуточного характера. В величальных песнях, открывающих свадьбу и посвященных родственникам жениха, восхваляются слава и могущество сватов, доблесть их батыров и красота женщин:

Ҡоҙаҡайым, һин үҙең
Ҡашыңдан ҡара күҙең.
Хәс тә һайраған һандуғас,
Һинең һөйлгән һүҙең!
[Духовные сокровища 1992: 20]

Сват ты наш, ой, да ты,
Чернее бровей глаза твои.
Словно трели соловья
Певучи твои слова.

В культуре свадебного обряда башкир и поныне сохраняется ритуал подачи напитка гостям с посвящением песенных куплетов *йырлап кәсә биреү* (досл.: ‘подача чаши с песней’), в чашу с обрядовым напитком опускают монету:

[3] Завязка, подвязка — мифологизированный предмет. Входит в число подарков невесты, которые она раздает мальчишкам рода. Символ силы, охраняет от сглаза.

Һай!
Йүгәнһеҙ ҙә аттың йүне юҡ,
Көрәгәһеҙ ҡорҙоң ҡото юҡ.
Көмөш кенә тәңкә һалып бирҙем, ҡоҙа,
Эсмәй генә ҡуйһаң, ҡәҙер юҡ!
[БНТ 1995: 435]

Хай!
Без узды от коня и проку нет,
На столе без медка и смаку нет.
Кладу серебряную монету в чашу тебе,
Не выпьешь, сват, уваженья нет!

Тот, кому посвящается песня, допивает и берет себе монету, дав знать тем самым свое почтение. Чаще за чашу, преподнесенную с песней, полагалось ответить песней:

Юл буйында юрғалаған
Бүҙәнәнең балаһы.
Йырлап бирәм ҡоҙасаға –
Илебеҙҙең йолаһы.
[БНТ 1995: 446]

Это птенчик перепелки
Вдоль дороги семенит.
Поднесу с песней чашу свахе,
Как обычай наш велит.

Традиционные в свадебных торжествах обрядовые песни помогают установлению доверительных, дружеских отношений брачующихся сторон, в них благословляют новобрачных, восхваляют сватов, благодарят хозяев за превосходное угощение и т.д. Во время свадебного застолья часто звучат песни-поздравления и песни-благословления молодым:

Ал сәскәләр кәрәк ине,
Уны ҡайҙан эҙләргә?
Аҡ бәхеттәр, рәхәт тормош –
Теләгем шул йәштәргә.
[Сулейманов 1995: 233]

Цветы алые нужны,
Где же их искать нам?
Светлое счастье, ладную жизнь
Желаю я молодым!

Ҡотло булһын туйығыҙ,
Изге булһын уйығыҙ!
Шәп ҡунаҡтар килгән беҙгә,
Бергә булһын туйығыҙ!
[ПМА 2010: 2]

Пусть удачной будет свадьба,
Пусть добро лишь движет вами!
Замечательные гости
Веселятся вместе с нами!

Застольные песни затрагивают любые темы из жизни и непосредственно касающиеся события, ради которого собрались гости. Музыкально-поэтическая структура этих песен четырехстрочная, реже двухстрочная, с обязательным характерным припевом, который, обычно, подхватывают все присутствующие [Хакимьянова 2014: 125]. Каждое слово песни несет в себе огромную смысловую нагрузку и силу психологического воздействия.

Такмаки

Такмак в современной башкирской свадьбе является одним из мобильных и еще не потерявших актуальность жанров. Такмаки отличает искрометный юмор, огромный жизнеутверждающий пафос и эмоционально-экспрессивная выразительность [Хакимьянова 2019: 498]. Основная часть такмаков служит для шуток между гостями, а также для обличения нерадивого жениха или его приближенных. Обряд обругивания, охаивания сватов, гостей, жениха имеет место на всем протяжении башкирской свадьбы. Традиционный художественный прием в поэзии охаивания — описание внешнего облика и физических качеств конкретного свадебного персонажа (жениха, свата и т. д.) в нарочито уродливых формах:

Такыя ғына ҡурай башына
Һары ғына сыпсыҡ оялай.
Шунда торған кейәүҙең
Һаҡалына сысҡан оялай.
[Из памяти народной 2012: 118]

На макушке такии курая
Воробушек желтый гнездится.
В бороде женишка этого
Мышка ведь копошится.

Аръякта ла ҡомалаҡ,
Биръякта ла ҡомалаҡ.
Һеҙҙең яҡтың ҡоҙалары –
Ҡап-ҡара ла тумалаҡ.
[Баимов 2001: 180].

На одной сторонке хмель,
Хмель и на другой сторонке.
Сваты с вашей стороны —
Все черны и толсты.

В башкирской свадьбе такмаки сопровождают эпизоды прихода свата — *яусы килеү*, *йыуаса*, танцы сватов — *ҡоҙа бейеүе*, увеселения во время подворных хождений — *һаба йыйыу*, испытания в виде танца жениха — *кейәү бейеүе* и проводы сватов — *хуш ите*. Такмаки, посвященные обрядовому угощению *йыуаса*, являются одним из самых распространенных и устойчивых обычаев по сей день в свадебном обряде башкир:

Беҙҙең ҡоҙа хәлле икән,
Йыуасаһы баллы икән.
Ышанмаһаң, ашап ҡара,
Шәкәр-балдан татлы икән!
[Экспедиционные материалы 2003: 248]

Говорят, наш сват богат,
С медом у них йыуаса.
Не поверишь, так попробуй —
Сахара-меда слаще она!

Эти такмаки исполняются во время свадебного угощения гостинцами, привезенными свахами с обеих сторон. *Йыуаса* — собирательное название угощений, которые предназначены для совместного обрядового чаепития роднящихся сторон. Традиционны выносы *йыуаса* или *чак-чак* на подносе. По обычаю, отведав угощение, гости бросают монеты на поднос. Поэтический репертуар этого обряда составляют такмаки, основное содержание которых сводится к комментированию действ, констатированию обряда, оценке поведения, эмоций и характеров гостей:

Токтоң ауызын асайыҡ,
Йыуасаһын сәсәйек.
Ҡоҙағыйҙың күңеле булһын,
Бөтөргәнсе ашайыҡ..
[Хакимьянова, Султангареева 2018: 69]

Развяжи скорее узел
Угости всех йыуасой.
Пусть порадуется сваха,
До конца съедим мы все.

Мгновенность сочинения, картинность такмаков дают представления о башкирском *туй* как об одном из самых жизнесмысловых событий, в котором соединяются все противоречия и решаются вопросы бытия.

Свадебный танец — самый веселый и оживленный, полный разных эмоций, оценок, дающий возможность для выяснения взамоотношений, похвал, иронии обрядовый эпизод. Основная функция танцевальных такмаков — подбадривание, подзывание к танцу и веселью:

Беҙҙең ҡоҙа бейеп йөрөй,
Бейеүенең рәте юҡ.
Ҡоҙа булып килгән булғаң,
Бер бейергә хәле юҡ.

Сват пустился в круг плясать,
Да у него не ладится.
Тоже мне — явился в гости,
Того гляди свалится.

Лавкаларға бара һалып,
Ситса тауар алайым.
Ҡоҙаларҙың күңеле булһын,
Бер-ике баҫып алайым.
[ПМА 2016: 5]

В лавку сбегаю я мигом,
Ситец нужен мне как раз.
Гостям нашим на утеху
Пройдусь по кругу пару раз!

Танец невестки отражает своеобразный этикет знакомства молодой с родней жениха. Во время общего веселья под плясовую музыку невеста танцует на подносе, гости бросают к ее ногам деньги, которые собирают жених и его друзья, затем передают молодым. Характерны приметы, сопровождающие свадебные танцы: «если невеста кружится сильно и дробит — детей будет много», «если жених дробит сильно — быть благополучию», «если свекровь не станцует на сундуке — отношения между сторонами будут натянуты или не будет покоя» [БНТ 2010: 65–66].

Башкирское свадебное творчество ныне переживает сложный процесс трансформаций и изменений. Обрядовое слово утеряло магизм, древнюю символику, образцы разных жанров исполняются «ради обычая». Поэтические тексты преимущественно имеют назидательную, поучительную направленность, исполняются в напевно-речитативной форме. Свадебные причитания в их функциональности уже не являются обязательным атрибутом современной обрядности, но устойчивы в памяти населения, о чем свидетельствуют современные записи. От благопожеланий, в прошлом широко развернутых по содержанию, ныне сохранились лишь фрагменты, звучащие в форме поучений. Во время хождений «к воде» ныне стало позволительно присутствовать и мужчинам, также петь всем, танцевать, устраивать выкупы воды. Надо признать, что ранее этот обряд был глубоко сакрален и участвовали в нем только женщины. Процессия хождения за водой представляет яркое увеселительное зрелище с участием ряженых цыган, матросов, женщин, переодетых в мужчин, и наоборот. Если ранее во время встречи молодоженов их угощали медом и маслом, то в настоящее время под влиянием русской культуры и традиций устройства официальных церемоний в некоторых районах молодоженов начали встречать хлебом и солью. Многие обряды, утеряв первоначальные замыслы, приняли развлекательный, игровой характер — это прощальный пир, пляски *йыуаса*, прятания невесты, «женихова баня» и др. Излюбленным развлечением стали проводы сватов в баню с усаживанием их в корыто, состязания сватов «в краже» головных уборов и т. д. Меняются образы, персонажи, сюжеты, но стиль, эстетика отображения событий, направленность песен, такмаков остаются функциональными и традиционными.

Заключение

Словесно-поэтический репертуар башкирской свадьбы имеет прочную, отшлифованную веками основу. Башкирская свадьба богата песенным фольклором, который все еще сохраняется в памяти носителей традиций. Песни, такмаки, благопожелания, речитации сопровождают все важнейшие обрядовые действия, и каждый из них занимает определенное место в традиционной свадебной церемонии. Если в прошлом основными эмоциональными кодами, выраженными в жанрах традиционной свадебной обрядности, были плачевно-прощальные, напутствующие и подбадривающие, то эмоциональный пафос современной свадьбы — выраженно-веселый, направленный на зрелищность и развлечение гостей.

Источники

НА УФИЦ РАН — Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Экспедиционные материалы 2003 — Экспедиционные материалы — 2003: Зилаирский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Г. М. Ахметшина, Ф. Ф. Гайсина, Л. К. Сальманова, Т. И. Файзуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006. 252 с.

Полевой материал автора

ПМА 2010 — Полевые материалы, собранные автором в 2010 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

1. Записано в 2010 г. от Рахметовой Зулейхи Хусаиновны (1941 г. р.), жительницы дер Турат-Ильясово Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

Sources

Ufa Federal Research Centre of the RAS, Scientific Archives.

Khusainova G. R. et al. (comps.) Expedition Materials — 2003: Zilairsky District (Bashkortostan, Russia). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2006. 252 p. (In Bash.)

2. Записано в 2010 г. от Юнысовой Багизы Мухаметкиреевны (1925 г. р.), жительницы дер. Абиш Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

ПМА 2011 — Полевые материалы, собранные автором в 2011 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

3. Записано в 2011 г. от Нигаматуллиной Танзили Мужавировны (1968 г. р.), жительницы г. Белорецк РБ.

ПМА 2014 — Полевые материалы, собранные автором в 2014 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

4. Записано в 2014 г. от Хужахметовой Закии Галиевны (1939 г. р.), жительницы дер. Ахмерово Ишимбайского района РБ.

ПМА 2016 — Полевые материалы, собранные автором в 2016 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

5. Записано в 2016 г. от Хуснехужиной Марьям Зиевны (1930 г. р.), жительницы дер. Калу-Айры Ишимбайского района РБ.

ПМА 2018 — Полевые материалы, собранные автором в 2018 г. Фольклорный фонд ИИЯЛ УФИЦ РАН:

6. Записано в 2018 г. от Тархановой Минлебану Сафиевны (1927 г. р.), жительницы дер. Чебаркуль Салаватского района РБ.

7. Записано в 2018 г. от Ахтаровой Земфиры Баруазовны (1949 г. р.), жительницы дер. Лагерево Салаватского района Республики Башкортостан.

Author's Field Data

Informant: Bagiza M. Yunysova, b. 1925. Rec. in Abish (Khaybullinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2010. (In Bash.)

Informant: Maryam Z. Khusnekhuzhina, b. 1930. Rec. in Kalu-Ayry (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2016. (In Bash.)

Informant: Minlebanu S. Tarkhanova, b. 1927. Rec. in Chebarkul (Salavatsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2018. (In Bash.)

Informant: Tanzilya M. Nigamatullina, b. 1968. Rec. in Beloretsk (Republic of Bashkortostan, Russia) in 2011. (In Bash.)

Informant: Zakia G. Khuzhakhmetova, b. 1939. Rec. in Akhmerovo (Ishimbaysky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2014. (In Bash.)

Informant: Zemfira B. Akhtarova, b. 1949. Rec. in Lagerevo (Salavatsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2018. (In Bash.)

Informant: Zuleykha Kh. Rakhmetova, b. 1941. Rec. in Turat-Ilyasovo (Khaybullinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2010. (In Bash.)

Литература

Абубакирова 1982 — *Абубакирова Н. Н.* Народные песни Западного Туркменистана: дис. ... канд. искусствовед. Л., 1982. 24 с.

Аргынбаев 1974 — *Аргынбаев Х. А.* Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // Советская этнография. 1974. № 6. С. 68–77.

Баимов 2001 — *Баимов Б. С.* Башкирские народные такмаки. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2001. 224 с.

БНТ 1995 — Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. М. Сулейманов, Р. А. Султангареева; отв. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа: Китап, 1995. 560 с. (на башк. яз.)

БНТ 2010 — Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. М. Сулейманов, Р. А. Султангареева; отв. ред. Н. Т. Зарипов, Р. М. Юсупов. Уфа: Китап, 2010. 592 с.

Бернштам 1982 — *Бернштам Т. А.* Образ «расставания с красотой» (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л.: Наука, 1982. С. 43–66.

Духовные сокровища 1992 — Духовные сокровища. Фольклор аслыкульских, демских, уршакских башкир / сост. Ф. А. Надршина. Уфа: РЦНТ, 1992. 76 с. (на башк. яз.)

Еремина 1987 — *Еремина В. И.* К вопросу об исторической общности представлений свадебной и погребальной обрядности (невеста в черном) // Этнографические истоки фольклорных явлений: Русский фольклор. Т. XXIV. Л.: Наука, 1987. С. 21–32.

Из памяти народной 2012 — Из памяти народной — народу (первые труды башкирских фольклористов) / сост., авт. вступ ст. и глоссария Р. А. Султангареева. Уфа: УГАИ, 2012. 134 с. (на башк. яз.).

Исхакова-Вамба 1997 — *Исхакова-Вамба Р. А.* Татарское народное музыкальное творчество. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. 264 с., с нотами.

Каскабасов 1985 — *Каскабасов С. А.* Театральные элементы в казахских обрядах и играх // Фольклорные жанры народов СССР. М.: Наука, 1985. С. 115–137.

Мэргэн 1976 — *Мэргэн К. А.* Семейно-бытовые обряды // Литература. Фольклор. Литературное наследие. Уфа: изд-во БГУ, 1976. С. 31–76.

Сальманова 2007 — *Сальманова Л. К.* Причитания и обряды перехода в традиционной свадьбе башкир // Ватандаш, 2007. № 1. С. 128–129.

Сулейманов 1995 — *Сулейманов Р. С.* Жемчужины народного творчества Урала. Уфа: Китап, 1995. 248 с.

Султангареева 2006 — *Султангареева Р. А.* Жизнь человека в обряде. Уфа: Гилем, 2006. С. 120–142.

Хакимьянова 2014 — *Хакимьянова А. М.* Застольные песни башкир // А. Харисов и актуальные проблемы филологии: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 123–126.

Хакимьянова 2019 — *Хакимьянова А. М.* Башкирские народные такмаки // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 492–501.

Хакимьянова, Султангареева 2018 — *Хакимьянова А. М., Султангареева Р. А.* Башкирские свадебные песни: текст и практика. Уфа: Мир печати, 2018. 176 с.

References

Abubakirova N. N. Folk Songs of Western Turkmenistan. Cand. Sc. (art studies) thesis abstract. Leningrad, 1982. 24 p. (In Russ.)

Argynbaev Kh. A. Kazakh wedding and its rites: past and present. *Sovetskaya etnografiya*. 1974. No. 6. Pp. 68–77. (In Russ.)

Baimov B. S. Bashkir Folk Takmaks. Ufa: Aerokosmos i Noosfera, 2001. 224 p. (In Russ.)

Bernshtam T. A. The image of ‘bidding farewell to beauty’: semantics of some material cultural elements in East Slavic wedding rites revisited. In: Cultural Monuments of Europe and European Soviet Republics. Leningrad: Nauka, 1982. Pp. 43-66. (In Russ.)

Eremina V. I. The bride-in-black: historical commonality of wedding and funeral rites revisited. In: Ethnographic Roots of Folklore Phenomena. Ser.: Russian Folklore. Leningrad: Nauka, 1987. Vol. XXIV. Pp. 21-32. (In Russ.)

Iskhakova-Wamba R. A. Tatar Folk Music. Kazan: Tatar Book Publ., 1997. 264 p. (In Russ.)

Kaskabasov S. A. Kazakh rites and games: theatrical elements. In: Folklore Genres of Soviet Peoples. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 115–137. (In Russ.)

Khakimyanova A. M. Bashkir folk takmaks. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 492–501. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-492–501

Khakimyanova A. M. Table songs of the Bashkirs. In: A. Kharisov and Topical Issues of Philology. Conference Proceedings. Ufa, 2014. Pp. 123–126. (In Russ.)

Khakimyanova A. M., Sultangareeva R. A. Bashkir Wedding Songs: Text and Practice. Ufa: Mir Pechati, 2018. 176 p. (In Russ.)

Mergen K. A. Family and household rites. In: Mergen K. A. Literature. Folklore. Literary Heritage. Ufa, 1976. Pp. 31–76. (In Russ.)

Nadrshina F. A. (comp.) The Spiritual Treasures: Folklore of Asylykul, Dyoma, Urshak Bashkirs. Ufa: Republican Center of Folk Culture, 1992. 76 p. (In Bash.)

Salmanova L. K. Bashkir wedding: lamentations and rites of passage. *Vatandash*. 2007. No. 1. Pp. 128–129. (In Russ.)

Suleymanov A. M., Sultangareeva R. A. (comps.), Khusainov G. B. (ed.) Bashkir People’s Creative Activity. Vol. 1: Rites Folklore. Ufa: Kitap, 1995. 560 p. (In Bash.)

Suleymanov A. M., Sultangareeva R. A. (comps.), Zaripov N. T., Yusupov R. M. (eds.) Bashkir People’s Creative Activity. Vol. 12: Ritual Folklore. Ufa: Kitap, 2010. 592 p. (In Russ.)

Suleymanov R. S. Folklore of the Urals: The Pearls. Ufa: Kitap, 1995. 248 p. (In Russ.)

Sultangareeva R. A. (comp.) From Memories of the Nation — to the Nation: Earliest Works by Bashkir Folklorists. Ufa: Ufa State Academy of Arts, 2012. 134 p. (In Bash.)

Sultangareeva R. A. Human Life and Ritual: A Folklore and Ethnographic Study of Bashkir Family Rites. Ufa: Gilem, 2006. 344 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2020. № 5

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 28.12.2020.
Формат бумаги 60x84⅛. Усл. печ. л. 36,27.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 19-20.

Калмыцкий научный центр Российской академии наук
(д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация),

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
(д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

Редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)